This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ.

АРАБСКІЯ СКАЗКИ.

НОВЫЙ ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ

Ю. В. Доппельмайеръ,

Со статьею «Сказки Тысячи одной ночи въ переводѣ Галлана» академика профессора **Александра Веселовскаго.**

Съ 95-ю рисунками въ текстѣ.

Изданіе Товарищества **И. Н. Кушнеревъ и К°.**

Томъ II.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1890.

Дозволено цензурою. Москва, 14 октября 1889 г.

Оглавленіе 2-го тома:

Стр.

„Сказки Тысяча одной ночи въ переводѣ Галлана“ статья академика профессора Александра Веселовскаго. I

Сказка о персидскомъ царевичѣ и объ одалискѣ Шемзельнигарѣ. 1

Сказка о Камаралзаманѣ — царевичѣ Острова Сыновъ Каледана и о Китайской царевнѣ Бадурѣ. 56

Сказка о Нурэддинѣ и о невольницѣ—персіянкѣ. 146

Сказка о персидскомъ царевичѣ Бедэрѣ и о морской царевнѣ Джіогарѣ. 192

Сказка о купеческомъ сынѣ Ганэмѣ—„Рабѣ Любви“. 242

Сказка о царѣ Зэинѣ—Аласнамѣ и о могучемъ властителѣ геніевъ.

Сказка о царевичѣ Кодададѣ и о его братьяхъ. 298

Разсказъ Дэріабарской царевны 307

Сказки Тысячи одной ночи въ переводѣ Галлана.

Когда въ 1704 году вышелъ французскій переводъ Сказокъ *Тысячи одной ночи* Галлана (Les Mille et une Nuits. Contes Arabes traduits par A. Galland), это было, въ извѣстномъ смыслѣ, цѣлое откровеніе. Многіе изъ ихъ сюжетовъ были знакомы въ Европѣ и ранѣе; струя восточныхъ сказаній глубоко проникла въ средневѣковую фантазію, дала содержаніе тому или другому эпизоду романа, отозвалась въ народной поэзіи; въ XVIII вѣкѣ все это или было забыто, или ожидало новаго признанія. Perrault (Contes de ma mère l'oye 1697 г.) только что ввелъ въ оборотъ народную сказку, увлекъ свѣжестью ея содержанія, своимъ наивнымъ, нѣсколько дѣланнымъ стилемъ; но его новшество вызвало эфемерный литературный родъ, быстро истощившійся въ вычурности, и не принесло обновленія: эти сказки отзывались и дѣтской и салономъ; къ ихъ фантастическимъ образамъ привыкли съизмала, а въ романѣ этотъ элементъ изсякъ со времени Амадисовъ, и благодѣтельныя феи и злые волшебники утратили свой поэтическій чеканъ. Надо было обновить его, и сказки Галлана сдѣлали свое дѣло, открывъ неизвѣданные источники фантазіи. „Я перевелъ съ арабскаго нѣсколько сказокъ, пишетъ онъ Huet'у отъ 25-го февраля 1701 года: онѣ не уступятъ тѣмъ волшебнымъ сказкамъ (contes des Fées), которыя въ послѣдніе годы появлялись въ такомъ изобиліи, что, кажется, всѣмъ наконецъ пріѣлись.“ И вотъ передъ читателемъ открылся особый міръ, знакомый и незнакомый вмѣстѣ, фантастическій и реальный; тѣ же образы, что и въ народной сказкѣ, но окутанные тепломъ и ароматами востока; вмѣсто тридесятаго государства и банальныхъ декорацій romans d'aventures — настоящій востокъ, съ обыденными подробностями его жизни, мелочами его intérieur и тайнами гарема. Тѣ же феи и волшебники, и джинны и окаменѣлые города, но все въ грандіозныхъ размѣрахъ, переростающихъ воображеніе и вмѣстѣ мирящихся съ реальностью; міры демоновъ и людей такъ глубоко слились, что между ними нельзя провести границъ: каждый шагъ въ области дѣйствительности можетъ увлечь васъ къ магнитной горѣ, у которой погибнетъ вашъ корабль, или во власть демона

великана, когда-то заключеннаго въ мѣдный сосудъ пророкомъ Соломономъ. И эта чрезполосица фантастическаго и реальнаго не только не изумляетъ васъ, а кажется естественной: такъ просто вращаются въ ней дѣйствующія лица, такъ внимательно и серьезно слушаетъ ихъ невѣроятныя росказни Гарунъ-Аль-Рашидъ, закутанную фигуру котораго съ восточными вдумчивыми глазами мы привыкли встрѣчать на улицахъ Багдада, въ сумеркахъ, когда міръ демоновъ любовно или враждебно спускается на землю и ткутся на яву пестрыя сказки, которыя Шехеразада разскажетъ потомъ Шахріару. Но не Шахріаръ ихъ настоящій слушатель, а Гарунъ, средній слушатель, стоящій за многихъ, точно хоръ той человѣческой и демонической трагикомедіи, которую мы зовемъ Сказками *Тысячи одной ночи.*

И почему бы не быть тѣсному общенію между людьми и духами, когда и тѣ и другіе одинаково подвластны силѣ рока и любви: двумъ соподчиненнымъ другъ другу силамъ, вносящимъ идеальное единство въ вереницу разнообразныхъ приключеній? Напомнимъ разсказъ, служащій введеніемъ къ Сказкамъ: два царя-брата, Шахріаръ и Шахсенанъ (или Шехербанъ и Шахсеманъ), убѣдились въ невѣрности своихъ женъ; Шахріаръ пораженъ: „куда дѣвались стыдъ и совѣсть“, говоритъ онъ и предлагаетъ брату бросить этотъ постыдный свѣтъ, полный лжи и грязи, и уйти куда-нибудь въ далекую, чужую сторону, чтобы тамъ похоронить свое горе и скрыть позоръ. Братъ согласенъ, но лишь подъ условіемъ, чтобы онъ немедленно вернулся домой, если встрѣтитъ человѣка еще несчастнѣе ихъ обоихъ. Они идутъ; первая ихъ встрѣча—съ чудовищнымъ, чернымъ демономъ-великаномъ; онъ вышелъ изъ моря, на головѣ у него стеклянный ларецъ; сѣвъ подъ дерево, на которое изъ страха укрылись братья, онъ вынимаетъ изъ ларца красавицу-жену. Обласкавъ ее нѣжными словами, онъ кладетъ ей на колѣни голову и засыпаетъ; красавица, завидѣвъ на деревѣ двухъ прохожихъ, манитъ ихъ къ себѣ: пусть сойдутъ и исполнятъ ея желаніе, иначе она разбудитъ мужа. Братья поневолѣ становятся участниками ея невѣрности и убѣждаются, что могучій геній во сто разъ несчастнѣе ихъ обоихъ, что вѣрность женщины не пріобрѣтается даже чарами, и никакая сила въ мірѣ не преодолѣетъ ея хитрости. Шахріаръ возвращается домой, казнитъ измѣнницу жену, собственной рукой отрубилъ головы всѣмъ жительницамъ гарема; съ тѣхъ поръ онъ положилъ, чтобы ни одна изъ его женъ не переживала брачной ночи.

Извѣстно, какъ Шехеразада своими разсказами увлекла султана къ отмѣнѣ этого безчеловѣчнаго закона. Что это за разсказы? Фантастическія приключенія и повѣсти о „злой женѣ“, сказки на тему, что отъ судьбы не уйти, и легенды о превращеніяхъ, романтическія увлеченія съ разлукой и признаніемъ въ концѣ—и бойкія фацеціи; рядомъ съ мрачнымъ обра-

зомъ демона-великана—рельефно очерченный типъ болтуна цирюльника. Но преобладащей темой является—любовь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Шахріаръ можетъ снова успокоиться; онъ одинъ изъ многихъ. Шопенгауеръ какъ-то попытался опредѣлить идеальное значеніе Декамерона: онъ представился ему гигантской шуткой генія человѣческаго рода, забавляющагося разрушеніемъ всѣхъ общественныхъ преградъ и приличій, которыя противятся соединенію двухъ любовниковъ и все-таки не могутъ остановить генія въ его постоянныхъ усиліяхъ къ созданію новыхъ поколѣній. То же, и съ большимъ правомъ, можно бы сказать о Сказкахъ *Тысячи одной ночи*. Любовь въ нихъ дѣйствительно фаталистическая, въ которой почти безъ остатка исчезаетъ личный подвигъ, поскольку онъ сознательный. Влюбляются другъ въ друга, потому что иначе нельзя: онъ видѣлъ ее на одно мгновеніе, и этого довольно, онъ будетъ искать ее во что бы то ни стало, среди препятствій и тревогъ, пока случай или участіе генія, волшебника, или доля не сведутъ ихъ и не разведутъ снова. Героизма нѣтъ, а есть роковая выносливость въ виду цѣли, поставленной природой; ея не обойти. Оттого увлеченія не готовятся, а нисходятъ внезапно: она красавица, онъ красивъ; красота Бедрэддина производитъ на всѣхъ чарующее дѣйствіе: у прохожихъ, встрѣчающихся съ нимъ по дорогѣ, невольно вырываются возгласы восторга, многіе останавливаются и посылаютъ ему вслѣдъ свои благословенія. А красавица такъ говоритъ о чарахъ своего милаго: „Клянусь благоуханіемъ его рѣсницъ и его стройной таліей, стрѣлами, которыя мечетъ его волшебный взглядъ, его нѣжными чреслами и ясными, проницательными глазами, его бѣлымъ челомъ и черными кудрями, его выгнутыми, повелительными бровями, что сгоняютъ тѣни съ моихъ очей, тогда какъ ихъ „да“ или „нѣтъ“ держатъ меня постоянно между радостью и отчаяніемъ“.—Декораціей такой физіологически понятой красотѣ служитъ роскошный пейзажъ востока, то жгучій, то цвѣтущій, полный чарующихъ звуковъ, отголоски которыхъ передались и въ текстъ *Тысячи одной ночи* въ видѣ лирическихъ intermezzo, перемежающихъ разсказъ. Клятва красою милаго принадлежитъ къ такимъ лирическимъ партіямъ.

Таково впечатлѣніе Сказокъ Тысячи одной ночи и, прибавимъ отъ себя, особливо въ переводѣ Галлана. Галланъ былъ слишкомъ хорошимъ разскащикомъ, чтобы удовлетворить требованіямъ филологически точнаго перевода. Онъ иногда пересказывалъ, а не переводилъ. На эту сторону дѣла уже давно обратилъ вниманіе Caussin de Perceval *); позднѣйшіе, болѣе точные переводы, особливо Payne'a и Burton'a **),

*) Les Mille et une Nuits. Contes Arabes, traduits par A. Galland et continués par Caussin de Perceval. 9 vol. Paris 1806.

**) Изъ нѣмецкихъ переводовъ назовемъ: Tausend und eine Nacht, arabische Erzählun-

могли лишь укрѣпить это убѣжденіе, пока недавнія работы надъ источниками Галлана не сняли съ него большую часть тяготѣвшихъ на немъ подозрѣній. Измѣненія Галлана были стилистическія и содержательныя. Первыя объясняются не только особенностями текстовъ, бывшихъ въ его распоряженіи, но и литературными преданіями французскаго XVIII вѣка, опредѣлившими извѣстныя нормы стиля, и отсутствіемъ того критерія, который побуждаетъ насъ въ настоящее время записать народную сказку во всей неприкосновенности ея діалекта, оборотовъ и недомолвокъ, тогда какъ Гриммы, и Караджичъ, и Лёнротъ еще позволяли себѣ объединять въ одинъ текстъ нѣсколько слышанныхъ ими экземпляровъ той же сказки или пѣсни. Если и на востокѣ серьезные шейхи и ученые люди относились съ пренебреженіемъ къ такому литературному продукту, какъ Сказки *Тысячи одной ночи*, то во Франціи начала XVIII вѣка тѣмъ естественнѣе представляется попытка поднять ихъ занимательность качествами изложенія, что „сказка" не была признаннымъ литературнымъ родомъ, а свѣжимъ матеріаломъ для стилиста. Слогъ Галлана, ровный и прозрачный, плавный и текучій, какъ сказка и самая жизнь востока, какъ разъ пришелся къ дѣлу: онъ передаетъ впечатлѣніе, тонъ той и другой. Это и сдѣлало его переводъ, и еще сдѣлаетъ надолго, классическимъ образцомъ сказочнаго стиля.

Измѣненія по содержанію, въ которыхъ обвиняли Галлана, касаются двухъ сторонъ дѣла. Арабскій подлинникъ Сказокъ *Тысячи одной ночи* представляетъ много бытовыхъ подробностей, характеризующихъ такіе нравы и привычки восточнаго человѣка, которые могутъ интересовать спеціалиста-этнографа, но мало пригодны для изслѣдователя сказочныхъ мотивовъ и непріятно поразили бы обычнаго, средняго читателя. *Payne* и особливо *Burton* не погнушались сохранить въ своихъ переводахъ такія черты быта, а *Burton* обставилъ ихъ нарочито-ученымъ комментаріемъ; но *Payne* по крайней мѣрѣ счелся съ чистоплотностью средняго читателя, ограничивъ свое изданіе 500-ми экземплярами, назначенными для частной циркуляціи. Нѣтъ сомнѣнія, указанные переводы ближе къ дошедшему до насъ тексту Сказокъ, но ближе ли къ его подлиннику—это вопросъ, на который, въ извѣстной мѣрѣ, можно отвѣтить отрицательно. Дѣло въ томъ, что нашъ сборникъ составился въ средней культурной средѣ, средѣ магометанской буржуазіи, и что ей принадлежатъ иныя бытовыя черты сказокъ, обыденныя въ восточ-

---

gen, übers. von Habicht, von der Hagen und Schall. Breslau 1827; Tausend und eine Nacht, übers. von Weil, Stuttgart 1838—41; изъ англійскихъ: The Thousand and one Nights. The Arabian Nights'—Entertainments, translated by Edward William Lane, London 1839—1840, 3 vol. (новое изданіе Edward Stanley Poole'я, 1859, перепечатано въ 1883 г.); Tales from the Arabic of the Breslau and Calcutta editions of the Book of The Thousand Nights and one Night, now first done into english by John Payne. 3 vol. 1884; Sir Richard T. Burton, The Book of the Thousand Nights and a Night, Benares 1885.

ной жизни, зазорныя для насъ; но слѣдуетъ помнить и то, что съ тѣхъ поръ кругъ слушателей этихъ Сказокъ измѣнился: ими стали забавлять толпу въ простонародныхъ кофейняхъ, и сказочники знали, чѣмъ подѣйствовать на вкусы своей публики. Оттуда, по мнѣнію Лэна, площадной шаржъ и нескромность выраженій, и цинизмъ выходокъ, нерѣдко идущіе въ разрѣзъ съ характеромъ и общественнымъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, которымъ они вложены въ уста или приписаны. Вульгаризмы Сказокъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, поздній налетъ, прикрывающій болѣе скромныя, иногда поэтичныя черты фабулы; вѣдь и такую благоуханную легенду, какъ миѳъ объ Амурѣ и Психеѣ, не трудно разсказать въ стилѣ тѣхъ „завѣтныхъ" Сказокъ, которыя прячутся по томамъ Κρυπτάδια. Снять безъ остатка и въ мѣру эти нарощенія сказки не легко и едва ли когда удастся; Галланъ дѣйствовалъ здѣсь безсознательно, руководясь критеріями вкуса и стиля, и его сказки вышли поэтичны, можетъ быть, съ нѣкоторымъ шаржемъ освѣщенія, отличающимъ театральный пейзажъ отъ дѣйствительнаго.

Галланъ перевелъ около четвертой части Сказокъ *Тысячи одной ночи*, но за то лучшую; Lane, включившій въ свой переводъ и часть мелкихъ анекдотовъ и апологовъ, перемежающихъ Сказки, но не стоящихъ съ ними ни въ какой связи и вѣроятно вносившихся въ разное время и изъ разныхъ источниковъ, ограничился передачей двухъ третей сборника; *Payne* и *Burton* задались цѣлью перевести все. Выключая изъ своего перевода тѣ или другія Сказки, Лэнъ указывалъ на поводы къ тому: Сказки либо повторяли мотивы, извѣстные изъ другихъ номеровъ сборника, либо казались слишкомъ длинными и скучными. Можно не соглашаться съ этимъ личнымъ критеріемъ, которымъ могъ руководствоваться и Галланъ — въ вопросѣ объ исключеніи. Но чѣмъ и какъ объяснить, что въ его книгѣ очутилось значительное количество разсказовъ, не встрѣчавшихся до послѣдняго времени ни въ одномъ текстѣ Сказокъ *Тысячи одной ночи*? Самъ Галланъ жалуется, что *нѣсколько* постороннихъ повѣстей были внесены въ его переводъ, безъ его вѣдома, книгопродавцемъ-издателемъ, включившимъ въ 8-й томъ турецкія сказки, переведенныя Petis de la Croix: о Зейнъ-эль-Аснамъ, о Худададѣ, и принцессѣ Деріабанской. Но и нѣсколько другихъ повѣстей, которыя мы привыкли считать типическими представителя нашего Сборника, возбуждали такое-же подозрѣніе—включенія: таковы напр. Аладдинъ и Али-Баба. По случайному стеченію обстоятельствъ, послѣдній томъ рукописнаго арабскаго текста, съ котораго переводилъ Галланъ, утраченъ, но, судя по разсчету листовъ въ сохранившихся томахъ, потерянный томъ не могъ заключать и половины разсказовъ, которые въ переводѣ Галлана являются лишними противъ подлинника. Еслибы литературная честность Галлана и не была выше всякихъ сомнѣній, другое соображеніе

исключало бы для насъ всякое подозрѣніе въ подлогѣ: невозможность такъ поддѣлаться подъ стиль и содержаніе восточной сказки, чтобы поддѣлка ничѣмъ не отличалась отъ оригинала. Самымъ вѣроятнымъ объясненіемъ этого дѣла представляется слѣдующее: Галланъ, состоявшій нѣкоторое время при французскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, былъ три раза на Востокѣ, въ послѣдній разъ (1679 г.) на счетъ компаніи Восточной Индіи (Compagnie des Indes Orientales), которая, желая прислужиться Кольберу, послала Галлана, какъ знатока, съ порученіемъ пріобрѣсть рѣдкости для кабинета и рукописнаго собранія министра; впослѣдствіи самъ Кольберъ, а затѣмъ и Лувуа пользовались имъ для тѣхъ же цѣлей изысканія. Въ теченіе своего долгаго пребыванія на Востокѣ Галланъ могъ слышать гдѣ нибудь подходящія сказки, которыя и внесъ въ свой переводъ арабскаго сборника; или его источникомъ былъ какой нибудь восточный писецъ, котораго онъ держалъ для работъ и память котораго была богата росказнями въ стилѣ Шехеразады. Чѣмъ проще и наивнѣе представимъ мы себѣ отношеніе Галлана къ Сказкамъ Тысячи одной ночи, не какъ классическому тексту, который слѣдуетъ сохранить въ переводѣ безъ изъяна, а какъ текучему матеріалу, подлежащему стилистическому развитію, тѣмъ ближе мы подойдемъ къ отрицанію сознательной поддѣлки.

Изслѣдованія Цотенберга и новѣйшія открытія въ области восточнаго folklore'а подтверждаютъ указанныя точки зрѣнія. У Арабовъ на Синаѣ проф. Пальмеръ слышалъ сказку, близко напоминающую содержаніе Али-Баба; не на востовѣ, а въ Парижѣ, Галланъ записалъ ее отъ маронита изъ Алеппо, по имени Hannâ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, сохранившимися въ его дневникѣ и обработанными имъ впослѣдствіи для 11-го и 12-го томовъ его изданія. Тотъ-же Hannâ сообщилъ ему и *рукописный* текстъ нѣкоторыхъ Сказокъ Тысячи одной ночи, отсутствовавшихъ въ экземплярѣ Галлана, между прочимъ, сказку объ Аладдинѣ, которую удалось найти и въ одной рукописи Сказокъ, принадлежащей Парижской Національной библіотекѣ, въ редакціи близкой къ Галлановской. Другой ея пересказъ, съ чертами народнаго характера, встрѣтился недавно въ одномъ спискѣ Сказокъ, хранящемся въ Бодлеевской библіотекѣ. Вотъ содержаніе этого варіанта.

Рыбакъ съ сыномъ поймали большую рыбу; отецъ хочетъ поднести ее въ подарокъ султану, въ разсчетѣ на хорошую награду, и идетъ домой за корзиной, а сынъ сжалился, спустилъ рыбу въ воду, но боясь отцовскаго гнѣва, бѣжитъ и поступаетъ въ одномъ городѣ въ услуженіе. Однажды, ходя по базару, онъ видитъ, что какой-то еврей купилъ у одного парня за большую цѣну пѣтуха, котораго отдаетъ рабу съ приказомъ отнести его женѣ, пусть побережетъ его до его прихода. Большая цѣна, данная евреемъ за пѣтуха, заставляетъ юношу предпо-

ложить, что пѣтухъ обладаетъ какими-нибудь чудесными свойствами. Рѣшившись завладѣть имъ, онъ купилъ двухъ большихъ куръ и отнесъ женѣ еврея, говоря, что мужъ прислалъ ихъ въ обмѣнъ за пѣтуха. Та отдала его ему; онъ его закололъ, выпотрошилъ и нашелъ во внутренностяхъ волшебное кольцо; какъ только потеръ его, услышалъ голосъ, спрашивавшій: Что прикажетъ хозяинъ? Всѣ велѣнія будутъ исполнены геніями, приставленными къ кольцу. Юноша обрадовался находкѣ и размышляетъ, какъ ею воспользоваться. Проходя мимо султанскаго дворца, на воротахъ котораго было вывѣшено нѣсколько человѣческихъ головъ, онъ узнаетъ, что то головы несчастныхъ принцевъ, сватавшихся за дочь султана, но не исполнившихъ положенныхъ на то условій. Онъ надѣется на чудесную помощь перстня и самъ рѣшается присвататься къ царевнѣ. Потеръ перстень: Что прикажетъ повелитель? говоритъ голосъ. По его желанію тотчасъ же явилась богатая одежда; онъ облекся въ нее и идетъ къ султану просить руки его дочери. Тотъ согласенъ, но предлагаетъ условія: женихъ обязанъ удалить большую песчаную гору, находившуюся по сторону дворца; коли это ему не удастся, не быть ему живу. Юноша принялъ условіе, но попросилъ сроку сорокъ дней; потеръ перстень, приказалъ подвластнымъ духамъ снести гору, а на ея мѣстѣ поставить роскошный дворецъ со всѣмъ необходимымъ для царскаго житья. Дѣло было сдѣлано въ двѣ недѣли; сынъ рыбака женился на царевнѣ и объявленъ наслѣдникомъ султана.

Между тѣмъ еврей, котораго онъ обманулъ, принялся странствовать въ поискахъ за утраченнымъ сокровищемъ и прибылъ въ городъ, гдѣ услышалъ вѣсть о чудесно снесенной горѣ и дворцѣ. Ему представилось, что все это совершилось чарами перстня, и онъ придумалъ такую уловку, чтобы снова получить его въ свои руки: одѣлся купцомъ и, подойдя ко дворцу, сталъ предлагать на продажу драгоцѣнности. Услышала о томъ царевна, послала слугу разспросить о цѣнѣ, и узнала, что еврей отдаетъ свой товаръ лишь въ обмѣнъ на старые перстни. Вспомнила царевна, что у ея мужа есть такой перстень въ его письменномъ столѣ и послала его еврею, который, признавъ въ немъ искомое, тотчасъ же отдалъ за него всѣ драгоцѣнности, какія съ нимъ были. Удалившись со своей добычей, онъ потеръ перстень, и по его велѣнію геніи перенесли на отдаленный необитаемый островъ и дворецъ, и всѣхъ его жителей, за исключеніемъ рыбацкаго сына.

Проснувшись на другой день, юноша увидѣлъ себя лежащимъ на песчаномъ холмѣ, занявшемъ прежнее мѣсто. Боясь, чтобы султанъ не заставилъ его поплатиться жизнью за утрату его дочери, онъ тотчасъ же пустился въ путь въ другое царство, гдѣ велъ бѣдственную жизнь, кормясь продажей нѣкоторыхъ драгоцѣнностей, случайно оказавшихся на немъ въ пору его бѣгства. Разъ, когда онъ плуталъ по городу, ка-

кой-то человѣкъ предложилъ ему купить у него собаку, кошку и крысу, которыхъ онъ и пріобрѣлъ; ихъ веселость и проказы развлекали его печальныя мысли; но то были не звѣри, а волшебники; въ награду за добродушіе хозяина, они рѣшили сообща помочь ему достать похищенный перстень, о чемъ и предупредили его. Онъ горячо поблагодарилъ ихъ, и всѣ вмѣстѣ пустились на поиски. Послѣ долгихъ странствованій они достигли морскаго берега и увидѣли островъ, на которомъ стоялъ дворецъ. Собака переплыла туда, помѣстивъ на своей спинѣ кошку и крысу; всѣ направились ко дворцу, куда проникла крыса. Видитъ: еврей спитъ на диванѣ, а перстень лежитъ передъ нимъ; крыса схватила его и, вернувшись къ товарищамъ, поплыла съ ними обратно. На полупути собака изъявила желаніе понести перстень въ своей пасти; крыса не соглашалась изъ боязни, что собака обронитъ перстень, но та пригрозила сбросить всѣхъ въ воду, если ея желаніе не будетъ исполнено. Дѣлать было нечего: крыса отдала перстень, но, принимая его, собака упустила его въ воду. Когда они пристали къ берегу и сынъ рыбака узналъ о томъ, что приключилось, онъ готовъ былъ утопиться съ отчаянія; но тутъ большая рыба внезапно подплыла къ берегу съ перстнемъ въ зубахъ. Бросивъ его къ ногамъ юноши, она сказала:—„Я та самая рыба, которой ты сохранилъ жизнь, я отплатила тебѣ за твое милосердіе“. Обрадованный находкой, сынъ рыбака вернулся въ городъ своего тестя и ночью приказалъ геніямъ перенести дворецъ на старое мѣсто. Это было исполнено въ одно мгновеніе. Войдя во дворецъ, юноша велѣлъ схватить еврея и сжечь его живымъ на кострѣ, зажилъ счастливо съ женой, а по смерти султана наслѣдовалъ его царство.

Мотивы этой повѣсти извѣстны еще въ двухъ восточныхъ пересказахъ. Въ монгольскомъ Сидди-кюръ молодой купецъ даетъ на пути три тюка товаровъ за мышь, обезьяну и молодаго медвѣдя, которыхъ истязали мальчики. Въ награду за это благодарные звѣри достаютъ ему со дна рѣки камень, исполняющій всѣ желанія. По его мановенію на мѣстѣ, гдѣ онъ разбилъ свой шатеръ, явился цвѣтущій городъ и дворецъ, снабженный всѣмъ необходимымъ. Проѣзжему купцу, пораженному этой диковинкой въ пустынѣ, юноша простодушно объясняетъ, что всѣмъ этимъ онъ обязанъ своему талисману, который также простодушно продаетъ купцу. Слѣдуетъ, какъ и въ предъидущей сказкѣ, исчезновеніе города и дворца и поиски звѣрей за неосторожно проданнымъ сокровищемъ.

Во второмъ разсказѣ тамильскаго романа Мадана Камараджа Кадай дѣйствующимъ лицомъ является царевичъ, изгнанный дядей изъ отцовскаго наслѣдья. За большія деньги, которыя дала ему мать, онъ покупаетъ котенка и змѣю, оказавшуюся сыномъ Адисеши, царя змѣй; отъ него юноша и получаетъ волшебный перстень, силою котораго въ

пустынной чащѣ возникаетъ цвѣтущее царство, а дочь царя Сварнеши перенесена во дворецъ, чтобы быть женою царевича. — Здѣсь примѣшался поэтическій мотивъ, извѣстной древне-египетской сказки о двухъ братьяхъ, вошедшій и въ легенду о Тристанѣ: жена царевича, красавица, купаясь, обронила одинъ изъ своихъ чудныхъ, длинныхъ волосъ, который свился въ клубокъ и выброшенъ волной на берегъ. Находитъ его царь Киччи и влюбляется въ незнакомку, обладательницу чудеснаго волоса; старая старуха обѣщаетъ помочь ему хитростью: пробралась къ царевнѣ, разжалобила ее и, поселившись во дворцѣ, получила дозволеніе надѣть на палецъ чудесный перстень, какъ средство противъ одолѣвшей ее головной боли. Взяла перстень и была такова; талисманъ очутился въ рукахъ царя Коччи, и тотъ выражаетъ желаніе, чтобы красавица перенесена была къ нему, чтобы царевичъ сталъ помѣшаннымъ, а его царство выгорѣло до тла. Такъ все и сдѣлалось.—Слѣдующій эпизодъ переноситъ насъ на время къ извѣстной легендѣ о „гордомъ богачѣ“ и ея восточнымъ источникамъ: красавица откладываетъ свой бракъ съ похитителемъ и проситъ у него позволенія въ теченіе недѣли кормить и одѣвать нищихъ. Въ числѣ другихъ она видитъ и своего помѣшаннаго мужа, при немъ его кошка, и онъ вступаетъ въ споръ съ служителемъ, требуя, чтобы и передъ кошкой былъ поставленъ приборъ, т. е. древесный листъ. Когда всѣ наѣлись и заснули, явились крысы, чтобы попировать объѣдками, въ числѣ ихъ одна большая, которую другія окружали почетомъ: царь крысъ. Кошка царевича схватила его и отпускаетъ на свободу лишь подъ условіемъ— достать перстень. Крыса раздобыла его: какъ только царевичъ его надѣлъ, сталъ разумнымъ, какъ и прежде, а царя Коччи постигли бѣды, которыя онъ нанесъ другимъ *).

Сказки того же содержанія встрѣчаются въ Италіи и Германіи, у Чеховъ и Албанцевъ, въ Греціи и Даніи; въ основѣ лежитъ мотивъ о „помощныхъ звѣряхъ“, спасенныхъ героемъ и отплачивающихъ ему такой же услугой. Подобная восточная сказка легла въ основу повѣсти объ Аладдинѣ, которая такимъ образомъ спасена не только для востока, но и для Сборника Сказокъ Тысячи одной ночи. За всѣмъ тѣмъ остаются не пріуроченными къ его древнему составу лишь тѣ разсказы, которые Галланъ передалъ и обработалъ со словъ своего маронита.

Введя ихъ въ составъ сборника, Галланъ въ сущности продолжалъ ту работу собиранія и накопленія, въ которой участвовало не одно поколѣніе сказочниковъ, принявшихъ наслѣдіе Шехерезады.

Это ведетъ насъ къ вопросу о томъ, какъ сложился сборникъ,

---

*) См. Clouston: Popular tales and fictions, I, стр. 330 слѣд. и всю главу, стр. 314 слѣд.

извѣстный подъ названіемъ Сказокъ Тысячи одной ночи *). Сообщая въ своихъ Золотыхъ Лугахъ (944 г. по Р. Хр.) преданіе о баснословномъ Иремѣ, извѣстное уже во времена калифа Муавіи (VII вѣка) и внесенное въ Сказки Тысячи одной ночи, Масуди говоритъ, что эта и подобныя ей легенды не что иное, какъ лживыя изобрѣтенія придворныхъ сказочниковъ, которыя народъ усвоилъ и повторяетъ за ними. Пріемъ этихъ сказочниковъ, продолжаетъ онъ, тотъ же, что и въ книгахъ, до насъ дошедшихъ въ переводахъ съ персидскаго, индійскаго (въ одной рукописи: пеглеви) и греческаго, вродѣ Хезаръ Эфсанэ, что по арабски означаетъ Тысяча сказокъ, хотя народъ называетъ ихъ также: Тысяча ночей (въ одной рукописи: Тысяча одна ночь): это разсказъ о царѣ и визирѣ, его дочери и ея сестрѣ (нянькѣ, рабѣ), имена которыхъ Ширазадъ и Динарзадъ; или вродѣ книги о Firza o Simas, содержащей разсказы о царяхъ Индіи и ихъ визиряхъ, или вродѣ книги о Синдбадѣ и другихъ подобныхъ книгъ.—Это извѣстіе подтверждается Фихристомъ Энъ-Недима (987 года): первыми сочинителями фантастическихъ сказокъ, писавшими о нихъ.... были Персы, пишетъ онъ; цари династіи Арзакидовъ.... заинтересовались ими, а далѣе сказки были распространены и умножены во дни Сассанидовъ. Арабы также перевели ихъ на свой языкъ, а краснорѣчивые и владѣвшіе словомъ взяли и пріукрасили ихъ и сами составили подобныя имъ. Первою книгой этого рода была Хезаръ Эфсанъ, что означаетъ: Тысяча Сказокъ.—Далѣе Энъ Недимъ передаетъ содержаніе дѣйствія, дающаго рамку Сказкамъ Тысячи одной ночи: „о Султанѣ и Шехеразадѣ"; сказокъ менѣе чѣмъ двѣсти, говоритъ онъ, ибо иная изъ нихъ сказывается въ теченіе нѣсколькихъ ночей; сборникъ былъ составленъ для царицы *Humay*, дочери *Bahman'a*; „я самъ видѣлъ нѣсколько разъ полные экземпляры этой развратной книги, изобилующей глупыми росказнями".

Совпаденіе основнаго разсказа и собственныхъ именъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ не оставляетъ сомнѣнія въ связи персидскаго Хезаръ-Эфсанэ со Сказками Тысячи одной ночи; если арабскій переводъ первой упоминается уже до половины X-го вѣка, то это служитъ указаніемъ на древность персидскаго, до-магометанскаго оригинала, за которымъ Веберъ предполагаетъ, едва-ли вѣроятно, забытый буддійскій источникъ. Но уже свидѣтельство Масуди позволяетъ заключить, что дошедшій до насъ сборникъ Сказокъ Тысячи одной ночи не можетъ быть признанъ простымъ переводомъ персидскаго подлинника: рядомъ

*) Литература вопроса указана въ статьѣ Альбрехта Вебера, Ueber die Samy ktvakaumudî, eine eventualiter mit 1001 Nacht auf gleiche Quelle zurückgehende indische Erzählung, въ Sitzungsberichte der kön. preuss. Akademie d. Wiss. zu Berlin, XXXVIII, 1889, стр. 7, прим. 3.

съ Хезаръ-Эфсанэ Масуди упоминаетъ книги о Firza и Shimas и Синдбадѣ; первая, можетъ быть, буддійская въ основѣ, перешла, при посредствѣ какого-нибудь греческаго пересказа, наложившаго на нее замѣтный христіанскій отпечатокъ, въ арабскую литературу, гдѣ она является и отдѣльно, и въ составѣ позднихъ списковъ Сказокъ Тысячи одной ночи—тогда какъ повѣсти о Синдбадѣ отвѣчаетъ въ нихъ разсказъ о „царѣ и его сынѣ и наложницѣ и семи визиряхъ". Рамки стараго Хезаръ-Эфсанэ разставлялись постепенно, чтобы принять въ себя матеріалы постороннихъ ему повѣстей и отдѣльныхъ книгъ. Планъ восточныхъ сказочныхъ сборниковъ естественно велъ по пути такихъ приращеній, ибо нѣтъ возможности указать на тѣ устойчивыя, пластическія границы, за которыми должны бы были остановиться разсказы Панчатантры и Семи мудрецовъ — и нисчерпаемая въ своей находчивости память Шехеразады. Такъ развивался и сборникъ Сказокъ Тысячи одной ночи: за указанными выше включеніями могли послѣдовать и другія, можетъ быть, изъ сходныхъ источниковъ; демонизмъ нѣкоторыхъ разсказовъ, роль, какую играютъ въ нихъ геніи, указываетъ на міросозерцаніе парсизма; къ разсказамъ этого рода пристраивались другіе, индѣйскіе и арабскіе, мотивы Талмуда и греческіе.—Первая арабско-мусульманская редакція Сказокъ могла составиться въ томъ-же X-мъ вѣкѣ, къ которому относится и арабскій переводъ Хезаръ-Эфсанэ, и также въ Багдадѣ: ей принадлежатъ черты древней арабской исторіи, начиная съ анекдотовъ о первыхъ калифахъ; въ центрѣ историческихъ воспоминаній сталъ Гарунъ-аль-Рашидъ со всѣмъ его окруженіемъ: Джафаромъ, Месруромъ, Зоеидой. Существованіе этой редакціи мы предполагаемъ; дошла до насъ лишь болѣе поздняя, египетская: имя Саладина, послѣдняго по времени историческаго лица, упоминаемаго въ Сказкахъ, близкое знакомство съ египетскою мѣстностью и отношеніями—указываютъ на мѣсто и время происхожденія этой редакціи. Очевидно, не при Фатимидахъ, ибо они были шіиты, тогда какъ Сказки проникнуты воззрѣніями суннизма. Владычество Фатимидовъ пало въ концѣ XII-го вѣка съ завоеваніемъ Египта Саладиномъ, и легко представить себѣ, что египетскій изводъ Сказокъ Тысячи одной ночи былъ однимъ изъ выраженій литературнаго и культурнаго подъема, начавшагося съ курдскими и татарскими насильниками Египта и кончившагося съ турецкимъ завоеваніемъ. Въ этомъ періодѣ, обнимающемъ съ XIII-го по XV-е столѣтіе, позволено выбрать и болѣе ограниченную полосу времени, къ которой пріурочить появленія нашего памятника: позже 1301-го года; рукопись Галлана относится, по мнѣнію Цотенберга, ко второй половинѣ XIV-го столѣтія; повѣсть объ Аладдинѣ представляетъ довольно вѣрную картину нравовъ Египта при послѣднихъ мамелюкскихъ султанахъ, но слѣдуетъ предположить, что владычество мамелюковъ отложилось бы

и въ другихъ сказкахъ болѣе яркими бытовыми подробностями, еслибы часть ихъ была впервые сложена именно въ эту пору.

Такова, приблизительно, исторія сборника, содержаніе котораго раскрылось западному читателю въ переводѣ Галлана. Я назвалъ этотъ переводъ откровеніемъ; такимъ оно дѣйствительно и было, ибо въ началѣ XVIII вѣка едва ли кто нибудь зналъ, что европейскія литературы издавна были знакомы съ отдѣльными мотивами Сказокъ Тысячи одной ночи и даже почерпали ихъ изъ восточныхъ версій. Тѣ же или почти тѣ же разсказы, которые на востокѣ постепенно слагались въ цѣлое, называемое Сказками Тысячи одной ночи, переходили въ Европу въ разное время и разными путями, съ торговыми людьми и путешественниками на Востокъ, паломниками и крестоносцами, черезъ Византію или Испанію, съ арабами или евреями, въ устной или литературной передачѣ. Мы видѣли, что мотивы сказки объ Аладдинѣ извѣстны и въ европейскихъ версіяхъ, но эти мотивы („благодарные, помощные звѣри") не сложны, указаній на восточныя отношенія нѣтъ—и сходство съ повѣстью объ Аладдинѣ можетъ не удовлетворить тѣхъ, кому не люба идея, что въ образахъ и сюжетахъ, населяющихъ фантазію нашего простонародія, многое навѣяно фантазіей Востока.

Что это такъ, на это есть факты, входящіе въ область Сказокъ Тысячи одной ночи.

Caussin de Perceval издалъ, въ продолженіе къ Галланову переводу, сказку, опущенную имъ, но впослѣдствіи переведенную Казоттомъ *): о Гейкарѣ, мудромъ совѣтникѣ Сенхариба, царя Ассура и Ниневіи. Источникъ повѣсти, не принадлежащей впрочемъ къ составу Сказокъ Тысячи одной ночи, восточный, отразившійся съ одной стороны въ византійскомъ легендарномъ жизнеописаніи Эзопа, съ другой въ арабскомъ разсказѣ такого содержанія Тысячи одной ночи, гдѣ повѣсть представляется въ такомъ видѣ: бездѣтный Гейкаръ усыновилъ своего племянника Надана, тщательно воспиталъ его, обучилъ и, наставивъ въ правилахъ нравственности, представилъ царю, какъ своего преемника. Возгордившись властью, Наданъ пересталъ показывать уваженіе къ своему воспитателю; оскорбленный Гейкаръ отдалъ свой домъ младшему брату Надана и тѣмъ вызвалъ его месть: Наданъ написалъ отъ имени Гейкара и за его печатью подложныя письма къ царямъ Персидскому и Египетскому, въ которыхъ обѣщалъ отдать имъ безъ боя владѣнія Сенхариба. Письмо попало въ руки царя; приведенный къ нему, Гейкаръ понялъ коварство племянника, но, пораженный его неблагодарностью, ни слова не сказалъ въ свою защиту. Онъ обреченъ на смерть, но Абу-Сомейка, которому поручено

*) Nouveaux contes arabes ou supplément aux Mille et une nuits etc., par l'abbé C... Paris 1788,4 vv. Сказка помѣщена во 2-мъ томѣ.

было исполненіе казни, даетъ ему возможность избѣжать ея: Гейкаръ живетъ въ потаенной комнатѣ своего дворца. Между тѣмъ слухъ о его смерти распространился, и Египетскій царь шлетъ Сенхарибу надменное требованіе: прислать ему архитектора, который выстроилъ бы дворецъ между небомъ и землею и могъ бы отгадать загадки царя; за то послѣдній обѣщалъ Сенхарибу трехлѣтнюю подать Египта; въ противномъ случаѣ Сенхарибъ долженъ былъ прислать трехлѣтніе доходы Ассура. Когда ни одинъ изъ совѣтниковъ Сенхариба не былъ въ состояніи помочь ему совѣтомъ, Абу-Сомейка открываетъ, что Гейкаръ живъ. Обрадованный царь возвращаетъ ему свою милость, и мудрый совѣтникъ отправляется въ Египетъ, гдѣ поражаетъ находчивостью своихъ отвѣтовъ, разрѣшаетъ загадки царя, а его главное требованіе обходитъ такой уловкой: два орла, пріученные къ тому, взлетаютъ на воздухъ, каждый съ ящикомъ изъ легкаго дерева, къ которому прикрѣплена веревка длиною въ двѣ тысячи локтей; въ ящикахъ посажены мальчики; поднявшись на высоту, они кричатъ: „Несите намъ камней, извести и цемента строить дворецъ царю; мы только этого и дожидаемся!“ Пришлось царю отказаться отъ воздушнаго дворца; щедро наградивъ Гейкара, онъ отдалъ трехлѣтніе доходы своей страны и заключилъ дружбу съ Сенхарибомъ. Когда Гейкаръ вернулся къ нему, онъ осыпанъ былъ милостями, а Наданъ отданъ въ его власть. Гейкаръ заключилъ его въ темницу и, посѣщая его, упрекалъ за неблагодарность. Такъ Наданъ и умеръ, мучимый угрызеніями совѣсти.

Въ редакціи сходной съ текстомъ Тысячи одной ночи, и несомнѣнно въ редакціи восточной, эта сказка перешла въ византійскую письменность, а оттуда въ юго-славянскую, можетъ быть, уже въ XIII вѣкѣ, судя по тому, что повѣсть о „Синагрипѣ, царѣ Адоровъ и Наливскія страны“ входила въ составъ утраченнаго сборника XIV—V, заключавшаго и Слово о Полку Игоревѣ. Славянская повѣсть сохранила слѣды восточнаго происхожденія въ собственныхъ именахъ, хотя и разнообразно искаженныхъ: Сенхарибъ, властитель Ассура и Ниневіи, очутился Синагрипомъ, Синографомъ, царемъ Адоровъ и Наливскіястраны; Гейкаръ обратился въ Акира, Наданъ въ Анадана и т. п. Византійскій, а за нимъ и славянскій переводчикъ не тронули фабулы разсказа, но съ любовью развили въ немъ матеріалъ назиданія, которому легко было придать христіанскій колоритъ; въ этомъ отношеніи повѣсть о Синагрипѣ напоминаетъ не только оригиналъ нашего Девгенія сравнительно съ греческой поэмой о Дигенисѣ, но и предполагаемый греческій подлинникъ арабской повѣсти о Schimas (гл. выше, стр. 000), съ которой у нея есть и общія черты: царь, убивающій мудраго министра и не знающій, что предпринять, когда сосѣдній властитель прислалъ ему грозное письмо съ требованіемъ: построить среди моря дворецъ; царя

выручаетъ умнымъ отвѣтомъ ребенокъ, сынъ убитаго визиря, какъ въ нашей Сказкѣ Акиръ-Гейкаръ, являющійся типомъ не только мудраго но и христіански благочестиваго совѣтодателя. „Господи, Боже мой, молится онъ,—если я умру безъ наслѣдника, станутъ говорить: вотъ Акиръ былъ праведенъ и истинно служилъ Богу, а умеръ, и не обрѣлось никого отъ мужескаго пола, кто бы постоялъ на гробѣ его, ни отъ дѣвическаго, кто бы его оплакалъ". Отъ праведнаго Акира недалеко было до представленія его христіаниномъ: такимъ онъ является въ одномъ славянскомъ чудѣ Св. Николая, извѣстномъ по рукописи XVII вѣка и народнымъ пересказамъ великорусскимъ, малорусскимъ и даже инородческимъ сибирскимъ. Въ народныхъ легендахъ Акира нѣтъ, въ рукописной у царя Синографа или Синагрипа „рядца Акиръ мудрый крестьянинъ".

Была ли извѣстна на средневѣковомъ Западѣ восточная сказка о Гейкарѣ—мы не знаемъ; разсказъ о Сеннахеримѣ, упоминаемый у трубадуровъ въ спискѣ сюжетовъ, которые подобаетъ знать жонглеру, нарашивается на предположеніе, что дѣло идетъ о Сенхарибѣ пересказанной нами повѣсти; но это едва ли правдоподобно. За то на Западѣ знакома была уже въ XIII вѣкѣ другая сказка восточнаго происхожденія, столь близкая къ версіи Тысячи одной ночи, что зависимость той и другой отъ одного общаго источника представляется несомнѣнной. Изъ другого источника, вѣроятно также восточнаго, тотъ же мотивъ проникъ въ русскую былину. Какъ выше легенда, такъ здѣсь балладная пѣсня одинаково овладѣли захожимъ сказочнымъ содержаніемъ.

Сказка Тысячи одной ночи о „волшебномъ конѣ" принадлежитъ, быть можетъ, еще къ составу древняго персидскаго Хезаръ Эфсанэ. У персидскаго царя Сабура, большаго любителя философіи и геометріи, три дочери и сынъ по имени Kamr ul-Akmar; три мудрые мужа приходятъ къ нему съ подарками: одинъ Индусъ, другой Грекъ, третій Персіянинъ. Первый приноситъ ему золотую, украшенную драгоцѣнными камнями статую съ золотою трубой въ рукѣ: если въ городъ проникнетъ согляватай, статуя тотчасъ затрубитъ, шпіонъ задрожитъ и падетъ мертвымъ. Подарокъ Грека—серебряный сосудъ съ золотымъ павлиномъ, окруженнымъ 24-мя дѣтенышами: онъ показываетъ часы, дотрогиваясь клювомъ, по истеченіи часа, одного изъ дѣтенышей, и мѣсяцы, раскрывая ротъ, въ которомъ тогда показывается луна. Персидскій мудрецъ даетъ Сабуру коня изъ чернаго дерева: конь этотъ, великолѣпно убранный, леталъ по воздуху такъ быстро, что въ одинъ день проносился черезъ пространство, которое обыкновенной лошади не пробѣжать и въ годъ.—Принявъ подарки, Сабуръ обѣщаетъ исполнить всѣ желанія мудрецовъ, которые, показавъ ему, какъ дѣйствуютъ ихъ диковинки, просятъ въ награду руки царскихъ дочерей. Сабуръ согласенъ, но младшая и самая красивая изъ дочерей

въ горѣ при видѣ своего жениха персіянина, престарѣлаго и уродливаго. Ея братъ, только что вернувшійся изъ отлучки, заступается за нее передъ отцомъ въ присутствіи жениха-волшебника, который начинаетъ питать къ нему злобу. Отецъ говоритъ Kamr-ul-Akmar'у: пусть попытаетъ самъ свойства чудеснаго коня, тогда онъ не будетъ болѣе противиться исканію мудреца. Принцъ садится на коня, но волшебникъ съ умысломъ показалъ ему одну лишь пружину, при помощи которой можно было пустить лошадь въ полетъ, другія же утаилъ по забывчивости, какъ онъ объясняетъ позже, сваливая часть вины на гордаго царевича, не позаботившагося спросить его о томъ. Волшебника бьютъ и заточаютъ; всѣ въ горѣ, потому что принцъ скрылся изъ глазъ, несется въ пространствѣ; онъ уже въ сосѣдствѣ солнца и близокъ къ смерти, когда снова принявшись пытать устройство коня, нашелъ пружину, повернувъ которую началъ спускаться. Онъ видитъ большой городъ, спускается на террасу замка, вокругъ котораго ходили 40 вооруженныхъ рабовъ, а съ террасы по лѣстницѣ—во внутренній дворъ; идетъ по направленію свѣта и находитъ дверь, передъ которой спалъ рабъ, ростомъ съ дерево, шириною въ каменную лавку, точно одинъ изъ духовъ Соломона. Около него горѣла свѣча, лежалъ мечъ и стоялъ столикъ, который принцъ относитъ въ сторону и, сдернувъ съ него завѣсу, находитъ прикрытыя яства. Наѣвшись и напившись досыта и отдохнувъ, онъ ставитъ столикъ на прежнее мѣсто, подкрадывается къ спящему, у котораго похищаетъ мечъ изъ ноженъ, приподнимаетъ занавѣсъ у двери и видитъ въ слѣдующемъ покоѣ тронъ изъ слоновой кости, украшенный драгоцѣнными камнями: у его подножія спали четыре рабыни, на тронѣ покоилась красавица Schems-ul-Nahâr (Солнце дней). Принцъ будитъ ее поцѣлуемъ: — „Я твой рабъ и любовникъ", отвѣчаетъ онъ ей на ея разспросы; „Господь и судьба привели меня къ тебѣ". Царевна, которую отецъ ея помолвилъ съ однимъ изъ именитыхъ людей города, принимаетъ принца за своего жениха и влюбляется въ него. Между тѣмъ проснувшіяся рабыни будятъ сторожа, который осыпаетъ незнакомца бранью, но когда тотъ бросился на него, спасается бѣгствомъ и идетъ обо всемъ донести царю. Царь застаетъ принца сидящимъ съ дочерью, кидается на него съ мечомъ, но тотъ подставилъ ему свой мечъ, и объявляетъ, кто онъ. Царь хочетъ его казнить, но принцъ предлагаетъ ему другой способъ расправы; пусть соберетъ свое войско, онъ будетъ противъ всѣхъ сражаться; если его побѣдятъ, онъ понесетъ заслуженную кару; если онъ побѣдитъ, то съ нимъ будутъ обходиться почтительнѣе: людей нельзя косить и мѣрить какъ жито. Съ согласія царя принцъ велитъ принести своего коня съ террасы, сѣлъ на него, войско окружило его со всѣхъ сторонъ, а онъ повернулъ пружину и былъ таковъ. Принцесса горюетъ, за то дома, куда

царевичъ прибылъ обратно, печаль смѣнилось на радость, праздники и пиры: за столомъ одна рабыня поетъ подъ звуки лютни: „Не вѣрь, что я забылъ тебя вдали, о чемъ и думать мнѣ, если я тебя забуду? Время проходитъ, но моя любовь къ тебѣ вѣчна, съ тобою умру, съ тобою и воскресну".

Эти слова будятъ въ сердцѣ принца любовь; тайкомъ отъ отца онъ садится на коня, прилетѣлъ въ царство своей возлюбленной, спустился на террасу, засталъ раба спящимъ и слышитъ за завѣсой плачъ милой и ея разговоръ съ служанками. Когда она заснула, онъ прокрался къ ней, будитъ ее, велитъ накормить себя и хочетъ удалиться, обѣщая возвращаться къ ней каждую недѣлю. Но красавица не желаетъ съ нимъ разстаться, и они улетаютъ, незамѣченные прислужницами. Остановившись въ саду подъ столицей Персіи, принцъ велитъ дѣвушкѣ подождать, пока онъ самъ пойдетъ оповѣстить своихъ родителей: визири и все войско выйдутъ къ ней на встрѣчу въ подобающемъ блескѣ.

Между тѣмъ волшебникъ персіянинъ, выпущенный изъ темницы по возвращеніи принца, видѣлъ все происходившее въ саду, гдѣ онъ часто живалъ у садовника. Замысливъ месть, онъ стучится въ бесѣдку, гдѣ осталась красавица, говоритъ, что присланъ за нею принцемъ, потому что мать его не можетъ выйдти такъ далеко ей на встрѣчу. Дѣвушка сначала пугается уродливаго посланца, но онъ увѣряетъ, что у его господина одинъ рабъ красивѣе другого, а выбралъ онъ его, уродливаго, изъ ревности. Она повѣрила его словамъ, и волшебникъ увозитъ ее на конѣ по направленію къ Китаю.

Горе принца и его ближнихъ, когда они не нашли царевны. Изъ словъ садовника принцъ догадывается, что она похищена персіяниномъ; а тотъ между тѣмъ спустился со своей ношей въ Китаѣ, на равнинѣ подъ деревомъ у источника. На вопросъ красавицы, гдѣ его хозяинъ, его отецъ и мать, онъ отвѣчаетъ: „Будь они всѣ прокляты; теперь— я твой хозяинъ". Онъ хочетъ приласкать ее, но она его отталкиваетъ и плачетъ. Персіянинъ заснулъ: такъ застаетъ его китайскій король, выѣхавшій на охоту. Онъ удивляется красотѣ дѣвушки и спрашиваетъ о ней у волшебника, котораго разбудилъ толчкомъ ноги.—Это моя жена, говоритъ онъ; но царевна разсказываетъ, какъ было дѣло. Царь велитъ наказать виновнаго палочными ударами и заключить. На вопросъ, что это за конь, царевна отвѣчаетъ, что на немъ ѣздилъ тотъ человѣкъ, выдѣлывая разныя хитрыя штуки. Царь велитъ поставить лошадь въ казнохранилище и въ тотъ же вечеръ дѣлаетъ дѣвушкѣ предложеніе, но она представилась сумашедшею: царь приставилъ къ ней женщинъ и въ теченіе цѣлаго года ищетъ повсюду докторовъ и астрологовъ, которые взялись бы излечить ее.

Царевичъ также ищетъ свою милую, добрался до Китая и здѣсь

въ столицѣ на базарѣ слышитъ разсказъ о ея приключеніяхъ. Переодѣвшись астрологомъ, онъ является во дворецъ и предлагаетъ излечить больную. Онъ успѣваетъ увидать ее наединѣ и обѣщаетъ попытаться освободить ее. Царю онъ показываетъ свое искусство: вводитъ его въ комнату больной, которая неистовствуетъ и вдругъ становится тиха и разсудительна: принцъ подошелъ къ ней, пробормоталъ какія-то заклинанія, дунулъ ей въ лицо и укусилъ ухо, прошептавъ: „Встань теперь и съ достоинствомъ подойдя къ царю, поцѣлуй ему руку и будь любезна". Она такъ и дѣлаетъ, и царь расположенъ вѣрить всѣмъ совѣтамъ астролога. Принцъ велитъ отвести больную въ баню, такъ чтобъ ея ноги не коснулись земли; надѣть на нее драгоцѣнные уборы, чтобы ея сердце забыло горе, и повести за городъ на то мѣсто, гдѣ ее нашли, потому что на томъ мѣстѣ и вселился въ нее злой духъ. Когда все было исполнено, принцъ объявляетъ царю, что по его соображеніямъ злой духъ, вселившійся въ дѣвушку, имѣетъ своимъ мѣстопребываніемъ тѣло какого-то животнаго, сдѣланнаго изъ чернаго дерева; если оно не будетъ найдено, злой духъ будетъ посѣщать ее каждый мѣсяцъ. Царь догадался въ чемъ дѣло и, удивляясь мудрости астролога, велитъ принести чуднаго коня. Убѣдившись въ его сохранности, принцъ садится на него и велитъ посадить за себя дѣвушку; пока въ огонь бросаютъ, по его указанію, обрѣзки бумаги, средство къ изгнанію злаго духа, влюбленные улетаютъ, принцъ успѣваетъ еще сообщить царю о себѣ и о своей милой, а царю остается лишь горевать въ теченіе всей жизни объ утратѣ дѣвушки и чудеснаго коня.

Такова арабская сказка, варьянтъ которой перешелъ во второй половинѣ XIII-го вѣка изъ Испаніи во Францію, устнымъ путемъ или въ формѣ разсказа, и здѣсь далъ содержаніе двумъ рыцарскимъ романамъ: Cléomades Adenes'a li rois и Li chevals de fust (Деревянный конь) Girardin'a изъ Amiens. За вычетомъ общихъ мѣстъ и банальныхъ приключеній, на которые щедры труверы поздней поры французской эпики, оба автора съ мелкими отличіями и различною близостью къ оригиналу, сходному съ знакомой намъ повѣстью Тысячи одной ночи, передаютъ очертанія старой сказки. Разница въ томъ, что Adenes перенесъ мѣсто дѣйствія въ Испанію и Италію, Girardins придерживался Востока, фантастическаго Востока средневѣковыхъ романовъ: Персіи съ городомъ Филиппополемъ, Великой Арменіи и Сиріи. Тамъ и здѣсь на сценѣ царь, у него три дочери и сынъ, отвѣчающій герою арабской сказки: Cléomades у Adenet'a, Méliacins у Girardin'a. У перваго три царя негроманта, являющіеся свататься за царевенъ, приходятъ изъ Африки; у втораго—они просто волшебники и вѣдуны. И подарки ихъ тѣ же: чудесный конь и трубачъ, только вмѣсто павлина золотая насѣдка съ тремя (у Аденета) или шестью цыплятами; такъ у Girardin'a, у кото-

раго сохранился даже намекъ на назначеніе этой диковинки, ясное изъ сказки Тысячи одной ночи: цыпляты издавали крикъ въ урочный часъ (à lor droite heure). Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, Girardins дальше отклоняется отъ предполаемаго оригинала, чѣмъ Аденетъ, но у обоихъ исторія „деревяннаго коня“ и связанная съ нимъ фабула одна и та же: это волшебный конь, унаслѣдованный съ Востока народной сказкой, отразившійся въ знаменитомъ Clavilegno Сервантесова романа и ранѣе того введенный Чосеромъ въ его Squire's tale.

Вмѣсто механическаго коня легко представить себѣ такую же птицу, переносящую сказочнаго героя на далекія пространства. Этотъ мотивъ, извѣстный изъ повѣстей Панчатантры, Сидди-Кюра и Bahar-Danush, могъ замѣнить волшебнаго коня въ какой нибудь восточной разновидности нашей сказки, проникшей въ русскую былину „о Подсолнечномъ царствѣ“: вѣдуны-волшебники обратились въ хитрыхъ мастеровъ, мотива сватанья нѣтъ, нѣтъ и мести озлобленнаго жениха, подѣлки ограничиваются орломъ самолетнымъ и утушкой золоты крылья съ утятами. Сказка отдала былинѣ одинъ небольшой и притомъ полуискаженный эпизодъ, сливающійся подъ конецъ съ другимъ эпическимъ мотивомъ. Вотъ начало пѣсни:

При царѣ было Васильѣ Михайловичѣ,
Жило при царѣ два мастера,
Одной работой занималися
И между собою пораздорили.
И призывалъ ихъ Василій Михайловичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Когда вы сдѣлаете по штукѣ молодецкія
И другъ другу про себя не скажете,
Тогда васъ обоихъ пожалую“.
Одинъ сдѣлалъ орла самолетнаго,
Другой утушку золоты-крылья.
. . . . . .
Какъ положилъ ее въ тазъ воды,
Его утушка стала плавати.
И взялъ яичко вареное,
Положилъ на поле тазовое,
Его утушка стала клевать яйцо,
Ея дѣтушки тоже клюютъ.

Онъ приноситъ свою подѣлку царю, которому она прилюбилася. Второй мастеръ

Приходилъ съ орломъ самолетнымъ,
Вызываетъ царя на широкъ дворъ,
Вынимаетъ орла самолетнаго
Изъ-подъ той полы сподъ правыя,

Садился на орла самолетнаго,
Улеталъ онъ въ чисто поле,
Подъ тыя подъ облака высокія,
Прилетаетъ онъ назадъ съ поля.
Этотъ орелъ царю понравился,
И тутъ обоихъ царь пожаловалъ.
У того царя Василья Михайловича
Былъ сынъ Иванъ Васильевичъ,
Своимъ глупымъ умомъ-разумомъ
Заходилъ въ кладовыя отцовскія,
Бралъ орла сомолетнаго,
Садился молодецъ на того орла,
Улеталъ въ далече чисто поле,
Подъ тыя подъ облака высокія,
Увидалъ царство подъ солнышкомъ,
Подъ солнышкомъ царство великое.

Онъ возвратился назадъ и, захвативъ золотой казны, царскую одежу и перстень, снова летитъ въ подсолнечное царство, гдѣ

Стоялъ теремъ золоты верхи,
Кругъ этого терема былъ бѣлый дворъ,
О тыхъ воротахъ о двѣнадцати,
О тыхъ сторожахъ о строгіихъ.
Онъ началъ у нихъ выспрашивать,
Онъ началъ у нихъ вывѣдывать:
«Для чего построенъ бѣлый дворъ
О тыхъ воротахъ о двѣнадцати?
— Ты ей же, удаленькій добрый молодецъ!
У нашего царя Подсолнечнаго
Есть у него дочи любимая,
Молодая Марья Лиховидьевна;
Посажена она въ высокъ теремъ
И поставлены сторожа строгіе.
И сказали ему бѣлицы волшебницы,
Что твоя будетъ дочи—любимая
На шестнадцатомъ году въ поночикѣ.

Царевичъ начинаетъ ходить вокругъ двора, высмотрѣлъ подъ крышей полукруглое окно, одна половина котораго была не заперта; вернувшись въ чистое поле, онъ садится на самолетную птицу и проникаетъ въ теремъ Марьи Лиховидьевны:

Онъ началъ съ ней разговаривать,
И началъ съ ней угощатися
И во разныя забавы заниматися.

Съ той поры онъ часто леталъ въ подсолнечное царство, забавляясь съ царевной, распѣвая съ нею пѣсни на два голоса. Услышали это сторожа, донесли царю; на его вопросъ царевна проситъ не вѣрить

навѣтамъ: Когда я весела радостна, я пою пѣсни веселыя, нѣжнымъ голосомъ; когда порастаскуюсь, пою пѣсни унылыя, „и пою голосомъ другіимъ“.

Этимъ ограничивается отношеніе пѣсни къ сказочному сюжету, который она усвоила, чтобы далѣе забыть его для другого развитія: царевичъ, летавшій къ красавицѣ на самолетномъ орлѣ, оказывается впослѣдствіи „грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ“, и пѣсня переходитъ къ содержанію извѣстной былины о томъ, какъ Грозный сбирался казнить своего сына Ѳеодора. На этотъ разъ его мать оказывается—царевной подсолнечнаго царства.

Сюжетъ восточной сказки проникъ въ русскую былевую пѣсню, очевидно, не тѣмъ путемъ, которымъ дошелъ до труверовъ XIII-го столѣтія. Пути открывались разные, торные и проселочные; ихъ скрещиванье трудно услѣдить и мы довольны, если порой въ ихъ путаницѣ забрежжетъ какой нибудь хронологическій просвѣтъ.

Мы по прежнему въ XIII вѣкѣ, когда въ Египтѣ собирались сказки Шахеразады, а въ Европѣ стала извѣстна, въ разныхъ версіяхъ, повѣсть, которой начинается сборникъ Тысячи одной ночи: о двухъ братьяхъ царяхъ и великанѣ, сторожившемъ и не устерегшемъ жены въ ларцѣ. Повѣсть эта извѣстна и въ другихъ восточныхъ пересказахъ: такъ въ персидскомъ Тути-Намэ, въ двухъ повѣстяхъ индійскаго Ката-Саритъ-Сагара, въ буддійской жатакѣ и въ современной сказкѣ изъ Камаона. Подробности колеблятся: двумъ братьямъ арабской сказки отвѣчаетъ то одинъ путникъ, то трое, но въ одномъ изъ разсказовъ Ката-Саритъ-Сагара являются два брата, взлѣзающіе на дерево, какъ царевичъ камаонской легенды; красавица (или красавицы) заключены въ коробкѣ, спрятанной въ косахъ ея мужа, либо въ ларцѣ. Такъ въ жатакѣ, содержаніе которой сводится къ слѣдующему: въ древности, въ царствованіе царя Брахмадатты въ Бенаресѣ, Бодhисатва, отказавшись отъ страстей, отправился къ Гималайскимъ горамъ и тамъ вступилъ на путь. Неподалеку отъ него жилъ ракшасъ Дâнава, который по временамъ приходилъ къ нему слушать законъ. Въ лѣсу же тотъ Дâнава хваталъ и поѣдалъ людей; однажды, напавъ на путниковъ, онъ похитилъ красивую дѣвушку, повелъ ее въ свою пещеру и женился на ней; чтобы уберечь ее, онъ посадилъ ее въ ларецъ, который проглотилъ. Разъ онъ пожелалъ выкупаться въ озерѣ: выбросилъ изъ себя ларецъ, вынулъ оттуда жену, вымылъ ее, нарядилъ и поставилъ, чтобы оправилась, пока онъ самъ искупается. Въ это время летѣлъ геній, по имени Vâjussupatto, съ мечомъ въ рукѣ; женщина поманила его и спрятала въ ларецъ, на который сама сѣла, поджидая мужа; увидѣвъ его приближающимся, она еще до его прихода взошла въ ларецъ, легла на генія и прикрыла его своимъ платьемъ. Дâнава, ничего не подозрѣвавшій, проглотилъ ларчикъ; когда затѣмъ онъ пришелъ къ Бодhисатвѣ, подвижникъ поразилъ

его вопросомъ: „Откуда идутъ трое?“ и объясняетъ, въ чемъ дѣло. Данава поспѣшно выбросилъ ларецъ; какъ раскрылъ его, геній тотчасъ же пустился по воздуху.

Это одинъ изъ многихъ восточныхъ варьянтовъ сказанія, западныя отраженія котораго намъ особенно интересны. Уже давно было обращено вниманіе на сходство вводнаго разсказа Тысячи одной ночи съ былиною о Святогоровой женѣ: Илья Муромецъ спитъ въ чистомъ полѣ, разбуженъ своимъ конемъ, чующимъ опасность: ѣдетъ Святогоръ богатырь.

Выставалъ Илья на рѣзвы ноги.
Спущалъ коня во чисто поле,
А самъ высталъ во сырой дубъ.
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
Пріѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская,
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано и не слыхано.
. . . . . .
Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ,
Полагала скатерти браныя,
Ставила на столъ ѣвствушки сахарнія,
Вынимала изъ ларца питьица медвяныя.
Пообѣдалъ Святогоръ богатырь
И пошелъ съ женой въ шатеръ прохлаждатися,
Въ разныя забавы заниматися.

Пока онъ спитъ, его красавица-жена высмотрѣла на дубу Илью Муромца, приглашаетъ его сойти и сотворить съ нею любовь; коли не послушается ея, она разбудитъ мужа, наклеплетъ на Илью, что онъ ее насильно „въ грѣхъ ввелъ“. Онъ принужденъ покориться, какъ братья-цари арабской сказки; красавица посадила его „къ мужу въ глубокъ карманъ“, и конь Святогора является потомъ обличителемъ, какъ Бодѣисатва буддистской жатаки:

Опережь я возилъ богатыря да жену богатырскую,
А нонь везу жену богатырскую и двухъ богатырей.

Положеніе существенно такое же, какъ въ сказкѣ Тысячи одной ночи: та же сцена подъ деревомъ, то же грандіозное впечатлѣніе Святогора-демона исполина, которое въ другихъ европейскихъ пересказахъ забыто или затушевано; вмѣсто двухъ зрителей—одинъ, Илья Муромецъ, что, можетъ быть, и не новая черта, а подробность, удержавшаяся изъ ка-

кой нибудь разновидности восточнаго сказанія, перешедшаго на Западъ не въ одной, а въ нѣсколькихъ версіяхъ.

Мы сказали, что этотъ переходъ могъ совершиться въ XIII вѣкѣ, если не ранѣе. У Генриха von Meissen, извѣстнаго подъ именемъ Frauenlob'a (ок. 1253+1318), наша повѣсть уже низошла до безцвѣтныхъ очертаній, назначенныхъ служить рамкой нравоученію. Вотъ начало относящагося сюда Spruch'a: „Я сидѣлъ на деревѣ и видѣлъ удивительныя вещи: пришелъ туда человѣкъ, несшій женщину въ роскошномъ ларцѣ. Онъ отперъ его и велѣлъ ей подсѣсть къ себѣ, схватилъ за подолъ, склонилъ голову на ея лоно. Старикъ заснулъ; тогда пришелъ ея пріятель и причинилъ старику ущербъ—въ его женѣ: юноша свелъ ее съ ума. Она скралась отъ старика и пошла къ юношѣ: неразуміе правило ею, отчего ея честь пошла на склонъ. Когда исполнилось ея желаніе, она встала, отошла оттуда и, снова подойдя, подсѣла къ старику".

„Мои ноги понесли меня въ прекрасное тѣнистое мѣсто: я пошелъ къ одной липѣ, мнѣ навстрѣчу, выступая въ травѣ, явилась величественная царица; въ ея вѣнцѣ свѣтился ярко драгоцѣнный камень. Ея улыбка пролила сладость въ тайникъ моего простодушнаго сердца. Она сказала: Видѣлъ ты женщину, запертую въ ларцѣ? Ихъ не устрожить мужчинѣ, когда даже запертая женщина могла совершить такой вѣроломный поступокъ".—Эта царица—аллегорія чести: Vrau Êre, кончающая наставленіемъ поэту: гнушаться нечестныхъ женъ, почитать чистыхъ и цѣломудренныхъ.

Въ XIII вѣкѣ тотъ же мотивъ, обезцвѣченный Фрауенлобомъ, знакомъ былъ въ Италіи съ реальными подробностями новеллы, на этотъ разъ почти цѣликомъ воспроизводившей вводную повѣсть Тысячи одной ночи. Новелла эта не сохранилась въ подлинникѣ, но его можно приблизительно возстановить изъ разсказа Sercambi (XIV вѣка) и одного эпизода изъ „Неистоваго Роланда" Аріосто. Сходства и отличія того и другаго разсказовъ не таковы, чтобы позволено было говорить о зависимости болѣе поздняго отъ болѣе ранняго: оба восходятъ къ одному оригиналу, въ которомъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ уже носило имя Астульфа и являлся демонъ, обманутый женой; замѣнивъ его простымъ смертнымъ, Sercambi допустилъ ту несообразность, что обыкновенный человѣкъ, по побужденіямъ ревности, таскаетъ на себѣ свою жену въ ларцѣ, а герои сказки, при видѣ его, прячутся въ лѣсу, какъ будто подъ вліяніемъ страха.

Вотъ разсказъ Sercambi: въ Неаполѣ, при дворѣ Манфреда, жилъ рыцарь Астульфъ; у него красавица жена. Онъ вѣритъ въ ея любовь, а она сошлась съ конюхомъ. Убѣдившись въ этомъ воочію, Астульфъ покидаетъ ее, говоря, что вернется къ ней не ранѣе, какъ услышитъ о ней что-либо способное искупить совершенный ею проступокъ. Ман-

фредъ допрашиваетъ его о причинѣ его грусти, но ничего не добился. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Астульфъ видитъ изъ окна своей комнаты во дворцѣ какого-то урода, который, подойдя къ покоямъ королевы, принялся костылемъ стучать въ дверь. Когда, послѣ нѣкотораго времени, дверь отворила сама королева, уродъ ударилъ ее въ грудь за то, что замѣшкалась; а она стала извиняться и, тутъ же отдавшись ему, угостила его и отпустила. Чужое несчастье подѣйствовало на Астульфа успокоительно, къ нему вернулось хорошее расположеніе духа, онъ сталъ принимать участіе въ увеселеніяхъ, и это снова обратило вниманіе Манфреда. По его настоятельной просьбѣ, Астульфъ открываетъ ему его стыдъ и даетъ возможность быть его свидѣтелемъ. Тогда король рѣшается вмѣстѣ съ Астульфомъ пойти бродить по свѣту, никѣмъ не знаемые, пока какое-нибудь приключеніе не побудитъ ихъ вернуться домой. Однажды въ іюнѣ, на дорогѣ между San Miniato и Луккой, они усѣлись отдохнуть подъ деревомъ, какъ увидѣли человѣка, нагруженнаго тяжелымъ ящикомъ. Спрятавшись въ лѣсу, они наблюдаютъ за нимъ: остановившись подъ деревомъ, онъ свалилъ сундукъ, отперъ его ключомъ, и оттуда показалась красавица, которую тотъ человѣкъ заставилъ подсѣсть къ себѣ. Поѣвъ и попивъ съ нею, онъ положилъ голову ей на колѣни и заснулъ.—Слѣдуетъ такая же сцена, какъ и въ сказкѣ Тысячи одной ночи и съ тѣми же подробностями; какъ и тамъ, путники успокоиваются сознаніемъ, что женщины не уберечь, и возвращаются домой—съ намѣреніемъ поучить немного своихъ женъ.

Въ Orlando Furioso (c. XXVIII) дѣйствующія лица: лонгобардскій король Астульфъ и Giocondo; первый, гордящійся своей красотой, узнаетъ, что въ Римѣ есть другой, такой же красавецъ, Giocondo, и приглашаетъ его въ Павію: онъ хочетъ посмотрѣть на него и посравнить съ собою. Giocondo ѣдетъ, оставивъ любящую жену въ слезахъ; вернувшись случайно съ пути, чтобы захватить забытый крестикъ, подарокъ жены, онъ застаетъ ее въ объятіяхъ другого—и удаляется, не разбудивъ виновныхъ. Когда онъ явился къ Астульфу, его красота спала: такъ подѣйствовало на него горе, но онъ снова разцвѣлъ, когда, заглянувъ въ скважину одного покоя, увидѣлъ королеву въ tête-à-tête съ противнымъ карломъ. Какъ братья арабской сказки, Астульфъ и Giocondo идутъ странствовать; эпизодъ съ демономъ замѣненъ другимъ, также раскрывающимъ тщету оберега женщины, но болѣе тривіальнымъ, какъ и обманутые мужья Аріосто рѣшаются идти по свѣту не затѣмъ, чтобы забыться, а чтобъ заставить другихъ мужей испытать, что они пережили сами.

Любопытно сходство этой новеллы Аріосто съ одной недавно записанной мадьярской сказкой *); сходство, объясняемое общностью не-

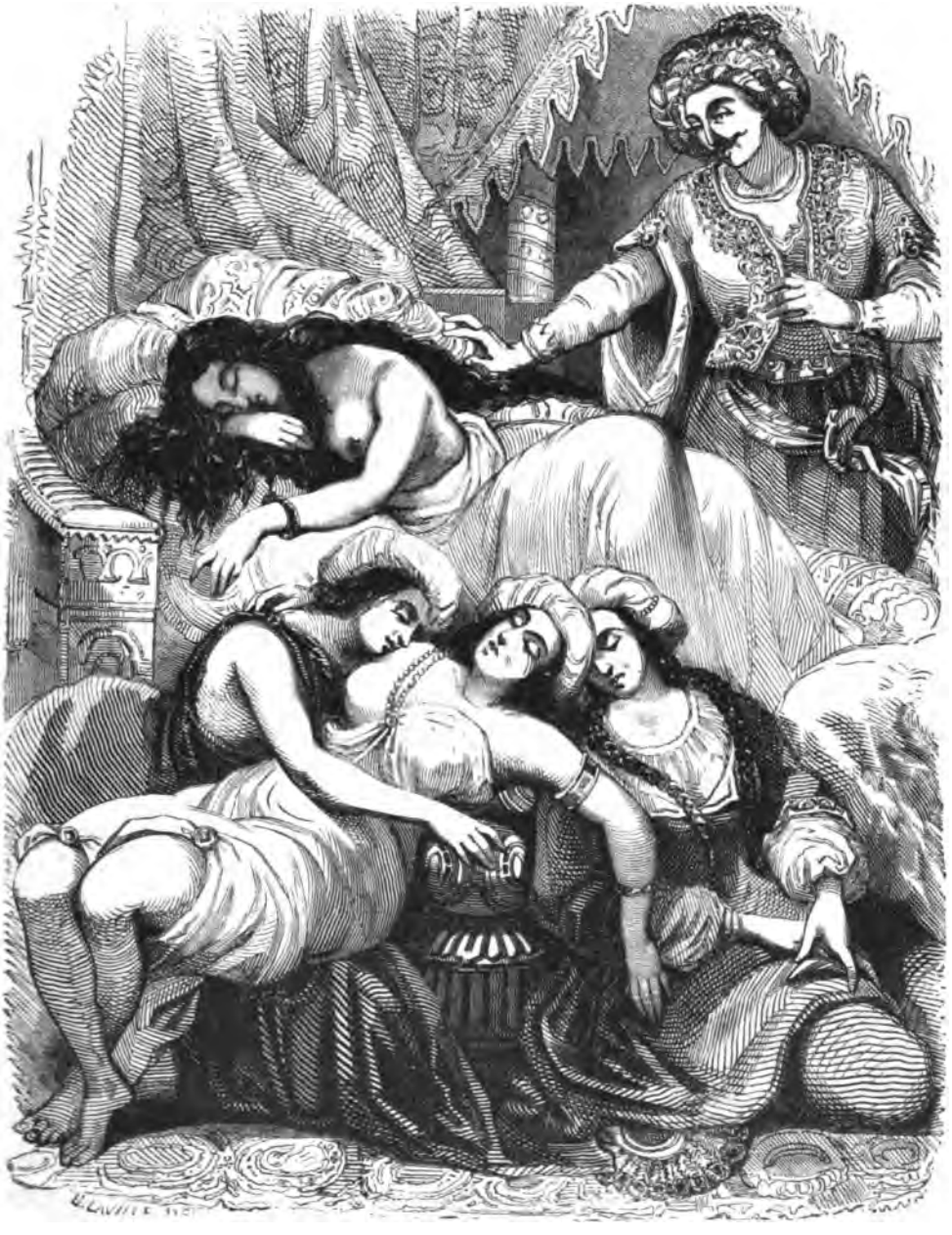
*) Revue des traditions populaires IV, стр. 445: Louis Katona, Le bel homme trompé par sa femme. Conte hongrois.

извѣстнаго намъ восточнаго источника, къ которому восходилъ, вѣроятно, и оригиналъ Sercambi. Какъ и у Аріосто, одно изъ дѣйствующихъ лицъ—замѣчательный красавецъ; королева, увидѣвъ его портретъ, желаетъ поглядѣть на него, и король посылаетъ за нимъ. Онъ идетъ и, какъ Giocondo, возвращается съ пути, ибо забылъ свой молитвенникъ: то же нежданное откровеніе дома, губительно дѣйствующее на его красу. Что слѣдуетъ далѣе ближе къ разсказу Тысячи одной ночи: тамъ Шахсенанъ, здѣсь красавецъ видитъ изъ окна своей комнаты невѣрность королевы, и какъ въ арабской сказкѣ, такъ и здѣсь любовникомъ является негръ. Эпизодъ съ демономъ преобразился. Плутая по свѣту, король и красавецъ встрѣчаютъ крестьянина съ женой, работающихъ въ полѣ: она шла за плугомъ, мужъ возлѣ, изнывая подъ бременемъ тяжелаго не по силамъ ящика. Что въ немъ такое? спрашиваютъ путники; женщина молчитъ, но когда мужъ готовится открыть ящикъ, она не выдержала: Здѣсь все, что у меня самаго дорогого на свѣтѣ! Это былъ ея любовникъ, который такъ о себѣ и заявилъ.

Такъ странно исказился древній разсказъ о ревнивомъ и обманутомъ демонѣ. Искажался постепенно: не только демонъ замѣненъ былъ простымъ смертнымъ (какъ у Фрауенлоба и Sercambi), но вмѣсто жены въ ларцѣ очутился ея любовникъ. Можетъ быть, впрочемъ, и эта черта не поздняя обмолвка: вспомнимъ, что въ буддійской жатакѣ ларецъ вмѣщалъ въ себя и жену ракшаса и—привлеченнаго ею генія.

Мы прослѣдили судьбу одной восточной повѣсти отъ древнихъ источниковъ, еще не успѣвшихъ влиться въ русло Сказокъ Тысячи одной ночи, до ихъ европейскихъ литературныхъ и народныхъ отраженій. Тѣ же формы и очертанія поочередно служили выраженіемъ фаталистической идеи—и средневѣковаго ригоризма, беззастѣнчивой шутки и игривой фантазіи Аріосто, которой такъ подъ стать восточные мотивы. Въ его Orlando Furioso та же широко раскидывающаяся декорація, то же обиліе красокъ и невѣроятныхъ приключеній, феи и волшебники и роковая сила любви; но въ этой фантасмогоріи, расплывающейся къ окраинамъ, есть твердое зерно, котораго нѣтъ въ Сказкахъ Тысячи одной ночи: міръ личности, отзвуки рыцарства, идеалы чести и подвига; не только impeto d'amore, но и disio di laude (XXV, 1); элементъ дѣйствія и веселый энергіи, невольно охватывающей читателя. Иначе въ Сказкахъ: нѣтъ дѣйствія, а есть событія, вмѣсто энергіи—движеніе, безотчетно и медленно развертывающееся, какъ сонная линія каравана, далеко замирающая въ степи. Въ этомъ впечатлѣніи есть своего рода поэзія—и переводъ Галлона даетъ о ней понятіе.

Александръ Веселовскій.



ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ.

Сказка о персидскомъ царевичѣ и объ одалискѣ Шемзельнигарѣ.

Въ царствованіе калифа Гарунъ-аль-Рашида, въ городѣ Багдадѣ жилъ одинъ купецъ, по имени Эбнъ-Тагеръ, — человѣкъ несмѣтно богатый, умный, образованный и отличавшійся такимъ благороднымъ изяществомъ въ рѣчахъ и въ пріемахъ, какое рѣдко встрѣчается среди торговаго сословія. При этомъ неуклонная прямота, искренность и веселый, открытый нравъ невольно привлекали къ нему каждаго, кто имѣлъ случай сближаться съ нимъ. Самъ калифъ высоко цѣнилъ его превосходныя качества и оказывалъ ему безусловное довѣріе, поручая между прочимъ поставку всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для женщинъ дворцоваго гарема. Выборъ нарядовъ, убранство комнатъ, покупка различныхъ драгоцѣнныхъ украшеній, — все это предоставлялось Эбнъ-Тагеру, и во всемъ онъ умѣлъ проявить не только знаніе дѣла, но и безукоризненный вкусъ.

Богатство, личныя достоинства и въ особенности явное расположеніе калифа придавали ему такое значеніе въ обществѣ, что первѣйшіе сановники, эмиры и другіе вельможи наперерывъ искали сближенія съ нимъ и охотно посѣщали его домъ, который вскорѣ сталъ мѣстомъ

сборища всей придворной знати. Но между этими высокими посѣтителями Эбнъ-Тагеръ питалъ особенное расположеніе къ одному молодому царевичу, по имени Ганэмъ-Али-Абу-Бекаръ, потомку древняго рода персидскихъ царей, которые съ самаго покоренія ихъ государства постоянно находились при Багдадскомъ дворѣ и пользовались тамъ подобающимъ почетомъ. Природа, какъ бы въ воздаяніе за утраченное могущество, щедро одарила этого юнаго царевича самыми рѣдкими качествами тѣла и души. Идеально-прекрасное лицо, стройный, мужественный станъ, необыкновенная грація во всѣхъ движеніяхъ, простота и вмѣстѣ утонченная вѣжливость въ обращеніи,—все это производило чарующее впечатлѣніе и сразу покоряло всѣ сердца. Когда онъ говорилъ, его рѣчь отличалась такою ясностью и такимъ изяществомъ изложенія. что самыя обыденныя вещи получали въ его устахъ какую то особую свѣжесть и новизну, при чемъ даже звукъ его голоса обаятельно дѣйствовалъ на слушателя. Не менѣе богато одаренный умомъ и проницательностью, онъ въ то же время былъ до такой степени скроменъ и сдержанъ, что не только не выставлялъ на видъ своихъ качествъ, но какъ бы намѣренно старался ихъ скрыть; когда же выражалъ свои сужденія или утверждалъ что нибудь, въ его спокойномъ тонѣ проявлялось полное уваженіе къ мнѣніямъ другихъ.

Не удивительно, что Эбнъ-Тагеръ полюбилъ его искренно и отдавалъ ему предпочтеніе передъ всѣми молодыми вельможами двора, отличавшимися скорѣе своими пороками, чѣмъ какими либо достоинствами. Одинъ разъ, когда царевичъ находился у него, къ лавкѣ приблизилась роскошно одѣтая женщина верхомъ на красивомъ, черно-пѣгомъ мулѣ, окруженная десятью молодыми, нарядными невольницами, сопровождавшими ее пѣшкомъ. Несмотря на плотную чадру, которая совсѣмъ скрывала лицо, въ этой женщинѣ, уже по одному ея общему виду, легко было распознать необыкновенную красоту; ея стройный, гибкій станъ былъ обвитъ широкимъ поясомъ изъ розоваго атласа, выложеннымъ въ узоръ крупнымъ жемчугомъ и бриллiантами поразительной величины. Остановившись, она легко соскочила съ мула и вошла въ чистую, просторную лавку Эбнъ-Тагера, который принялъ ее съ выраженіемъ особаго вниманія и вѣжливо просилъ отдохнуть, указавъ рукой на почетное мѣсто.

Между тѣмъ персидскій царевичъ, привыкшій къ утонченности обращенія, поспѣшно приспособилъ подушку изъ златотканной матеріи, которая должна была служить опорой красавицѣ, и потомъ, когда она заняла свое мѣсто, онъ низко преклонился передъ ней, поцѣловалъ коверъ у подножія софы и, поднявшись, остановился, какъ бы ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Молодая посѣтительница очевидно не стѣснялась въ давно знакомомъ ей домѣ Эбнъ-Тагера; граціознымъ движеніемъ

она откинула съ лица своего покрывало, и тогда передъ изумленными глазами царевича явилась во всемъ блескѣ невиданная, волшебная красота и мгновенно зажгла любовь въ его юномъ сердцѣ. Взоръ его оставался прикованнымъ къ ней, а самъ онъ стоялъ неподвижно, не смѣя шевельнуться, словно боялся, что при малѣйшемъ его движеніи чарователь видѣніе исчезнетъ. Казалось, и красавица съ своей стороны испытывала такое же чувство и робко, украдкой бросала на царевича застѣнчивые взгляды. — Сядь, прошу тебя, промолвила она наконецъ. Царевичъ повиновался и, все не спуская съ нея глазъ, жадно упиваясь одуряющимъ ядомъ любви, помѣстился на кончикѣ софы. Красавица сразу замѣтила, что̀ происходитъ въ его душѣ, и это открытіе окончательно рѣшило ея судьбу. Она встала и, приблизившись къ Эбнъ-Тагеру, шепотомъ спросила его, кто этотъ молодой незнакомецъ и изъ какой онъ страны? — Это лучшій изъ всѣхъ юношей Багдада, такъ же тихо отвѣтилъ Эбнъ-Тагеръ, онъ царскаго рода, а зовутъ его Ганэмъ-Али-Абу-Бекаръ.

— Такъ онъ царевичъ! воскликнула она, видимо обрадованная этимъ сообщеніемъ: ей пріятно было узнать о такомъ высокомъ происхожденіи человѣка, уже любимаго ею въ глубинѣ души. — Скажи же мнѣ, какой онъ націи? Не происходитъ ли изъ рода знаменитыхъ персидскихъ царей? — Да, госпожа моя, онъ дѣйствительно потомокъ той династіи, что господствовала когда то въ Персіи; но со временъ покоренія этого государства, предки его постоянно находились при дворѣ нашихъ калифовъ и всегда пользовались большимъ почетомъ. — Я рада, что встрѣтила его у тебя, перебила красавица, и потомъ, указывая на одну изъ своихъ провожатыхъ, добавила: — Вотъ что, когда я пришлю къ тебѣ эту невольницу съ приглашеніемъ посѣтить меня, ты приведи съ собой и его. Я желаю, чтобы онъ узналъ, какъ живутъ въ Багдадѣ особы высокаго званія, и убѣдился, что скупость не существуетъ въ этой средѣ; пусть онъ самъ увидитъ и другимъ разскажетъ, какое великолѣпіе окружаетъ меня. Запомни же мою просьбу и постарайся непремѣнно исполнить ее, иначе я такъ разсержусь на тебя, что никогда нога моя не будетъ въ твоей лавкѣ.

Эбнъ-Тагеръ былъ слишкомъ уменъ и проницателенъ, чтобы не догадаться сразу, какимъ чувствомъ вызвано это желаніе. — Госпожа моя и повелительница, отвѣтилъ онъ, ты знаешь, что каждое твое слово для меня законъ; избави Богъ, чтобы я когда нибудь осмѣлился прогнѣвить твою милость. Затѣмъ, красавица простилась съ нимъ и, бросивъ послѣдній выразительный взглядъ на персидскаго царевича, сѣла на мула и уѣхала.

Царевичъ, и безъ того влюбленный до безумія, былъ окончательно ошеломленъ этимъ чарующимъ взглядомъ: онъ проводилъ ее глазами

и долго даже послѣ того какъ она совсѣмъ уже скрылась изъ вида, продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ, съ лицомъ, обращеннымъ въ ея сторону. Наконецъ Эбнъ-Тагеръ тихонько дернулъ его за платье. — Опомнись, шепнулъ онъ ему, многіе уже замѣчаютъ твое окаменѣлое состояніе и смѣются надъ нимъ. — О, пусть смѣются! отвѣтилъ, юноша; еслибы они могли проникнуть въ мою душу, не смѣхъ я вызвалъ бы въ нихъ, а состраданіе, да и самъ ты пожалѣлъ бы меня. Но скажи мнѣ, другъ мой, ради Бога, кто это очаровательная женщина, что̀ такъ быстро и властно овладѣла всѣмъ моимъ существомъ? — Это любимая одалиска его величества - калифа, отвѣтилъ Эбнъ Тагеръ, знаменитая Шемзельнигара *).

— Да, да! перебилъ царевичъ, Шемзельнигара.... иного имени не можетъ быть у ней, такъ какъ краше самого солнца въ безоблачный день!—Это вѣрно, согласился Эбнъ - Тагеръ, потому-то калифъ, нашъ повелитель, и любитъ ее больше всего на свѣтѣ; по крайней мѣрѣ онъ строго приказалъ мнѣ исполнять малѣйшія ея желанія и даже стараться предупреждать ихъ.

Онъ говорилъ это съ цѣлью предостеречь царевича и заставить его отрѣшиться во̀ время отъ своей роковой любви, которая, кромѣ несчастія ничего не могла обѣщать ему въ будущемъ, но самая эта безнадежность только еще сильнѣе воспламенила его страсть. — О, я почти зналъ это! воскликнулъ онъ, невозможно было надѣяться, чтобы судьба дозволила мнѣ возвыситься до такого совершенства красоты; но пусть будетъ, что будетъ, а я не въ силахъ побѣдить своего чувства къ этому лучшему созданію во всемъ божьемъ мірѣ! Буду любить ее безъ надежды, помимо своей воли, и довольствоваться участью ея раба...

Такъ изливалъ влюбленный юноша волновавшія его чувства, а Шемзельнигара съ своей стороны во всю дорогу не переставала думать о немъ; его прекрасный образъ неотступно представлялся ея воображенію, а желаніе увидать его снова, говорить съ нимъ на свободѣ, услышать его рѣчь все усиливалось съ каждой минутой и стало наконецъ такъ неодолимо, что она тутъ же, еще не доѣзжая до дворца, подозвала къ себѣ свою довѣренную невольницу и приказала ей вернуться обратно къ Эбнъ-Тагеру, чтобы просить его пожаловать немедленно вмѣстѣ съ молодымъ царевичемъ. Невольница поспѣшно отправилась и пришла въ лавку въ то время, когда Эбнъ-Тагеръ все еще продолжалъ убѣждать своего юнаго друга въ необходимости отрѣшиться отъ несчастной любви къ избранницѣ калифа. Обращаясь къ нимъ обоимъ, посланная сказала: — Господа, моя повелительница прекрасная Шемзельнигара проситъ васъ пожаловать къ ней во дворецъ. Эбнъ-Тагеръ,

---

*) По арабски—*дневное свѣтило.*

желая выразить свою безусловную готовность повиноваться приказанію царской любимицы, тотчасъ же всталъ и направился къ выходу, не говоря ни слова, хотя внутренно онъ очень былъ недоволенъ предстоявшимъ посѣщеніемъ; царевичъ же, напротивъ, послѣдовалъ за нимъ съ нескрываемой радостью, даже не помышляя о тѣхъ опасностяхъ, какія могли угрожать ему; къ тому же его не мало успокоивало присутствіе Эбнъ-Тагера, имѣвшаго свободный доступъ въ женское отдѣленіе дворца. Когда они остановились у входа въ изящное зданіе, занимаемое Шемзельнигарой, невольница отворила передъ ними незапертую дверь и, введя въ обширный залъ, попросила ихъ сѣсть.

Съ нѣмымъ восторгомъ любовался царевичъ окружавшимъ его невиданнымъ великолѣпіемъ; ему казалось, что онъ находится въ одномъ изъ тѣхъ чудесныхъ чертоговъ, которые уготованы правовѣрнымъ на небесахъ. Такого богатства и такой красоты никогда до той минуты не представлялось ему даже въ воображеніи: все здѣсь, до послѣдней мелочи, было такъ очаровательно-прекрасно, изящно, роскошно, величественно, что превосходило всякое описаніе. Лишь только посѣтители заняли свои мѣста на устланномъ дорогими коврами возвышеніи эстрады, черныя невольницы, въ роскошныхъ одеждахъ, накрыли передъ ними столъ и уставили его всевозможными заманчивыми яствами, плодами, сластями, напитками, которыми не могъ бы не удовлетвориться самый изысканный вкусъ; во все продолженіе трапезы, довѣренная рабыня не переставала усердно угощать ихъ то тѣмъ, то другимъ, тогда какъ прочія прислужницы наполняли ихъ кубки янтарнымъ виномъ. Наконецъ, послѣ обильнаго угощенія, имъ подали воды въ золотыхъ кувшинахъ для омовенія рукъ, и различныхъ, тончайшихъ духовъ въ драгоцѣнныхъ флаконахъ, украшенныхъ рубинами и бриллiантами. Невольницы наливали имъ духи въ подставленныя горсти, которыми они, по принятому обычаю, проводили потомъ по лицу и бородѣ. Покончивъ съ этимъ, гости снова сѣли на свои мѣста, но та же рабыня, что привела ихъ сюда, приблизилась къ нимъ и попросила слѣдовать за ней; она растворила передъ ними одну изъ дверей и ввела ихъ въ другой, волшебно роскошный чертогъ, высокіе своды котораго поддерживались сотней массивныхъ мраморныхъ колоннъ, блестящихъ и бѣлыхъ, какъ алебастръ; ихъ основанія и оглавія были украшены изваяніями фантастическихъ животныхъ и птицъ, а причудливыя арабески на сводахъ потолка гармонировали пестротою и яркостью красокъ съ цѣльнымъ златотканнымъ ковромъ, застилавшимъ весь полъ и расшитымъ разноцвѣтными шелками. Въ каждомъ промежуткѣ двухъ колоннъ помѣщались небольшія софы, убранныя съ невыразимой роскошью, и тутъ же стояли громадныя вазы изъ разрисованнаго фарфора, горнаго хрусталя, яшмы, агата, порфира и драгоцѣнныхъ металловъ, вмѣщавшія цѣлые кусты цвѣту-

щихъ, ароматныхъ растеній. Обширныя окна, расположенныя между колоннъ, съ мраморными подоконницами на высотѣ человѣческаго локтя, выходили прямо въ роскошный садъ, аллеи котораго, выложенныя разноцвѣтными камушками, служили какъ бы продолженіемъ того же ковра, что разстилался въ чертогѣ; такимъ образомъ, при видѣ этой восхитительной смѣси цвѣтовъ и красокъ внутри и снаружи казалось, что и этотъ садъ, и этотъ волшебный дворецъ со всѣмъ своимъ убранствомъ расположены на одномъ и томъ же коврѣ. Вокругъ цвѣтника, параллельно аллеямъ, шли два глубокіе канала, наполненные водой, прозрачной и чистой, какъ горный хрусталь; одинъ изъ нихъ, прорытый немного выше другого, ниспадалъ въ него ровной, широкой скатертью, съ непрерывнымъ шумомъ водопада. На первомъ планѣ симетрично стояли громадныя вазы изъ позлащенной бронзы съ роскошными, цвѣтущими растеніями, дополняя собой очарованіе, а вдали, гдѣ деревья, переплетаясь своими вѣтвями, представляли сплошную, непроницаемую стѣну, миріады разнородныхъ птицъ оглашали воздухъ гармоничнымъ пѣніемъ, или, перепархивая съ мѣста на мѣсто, увеселяли зрѣніе своими граціозными полетами и воздушными схватками то мирными, то кровавыми.

Долго царевичъ и Эбнъ-Тагеръ съ восхищеніемъ любовались всей этой роскошью; часто, при видѣ чего нибудь особенно поражающаго, они даже вскрикивали отъ удивленія и восторга, а впечатлѣнія перваго были тѣмъ сильнѣе, что онъ никогда еще во всю жизнь не видывалъ ничего подобнаго. Но въ то время, какъ оба они были погружены въ созерцаніе этихъ дивныхъ произведеній искусства и фантазіи, вдругъ передъ ними, изъ глубины сада, выступила группа молодыхъ, красивыхъ, нарядныхъ женщинъ и размѣстилась на низкихъ табуретахъ изъ индійской чинары, украшенныхъ золотой и серебряной инкрустаціей. Всѣ онѣ держали въ рукахъ различные музыкальные инструменты и, казалось, ждали только приказанія, чтобы начать концертъ.

Сильно заинтересованные, Эбнъ-Тагеръ и царевичъ поспѣшили выдти на открытую веранду, откуда живописная группа женщинъ представилась имъ еще яснѣе. Направо виднѣлся внутренній дворъ, окаймленный цѣлымъ рядомъ сказочныхъ чертоговъ съ блестящими мраморными ступенями, спускавшимися въ садъ. Взволнованный и восхищенный такимъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, царевичъ воскликнулъ, обращаясь къ своему спутнику:—Не знаю, что испытываешь ты; можетъ быть, тебѣ, какъ человѣку опытному и бывалому, все это и не кажется до такой степени чудеснымъ, я же вполнѣ увѣренъ, что во всемъ мірѣ не найдется ничего подобнаго. Однако въ этомъ то собственно и заключается все мое несчастіе, добавилъ онъ съ грустью; когда я подумаю только о безграничной власти, о могуществѣ своего соперника,—о, какъ

жалокъ и ничтоженъ кажусь я даже самому себѣ! Судьба, словно въ насмѣшку, поставила меня лицомъ къ лицу съ величайшимъ монархомъ въ мірѣ, одного слова котораго достаточно, чтобы стереть меня съ лица земли. Даже теперь, въ эту самую минуту, развѣ я могу быть увѣренъ, что мнѣ не угрожаетъ опасность?

— Успокойся,—мягко проговорилъ Эбнъ Тагеръ; конечно, за послѣдствія твоей любви я не могу поручиться, но за твою безопасность въ настоящую минуту вполнѣ ручаюсь. Красавица Шемзельнигара пользуется въ этомъ роскошномъ жилищѣ совершенной свободой: ей не докучаютъ никакіе надсмотрщики, она живетъ здѣсь, какъ самовластная хозяйка; выходитъ, когда ей вздумается, и возвращается, когда угодно, не испрашивая на то ничьего позволенія. Даже самъ калифъ никогда не является къ ней безъ того, чтобы не предупредить ея о своемъ прибытіи черезъ Месрура, начальника евнуховъ. Слѣдовательно мы находимся здѣсь въ совершенной безопасности и спокойно можемъ прослушать концертъ, который прелестная Шемзельнигара очевидно желаетъ устроить для тебя.

Не успѣлъ онъ промолвить это, какъ женщины, по знаку распорядительницы, взяли нѣсколько аккордовъ на своихъ инструментахъ и, послѣ тихой и нѣжной прелюдіи, одна изъ нихъ, выступивъ впередъ, запѣла свѣжимъ, прекраснымъ голосомъ подъ звуки мелодичной лютни. Пѣсня, очевидно, была выбрана заранѣе, такъ какъ слова ея и самый мотивъ какъ нельзя болѣе подходили къ внутреннему состоянію царевича, который съ каждымъ куплетомъ все сильнѣе и сильнѣе увлекался ея чарующими звуками и подконецъ, взволнованный до глубины души,

онъ воскликнулъ:—это не пѣсня,—это вопли моего сердца! Ты обладаешь чудодѣйственнымъ даромъ проникать въ душу человѣка и посредствомъ дивныхъ звуковъ и словъ выражать тѣ завѣтныя чувства, которыхъ я и самъ не въ состояніи былъ бы выразить. Пѣвица ничего не отвѣтила на эту похвалу и закончила свою арію съ такой задушевной силой и страстностью, что слезы выступили изъ глазъ царевича. Потомъ вся группа женщинъ пропѣла хоромъ уже другую пѣсню:

Появится скоро предъ нами
Красавица наша луна
И блескомъ своимъ, и лучами
Сравняется съ солнцемъ она.

То было какъ бы предвѣстіемъ появленія самой Шемзельнигары.

Дѣйствительно, почти въ ту же минуту со стороны внутренняго двора показалось десять черныхъ невольницъ въ яркихъ одеждахъ; онѣ съ трудомъ подвигались подъ тяжестью массивнаго серебрянаго трона и, поставивъ его прямо противъ веранды, отошли къ деревьямъ, окаймлявшимъ цвѣтникъ. Вслѣдъ за ними, изъ тѣхъ же воротъ вышли еще десять женщинъ роскошнонарядныхъ, красивыхъ, какъ на подборъ, и остановились у входа въ ожиданіи своей госпожи. Наконецъ появилась и она, величавая, стройная, полная чарующей граціи; на плечи ея былъ накинутъ легкій, воздушный плащъ небеснаго цвѣта съ золотымъ отливомъ, а плавная поступь напоминала движеніе лучезарнаго свѣтила въ его шествіи по небу между грядами облаковъ, когда, не затемняя собой его блеска, они лишь озаряются яркими лучами. Жемчуга, брилліанты, рубины, изумруды, служившіе ей украшеніемъ, не обременяли ее своимъ обиліемъ, но, подобранные съ необычайнымъ вкусомъ, представляли несмѣтную цѣнность. Она поднялась на возвышеніе и сѣла на приготовленный ей тронъ.

Съ того мгновенія, какъ персидскій царевичъ увидалъ Шемзельнигару, онъ уже не отрывалъ отъ нея своего взгляда и нервно дрожащимъ голосомъ говорилъ Эбнъ-Тагеру: — Вотъ она та, кого искала, къ кому неудержимо рвалась моя душа! Я нашелъ ее, и всего остального міра больше не существуетъ для меня. Въ ней одной моя жизнь, мое счастіе, но въ ней же и причина всѣхъ моихъ страданій. Какъ тяжелы они, горьки, нестерпимы и какъ дороги моему сердцу! Кажется, я не промѣнялъ бы ихъ на всѣ блага міра, и пусть сердце мое разрывается на части, а я все-таки буду вѣчно благословлять эту мучительно блаженную минуту. Посмотри, какъ хороша она, моя радость, мечта моя... О, какъ желалъ бы я умереть теперь, чтобы только не испытывать, не переживать тѣхъ страшныхъ мученій, какія ожидаютъ меня впереди... А все ты, Эбнъ-Тагеръ, ты причина всѣхъ моихъ бѣдствій. Зачѣмъ привелъ меня сюда? Ты думалъ доставить мнѣ счастье!... Ошибся, другъ

мой: не счастье,—погибель ожидаетъ меня здѣсь. Но нѣтъ, нѣтъ, прости меня, я самъ не знаю, что̀ говорю... никто, кромѣ меня, не повиненъ въ моихъ мученіяхъ.—Спасибо и за то, что отдаешь мнѣ справедливость, отвѣтилъ Эбнъ-Тагеръ: я не только не содѣйствовалъ твоей роковой страсти, а напротивъ, съ первой же минуты желалъ предостеречь тебя, повѣдавъ, кому принадлежитъ эта красавица. Я надѣялся, что имя калифа поможетъ тебѣ еще въ зародышѣ задушить свое чувство. Но и теперь не поздно: все, что ты видишь здѣсь, должно тебѣ доказать, какъ дорога она калифу и какъ мало надежды остается для тебя. Такъ постарайся же отрѣшиться отъ своей безумной любви, одумайся, выбрось изъ головы всякую мысль объ осуществленіи своихъ желаній и сохрани одно только чувство—благодарность къ любимицѣ его величества, которая оказываетъ тебѣ честь своимъ радушнымъ пріемомъ. Успокойся и постарайся встрѣтить ее, какъ того требуетъ приличіе... Эхъ горе, горе! закончилъ Эбнъ-Тагеръ, еслибы знать, что

такъ случится, еслибы можно было начать снова, не такія мѣры слѣдовало бы принять мнѣ; но сдѣланнаго видно не передѣлаешь, и теперь остается одно: молить Бога, чтобы Онъ предотвратилъ угрожающее тебѣ несчастіе. Повторяю, будь же благоразуменъ и помни, что любовь самый коварный предатель; она заведетъ тебя въ такую бездну, откуда уже не будетъ выхода. Но, смотри, вотъ она насъ привѣтствуетъ...

Дѣйствительно, въ эту минуту Шемзельнигара, помѣстившись на своемъ тронѣ, привѣтливо кивнула имъ головой и остановила выразительный взглядъ на персидскомъ царевичѣ, который въ свою очередь смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ благоговѣйнаго восторга; эта нѣмая сцена длилась всего нѣсколько секундъ, но она такъ много сказала влюбленнымъ, что едва ли они могли бы что нибудь добавить при самомъ продолжительномъ объясненіи. Чувства, наполнявшія ихъ въ эти мгновенія, не поддаются передачѣ словами, и потому достаточно сказать, что Шемзельнигара, убѣдившись въ безграничной любви царевича, считала себя счастливѣйшей женщиной во всемъ мірѣ. Съ глазами, блиставшими невыразимой радостью, она обратилась къ тѣмъ невольницамъ, что̀ сидѣли въ отдаленіи съ музыкальными инструментами въ рукахъ, и приказала имъ приблизиться. Тѣ тотчасъ же всѣ встали и подошли, а черныя рабыни, стоявшія все время у деревьевъ, перенесли табуреты и, разставивъ ихъ передъ фасадомъ дворца, образовали противъ веранды правильный полукругъ, въ срединѣ котораго помѣщался тронъ Шемзельнигары.

Когда женщины заняли свои мѣста, одна изъ нихъ, по знаку повелительницы, выступила впередъ и, настроивъ арфу, запѣла нѣжнымъ, звучнымъ голосомъ. Пѣсня ея говорила о страстной, беззавѣтной любви двухъ сердецъ, которымъ злая судьба мѣшаетъ слиться воедино. Они страдаютъ и томятся въ неизбѣжной разлукѣ, но терпѣливо переносятъ всѣ гоненія и только отвѣчаютъ на нихъ:

То не наша вина,—суждено намъ судьбой
Неизмѣнно другъ друга любить;
Самимъ Богомъ зажженъ этотъ пламень святой,—
Кто же властенъ его погасить?

Выраженіе лица и видимое волненіе Шемзельнигары такъ ясно говорили, къ кому относится эта пѣсня, что персидскій царевичъ не выдержалъ; въ избыткѣ чувствъ, переполнявшихъ его душу, онъ перегнулся черезъ перила веранды и знаками подозвалъ къ себѣ пѣвицу.— Вторь моей пѣснѣ, прошу тебя, сказалъ онъ ей и запѣлъ съ той страстной силой, какую только можетъ вызвать безпредѣльная любовь. Когда онъ кончилъ, слезы выступили на глазахъ Шемзельнигары; трепещущая, взволнованная, она поднялась и, слѣдуя его примѣру, сказала той же невольницѣ:—Теперь слушай меня и вторь моему голосу. Затѣмъ изъ

устъ ея полилась пѣсня, полная такого глубокаго чувства, такой задушевной грусти, что царевичъ, весь охваченный страстью и невыразимымъ восторгомъ, едва сдерживая душившія его рыданія, отвѣтилъ ей новой пѣснью, звуки которой вырывались прямо изъ глубины его взволнованной души.

Этотъ взаимный обмѣнъ чувствъ при посредствѣ чарующихъ пѣсенъ дѣйствовалъ на обоихъ опьяняющимъ образомъ; лишенная всякаго самообладанія, Шемзельнигара порывисто встала съ своего трона и въ какомъ то забытьи направилась къ верандѣ. Это движеніе словно электрической искрой сообщилось царевичу: онъ такъ же всталъ и быстрыми шагами пошелъ къ ней навстрѣчу. Черезъ секунду руки ихъ сплелись, и они, прильнувъ другъ къ другу, замерли въ страстномъ поцѣлуѣ. Волненіе, охватившее ихъ, было такъ сильно, что оба не выдержали и одновременно лишились сознанія. Невольницы, сопровождавшія Шемзельнигару, поспѣшно поддержали обоихъ и перенесли во дворецъ, гдѣ разными душистыми спиртами стали приводить ихъ въ чувство.

Открывъ глала, Шемзельнигара прежде всего освѣдомилась объ Эбнъ-Тагерѣ, который еще въ самомъ началѣ этой сцены удалился отъ влюбленныхъ, чтобы не стѣснять ихъ своимъ присутствіемъ, и не появлялся во все время, пока невольницы хлопотали около своей госпожи, стараясь привести ее въ чувство. Это происшествіе сильно заботило его, заставляя опасаться печальныхъ послѣдствій, однакожъ онъ поспѣшилъ явиться на зовъ.

Шемзельнигара ласково улыбнулась ему и сказала съ нескрываемой радостью:—Не знаю, буду ли я въ состояніи выразить тебѣ всю свою благодарность за то, что ты доставилъ мнѣ счастіе увидать и полюбить того, кто теперь дороже для меня всего на свѣтѣ. Но будь увѣренъ, я не умру, не отплативъ тебѣ по заслугамъ; моя признательность, если это только возможно, будетъ равняться твоему благодѣянію.— Эбнъ-Тагеръ отвѣтилъ ей глубокимъ поклономъ и сердечнымъ пожеланіемъ счастія.

Потомъ красавица обернулась къ царевичу, сидѣвшему около нея, и, нѣсколько смущенная тѣмъ, что произошло между ними, стыдливо проговорила:—Милый, я вѣрю въ твою любовь, какъ и ты долженъ вѣрить въ мою, но не будемъ обольщать себя напрасной надеждой; для насъ нѣтъ счастья, хотя мы и созданы другъ для друга; въ будущемъ кромѣ горя, страданій и смертельной тоски, насъ ничто не ожидаетъ. Что же намъ дѣлать теперь? Сами мы ничего не придумаемъ и ничѣмъ не поможемъ себѣ; будемъ же надѣяться на Провидѣніе, положимся во всемъ на Его благую волю, будемъ терпѣливо ждать и любить другъ друга, несмотря ни на что...—О, моя возлюбленная! перебилъ царевичъ, я радъ, что ты по крайней мѣрѣ не сомнѣваешься въ моей люб-

ви и вѣришь, что никакія страданія въ мірѣ не заставятъ меня отрѣшиться отъ нея. Вѣдь ты жизнь моя, свѣтъ мой, разумъ... ты такъ глубоко сроднилась съ моей душой, что разорвать этихъ несокрушимыхъ узъ не могла бы и самая вѣчность. Говоря это, онъ судорожно сжималъ ея руку, а слезы неудержимо струились изъ глазъ. Плакала съ нимъ и Шемзельнигара.

Глубоко растроганный этой сценой и желая успокоить ихъ, Эбнъ-Тагеръ сказалъ, обращаясь къ одалискѣ:—Госпожа моя, прости великодушно, но я не понимаю твоей настоящей горести: вмѣсто того, чтобы плакать, вы оба должны бы радоваться, что находитесь вмѣстѣ. Что же это будетъ, когда судьба разлучитъ васъ? Впрочемъ, эта разлука и теперь необходима: мы давно уже здѣсь, и ты сама понимаешь, что намъ пора удалиться.

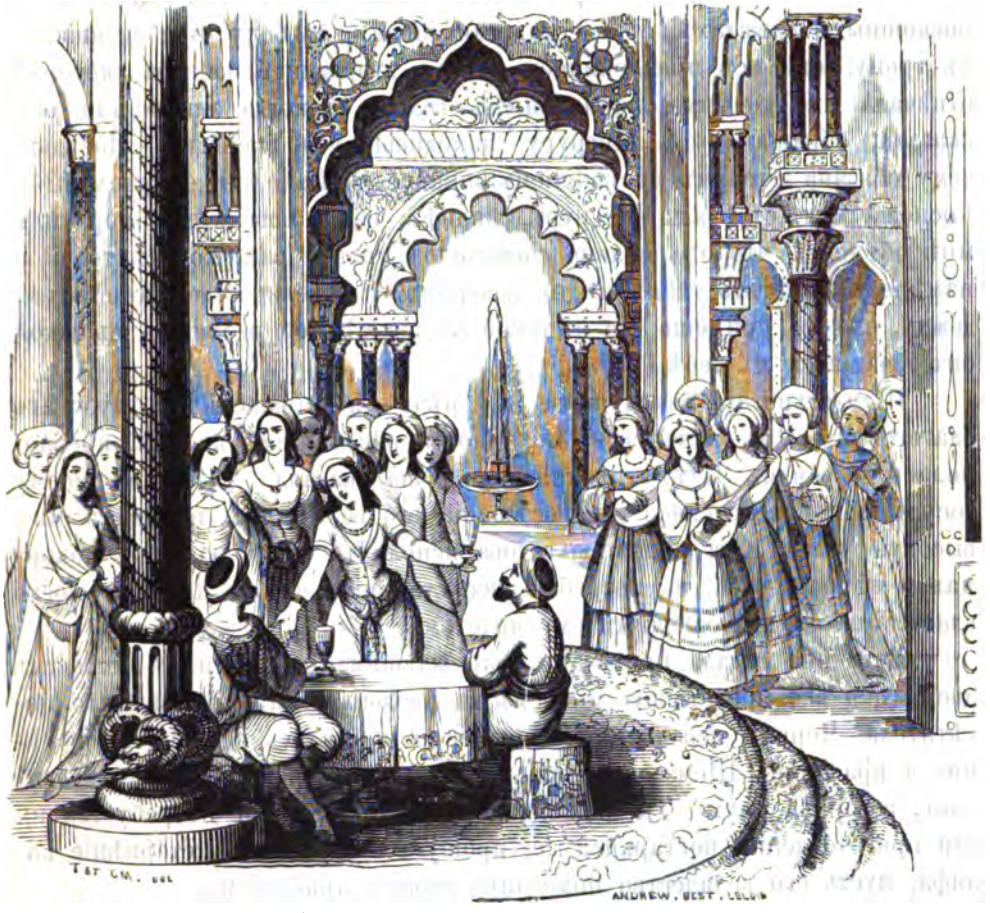
Шемзельнигару не разсердили слова Эбнъ-Тагера; она вѣрила его искренней преданности и рѣшилась послѣдовать разумному совѣту.—Да, мы должны подчиниться печальной необходимости, промолвила она; несчастная, роковая моя судьба! Ты отнимаешь у меня то, безъ чего и самая жизнь мнѣ не въ жизнь!... Затѣмъ, обернувшись къ своей домоправительницѣ, она сдѣлала ей знакъ; та немедленно вышла и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ небольшимъ серебрянымъ столикомъ, уставленнымъ отборными фруктами; вслѣдъ за нею вошли три черныя невольницы, изъ которыхъ каждая держала по золотому подносу съ высокимъ кубкомъ изъ горнаго хрусталя, наполненнымъ до краевъ золотистымъ виномъ. Поставивъ ихъ передъ царевичемъ, Шемзельнигарой и Эбнъ-Тагеромъ, онѣ молча удалились.

Тогда красавица встала, взяла свой кубокъ и, высоко поднявъ его, нѣжнымъ, мелодичнымъ голосомъ пропѣла подходящую пѣсню, тутъ же сложенную ею самой. Одна изъ женщинъ вторила ей на лютнѣ. Съ послѣднимъ звукомъ Шемзельнигара осушила кубокъ до дна, потомъ взяла другой и, поднеся его царевичу, сказала:—Выпей за нашу вѣчную любовь, какъ выпила я. Принявъ изъ руки ея кубокъ, царевичъ отвѣтилъ ей сложившейся у него мгновенно печальной пѣсней, которой вторила другая новольница на другомъ инструментѣ:

Не знаю, что выпью, голубка:
Вина ль золотыя струи
Изъ этого полнаго кубка,
Иль горькія слезы мои?

Третій кубокъ красавица подала Эбнъ-Тагеру; тотъ принялъ его съ глубокимъ поклономъ и, снова пожелавъ ей полнаго счастія, выпилъ до капли ароматное вино.

Въ эту минуту къ Шемзельнигарѣ торопливо приблизилась ея довѣренная рабыня и сказала взволнованнымъ голосомъ:—Госпожа, Мес-



руръ, начальникъ евнуховъ у воротъ; онъ желаетъ говорить съ тобой отъ лица его величества.—Услыхавъ эти слова, персидскій царевичъ и Эбнъ-Тагеръ вздрогнули оба и поблѣднѣли, словно уже приговоренные къ смерти. Красавица замѣтила этотъ испугъ и невольно улыбнулась:— Не тревожьтесь! сказала она, вы здѣсь въ совершенной безопасности,— затѣмъ поручила своей наперсницѣ задержать посланниковъ калифа, не впуская до тѣхъ поръ, пока она не приготовится и не велитъ ихъ позвать. Въ то же время она приказала завѣсить всѣ окна и наконецъ, бросивъ послѣдній, успокоительный взглядъ на своихъ гостей, поспѣшно вышла изъ комнаты.

Спустившись въ садъ, Шемзельнигара отдала приказаніе сопровождавшимъ ее невольницамъ убрать табуреты, еще стоявшіе передъ верандой, и привести все въ прежній порядокъ; когда же это было исполнено, она взошла на возвышеніе и, занявъ свое мѣсто на серебряномъ тронѣ, велѣла сказать начальнику евнуховъ, что теперь онъ можетъ пожаловать къ ней.

Месруръ явился въ сопровожденіи двадцати черныхъ евнуховъ въ роскошныхъ одеждахъ, съ блестящими саблями на боку; приблизившись къ трону, они всѣ преклонились передъ любимицей калифа, которая отвѣчала имъ легкимъ наклоненіемъ головы, а когда они встали, она сказала, обращаясь къ Месруру, находившемуся впереди: — Повѣдай, чему обязана я твоимъ посѣщеніемъ, и какое извѣстіе принесъ ты мнѣ? — Госпожа моя, отвѣчалъ Месруръ, калифъ, нашъ повелитель, поручилъ мнѣ объявить, что онъ сильно соскучился долгой разлукой съ тобой и намѣренъ посѣтить тебя сегодня вечеромъ. Его величество питаетъ надежду, что ты примешь его съ такой же неизмѣнной радостью, съ какой онъ стремится къ тебѣ.

Шемзельнигара выслушала эту рѣчь съ выраженіемъ глубокаго благоговѣнія и, въ знакъ своей покорности повелѣніямъ калифа, преклонилась до земли. Затѣмъ, поднявшись, она сказала: — Передай моему государю и повелителю, что посѣщеніе его величества доставитъ мнѣ высокую честь; я съ радостью готова исполнить его волю, какъ покорная и вѣрная раба, и употреблю все стараніе, чтобы принять моего властелина съ подобающимъ ему почетомъ.

Тутъ она отдала приказаніе окружавшимъ ее рабынямъ украсить дворецъ и все приготовить въ немъ къ достойному пріему высокаго посѣтителя. Черныя невольницы немедленно принялись исполнять повелѣніе, а красавица Шемзельнигара, провожая до дверей начальника евнуховъ, говорила ему: — Ты видишь, какъ много времени потребуется на эти приготовленія, постарайся же, прошу тебя, умѣрить нетерпѣніе калифа, пусть его величество помедлитъ своимъ прибытіемъ.

Но когда Месруръ удалился въ сопровожденіи свиты, Шемзельнигара бросила все и поспѣшно вернулась къ своимъ гостямъ, ожидавшимъ ее съ большимъ волненіемъ. Лицо красавицы въ эту минуту было такъ блѣдно и грустно, что Эбнъ-Тагеръ испугался и подумалъ не случилось ли какого нибудь особеннаго несчастія? царевичъ же сразу отгадалъ настоящую причину этой печали и проговорилъ тихо, съ глазами полными слезъ: — Милая, тебя тревожитъ необходимость нашей разлуки? Что же дѣлать; надо покориться печальной участи, и хотя сердце мое готово разорваться на части, я все же безропотно подчинюсь неизбѣжному. Будемъ надѣяться на благость Божію, какъ ты сама же учила меня. Можетъ быть, Онъ дастъ намъ силу перенести это горе и предотвратитъ отъ насъ еще большія несчастія. — Царевичъ, воскликнула Шемзельнигара, ты еще можешь говорить такъ, потому что твое горе не сравнимо съ моимъ; я знаю, какъ тяжело тебѣ будетъ не видать меня, но въ этомъ, и только въ этомъ, все твое несчастіе; у тебя остается надежда на новое свиданіе, которая можетъ ободрить и утѣшить, а представь себѣ, какая страшная, невыносимая участь ожидаетъ меня! Я не-

только разлучаюсь съ тобою, но еще буду вынуждена отвѣчать на ласки другого человѣка, присутствіе котораго ты сдѣлалъ для меня ненавистнымъ. Какъ я приму своего властелина, что скажу ему, когда сердце мое полно тобою, когда образъ твой весь міръ заслоняетъ отъ меня? Онъ будетъ искать въ моихъ глазахъ той свѣтлой радости, съ какою встрѣчала я его прежде, и не найдетъ ея, не встрѣтитъ отвѣта на свои нѣжныя, ласковыя рѣчи. Я буду холодна, разсѣянна, далеко отъ него улетятъ мои мысли, а каждый поцѣлуй его, каждое объятіе будетъ для меня ударомъ кинжала въ сердце. О, мой дорогой, ненаглядный, пожалѣй меня!... Рыданія прервали ея слова, и она почти безъ чувствъ упала въ объятія царевича; тотъ хотѣлъ было отвѣтить ей что то, но душившія его слезы не давали ему говорить.

Эбнъ-Тагеръ, сознавая всю опасность настоящаго положенія, старался успокоить ихъ и утѣшить, на сколько могъ; онъ совѣтовалъ имъ вооружиться терпѣніемъ и не предаваться прежде времени такому отчаянію; но слова его были прерваны появленіемъ домоправительницы, которая вбѣжала въ комнату и, едва переводя духъ, проговорила:— Госпожа моя, нельзя терять ни одной минуты; евнухи уже всѣ въ сборѣ, а ты знаешь, калифъ не заставитъ себя ждать....

— О, Боже мой! воскликнула Шехезадагара, вот моя [illegible] мы [illegible]... Но прежде всего, добавила она, надо [illegible] из обоих в ту галерею, что одной стороной выходит в сад, а другою — на берег Тигра, куда же совсем стемнеет, они удалися в [illegible]... Затем она страстно прильнула к царевичу, в последний раз обняла его и, с грустью оторвавшись, поспешила на встречу [illegible].

Между тем евреянка невольница, кроме Эбиль-Тагера и [illegible] царевича в упомянутую галерею, сказала, чтобы они не [illegible], что она придет за ними, как только [illegible], и, [illegible], плотно притворив за собою дверь. Однако [illegible] не [illegible] [illegible] на заключенных, оставшись одни и [illegible] [illegible] выхода из галереи, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] что сам калиф или кто-нибудь из его приближенных войдет сюда и обнаружит их [illegible].

В другой свет, [illegible] пожара, [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] галерею со стороны сада. В [illegible] [illegible] [illegible] в окна и [illegible] [illegible] [illegible] с [illegible] [illegible] из [illegible]. За ними следовали еще [illegible] [illegible] невольниц, в [illegible] [illegible] с [illegible] [illegible] на [illegible], и обе [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], второй [illegible] между [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible].

Шехезадагара [illegible] свет [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

женными свѣтильниками, разсѣялись въ разныя стороны, не въ далекомъ разстояніи одинъ отъ другого; къ нимъ тотчасъ же присоединились невольницы Шемзельнигары съ факелами въ рукахъ, и весь садъ запылалъ безчисленными огнями. Калифъ съ удовольствіемъ оглянулся кругомъ и тутъ замѣтилъ, что двери и окна ближайшаго чертога всѣ сплошь закрыты и завѣшены.

— Что это значитъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ. Но въ эту самую минуту, какъ бы въ отвѣтъ на его вопросъ, двери и окна распахнулись настежъ, и весь чертогъ, внутри и снаружи, засіялъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, не уступавшимъ сіянію солнца. Зрѣлище было настолько очаровательно, что калифъ не могъ скрыть своего восторга и, обращаясь къ Шемзельнигарѣ, сказалъ:—Я понимаю тебя, моя радость, ты хотѣла доказать мнѣ, что и ночь можетъ быть не темнѣе дня. Глядя на это великолѣпное освѣщеніе, нельзя не согласиться съ тобой.

Но возвратимся къ заключеннымъ. Изъ окна галлереи, гдѣ они находились, имъ было видно все, что происходило въ саду, и Эбнъ-Тагеръ, несмотря на всю опасность своего положенія, былъ такъ восхищенъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ, что не могъ оторвать отъ него глазъ.—Я уже не молодъ, говорилъ онъ, многое видалъ на своемъ вѣку,

но такой роскоши, такого великолѣпія отъ роду еще не приходилось встрѣчать. Все, что разсказываютъ намъ о волшебныхъ замкахъ, едва ли можетъ сравниться съ этой восхитительной дѣйствительностью.... Сколько тутъ блеска, величія, и какое дивное богатство фантазіи!

Но персидскій царевичъ не раздѣлялъ его восторговъ; грустно, безучастно смотрѣлъ онъ на этотъ блескъ, и все его вниманіе, всѣ мысли были сосредоточены на томъ, что дѣлаетъ и какъ относится калифъ къ его возлюбленной. — Другъ мой, говорилъ онъ Эбнъ-Тагеру, ты не повѣришь, какъ тяжело и больно мнѣ присутствовать на этой царской забавѣ; кровь приливаетъ къ сердцу, и я чувствую, что готовъ задохнуться отъ отчаянія. Боже мой, какая невыносимая пытка! Еще не болѣе, какъ за нѣсколько минутъ, я считалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ, и вотъ теперь этотъ могучій соперникъ топчетъ и разбиваетъ въ прахъ мое счастье. Нѣтъ, я не могу долѣе переносить этого, терпѣніе истощается и мужество покидаетъ меня.... Уйдемъ же отсюда, бѣжимъ!...

Въ эту минуту въ саду произошло что то необычайное; всѣ разомъ забѣгали, засуетились, а передъ тѣмъ внимательно наблюдавшій Эбнъ-Тагеръ отчетливо видѣлъ, какъ Шемзельнигара блѣдная и страшно взволнованная, вдругъ покачнулась и безъ чувствъ упала навзничъ. Невольницы бросились къ ней и поспѣшно перенесли ее во дворецъ. Причиною тому была пѣсня, пропѣтая невольницами по приказанію калифа; въ ней говорилось о страстной и нѣжной любви, о жгучемъ страданіи въ разлукѣ съ милымъ, и калифъ, убѣжденный въ вѣрности своей красавицы, слушалъ эту пѣсню съ самодовольной улыбкой, примѣняя къ себѣ ея слова; но не то происходило въ душѣ Шемзельнигары: они отзывались въ ней такою невыносимой болью, что она лишилась сознанія.

Въ то время, какъ невольницы переносили ее во дворецъ, Эбнъ-Тагеръ обернулся къ царевичу и къ своему ужасу увидалъ его распростертымъ на полу, въ глубокомъ обморокѣ. Онъ понялъ причину такого состоянія и былъ пораженъ чудесною силой сочувствія этихъ любящихъ сердецъ. Однако это неожиданное событіе еще увеличивало опасность положенія; Эбнъ-Тагеръ пытался было привести царевича въ чувство, но всѣ его усилія оставались напрасными. Вдругъ въ галлереѣ послышались торопливые шаги; та же невольница вбѣжала впопыхахъ, и едва переводя дыханіе, проговорила:—Идите скорѣе, спасайтесь! Здѣсь все въ такомъ смятеніи, словно наступаетъ послѣдній часъ. Но, увидавъ, что и царевичъ лежитъ безъ сознанія, она поспѣшно вернулась назадъ и черезъ нѣсколько секундъ принесла кувшинъ холодной воды.

Когда, послѣ многихъ вспрыскиваній, юноша наконецъ открылъ глаза, Эбнъ-Тагеръ приподнялъ его и сказалъ взволнованныхъ голосомъ:—Царевичъ, намъ нельзя терять ни одной минуты, мы погибнемъ

оба, если останемся здѣсь долѣе; собери же всѣ свои силы, и бѣжимъ скорѣй! Но царевичъ такъ былъ слабъ, что не могъ двинуться съ мѣста; тогда, при содѣйствіи невольницы, Эбнъ-Тагеръ поднялъ его на ноги и вывелъ черезъ потайную желѣзную дверь на берегъ широкаго канала, соединявшагося съ рѣкой. Здѣсь повѣренная Шемзельнигары ударила три раза въ ладони, и тотчасъ же къ берегу причалила небольшая лодка съ однимъ гребцомъ. Царевичъ сошелъ въ нее съ помощью Эбнъ-Тагера, и они поплыли, а невольница провожала ихъ, до тѣхъ поръ, пока лодка не вступила въ теченіе Тигра. Въ эту минуту царевичъ приподнялся и, протягивая руки по направленію дворца, проговорилъ слабымъ, прерывающимся голосомъ:—Тамъ я оставилъ все, чѣмъ живу и дышу, но пока сердце не перестанетъ биться въ груди, моя мысль, мой разумъ,—вся душа моя будетъ стремиться туда!...

А Эбнъ-Тагеръ между тѣмъ думалъ совсѣмъ о другомъ: его сильно тревожила мысль, какъ доберутся они до дому въ такую позднюю пору и при такомъ ненадежномъ состояніи царевича? Очевидно было, что ему не по силамъ не только скорое, но даже и медленное движеніе, и въ этомъ пришлось убѣдиться, когда лодка наконецъ остановилась, и они вышли на берегъ. Царевичъ оказался такъ слабъ, что съ трудомъ передвигалъ ноги, и такое затруднительное положеніе представляло еще не малую опасность: ихъ легко могла встрѣтить и захватить ночная стража, а въ такомъ случаѣ имъ грозили неисчислимыя непріятности. Къ счастію, Эбнъ-Тагеръ вспомнилъ, что здѣсь, неподалеку, живетъ одинъ его хорошій знакомый, который навѣрное не откажетъ имъ въ пріютѣ до утра. Онъ тотчасъ же направился туда и черезъ нѣсколько минутъ уже стучался у дверей своего пріятеля; тотъ дѣйствительно съ полнымъ радушіемъ принялъ запоздалыхъ гостей и спросилъ, какая счастливая случайность привела ихъ къ нему. Въ отвѣтъ Эбнъ-Тагеръ

разсказалъ цѣлую исторію: — сегодня утромъ, говорилъ онъ, я случайно узналъ, что одинъ изъ моихъ крупныхъ должниковъ намѣревается предпринять дальнее плаваніе; это сильно встревожило меня, и я рѣшилъ повидаться съ нимъ, не теряя времени. По дорогѣ мнѣ встрѣтился вотъ этотъ молодой человѣкъ, одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей, онъ хорошо знаетъ моего должника и потому предложилъ мнѣ свое содѣйствіе. Дѣйствительно, благодаря ему, я получилъ свой долгъ, но всѣ эти переговоры задержали насъ до поздней ночи, а тутъ, на обратномъ пути мой юный товарищъ вдругъ почувствовалъ себя такъ дурно, что не могъ идти дальше. Тогда я вспомнилъ о тебѣ и рѣшился просить твоего гостепріимства, въ которомъ, надѣюсь, ты не откажешь намъ.

Повѣрилъ, или нѣтъ, хозяинъ этой баснѣ, во всякомъ случаѣ онъ принялъ гостей съ большимъ радушіемъ и началъ было хлопотать объ угощеніи, но Эбнъ-Тагеръ просилъ его не безпокоиться, увѣряя, что, кромѣ отдыха, ничего не нужно. Тогда хозяинъ проводилъ ихъ въ отдѣльное помѣщеніе и предоставилъ имъ полную свободу.

Не смотря на всѣ удобства, царевичъ провелъ эту ночь далеко неспокойно: въ минуты недолгаго забытья мучительныя грезы воскрешали передъ нимъ безотрадную дѣйствительность; онъ видѣлъ свою Шемзельнигару блѣдную, недвижимую, безъ чувствъ лежащую у ногъ калифа. Не спалось также и Эбнъ-Тагеру; мысль о своихъ домашнихъ, навѣрное встревоженныхъ его отсутствіемъ, не давала ему покоя; онъ съ нетерпеніемъ дожидался равсвѣта и какъ только забрежжило на небѣ, разбудилъ своего товарища и, простившись съ хозяиномъ, уже стоявшимъ на утренней молитвѣ, отправился домой. Лихорадочный сонъ, разумѣется, не могъ подкрѣпить царевича; онъ съ трудомъ слѣдовалъ за Эбнъ-Тагеромъ и, едва добравшись до его дома, бросился на софу въ такомъ изнеможеніи, словно прошелъ безъ отдыха изъ одной страны въ другую. Эбнъ-Тагеръ принялъ всѣ мѣры, чтобы облегчить его страданія; онъ отвелъ ему отдѣльную комнату и весь свой домъ предоставилъ въ его полное распоряженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ извѣстить всѣхъ близкихъ царевича о томъ, гдѣ онъ находится и въ какомъ состояніи.

Вскорѣ многочисленные друзья стали являться одинъ за другимъ; они съ участіемъ распрашивали больного и провели около него весь этотъ день. Конечно, они не могли облегчить его недуга, но все же дали ему возможность забыться и настолько развлекли его грустныя мысли, что къ вечеру онъ почувствовалъ себя гораздо лучше и хотѣлъ было возвратиться домой, но Эбнъ-Тагеръ, надѣясь окончательно возстановить его силы, уговорилъ остаться до другого дня; въ тоже время чтобы доставить ему еще большее развлеченіе, онъ устроилъ у себя вечеръ съ пѣніемъ и музыкой. Къ сожалѣнію, все это не успокоило, а только разбередило наболѣвшее сердце царевича, живо напомнивъ ему

другія пѣсни, которыя затѣмъ уже во всю ночь не давали заснуть, а на разсвѣтѣ онъ всталъ еще болѣе слабый, еще болѣе измученный, чѣмъ наканунѣ. Увидавъ это, Эбнъ-Тагеръ уже не сталъ противиться его желанію возвратиться домой; онъ самъ проводилъ его, поддерживая во всю дорогу, самъ уложилъ въ постель и долго еще потомъ оставался съ нимъ, все стараясь доказать, насколько безумна и опасна его любовь.— Ты обязанъ отрѣшиться отъ этой несчастной страсти, горячо сказалъ онъ въ заключеніе, если не хочешь погубить и себя, и свою возлюбленную. — Другъ мой, отвѣтилъ царевичъ, подумай только, какъ легко давать такіе совѣты и какъ трудно слѣдовать имъ; я не могу оспаривать разумности твоихъ доводовъ, но что же дѣлать, если мое чувство сильнѣе меня? — Убѣдившись въ безполезности дальнѣйшихъ разсужденій, Эбнъ-Тагеръ простился съ нимъ и хотѣлъ было удалиться, но царевичъ остановилъ его:—Не сердись на меня, дорогой другъ мой, и не ставь мнѣ въ вину того, что не зависитъ отъ моей воли. Не лишай меня своей дружбы, необходимой мнѣ теперь еще болѣе, чѣмъ когда-либо. Ты знаешь, съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ я ожидаю всякаго извѣстія о Шемзельнигарѣ, и какъ мучительно тревожитъ меня ея послѣдній обморокъ...—Успокойся, царевичъ, отвѣтилъ Эбнъ-Тагеръ, я увѣренъ, что это не можетъ имѣть для нея никакихъ печальныхъ послѣдствій; во всякомъ случаѣ, даю тебѣ слово, что какъ только явится довѣренная Шемзельнигары, я распрошу ее подробно и ничего не скрою отъ тебя.

Онъ оставилъ царевича ободреннымъ этой надеждой и, вернувшись домой, сталъ поджидать невольницу; но ни въ этотъ, ни въ слѣдующій день, она не приходила, что сильно огорчало Эбнъ-Тагера, такъ какъ онъ зналъ, въ какомъ тревожномъ состояніи долженъ былъ находиться царевичъ. Наконецъ, сознавая, что долѣе уже невозможно откладывать посѣщенія, онъ скрѣпя сердце отправился къ своему юному другу. Больной лежалъ въ постели, окруженный родными и врачами, старавшимися облегчить его недугъ всѣми средствами своего искусства, но имъ не удавалось разгадать его тайной причины, которой не могли превозмочь никакія снадобья. Съ утомленіемъ слушалъ царевичъ ученыя рѣчи врачей, и на губахъ его при этомъ блуждала насмѣшливая улыбка; когда же вошелъ Эбнъ-Тагеръ, онъ мгновенно оживился, и все лицо его озарилось радостью.

Повинуясь желанію больного, всѣ находившіеся въ комнатѣ тотчасъ же удалились; тогда, оставшись наединѣ съ Эбнъ-Тагеромъ, онъ судорожно схватилъ его за руку и засыпалъ вопросами:—Ну, что? какую вѣсть принесъ ты мнѣ: радостную или печальную? Говори скорѣй, не мучь ради Бога!... Когда же тотъ отвѣтилъ, что невольница еще не была у него, и о Шемзельнигарѣ не получалось никакихъ извѣстій,

[illegible] а сердце его сжалось такъ [illegible] произнести ни слова. — Полно, [illegible] Эбнъ-Тагеръ, не выдумывай себѣ [illegible] вѣдь сюда каж- [illegible] кто-нибудь, а ты знаешь, какъ тщательно [illegible] чувства. — Что же мнѣ дѣлать! воскли- [illegible] молчать, но надъ слезами сво-

ими я не волнуюсь. Вѣдь, если не станетъ моей возлюбленной, я не переживу ея ни одной минутой...—Довольно, отгони эти мрачныя мысли, [illegible] его Эбнъ-Тагеръ, что твоя Шемзельнигара жива и здорова, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, а если она до сихъ поръ не дала о себѣ вѣсти, такъ значитъ нельзя было, что-нибудь мѣшало ей. И добавивъ къ этому еще нѣсколько успокоительныхъ словъ, Эбнъ-Тагеръ простился съ царевичемъ.

На этотъ разъ, только что успѣлъ онъ придти домой, къ нему явилась повѣренная Шемзельнигары. Лицо ея было грустно и повидимому не предвѣщало ничего утѣшительнаго. Эбнъ-Тагеръ тревожно спросилъ, не случилось ли какого нибудь несчастія съ ея госпожой.

Нѣтъ, пока еще Богъ милуетъ, отвѣтила она, но ты скажи мнѣ прежде, оправился ли царевичъ? Госпожа моя тревожится и тоскуетъ о немъ ежеминутно. Должно быть также, какъ и онъ о ней, замѣтилъ Эбнъ-Тагеръ и подробно разсказалъ обо всѣхъ его страданіяхъ за послѣдніе два дня. Тоже самое было и съ Шемзельнигарой, продолжала

невольница; я вернулась къ ней, какъ только проводила васъ, и нашла ее все въ такомъ же глубокомъ обморокѣ. Калифъ, видимо огорченный, не отходилъ онъ нея ни на одну минуту; онъ настойчиво допрашивалъ всѣхъ насъ о причинѣ ея недуга и въ особенности меня, но мы конечно, не выдали тайны, хотя были въ страшномъ испугѣ и плакали всѣ навзрыдъ. Около полуночи она наконецъ открыла глаза, и ужъ какъ же тогда обрадовался калифъ, словно увидалъ ее воскресшей изъ мертвыхъ! Онъ обнялъ ее и участливо, ласково сталъ распрашивать, она же, какъ услыхала его голосъ, освободилась изъ объятій и, упавъ къ его ногамъ, покрыла ихъ поцѣлуями прежде, чѣмъ онъ могъ воспротивиться этому.—О, государь мой, говорила она, какъ жалѣю я, что Богъ не привелъ мнѣ умереть у ногъ твоего величества... Ты узналъ бы тогда, какимъ чувствомъ переполнено мое сердце... Голубка моя, я не сомнѣваюсь въ твоей любви, отвѣтилъ калифъ, но именно ради нея то и умоляю тебя беречь свою дорогую жизнь. Навѣрное ты чѣмъ нибудь утомилась сегодня; не дѣлай же этого впередъ. Я радъ, что теперь ты чувствуешь себя лучше, но все таки совѣтовалъ бы не переходить въ свою опочивальню, а остаться здѣсь, чтобы движеніе не повредило тебѣ. Съ этими словами, онъ нѣжно простился съ ней и удалился въ свой дворецъ. Лишь только онъ вышелъ, Шемзельнигара подозвала меня и тревожно стала распрашивать, не случилось ли чего съ царевичемъ, благополучно ли онъ выбрался изъ дворца. Я упокоила ее, какъ могла, увѣривъ, что сама проводила его и что онъ отправился въ полной безопасности; но объ его недугѣ, я сочла за лучшее не говорить, изъ опасенія, какъ бы она снова не впала въ то же состояніе, изъ котораго мы вывели ее съ такимъ трудомъ.

Долго потомъ она говорила со мной, припоминала всѣ подробности своей встрѣчи съ царевичемъ, а слезы непрерывно струились у нея изъ глазъ.—Все кончено, повторяла она: на вѣки суждено мнѣ отказаться отъ всякой радости; для насъ нѣтъ надежды, и только одна могила можетъ прекратить наши страданія.—Но зачѣмъ же отчаяваться такъ, дорогая госпожа моя, сказала я ей, можетъ быть, судьба еще смилуется и соединитъ тебя съ царевичемъ. Побереги же себя ради него и ради насъ всѣхъ, такъ искренно тебѣ преданныхъ.—Благодарю тебя, отвѣтила она, за всѣ твои заботы, старанія и любовь ко мнѣ; Боже мой, какъ отрадно было бы вѣрить твоимъ словамъ, но я чувствую, что счастье не нашъ удѣлъ. Затѣмъ она отпустила всѣхъ прислужницъ, приказавъ мнѣ одной остаться съ нею на ночь. И, Господи, что это была за ночь! Госпожа рыдала, металась, рвала на себѣ одежды, проклинала свою несчастную долю.—О, проклятая судьба! восклицала она въ порывѣ неистоваго отчаянія; зачѣмъ ты связала меня съ человѣкомъ, котораго я не люблю и не могу любить, и отнимаешь все, что

только мило и дорого сердцу?!... На другое утро, едва я успѣла перевести ее въ опочивальню, какъ туда вошли всѣ придворные врачи, а вслѣдъ за ними и самъ калифъ. Присутствіе ихъ, и въ особенности калифа, только увеличивало ея страданія, но все таки нынѣшнюю ночь она провела гораздо спокойнѣе, а какъ проснулась, тутъ же позвала меня и приказала идти къ тебѣ, чтобы узнать о царевичѣ.

— Ну, одинъ Господь знаетъ, чѣмъ кончится эта безумная любовь, замѣтилъ Эбнъ-Тагеръ, я уже говорилъ тебѣ, что царевичъ не въ лучшемъ состояніи, но постарайся по крайней мѣрѣ внушить своей госпожѣ, чтобы она сдерживала себя и была осторожна въ присутствіи калифа; вѣдь достаточно одного какого нибудь слова, чтобы погубить и себя и насъ вмѣстѣ съ ней.—Да, да, согласилась невольница, у меня самой не выходитъ это изъ головы, и я уже не разъ предупреждала свою госпожу, а все таки мало надѣюсь на ея твердость.

Эбнъ-Тагеръ, только что возвратившійся отъ царевича, отправился къ нему снова вечеромъ. При видѣ его, больной оживился, и въ печальномъ, безучастномъ взорѣ блеснула радостная надежда. Дорогой другъ мой, сказалъ онъ ласково, ты смущаешь меня своей добротой, и я, право, не знаю буду ли когда нибудь въ силахъ достойно отблагодарить тебя.—Ну, что объ этомъ толковать, возразилъ Эбнъ-Тагеръ, ты знаешь, я такъ искренно преданъ тебѣ, что не задумался бы пожертвовать своей жизнью ради твоего счастія, но рѣчь теперь не о томъ: я принесъ тебѣ извѣстіе о Шемзельнигарѣ. Затѣмъ, онъ подробно сообщилъ ему обо всемъ, что разсказала невольница. Царевичъ слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ, и при этомъ невольно проявлялись наружу всѣ волновавшія его разнородныя чувства: ревность, опасенія, нѣжная страсть, все это ясно отпечатлѣвалось на его лицѣ, выражалось и въ словахъ; и въ движеніяхъ; онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, то заливался горячими слезами.

А между, тѣмъ, незамѣтно для обоихъ, наступила уже глубокая ночь, и Эбнъ-Тагеръ, по просьбѣ своего друга, рѣшился остаться у него до утра. На разсвѣтѣ, когда онъ возвращался домой, съ нимъ поравнялась женщина, окутанная покрываломъ, и, наклонившись къ нему, сказала вполголоса:—Госпожа моя проситъ тебя передать вотъ это письмо персидскому царевичу. Эбнъ-Тагеръ узналъ повѣренную Шемзельнигары; онъ только взглянулъ на письмо и тотчасъ же вмѣстѣ съ нею пошелъ обратно къ своему юному другу, чтобы поскорѣй доставить ему утѣшеніе.

Войдя въ домъ, онъ попросилъ невольницу подождать въ передней, а самъ отправился въ опочивальню царевича. Тотъ сильно удивился этому нежданному явленію и тревожно спросилъ:—Что случилось? какое извѣстіе принесъ ты мнѣ?—Успокойся, самое лучшее, съ улыбкой

отвѣтилъ Эбнъ-Тагеръ; наперсница Шемзельнигары принесла тебѣ письмо и теперь дожидается твоего позволенія войти.—О, конечно, пусть войдетъ! воскликнулъ царевичъ съ восторгомъ и, забывая свою слабость, бодро приподнялся и сѣлъ на постели въ ожиданіи невольницы.

Она вошла и, низко поклонясь ему, сказала:—Царевичъ, мнѣ уже извѣстно все, что было съ тѣхъ поръ, какъ я имѣла честь проводить тебя до лодки; знаю, сколько мученій пришлось тебѣ испытать, но это письмо, надѣюсь, облегчить твое сердце и поможетъ твоему исцѣленію. Съ этими словами она подала ему посланіе Шемзельнигары. Царевичъ взялъ его трепещущими руками и, развернувъ, съ упоеніемъ сталъ читать.

Письмо Шемзельнигары къ Персидскому царевичу.

„Если хочешь знать, въ какомъ я состояніи, спроси подательницу этого письма: она лучше разскажетъ тебѣ обо всемъ; сама же я не съумѣю выразить и сотой доли того, что наполняетъ мое сердце. Мнѣ такъ грустно, тяжело въ разлукѣ съ тобой, что я могу только плакать и плакать безъ конца. Думала обмануть себя этимъ письмомъ, заглушить хоть на нѣсколько мгновеній свое страстное желаніе увидаться и говорить съ тобою, но то была напрасная надежда: не замѣнятъ эти мертвыя строки живыхъ взглядовъ и рѣчей.

„Время и терпѣніе, говорятъ, великіе цѣлители; если это такъ то отчего же они не дѣйствуютъ на меня? Отчего съ каждымъ новымъ днемъ мученія мои увеличиваются и все безотраднѣе кажется жизнь? Бываютъ минуты, когда я охотно разсталась бы съ нею, еслибы въ глубинѣ души не теплилось упованія на лучшее будущее.

„Но суждено ли оно намъ? Дождусь ли я когда нибудь, хотя бы мимолетнаго счастія—увидать передъ собою снова твой милый образъ и обнять тебя не въ однѣхъ мечтахъ?

„Скажи мнѣ любишь ли ты меня также, мой дорогой, ненаглядный?... Но что же объ этомъ спрашивать... конечно, любишь; иначе не смотрѣли бы на меня твои глаза съ такой безпредѣльной нѣжностью. О, еслибы небо сжалилось надъ нами и поскорѣе дало намъ возможность свободно выразить другъ другу всю силу нашей взаимной любви! Прощай. Кланяюсь Эбнъ-Тагеру, которому мы оба такъ много обязаны“.

Царевичъ перечиталъ это письмо нѣсколько разъ, покрывая его поцѣлуями; ему хотѣлось запечатлѣть въ своей памяти не только слова, но и самыя буквы, начертанныя для него безцѣнной рукой. И неизвѣстно, до которыхъ поръ продолжалось бы все то же, еслибы Эбнъ-Тагеръ не напомнилъ ему, что посланная дожидается отвѣта, и что ей необходимо поскорѣй вернуться домой.—Но, Боже мой! воскликнулъ царевичъ, какъ же тутъ писать, когда голова идетъ кругомъ, и я не

могу даже уловить ни одной мысли; мой умъ, отуманенный неожиданной радостью, не въ силахъ разобраться въ этомъ бурномъ наплывѣ невыразимыхъ чувствъ... Но пусть она не осудитъ меня, не ищетъ въ моихъ словахъ той послѣдовательности, какая возможна только въ спокойномъ состояніи разсудка, а я чувствую, что теряю его отъ избытка счастія...

Затѣмъ онъ досталъ изъ стоявшаго передъ нимъ столика бумагу, чернила, тонко очиненную палочку для писанія *) и быстро, порывисто началъ водить ею по бумагѣ; при этомъ слезы то и дѣло навертывались на глаза и невольно заставляли его отрываться. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, онъ исписалъ весь листъ и, подавая его Эбнъ-Тагеру, сказалъ:

— Другъ мой, сдѣлай для меня одолженіе, просмотри мое письмо: я не могу поручиться за себя и боюсь, не наговорилъ ли въ немъ чего нибудь такого, что можетъ оскорбить мою ненаглядную Шемзельнигару или показаться ей непонятнымъ.

Эбнъ-Тагеръ взялъ и прочиталъ слѣдующее:

Отвѣтъ Персидскаго царевича Шемзельнигарѣ.

„Я уже терялъ всякую надежду, и мрачныя думы о своей горькой, безотрадной будущности доводили меня до полнаго отчаянія, когда вдругъ, словно лучъ небеснаго свѣта, озарило меня твое письмо и пролило въ мою душу несказанную радость. Я снова возродился къ жизни, снова въ сердцѣ моемъ заискрилась надежда, и еще сильнѣе чувствуется, какъ неразрывно сроднились наши души. Твоя печаль такъ же больно

*) Арабы, персы и турки обыкновенно кладутъ бумагу на колѣни, придерживая ее лѣвой рукой, а пишутъ тонкой палочкой, очиненной и раздвоенной на концѣ, какъ наши перья. Такія палочки пусты внутри и похожи на тростникъ, но онѣ болѣе тверды.

отзывается въ моей груди, какъ и моя собственная, но она служитъ мнѣ и утѣшеніемъ, какъ залогъ твоей безцѣнной любви, наполняющей все существо мое такимъ яркимъ, лучезарнымъ свѣтомъ, что и самое солнце меркнетъ передъ нимъ. Ты желаешь знать, люблю ли я тебя? Но что же отвѣтить на это? Есть ли хоть какая нибудь возможность выразить всю глубину и всю безпредѣльность моей любви? Она вошла въ мою плоть и кровь, горитъ во мнѣ и жжетъ, словно огнемъ. Я плачу, изнываю отъ нестерпимой боли, но ради одной только надежды увидать тебя когда нибудь, готовъ безропотно вынести еще бо́льшія муки. О, еслибы скорѣй насталъ этотъ желанный мигъ, еслибы, вмѣсто того, чтобы писать тебѣ эти нескладныя строки, я имѣлъ возможность припасть къ твоимъ ногамъ! Видѣть тебя и умереть у твоихъ ногъ: вотъ моя мечта, вотъ единственно доступное для меня счастье. Прощай! Слезы не даютъ мнѣ писать".

Эбнъ-Тагеръ передалъ письмо обратно и увѣрилъ своего друга, что тутъ нечего поправлять. Тогда царевичъ подозвалъ къ себѣ невольницу, все время стоявшую поодаль, и, вручая ей свое посланіе Шемзельнигарѣ, сказалъ:—Передай это, прошу тебя, своей дорогой госпожѣ; скажи, что я кланяюсь ей и съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ нея новыхъ извѣстій. Невольница поклонилась и вышла вмѣстѣ съ Эбнъ-Тагеромъ.

Не веселыя думы роились въ головѣ Эбнъ-Тагера, когда онъ возвращался домой; сознаніе, что онъ впутался въ такое дѣло, гдѣ самая жизнь его подвергается опасности, уже не разъ причиняло ему большую тревогу, а затѣянный обмѣнъ письмами окончательно убѣждалъ его въ неизбѣжности печальной развязки. Какъ человѣкъ разсудительный, онъ ясно видѣлъ, къ чему приведетъ эта безумная любовь, которая съ каждымъ днемъ разгорается все сильнѣй и сильнѣе.—Они такъ увлечены своимъ чувствомъ, думалъ онъ, что не хотятъ даже видѣть опасности и, конечно, не замедлятъ обнаружить преступную тайну. А что тогда? Гнѣвъ калифа не ограничится одними главными виновниками преступленія, онъ обрушится и на мою голову. Еслибы Шемзельнигара была простая женщина, я отъ всей души сталъ бы содѣйствовать сближенію влюбленныхъ и постарался бы доставить имъ полное счастіе, но вѣдь она избранница калифа, и ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не долженъ поднимать на нее своихъ взоровъ. Погибнутъ несчастные; гибель ихъ неизбѣжна, а вмѣстѣ съ ними погибну и я, тогда какъ на мнѣ лежитъ обязанность охранять свою жизнь, имущество и честь не только ради себя, но и ради своей семьи. Не лучше ли будетъ уклониться отъ зла и бѣжать отъ опасности, пока еще не поздно?...

Эти думы неотступно преслѣдовали его и на другой, и на третій день, такъ что подконецъ онъ не выдержалъ и отправился къ Персид-

скому царевичу съ цѣлью употребить всѣ средства, чтобы отвлечь его отъ безумной страсти.—Пожалѣй себя царевичъ, говорилъ онъ ему со слезами на глазахъ, вспомни только, какъ великъ и всесиленъ твой соперникъ; послѣдуй моему совѣту, употреби все свое мужество, чтобы отрѣшиться отъ этой несчастной любви, иначе ты погубишь не только себя, но и Шемзельнигару, а вѣдь ея жизнь должна быть для тебя дороже своей собственной. Я говорю отъ чистаго сердца, какъ твой искренній другъ, и клянусь тебѣ, что ты самъ впослѣдствіи будешь благодарить меня за этотъ разумный совѣтъ.

Царевичъ терпѣливо выслушалъ его до конца и потомъ отвѣтилъ съ грустной улыбкой:—Другъ мой, я не сомнѣваюсь ни въ твоемъ сердечномъ участіи ко мнѣ, ни въ разумности твоего совѣта, но вѣдь ты знаешь, въ моей ли власти слѣдовать ему? Любовь къ Шемзельнигарѣ вкоренилась такъ глубоко, что я могу вырвать ее только вмѣстѣ съ сердцемъ. Къ тому же, если она, моя возлюбленная, не страшится подвергать себя опасности, то какъ же ты хочешь, чтобы я то убѣжалъ и трусливо прятался отъ грозы? Нѣтъ, будь, что будетъ, а я не перестану любить ее до послѣдняго вздоха!

Нѣсколько обиженный упрямствомъ царевича, Эбнъ-Тагеръ поспѣшилъ вернуться домой, гдѣ серьезно началъ обдумывать, какъ вѣрнѣе спастись отъ опасности. Въ это время къ нему зашелъ одинъ изъ его давнишнихъ пріятелей, торговецъ драгоцѣнными каменьями, Али-Гассанъ, который давно уже подозрѣвалъ, что въ домѣ Эбнъ-Тагера творится что то несовсѣмъ обыкновенное. Частыя посѣщенія довѣренной Шемзельнигары, безпричинная болѣзнь персидскаго царевича и почти неотлучное пребываніе у него Эбнъ-Тагера, все это внушало Али-Гассану нѣкоторыя догадки, довольно близко подходившія къ истинѣ. Теперь же, замѣтивъ разсѣянность и какую то особенную озабоченность хозяина, онъ еще болѣе убѣдился въ своемъ предположеніи и, желая окончательно разъяснить истину, спросилъ зачѣмъ къ нему такъ часто ходитъ довѣренная Шемзельнигары. Эбнъ-Тагеръ нѣсколько смутился при этомъ неожиданномъ вопросѣ и отвѣчалъ, что она ходитъ такъ, за разными пустяками.—Ты со мной не откровененъ, замѣтилъ гость, и заставляешь меня думать, что эти пустяки гораздо важнѣе, чѣмъ я предполагалъ сначала. Видя, что тайна его почти отгадана и что дальнѣйшая уклончивость не поведетъ ни къ чему, Эбнъ-Тагеръ рѣшился открыть всю правду и подробно разсказалъ пріятелю обо всемъ, что случилось за послѣдніе дни.—Ты знаешь, добавилъ онъ, какимъ почетомъ я пользуюсь и при дворѣ, и во всемъ городѣ, поэтому можешь представить себѣ, какой позоръ ожидаетъ меня, когда эта преступная связь будетъ открыта. Да что позоръ... мнѣ угрожаетъ полная, неизбѣжная гибель со всей моей семьей. Вотъ отчего я задумываюсь и на-

хожусь въ постоянной тревогѣ; впрочемъ, теперь уже придумано, какъ выпутаться изъ бѣды: въ нѣсколько дней я постараюсь устроить всѣ свои дѣла, затѣмъ уѣду въ Балсору, гдѣ и останусь до тѣхъ поръ, пока не минуетъ гроза. Разумѣется, мнѣ жаль будетъ покинуть персидскаго царевича и Шемзельнигару, къ которымъ я искренно привязанъ; но что же дѣлать? Ихъ я не спасу, а самъ погибну. Мнѣ досадно немного на царевича: онъ могъ бы еще выбраться изъ пропасти, еслибы захотѣлъ; ему точно также ничто не мѣшало бы удалиться изъ Багдада, и, я увѣренъ, разлука мало помалу погасила бы эту страсть, которая будетъ только разгораться, пока онъ здѣсь.

Али-Гассанъ нашелъ вполнѣ разумнымъ намѣреніе Эбнъ-Тагера хвалилъ его осторожность и сильно удивлялся безразсудству влюбленныхъ.

На прощанье Эбнъ-Тагеръ умолялъ своего пріятеля не говорить объ этомъ никому ни единаго слова.—Да полно тебѣ, отвѣтилъ тотъ, будь покоенъ, я сохраню твою тайну, еслибы это даже стоило мнѣ жизни.

Черезъ нѣсколько дней Али-Гассанъ снова проходилъ мимо лавки Эбнъ-Тагера и, увидавъ ее запертой, убѣдился, что намѣреніе покинуть Багдадъ уже исполнено.—Бѣдный юноша, подумалъ онъ, какъ глубоко должно огорчить тебя это извѣстіе! И тутъ же подъ вліяніемъ непритворной жалости, рѣшилъ во что бы то ни стало помочь ему и замѣнить утраченнаго друга.

Такъ какъ дѣло, призывавшее Али-Гассана было не особенно важно, то онъ отложилъ его до другаго дня и, не раздумывая, прямо отправился къ персидскому царевичу, котораго видѣлъ всего только разъ у себя въ лавкѣ, при продажѣ ему какихъ-то драгоцѣнностей. Подойдя къ его дворцу, онъ обратился къ невольнику, стоявшему у воротъ, и просилъ доложить господину, что одинъ купецъ желаетъ переговорить съ нимъ по очень важному дѣлу. Слуга немедленно вернулся и провелъ его въ пріемную; царевичъ, сразу узнавъ своего посѣтителя, поднялся съ роскошной софы, привѣтливо поздоровался съ нимъ и спросилъ—чему обязанъ удовольствіемъ его видѣть.

— Царевичъ, отвѣчалъ Али-Гассанъ, я не имѣю чести быть тебѣ извѣстнымъ лично, но надѣюсь, ты простишь мою смѣлость ради того важнаго извѣстія, какое услышишь отъ меня. Прежде всего я долженъ сказать тебѣ, что мы давнишніе друзья съ Эбнъ-Тагеромъ и не имѣемъ другъ отъ друга никакихъ тайнъ. Отъ него я узналъ, что онъ находился съ тобой въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и служилъ тебѣ всѣмъ, чѣмъ только могъ. Но вотъ сегодня, проходя мимо его лавки, я съ удивленіемъ увидалъ ее запертой и поспѣшилъ освѣдомиться у сосѣдей, что бы это значило. Мнѣ сказали, что нѣсколько дней тому назадъ Эбнъ-

Тагеръ переселился изъ Багдада въ Балсору. Такой отвѣтъ встревожилъ меня не мало, а такъ какъ я всегда принималъ самое живое участіе въ своемъ другѣ, то и осмѣлился обратиться къ тебѣ за разъясненіемъ: не извѣстно ли твоей милости, какая причина заставила Эбнъ-Тагера покинуть свою родину.

Эта рѣчь, подготовленная заранѣе, какъ громомъ, поразила персидскаго царевича; въ одно мгновеніе онъ весь поблѣднѣлъ, а взглядъ его, неподвижно устремленный на гостя, выразилъ глубокое отчаяніе.— Ты убиваешь меня своимъ извѣстіемъ, проговорилъ онъ наконецъ: бо́льшаго несчастія я не могъ даже и предвидѣть... Все теперь пропало, все! Эбнъ-Тагеръ былъ моимъ единственнымъ утѣшеніемъ, вмѣстѣ съ нимъ исчезла послѣдняя моя надежда, и если правда то, что ты говоришь, мнѣ остается только умереть.

Этого было слишкомъ достаточно, чтобы убѣдить Али-Гассана въ существованіи той безпримѣрной страсти, о которой говорилъ ему Эбнъ-Тагеръ. Тутъ очевидно проявлялась любовь во всей своей силѣ, а не спокойная дружба.

Долго царевичъ стоялъ безмолвно, погруженный въ свои печальныя думы; наконецъ онъ поднялъ голову и сказалъ, обращаясь къ одному изъ невольниковъ:—Ступай къ Эбнъ-Тагеру и узнай тамъ отъ кого нибудь, дѣйствительно ли онъ уѣхалъ въ Балсору? Бѣги же и ради Бога возвращайся скорѣй, мнѣ необходимо знать это навѣрное. Слуга ушелъ, а гость, въ ожиданіи его возвращенія, пытался было завести посторонній разговоръ, но царевичъ ничего не слышалъ и, казалось, даже совсѣмъ не замѣчалъ его присутствія, всецѣло поглощенный размышлені-

емъ объ этомъ внезапномъ отъѣздѣ. Ему не вѣрилось, чтобы Эбнъ-Тагеръ могъ покинуть его на произволъ судьбы, но, съ другой стороны, припоминая свой послѣдній разговоръ съ нимъ и его поспѣшный, почти грубый уходъ, онъ снова убѣждался въ достовѣрности печальнаго извѣстія.

Наконецъ вернулся слуга и объявилъ, что Эбнъ-Тагеръ уже два дня, какъ уѣхалъ въ Балсору со всей семьей и со всѣмъ имуществомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доложилъ своему господину, что въ передней дожидается какая то женщина, окутанная чадрой, и желаетъ лично передать ему что то важное. Царевичъ сразу догадался, кто эта женщина и приказалъ позвать ее немедленно.

Въ комнату вошла довѣренная Шемзельнигары; узнавъ ее съ перваго взгляда и не желая своимъ присутствіемъ мѣшать разговору, Али-Гассанъ тотчасъ же всталъ и отошелъ въ сторону. Между тѣмъ невольница приблизилась къ царевичу и послѣ недолгой, но оживленной бесѣды съ нимъ, поспѣшно удалилась. Какъ ни коротко было это свиданіе, оно произвело громадную перемѣну въ юношѣ: лицо его оживилось, щеки зардѣлись румянцемъ, а глаза заискрились какимъ то особеннымъ блескомъ.

— Однако, царевичъ, у тебя, вѣроятно, есть какія нибудь важныя дѣла во дворцѣ калифа, замѣтилъ Али-Гассанъ съ лукавой улыбкой, снова усаживаясь на софу подлѣ хозяина. Царевичъ видимо смутился.— Почему же ты это думаешь? воскликнулъ онъ, пристально глядя на своего гостя.—Да такъ. Меня навело на эту мысль появленіе невольницы.— А развѣ ты знаешь, кому она принадлежитъ?—Еще бы не знать! Это довѣренная Шемзельнигары, любимой одалиски калифа. Я даже не разъ видалъ и ея госпожу, которая удостоиваетъ меня иногда своимъ посѣщеніемъ при покупкѣ разныхъ драгоцѣнностей. За послѣднее время эта самая наперсница что то ужъ слишкомъ часто стала показываться въ городѣ и все куда то спѣшитъ, но съ такимъ видомъ, словно боится всякой встрѣчи.

При этихъ словахъ смущеніе и тревога царевича увеличились еще болѣе; ему было ясно, что Али-Гассанъ говоритъ не спрóста, что онъ или подозрѣваетъ истину, или уже знаетъ ее вполнѣ. Нѣсколько минутъ онъ молча смотрѣлъ на своего собесѣдника, какъ бы раздумывая, наконецъ проговорилъ:—Изъ твоихъ словъ я могу заключить, что ты высказываешь не все, чтò знаешь; такъ будь же со мной откровененъ и ради Бога не скрывай ничего.

Али-Гассанъ очень обрадовался, увидавъ, что ему удалось придать разговору желаемый оборотъ, и уже безъ всякихъ околичностей подробно разсказалъ царевичу о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Эбнъ-Тагеромъ. Не знаю почему, продолжалъ онъ, только мнѣ стало такъ

жаль тебя, царевичъ, что я тутъ же рѣшился помочь тебѣ, что бы мнѣ это ни стоило, хотя бы даже чести, или жизни; словомъ, я готовъ служить вамъ обоимъ такъ же вѣрно и преданно, какъ служилъ Эбнъ-Тагеръ, но только съ большимъ мужествомъ.—Благодарю отъ всего сердца, отвѣтилъ царевичъ, и молю Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ возможность достойно вознаградить тебя за твою доброту. А знаешь ли, какая странность, добавилъ онъ помолчавъ, невольница Шемзельнигары почему то не довѣряетъ тебѣ; она только сейчасъ говорила, что это ты убѣдилъ Эбнъ-Тагера покинуть меня. Теперь я, конечно, не вѣрю этому и думаю, что такое заблужденіе происходитъ отъ избытка усердія; надѣюсь и ты объяснишь его точно также, а не примешь въ обиду.—Царевичъ, отвѣтилъ Али-Гассанъ, я уже имѣлъ честь съ полной откровенностью передать тебѣ о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ Эбнъ-Тагеромъ. Конечно, со стороны благоразумія я находилъ его правымъ, но одобрить его поступка не могъ, потому что, какъ хочешь, а это все таки измѣна, недостойная настоящей дружбы. Здѣсь непріятно одно, добавилъ онъ, что подобное отношеніе ко мнѣ невольницы можетъ повредить нашему общему дѣлу, которому мы съ ней оба должны служить съ полнымъ довѣріемъ другъ къ другу. Царевичъ успокоилъ его на этотъ счетъ, обѣщая при первомъ случаѣ убѣдить довѣренную Шемзельнигары въ несправедливости ея подозрѣнія. На этомъ они разстались.

Возвращаясь домой, Али-Гассанъ вдругъ замѣтилъ какую то записку, валявшуюся на дорогѣ; онъ поднялъ ее и такъ какъ она была не запечатана, развернулъ и тутъ же протичалъ.

Письмо Шемзельнигары къ Персидскому царевичу.

„Моя довѣренная только что сообщила мнѣ о внезапномъ отъѣздѣ Эбнъ-Тагера. Эта печальная новость огорчила меня вдвойнѣ, потому что я знаю, какъ тяжело она отзовется и на тебѣ. Но что же дѣлать: судьба видно преслѣдуетъ насъ, посылая ударъ за ударомъ, мы безсильны отразить ихъ, но сильны своей любовью, которой не одолѣетъ ничто на свѣтѣ. Не грусти и не вдавайся въ отчаяніе, дорогой мой царевичъ, будемъ надѣяться, что небо сжалится надъ нами когда нибудь, и невзгоды наши разсѣются, какъ тучи передъ лучами солнца. Прощай!“

Не успѣлъ Али-Гассанъ дочитать послѣднихъ строкъ, какъ изъ-за угла смежной улицы показалась довѣренная Шемзельнигары; она растерянно озиралась во всѣ стороны, видимо чѣмъ-то сильно встревоженная. При ея появленіи Али-Гассанъ поспѣшно спряталъ письмо за пазуху, но невольница замѣтила это и быстро подбѣжала къ нему. Почтенный господинъ, сказала она, я сейчасъ обронила письмо, которое ты держалъ въ рукахъ, возврати мнѣ его ради Бога. Но тотъ не обращалъ на нее

никакого вниманія и продолжалъ идти, не останавливаясь; невольница все слѣдовала за нимъ. Такъ дошли они до дома, поднялись на лѣстницу и вошли въ отдѣльную комнату Али-Гассана, гдѣ женщина возобновила свои просьбы, умоляя всѣмъ на свѣтѣ возвратить ей письмо. Хозяинъ прежде всего попросилъ ее сѣсть, потомъ сказалъ:—Это письмо отъ Шемзельнигары къ персидскому царевичу, вѣдь такъ? Она вся вспыхнула, смущенная этимъ неожиданнымъ вопросомъ и не знала что̀ отвѣчать.—Тебя встревожилъ мой вопросъ, продолжалъ Али-Гассанъ, но успокойся, онъ вызванъ не простымъ любопытствомъ и не желаніемъ поглумиться надъ тобой. Конечно, я могъ бы отдать тебѣ это письмо еще на улицѣ, но мнѣ хотѣлось привести тебя въ свой домъ, чтобы разъяснить одно важное недоразумѣніе. Прежде всего скажи мнѣ, справедливо ли обвинять человѣка, когда не знаешь навѣрное, виновенъ ли онъ? А между тѣмъ ты поступила со мной именно такъ, сказавъ персидскому царевичу, что Эбнъ-Тагеръ покинулъ Багдадъ по моему совѣту. Я не стану входить ни въ какія подробности, а скажу только, что въ твоемъ подозрѣніи нѣтъ ни малѣйшей правды. Я не совѣтовалъ Эбнъ-Тагеру бросить царевича, даже былъ возмущенъ его поступкомъ, какъ недостойнымъ порядочнаго человѣка. Обо всемъ этомъ я уже говорилъ царевичу и заручился его полнымъ довѣріемъ; совѣтую и тебѣ не сомнѣваться болѣе, что я искренній другъ вашъ и готовъ оказывать вамъ всевозможное содѣйствіе. Передай мои слова своей госпожѣ и постарайся увѣрить ее, что еслибы мнѣ даже суждено было погибнуть за свое участіе въ этомъ дѣлѣ, я никогда не буду раскаяваться, что пожертвовалъ собою ради такихъ двухъ прекрасныхъ созданій.

Выслушавъ Али-Гассана, невольница со слезами умоляла его простить ея несправедливость, вызванную единственно безмѣрной преданностью госпожѣ. Я искренно рада, добавила она, что моя дорогая Шемзельнигара и царевичъ находятъ въ тебѣ человѣка способнаго замѣнить имъ Эбнъ-Тагера. Разумѣется, я съ удовольствіемъ передамъ ей о твоемъ великодушномъ предложеніи и заранѣе увѣрена въ ея горячей благодарности.

Послѣ того Али-Гассанъ отдалъ ей письмо Шемзельнигары и сказалъ:—Ты зайди ко мнѣ на обратномъ пути, чтобы я могъ прочитать отвѣтъ; да не забудь также передать царевичу, что мы примирились съ тобой и съ этой поры дружно будемъ содѣйствовать его желаніямъ.

Невольница почти бѣгомъ отправилась къ царевичу, а когда, согласно обѣщанію, она снова зашла къ Али-Гассану и принесла отвѣтъ, онъ прочелъ въ немъ слѣдующее:

Отвѣтъ Персидскаго царевича Шемзельнигаръ.

„Твое драгоцѣнное письмо, моя радость, на этотъ разъ не произвело своего обычнаго благотворнаго дѣйствія. Слишкомъ я измучился и истомился за послѣднее время, чтобы могъ успокоиться на одномъ обѣщаніи далекаго счастія, которое Богъ знаетъ когда настанетъ, да и настанетъ ли когда-нибудь?... Не въ томъ дѣло, что насъ покинулъ Эбнъ-Тагеръ, съ этимъ еще можно бы примириться, а въ томъ, что у насъ отнята послѣдняя надежда на свиданіе, тогда какъ видѣть тебя и говорить съ тобой становится потребностью моей жизни. Но ты приказываешь быть терпѣливымъ и не вдаваться въ отчаяніе; постараюсь исполнить твое повелѣніе, потому что я давно отрѣшился отъ своей воли, чтобы слѣпо повиноваться тебѣ одной. Прощай!“

Когда Али-Гассанъ прочиталъ это письмо и передалъ его невольницѣ, та сказала ему на прощанье:—Послѣ всего, что ты говорилъ мнѣ, я надѣюсь, моя госпожа будетъ имѣть къ тебѣ такое же довѣріе, какое оказывала Эбнъ-Тагеру, поэтому мы прощаемся не на долго, завтра ожидай меня. Дѣйствительно на другой день она явилась къ нему довольная, съ сіяющимъ лицомъ.—Сразу вижу, сказалъ Али-Гассанъ, что тебѣ удалось расположить свою госпожу въ мою пользу.—Да, это правда, отвѣчала она, и я разскажу сейчасъ все, какъ было: вчера, когда я подала Шемзельнигарѣ письмо отъ царевича, она прочитала его со слезами на глазахъ и вдругъ стала такъ грустна и печальна, что я не выдержала и тутъ же сказала ей:—Госпожа моя дорогая, тебя должно быть огорчаетъ отъѣздъ Эбнъ-Тагера, но ради Бога не думай о немъ: мы нашли другого человѣка, который будетъ служить вамъ еще съ большимъ усердіемъ, этотъ ужъ не струситъ, не покинетъ, ручаюсь тебѣ. И я подробно разсказала ей о нашемъ вчерашнемъ свиданіи съ тобой. Она выслушала меня съ видимымъ удовольствіемъ, потомъ сказала: — Благодарю Создателя, что Онъ посылаетъ намъ такого великодушнаго друга въ самую трудную для насъ минуту. О, какъ мнѣ хотѣлось бы поскорѣй увидать его, чтобы лично выразить свою глубокую признательность. Впрочемъ, добавила она, это легко можно устроить: приведи его завтра ко мнѣ во дворецъ; скажи ему, что мнѣ очень и очень пріятно будетъ его видѣть. Итакъ, закончила невольница, тебѣ остается только слѣдовать за мной.

При этихъ словахъ Али-Гассанъ вздрогнулъ; прогулка во дворецъ калифа казалась ему далеко не привлекательной, и онъ всѣми средствами старался отклонить отъ себя лестное приглашеніе одалиски. — Надѣюсь, сказалъ онъ, твоя госпожа извинитъ меня, если на этотъ разъ я не исполню ея приказанія. Прекрасная Шемзельнигара, вѣроятно, не

имѣла въ виду, что я нахожусь далеко не при такихъ условіяхъ, какъ Эбнъ-Тагеръ; того всѣ знали во дворцѣ, и благодаря особой благосклонности къ нему калифа, онъ могъ безпрепятственно проникать всюду, но я то какъ же осмѣлюсь войти въ гаремъ? Вѣдь это значило бы только напрасно подвергать себя громадной опасности.

— Не только громадной, но даже никакой не подвергнешься, будь увѣренъ, возразила невольница; ни госпожа моя, ни ея вѣрные слуги не допустятъ до этого. Иди же смѣло за мной, я проведу тебя такъ, что никто и не увидитъ.

Не находя болѣе никакихъ отговорокъ, Али-Гассанъ всталъ и приготовился было слѣдовать за ней; однако, несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ преодолѣть своей невольной робости и трясся весь, какъ въ лихорадкѣ.—Нѣтъ, я вижу ты не можешь идти, съ улыбкой сказала ему невольница; лучше оставайся дома, а госпожа моя, если не измѣнитъ своего желанія повидаться съ тобой, вѣроятно, сама придетъ къ тебѣ.

И предположеніе это сбылось въ тотъ же день: дѣйствительно, Шемзельнигара, какъ только узнала, что и новый другъ ея не отличается особеннымъ мужествомъ, немедленно отправилась къ нему сама. Отъ слишкомъ поспѣшной ходьбы она сильно утомилась и потому, войдя къ Али-Гассану, тотчасъ же бросилась на софу и откинула покрывало съ своего разгорѣвшагося лица. Онъ былъ пораженъ ея необычайной красотой и тутъ только понялъ и вполнѣ оправдалъ безумное увлеченіе

царевича. Между тѣмъ, поздоровавшись съ нимъ легкимъ, граціознымъ наклоненіемъ головы, красавица промолвила: — Я была такъ тронута твоимъ горячимъ, безкорыстнымъ участіемъ, что рѣшилась лично благодарить тебя. Али-Гассанъ отвѣтилъ ей глубокимъ поклономъ. — Да, твоя услуга для меня драгоцѣнна, продолжала она, и я не знаю, буду ли когда нибудь въ состояніи отплатить за нее. Во всякомъ случаѣ я благословляю судьбу, что она такъ скоро замѣнила намъ утрату Эбнъ-Тагера.

Сказавъ еще нѣсколько задушевныхъ словъ, она простилась и ушла, а онъ тотчасъ же побѣжалъ къ царевичу, чтобы сообщить ему объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи.—Я давно поджидаю тебя, сказалъ царевичъ, привѣтливо поздоровавшись съ гостемъ и усадивъ его рядомъ съ собой на софу; вчера невольница принесла мнѣ письмо отъ моей дорогой Шемзельнигары, но оно не утѣшило, а только сильнѣе опечалило меня. Не знаю, что̀ придумать и на что рѣшиться. Съ отъѣздомъ Эбнъ-Тагера я совершенно теряю голову; онъ былъ моей единственной надеждой, такъ какъ всегда имѣлъ свободный доступъ во дворецъ.

— Ты забываешь, царевичъ, отвѣтилъ Али-Гассанъ, что пріобрѣлъ другого, не менѣе преданнаго друга, готоваго во всякую минуту пожертвовать для тебя жизнью. Я вижу, что единственное средство облегчить твои страданія это дать возможность увидаться съ Шемзельнигарой. Такъ обѣщаю тебѣ честнымъ словомъ, устроить это свиданіе во что бы то ни стало и въ самомъ непродолжительномъ времени. При этихъ словахъ, царевичъ бросился ему на шею и восторженно проговорилъ:— О, я вѣрю тебѣ отъ всего сердца и во всемъ буду слѣдовать твоимъ указаніямъ.

На другое утро довѣренная невольница снова явилась къ Али-Гассану, и когда тотъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи устроить свиданіе персидскаго царевича съ Шемзельнигарой, она съ живостью сказала:— А вѣдь я затѣмъ и пришла, чтобы вмѣстѣ съ тобой придумать средство для этого свиданія. Не можетъ ли оно состояться у тебя? — Конечно, я могъ бы принять ихъ и здѣсь, отвѣчалъ Али-Гассанъ, но, мнѣ кажется, они будутъ свободнѣе въ другомъ моемъ домѣ, гдѣ никто не живетъ въ настоящее время. Если госпожа твоя согласится, я постараюсь убрать его и приготовить все для ихъ пріема.—А когда такъ, воскликнула невольница, я живо сбѣгаю къ своей госпожѣ и тотчасъ же принесу тебѣ отвѣтъ.

Дѣйствительно, не прошло и часа, какъ невольница вернулась и объявила, что Шемзельнигара съ восторгомъ принимаетъ предложеніе и явится на свиданіе при закатѣ солнца. Вмѣстѣ съ тѣмъ она передала Али-Гассану кошелекъ, полный золота, для покупки угощеній, и просила указать ей тотъ домъ, куда она должна будетъ привести свою

госпожу. Исполнивъ это, онъ поспѣшно сталъ готовиться къ пріему гостей, для чего набралъ у своихъ знакомыхъ разной серебряной и золотой посуды, ковровъ, подушекъ и другихъ принадлежностей роскошной обстановки, а когда все было готово, отправился къ царевичу.

Легко представить себѣ, съ какою восторженной радостью принялъ царевичъ извѣстіе о предстоявшемъ свиданіи. Всѣ пережитыя имъ горести и мученія мгновенно были забыты; онъ поспѣшно одѣлся въ свое лучшее платье и послѣдовалъ за Али-Гассаномъ, который провелъ его окольнымъ путемъ, по самымъ глухимъ улицамъ и переулкамъ, чтобы не возбуждать ничьего любопытства. Войдя въ домъ, они сѣли на софу и стали бесѣдовать, чтобы сократить время въ ожиданіи Шемзельнигары. Впрочемъ, красавица не заставила долго ждать себя; не менѣе страстно желая этого свиданія, она явилась тотчасъ же послѣ вечерней молитвы. Никакими словами нельзя передать того, что испытали оба въ эти блаженныя, давно желанныя минуты: они смѣялись, плакали, говорили безсвязныя, нескладныя рѣчи и долго еще не могли овладѣть собою настолько, чтобы высказать другъ другу переполнявшія ихъ чувства. Роскошное угощеніе въ золотыхъ и серебряныхъ вазахъ давно уже стояло передъ счастливой четой, но она почти не прикасалась къ нему, все-

цѣло увлеченная взаимнымъ обмѣномъ такихъ нѣжныхъ и ласковыхъ словъ, что всѣ окружающіе смотрѣли на нее съ умиленіемъ. Наконецъ Шемзельнигара выразила желаніе пѣть и спросила, нѣтъ ли какого нибудь музыкальнаго инструмента. Али-Гассанъ, уже заранѣе позаботившійся и объ этомъ, немедленно принесъ ей лютню. Она поблагодарила его очаровательной улыбкой и, взявъ нѣсколько тихихъ аккордовъ, запѣла подъ звуки струнъ такую нѣжную и страстную мелодію, что слушая ее, царевичъ не помнилъ себя отъ восторга.

Но вдругъ съ улицы послышался какой то глухой, странный стукъ, который съ каждымъ разомъ становился все сильнѣе и сильнѣе. Въ ту же минуту въ комнату вбѣжалъ невольникъ, бывшій на стражѣ, и съ лицомъ искаженнымъ боязнью, едва выговаривая слова, объявилъ, что какіе то неизвѣстные люди выламываютъ наружную дверь съ намѣреніемъ ворваться въ домъ. Али-Гассанъ въ страшной тревогѣ поспѣшно спустился внизъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, но только что успѣлъ онъ переступить черезъ порогъ, какъ одна половина воротъ распалась подъ ударами извнѣ, и во дворъ ворвалась цѣлая толпа людей, вооруженныхъ топорами и кривыми саблями. Въ испугѣ прислонившись къ темной стѣнѣ, онъ насчиталъ до десяти человѣкъ.

Убѣжденный, что тутъ всякое сопротивленіе было бы безполезно, Али-Гассанъ счелъ за лучшее не подвергать себя опасности и, внутренно пожалѣвъ о персидскомъ царевичѣ и Шемзельнигарѣ, обратился въ бѣгство. Черезъ окно одного изъ сосѣднихъ домовъ, гдѣ жилъ его знакомый, виднѣлся огонекъ; онъ постучался, прося пріютить его до утра, и радушно былъ принятъ хозяиномъ, которому объяснилъ свое запоздалое появленіе какой то вымышленной случайностью, не сказавъ ни слова о дѣйствительномъ событіи, такъ какъ по всѣмъ соображеніямъ приписывалъ его монаршей волѣ; ему казалось какъ нельзя болѣе вѣроятнымъ, что калифъ, узнавъ отъ какого нибудь доносчика объ измѣнѣ своей одалиски, послалъ вооруженную стражу на мѣсто преступленія, чтобы накрыть и наказать виновныхъ. Между тѣмъ изъ его новаго убѣжища явственно слышались звуки погрома, не смолкавшіе вплоть до полуночи; когда же наконецъ все затихло, Али-Гассанъ попросилъ у хозяина саблю и, вооружившись ею, осторожно подкрался къ своему дому. Но лишь только вошелъ онъ во дворъ, какъ весь задрожалъ въ смертельномъ испугѣ, и сабля выпала у него изъ руки. Посреди двора стоялъ какой то человѣкъ, который, замѣтивъ пришедшаго, окликнулъ его: кто идетъ? Только тутъ у Али-Гассана отлегло отъ сердца, потому что по голосу онъ тотчасъ же узналъ своего невольника. — Какимъ чудомъ, воскликнулъ онъ радостно, ты избавился отъ солдатъ калифа?—Господинъ мой, отвѣчалъ рабъ, мнѣ удалось укрыться здѣсь на дворѣ, но только ты ошибаешься: сюда врывались не солдаты калифа, а разбойники, должно быть тѣ самые, что еще недавно до чиста разграбили одинъ изъ сосѣднихъ домовъ; навѣрно они видѣли, какъ мы переносили сюда разныя дорогія вещи, вотъ и соблазнились....

Такое предположеніе казалось очень вѣроятнымъ, и оно вполнѣ оправдалось, когда Али-Гассанъ, войдя въ домъ, не нашелъ тамъ и слѣда отъ богатой обстановки, устроенной имъ наканунѣ; разбойники захватили все, что имѣло хоть какую нибудь цѣнность.—О, Боже мой, воскликнулъ онъ, что же мнѣ дѣлать теперь.... что скажутъ мои друзья и знакомые, которые такъ обязательно ссудили мнѣ свои вещи? Да это еще не все: главная моя бѣда въ томъ, что я не знаю куда дѣвались персидскій царевичъ и Шемзельнигара? Вѣсть объ ихъ исчезновеніи, конечно, тотчасъ разлетится по городу и навѣрное дойдетъ до калифа, онъ узнаетъ обо всемъ и на мнѣ первомъ обрушитъ свой гнѣвъ. — Не горюй такъ, господинъ мой, утѣшалъ его слуга, не отчаявайся прежде времени; кто же изъ твоихъ друзей можетъ подумать, чтобы ты утаилъ чужія вещи?—Заплатишь ихъ стоимость, вотъ и все; ты еще, слава Богу, не разоришься отъ этого, много останется всякаго добра. О персидскомъ царевичѣ съ его Шемзельнигарой тоже нечего особенно безпокоиться; конечно, разбойники не станутъ ихъ убивать, а только оберутъ до чиста

и отпустятъ на свободу, такъ что калифъ никогда и не узнаетъ ни о чемъ.

Начинало уже свѣтать; хозяинъ, опасаясь любопытства толпы, велѣлъ слугѣ починить ворота и заколотить ихъ на глухо, а самъ отправился въ тотъ домъ, гдѣ жилъ постоянно. Между тѣмъ вѣсть о ночномъ разбоѣ успѣла уже разнестись по всему городу, и несмотря на ранній часъ, въ лавку Али-Гассана собрались его друзья и знакомые, чтобы выразить ему свое соболѣзнованіе, а больше, разумѣется, за тѣмъ, чтобы разузнать подробности любопытнаго событія. Пришлось отвѣчать на всѣ вопросы и всѣхъ благодарить за доброе участіе, но Али-Гассанъ былъ радъ уже и тому, что никто не упоминалъ ни о царевичѣ, ни о Шемзельнигарѣ; это давало ему надежду на благополучный исходъ ночного приключенія.

Около полудня, слуги по обыкновенію накрыли на столъ и подали обѣдъ, но хозяинъ почти не прикоснулся къ нему: волненія прошедшей ночи и неугомонившаяся тревога лишали его аппетита; онъ прилегъ было на софу, чтобы нѣсколько отдохнуть и успокоиться, какъ вошелъ слуга и доложилъ, что какой то человѣкъ ожидаетъ его у воротъ. Напуганный всѣмъ случившимся, Али-Гассанъ не рѣшился впустить къ себѣ въ домъ неизвѣстнаго и потому вышелъ къ нему самъ. При видѣ его, незнакомецъ поклонился и сказалъ:—Почтеннѣйшій господинъ, ты конечно не знаешь меня, но я тебя знаю и пришелъ переговорить съ тобой объ очень важномъ дѣлѣ. — Въ такомъ случаѣ, сдѣлай милость, войди ко мнѣ, сказалъ ободренный хозяинъ, но незнакомецъ отказался.— Здѣсь могутъ помѣшать, или подслушать, возразилъ онъ; мнѣ было бы удобнѣе объясниться въ другомъ твоемъ домѣ.—Да почему же ты знаешь, что у меня есть другой домъ?—Видно знаю, если говорю; но ты не безпокойся, иди за мной смѣло, я сообщу тебѣ очень пріятное извѣстіе.

Успокоенный и заинтересованный этими словами, Али-Гассанъ уже больше не колебался и пошелъ безъ возраженій. Дорогой между прочимъ онъ разсказалъ своему спутнику о ночномъ нападеніи и добавилъ:

— Разбойники такъ разграбили мой домъ, что теперь тамъ не на чемъ даже и сѣсть.

— А когда такъ, съ живостью заговорилъ незнакомецъ, отправимся ко мнѣ, тамъ очень удобно, и мы спокойно, безъ всякой помѣхи можемъ переговорить обо всемъ. Али-Гассанъ согласился, и они пошли многолюдными улицами по направленію къ рѣкѣ Тигру; дойдя до берега, сѣли въ маленькую лодку, переправились на другую сторону и вступили въ самую глухую часть города, съ такими пустынными, извилистыми переулками, что Али-Гассанъ сталъ сильно безпокоиться за свою безопасность; къ довершенію тревоги, наступали сумерки, а путешествію не предвидѣлось конца. Совсѣмъ уже стемнѣло, когда, послѣ безчислен-

ныхъ, утомительныхъ переходовъ, они остановились у воротъ какого то невзрачнаго дома; незнакомецъ тотчасъ отворилъ ихъ и, пропустивъ своего спутника впередъ, заперъ ворота изнутри желѣзнымъ засовомъ; затѣмъ онъ ввелъ Али-Гассана въ очень просторное, освѣщенное помѣщеніе, гдѣ сидѣло на коврѣ среди пола человѣкъ десять, также неизвѣстныхъ ему, какъ и тотъ, что привелъ его сюда.

Эти люди искоса взглянули на вошедшаго и безъ всякихъ привѣтствій, просто предложили ему сѣсть. Али Гассанъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ позволеніемъ, такъ какъ отъ усталости, а больше отъ страха передъ неизвѣстностью колѣни его дрожали, и онъ чувствовалъ, что не въ силахъ долѣе держаться на ногахъ. Немного погодя, вошелъ еще одинъ человѣкъ, повидимому начальникъ остальныхъ; при его появленіи всѣ немедленно встали и, совершивъ омовеніе рукъ, сѣли за столъ; тоже самое они заставили сдѣлать и своего гостя. По окончаніи трапезы, начальникъ сказалъ, обращаясь къ нему:—Знаешь ли ты, съ кѣмъ говоришь?—Нѣтъ, почтенный господинъ, отвѣчалъ онъ, я не только не знаю, кто вы, но мнѣ совершенно незнакомо и мѣсто, гдѣ нахожусь.—Въ этомъ мы не сомнѣваемся, но разскажи намъ, что случилось вчера въ твоемъ домѣ? — Милостивые господа, прошу не гнѣваться, но я думаю, что это вамъ извѣстно болѣе, чѣмъ мнѣ.—Ты вѣрно отгадалъ, со смѣхомъ замѣтилъ начальникъ; тотъ юноша и та молодая женщина, которые вчера пировали у тебя, уже сказали намъ кое что, но мы хотѣли бы услыхать отъ тебя подтвержденіе ихъ словъ. Али-Гассанъ не сомнѣвался, что попалъ въ общество тѣхъ самыхъ разбойниковъ, которые наканунѣ разграбили его домъ, и со слезами умолялъ ихъ открыть ему, что сталось съ молодыми людьми.

—Не безпокойся, отвѣтилъ атаманъ, они живы и здоровы и находятся въ полной безопасности. При этомъ онъ указалъ рукою на двѣ запертыя двери и добавилъ: мы размѣстили ихъ по разнымъ отдѣленіямъ, и могу тебя увѣрить, ни одинъ изъ насъ не причинилъ имъ ни малѣйшаго вреда. А знаешъ-ли, почему? они похожи съ виду на знатныхъ особъ и говорятъ, что только тебѣ одному извѣстна ихъ тайна. Вотъ мы и рѣшились привести тебя сюда, чтобы ты разъяснилъ намъ все; будь же съ нами вполнѣ откровененъ и ничего не бойся.

Обрадованный благопріятнымъ извѣстіемъ о персидскомъ царевичѣ и Шемзельнигарѣ, Али-Гассанъ вознамѣрился окончательно расположить разбойниковъ въ свою пользу и началъ осыпать ихъ льстивыми похвалами и благословеніями.

—Благодѣтели мои, воскликнулъ онъ, ваше удивительное мужество равняется вашему великодушію, вы настолько же человѣколюбивы, насколько храбры и отважны, а эти благородныя качества даютъ мнѣ увѣренность, что вамъ безбоязненно можно открыть всякую тайну и что

вы свято сохраните ее. Вотъ почему я съ полной искренностью готовъ разсказать вамъ все, какъ о себѣ, такъ и объ этихъ молодыхъ людяхъ.

Послѣ такого вступленія, имѣвшаго цѣлью подѣйствовать на самолюбіе разбойниковъ, онъ подробно повѣдалъ имъ о взаимной любви персидскаго царевича и Шемзельнигары и о своихъ отношеніяхъ къ нимъ.

Разбойники съ изумленіемъ слушали его разсказъ, а когда онъ кончилъ, воскликнули въ одинъ голосъ:—Такъ вотъ кого мы привели сюда!... Да неужели это правда? неужели этотъ юноша царевичъ, а эта красавица, сама знаменитая Шемзельнигара?... Али-Гассанъ поклялся, что не обманываетъ ихъ, и снова просилъ не выдавать опасной тайны.

Но разбойники уже не слушали его; они опрометью бросились къ своимъ плѣнникамъ и почтительно, одинъ за однимъ, преклонились предъ ними. Вмѣстѣ съ тѣмъ они умоляли простить имъ невольную дерзость, увѣряя, что никогда не осмѣлились бы на такой поступокъ, если бы только знали объ ихъ высокомъ званіи. Но мы постараемся всѣми силами загладить свою вину, добавили они въ заключеніе и снова вернулись къ Али-Гассану.—Намъ очень жаль, сказалъ ему атаманъ, что мы не можемъ взвратить тебѣ всего, что было вчера похищено изъ твоего дома; нѣкоторыя вещи находятся уже не въ нашемъ распоряженіи, а потому тебѣ придется удовольствоваться одной только серебряной и золотой посудой, которую мы понесемъ за тобой.

Али-Гассанъ, не ожидавшій такого великодушія, считалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и, конечно, уже не заботился о пропажѣ остальныхъ вещей. Затѣмъ всѣ трое вышли изъ притона въ сопровожденіи разбойниковъ и, послѣ долгихъ переходовъ по глухимъ переулкамъ, добрались наконецъ до рѣки, гдѣ ихъ тотчасъ же усадили въ лодку и переправили на другую сторону.

Но въ то время, когда они выходили на берегъ, вдругъ послышался топотъ коней, и никто еще не успѣлъ опомниться, какъ отрядъ вооруженныхъ всадниковъ быстро окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ лодка уже отчалила, и разбойники начали грести изо всѣхъ силъ, спѣша удалиться отъ опасности.

Начальникъ отряда, бросивъ подозрительный взглядъ на царевича и Али-Гассана, спросилъ повелительнымъ тономъ, кто они и откуда возвращаются въ такой поздній часъ? Ошеломленные этой новой неожиданностью, они такъ растерялись, что въ первыя минуты не могли выговорить ни слова. Наконецъ, Али-Гассанъ, сознавая, что молчаніе только можетъ ухудшить ихъ положеніе, рѣшился отвѣтить за всѣхъ.

— Господинъ, сказалъ онъ, прежде всего я могу увѣрить тебя, что мы честные граждане и находимся здѣсь не по своей волѣ, а тѣ люди, что уплываютъ на лодкѣ, разбойники; они вчера напали на нашъ домъ, разграбили его и увели насъ въ плѣнъ. Только послѣ долгой мольбы и различныхъ обѣщаній, намъ удалось умилостивить ихъ и возвратиться на свободу.

Разсказъ этотъ однако не удовлетворилъ начальника стражи; онъ еще разъ пристально взглянулъ на обоихъ и сказалъ имъ: говорите всю правду: откуда это женщина, кто она, и гдѣ вы живете сами?

Все это были такіе вопросы, что правдиво отвѣчать на нихъ не

представлялось никакой возможности. Смущенные и растерянные до послѣдней степени, царевичъ и Али-Гассанъ стояли молча, опустивъ головы. Наконецъ Шемзельнигара, видя, что другаго выхода нѣтъ, рѣшилась на послѣднее средство: она отвела начальника немного въ сторону и только что сказала ему нѣсколько словъ, какъ тотъ поспѣшно сошелъ съ коня и отдалъ ей честь по военному. Затѣмъ онъ приказалъ солдатамъ добыть гдѣ нибудь двѣ лодки и привести къ берегу.

Когда приказаніе это было исполнено, начальникъ помѣстилъ въ одну лодку Шемзельнигару, а въ другую царевича съ Али-Гассаномъ и велѣлъ своимъ солдатамъ служить имъ охраной.

Лодки поплыли по разнымъ направленіямъ, и та изъ нихъ, въ которой былъ царевичъ съ своимъ товарищемъ, остановилась у берега прямо передъ дворцомъ; тутъ солдаты передали ихъ дежурному офицеру, и это обстоятельство сильно перепугало обоихъ: они вообразили, что ихъ берутъ подъ караулъ, чтобы на другой день представить калифу. Однакожъ, опасеніе на этотъ разъ оказалось напраснымъ; офицеръ безъ всякихъ распросовъ, тотчасъ же отрядилъ двоихъ солдатъ, чтобы проводить ихъ до дому. Такъ они вернулись наконецъ усталые, измученные, изнеможенные до послѣдней степени. И помимо всѣхъ этихъ тѣлесныхъ страданій, царевича сокрушала еще мысль, что теперь все кончено, что послѣ этой неудачи Шемзельнигара потеряна для него навсегда; эта мысль причиняла ему такую душевную боль, что силы его не выдержали, и онъ лишился чувствъ. Слуги царевича, и безъ того встревоженные его долгимъ отсутствіемъ, теперь совсѣмъ растерялись и, окруживъ Али-Гассана, настойчиво стали требовать, чтобы онъ сказалъ, гдѣ находился ихъ господинъ и что съ нимъ приключилось. Опасаясь говорить имъ правду, онъ сильно затруднялся отвѣтомъ, но къ счастію, въ это минуту царевичъ открылъ глаза, при чемъ невольники тотчасъ же отступили и стали въ почтительномъ отдаленіи.

Между тѣмъ домашніе Али-Гассана также переживали не малую тревогу по поводу его таинственнаго исчезновенія съ какимъ то неизвѣстнымъ человѣкомъ. Прождавъ понапрасну весь день и всю ночь, они уже не сомнѣвались, что съ нимъ случилось какое нибудь большое несчастіе; поэтому, когда онъ пришелъ домой, жена, дѣти, даже невольники всѣ встрѣтили его со слезами радости; но ихъ сразу поразила страшная перемѣна, происшедшая въ немъ за это короткое время: лицо его осунулось, глаза впали, и весь онъ измѣнился до такой степени, что сталъ неузнаваемъ. Дѣйствительно, предъидущая безсонная ночь, цѣлыя сутки постоянныхъ тревогъ, волненій и страха надломили его силы, и онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Впрочемъ, дня черезъ два, когда усталость миновала, Али-Гассанъ настолько оправился, что вздумалъ навѣстить одного своего пріятеля.

Придя къ нему въ лавку, онъ довольно долго бесѣдовалъ съ нимъ, потомъ всталъ, чтобы проститься, и тутъ увидалъ у входа какую то женщину, скрытую чадрой; по ея таинственнымъ знакамъ, обращеннымъ къ нему, онъ тотчасъ же узналъ въ ней довѣренную Шемзельнигары, но, напуганный всѣмъ предъидущимъ, сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ ея, и вышелъ изъ лавки, даже не оглянувшись въ ту сторону. Невольница, какъ онъ и ожидалъ, послѣдовала за нимъ и вошла въ одну запустѣлую мечеть, куда Али-Гассанъ нарочно завелъ ее, зная, что тамъ очень рѣдко встрѣчаются богомольцы.

Укрывшись отъ всякаго посторонняго наблюденія, онъ обернулся наконецъ къ своей спутницѣ, и они обмѣнялись радостными привѣтствіями, увидавшись въ первый разъ послѣ страшнаго событія.

— Ради Бога, нетерпѣливо началъ онъ, скажи мнѣ поскорѣе, какимъ чудомъ ты избавилась отъ разбойниковъ и благополучно ли возвратилась твоя госпожа? Но, вмѣсто отвѣта, невольница принудила его сначала передать все, что было съ нимъ самимъ и съ персидскимъ царевичемъ, и только выслушавъ его, приступила къ разсказу:

— До сихъ поръ не могу вспомнить той страшной минуты, когда появились разбойники. Въ смертельномъ ужасѣ, я не могла да и не успѣла разглядѣть одеждъ и была вполнѣ увѣрена, что это дворцовая стража, посланная калифомъ, чтобы умертвить насъ всѣхъ вмѣстѣ съ Шемзельнигарой и царевичемъ. Не помня себя, я, какъ безумная, опрометью бросилась изъ комнаты и поспѣшно взобралась наверхъ, куда за мной послѣдовали и двѣ другія невольницы, бывшія съ нами. Оттуда мы перешли на крышу смежнаго дома, съ нея на третью и наконецъ нашли себѣ убѣжище въ одномъ жильѣ, гдѣ добрые люди пріютили насъ на эту ночь; а какъ только стало разсвѣтать, мы поспѣшили возвратиться домой. Приходимъ, Шемзельнигары нѣтъ, и ничего неизвѣстно о ней... Можешь представить себѣ, какъ это насъ встревожило; однако, когда остальныя невольницы приступили съ распросами, мы не выдали имъ своихъ опасеній, а сказали, что госпожа наша осталась у одной своей знакомой и велѣла придти за ней, когда увѣдомитъ. Невольницы повѣрили нашей выдумкѣ и успокоились, для насъ же весь этотъ день прошелъ въ невыразимомъ волненіи; не зная, что предпринять, мы вышли въ сумеркахъ черезъ потайную дверь галлереи на берегъ канала, что соединяется съ Тигромъ и, увидавъ тамъ какого то лодочника, упросили его выѣхать на рѣку и внимательно глядѣть по всѣмъ сторонамъ, не встрѣтится ли гдѣ нибудь на водѣ или на сушѣ молодая, нарядная женщина, а если встрѣтится, доставить ее сюда немедленно. Лодочникъ отчалилъ, а мы, какъ ни мало надѣялись, всетаки остались на берегу въ ожиданіи его возвращенія. Вдругъ, около полуночи, показалась та же лодка, и мы ясно различили при лунномъ

свѣтѣ, что въ ней, вмѣсто одного, сидѣло уже двое мужчинъ, а на кормѣ полулежала какая то женщина. Лодка быстро причалила къ тому мѣсту, гдѣ мы находились, и гребцы осторожно высадили на берегъ изнеможенную женщину, въ которой я тотчасъ же узнала свою дорогую Шемзельнигару.

Я бросилась къ ней съ восклицаніями радости и обхватила ее, чтобы не дать упасть, она же безсильно склонилась ко мнѣ на плечо и проговорила слабымъ голосомъ:—Поди, принеси поскорѣй кошелекъ съ тысячью золотыхъ монетъ и отдай его этимъ людямъ. Я передала свою госпожу съ рукъ на руки двумъ невольницамъ и мигомъ исполнила порученіе, а затѣмъ мы всѣ вмѣстѣ провели ее черезъ ту же галлерею въ опочивальню, гдѣ поспѣшно раздѣли и уложили въ постель. Но во всю эту ночь она находилась въ такомъ состояніи, что заставляла опасаться за свою жизнь; сильный жаръ и бредъ не прекращались вплоть до утра, такъ что я сочла за лучшее не впускать никого изъ постороннихъ, сама же не переставала ухаживать за ней со всѣмъ усердіемъ своей безграничной преданности. На другой и въ послѣдующіе дни она все также мало подавала надежды на выздоровленіе; главная бѣда была въ томъ, что больная рѣшительно отказывалась отъ всякой пищи и поддерживала свое существованіе только небольшими глотками вина. Впрочемъ, два дня тому назадъ ей стало немного лучше, и я воспользовалась этой счастливой перемѣной, чтобы спросить, какимъ чудомъ она могла избѣгнуть такой страшной опасности.—О, зачѣмъ ты напоминаешь мнѣ объ этомъ? отвѣтила она, заливаясь слезами; для меня было бы великимъ счастіемъ, еслибы разбойники прекратили однимъ ударомъ мою несносную жизнь; теперь же я должна влачить ее безъ свѣта, безъ радости, безъ надежды хоть когда нибудь увидать своего милаго...

— Госпожа моя дорогая, сказала я ей, вѣдь я спрашиваю тебя не изъ пустаго любопытства, а по опыту знаю, какъ много значитъ подѣлиться своимъ горемъ съ человѣкомъ преданнымъ и любящимъ насъ.

Слова мои тронули Шемзельнигару, и она подробно разсказала мнѣ обо всемъ, что было съ ней до той минуты, когда начальникъ стражи, узнавъ ея настоящее имя, приказалъ своимъ солдатамъ проводить ее во дворецъ.

— Меня утѣшаетъ только одно, добавила она, что царевичъ, вѣроятно, также находится въ безопасности, а что онъ тоскуетъ теперь и страдаетъ, это ужъ видно такъ суждено намъ съ нимъ, такова наша горькая доля. Тутъ она умолкла и закрыла глаза, потомъ вдругъ, словно встрепенувшись промолвила съ оживленіемъ: — Ахъ, вотъ хорошо, что вспомнила: завтра утромъ возьми ты двѣ тысячи золотыхъ монетъ и отнеси ихъ нашему вѣрному и преданному другу. Я не хочу, чтобы онъ ради меня потерпѣлъ какой нибудь убытокъ. Кстати отъ него же ты, можетъ быть, узнаешь о царевичѣ.

Признаюсь, послѣднее порученіе мнѣ было не совсѣмъ по душѣ, и я всѣми средствами старалась отклонить свою госпожу отъ дальнѣйшихъ сношеній съ царевичемъ, доказывая, что любовь эта до сихъ поръ приносила одно только несчастіе, да и въ будущемъ ничего иного не обѣщаетъ; но Шемзельнигара заставила меня замолчать и сказала съ замѣтнымъ раздраженіемъ:—Ты должна не разсуждать, а повиноваться.

И вотъ, какъ видишь, я въ точности исполняю ея приказаніе; деньги же, которыя она велѣла передать тебѣ, я оставила у однихъ знакомыхъ; это недалеко: погоди немного здѣсь, я сейчасъ же принесу ихъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ невольница возвратилась и вручила своему пособнику два кошелька по тысячѣ монетъ въ каждомъ. Али-Гассанъ хотя и находилъ, что это слишкомъ много за тѣ убытки, какіе онъ потерпѣлъ, но изъ уваженія къ Шемзельнигарѣ не хотѣлъ отказаться отъ ея подарка и принялъ деньги съ великой благодарностью. Затѣмъ они условились на будущее время видаться въ другомъ его домѣ, чтобы не возбуждать ничьего подозрѣнія.

Послѣ этой неожиданной встрѣчи съ невольницей, Али-Гассанъ вернулся домой вполнѣ довольный; его радовало не столько полученіе денегъ, сколько сознаніе, что всякая опасность миновала. Въ городѣ. какъ оказывалось, никто не зналъ о ночномъ посѣщеніи его дома царевичемъ и Шемзельнигарой, кромѣ, разумѣется, разбойниковъ, но тѣ, какъ отверженцы общества, не могли повредить ему, еслибы даже и захотѣли нарушить свое обѣщаніе. Успокоенный и ободренный, онъ въ тотъ же вечеръ отправился къ царевичу.

Тамъ во всемъ домѣ царствовало полное уныніе; слуги встрѣтили

гостя съ печальными, заплаканными лицами и объявили, что царевичъ совсѣмъ плохъ, что съ самаго своего возвращенія онъ не вставалъ съ постели и не промолвилъ ни единаго слова. Али-Гассанъ вошелъ въ опочивальню и увидалъ своего друга неподвижно лежащимъ на атласныхъ подушкахъ, съ выраженіемъ глубокаго страданія на исхудаломъ лицѣ.—Какъ чувствуешь себя царевичъ? съ участіемъ спросилъ онъ послѣ обычныхъ привѣтствій.

Юноша отвѣтилъ ему слабымъ пожатіемъ руки и взглянулъ на него съ невыразимой тоской.—Благодарю за все, проговорилъ онъ какимъ то упавшимъ голосомъ, и никогда не забуду ни твоихъ услугъ, ни твоей доброты ко мнѣ.

— Что намъ говорить о благодарности! отвѣтилъ ему Али-Гассанъ: я чувствовалъ бы себя вполнѣ счастливымъ, еслибы мои услуги могли принести тебѣ пользу. Но мнѣ кажется, ты самъ изводишь себя, царевичъ, и создаешь свою болѣзнь; можетъ быть даже намѣренно не принимаешь пищи?

— Вѣрно ты говоришь, господинъ, подтвердилъ одинъ изъ слугъ, стоявшій тутъ же около постели: нашъ царевичъ отказывается отъ всего, что́ мы ни предлагаемъ, словно хочетъ уморить себя голодомъ.

— Я такъ и зналъ! воскликнулъ Али-Гассанъ; но вѣдь это грѣхъ передъ Богомъ!

— Другъ мой, возразилъ царевичъ, въ силахъ ли я перевозмочь свой недугъ? Ты знаешь, онъ кроется далеко, въ самой глубинѣ моего сердца. Но довольно объ этомъ: помимо всего другаго, меня еще тревожитъ мысль, что ради насъ ты подвергся не малой потерѣ отъ грабителей. Я обязанъ вознаградить тебя за это и тысячу разъ прошу извиненія за всѣ тревоги, невольно причиненныя тебѣ.

Сказавъ это, онъ съ усиліемъ поднялся съ постели и прошелъ въ свою кладовую, гдѣ при себѣ велѣлъ отобрать и увязать въ тюки серебряную посуду и множество другихъ цѣнныхъ вещей. Все это онъ приказалъ своимъ слугамъ отнести въ домъ Али-Гассана.

Напрасно тотъ уклонялся отъ щедраго подарка, говоря, что Шемзельнигара уже съ избыткомъ вознаградила за всѣ понесенныя потери, царевичъ такъ настойчиво просилъ не обижать его отказомъ, что пришлось уступить. Послѣ многихъ выраженій горячей благодарности, Али-Гассанъ хотѣлъ было идти домой, но, замѣтивъ при этомъ огорченіе на лицѣ молодого хозяина, согласился остаться и пробесѣдовалъ съ нимъ до глубокой ночи.

На другое утро, когда онъ снова зашелъ къ царевичу, чтобы проститься, тотъ взялъ его за руку и, усадивъ рядомъ съ собой на софу, сказалъ съ глубокимъ волненіемъ:—Выслушай, другъ мой, еще нѣсколько словъ, и ты можетъ быть увидишь въ нихъ оправданіе и объ-

ясненіе того, что со мной происходитъ: вѣдь въ жизни каждый человѣкъ имѣетъ какія нибудь желанія, преслѣдуетъ опредѣленныя цѣли, и смотря по тому, насколько осуществляются его стремленія, онъ чувствуетъ себя счастливымъ или несчастнымъ. Стремленія всякаго любящаго заключаются конечно въ томъ, чтобы обладать предметомъ своей любви, а когда надежда отнята, когда нѣтъ возможности хоть когда нибудь достигнуть своихъ желаній, ему ничего не остается больше, какъ умереть. И я давно покончилъ бы съ этой несносной жизнью, еслибы прежде всего меня не удерживала наша религія, запрещающая самоубійство, и потомъ сознаніе, что теперь уже не стоитъ предупреждать судьбу... Я чувствую, мнѣ не долго придется ждать роковой развязки... При этихъ словахъ онъ залился слезами, и судорожныя рыданія прервали его рѣчь.

Желая хоть сколько нибудь его утѣшить и заронить въ измученную душу хоть искру надежды, Алли-Гассанъ упомянулъ о Шемзельнигарѣ и сказалъ, что ему надо поспѣшить домой, такъ какъ довѣренная невольница, можетъ быть, уже дожидается его, чтобы сообщить что нибудь о своей госпожѣ. На этотъ разъ царевичъ не сталъ его удерживать.

При своемъ возвращеніи, Али-Гасанъ дѣйствительно засталъ у себя невольницу, которая бросилась къ нему со слезами и воплями.

— Мы погибли,—вскричала она, все кончено, намъ измѣнили! Затѣмъ, въ нескладныхъ, отрывочныхъ словахъ, она передала, какъ одна рабыня, изъ тѣхъ, что были въ его домѣ, наказанная за что-то Шемзельнигарой, убѣжала изъ дворца и донесла обо всемъ начальнику

евнуховъ, а другая, тоже обиженная чѣмъ-то, нашла себѣ пріютъ во дворцѣ самого калифа. Сегодня утромъ, продолжала наперсница, къ намъ неожиданно явились двадцать человѣкъ дворцовой стражи и увели Шемзельнигару по велѣнію калифа. Я не знаю, что тамъ произошло, но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что всѣхъ насъ ожидаетъ погибель... Увѣдомь же объ этомъ поскорѣй царевича, и если вы не придумаете вмѣстѣ какого нибудь средства спастись, то пусть онъ по крайней мѣрѣ приготовится къ допросу. Затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, она поспѣшно удалилась.

Али-Гассанъ стоялъ недвижимо, ошеломленный этой неожиданной вѣстью; долго не могъ онъ даже сообразить, что случилось, наконецъ инстинктивное чувство самосохраненія подсказало ему, что время не терпитъ и нужно пользоваться каждой минутой. Онъ стремительно выбѣжалъ изъ дома и отправился къ царевичу. Тотъ сначала принялъ это извѣстіе довольно равнодушно и отвѣчалъ, что ему все равно, какъ ни умереть—тѣмъ или другимъ образомъ смерти.

Но когда Али-Гассанъ объявилъ, что предварительно его могутъ подвергнуть пыткѣ, чтобы вынудить показанія противъ Шемзельнигары, царевичъ смутился и въ смертельномъ ужасѣ умолялъ своего друга придумать какое нибудь средство спасенія.

— Бѣжать, пока еще есть время, вотъ наше единственное средство, если мы не хотимъ отдаться въ руки дворцовой стражи. Намъ нельзя терять ни одной минуты, соберемся поскорѣй, возьмемъ съ собой самыхъ надежныхъ слугъ, сядемъ на коней и поскачемъ въ Анбаръ *).

Царевичъ предоставилъ себя въ полное распоряженіе своего друга; пока сѣдлали коней, онъ простился съ матерью, захватилъ наличныя деньги и покинулъ Багдадъ, въ сопровожденіи Али-Гассана и немногихъ избранныхъ слугъ.

Весь этотъ день и болѣе половины ночи они продолжали свой путь непрерывно; наконецъ, часа за два или за три до разсвѣта, остановились въ цвѣтущей долинѣ, чтобы дать необходимый отдыхъ и себѣ, и конямъ, совсѣмъ уже изнемогавшимъ отъ усталости.

Но только что они успѣли расположиться подъ деревомъ, какъ ихъ со всѣхъ сторонъ окружила многочисленная разбойничья шайка и произошло ожесточенное нападеніе. Въ первыя минуты Али-Гассанъ и царевичъ пытались было защищаться, но увидавъ, что слуги всѣ перебиты и дальнѣйшее сопротивленіе становится безполезнымъ, они сдались на волю побѣдителей. Разбойники пощадили имъ жизнь, но за то обобрали ихъ до чиста и бросили чуть не нагими.

---

*) Давно уже не существующій, древній городъ при рѣкѣ Тигрѣ, отстоявшій на двадцать миль отъ Багдада.

Когда они удалились, царевичъ съ горечью проговорилъ:—Ну, что? Видно, злой судьбы не избѣгнешь.... Эхъ, лучше бы ужь мнѣ оставаться въ Багдадѣ!

— На все воля Божія, царевичъ, со вздохомъ отвѣчалъ Али-Гассанъ. Мы не можемъ знать, гдѣ намъ лучше, гдѣ хуже, и во всемъ должны безропотно покоряться Провидѣнію. Господь послалъ намъ это испытаніе, Онъ же и поможетъ перенести. Да будетъ Его святая воля!

— Все это такъ, промолвилъ царевичъ, можетъ быть, ты еще избавишься отъ бѣды.... Иди, мой другъ, спасайся, меня же оставь. Вѣдь мнѣ все равно, гдѣ бы ни умереть.... — Но Али-Гассанъ со слезами умолялъ его не предаваться отчаянію и вмѣстѣ идти на поиски какого нибудь убѣжища.

Эти мольбы и слезы наконецъ тронули царевича; онъ всталъ и покорно послѣдовалъ за нимъ, а послѣ долгаго, томительнаго перехода, они увидали какую то мечеть, гдѣ и провели остатокъ ночи.

На разсвѣтѣ туда вошелъ благообразный, сѣдой старикъ, совершилъ обычную молитву и, обернувшись, увидалъ пришельцевъ, сидѣвшихъ въ углу. Онъ подошелъ къ нимъ, вѣжливо поклонился и молвилъ:— Извините меня, добрые люди, но мнѣ кажется—вы не здѣшніе?

— Ты не ошибся, отвѣтилъ Али-Гассанъ, въ эту ночь мы ѣхали изъ Багдада и подверглись нападенію разбойниковъ. Въ какомъ положеніи они насъ оставили, ты можешь судить по одному нашему виду. Хуже всего то, что мы уже далеко отъ роднаго города и рѣшительно не знаемъ, къ кому обратиться за помощью въ чужой сторонѣ.—Идите

ко мнѣ, сказалъ имъ старикъ, я охотно помогу вамъ по мѣрѣ своихъ силъ.

Али-Гассанъ взглянулъ на царевича и шепнулъ ему на ухо:

— Я думаю, намъ слѣдуетъ согласиться?

— Дѣлай, какъ знаешь, также тихо отвѣтилъ царевичъ, я на все согласенъ.

Тогда Али-Гассанъ сказалъ, обращаясь къ незнакомцу:

— Благодаримъ тебя сердечно и съ радостью принимаемъ твое великодушное приглашеніе, но насъ затрудняетъ одно: какъ видишь, мы почти нагіе, и намъ совѣстно показаться въ такомъ видѣ.

При этихъ словахъ старикъ, ни мало не думая, снялъ съ себя лишнее платье и отдалъ ограбленнымъ, затѣмъ пригласилъ ихъ слѣдовать за собой. Когда они пришли въ его домъ, онъ отвелъ имъ отдѣльную комнату, принесъ каждому чистую одежду и, зная, что въ настоящемъ положеніи они болѣе всего должны нуждаться въ отдыхѣ, а можетъ быть и въ пищѣ, тотчасъ же оставилъ ихъ безъ всякихъ разспросовъ и прислалъ имъ съ невольницей нѣсколько сытныхъ и вкусныхъ блюдъ. Но несчастные странники почти не притронулись ни къ чему, въ особенности царевичъ, который чувствовалъ себя такъ дурно, что внушалъ сильное опасеніе за свою жизнь.

Добродушный хозяинъ нѣсколько разъ заходилъ къ нимъ въ теченіе дня, разговаривалъ съ ними и старался предупреждать всякое ихъ желаніе, когда же совсѣмъ стемнѣло, онъ пожелалъ имъ спокойной ночи и простился; но не задолго до разсвѣта Али-Гассанъ уже самъ пришелъ за нимъ и объявилъ, что товарищъ его умираетъ. Дѣйствительно, когда они вошли къ царевичу, смерть уже была близка. При видѣ своего друга, онъ собралъ послѣднія силы и проговорилъ едва внятно:—

Видишь, все кончено.... я умираю.... Побудь со мной еще немного, ты примешь мой послѣдній вздохъ. Мнѣ не страшно.... я съ радостью покидаю жизнь. Одно жаль—нѣтъ здѣсь моей милой матери.... Какъ она любила меня!... Да и я ее тоже.... Бѣдная, предчувствуешь ли ты, какое горе ожидаетъ тебя?... Скажи ей все, все.... Пусть она перенесетъ мое тѣло въ Багдадъ. Можетъ быть для нея будетъ утѣшеніемъ орошать мою могилу своими слезами, а душу мою облегчать своими молитвами. Замѣтивъ хозяина, онъ поблагодарилъ его за участіе и просилъ не отказать ему въ пріютѣ по смерти, пока мать не возьметъ его тѣла. Черезъ нѣсколько минутъ его уже не стало.

На другой же день послѣ кончины царевича, Али-Гассанъ присоединился къ большому каравану, отправлявшемуся въ Багдадъ, и прибылъ туда въ безопасности. Зайдя въ свой домъ только на нѣсколько минутъ, чтобы омыть съ себя дорожную пыль и переодѣться, онъ поспѣшилъ во дворецъ персидскаго царевича, гдѣ всѣ его встрѣтили съ большою тревогой, увидавъ, что онъ вернулся одинъ. Али-Гассанъ попросилъ доложить о немъ царицѣ-матери и немедленно былъ введенъ въ обширный покой, гдѣ она находилась съ своими прислужницами.—Высокочтимая госпожа моя, началъ вѣстникъ печали и тутъ же оборвался... голосъ его дрожалъ, слова не шли съ языка. — Мужайся, продолжалъ онъ, дѣлая надъ собою усиліе, пусть Господь укрѣпитъ тебя и дастъ силу.... — Онъ умеръ! вдругъ страшно вскрикнула царица и замертво упала на руки своихъ прислужницъ. Въ комнату сбѣжались остальные домочадцы, и поднятые ими вопли заставили Али-Гассана снова заплакать. Не скоро еще послѣ этого очнулась царица и могла успокоиться настолько, чтобы выслушать роковую вѣсть.... Она умоляла не скрывать отъ нея ничего и передать ей каждое предсмертное слово, каждый взглядъ, каждое движеніе возлюбленнаго сына, и Али-Гассанъ добросовѣстно исполнилъ ея желаніе.—Его послѣднія слова были о тебѣ, царица, закончилъ онъ свой печальный разсказъ: несчастный юноша жалѣлъ только о томъ, что умираетъ вдали отъ тебя, и что не твоя рука закроетъ ему глаза.... Да, вотъ что еще: онъ просилъ не оставлять его тамъ, а перенести для погребенія въ Багдадъ....

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня мать отправилась за останками сына, въ сопровожденіи большинства своихъ невольниковъ и самыхъ близкихъ друзей. Али-Гассанъ проводилъ печальное шествіе до городскихъ воротъ и побрелъ домой—унылый, разстроенный, съ гнетущей мыслью о роковой судьбѣ, о безвозвратной кончинѣ такого прекраснаго юноши, какимъ былъ царевичъ.

Полный этихъ тяжелыхъ думъ, онъ шелъ, понуривъ голову, и не замѣтилъ, какъ предъ нимъ остановилась женщина, одѣтая въ глубокій трауръ. То была довѣренная Шемзельнигары. Узнавъ ее съ перваго

взгляда, онъ сдѣлалъ ей едва замѣтный знакъ и, не останавливаясь, продолжалъ идти далѣе; невольница слѣдовала за нимъ, обливаясь слезами; когда же они вошли въ его домъ, Али-Гассанъ посадилъ ее рядомъ съ собой и спросилъ съ глубокимъ вздохомъ:—Слышала ли ты о смерти персидскаго царевича?— Царевича! воскликнула она, да развѣ онъ умеръ!?... О, Господи... Не долго же онъ пережилъ свою Шемзельнигару... Бѣдные, бѣдные вы мои... Не далъ вамъ Богъ счастья на этомъ свѣтѣ, но, по крайней мѣрѣ, хоть *тамъ* соединятся ваши чистыя, прекрасныя души...

Али Гассанъ былъ пораженъ этой печальной вѣстью; слезы заструились у него по щекамъ, и онъ проговорилъ упавшимъ голосомъ:—Такъ и она тоже?...—Да, умерла, подсказала невольница, развѣ ты не видишь этого по моему одѣянію? Ахъ, сколько выстрадала она, голубка моя нѣжная... Смерть ея была какая то совсѣмъ особенная, но я разскажу тебѣ потомъ все по порядку, теперь же повѣдай мнѣ о кончинѣ царевича... Вѣдь въ это короткое время я уже успѣла полюбить его не менѣе своей обожаемой госпожи.

Али Гассанъ исполнилъ ея желаніе; онъ разсказалъ со всѣми подробностями о послѣднихъ минутахъ жизни царевича, а также и о томъ, что царица мать, согласно волѣ покойнаго, отправилась уже сама, чтобы перенести его тѣло въ Багдадъ.

Невольница выслушала его съ глубокимъ вниманіемъ и потомъ сказала, едва сдерживая рыданіе:—Та же причина сгубила и мою голубку... Не выдержали они оба, не снесли своей разлуки... Ты конечно помнишь наше послѣднее свиданіе: тогда я ушла къ тебѣ въ ту минуту, какъ государь, узнавъ о невѣрности Шемзельнигары, потребовалъ ее къ себѣ. Мы думали уже Богъ знаетъ, что случится, всѣ ожидали, что гнѣвъ калифа, подъ вліяніемъ ревности, будетъ ужасенъ, однакожъ вышло совсѣмъ другое: онъ встрѣтилъ свою любимицу привѣтливо и съ прежней нѣжностью сказалъ ей:—Перестань печалиться; я не могу видѣть грусти на твоемъ миломъ лицѣ. Будь попрежнему весела и ласкова со мной. Ты вѣдь знаешь, какъ много я любилъ тебя всегда, и теперь люблю не менѣе. Тебя оклеветали передо мной, но я не вѣрю, по крайней мѣрѣ не хочу вѣрить... Все забуду, все прощу тебѣ, только люби меня, какъ любила прежде.

Много еще говорилъ онъ ей разныхъ ласковыхъ словъ и если винилъ кого нибудь въ ея увлеченіи, то развѣ только самого себя, свою слабость, свой недостаточный надзоръ за любимицей. Да и правда, еслибы онъ не дозволялъ ей выходить одной, безъ евнуховъ, никогда не случилось бы такой бѣды. Наконецъ онъ отпустилъ ее, сказавъ, что вечеромъ еще разъ повидается съ ней.

Доброта калифа уничтожила Шемзельнигару; она глубоко чувство-

вала свою вину передъ нимъ, и милости его были для нее тяжелѣе самаго страшнаго гнѣва.

Вечеромъ калифъ дѣйствительно удостоилъ ее своимъ посѣщеніемъ и былъ встрѣченъ по обыкновенію съ факелами и музыкой. Подали роскошное угощеніе. Онъ взялъ свою любимицу за руку и посадилъ возлѣ себя. То было послѣднимъ испытаніемъ для Шемзельнигары: она собрала всѣ силы, чтобы не оскорбить своего властелина и принудить себя къ выраженію тѣхъ чувствъ, какихъ уже не оставалось въ ея душѣ, но надломленныхъ силъ не хватило... она пошатнулась, откинулась назадъ и умерла. Сначала мы думали, что это только обморокъ, и старались всѣми средствами привести ее въ чувство, но Шемзельнигара не очнулась, и заспула навѣки...

Калифъ былъ глубоко пораженъ этой смертью; лицо его поблѣднѣло, онъ долго сидѣлъ въ какомъ то оцѣпенѣніи, потомъ порывисто всталъ, велѣлъ разбить въ дребезги всѣ музыкальные инструменты и нетвердой поступью отправился въ свой дворецъ. Я во всю ночь не отходила отъ тѣла усопшей, омыла ее и снарядила на вѣчный покой.

Черезъ нѣсколько дней она была похоронена въ роскошной усыпальницѣ, воздвигнутой по приказанію калифа въ ея любимомъ мѣстѣ, среди деревьевъ и цвѣтовъ... На этомъ закончился разсказъ и наступило молчаніе.

— А знаешь ли, какая мысль пришла мнѣ теперь? снова заговорила невольница, выходя изъ своего печальнаго раздумья.—Постараемся, чтобы царевичъ былъ положенъ вмѣстѣ съ Шемзельнигарой, въ одной гробницѣ.

— Что ты! возразилъ Али-Гассанъ, изумленный смѣлостью такой фантазіи, да развѣ калифъ дозволитъ? никогда.—Ты думаешь? А я такъ совсѣмъ другаго мнѣнія, отвѣтила невольница; великодушіе нашего калифа безгранично, и если ужъ онъ простилъ эту любовь живымъ, то станетъ ли мстить за нее мертвымъ? Напротивъ, по всему видно, что память Шемзельнигары ему дорога: онъ даровалъ свободу всѣмъ ея невольницамъ, назначилъ имъ пожизненную пенсію, а мнѣ приказалъ отпускать ежегодно большую сумму денегъ для поддержанія усыпальницы и на мое собственное прожитіе. Али-Гассанъ не возражалъ болѣе и только просилъ провести его на могилу Шемзельнигары. Они тотчасъ же отправились, но когда стали приближаться къ мѣсту, около усыпальницы уже собралась такая громадная толпа народа всѣхъ возрастовъ и званій, что добраться туда не было возможности. Али-Гассанъ принужденъ былъ помолиться издали и потомъ сказалъ, обращаясь къ своей спутницѣ:— Теперь я вижу, что твое намѣреніе исполнимо. Намъ только стоитъ разсказать этой толпѣ исторію царевича и Шемзельнигары, и я увѣренъ, весь городъ будетъ умолять калифа, чтобы онъ не разлучалъ ихъ за гробомъ.

Такъ дѣйствительно и случилось: калифъ далъ свое разрѣшеніе, а народъ встрѣтилъ тѣло царевича еще далеко отъ города, внесъ его въ усыпальницу Шемзельнигиры и положилъ въ ея гробницу. Съ той поры не одни жители Багдада, но даже чужестранцы всѣхъ концовъ свѣта, гдѣ только славится имя нашего великаго пророка, не переставали чтить эту могилу и совершать надъ нею свои молитвы.

— Вотъ, государь, чѣмъ кончилась эта несчастная любовь двухъ юныхъ сердецъ, такъ безвременно взятыхъ могилой, сказала Шехеразада султану Шахріару.

А на востокѣ между тѣмъ уже алѣла заря.

— Благодарю, дорогая сестра, послышался голосъ Динарзады, никогда еще я не внимала тебѣ съ такимъ удовольствіемъ.

— Если бы султанъ, нашъ повелитель, дозволилъ мнѣ прожить еще одну ночь, отвѣчала Шехеразада, я разсказала бы другую, несравненно лучшую сказку.

Она замолчала, какъ бы ожидая отвѣта, но султанъ ничего не сказалъ, хотя мысленно уже рѣшилъ отсрочить казнь.

Передъ разсвѣтомъ слѣдующаго утра Шехеразада начала новую сказку:

О Камаралзаманѣ царевичѣ острова Сыновъ Каледана и о Китайской царевнѣ Бадурѣ.

На разстояніи двадцатидневнаго плаванія отъ Персидскаго залива, среди необъятнаго моря, лежитъ обширный, цвѣтущій островъ, названный островомъ Сыновъ Каледана; онъ раздѣленъ на многія, значительныя провинціи съ богатыми, густо-населенными городами, и образуетъ въ цѣломъ могущественное государство, которымъ правилъ въ давноминувшія времена славный и мудрый царь, по имени Шахзаманъ *), мужъ четырехъ законныхъ женъ царскаго рода и владѣлецъ шестидесяти разноплеменныхъ красавицъ—рабынь.

Страна процвѣтала подъ его правленіемъ, народъ благоденствовалъ, ни внѣшнія, ни внутреннія смуты никогда не нарушали его мирнаго спокойствія, и для полнаго счастія Шахзамана не доставало только одного, но самаго главнаго: кровнаго наслѣдника его рода и престола. Онъ уже дожилъ почти до старости, а ни одна изъ его многочисленныхъ женъ не принесла ему ни одного ребенка.

Глубоко огорченный такимъ страннымъ безплодіемъ, считая его проявленіемъ немилости Божіей или карой за какой нибудь невѣдомый

*) По персидски: *царь времени*, или *царь вѣка*.

грѣхъ, царь доживалъ свой вѣкъ съ тяжелымъ сознаніемъ, что славный, древній родъ его угаснетъ вмѣстѣ съ нимъ; но, пока еще оставалась хотя слабая надежда на будущее, онъ твердо таилъ отъ всѣхъ удручавшее его горе и никогда не проявлялъ его ни единымъ словомъ. Наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ напраснаго ожиданія, царь не выдержадъ и рѣшился повѣдать свою гнетущую печаль мудрѣйшему изъ своихъ совѣтниковъ—великому визирю государства. Призвавъ его къ себѣ для тайнаго совѣщанія, онъ открылъ передъ нимъ свою душу и подконецъ обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:—Что же дѣлать, какъ помочь моему горю? Придумай, мудрый визирь, научи.

— Твое величество ставитъ меня въ большое затрудненіе, отвѣчалъ тотъ: задача эта трудная, непосильная человѣческому разуму, даже при самыхъ обширныхъ знаніяхъ и опытности, и помочь тутъ властенъ только единый Богъ. Не затѣмъ ли послано тебѣ это испытаніе, чтобы, среди земныхъ благъ и земнаго могущества ты не забывалъ о могуществѣ высшемъ, какъ о единственномъ прибѣжищѣ въ своихъ немощахъ и скорбяхъ? Такъ прибѣгни же къ нему, государь, вотъ все, что я могу тебѣ посовѣтовать. Въ твоей странѣ не мало людей, которые посвящаютъ всю жизнь на служеніе Богу, обрекаютъ себя на тяжкіе труды и лишенія ради любви къ Нему, а среди этихъ подвижниковъ, можетъ быть, есть и чистые сердцемъ избранники Божіи. Раздай щедрыя милостыни во всѣ общины дервишей, и пусть они присоединятъ свои молитвы къ твоимъ.

Царь Шахзаманъ одобрилъ этотъ совѣтъ и выразилъ мудрому визирю свою искреннюю благодарность. Затѣмъ онъ разослалъ по всѣмъ монастырямъ значительныя суммы денегъ, призвалъ къ себѣ самихъ настоятелей и, сообщивъ имъ свое желаніе, смиренно просилъ оповѣстить всю нищую братію, чтобы она усердно молила Бога объ осуществленіи этого желанія.

И небо услышало эти мольбы: вскорѣ одна изъ царскихъ законныхъ женъ понесла во чревѣ, а чрезъ девять мѣсяцевъ произвела на свѣтъ давно желаннаго наслѣдника. Тогда, уже въ видѣ благодарности, во всѣ религіозныя общины были разосланы новые, щедрые дары; рожденіе царевича ознаменовалось продолжительными народными празднествами и увеселеніями не только въ самой столицѣ, но и во всѣхъ обширныхъ владѣніяхъ Шахзамана; монаршая радость проявилась повсемѣстно въ безчисленныхъ благодѣяніяхъ. Съ торжествомъ принесли новорожденнаго первенца счастливому отцу, и онъ нашелъ его до такой степени прекраснымъ, что тутъ же нарекъ сына Камаралзаманомъ, то есть *Луною вѣка.*

Легко представить себѣ, какія неусыпныя старанія прилагались къ уходу за младенцемъ царевичемъ и какъ занялись его первоначальнымъ

[illegible] время обученія и образованія, Шахзаманъ [illegible] собралъ со всего государства [illegible] всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ, [illegible] воспріимчивый умъ ребенка обо- [illegible] При этомъ, разумѣется, не были [illegible] необходимыя для развитія силы и [illegible] правила, безъ которыхъ ни одинъ [illegible] руководителемъ своего народа. Сло- [illegible] въ себѣ всевозможныя со- [illegible] и славой всей страны.

[illegible] достигнувъ шестнадцати лѣтъ, [illegible] желая увидать въ немъ осуществленіе [illegible] еще при жизни возвести его на престолъ; [illegible] на какое важное дѣло безъ совѣта своего [illegible] и теперь:—Согласенъ ли ты со [illegible] всегда вредна, особенно для такого [illegible] какъ бы не утратилъ онъ подъ ея влія- [illegible] какія даны ему природой и привиты [illegible] Самъ я уже не мало потрудился для блага [illegible] сыну правленіе всѣмъ государствомъ; [illegible] мнѣ же останется только ра- [illegible] отъ многолѣтнихъ трудовъ. Одобряешь [illegible] мое намѣреніе?

Великій визирь, не желая прямо противорѣчить царю, ограничился [illegible] отвѣтомъ:—Не рано ли, государь, возлагать на юношу такую [illegible] и въ силахъ ли онъ будетъ справиться [illegible] Гдѣ величество основательно опасается вреднаго вліянія празд- [illegible] но его можетъ предотвратить иное средство, именно вступленіе [illegible] Достойная супруга послужитъ охраной царевичу отъ всѣхъ [illegible] а вмѣстѣ съ тѣмъ ему можно предоставить участіе [illegible] гдѣ онъ постепенно освоится со всѣми [illegible] необходимыя знанія и силы, чтобы твердо нести [illegible] и достойно поддерживать ея блескъ.

Шахзаманъ принялъ безъ возраженій разумные доводы своего ви- [illegible] и, отпустивъ его, тотчасъ же велѣлъ позвать къ себѣ своего сына. Царевичъ, всегда самъ являвшійся къ отцу въ опредѣленные часы, [illegible] удивленъ и даже нѣсколько встревоженъ этимъ несвоевременнымъ [illegible] Ожидая чего нибудь особеннаго, онъ вошелъ въ тронную [illegible] не съ обычной развязностью, онъ почтительно преклонился пе- [illegible] отцомъ и, опустивъ глаза въ землю, остановился въ отдаленіи. [illegible] это смущеніе, царь улыбнулся и поспѣшилъ его раз- [illegible] Угадай ка, сынъ мой, сказалъ онъ ласково, зачѣмъ я призвалъ

тебя? — То вѣдомо, государь, только Богу да тебѣ, скромно отвѣчалъ царевичъ; но каково бы ни было приказаніе твоего величества, я покорно приму его и выполню съ удовольствіемъ.—Это пріятно мнѣ слышать, продолжалъ царь, такъ вотъ, чтобы ты не терялся въ напрасныхъ догадкахъ, я объявляю сразу, что намѣренъ тебя женить. Какъ думаешь объ этомъ?

Эти слова такъ поразили и смутили царевича, что по всему лицу его разлился яркій румянецъ, а на лбу даже выступилъ потъ. Онъ совсѣмъ растерялся, не зная, что отвѣчать; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ неловкаго молчанія, проговорилъ, запинаясь:—Не гнѣвайся, государь мой и отецъ, но.... я такъ еще молодъ.... такъ неожиданна для меня твоя воля.... Не знаю, смогу ли я подчиниться ей даже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, потому что вся душа моя возмущается противъ брачныхъ цѣлей, противъ той тяжкой обузы, какую, по словамъ мудрѣйшихъ писателей, налагаетъ на человѣка женщина, вся сотканная изъ обмана, хитрости, злобы и коварства. Можетъ быть это предубѣжденіе и уничтожится со временемъ, теперь же оно настолько сильно, что я не въ состояніи превозмочь его.

Съ глубокимъ огорченіемъ выслушалъ царь этотъ неожиданный отвѣтъ, которымъ разбивались впрахъ всѣ его честолюбивыя надежды; однако онъ не прогнѣвался на любимаго сына и не употребилъ противъ него своей отеческой власти, а только сказалъ ему по прежнему спокойно и кротко:—Ты лишаешь меня, сынъ мой, лучшаго утѣшенія въ старости, но я не хочу насиловать твоихъ чувствъ и даю тебѣ время самому обдумать и обсудить мое желаніе. Какъ единственный наслѣдникъ обширнаго государства, ты долженъ уже заранѣе позаботиться о томъ, чтобы оно оставалось и въ будущемъ во владѣніи нашей славной династіи, чтобы она не угасла вмѣстѣ съ нами, а возродилась въ нашемъ потомствѣ.

Не сказавъ больше ни слова, Шахзаманъ отпустилъ царевича и затѣмъ даже ни разу не напомнилъ ему о своемъ желаніи въ теченіе цѣлаго года, не переставая тѣмъ временемъ выражать всѣми способами свою отеческую любовь. Царевичъ былъ поставленъ во главѣ государственнаго совѣта, его велѣніямъ подчинялись всѣ подданные, постоянная заботливость о его довольствѣ и счастіи проявлялась во всемъ. Но годъ миновалъ, и вотъ въ одно утро царь призвалъ къ себѣ сына и, оставшись съ нимъ наединѣ, снова повелъ рѣчь о женитьбѣ.— Ну, что же скажешь мнѣ теперь? началъ онъ, чѣмъ порадуешь отца? Не мало, кажется, времени было дано тебѣ на раздумье и обсужденіе моего желанія, такъ согласенъ ли ты наконецъ исполнить его, дорогой сынъ мой?

На этотъ разъ царевичъ уже нисколько не смутился и безъ малѣйшаго колебанія твердо отвѣтилъ: — Умоляю тебя, государь и отецъ,

отмѣни свою неисполнимую волю; долгое размышленіе только еще сильнѣе укрѣпило мою рѣшимость никогда не связывать себя ненавистными узами брака. Вѣдь стóитъ только вспомнить, сколько золъ и бѣдъ причиняли женщины во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Исторія полна такихъ примѣровъ; да и теперь—въ наше время—развѣ мы не слышимъ почти ежедневно объ ихъ коварствѣ, хитрости, обманахъ?... Нѣтъ, отецъ, не принуждай меня, я твердо рѣшился во всю жизнь не имѣть съ ними никакого сношенія. Надѣюсь, твое величество уважитъ приведенныя мною причины и проститъ мнѣ, если я осмѣлюсь сказать, что всякіе разговоры со мной о женитьбѣ будутъ вполнѣ безполезны.—И онъ вышелъ, не дожидаясь отвѣта.

Всякій другой на мѣстѣ Шахзамана навѣрное разсердился бы и заставилъ царевича раскаяться въ своей смѣлой, почти дерзкой выходкѣ, но царь не сдѣлалъ этого; горячая любовь его къ сыну поборола въ немъ чувство гнѣва, и онъ внутренно рѣшилъ испытать всѣ мѣры кротости прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ насилію. Снова призвалъ онъ своего великаго визиря и сказалъ ему:—Царевичъ Камаралзаманъ доставляетъ мнѣ большое огорченіе. Вотъ миновалъ и срокъ, назначенный по твоему совѣту, а онъ все остается при своемъ упорствѣ. Мало того, на мою рѣчь по этому поводу онъ отвѣтилъ такъ дерзко, что мнѣ стоило большого труда воздержаться отъ справедливаго гнѣва. Не знаю, право, какъ и поступить съ нимъ: прибѣгать къ строгости пока не хотѣлось бы, а между тѣмъ другого исхода не предвидится. Эхъ, какъ мы бываемъ слѣпы и безразсудны, желая измѣнить пути Провидѣнія! Вотъ и вымолилъ я себѣ сына, а теперь чуть ли не приходится жалѣть....

— Не отчаявайся, государь, отвѣчалъ визирь, терпѣніе, говорятъ, все преодолѣваетъ, и я совѣтовалъ бы твоему величеству предоставить царевичу еще одинъ годъ на размышленіе. Если же и за это время онъ не образумится и не сознаетъ своихъ обязанностей по отношенію къ тебѣ и къ отечеству, тогда по крайней мѣрѣ ты не будешь упрекать себя въ излишней поспѣшности и съ спокойной совѣстью можешь объявить своему сыну передъ лицомъ всего верховнаго совѣта, что благо государства требуетъ его женитьбы, хотя бы и насильственной. Впрочемъ, не думаю, чтобы онъ допустилъ до этого и рѣшился оказать неповиновеніе твоему величеству въ присутствіи первѣйшихъ сановниковъ.

Не хотѣлось было царю Шахзаману отказаться отъ своего страстнаго желанія поскорѣе увидать своего сына женатымъ, но, хотя и съ трудомъ, онъ все таки послѣдовалъ совѣту визиря и согласился на эту продолжительную отсрочку.

Затѣмъ онъ отправился въ покои своей супруги, матери царевича и съ огорченіемъ сообщилъ ей какъ о новомъ строптивомъ отказѣ его отъ женитьбы, такъ и о своемъ рѣшеніи дать ему еще годовую отсроч-

ку. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ ее употребить все свое вліяніе на сына и внушить ему бо́льшее уваженіе къ волѣ отца.—Я знаю, сказалъ онъ въ заключеніе, ты часто бесѣдуешь съ нимъ, и онъ охотно принимаетъ твои наставленія, такъ поговори же серьезно и дай ему понять, что дальнѣйшимъ своимъ упорствомъ онъ только вынудитъ меня прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, которыя равно будутъ непріятны какъ мнѣ, такъ и ему.

Фатьма, такъ звали мать царевича, объявила ему при первомъ же свиданіи, что она знаетъ о новомъ отказѣ отъ женитьбы и что это непонятное упорство сильно огорчаетъ государя отца, который ожидалъ отъ него большей покорности.—Матушка, съ горячностью возразилъ Камаралзаманъ, умоляю тебя, ради Бога не говори мнѣ ничего объ этомъ ненавистномъ дѣлѣ, я боюсь нарушить подъ вліяніемъ невольной досады свое глубокое почтеніе къ тебѣ!... При такомъ отвѣтѣ Фатьма поняла, что раздраженіе царевича не поддастся теперь никакимъ убѣжденіямъ.

Но по прошествіи нѣкотораго времени, увидавъ его въ болѣе спокойномъ настроеніи духа, она снова завела съ нимъ тотъ же разговоръ:—Сынъ мой, начала она, повѣдай мнѣ откровенно, по какимъ причинамъ ты питаешь такое непобѣдимое отвращеніе къ браку? Если тутъ дѣйствуетъ одно безразсудное предубѣжденіе, то отъ него легко отрѣшиться. Я, конечно, не стану защищать коварныхъ и безсердечныхъ женъ, ихъ много, этого отрицать нельзя, но клеймить всѣхъ безъ исключенія значитъ завѣдомо быть несправедливымъ. И почему же ты, какъ въ книгахъ, такъ и въ жизни, не замѣчаешь хорошихъ женщинъ и останавливаешься только на дурныхъ, которыя дѣйствительно и причинили и причиняютъ не мало зла; почему, наконецъ, хотя бы изъ чувства безпристрастія, ты не обратишь вниманія на дурныя качества мущинъ? А между тѣмъ, сколько монарховъ: королей, царей, султановъ, калифовъ, которые своей жестокостью, варварствомъ, тираніей приводятъ въ ужасъ, когда читаешь о нихъ въ той же исторіи. Вѣдь на одну злую, порочную женщину придется не менѣе тысячи подобныхъ изверговъ. А подумай, сынъ мой, сколько истинно хорошихъ, честныхъ и благонравныхъ женщинъ обречено влачить свою жизнь подъ гнетомъ этихъ грубыхъ, необузданныхъ тирановъ. Ихъ печальная участь достойна глубокаго сожалѣнія.

— Матушка, воскликнулъ Камаралзаманъ, да развѣ я думалъ когда нибудь, чтобы на свѣтѣ не было совсѣмъ прекрасныхъ и вполнѣ безукоризненныхъ женщинъ? ты передо мной живое доказательство ихъ существованія. Но кто мнѣ поручится, что и въ своей будущей супругѣ я найду такія же возвышенныя качества? Развѣ мы знаемъ своихъ женъ до брака? Развѣ мы выбираемъ ихъ по сердцу? Здѣсь все загад-

ка, какая то безсмысленная игра случая, и это болѣе всего возмущаетъ меня. Предположимъ, я уступилъ бы нетерпѣливому и настойчивому желанію своего родителя, согласился бы связать себя бракомъ, кого же онъ дастъ мнѣ въ жены? Разумѣется, какую нибудь царевну, которой ни я, ни онъ никогда не знали и не видали въ глаза. Дурна ли она будетъ, хороша ли, это ужъ дѣло счастья, нисколько не зависящее отъ нашей воли и нашего желанія. Снарядится посольство къ какому нибудь сосѣднему государю, получится отъ него согласіе и благодарность за честь, а тамъ, послѣ, живи, какъ знаешь. Нѣтъ, если ужъ необходимо связывать себя женитьбой, то я хочу по крайней мѣрѣ, чтобы моя жена подходила ко всѣмъ моимъ требованіямъ: она должна быть и красива, и добра, и настолько умна и свѣдуща, чтобы съ ней можно было говорить не объ однихъ только нарядахъ да разныхъ обыденныхъ пустякахъ, но обо всемъ, что занимаетъ и наполняетъ жизнь всякаго мыслящаго человѣка. Что же будетъ, если, при такихъ требованіяхъ, я вдругъ найду въ своей супругѣ пустую, злую, безсердечную женщину которая своею пошлостью отравитъ всю мою жизнь, а своимъ тщеславіемъ и безумной страстью къ роскоши и нарядамъ разоритъ, можетъ быть, самое государство? Какъ видишь, дорогая мать, я не даромъ избѣгаю брака. Но и помимо этого, у меня есть множество другихъ причинъ, по которымъ я никогда не соглашусь измѣнить принятаго рѣшенія.

— Какъ, сынъ мой! съ удивленіемъ воскликнула Фатьма, неужели могутъ быть еще какія нибудь основанія, кромѣ тѣхъ, о которыхъ ты говорилъ сейчасъ? Въ такомъ случаѣ я рѣшительно не понимаю тебя и считаю излишнимъ возражать на приведенные тобою доводы, хотя опровергнуть ихъ было бы такъ легко... — Что же, матушка, говори, отвѣтилъ царевичь, я всегда съ удовольствіемъ готовъ слушать тебя.— Прежде всего, продолжала Фатьма, я напомню тебѣ, что ты находишься въ исключительномъ положеніи: когда царевичъ имѣетъ несчастіе ошибиться въ выборѣ супруги, онъ можетъ еще исправить свою ошибку и воленъ не только покинуть, но даже совсѣмъ изгнать недостойную, во всякомъ случаѣ отъ тебя будетъ зависѣть не дозволять ей безумныхъ тратъ и не разстраивать своего государства.—О, матушка, легко говорить это, возразилъ Камаралзаманъ, но подумай только, какъ унизительна для царевича необходимость прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ. Не лучше ли будетъ совсѣмъ устраниться отъ этого и навсегда сохранить свою свободу и свое достоинство?

— Но въ такомъ случаѣ, съ огорченіемъ замѣтила Фатьма, ты желаешь быть послѣднимъ царемъ въ своемъ знаменитомъ родѣ, который такъ долго и такъ доблестно царствовалъ на островѣ Сыновъ Каледана?

— Мое искреннее желаніе, матушка, отвѣчалъ царевичъ, не пережить царя, отца своего, что легко можетъ случиться, такъ какъ мы знаемъ не мало примѣровъ, когда родители переживали дѣтей; да, наконецъ, я не вижу никакого униженія для своего рода, если онъ закончится такимъ же достойнымъ представителемъ, какъ и начался; поэтому все, что отъ меня требуется, это свято хранить завѣты своихъ доблестныхъ предковъ и неуклонно слѣдовать ихъ примѣру.

Не разъ еще послѣ того заговаривала Фатьма все о томъ же предметѣ, и не было такой стороны, съ которой она не обсуждала бы дѣло, стараясь искоренить въ царевичѣ его упорное предубѣжденіе противъ брака. Но на каждый ея доводъ Камаралзаманъ возражалъ другимъ, и всегда на столько вѣскимъ и основательнымъ, что мать не находила отвѣта.

Такъ прошелъ еще годъ и, къ великому огорченію царя Шахзамана, сынъ его не проявилъ за это время ни малѣйшей уступчивости. Наконецъ, въ торжественный день собранія государственнаго совѣта, состоявшаго изъ всѣхъ визирей, военачальниковъ и первѣйшихъ сановниковъ двора, государь призвалъ своего наслѣдника и сказалъ ему:— Сынъ мой, вотъ снова окончился и вторичный срокъ, данный тебѣ на размышленіе, скажи же теперь въ присутствіи этого собранія, измѣнилъ ли ты свое сужденіе относительно брака и согласенъ ли исполнить мою волю? Ты знаешь, что во мнѣ говоритъ не одно только желаніе отца видѣть своего сына женатымъ, но и заботливость монарха о благѣ своего государства. Голосъ всего моего совѣта, всего народа присоединяется къ моему голосу и требуетъ отъ тебя послѣдняго слова.

Царевичъ Камаралзаманъ заявилъ, что онъ не намѣренъ измѣнять своего рѣшенія и продолжалъ говорить по этому поводу такъ несдержанно и съ такою запальчивостью, что царь, разгнѣванный его упорствомъ и дерзкими рѣчами въ присутствіи всего совѣта, воскликнулъ съ негодованіемъ:—Замолчи, неблагодарный! Ты не смѣешь такъ отвѣчать твоему отцу и государю! И, сказавъ это, онъ тутъ же велѣлъ своей стражѣ взять и заключить царевича въ давно запустѣлую, древнюю башню, гдѣ, впрочемъ, предварительно все устроили для его удобства, дали ему нѣсколько книгъ для развлеченія и одного невольника для услугъ.

Царевичъ не особенно огорчился этимъ заключеніемъ и даже былъ радъ, что можетъ безъ помѣхи отдаться своей преобладающей страсти къ чтенію. При закатѣ солнца онъ совершилъ по обыкновенію вечернюю молитву, потомъ, прочитавъ нѣсколько главъ изъ Алкорана, легъ въ свою постель и заснулъ не менѣе спокойно, чѣмъ въ дворцовой опочивальнѣ, а горящая лампа у изголовья такъ и осталась непогашенной.

Въ той старинной, полуразрушенной башнѣ находился глубокій,

темный колодецъ, служившій убѣжищемъ въ теченіе дня воздушной феѣ Маймунѣ, дочери Дамріата, царя и повелителя цѣлаго легіона геніевъ. И вотъ, не задолго до полуночи, эта фея расправила крылья и съ легкостью бабочки выпорхнула изъ своего подземелья, чтобы полетать при лунномъ свѣтѣ по всей вселенной и посмотрѣть, что тамъ творится въ ночной тишинѣ. Вдругъ небывалое освѣщеніе башни привлекло ея вниманіе и задержало полетъ. Удивленная такимъ необычайнымъ явленіемъ, она тотчасъ же рѣшила узнать его причину и съ этой цѣлью проникла въ тюрьму царевича, не стѣсняясь ни запертою дверью, ни невольникомъ, спавшимъ около самаго порога.

Прежде всего ей бросилась въ глаза богато убранная кровать; фея беззвучно приблизилась къ ней и приподнявъ край одѣяла, закрывавшаго лицо Камаралзамана, остановилась передъ нимъ въ изумленіи. Сколько ни приходилось ей летать по всей землѣ—и вдоль, и поперекъ—никогда еще она не видала такой дивной человѣческой красоты. — Что это за чудо! думала она, и какъ же онъ долженъ быть хорошъ, когда эти спящіе глаза откроются и заблещутъ полной жизнью! Но какъ попалъ онъ сюда? За что подвергся такому унизительному наказанію?... Впрочемъ, я догадываюсь, съ улыбкой добавила она мысленно, навѣрное это за новый отказъ отъ женитьбы....

Долго еще Маймуна смотрѣла на спящаго юношу, не имѣя силъ отвести своихъ глазъ отъ этой чарующей красоты; наконецъ, склонившись надъ нимъ, она осторожно напечатлѣла поцѣлуй на срединѣ его бѣломраморнаго чела и, опустивъ одѣяло, поднялась въ воздушную высь. Когда, минуя облака, она неслась уже въ безпредѣльномъ пространствѣ второго неба, вдругъ легкій шумъ, какъ бы отъ движенія крыльевъ. привлекъ ея вниманіе; она повернула голову, прислушалась съ минуту и направила свой полетъ въ ту сторону, откуда доносился шумъ. Сначала она могла только видѣть, что навстрѣчу ей несется какой то духъ или геній, потомъ уже ясно различила Данхаша, сына Скамгураха, одного изъ непокорныхъ духовъ, отринутыхъ Богомъ. Сама же Маймуна принадлежала къ тѣмъ, которыхъ великій Соломонъ принудилъ покориться верховному Владыкѣ. Данхашъ также узналъ Маймуну и видимо смутился враждебной встрѣчей, такъ какъ эта фея обладала огромнымъ преимуществомъ надъ нимъ въ силу своей покорности Творцу. Онъ былъ бы не прочь уклониться куда нибудь всторону, но встрѣча произошла такъ быстро и такъ неожиданно, что оставалось уже выбирать одно изъ двухъ: или сразиться, или просить пощады.

Данхашъ предпочелъ послѣднее. — Прекрасная Маймуна, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, я преклоняюсь передъ твоимъ могуществомъ и умоляю именемъ того великаго Бога, которому ты служишь, не причинять мнѣ никакого вреда. Съ своей же стороны я обѣщаю тебѣ....—

Молчи, отверженный! съ презрѣніемъ прервала его фея, тебѣ ли предлагать условія, когда и радъ бы ты сдѣлать мнѣ зло, да не можешь! Впрочемъ, добавила она, внезапно смягчаясь, я пощажу тебя, если разскажешь правдиво—гдѣ былъ и что видѣлъ въ эту ночь.

Обрадованный этими словами, но все еще взволнованный недавнимъ страхомъ, Данхашъ отвѣчалъ съ прежнимъ дрожаніемъ въ голосѣ:—О, великодушная госпожа моя! клянусь тебѣ, что ты неуслышишь отъ меня ни единаго слова лжи. Я былъ сейчасъ на окраинахъ Китая, той громадной, могущественной страны, гдѣ царствуетъ мудрый и славный монархъ, по имени Гаіуръ. У этого царя есть дочь такой красоты, какой не бывало еще съ тѣхъ поръ, какъ міръ сталъ называться міромъ....

При этихъ словахъ Маймуна, вспомнивъ о царевичѣ Камаралзаманѣ, презрительно улыбнулась; а Данхашъ, объяснивъ эту улыбку недовѣріемъ къ себѣ, сталъ восхвалять еще съ большимъ жаромъ видѣнную имъ красавицу:—Ты не можешь представить, прекрасная фея, говорилъ онъ, что это за дивная красота, невиданная, неслыханная и невообразимая! Ни на какомъ языкѣ, никакими словами нельзя представить

этого неземного совершенства во всей его прелести, и я могу только сказать, что волосы у нея черные, какъ смоль, роскошными волнами они ниспадаютъ до самыхъ пятъ; глаза тоже черные, большіе, блестящіе, полные огня; правильный, словно выточенный носъ; маленькій, алый ротъ, изъ котораго зубы проглядываютъ двумя нитями ровныхъ жемчу-

жинъ, когда ихъ открываетъ улыбка; а голосъ—мягкій, нѣжный, мелодичный, какъ музыка, проникаетъ въ душу каждаго, кто слушаетъ ее, не зная, чему болѣе удивляться—уму ли, блещущему въ каждомъ словѣ, или лучезарной красотѣ.

Царь отецъ гордится ею и любитъ ее до обожанія; его неусыпныя, нѣжныя заботы о ней проявляются во всемъ ежедневно и ежечасно; такъ, напримѣръ, чтобы красавица дочь не скучала своей затворнической жизнью, онъ велѣлъ соорудить для нея семь дворцовъ, одинъ изумительнѣе другого.

Первый дворецъ построенъ изъ горнаго хрусталя, второй изъ бронзы, третій изъ блестящей стали, четвертый изъ красной мѣди, пятый изъ чернаго мрамора, шестой изъ серебра, седьмой изъ литого золота, и всѣ они убраны и обставлены внутри съ соотвѣтствующей роскошью, сообразно тому матеріалу, изъ котораго каждый сооруженъ.

Я не говорю уже о садахъ съ цвѣтущими лужайками, съ водоемами, водопадами, фонтанами, цѣлыми рощами разнообразныхъ деревьевъ, гдѣ тѣнь и прохлада никогда не нарушаются лучами солнца. Царь ничего не жалѣлъ для обожаемой дочери и своими дивными сооруженіями хотѣлъ доказать, на что бываетъ способна отеческая любовь.

Между тѣмъ молва о необычайной красотѣ царевны давно уже облетѣла всѣ сосѣднія государства и изъ разныхъ странъ, одно за другимъ, стали появляться торжественныя посольства съ брачными предложеніями отъ своихъ монарховъ. Китайскій царь Гаіуръ принималъ всѣхъ съ одинаковыми почестями, но никому не рѣшался отдавать своей дочери безъ ея согласія, сама же царевна не хотѣла и думать о замужествѣ.

Но вотъ однажды прибыло посольство отъ одного изъ самыхъ могущественныхъ сосѣднихъ государей; Китайскій царь принялъ его съ особеннымъ удовольствіемъ и объявилъ своей дочери, чтобы она не отвергала такого блестящаго и во всѣхъ отношеніяхъ завиднаго предложенія. — Государь мой и отецъ, отвѣчала царевна, я увѣрена въ твоей добротѣ и знаю, какъ много ты заботишься о моемъ счастіи, но ты ошибаешься, если думаешь доставить мнѣ его какимъ бы то ни было замужствомъ. Нигдѣ мнѣ не будетъ такъ хорошо и привольно, какъ въ этихъ дворцахъ, въ этихъ роскошныхъ садахъ, среди всеобщаго почета, который окружаетъ меня по твоей волѣ. Мужья обыкновенно любятъ властвовать и повелѣвать, я же не привыкла къ подчиненію и не могу перенести ни малѣйшаго нравственнаго гнета.

Однакожъ царь все продолжалъ настаивать на своемъ желаніи, и красавица, вмѣсто того, чтобы уступить справедливому требованію, отвѣчала съ такою запальчивостью, что забыла наконецъ о должномъ уваженіи къ своему отцу. — Государь, воскликнула она почти гнѣвно, никогда не говори мнѣ ни о какомъ супружествѣ, иначе однимъ ударомъ кинжала я покончу съ собою и навсегда избавлюсь отъ этихъ несносныхъ предложеній.

Выведенный изъ терпѣнія такимъ дерзкимъ отвѣтомъ, царь сказалъ ей:—Дочь моя, ты говоришь какъ безумная, поэтому не удивляйся, если я и поступлю съ тобой, какъ съ безумной.—И онъ говорилъ это почти съ убѣжденіемъ, такъ какъ ему дѣйствительно казалось, что царевна находится не въ здравомъ разсудкѣ. Съ глубокимъ сокрушеніемъ приказалъ онъ запереть ее въ одномъ изъ дворцовъ, въ уединенномъ покоѣ и приставилъ къ ней для услуженія десять старухъ, изъ кото-

рыхъ главная была кормилицей царевны. Наконецъ, чтобы отклонить дальнѣйшія предложенія государей, онъ послалъ къ нимъ гонцовъ съ извѣщеніемъ о несчастіи, постигшемъ его дочь, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ особыхъ глашатаевъ, объявилъ по всѣмъ окрестнымъ странамъ, что согласенъ отдать свою дочь тому, кто исцѣлитъ ее отъ недуга.

Вотъ въ какомъ положеніи находится въ настоящее время царевна, сказалъ въ заключеніе Данхашъ, и я каждую ночь летаю туда, чтобы посмотрѣть и полюбоваться на эту чарующую красоту. Право, когда я гляжу на нее, мною овладѣваетъ какое то невѣдомое чувство, что то похожее на любовь, хотя ты знаешь, любовь, добро и прочая дребедень не въ моей натурѣ. Да, я очень бы желалъ, чтобы ты сама, своими прекрасными глазами взглянула на это чудо природы, и тогда, увѣряю тебя, ты согласишься со мной.

Вмѣсто отвѣта, Маймуна насмѣшливо взглянула на генія и расхохоталась ему прямо въ лицо.—Ахъ ты, несчастный! промолвила она наконецъ; я и въ самомъ дѣлѣ ожидала, что услышу о чемъ нибудь замѣчательномъ, а онъ толкуетъ о какой то косоглазой китаянкѣ! Что же бы ты сказалъ, если бы увидѣлъ того красавца, котораго я только сейчасъ покинула? мнѣ кажется, ты просто обезумѣлъ бы отъ восторга. Вотъ ужъ дѣйствительно чудо изъ чудесъ!

— Не знаю, можетъ быть, смущенно отвѣтилъ геній; но позволь спросить, прекрасная Маймуна, кто же этотъ необычайный красавецъ?— Это царевичъ Камаралзаманъ, гордо отвѣчала фея, сынъ доблестнаго царя Шахзамана. По странной случайности съ нимъ произошло почти то же самое, что и съ твоей царевной: отецъ хотѣлъ во что бы то ни стало женить его, а онъ отказывался и наконецъ объявилъ наотрѣзъ, что не хочетъ болѣе слышать о женитьбѣ. Тогда царь разгнѣвался и велѣлъ заключить своего сына въ ту самую башню, гдѣ я всегда пребываю въ дневное время. Тамъ то я и видѣла его сейчасъ.

— Не буду спорить, можетъ быть онъ и красивъ, проговорилъ геній, но... прости меня, все таки едва ли сравнится съ моей царевной, такъ какъ, повторяю, краше ея не могу ничего и представить себѣ.—Не можешь потому, съ раздраженіемъ возразила фея, что ты никогда не видалъ ничего хорошаго.—Не будемъ спорить, смиренно отвѣчалъ Данхашъ; вѣдь у тебя есть средство убѣдиться въ справедливости моихъ словъ; стоитъ тебѣ только принять мое предложеніе и взглянуть на царевну, а потомъ ты покажешь мнѣ своего царевича.

— Это ни на что не нужно, возразила Маймуна, мы будемъ только напрасно летать взадъ и впередъ, а лучше принеси свою царевну сюда, положи на постель рядомъ съ Камаралзаманомъ, и тогда легко рѣшится нашъ споръ. Впрочемъ, добавила фея, я заранѣе готова держать закладъ за своего царевича, а ты?

Данхашъ согласился на все и съ быстротою вѣтра понесся въ китайскія страны, оттуда вскорѣ же вернулся, неся на рукахъ спящую царевну. Маймуна приняла ее и осторожно положила на постель возлѣ царевича.

Нѣсколько минутъ оба смотрѣли молча на эти равно очаровательныя воплощенія юности и красоты, причемъ внутренно ни геній, ни фея не могли рѣшить, кому отдать преимущество. Наконецъ Данхашъ заговорилъ первый:

— Такъ скажи же теперь, не правъ ли я, что моя царевна еще краше этого юноши? Да ты ослѣпъ, что ли? гнѣвно возразила фея; протри глаза, вглядись внимательнѣе и, какъ ты ни упрямъ, а все таки согласишься, что я права.—Нѣтъ, прекрасная фея, сколько бы я ни глядѣлъ и ни сравнивалъ, мое мнѣніе останется неизмѣннымъ... Впрочемъ, если тебѣ угодно, я пожалуй готовъ уступить.—Никто не проситъ тебя объ этомъ, съ презрѣніемъ отвѣтила Маймуна, царевичъ мой не нуждается ни въ какомъ снисхожденіи, а чтобы разомъ положить конецъ всякимъ пререканіямъ, я вызову для рѣшенія спора еще третье лицо.

Данхашъ ничего не имѣлъ противъ такого намѣренія, и не успѣлъ онъ выразить своего согласія, какъ Маймуна три раза ударила о полъ ногой; въ ту же минуту земля разверзлась и изъ нея вышелъ чудовищный геній—горбатый, кривой, съ шестью рогами на головѣ, съ длинными, заостренными когтями на рукахъ и ногахъ. Увидавъ Маймуну,

[illegible] подобострастно спро-

[illegible] тебя для того, чтобы

[illegible] людей и скажи

[illegible] или она?

[illegible] и замеръ на мѣ-

[illegible] ни слова, наконецъ, съ

[illegible] зрѣлища, обернулся къ

[illegible] и себя, если бы взялся

[illegible] созданій; оба они

[illegible] Для разрѣшенія

[illegible] одно только сред-

[illegible] Разбудимъ сперва

[illegible] большій восторгъ, тотъ

[illegible] и Маймуна тотчасъ

[illegible] мгновенно обратилась въ

[illegible] укусила его такъ

[illegible] за укушенное мѣсто

[illegible] также быстро приняла

[illegible] наблюдать, что будетъ

[illegible] случайно дотронулся

[illegible] онъ мгновенно

[illegible] съ нимъ красавицу,

[illegible] опершись на локоть онъ

[illegible] поръ невѣдомое

[illegible] вскричалъ онъ внѣ

[illegible] бѣлоснѣжное чело спя-

[illegible] улыбкой уста,

[illegible] порывисты, что

[illegible] подъ вліяніемъ волшеб-

[illegible] сномъ.

[illegible] —проговорилъ юноша, преры-

[illegible] на меня? Неужели даже

[illegible] разбудить тебя? Про-

[illegible] ты ни была... Тутъ онъ

[illegible] удержала внезапная мысль.

[illegible] предназначенная мнѣ отцомъ? по-

[illegible] мнѣ ее сразу? тогда

не было бы и рѣчи ни о какомъ сопротивленіи съ моей стороны, я покорно исполнилъ бы волю своего государя и не оскорбилъ бы его непочтительнымъ отказомъ передъ лицомъ всего верховнаго совѣта. Царевичъ искренно раскаивался теперь въ своемъ ослушаніи и опять уже готовъ былъ разбудить красавицу, какъ его остановило другое соображеніе:—А можетъ быть отецъ хотѣлъ только испытать меня и нарочно послалъ сюда эту женщину, чтобы провѣрить, дѣйствительно ли такъ непобѣдимо мое отвращеніе къ браку? Не мудрено даже, что онъ привелъ ее самъ и теперь гдѣ нибудь невидимо наблюдаетъ за мной, чтобы потомъ уличить въ притворствѣ. Тутъ вѣдь я могу провиниться передъ нимъ еще больше прежняго... Нѣтъ, буду остороженъ на всякій случай... возьму только себѣ на память вотъ это кольцо съ ея руки.

Кольцо было золотое, все осыпанное драгоцѣнными каменьями; царевичъ осторожно снялъ его и замѣнилъ своимъ. Затѣмъ, чтобы не

поддаваться увлеченію, повернулся лицомъ къ стѣнѣ и, подъ вліяніемъ тѣхъ же волшебныхъ чаръ, заснулъ еще болѣе крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ.

Тутъ Данхашъ въ свою очередь обратился въ блоху и, прыгнувъ на лицо китайской царевны, укусилъ ее такъ сильно, что она мгновенно проснулась и открыла глаза. Можно представить себѣ ея удивленіе, когда она увидала около себя какого то неизвѣстнаго мущину. Въ ужасѣ она приподнялась на постеля, но взглянувъ въ лицо Камаралзамана, вся вспыхнула, зардѣлась и, вмѣсто страха, чувство восторженной радости наполнило ей сердце.

— Такъ вотъ кто мой суженый!—воскликнула она въ восхищеніи.—Боже мой, какъ я была глупа, что такъ упорно отказывалась отъ своего счастья. Не даромъ отецъ горячо настаивалъ на моемъ замужествѣ. Но развѣ я знала?.. Вѣдь еслибы я хоть мелькомъ увидѣла этого прекраснаго юношу, я ни минуты не стала бы колебаться, я бы сразу, всѣмъ сердцемъ, полюбила бы его, полюбила такъ, какъ люблю теперь... Но, милый мой, проснись, проснись дорогой, продолжала она, нѣжно склонившись надъ царевичемъ, какъ можешь ты спать, когда рай открытъ передъ нами, и все счастіе земное должно озарять нашу первую брачную ночь.

Говоря это, она взяла руку царевича и порывисто, страстно прильнувъ къ ней губами, стала потомъ теребить и дергать ее, чтобы онъ проснулся; въ эту минуту ей бросилось въ глаза кольцо на пальцѣ Камаралзамана, она тотчасъ же узнала въ немъ свое собственное и очень удивилась, недоумѣвая, когда и какъ могъ произойти этотъ обмѣнъ. Впрочемъ, это не имѣло въ ея глазахъ особенной важности, а только еще больше убѣдило, что юноша, находившійся рядомъ съ нею, былъ ея дѣйствительный супругъ. Успокоившись на этой мысли и потерявъ всякую надежду разбудить царевича, она сказала себѣ:—Видно, какой нибудь ненавистникъ нарочно усыпилъ моего ввзлюбленнаго, но у насъ цѣлая жизнь впереди, и мы еще успѣемъ насладиться всѣми ея благами. Затѣмъ, напечатлѣвъ горячій поцѣлуй на щекѣ царевича, она склонила голову на подушку и мгновенно заснула.

— Ну что, упрямый духъ, сказала фея, обращаясь къ Данхашу,— убѣдился ли ты наконецъ, и посмѣешь ли еще спорить со мной? Но такъ и быть, на этотъ разъ я прощаю тебѣ, добавила она;—возьми теперь свою царевну и вмѣстѣ съ Кашкашемъ отнеси ее скорѣй на прежнее мѣсто, вѣдь ночь уже на исходѣ, и скоро будетъ свѣтать. Геніи отправились въ путь, а Маймуна спустилась въ свое подземелье.

На слѣдующее утро царевичъ, какъ только проснулся, тотчасъ же вспомнилъ о ночной красавицѣ, но увидавъ, что ея уже нѣтъ, онъ сдвинулъ брови и подумалъ съ раздраженіемъ:—Такъ я и зналъ, все

это не болѣе, какъ ловушка со стороны моего отца. Хорошо еще, что я остерегся и не поддался искушенію. Затѣмъ онъ всталъ, умылся, одѣлся съ помощью невольника, совершилъ утреннюю молитву и, взявъ книгу, началъ читать.

При этомъ, судя по наружному спокойствію, нельзя было и подозрѣвать, какая перемѣна произошла въ его нравственномъ состояніи. Однакожъ черезъ нѣсколько времени онъ снова призвалъ своего слугу и сказалъ ему:—Мнѣ нужно спросить тебя кое о чемъ, только смотри, говори правду, Боже избави солгать мнѣ. Прежде всего скажи, откуда взялась та красавица, что спала со мной въ эту ночь, и кто ее привелъ?

Невольникъ удивленно взглянулъ на него широко раскрытыми глазами и сказалъ съ явнымъ недоумѣніемъ: — Царевичъ, я не понимаю тебя... о какой красавицѣ изволишь ты говорить?—Конечно все о той же, что̀ была вотъ здѣсь, на этой постели, нетерпѣливо отвѣтилъ царевичъ. Говори, кто прислалъ или привелъ ее сюда?—Но господинъ, клянусь тебѣ, я никого не видалъ и ничего не знаю. Да и кто же могъ бы войти, когда я спалъ у самаго порога двери?

— А, ты вздумалъ еще морочить меня, негодяй!—грозно воскликнулъ царевичъ и, вставъ на ноги, со всего размаха ударилъ его по лицу; затѣмъ, въ порывѣ бѣшенства, онъ свалилъ его на полъ и началъ топтать и бить ногами.—Говори, кто была эта женщина?.. Не знаешь?.. Такъ я же научу тебя, собака, какъ обманывать своего господина!.. И онъ схватилъ колодезный канатъ, подвязалъ подъ мышки невольника и, спустивъ его на дно колодца, окунулъ раза два или три совсѣмъ съ головой.—Утоплю, негодяй! крикнулъ онъ ему, если ты сей часъ же не скажешь, кто была эта женщина и какъ она приходила ко мнѣ!..

Невольникъ, убѣжденный, что царевичъ рехнулся и что единственное средство спасти себя—это потворствовать его безумію и солгать, закричалъ съ отчаяніемъ:—Прости, царевичъ, все скажу только не губи меня!

— Давно бы такъ, промолвилъ Камаралзаманъ, вытягивая канатъ. Блѣдный, испуганный, не попадая зубъ на зубъ, невольникъ вылѣзъ изъ колодца и сказалъ, дрожа всѣмъ своимъ промокшимъ тѣломъ:—Царевичъ, я не могу говорить сейчасъ, позволь мнѣ согрѣться и перемѣнить одежу.—Хорошо, иди, отвѣтилъ царевичъ, но только возвращайся скорѣй и смотри болѣе не лгать!—Невольникъ торопливо выбѣжалъ изъ башни, захлопнулъ за собою дверь, и опрометью бросился во дворецъ. Царь Шахзаманъ бесѣдовалъ въ это время съ своимъ великимъ визиремъ, жалуясь на непокорность сына и на тяжесть своей вынужденной строгости къ нему.

— Не печалься, государь, утѣшалъ его визирь: ты не виноватъ въ

томъ, что случилось; молодость всегда строптива, и если у твоего величества достанетъ твердости продолжить наказаніе царевича, я увѣренъ, что его юношескій пылъ пройдетъ и онъ съ раскаяніемъ покорится твоей волѣ.

При послѣднихъ словахъ визиря въ палату вбѣжалъ невольникъ и предсталъ передъ царемъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вышелъ изъ колодца.—Государь, заговорилъ онъ, все еще дрожа, какъ въ лихорадкѣ, я долженъ сообщить твоему величеству очень печальную вѣсть: царевичъ, сынъ твой, не владѣетъ болѣе разсудкомъ; онъ бредитъ на яву о какой то женщинѣ, которая будто бы провела съ нимъ эту ночь, и приходитъ въ бѣшенство, когда стараешься доказать ему, что ничего подобнаго не было и не могло быть. Затѣмъ онъ подробно разсказалъ, что говорилъ царевичъ и какъ поступилъ съ нимъ.

Этотъ новый, неожиданный ударъ окончательно сразилъ царя Шахзамана.—Боже мой! воскликнулъ онъ, какое страшное, непоправимое несчастіе! Но можетъ быть еще есть надежда, обратился онъ къ визирю, можетъ быть рабъ ошибся, поди же сейчасъ къ царевичу, поговори съ нимъ и самъ убѣдись, такъ ли все это.

Визирь поклонился и отправился въ башню. Но, къ своему удивленію, онъ нашелъ царевича въ самомъ обыкновенномъ состояніи духа, спокойно сидящимъ на софѣ и углубленнымъ въ чтеніе. При входѣ визиря онъ отвѣтилъ ему кивкомъ на глубокій поклонъ и пригласилъ сѣсть рядомъ съ собой.—Царевичъ, заговорилъ визирь, почтительно помѣстившись на кончикѣ софы, твой невольникъ произвелъ у насъ большой переполохъ; онъ сообщилъ о тебѣ такія странности, что родитель твой находится теперь въ ужасной тревогѣ.

— Что же такое онъ могъ сообщить вамъ? небрежно спросилъ Камаралзаманъ. Можетъ быть, онъ недоволенъ тѣмъ наказаніемъ, какому я его подвергъ, такъ на это у меня были достаточныя причины.

— Царевичъ, отвѣтилъ визирь, дай Богъ, чтобы все сказанное твоимъ невольникомъ было неправдой, и чтобы я всегда имѣлъ счастіе видѣть тебя въ томъ прекрасномъ состояніи духа, въ какомъ ты находишься теперь. Да благословитъ тебя Богъ и сохранитъ отъ всякой бѣды!—Но о чемъ ты говоришь? сказалъ царевичъ, подозрительно взглянувъ на визиря. Можетъ быть, рабъ не понялъ меня и насказалъ вамъ какихъ нибудь нелѣпостей?... Въ такомъ случаѣ я очень радъ, что ты пришелъ самъ; я надѣюсь, ты объяснишь мнѣ наконецъ, кто была та красавица, что провела со мной эту ночь; это навѣрное тебѣ хорошо извѣстно, такъ какъ царь, отецъ мой, ничего не скрываетъ отъ тебя.

Великій визирь былъ ошеломленъ этими словами, которые ясно подтверждали печальный разсказъ невольника.

Царевичъ, сказалъ онъ тревожно, прости меня, но я не понимаю

твоихъ рѣчей и крайне удивленъ ими. Возможно ли, чтобы не только женщина, но и кто бы то ни было могъ проникнуть сюда безъ особаго разрѣшенія? Къ тому же рабъ твой спалъ у самаго порога, такъ что никому и нельзя было войти иначе, какъ только развѣ пройдя по его животу. Нѣтъ, царевичъ, если ты дашь себѣ трудъ хоть немного подумать объ этомъ, ты самъ убѣдишься въ невозможности такого посѣщенія. Я думаю, что все это не болѣе, какъ сонъ, который оставилъ въ тебѣ такое глубокое впечатлѣніе, что ты принимаешь его теперь за дѣйствительность.

— Не раздражай меня лучше своими увертками! гнѣвно замѣтилъ царевичъ; я положительно требую, чтобы ты сказалъ, кто была эта женщина, и откуда она явилась ко мнѣ?

Послѣ такого настойчиваго требованія великій визирь увидѣлъ, что дѣло принимаетъ для него довольно опасный оборотъ, и сталъ придумывать, какъ избавиться отъ бѣды. Принявъ самый подобострастный видъ, онъ освѣдомился у царевича, дѣйствительно ли онъ видѣлъ своими глазами эту женщину.

— А чьими же, твоими, что ли? насмѣшливо переспросилъ Камаралзаманъ. Перестань морочить; я не только видѣлъ эту красавицу, но и вполнѣ убѣжденъ, что это вы подослали ее, чтобы соблазнить меня. Могу сказать тебѣ одно, она прекрасно выполнила свою роль: не промолвила со мной ни единаго слова, притворилась непробудно спящей и скрылась на другое утро прежде, чѣмъ я успѣлъ проснуться. Впрочемъ, я напрасно теряю время, все это вамъ съ отцомъ должно быть извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ.

— Но, царевичъ, возразилъ визирь, клянусь тебѣ, что ни я, ни го-

сударь, отецъ твой, ничего не знаемъ объ этомъ и не подсылали никакой женщины. Успокойся же и повѣрь, что все это пригрезилось тебѣ только во снѣ.

— Да что жъ ты, смѣяться, что ли, пришелъ надо мной! вдругъ воскликнулъ царевичъ, покраснѣвъ отъ гнѣва: по твоему, я брежу на яву, и ты осмѣливаешься говорить мнѣ это прямо въ глаза? Такъ вотъ же тебѣ достойный отвѣтъ на твою дерзкую ложь!... Тутъ онъ схватилъ его за бороду и съ яростью сталъ наносить удары визирю по чемъ попало, не помня себя отъ накипѣвшаго бѣшенства.

Несчастный визирь стоналъ и корчился подъ градомъ этихъ неожиданныхъ ударовъ, но ни на одну секунду не измѣнялъ должному почтенію къ царевичу. Терпѣливо, не пытаясь даже уклоняться, онъ все ждалъ конца и думалъ, удастся ли ему также счастливо вырваться отсюда, какъ невольнику.—Прости, кричалъ онъ въ промежуткахъ между ударами, умоляю тебя именемъ Бога, выслушай меня...—Но царевичъ тогда только позволилъ ему говорить, когда уже окончательно выбился изъ силъ.

— Правда, царевичъ, я могу разсказать кое-что объ этомъ дѣлѣ, но прежде дозволь мнѣ сходить во дворецъ и доложить твоему родителю обо всемъ, что ты прикажешь. Вѣдь тебѣ извѣстно, великій визирь обязанъ слѣпо повиноваться волѣ своего государя.—Давно бы такъ, отвѣтилъ царевичъ, иди же и передай моему отцу, что я согласенъ жениться на той красавицѣ, которую онъ присылалъ ко мнѣ въ эту ночь, иди и скорѣй принеси мнѣ отвѣтъ. Избитый визирь не заставилъ повторять себѣ этого приказанія и только тогда вздохнулъ свободно, когда вышелъ изъ башни и затворилъ за собою дверь.

— Ну что, спросилъ его Шахзаманъ, въ какомъ положеніи нашелъ ты моего сына?—Плохо, государь, отвѣтилъ визирь, отирая свое вспотѣвшее и окровавленное лицо: невольникъ сказалъ правду, царевичъ несомнѣнно лишился разсудка. И онъ подробно разскалъ ему, какъ о своемъ разговорѣ съ Камаралзаманомъ, такъ и о томъ, что́ пришлось вытерпѣть отъ принца.

Удрученный этимъ горестнымъ извѣстіемъ, царь пожелалъ лично убѣдиться въ постигшемъ его несчастіи и самъ отправился къ своему сыну, приказавъ визирю слѣдовать за собою.

Царевичъ принялъ отца съ выраженіемъ глубочайшаго почтенія и отвѣчалъ на всѣ его вопросы съ такою сдержанностью и такъ разумно, что царь то и дѣло многозначительно взглядывалъ на своего визиря, какъ бы говоря:—Съ чего же ты взялъ, что онъ сумасшедшій?

Наконецъ Шахзаманъ, усадивъ царевича рядомъ съ собою, кротко сказалъ ему:—Объясни мнѣ, сынъ мой, какая это женщина являлась къ тебѣ ночью?

— Государь, отвѣтилъ Камаралзаманъ, я просилъ бы тебя не увеличивать моего огорченія, оно и безъ того тяжело. Лучше позволь мнѣ жениться на той красавицѣ, которую тебѣ угодно было прислать сюда. Я сознаюсь передъ тобою въ своей слабости; эта женщина совершенно измѣнила мой прежній взглядъ на супружество, и я вѣчно буду благодаренъ, если ты соблаговолишь отдать ее мнѣ въ жены.

Такой отвѣтъ разомъ повергъ царя Шахзамана въ глубокое уныніе, всѣ его опасенія и тревоги за сына возобновились теперь съ удвоенной силой.—Сынъ мой, сказалъ онъ ему съ дрожью въ голосѣ, твоя рѣчь приводитъ меня въ невыразимое удивленіе. Клянусь тебѣ нашей короной, которая съ моей головы со временемъ перейдетъ на твою, что я ничего не знаю ни о какой женщинѣ, а кто же могъ бы проникнуть сюда безъ моего вѣдома и согласія? Такъ отбрось эту несчастную мысль и пойми, что ничего подобнаго не было.

— Государь, отвѣтилъ царевичъ, я былъ бы недостоинъ называться твоимъ-сыномъ, еслибы хоть на одну минуту усомнился въ правдивости твоихъ словъ, тѣмъ не менѣе, не могу же я не вѣрить своимъ собственнымъ глазамъ. Выслушай меня терпѣливо, умоляю тебя, и ты самъ увидишь, имѣю ли я основаніе считать все это дѣйствительностью.

Затѣмъ онъ подробно передалъ отцу о ночномъ событіи, не скрывъ даже и того, что заставило его воздержаться отъ увлеченія и снова заснуть. Да вотъ тебѣ, государь, неопровержимое доказательство, добавилъ онъ: ты хорошо знаешь, какое было на мнѣ кольцо, взгляни—я замѣнилъ его другимъ, снятымъ съ руки той красавицы, а ей надѣлъ свое. Послѣ этого, надѣюсь, ты убѣдишься, что я слава Богу, пока не сошелъ съ ума, какъ тебя хотятъ увѣрить.

Царь Шахзаманъ, совсѣмъ сбитый съ толку этимъ разсказомъ, не зналъ, что и подумать: съ одной стороны ему представлялась очевидная правда въ словахъ его сына, съ другой полнѣйшая невозможность такого событія.

Воспользовавшись его молчаніемъ, царевичъ продолжалъ:—Государь, чувство, внушенное мнѣ этой красавицей, превозмогаетъ мои слабыя силы, и я одной милости прошу у тебя, дозволь мнѣ соединиться съ нею.

— Сынъ мой, нечего и говорить, что я не сталъ бы медлить ни одного дня, ни одного часа, и съ радостью исполнилъ бъ твое желаніе, еслибы только могъ; но гдѣ твоя возлюбленная, кто она, какъ и откуда явилась здѣсь, этого къ несчастію, я не знаю, и не знаетъ никто. Остается положиться на судьбу, можетъ быть она сжалится надъ нами и разъяснитъ какимъ нибудь счастливымъ случаемъ это темное, непостижимое происшествіе. Но прежде всего уйдемъ отсюда, будемъ

ждать и надѣяться, будемъ горевать вмѣстѣ: ты объ утратѣ своего счастія, а я о томъ, что не могу помочь тебѣ.

Сказавъ это, Шахзаманъ взялъ царевича за руку и привелъ его во дворецъ, гдѣ они затворились вмѣстѣ въ уединенномъ покоѣ и оставались тамъ почти безвыходно. Царь до того былъ поглощенъ заботами о своемъ сынѣ, что ни о чемъ больше не думалъ и пересталъ даже заниматься государственными дѣлами.

Наконецъ, недѣли черезъ двѣ, явился великій визирь, одинъ только имѣвшій свободный доступъ къ царю, и сказалъ ему: — Государь, осмѣливаюсь доложить твоему величеству, что не только дворъ, но даже и весь народъ недоволенъ твоимъ долгимъ отсутствіемъ; всѣ дѣла стали, правосудіе не отправляется, и пожалуй могутъ произойти безпорядки въ странѣ. Ради Бога, государь, обрати на это вниманіе; я знаю, какъ твое присутствіе необходимо царевичу, но нельзя же оставлять на произволъ судьбы цѣлое государство, тѣмъ болѣе, что тутъ легко совмѣстить одно съ другимъ. Если дозволишь, я совѣтовалъ бы твоему величеству переселиться на время въ загородный дворецъ на морскомъ берегу; оттуда разъ или два въ недѣлю ты могъ бы являться въ собраніе государственнаго совѣта, а чистый, благодатный воздухъ, роскошный видъ окрестностей и моря помогли бы царевичу легче переносить твое недолгое отсутствіе.

Царь одобрилъ предложеніе ввзиря, и какъ только окончились необходимыя приготовленія и убранство нежилого дворца, онъ переѣхалъ туда вмѣстѣ съ царевичемъ и сталъ лишь изрѣдка появляться въ городѣ для отправленія своихъ царственныхъ обязанностей.

А тѣмъ временемъ во дворцѣ китайской царевны, куда перенесли ее духи Данхашъ и Кашкашъ, произошло почти то же самое: проснувшись утромъ и увидавъ, что около нея уже нѣтъ красавца-супруга, она громкимъ, тревожнымъ голосомъ позвала своихъ прислужницъ. Заслышавъ этотъ зовъ, невольницы толпою бросились къ ея постели и старшая изъ нихъ, кормилица, съ испугомъ спросила, не приключилось ли съ ней чего.

— Гдѣ мой супругъ? въ волненіи крикнула царевна, тотъ красавецъ-юноша, что провелъ со мной эту ночь?—Госпожа моя дорогая, отвѣчала кормилица, ты пугаешь насъ своими непонятными рѣчами. Объясни ради Бога, о комъ ты говоришь?—Да что же тутъ непонятнаго? возравила царевна, отецъ выдалъ меня замужъ за какого-то неизвѣстнаго мнѣ юношу, красивѣе котораго нѣтъ и не можетъ быть въ цѣломъ мірѣ; еще недавно, въ эту самую ночь, онъ былъ здѣсь, около меня на постели, и я ласкала его, старалась разбудить, но такъ и не добудилась. Теперь я спрашиваю у васъ, гдѣ онъ?

— Господи помилуй... да кто же? все съ тѣмъ же недоумѣніемъ

переспросила старуха.—Супругъ мой, говорю тебѣ! гнѣвно вскрикнула красавица, и недобрый огонекъ сверкнулъ въ ея прекрасныхъ глазахъ.—Ты ошибаешься, царевна, настаивала кормилица: никого съ тобою не было, да и никто не могъ проникнуть сюда безъ нашего вѣдома.

— Такъ, по твоему, я лгу?!.. Съ этимъ запальчивымъ возгласомъ царевна порывисто вскочила съ постели и такъ сильно оттолкнула отъ себя кормилицу, что та упала на стоявшій подлѣ табуретъ и въ кровь разбила себѣ лицо.

Съ плачемъ и воплями старуха выбѣжала изъ опочивальни, отправилась прямо къ царицѣ-матери и подробно разсказала ей обо всемъ, что говорила ей царевна и какъ поступила съ нею.—Ты видишь, государыня, добавила она обливаясь слезами, наша красавица не владѣетъ болѣе разсудкомъ. Мать, удивленная и встревоженная этимъ извѣстіемъ, тотчасъ же сама пошла къ своей дочери.

Войдя, она поздоровалась съ царевной и, сѣвъ около нея, спросила спокойно и ласково, что заставило ее поступить такъ жестоко съ своей кормилицей.—Нехорошо, дочь моя, очень нехорошо, продолжала она: такой молодой и высокопоставленной дѣвицѣ нельзя позволять себѣ грубыхъ вспышекъ.

— Государыня, отвѣчала царевна, да развѣ возможно перенести равнодушно, чтобы меня морочили и насмѣхались надо мною мои рабыни? Не потворствуй же имъ, дорогая матушка, а лучше объясни мнѣ кто тотъ красавецъ юноша, что былъ со мною въ эту ночь, и куда онъ скрылся?

— Перестань, дочь моя, возразила царица, ты удивляешь меня своими рѣчами, и я понять не могу, откуда явилось у тебя такое странное заблужденіе. На это царевна отвѣтила уже съ явнымъ раздраженіемъ:—Скорѣе мнѣ должны быть непонятны ваши поступки со мною: то вы вмѣстѣ съ родителемъ настойчиво требуете моего замужства, а то вотъ отказываете, когда я сама умоляю объ этомъ. За что же вы хотите лишить меня счастія? Заставить полюбить и потомъ отнять любимаго, вѣдь это жестоко... Нѣтъ, возвратите мнѣ моего супруга, или я наложу на себя руки!

— Господь съ тобою, что ты! воскликнула мать, продолжая съ прежней кротостью:—Да пойми же наконецъ и повѣрь мнѣ, что никого у тебя не было, и никто не могъ проникнуть въ твою опочивальню, помимо твоихъ прислужницъ.—Но царевна уже не могла разубѣдиться въ томъ, что видѣла собственными глазами, а потому всякое противорѣчіе только раздражало ее, и она отвѣчала своей матери такъ несдержанно и запальчиво, что та принуждена была уйти и разсказать обо всемъ отцу.

Китайскій царъ еще сильнѣе огорчился этимъ извѣстіемъ, такъ несомнѣнно подтверждавшимъ безуміе его любимой дочери, и, желая удостовѣриться въ своемъ несчастіи, отправился къ ней самъ.—Что съ тобою, дорогая моя, сказалъ онъ, входя, о какомъ это супругѣ ты говоришь?—Полно, государь, отвѣтила царевна, зачѣмъ спрашивать о томъ, что тебѣ и безъ меня хорошо извѣстно. Ты самъ выбралъ мнѣ супруга, самъ прислалъ его сюда въ эту ночь, а съ какою цѣлью разлучилъ насъ теперь, этого я не понимаю.

— Боже мой, да что же это такое! съ испугомъ воскликнулъ царь. Образумься, дочь моя, подумай только, возможно ли допустить, чтобы кто нибудь приходилъ къ тебѣ безъ моего вѣдома?...—Я такъ и думаю, государь, перебила царевна, что это было именно съ твоего вѣдома и согласія, и отъ всего сердца благодарю тебя за твой выборъ, потому что во всемъ подлунномъ мірѣ нѣтъ другого такого красавца, какъ мой супругъ. Могу ли я сомнѣваться, что мы обручены, когда вотъ, какъ видишь, обмѣнялись и кольцами....—Царь взглянулъ на кольцо—оно дѣйствительно было чужое, потомъ на дочь, снова на кольцо, и погрузился въ недоумѣніе, не зная, что сказать и что подумать объ этомъ непостижимомъ событіи. Но увѣренность въ безуміи дочери наконецъ восторжествовала надъ остальными соображеніями, явилось опасеніе, что въ припадкѣ своего недуга она можетъ нанести вредъ и себѣ и другимъ, а потому онъ ни о чемъ больше не сталъ распрашивать, а съ сердечнымъ сокрушеніемъ велѣлъ заковать ее въ цѣпь и никого не допускать къ ней, кромѣ кормилицы, у дверей же приставить надежную стражу.

Принявъ эти мѣры къ предохраненію царевны отъ самоубійства,

несчастный царь изнемогъ подъ гнетомъ своего горя и предался ему въ уединеніи, никуда не выходя, никого не допуская къ себѣ. Такъ прошло нѣсколько дней, и вдругъ, въ минуту самаго тяжкаго раздумья ему пришла счастливая мысль; оживленный ею, онъ тотчасъ же созвалъ свой верховный совѣтъ и объявилъ всѣмъ его членамъ-сановникамъ, что готовъ не только выдать свою дочь за того, кто изцѣлитъ ее отъ недуга, но и признать изцѣлителя наслѣдникомъ своего престола.

Возможность обладанія прекрасной царевной и вмѣстѣ съ тѣмъ надежда сдѣлаться со временемъ царемъ величайшаго государства въ мірѣ—были такъ заманчивы, что въ ту же минуту воспламенили одного изъ присутствовавшихъ эмировъ, человѣка уже немолодаго, но обладавшаго большими познаніями въ магіи. Увѣренный въ своемъ искусствѣ, онъ смѣло выступилъ впередъ и заявилъ царю, что принимаетъ его условіе.—И я съ своей стороны готовъ принять твои услуги, отвѣтилъ царь, но обѣщанная награда такъ велика, что ее должна уравновѣшивать не меньшая опасность, поэтому я предупреждаю, какъ тебя, такъ и другихъ желающихъ попытать счастья, что за успѣхъ лѣченія каждый отвѣчаетъ своей головой.

Эмиръ согласился, и тогда царь повелъ его къ своей дочери. При видѣ чужого, незнакомаго человѣка, царевна поспѣшно закрылась чадрой и сказала, обращаясь къ отцу: — Государь, ты знаешь, что наша религія запрещаетъ намъ являться съ открытымъ лицомъ передъ посторонними мужчинами, почему же твоему величеству не угодно предупредить меня? — А потому, дочь моя, отвѣтилъ царь, что этотъ человѣкъ не чужой тебѣ, это твой будущій супругъ.

— Но я не желаю иного супруга, кромѣ того, котораго ты уже назначилъ мнѣ, государь; такъ не гнѣвайся же, если я не въ силахъ исполнить твоего приказанія и не могу принадлежать никому другому.

Судя по разсказамъ, эмиръ ожидалъ встрѣтить всѣ признаки душевнаго разстройства: безумные крики и рѣчи, порывистыя движенія, и вдругъ—полное спокойствіе, разумная, разсудительная рѣчь. Ему ясно стало до очевидности, что кромѣ любви—глубокой, серьезной, никакимъ инымъ недугомъ не страдаетъ царевна, поэтому, убѣжденный въ безполезности всякаго лѣченія, онъ сказалъ, обращаясь къ царю:

— Государь, жизнь моя въ твоей власти, дѣлай со мною, что будетъ угодно твоему величеству, но я признаюсь тебѣ, что искусство мое безсильно здѣсь, и царевна не нуждается въ моихъ услугахъ. — Царь, разгнѣванный этой первой неудачей и считая эмира обманщикомъ, приказалъ отрубить ему голову.

Послѣ эмира явился какой то астрологъ, магикъ и алхимикъ; царь велѣлъ начальнику евнуховъ проводить его къ царевнѣ. Войдя въ ея покой, астрологъ вынулъ изъ принесеннаго имъ мѣшка астролябію, гло-

бусъ, жаровню, мѣдный сосудъ съ крышкой, какія то травы, порошки для куренія и, разложивъ все это на полу, потребовалъ огня и зажегъ курильницы.

Царевна съ удивленіемъ глядѣла на всѣ его затѣи и спросила у евнуха, что это значитъ?—Какъ, отвѣтилъ евнухъ, неужели ты не догадываешься, что все это дѣлается для того, чтобы разными заклинаніями выгнать изъ тебя злого духа, заключить его въ мѣдный сосудъ и бросить въ море.

— Въ такомъ случаѣ, сказала царевна, обращаясь уже къ астрологу, я право не знаю, кто изъ насъ безумнѣе. Думаю, что ты, такъ какъ собираешься лѣчить совершенно здороваго человѣка. Но можетъ быть ты дѣйствительно силенъ въ заклинаніяхъ, о, тогда, умоляю тебя, вызови мнѣ того юношу, котораго я люблю больше всего на свѣтѣ!— Царевна, отвѣчалъ астрологъ, если ты страдаешь только любовью, то мнѣ здѣсь нечего дѣлать; кромѣ самого царя отца твоего, никто помочь тебѣ не можетъ. — Сказавъ это, онъ снова уложилъ свои вещи въ мѣшокъ и вышелъ, внутренно проклиная свою опрометчивость.

Когда евнухъ, по возвращеніи къ царю, сталъ было докладывать о случившемся, астрологъ перебилъ его и смѣло сказалъ: — Государь, основываясь на томъ, что было оповѣщено твоимъ величествомъ и подтверждено мнѣ лично, я ожидалъ встрѣтить дѣйствительно безумную, которую съ полною увѣренностью надѣялся изцѣлить при помощи своихъ познаній, но дочь твоя въ здравомъ умѣ, и весь ея недугъ происхо-

дилъ только отъ любви. Поэтому, государь, ты самъ вѣрнѣе и лучше излѣчишь ее, давъ ей супруга, котораго она желаетъ. Такой отвѣтъ показался китайскому царю верхомъ неприличія и дерзости, и, въ гнѣвѣ своемъ, онъ тутъ же приказалъ отрубить голову астрологу.

Я не стану утомлять твоего величества, продолжала Шехеразада, длиннымъ перечнемъ астрологовъ, магиковъ врачей, алхимиковъ и другихъ свѣдущихъ и отважныхъ людей, которые ежедневно являлись къ царю Гаіуру съ предложеніемъ своихъ услугъ. Скажу только, что всѣхъ ихъ перебывало до полутораста человѣкъ, и всѣ они понесли такую же печальную участь; ихъ отрубленныя головы были размѣщены рядами на городскихъ стѣнахъ и воротахъ.

У кормилицы китайской царевны былъ сынъ, по имени Марзавано, живой, красивый, остроумный мальчикъ, выросшій и воспитавшійся во дворцѣ вмѣстѣ съ своей молочной сестрой. Взаимная привязанность дѣтей была такъ велика и прочна, что даже впослѣдствіи, когда возрастъ потребовалъ ихъ разлуки, они продолжали относиться другъ къ другу, какъ братъ и сестра.

Необыкновенныя способности Марзавана помогли ему еще въ ранней юности легко и быстро усвоить всѣ познанія, какія только были доступны въ тѣ времена; но особенную склонность онъ питалъ къ геомантіи *), къ астрологіи и другимъ таинственнымъ наукамъ. Не довольствуясь тѣми свѣдѣніями, которыя могъ пріобрѣсти въ своемъ отечествѣ, онъ отправился путешествовать по разнымъ странамъ, и не было такого знаменитаго ученаго въ той или другой отрасли науки, котораго бы онъ не посѣтилъ и отъ котораго не усвоилъ бы новыхъ умственныхъ богатствъ.

---

*) Искусство посредствомъ точекъ, разбросанныхъ наобумъ по землѣ или по бумагѣ, замѣчать извѣстныя линіи, сравнивать ихъ, исчислять и выводить изъ этихъ сочетаній то или другое заключеніе.

Марзаванъ возвратился изъ своего продолжительнаго путешествія именно въ то время, когда въ столицѣ китайскаго царя происходили такія прискорбныя событія, и первое, что поразило его при въѣздѣ въ родной городъ, это отрубленныя человѣческія головы надъ стѣнами и воротами. Когда онъ освѣдомился о причинѣ такого страннаго украшенія, ему тотчасъ же разсказали какъ о безуміи царевны, такъ и о тѣхъ несчастныхъ, что пытались изцѣлить ее.

Услыхавъ о пріѣздѣ сына, кормилица, какъ ни занята была службой своей питомицѣ, все таки улучила свободную минуту и побѣжала повидаться съ нимъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, она въ свою очередь разсказала ему о печальныхъ событіяхъ во дворцѣ и о безнадежномъ состояніи царевны, его молочной сестры. Марзаванъ внимательно выслушалъ свою мать, потомъ спросилъ, не можетъ ли она доставить ему случай увидать царевну втайнѣ, безъ вѣдома царя.—Не знаю ужъ, какъ тебѣ и сказать, въ раздумьѣ отвѣтила кормилица; трудно это очень, но вотъ пойду попытаюсь, а если удастся, нынче же дамъ тебѣ знать.

Вернувшись во дворецъ, она прямо обратилась къ молодому евнуху, стоявшему на стражѣ у дверей и недавно взятому на службу.—Вотъ что, другъ мой, начала она, ты, вѣроятно, знаешь, что я была кормилицей нашей царевны; можетъ быть, тебѣ также приходилось слышать, что въ то время у меня была дочь, ея молочная сестра; съ самаго дѣтства обѣ дѣвочки нѣжно любили другъ друга и понынѣ сохранили эту любовь. Годъ тому назадъ я выдала замужъ свою дочь, а теперь она пріѣхала ко мнѣ погостить, и царевна страстно желаетъ повидаться съ нею. Такъ не позволишь ли ты....—Всегда и съ большимъ удовольствіемъ готовъ служить нашей прекрасной царевнѣ, перебилъ евнухъ, не дожидаясь, что скажетъ далѣе кормилица; приведи свою дочь, или пусть она приходитъ одна, я во всякое время пропущу ее безпрепятственно.

Лучшаго отвѣта нельзя было и ожидать. При наступленіи ночи, когда царь ушелъ въ свою опочивальню, кормилица отправилась за сыномъ и такъ искусно переодѣла его въ женское платье, что евнухъ ничего не заподозрилъ и тотчасъ же пропустилъ обоихъ.

Затворивъ за собою дверь, кормилица приблизилась къ царевнѣ и, цѣлуя ея руку, сказала:—Не прогнѣвайся на меня, царевна, что я безъ твоего вѣдома привела къ тебѣ своего сына Марзавана. Чтобы не возбуждать никакихъ толковъ и подозрѣній, мнѣ пришлось переодѣть его и провести сюда подъ видомъ женщины.

При имени Марзавана царевна встрепенулась и, сбросивъ съ себя покрывало, радостно промолвила:—Подойди ко мнѣ, братъ мой; вѣдь братьямъ не запрещается видѣть сестеръ съ открытыми лицами, а мы такъ долго съ тобой не видались!

— Царевна, почтительно отвѣчалъ Марзаванъ, преклонившись передъ нею, я глубоко благодаренъ тебѣ за твою доброту и счастливъ, что ты еще меня не забыла; но мнѣ больно видѣть тебя въ такомъ положеніи, и клянусь, всѣ свои силы, всѣ знанія, самую жизнь я готовъ положить на то, чтобы доставить тебѣ облегченіе. Еслибы мнѣ удалось только возвратить тебя къ прежней свѣтлой, счастливой жизни, большей награды я не желалъ бы для себя.

Съ этими словами, онъ вынулъ изъ своего мѣшка какія то странныя вещи, досталъ книгу и сталъ перелистывать ее, какъ бы отыскивая требуемое мѣсто; царевна, увидавъ эти приготовленія, сказала ему съ грустной улыбкой:—Такъ и ты считаешь меня безумной? Ошибаешься, братъ мой, лучше закрой свою книгу и выслушай, что я разскажу тебѣ.

Затѣмъ, она во всѣхъ подробностяхъ передала ему свою исторію, не забывъ упомянуть и о кольцахъ, которыми обмѣнялся съ ней неизвѣстный юноша. Сознаюсь, добавила она, тутъ есть что то чудесное, необычайное, что то такое, чего я не понимаю и не могу объяснить; вотъ это то самое и заставляетъ другихъ считать меня безумной, хотя все, видѣнное мною, было именно такъ, какъ я говорю тебѣ.

Марзаванъ слушалъ царевну съ глубокимъ удивленіемъ и послѣ, когда она умолкла, онъ долго еще оставался въ раздумьѣ, съ неподвижнымъ, опущеннымъ взглядомъ. Наконецъ, онъ поднялъ голову и сказалъ:—Царевна, я не могу сомнѣваться въ правдивости твоего разсказа, и потому снова подтверждаю свою клятву сдѣлать для тебя все, что только будетъ въ моихъ силахъ. Я отыщу твоего суженаго, и когда ты услышишь о моемъ возвращеніи, знай, что предметъ твоей любви и твоихъ страстныхъ желаній уже не далеко отъ тебя. — Больше онъ ничего не сказалъ и, простившись, ушелъ домой, а на другой день отправился въ путь.

Долго онъ ѣздилъ изъ города въ городъ, изъ одной страны въ другую и всюду слышалъ печальный разсказъ о несчастной царевнѣ Бадурѣ, дочери китайскаго царя.

Но, по мѣрѣ удаленія отъ китайской границы, молва эта путалась, ослабѣвала и наконецъ совсѣмъ прекратилась, когда Марзаванъ, послѣ четырехмѣсячнаго странствованія, прибылъ въ Торфъ, обширный приморскій городъ съ многочисленнымъ населеніемъ; здѣсь онъ уже ничего не слыхалъ о Бадурѣ, но за то на смѣну явилась другая молва о какомъ то царевичѣ Камаралзаманѣ, исторія котораго имѣла очень много общаго съ исторіей китайской царевны. Марзаванъ жадно прислушивался къ этимъ толкамъ и, послѣ долгихъ распросовъ, ему удалось наконецъ узнать, въ какой части свѣта находится та страна, гдѣ обитаетъ пресловутый царевичъ. Оказалось, что изъ города Торфа туда вели два пути: одинъ по сушѣ и морю, другой, кратчайшій, только по морю.

Марзаванъ выбралъ послѣдній и сѣлъ на торговый корабль, который, послѣ долгаго и счастливаго плаванія, прибылъ наконецъ въ предѣлы государства царя Шахзамана, но, не дойдя, до гавани, уже въ виду того острова на которомъ, жилъ царевичъ, корабль вдругъ ударился о подводный камень и быстро пошелъ ко дну.

Къ счастію, Марзаванъ былъ превосходнымъ пловцомъ; не колеблясь ни минуты, онъ отважно бросился въ море и легко добрался до берега, гдѣ возвышался невдалекѣ загородный царскій дворецъ. Самъ царь и его великій визирь въ то время бесѣдовали на открытой верандѣ и замѣтили смѣлаго пловца; тотчасъ же былъ отданъ приказъ принять его, перемѣнить на немъ одежду и доставить ему всѣ необходимыя удобства, а когда онъ достаточно оправился, великій визирь позвалъ его къ себѣ.

Молодость и красота Марзавана, въ соединеніи съ замѣчательнымъ умомъ и обширными познаніями во всѣхъ отрасляхъ науки, сразу расположили визиря въ его пользу и внушили ему уваженіе. Однажды, когда Марзаванъ разсказывалъ о своихъ далекихъ путешествіяхъ, великій визирь вдругъ остановилъ его среди рѣчи такими словами:—По всему видно, что ты человѣкъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ людей; можетъ быть, тебѣ извѣстно какое-нибудь средство противъ очень страннаго недуга, которымъ страдаетъ нашъ царевичъ.

— Еслибы я зналъ, какого рода этотъ недугъ, отвѣчалъ Марзаванъ съ притворнымъ равнодушіемъ, можетъ быть, я и облегчилъ-бы его.

Тогда великій визирь съ неуклонной точностью разсказалъ ему всѣ подробности жизни царевича Камаралзамана, начиная съ его вымоленнаго у Бога рожденія; онъ не умолчалъ и о томъ, какъ отецъ хотѣлъ

женить его, во что бы то ни стало, и какъ царевичъ упорно отказывался, при чемъ позволялъ себѣ такія дерзкія выходки, что царь вынужденъ былъ заключить его въ башню.—Здѣсь, продолжалъ визирь, случилось съ нимъ то странное событіе, котораго никто изъ насъ не можетъ ни понять, ни объяснить. Царевичъ, въ ночь своего заключенія, влюбился вдругъ въ какую то невѣдомую женщину, самое существованіе которой сильно подвержено сомнѣнію, если не принимать въ разчетъ золотаго кольца, снятаго имъ будто бы съ ея руки. Но, какъ бы то ни было, съ той поры несчастный юноша не можетъ отрѣшиться отъ своей страсти и страдаетъ отъ нея такъ, что даже слегъ въ постель.

Слушая этотъ разсказъ, Марзаванъ едва могъ скрывать свою радость, и мысленно благодарилъ небо за то, что оно обратило въ пользу его замысла даже самое крушеніе корабля. Для него было ясно теперь что царевичъ Камаралзаманъ именно тотъ самый юноша, по которомъ страдаетъ Бадура; но онъ не выдалъ визирю своей догадки, а сказалъ только, что по всей вѣроятности поможетъ царевичу.—Въ такомъ случаѣ не будемъ терять времени, радостно воскликнулъ визирь, слѣдуй за мною. Мы встрѣтимъ тамъ и самого царя, а онъ уже давно желаетъ тебя видѣть.

Въ покояхъ больнаго царила мертвая тишина; Камаралзаманъ лежалъ на постели, въ изнеможеніи, съ закрытыми глазами; подлѣ него сидѣлъ отецъ, погруженный въ мрачное уныніе. Несмотря на эту печальную обстановку, несмотря даже на присутствіе самого царя, Марзаванъ, при видѣ царевича, не могъ воздержаться отъ восклицанія: Боже мой, какое поразительное сходство!

Камаралзаманъ вздрогнулъ и, открывъ глаза, повернулъ голову въ сторону вошедшаго. Тотъ воспользовался этимъ и, предварительно преклонившись передъ царемъ, обратился къ юношѣ съ привѣтствіемъ въ стихахъ, сложенныхъ имъ тутъ же. Хотя всякому непосвященному смыслъ этого привѣтствія показался бы темнымъ и непонятнымъ, но для царевича оно имѣло глубокое значеніе, такъ какъ въ немъ заключались ясные намеки на его ночное свиданіе съ красавицей и на то, что Марзаванъ можетъ сообщить извѣстіе о ней. Все это такъ обрадовало больнаго, что лицо его разомъ оживилось, и прежній блескъ появился въ глазахъ.

Царь, восхищенный такой внезапной перемѣной, поспѣшно всталъ съ своего мѣста и, взявъ Марзавана за руку, съ счастливой улыбкой, полной надежды, заставилъ его сѣсть подлѣ царевича, потомъ спросилъ: кто онъ и откуда. Марзаванъ отвѣчалъ, что онъ ученый путешественникъ и прибылъ изъ китайской страны.—О, еслибы тебѣ удалось изцѣлить моего сына! воскликнулъ царь, я никогда не забылъ бы твоей услуги, и благодарность моя удивила бы весь міръ. Затѣмъ онъ удалился вмѣстѣ съ визяремъ и сталъ выражать ему свои радостныя надежды.

Оставшись наединѣ съ царевичемъ, Марзаванъ наклонился къ его уху и шопотомъ проговорилъ:—Ободрись, царевичъ, время печали миновало: я знаю, по комъ ты тоскуешь, и знаю также, что *она* страдаетъ по тебѣ не менѣе. Надо положить этому конецъ, надо соединить васъ, и это единственная цѣль моего прибытія сюда. Красавица, внушившая тебѣ такую сильную страсть, царевна Бадура, дочь китайскаго царя Гаіура. Какъ вы встрѣтились и какъ разлучились,—это никому неизвѣстная, и для всѣхъ непостижимая тайна, вотъ почему ваша любовь приводитъ всѣхъ въ удивленіе, и даже объясняется умственнымъ растройствомъ; по крайней мѣрѣ китайскій царь положительно считаетъ свою дочь безумной; онъ заключилъ ее въ уединенный покой, связалъ цѣпью, и обѣщаетъ все царство тому, кто изцѣлитъ ее отъ мнимаго недуга; но я самъ видѣлъ царевну, самъ говорилъ съ нею и потому несомнѣнно убѣдился, что только ты одинъ можешь избавить ее отъ страданій. Однакожъ, прежде, чѣмъ предпринять такое долгое, утомительное путешествіе, тебѣ необходимо совершенно оправиться и возстановить свои силы.

Рѣчь Марзавана произвела чудотворное дѣйствіе: изнеможеніе и слабость царевича сняло, какъ рукой; онъ всталъ и поспѣшно одѣлся даже безъ помощи слугъ.

Когда черезъ нѣсколько минутъ вошелъ царь и увидалъ своего сына бодрымъ, оживленнымъ, радости его не было границъ. Не распрашивая, какъ это случилось, онъ обнялъ Марзавана и со слезами благодарилъ его; затѣмъ, призвавъ своего визиря, велѣлъ ему объявить во всеобщее свѣдѣніе объ этомъ счастливомъ событіи, устроить народныя празднества и увеселенія, раздать щедрую милостыню бѣднякамъ и выпустить на свободу всѣхъ заключенныхъ. Благодѣянія въ эти дни были неисчерпаемы: весь народъ ликовалъ не только въ столицѣ и большихъ городахъ, но и въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ обширнаго государства.

Между тѣмъ, здоровье царевича Камаралзамана, изнуренное было печалью и безсонными ночами, стало теперь быстро возстановляться и крѣпнуть; недѣли черезъ двѣ онъ уже чувствовалъ себя настолько бодрымъ, что рѣшилъ не откладывать долѣе желаннаго путешествія. Оставшись наединѣ съ Марзаваномъ, онъ сказалъ ему:—Другъ мой, пора тебѣ исполнить свое обѣщаніе: я здоровъ теперь, силы мои окрѣпли, но мое нетерпѣніе поскорѣе увидѣть царевну и освободить ее отъ напрасныхъ страданій такъ велико, что я могу снова слечь въ постель, если мы не выѣдемъ отсюда немедленно. Одно меня смущаетъ и заставляетъ опасаться за успѣхъ, это непомѣрная любовь ко мнѣ моего отца. Ты видишь, что онъ не спускаетъ съ меня глазъ и, конечно, ни за какія блага не согласится отпустить въ такую даль.

— Это затрудненіе предвидѣно и обдумано мною давно, отвѣчалъ Марзаванъ. Положись на меня во всемъ и будь увѣренъ, что я вооду-

шевленъ не меньшимъ желаніемъ поскорѣе избавить свою молочную сестру отъ ея настоящаго безотраднаго состоянія. О согласіи на продолжительное путешествіе, разумѣется, нечего и думать, но ты можешь просить царя, своего отца, отпустить тебя на нѣсколько дней на охоту, чтобы движеніемъ на свѣжемъ воздухѣ еще болѣе укрѣпить свое здоровье. Въ этомъ, навѣрное, онъ тебѣ не откажетъ, а какъ только заручишься позволеніемъ, прикажи изготовить намъ самыхъ лучшихъ коней, по два на каждаго, одного подъ сѣдло, другаго въ запасъ; все же остальное я беру на себя.

На другой день, улучивъ удобную минуту, царевичъ выразилъ отцу свое желаніе развлечься охотой, и просилъ отпустить его дня на два съ Марзаваномъ въ ближайшіе лѣса.—Изволь, сынъ мой, отвѣчалъ царь, я ничего не имѣю противъ этой забавы, но только болѣе сутокъ ты не долженъ оставаться въ отсутствіи. Слишкомъ большое утомленіе на первыхъ порахъ могло бы повредить твоему еще не окрѣпшему здоровью, да и я сталъ бы тревожиться и тосковать безъ тебя.

Затѣмъ, онъ лично озаботился всѣмъ необходимымъ для удобства царевича, велѣлъ осѣдлать самыхъ лучшихъ коней, другихъ же вести за нимъ для смѣны, а когда было все готово, нѣжно обнялъ своего сына и сказалъ, обращаясь къ Марзавану:—На тебя я вполнѣ полагаюсь; береги его и охраняй отъ всякой опасности.

Солнце еще высоко стояло на небѣ, когда царевичъ и Марзаванъ выѣхали изъ ограды дворца; за ними, тоже верхомъ, слѣдовали два конюха, ведя въ поводу двухъ запасныхъ лошадей. Миновавъ цвѣтущую долину, они вступили въ обширное лѣсное пространство и, чтобы провожатые не могли заподозрить ихъ тайнаго замысла, тутъ же начали охоту. Долго преслѣдовали они выгоняемыхъ конюхами оленей и сернъ, когда же стало смеркаться, выбрались изъ лѣса на проѣзжую дорогу и остановились для отдыха въ ближайшемъ каганѣ. Тамъ, послѣ обильнаго ужина, всѣ размѣстились на ночлегъ и вскорѣ заснули крѣпкимъ сномъ; не спалъ только одинъ Марзаванъ. Около полуночи онъ всталъ и осторожно прокрался къ царевичу, остерегаясь разбудить провожатыхъ, спавшихъ въ той же комнатѣ на полу.—Пора царевичъ, проговорилъ онъ шопотомъ, наклонившись надъ самымъ его ухомъ,—вставай и одѣвайся скорѣе; вотъ тебѣ другое платье, а прежнее я возьму съ собой. Царевичъ поспѣшно перемѣнилъ на себѣ свою одежду, и затѣмъ они оба тихонько вышли изъ кагана, не разбудивъ никого, отыскали на дворѣ своихъ заспанныхъ коней, совсѣмъ уже осѣдланныхъ, вскочили на нихъ и во весь опоръ помчались по дорогѣ, причемъ Марзаванъ увлекалъ за собою лошадь одного изъ конюховъ, держа ее въ поводу.

На разсвѣтѣ, всадники подъѣхали къ опушкѣ лѣса, по которому дорога развѣтлялась па четыре стороны. Марзаванъ попросилъ своего

спутника подождать его здѣсь, а самъ углубился въ чащу, гдѣ закололъ запасную лошадь конюха, изорвалъ бывшее съ нимъ платье царевича, омочилъ его въ крови и, выѣхавъ изъ лѣса, разбросалъ обагренные клочки одежды среди дороги, на самомъ перекресткѣ.

— Что ты дѣлаешь? съ удивленіемъ спросилъ царевичъ.—А только то, что необходимо было сдѣлать, отвѣчалъ Марзаванъ. Видишь ли, когда царь, отецъ твой, узнаетъ отъ конюховъ о нашемъ ночномъ отъѣздѣ, онъ, конечно, не приминетъ послать за тобою на поиски; и вотъ, кто нибудь изъ посланныхъ подъѣдетъ къ этому мѣсту, увидитъ твое изорванное, окровавленное одѣяніе и безъ сомнѣнія предположитъ, что хищный звѣрь растерзалъ тебя. Такъ онъ разскажетъ царю, а тотъ, убѣдившись въ твоей погибели, навѣрное прекратитъ дальнѣйшіе розыски, и такимъ образомъ дастъ намъ возможность продолжать свой путь безпрепятственно. Разумѣется, это жестоко, и не слѣдовало бы наносить такого страшнаго удара любящему отцу; но что же дѣлать? За то радость его будетъ тѣмъ сильнѣе, когда онъ увидитъ тебя живымъ и счастливымъ.—Другъ мой, съ волненіемъ проговорилъ царевичъ, мнѣ остается только удивляться твоей находчивости и благодарить отъ всего сердца.

Послѣ того они продолжали свой путь и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ благополучно прибыли къ столицѣ Китая. Марзаванъ счелъ за лучшее не показываться преждевременно въ своемъ домѣ и остановился вмѣстѣ съ царевичемъ въ гостинницѣ для пріѣзжающихъ иностранцевъ. Здѣсь они цѣлыхъ три дня отдыхали отъ утомительнаго путешествія, а на четвертый день сначала отправились въ баню, гдѣ Марзаванъ облекъ царевича въ заранѣе приготовленное одѣяніе астролога, далъ ему мѣшокъ со всѣми необходимыми принадлежностями этого званія и отвелъ на обширную площадь передъ дворцомъ китайскаго царя Гаіура, самъ же возвратился домой, чтобы черезъ посредство матери увѣдомить царевну Бадуру о своемъ возвращеніи.

Между тѣмъ, царевичъ Камаралзаманъ, слѣдуя наставленію своего друга, приблизился ко дворцу и, ставъ передъ его воротами, прокричалъ громогласно:—Я, астрологъ и магикъ, согласно объявленію великаго монарха китайскаго царя Гаіура пришелъ изцѣлить его дочь, прекрасную Бадуру, на условіяхъ, изложенныхъ его величествомъ, а именно: жениться на ней въ случаѣ успѣха, или сложить голову, если искусство мое окажется безсильнымъ.

Поголовная гибель столькихъ людей, безуспѣшно предпринимавшихъ лѣченіе царевны, значительно охладила желаніе обладать ея рукой и со временемъ короной китайскаго государства; уже давно не являлось во дворецъ ни магиковъ, ни астрологовъ, ни врачей, и всѣ начинали думать, что не найдется болѣе такихъ смѣльчаковъ или такихъ безумцевъ,

которые рѣшились бы теперь идти на вѣрную смерть. Поэтому появленіе царевича Камаралзамана, въ качествѣ астролога, возбудило сильное любопытство жителей; не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ громадная толпа народа окружила его со всѣхъ сторонъ.

Юность царевича, его необыкновенная красота и какое то особое благородство въ чертахъ и движеніяхъ невольно возбуждали къ нему состраданіе даже въ грубой толпѣ. — Чтó ты дѣлаешь? говорили стоявшіе ближе, что за безуміе добровольно губить свою молодую жизнь, и неужели отрубленныя головы твоихъ предшественниковъ, чтò торчатъ надъ воротами, не могутъ отклонить тебя отъ такого пагубнаго намѣренія?

Царевичъ, казалось, не слышалъ этихъ увѣщаній и также громко, съ такою же твердостью въ голосѣ, снова прокричалъ свое воззваніе. Отвѣта все не было, и никто не показывался изъ дворца, только стража недвижимо стояла у воротъ. Камаралзаманъ въ третій разъ повторилъ свою рѣчь: тогда наконецъ вышелъ великій визирь и отъ имени царя Гаіура приказалъ ему слѣдовать за собой.

Китайскій царь окинулъ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ вошедшаго юношу, и въ немъ сразу шевельнулось то самое чувство, которое только что волновало толпу. Онъ даже принялъ его совсѣмъ не такъ, какъ принималъ прежнихъ астрологовъ. Когда царевичъ преклонился передъ трономъ и по обычаю поцѣловалъ коверъ у подножія, царь тотчасъ же велѣлъ ему встать, посадилъ его подлѣ себя и сказалъ:— Выслушай меня, юноша, прежде чѣмъ возьмешься за такое опасное дѣло. Хорошо ли ты обдумалъ все и увѣренъ ли въ своемъ искусствѣ? Разумѣется, я отъ всей души желаю тебѣ успѣха, и съ удовольствіемъ отдалъ бы за тебя свою дочь, чего я не могъ сказать относительно другихъ астрологовъ, но тутъ все зависитъ не отъ моего желанія, а отъ твоихъ знаній и опытности, между тѣмъ трудно повѣрить, чтобы ты уже успѣлъ пріобрѣсти ихъ въ такія молодыя лѣта. Во всякомъ случаѣ, знай, что ни молодость твоя, ни красота, и ничто на свѣтѣ не спасетъ тебя отъ смерти, если царевна не будетъ изцѣлена.

— Государь, отвѣчалъ Камаралзаманъ, не легкомысленный порывъ привлекъ меня сюда черезъ моря и рѣки, изъ такой дальней страны, что, можетъ быть, ты даже никогда и не слыхалъ ея названія; не затѣмъ пренебрегъ я всѣми опасностями, чтобы отступить въ рѣшительную минуту и заслужить презрѣніе твоего величества такимъ малодушнымъ поступкомъ. Нѣтъ, если ужъ мнѣ суждено умереть, такъ пусть же я умру съ отраднымъ сознаніемъ, что не утратилъ по крайней мѣрѣ твоего добраго мнѣнія. И такъ, государь, умоляю тебя, дозволь мнѣ испробовать силу своего искусства.

Царь не настаивалъ болѣе и, призвавъ начальника стражи, велѣлъ проводить мнимаго астролога въ покои царевны Бадуры, но, отпуская

его, повторилъ еще разъ, что онъ воленъ отказаться отъ своего предпріятія, пока не поздно. Царевичъ даже ничего не отвѣтилъ на это замѣчаніе и поспѣшно вышелъ за евнухомъ.

Когда они вступили въ длинную галлерею, примыкавшую къ попомѣщенію царевны, Камаралзаманъ, взволнованный близкимъ присутствіемъ той, которая такъ долго наполняла всѣ его мысли и мечты, внѣ себя отъ радостнаго нетерпѣнія, ускорилъ шаги и быстро опередилъ своего проводника.

— Куда же ты?—крикнулъ евнухъ, нагнавъ его и останавливая за руку,—вѣдь, все равно, безъ меня не войдешь. А должно быть, жизнь тебѣ надоѣла, если ты такъ стремишься къ смерти? Погоди, успѣешь еще сложить голову... Ни одинъ изъ твоихъ предшественниковъ не проявлялъ такого нетерпѣнія.

— А это потому, мой другъ, отвѣтилъ царевичъ, что они не такъ вѣрили въ силу науки, какъ я. У нихъ было больше страха за свою жизнь, чѣмъ надежды на успѣхъ, вотъ почему они такъ не смѣло входили туда, гдѣ я надѣюсь найти свое счастіе.—При этихъ словахъ, они подошли къ дверямъ въ концѣ галлереи; евнухъ отперъ ихъ и провелъ царевича въ пріемный покой, изъ котораго открывался входъ въ опочивальню Бадуры, отдѣленную только однимъ занавѣсомъ.

Камаралзаманъ остановился, не доходя до этого святилища и, обратившись къ евнуху, сказалъ ему вполголоса:—Чтобы доказать, что во мнѣ нѣтъ ни ложной самонадѣянности, ни легкомыслія, ни обмана, предлагаю тебѣ на выборъ: какъ ты хочешь, чтобы я изцѣлилъ царевну,—въ ея присутствіи, или здѣсь, не входя къ ней и не видя ея?

Такая твердая увѣренность поразила евнуха, и прежнее насмѣшливое презрѣніе къ юному астрологу разомъ смѣнилось въ немъ чувствомъ глубокаго уваженія; онъ отвѣтилъ уже серіознымъ, почтительнымъ тономъ: — Какъ будетъ тебѣ угодно; для насъ важно самое изцѣленіе, а какимъ способомъ ты достигнешь его, это ужъ все равно. Безсмертная слава и почести, ожидающія тебя въ случаѣ успѣха, нисколько отъ того не умалятся.

— Такъ для большаго прославленія науки, продолжалъ царевичъ, и ради большей чести лично для себя, я предпочитаю заочное изцѣленіе. Будь же свидѣтелемъ моего искусства.—И, говоря это, онъ досталъ изъ своей сумки чернильницу, бумагу, тонко-очиненную палочку и, пристроившись на коврѣ, написалъ такое посланіе царевнѣ:

Письмо царевича Камаралзамана прекрасной царевнѣ Бадурѣ.

„Возлюбленная царевна, тотъ, кто имѣлъ счастіе любоваться тобою во время твоего сна въ незабвенную ночь, кто отдалъ тебѣ душу и сердце, не смотря на твердую рѣшимость сохранить на вѣки свободу, кто осмѣлился въ залогъ этой безграничной любви снять съ руки твоей кольцо и замѣнить его своимъ,—теперь ожидаетъ здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тебя, рѣшенія своей судьбы. Если ты возратишь ему этотъ драгоцѣнный залогъ обрученія, онъ сочтетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, если нѣтъ, то изъ любви къ тебѣ съ радостью сложитъ свою голову“.

Окончивъ, Камаралзаманъ вручилъ свое посланіе евнуху и сказалъ:—Вотъ, отнеси это царевнѣ, и если она не изцѣлится въ ту же минуту, ты можешь при всемъ народѣ назвать меня лжецомъ и проходимцемъ.

Евнухъ вошелъ къ царевнѣ и, поклонившись ей, доложилъ:—Явился еще какой-то астрологъ и велѣлъ передать тебѣ вотъ эту записку; онъ увѣряетъ, что она сразу излѣчитъ твой недугъ. Дай Богъ, чтобы это было такъ!

Царевна равнодушно взяла письмо и нехотя развернула, но, когда изъ него выпало ея кольцо, она вскрикнула и рванулась съ такою силой, что цѣпь не выдержала. Волнуемая страхомъ и надеждой, даже не прочитавъ письма, она выбѣжала изъ своей тюрьмы, взглянула на царевича и узнала его. Онъ также узналъ ее съ перваго взгляда. Нѣсколько минутъ они стояли неподвижно, молча смотрѣли другъ на друга, словно не вѣря своимъ глазамъ; потомъ, повинуясь обоюдному порыву, мгновенно сблизились и соединились въ горячемъ объятіи. Долго оставались они въ какомъ-то счастливомъ самозабвеніи и не находили словъ для выраженія своихъ чувствъ; наконецъ кормилица, вышедшая вслѣдъ

за царевной, ввела ихъ обоихъ въ смежный покой, а евнухъ побѣжалъ доложить обо всемъ своему повелителю.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ царь и съ восторженной нѣжностью обнялъ свою дочь; потомъ взялъ руку царевича, соединилъ ее съ рукою дочери и сказалъ: Кто бы ты ни былъ, прекрасный юноша, я съ удовольствіемъ признаю тебя своимъ зятемъ, но только мнѣ почему то думается, что ты совсѣмъ не тотъ, кѣмъ желаешь казаться.

— Государь, отвѣтилъ царевичъ, я не въ силахъ выразить своей благодарности за то великое счастіе, какимъ ты награждаешь меня, но буду вполнѣ откровененъ съ тобою: дѣйствительно, я не астрологъ, не магикъ, не врачъ, а сынъ царя Шахзамана, мое имя Камаралзаманъ.—Затѣмъ онъ подробно разсказалъ всю свою жизнь, не умолчавъ, конечно, и о той памятной ночи, когда полюбилъ царевну и обмѣнялся съ нею кольцами.

— Удивительно, непостижимо! воскликнулъ китайскій царь, внимательно и довѣрчиво выслушавъ этотъ разсказъ. Такое чудесное событіе должно переходить изъ устъ въ уста, изъ вѣка въ вѣкъ; я велю записать его золотыми буквами и хранить въ архивахъ моего государства, а копіи разошлю по всѣмъ странамъ, пусть весь міръ о немъ узнаетъ и дивится ему.

Брачная церемонія, совершенная въ тотъ же день, сопровождалась торжественными празднествами по всему китайскому государству. Марзаванъ также не былъ забытъ; царь щедро наградилъ его, приблизилъ къ своей особѣ, поручилъ ему одну изъ высшихъ должностей при дворѣ и обѣщалъ возвысить со временемъ еще болѣе.

Нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ царь Гаіуръ не переставалъ выражать свою радость роскошными пирами и увеселеніями, а царевичъ Камаралзаманъ и царевна Бадура утопали въ блаженствѣ своей первой любви.

Но среди этого счастія, въ одну ночь царевичу привидѣлся тяжелый сонъ: ему снилось, будто царь Шахзаманъ, отецъ его, лежитъ на постели, умирающій, и говоритъ съ тоскою:—Сынъ мой желанный, любимый такъ много, ты покинулъ меня и обрекъ на смерть!—Царевичъ въ ту же минуту проснулся и, въ ужасѣ, такъ громко, отчаянно вскрикнулъ, что разбудилъ свою супругу, которая съ тревогой спросила: что съ нимъ?

— О, Боже мой, Боже мой! восклицалъ царевичъ, какой же я безсердечный, неблагодарный сынъ! Можетъ быть, отца моего теперь уже нѣтъ на свѣтѣ...—И онъ разсказалъ ей о своемъ страшномъ видѣніи. Царевна ничего не отвѣтила, но на другой-же день она пришла къ отцу и, выбравъ удобную минуту, сказала ему:—Государь, я хочу просить тебя о великой милости и заранѣе умоляю; не откажи мнѣ, а

главное, не подумай, что я говорю по наущенію мужа, клянусь тебѣ, онъ даже ничего не знаетъ объ этомъ. Я сама нахожу необходимымъ посѣтить отца его царя Шахзамана. Дозволь же намъ ѣхать къ нему обоимъ вмѣстѣ.

— Дочь моя, отвѣчалъ царь, какъ ни грустно, какъ ни тяжело мнѣ будетъ разстаться съ вами, но я все таки не могу не одобрить вашего намѣренія. Одно тревожитъ меня, это дальность разстоянія и трудность пути, а впрочемъ, что же, поѣзжайте, я не буду удерживать васъ, но только болѣе года не оставайтесь тамъ, это мое непремѣнное условіе. Мы даже и на будущее время устроимъ такъ, чтобы годъ вы жили у царя Шахзамана, годъ у меня.

Заручившись такимъ образомъ согласіемъ отца, царевна поспѣшила сообщить о немъ Камаралзаману; онъ сильно обрадовался и горячо благодарилъ свою супругу за это новое доказательство ея любви.

Начались приготовленія къ отъѣзду, царь самъ распоряжался сборами, а когда все было готово, онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ новобрачными и провожалъ ихъ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Наконецъ, наступила минута прощанья; отецъ поочередно обнялъ обоихъ и просилъ царевича, чтобы онъ не переставалъ любить свою жену также нѣжно, какъ любитъ теперь. Затѣмъ, онъ оставилъ ихъ и, не спѣша, возвратился въ столицу, останавливаясь по дорогѣ во всѣхъ мѣстахъ, удобныхъ для охоты.

Между тѣмъ, царевичъ Камаралзаманъ и царевна Бадура весело продолжали свой путь, не переставая мечтать о томъ, съ какою радостью встрѣтитъ ихъ царь Шахзаманъ, и какъ они, въ свою очередь, рады будутъ увидать его.

Около мѣсяца они все также благополучно подвигались впередъ, и однимъ раннимъ утромъ вступили въ роскошную долину, усаженную группами вѣковыхъ, громадныхъ деревьевъ, дававшихъ тѣнистую прохладу. День предстоялъ безоблачный, знойный, и царевичъ, соблазнившись удобствомъ мѣста, вздумалъ расположиться здѣсь на отдыхъ. Онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи супругѣ, и та согласилась тѣмъ охотнѣе, что сама только что хотѣла просить его объ этомъ. Путешественники сошли на зеленый лугъ, усѣянный цвѣтами, а слуги начали разбивать шатры. Пока царевичъ распоряжался и отдавалъ приказанія, царевна Бадура вошла въ приготовленный для нея шатеръ, велѣла своимъ невольницамъ отстегнуть ея поясъ и прилегла, утомленная долгимъ переѣздомъ.

Когда царевичъ вошелъ къ ней, она спала уже крѣпкимъ сномъ. Камаралзаманъ помѣстился тутъ же и хотѣлъ было послѣдовать ея примѣру, но въ эту минуту ему попался на глаза роскошный поясъ царевны; онъ взялъ его и сталъ разсматривать, любуясь драгоцѣнными каменьями: рубинами, алмазами, сапфирами, нанизанными на немъ

въ узоръ, какъ вдругъ замѣтилъ маленькій шелковый кошелекъ, пристегнутый изнутри къ матеріи пояса, онъ дотронулся до него и, ощутивъ что то твердое, развязалъ снурокъ и вынулъ изъ кошелька довольно крупный сердоликъ съ вырѣзанными на немъ фигурами и какими то неизвѣстными письменами. Судя по тому, что царевна такъ бережно сохраняла его, нося постоянно на себѣ, Камаралзаманъ предположилъ, что это должна быть для нея очень дорогая вещь.

Дѣйствительно, то былъ талисманъ, который царица мать подарила своей дочери, говоря, что онъ всегда будетъ приносить ей счастіе, если она его не утратитъ.

Такъ какъ подъ шатромъ было довольно темно, то царевичъ вышелъ наружу, чтобы разсмотрѣть талисманъ при солнечномъ свѣтѣ. Въ эту минуту какая то птица ринулась къ нему съ высоты, выхватила изъ руки его камень и улетѣла.

— Твое величество, продолжала Шехеразада, легко можетъ представить и удивленіе, и досаду царевича при такой неожиданности. Въ первую минуту онъ совсѣмъ потерялся, словно не понималъ, что такое случилось. А птица, между тѣмъ, отлетѣвъ немного, сѣла на землю, держа въ своемъ клювѣ похищенный талисманъ. Царевичъ побѣжалъ къ ней, думая, что въ испугѣ она выронитъ добычу, но птица не выронила, а перелетѣвъ еще на нѣсколько шаговъ, снова усѣлась. Тогда Камаралзаманъ, захвативъ камень и разсчитывая на свою ловкость въ метаніи, осторожно сталъ подкрадываться къ птицѣ, въ надеждѣ убить ее, но она зорко наблюдала за его движеніями и все продолжала перелетать съ мѣста на мѣсто, не подпуская къ себѣ близко и въ то же время не теряясь изъ вида. Царевичъ, весь поглощенный желаніемъ отбить талисманъ, слѣдовалъ за нею, не замѣчая ни времени, ни пространства.

Съ долины въ долину, съ холма на холмъ, онъ то неслышными, тихими шагами подбирался къ птицѣ, то въ ярости бѣжалъ за нею изо всѣхъ силъ. И такъ прошелъ весь день, а когда солнце скрылось за горизонтомъ, птица усѣлась на ночлегъ на вершинѣ громаднаго дерева, гдѣ брошенный камень уже не могъ ея настигнуть. Измученный, голодный и страшно взбѣшенный неудачей своего преслѣдованія, царевичъ остановился подъ тѣмъ-же деревомъ и сталъ обдумывать: что̀ теперь предпринять. Первой его мыслью было возвратиться къ шатрамъ, но, во первыхъ, онъ боялся огорчить свою супругу потерей талисмана, утраченнаго по его винѣ, а потомъ силы окончательно измѣняли ему, и онъ не надѣялся добраться до своего стана, особенно ночью и по неизвѣстнымъ мѣстамъ. Въ такомъ горестномъ раздумьѣ, съ глазами, полными слезъ отъ тоски и досады, онъ прилегъ подъ деревомъ и тотчасъ же крѣпко заснулъ.

На другое утро онъ всталъ еще до восхода солнца, и въ ту же

минуту птица поднялась съ своего ночлега и тихо полетѣла низко надъ землей. У царевича разгорѣлись глаза; страстное желаніе настигнуть и убить ее заставило его снова послѣдовать за нею; но и этотъ день былъ такъ же неудаченъ, какъ предыдущій: птица по прежнему, не скрываясь изъ вида, ни разу не дала приблизиться на столько, чтобы можно было бросить въ нее камень. Къ вечеру она опять усѣлась на высокомъ деревѣ, а царевичъ расположился подъ нимъ. Такъ продолжалось цѣлыхъ десять дней; каждое утро Камаралзаманъ, проснувшись, начиналъ свое преслѣдованіе, усталый, истомленный, питаясь только травами да плодами, попадавшимися по дорогѣ, а ночью засыпалъ подъ какимъ нибудь деревомъ.

На одиннадцатый день птица прилетѣла къ какому то большому приморскому городу и скрылась за его стѣнами. Царевичъ уже не видѣлъ ее больше, и всякая надежда возвратить талисманъ исчезла вмѣстѣ съ нею.

Убитый горемъ, Камаралзаманъ вступилъ въ городъ и безцѣльно побрелъ по его улицамъ. Вскорѣ онъ замѣтилъ открытыя ворота, ведущія въ какой то садъ, и вошелъ туда. Невдалекѣ, согнувшись надъ грядкой, работалъ въ то время старикъ садовникъ; онъ взглянулъ на вошедшаго и, по одеждѣ узнавъ въ немъ мусульманина, закричалъ ему:—Затвори скорѣй ворота и наложи засовъ.

Царевичъ исполнилъ приказаніе и, послѣ обычныхъ привѣтствій, освѣдомился, зачѣмъ потребовалась такая предосторожность. А затѣмъ, отвѣтилъ старикъ, что этотъ городъ населенъ идолопоклонниками, которые враждебно относятся ко всѣмъ исповѣдующимъ религію нашего пророка, въ особенности же къ иностранцамъ, ихъ они преслѣдуютъ съ ожесточеннымъ усердіемъ и строютъ имъ всевозможныя западни. Какъ чужеземецъ, ты навѣрное ничего этого не зналъ, и потому я считаю за особое чудо, что Богъ избавилъ тебя отъ опасности и привелъ ко мнѣ.

Царевичъ былъ глубоко тронутъ такимъ искреннимъ участіемъ чуждаго ему человѣка и въ горячихъ словахъ сталъ было выражать свою благодарность, но старикъ перебилъ его и повелъ въ свой небольшой домикъ, гдѣ первымъ дѣломъ предложилъ ему пищу и питье; когда же гость утолилъ свой голодъ и немного оправился отъ усталости, хозяинъ освѣдомился, откуда онъ, и что привело его въ эту страну.

Царевичъ подробно разсказалъ ему какъ о своей прошедшей жизни, такъ и о послѣднемъ странномъ приключеніи съ талисманомъ, потомъ спросилъ въ свою очередь, какимъ путемъ можно проѣхать въ государство царя Шахзамана, его отца, и далеко ли оно; отыскать-же свой караванъ и присоединиться къ царевнѣ Бадурѣ, ему казалось невозможнымъ. Да и жива ли она, мояголубка, заключилъ онъ, обливаясь слезами.

ніяхъ мнимаго царевича, тотчасъ же выѣхалъ ему на встрѣчу въ сопровожденіи блестящей свиты и принялъ его, какъ сына царя, съ которымъ издавна находился въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Тотчасъ же, въ честь высокаго гостя, при дворѣ начались великолѣпныя празднества и продолжались непрерывно цѣлую недѣлю, а царь Арманосъ, восхищенный умомъ и красотою юнаго царевича, не хотѣлъ и слышать о его отъѣздѣ. Въ одно утро, оставшись наединѣ съ Бадурой, онъ повелъ такую рѣчь:—Недавно узналъ я тебя, царевичъ, а уже успѣлъ горячо полюбить, и вотъ что надумалъ теперь: ты видишь, я старъ, и можетъ быть не далеко то время, когда придется сойти въ могилу; къ несчастію, у меня нѣтъ сына, стало быть, нѣтъ и наслѣдника моему престолу; небо даровало мнѣ только единственную дочь, правда, умную, добрую, прекрасную, но все же дочь, которой я долженъ пріискать мужа, а себѣ преемника. Ты, по моему искреннему убѣжденію, единственный человѣкъ, вполнѣ достойный ея руки, такъ возьми же ее вмѣстѣ съ моей короной и оставайся съ нами.

Такое великодушное предложеніе могло бы осчастливить всякаго человѣка, но только, разумѣется, не женщину, и потому рѣчь царя привела Бадуру въ немалое смущеніе. Что оставалось ей дѣлать? Сказать всю правду, объявить, что она не царевичъ Камаралзаманъ, а его жена, но это значило бы признаться въ обманѣ и подвергнуться всѣмъ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ такого признанія. Отказать просто безъ всякихъ объясненій, еще того хуже. Она легко могла предвидѣть, что это оскорбитъ царя и вызоветъ его гнѣвъ, отъ котораго не будетъ въ безопасности самая ея жизнь.

Всѣ эти соображенія быстро промелькнули въ умѣ царевны, и, не видя никакого исхода изъ своего затрудненія, она рѣшилась на послѣднее, отчаянное средство: принять предложеніе Гебанскаго царя.

Лишь только она изъявила свое согласіе, царь обнялъ ее, въ порывѣ радости, и повелъ въ собраніе государственнаго совѣта, гдѣ въ присутствіи первѣйшихъ сановниковъ двора объявилъ, что отрекается отъ престола въ пользу царевича Камаралзамана, которому въ тотъ же день отдаетъ правленіе государствомъ и руку своей дочери царевны Гай Аталнэфу *). Сказавъ это, онъ сошелъ съ своего трона и самъ возвелъ на него Бадуру. Тогда всѣ присутствовавшіе преклонились передъ нею и стали принимать присягу на вѣрность новому царю.

Послѣ заката солнца совершилась брачная церемонія со всею торжественностью, со всѣмъ великолѣпіемъ, подобающими высокому положенію жениха и невѣсты. Гонцы, разосланные по всему государству,

---

*) По арабски—*жизнь души*.

лось превосходно разыграть свою роль, такъ что во всемъ караванѣ никто не заподозрилъ обмана, тѣмъ болѣе искуснаго, что одна изъ невольницъ, наряженная въ одѣяніе Бадуры и окутанная чадрой, слыла за нее.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ долгихъ, утомительныхъ переѣздовъ, то сушей, то моремъ, царевна прибыла, наконецъ, съ своими спутниками къ столицѣ Гебанскаго острова, гдѣ царствовалъ въ то время государь по имени Арманосъ. Слуги, посланные впередъ, чтобы пріискать удобное помѣщеніе, оповѣстили многимъ, что они сопровождаютъ царевича Камаралзамана, который желаетъ отдохнуть въ этомъ городѣ по пути въ далекія страны. Эта вѣсть не замедлила достигнуть и дворца.

Царь Арманосъ, какъ только узналъ о присутствіи въ его владѣ-

этотъ день провела въ исполненіи своихъ новыхъ царскихъ обязанностей, она отдавала приказанія, сдѣлала смотръ войскамъ, побывала вездѣ, гдѣ только требовалось ея присутствіе, и во всемъ проявляла такое разумное пониманіе, съ такимъ достоинствомъ держала себя, что привела въ восхищеніе всѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ ее.

Только поздно вечеромъ она вернулась въ свои покои и прямо прошла къ царицѣ Гай-Аталнэфу. Замѣтивъ ея грустное настроеніе, она употребила всѣ средства, чтобы утѣшить ее и развеселить, а когда та, успокоенная ласковыми рѣчами, очарованная умной, живой, увлекательной бесѣдой, легла въ постель, Бадура тотчасъ же стала на молитву и совершала ее такъ долго, что молодая царица заснула, не дождавшись конца.

Утромъ царевна Бадура снова отправилась въ засѣданіе совѣта и пробыла въ отсутствіи цѣлый день. Тѣмъ временемъ царь Арманосъ находился у своей дочери и велъ съ нею разговоръ о странномъ поведеніи ея мужа. На этотъ разъ онъ уже не оправдывалъ молодаго царя, но строго осуждалъ его и говорилъ съ раздраженіемъ: — Если онъ думаетъ пренебрегать тобою, такъ я докажу ему свою власть. Не тебѣ, а мнѣ лично онъ наноситъ тяжкое оскорбленіе, но это не пройдетъ ему даромъ,— какъ я возвелъ его на престолъ, такъ могу и свести въ одну минуту, даже изгнать съ позоромъ! Подожду еще до завтра и тогда... Онъ не договорилъ и въ гнѣвѣ вышелъ изъ комнаты.

Въ тотъ вечеръ Бадура вернулась еще позже и, поговоривъ съ молодой царицей о разныхъ постороннихъ вещахъ, хотѣла было, какъ и въ предыдущую ночь, стать на молитву, но Гай-Аталнэфу притянула ее къ себѣ за руку и усадила на постель.

— Объясни мнѣ ради Бога, сказала она, отчего ты не любишь меня, настолько не любишь, что употребляешь всѣ средства избѣгать меня? Всякая другая на моемъ мѣстѣ постаралась бы отмстить за такое незаслуженное пренебреженіе, но я слишкомъ добра отъ природы и, къ несчастію, слишкомъ глубоко люблю тебя, чтобы желать твоей погибели. Такъ вотъ, ты долженъ знать, что отецъ мой страшно разгнѣванъ твоимъ поведеніемъ и считаетъ его кровной обидой для себя, онъ ждетъ только слѣдующаго утра, чтобы отмстить тебѣ.

Эта рѣчь произвела сильное дѣйствіе на царевну Бадуру и повергла ее въ невыразимое смущеніе. Еще ранѣе, во весь тотъ день она замѣчала, какъ холодно, почти гнѣвно относится къ ней царь Арманосъ; и тогда уже предчувствовала близкую грозу, и не находила инаго средства спасенія, какъ только признаться передъ царевной въ этомъ невольномъ обманѣ. Разумѣется, вступая на свой опасный путь, она не могла не предвидѣть, что рано или поздно настанетъ такое объясненіе, но неизвѣстность, какъ приметъ его царевна, до сихъ поръ смыкала ей уста;

теперь же, когда приходилось выбирать между неизбѣжной гибелью и признаніемъ, она рѣшилась на послѣднее.

— Прости меня, пожалѣй и спаси великодушно, промолвила она съ мольбою, я не царевичъ Камаралзаманъ, а жена его, такая же царевна и женщина, какъ ты.

И, разсказавъ ей со всѣми подробностями всю свою жизнь до той минуты, она добавила: — Умоляю тебя снова, — сохрани мою тайну до прибытія царевича, дѣлай видъ, что признаешь меня своимъ мужемъ.

— Какъ мнѣ ни больно разстаться съ мечтой о своемъ личномъ счастіи, отвѣчала Гай-Аталнэфу, едва сдерживая слезы, но я не увеличу твоего бѣдствія, напротивъ, стану молить Создателя, чтобы Онъ соединилъ тебя съ любимымъ супругомъ. Будь покойна, я свято сохраню твою тайну и буду счастлива, если ты удостоишь меня своей дружбой, взамѣнъ утраченной надежды на любовь. Мнѣ отрадно будетъ видѣть въ тебѣ свою дорогую подругу, тогда какъ для всего нашего обширнаго государства ты останешься всевластнымъ царемъ. Сказавъ это, она нѣжно обняла Бадуру, и, послѣ долгихъ взаимныхъ увѣреній въ неизмѣнной дружбѣ, онѣ легли въ постель и заснули.

На другой день царь Арманосъ, узнавъ отъ дочери, что она вполнѣ довольна и счастлива своимъ супружествомъ, успокоился, и съ той поры царевна Бадура уже безпрепятственно продолжала управлять Гебанскимъ государствомъ подъ именемъ царя Камаралзамана.

Между тѣмъ, настоящій Камаралзаманъ все продолжалъ томиться въ языческомъ городѣ. Въ одно утро онъ взялъ свой заступъ и, по обыкновенію, вышелъ въ садъ для работы, но старикъ садовникъ остановилъ его и сказалъ: У идолопоклонниковъ сегодня большой праздникъ; они сами не работаютъ въ этотъ день и не любятъ, чтобы работали мусульмане; мы стараемся не раздражать ихъ безъ нужды, поэтому, сынъ мой (по праву своихъ преклонныхъ лѣтъ онъ позволялъ себѣ такъ называть царевича), ты ужь отдыхай нынѣшній день, а я пойду въ городъ посмотрѣть на разныя забавныя игрища, да кстати узнаю, когда отплываетъ корабль къ Гебанскому острову, и переговорю съ капитаномъ, чтобы онъ принялъ тебя.

Старикъ одѣлся по праздничному и ушелъ.

Оставшись одинъ, царевичъ далекъ былъ отъ шумнаго веселья, доносившагося къ нему съ городскихъ улицъ; вынужденное бездѣйствіе только сильнѣе заставляло его чувствовать всю безотрадность своего положенія: никогда еще тоска по своей милой царевнѣ не давила его съ такою тяжестью. Уныло бродилъ онъ по тѣнистому саду, и вдругъ его поразилъ какой-то странный шумъ на одномъ изъ ближайшихъ деревьевъ. Поднявъ голову, онъ увидалъ двухъ птицъ, съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ долбившихъ другъ друга клювами. Черезъ минуту одна

изъ нихъ упала мертвой, а другая, одержавшая побѣду, взмахнула крыльями и улетѣла.

Царевичъ былъ непріятно пораженъ этимъ зрѣлищемъ и хотѣлъ было подойти къ убитой, чтобы разсмотрѣть, къ какой породѣ она принадлежитъ, но въ эту минуту двѣ другія птицы, еще бо́льшихъ размѣровъ, появились надъ тѣмъ же деревомъ и, покружившись въ воздухѣ, спустились на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежала окровавленная жертва. Онѣ приблизились къ ней, потрогали ее своими клювами и покачали головками, словно сожалѣя и удивляясь такому варварскому поступку. Затѣмъ, онѣ выкопали когтями довольно глубокую ямку, спихнули туда убитую птицу и, заравнявъ землю, улетѣли.

Царевичъ не могъ надивиться всему, что произошло передъ его глазами, а пока онъ стоялъ въ раздумьѣ, птицы вновь появились, таща съ собою—одна за крыло, другая за лапку, убійцу погребенной. Онѣ спустились съ своей плѣнницей на мѣсто недавняго погребенія и, несмотря на всѣ усилія вырваться отъ нихъ, заклевали ее тутъ же до смерти; потомъ распороли ей брюхо когтями, вырвали внутренности и, совершивъ эту кровавую расправу, снова улетѣли.

Только тогда Камаралзаманъ приблизился къ дереву, гдѣ происходила борьба, и, взглянувъ на растерзанную птицу, вдругъ весь измѣнился въ лицѣ: между разбросанными внутренностями, онъ увидалъ тотъ самый талисманъ, утрата котораго причинила ему столько горя и тоски. Внѣ себя отъ радости, онъ схватилъ завѣтный сердоликъ и побѣжалъ съ нимъ домой, гдѣ крѣпко прибинтовалъ его къ своей рукѣ, съ твердымъ намѣреніемъ не разставаться съ нимъ до желанной встрѣчи съ Бадурой.

Въ то же время вернулся садовникъ; онъ объявилъ, что корабль нагружается и скоро отплыветъ, но когда именно, этого сегодня не могли ему сказать, а велѣли придти на другой день.

Вмѣстѣ съ талисманомъ возвратилась къ царевичу надежда, даже увѣренность, что теперь онъ скоро найдетъ и увидитъ свою милую, и это сознаніе наполняло его сердце невыразимой радостью. Въ первый разъ послѣ разлуки съ царевной, онъ заснулъ въ эту ночь спокойнымъ крѣпкимъ сномъ, а когда начало свѣтать, всталъ бодрый, словно обновленный, и, одѣвшись въ свое рабочее платье, спросилъ у садовника, что̀ ему сегодня дѣлать. Тотъ велѣлъ срубить и вырыть съ корнемъ одно старое дерево, которое давно уже не приносило плода.

Царевичъ взялъ заступъ, топоръ, и отправился на указанное мѣсто. Но когда онъ окопалъ дерево и сталъ обрубать развѣтвленіе корней, топоръ его ударился обо что-то твердое, издавшее глухой, металлическій звукъ. Камаралзаманъ тщательно разгребъ землю и обнаружилъ большую бронзовую плиту, очевидно скрывавшую входъ въ какое-нибудь подземелье; онъ поднялъ ее и, спустившись внизъ по лѣстницѣ въ десять ступеней, очутился въ небольшомъ погребѣ, гдѣ по всему полу были разставлены бронзовые сосуды съ такими же крышками; царевичъ открылъ ихъ одинъ за другимъ и, къ своему крайнему изумленію, убѣдился, что всѣ они наполнены золотымъ пескомъ. Выйдя изъ-подъ земелья, онъ снова наложилъ плиту на отверстіе и сталъ продолжать свою работу въ ожиданіи хозяина.

Садовникъ не замедлилъ явиться; онъ опять ходилъ за тѣмъ, чтобъ узнать о времени отплытія корабля, и на этотъ разъ узналъ уже навѣрное. Подходя къ царевичу съ довольной улыбкой на лицѣ, старикъ еще издали крикнулъ ему:—Радуйся, сынъ мой, корабль отходитъ ровно черезъ три дня, и капитанъ далъ слово, что ты будешь принятъ.

— Лучшаго извѣстія для меня и быть не можетъ, отвѣтилъ царевичъ, и я вдвойнѣ радъ, что въ свою очередь могу сообщить нѣчто пріятное. Пойдемъ, ты увидишь, какое счастіе Богъ посылаетъ тебѣ. При этомъ онъ взялъ его за руку и подвелъ къ отверстію.

Когда оба спустились внизъ, Камаралзаманъ сказалъ, указывая на сосуды, наполненные золотомъ:

— Вотъ тебѣ награда за твое великодушіе и многолѣтніе труды.

— Неужели ты думаешь, сынъ мой, возразилъ старикъ, что я соглашусь присвоить себѣ этотъ кладъ? Нѣтъ, по всѣмъ правамъ онъ всецѣло принадлежитъ тебѣ одному: ты открылъ его, ты и долженъ владѣть имъ. Со смерти моего отца, то есть въ теченіе цѣлыхъ восьмидесяти лѣтъ, я только и зналъ, что копалъ землю въ этомъ саду, и все таки не дорылся до клада и не подозрѣвалъ о его существованіи. Но видимое ли дѣло, что Богъ предназначилъ его именно для тебя? Да оно такъ и быть должно. На что мнѣ, старику, доживающему свои послѣдніе дни, такое богатство? Тогда какъ тебѣ, полному жизни и будущности, это золото можетъ принести большую пользу, да не только тебѣ, но и твоимъ подданнымъ, къ которымъ ты кстати возвратишься теперь.

И долго еще они спорили такъ, не уступая другъ другу въ великодушіи; наконецъ, Камаралзаманъ рѣшительно заявилъ, что не возьметъ ничего изъ этого клада, если хозяинъ не согласится раздѣлить его съ нимъ пополамъ.

— Ну, пусть будетъ по твоему, согласился старикъ, только у насъ остается еще одно затрудненіе: какимъ способомъ ты возьмешь свое богатство? вѣдь нельзя же перенести его на корабль, какъ простую кладь, это было бы слишкомъ опасно. Размѣстимъ его лучше такъ, чтобы наполнить каждый сосудъ на половину золотымъ пескомъ, а на половину оливками. Кстати оливки на Гебанскомъ Островѣ большая рѣдкость и продаются тамъ очень дорого.

Камаралзаманъ одобрилъ этотъ совѣтъ, и они весь остатокъ дня употребили на насыпку и укупорку пятидесяти сосудовъ, наполняя ихъ снизу золотомъ, а сверху оливками; въ то же время царевичъ вспомнилъ про талисманъ Бадуры и, боясь, какъ бы онъ снова не потерялся, отвязалъ его отъ руки и положилъ на дно одного сосуда, на которомъ сдѣлалъ особую мѣтку. Когда все было окончено, и стало уже смеркаться, Камаралзаманъ и садовникъ сѣли отдохнуть и разговорились о томъ, о другомъ; царевичъ разсказалъ между прочимъ о странномъ происшествіи съ птицами, благодаря которому онъ нашелъ утраченный талисманъ. Старикъ порадовался за своего юнаго друга и не мало дивился такому необычайному событію.

Отъ усталости, или такъ ужь отъ старческой немощи, только садовникъ чувствовалъ себя въ эту ночь не хорошо, къ утру ему сдѣлалось хуже, а на другой день еще хуже. Между тѣмъ, наступало время отплытія корабля, и на разсвѣтѣ третьяго дня самъ капитанъ и нѣсколько матросовъ постучались въ ворота старика; царевичъ вышелъ отворить и на вопросъ капитана: кто тутъ желаетъ отправиться на кораблѣ, отвѣчалъ, что это онъ и что сейчасъ же придетъ на пристань какъ только простится съ хозяиномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ захватить нѣкоторыя его вещи и сосуды съ оливками.

Матросы подняли кладь, а капитанъ сказалъ Камаралзаману, чтобы онъ не замѣшкался, такъ какъ вѣтеръ дуетъ попутный и корабль уже готовъ къ отплытію.

Царевичъ повторилъ, что съ его стороны задержки не будетъ, и въ ту же минуту побѣжалъ къ хозяину, чтобы проститься съ нимъ и выразить ему свою сердечную благодарность за все; но какого же было его огорченіе, когда онъ нашелъ старика въ предсмертной агоніи, уже съ трудомъ выговаривающимъ послѣднія слова покаянія, а черезъ нѣсколько минутъ онъ скончался.

Эта неожиданность ошеломила царевича; онъ чувствовалъ, что не можетъ оставить покойника, не отдавъ ему послѣдняго долга, и въ тоже время мысль, что корабль уйдетъ, что вмѣстѣ съ нимъ отдалится и осуществленіе мечты, лелѣянной цѣлый годъ, приводила его въ отчаяніе. Но можетъ быть, еще успѣю, подумалъ онъ, и въ этой надеждѣ, съ лихорадочной поспѣшностью сталъ приготовлять все необходимое къ

погребенію. Однако-жъ, пока онъ вырылъ могилу, пока омылъ, снарядилъ усопшаго и уложилъ его на вѣчный покой, день уже склонился къ вечеру, и когда, запыхавшись, весь въ поту, царевичъ прибѣжалъ къ набережной, ему сказали, что корабль отплылъ часа три тому назадъ и давно уже скрылся изъ вида.

Можно представить себѣ, что долженъ былъ ощутить Камаралзаманъ при этомъ извѣстіи. Еще цѣлый годъ ожиданія, тоски, тревоги и полнаго уже одиночества; цѣлый годъ пребыванія въ этомъ безбожномъ городѣ, съ которымъ онъ не имѣлъ и не хотѣлъ имѣть ничего общаго. Однакоже приходилось покоряться необходимости, и, съ невыносимой болью въ сердцѣ, Камаралзаманъ побрелъ обратно въ домъ умершаго старика, разсчитывая взять у владѣльца садъ на свое имя и продолжать прежнее занятіе; а такъ какъ старикъ не имѣлъ наслѣдниковъ, то другую половину оставленнаго имъ клада онъ уже по совѣсти считалъ своею собственностью.

Тѣмъ временемъ отплывшій корабль благополучно продолжалъ свое плаваніе при неизмѣнномъ попутномъ вѣтрѣ и прибылъ наконецъ къ берегамъ Гебанскаго Острова.

Въ ту минуту, когда онъ входилъ въ гавань, молодой царь, то есть царевна Бадура сидѣла на террассѣ своего дворца, расположеннаго невдалекѣ отъ морскаго берега. Увидавъ прибывшій корабль, она освѣдомилась у своихъ приближенныхъ, изъ какой онъ страны. Ей отвѣчали, что, судя по выкинутому флагу, онъ долженъ быть изъ одного языческаго города, который ежегодно присылаетъ сюда по одному кораблю, нагруженному всегда самыми отборными товарами.

Такъ какъ въ глубинѣ души царевна не переставала надѣяться, и всѣ ея помыслы постоянно были сосредоточены на желанной встрѣчѣ съ Камаралзаманомъ, то она не пропускала ни одного иностраннаго судна безъ того, чтобы подробно не распросить, откуда оно, и кто на немъ прибылъ; она знала, что ея супругъ, при возвращеніи на родину, не могъ миновать Гебанскаго Острова, и потому то каждый разъ, съ замираніемъ сердца ждала всякаго вновь появляющагося корабля. Точно такъ и въ настоящую минуту, выслушавъ отвѣтъ приближенныхъ, она немедленно приказала осѣдлать коня и отправилась къ гавани въ сопровожденіи небольшой свиты. Тамъ она призвала къ себѣ капитана и подробно разспросила, откуда онъ прибылъ, чѣмъ нагруженъ корабль, и не находится ли на немъ какого нибудь знатнаго иностранца.

— Государь, отвѣчалъ капитанъ, принявшій Бадуру, какъ и всѣ другіе, за царя Гебанскаго Острова, на моемъ кораблѣ находятся только одни купцы, которые прибыли сюда исключительно съ торговыми цѣлями. Они привезли съ собою дорогія матеріи, тонкія полотна, драгоцѣнные камни, мускусъ, янтарь, камфару, оливки и разныя пряности.

Услыхавъ про оливки, царевна воскликнула: А, это хорошо!... Я очень люблю оливки и куплю у тебя всѣ... много ихъ? Не особенно много, государь, всего пьдесятъ небольшихъ сосудовъ, отвѣчалъ капитанъ, но у меня вышла съ ними непріятная исторія: владѣлецъ этого товара почему то не явился на корабль, я прождалъ его лишнихъ три часа, да такъ и принужденъ былъ отплыть безъ него. Однакожъ, я думаю, это не помѣшаетъ мнѣ купить оливки, возразила царевна, прикажи же выгрузить ихъ и доставить во дворецъ. Что же касается другихъ товаровъ, то передай купцамъ, чтобы они прежде, чѣмъ продавать кому нибудь, отобрали лучшіе изъ нихъ и принесли мнѣ показать.

Капитанъ тотчасъ же распорядился выгрузкой сосудовъ съ оливками, и когда они были уложены и отправлены во дворецъ, Бадура спросила, сколько слѣдуетъ заплатить за нихъ? Государь, отвѣтилъ капитанъ, я, право, не знаю: сколько онѣ могутъ стоить, но объ одномъ осмѣлюсь доложить твоему величеству, что человѣкъ, отправлявшій ихъ, очень бѣденъ. Мнѣ кажется, онъ вполнѣ будетъ доволенъ, если ты пожалуешь ему тысячу серебряныхъ драхмъ.

Ради его бѣдности, сказала царевна, я даю ему тысячу не серебряныхъ, а золотыхъ монетъ. Потрудись передать ихъ по принадлежности. И, сказавъ это, она велѣла тотчасъ же выдать деньги, а сама направилась во дворецъ.

Такъ какъ начинало уже смеркаться, то Бадура приказала перенести купленныя оливки прямо въ опочивальню царевны Гай-Аталнэфу. Тамъ, желая поскорѣе отвѣдать любимаго лакомства и угостить имъ свою подругу, она взяла одинъ изъ сосудовъ и весь опрокинула его надъ блюдомъ. Каково же было ея удивленіе, когда оливки оказались перемѣшанными съ золотымъ пескомъ. Что за чудо! воскликнула она и стала опрокидывать сосуды одинъ за однимъ, но когда дошла до того, въ которомъ былъ талисманъ, изумленіе ея возрасло до такой степени, что она не выдержала и лишилась чувствъ.

Гай-Аталнэфу и другія женщины, находившіяся тутъ, бросились было къ ней на помощь, но она скоро очнулась, и тотчасъ же всѣ невольницы удалились по ея знаку. Оставшись наединѣ съ царевной, Бадура порывисто схватила свой талисманъ и, цѣлуя его, прижимая къ сердцу, проговорила: Послѣ всего, что я разсказала тебѣ, ты конечно понимаешь, почему меня такъ сильно взволновалъ этотъ талисманъ. Онъ мой, тотъ самый, что разлучилъ меня съ царевичемъ, но онъ же, какъ я теперь крѣпко увѣрена, и соединитъ насъ.

На другой день, лишь только разсвѣло, она потребовала къ себѣ капитана и сказала ему:—Мнѣ хотѣлось бы поподробнѣе узнать о томъ купцѣ, который отдалъ тебѣ оливки. Кажется, ты говорилъ вчера, что

онъ не попалъ на корабль, а остался въ городѣ, но не можешь ли ты сказать, что онъ тамъ дѣлаетъ?

— Государь, отвѣчалъ капитанъ, я не могу сообщить тебѣ многаго объ этомъ человѣкѣ, потому что видѣлъ его только разъ, въ то утро, когда заходилъ къ нему, чтобы пригласить на корабль; знаю только, что онъ живетъ у старика садовника, что онъ молодъ, необычайно красивъ и, вѣроятно, бѣденъ, какъ я уже имѣлъ честь объяснить твоему величеству.

— Бѣденъ ли онъ или богатъ, до этого мнѣ нѣтъ дѣла, сказала Бадура, но я убѣжденъ теперь, что это тотъ самый человѣкъ, который состоитъ моимъ должникомъ; поэтому вотъ что я скажу тебѣ: плыви сегодня же обратно и, во что бы ни стало, привези его ко мнѣ. Если же ты не исполнишь моего приказанія, то я не только велю отобрать всѣ товары съ корабля, кому бы они ни принадлежали, но и ни одинъ изъ васъ не останется въ живыхъ.

Такая угроза произвела свое дѣйствіе: къ вечеру того же дня корабль, запасшись прѣсной водой и съѣстной провизіей, тронулся въ обратный путь.

Плаваніе было вполнѣ счастливое, и черезъ нѣсколько дней онъ уже находился въ виду языческаго города; но капитанъ не вошелъ въ гавань, а дождавшись ночи, сѣлъ въ шлюпку и высадился на берегъ съ шестью самыми отважными матросами.

Не теряя времени, онъ тотчасъ отправился къ извѣстному саду и постучалъ въ ворота. Царевичъ еще не спалъ, находясь все въ томъ же печальномъ, угнетенномъ состояніи, въ какомъ вернулся съ пристани послѣ отплытія корабля. Заслышавъ стукъ, онъ поспѣшно всталъ, наскоро накинулъ на себя одежду и пошелъ узнать, кто бы это могъ придти такъ поздно. Но едва успѣлъ онъ отворить ворота, какъ матросы схватили его и, не говоря ни слова, повели къ пристани, а оттуда въ шлюпкѣ перевезли на корабль, который немедленно поднялъ паруса и направился къ берегамъ Гебанскаго острова.

Все это совершалось молча, и только послѣ, когда царевичъ опомнился и при лунномъ свѣтѣ узналъ капитана, онъ рѣшился спросить его: — Объясни мнѣ ради Бога, что заставило тебя прибѣгнуть къ такому насилію?—А почему ты не платишь царю Гебанскаго острова, вѣдь ты долженъ ему? спросилъ въ свою очередь капитанъ. — Я? я долженъ царю Гебанскаго острова! съ удивленіемъ воскликнулъ царевичъ, да я отъ роду не видалъ его въ глаза и даже не былъ въ его владѣніяхъ.— А, ну это тебѣ лучше знать. Вотъ пріѣдешь, самъ объяснишься съ царемъ, а мнѣ приказано тебя привезти, я и привезу.

Корабль и на этотъ разъ совершенно благополучно прибылъ въ гавань Гебанскаго острова, и, хотя было поздно, капитанъ не сталъ до-

жидаться слѣдующаго дня; онъ тотчасъ же высадилъ царевича на берегъ и повелъ во дворецъ, гдѣ просилъ доложить царю о своемъ прибытіи.

Бадура въ это время находилась уже въ опочивальнѣ царевны Гай-Аталнэфу и собиралась ложиться, но, узнавъ о возвращеніи капидана, поспѣшно одѣлась и вышла къ нему. Разумѣется, ей достаточно было одного взгляда, чтобы сразу узнать царевича Камаралзамана, и первымъ ея внутреннимъ движеніемъ было броситься къ нему на шею и объявить себя; однакожъ, изъ опасенія испортить все дѣло, она воздержалась и съ обычнымъ спокойнымъ достоинствомъ выразила капитану свою благодарность, къ которой тутъ же присоединила два подарка: очень крупный, дорогой брилліантъ, съ избыткомъ вознаградившій его за всѣ путевыя издержки, и ту тысячу золотыхъ монетъ, что были переданы ему для уплаты за оливки; теперь онъ получилъ позволеніе оставить деньги въ свою пользу. Царевича же она велѣла начальнику евнуховъ взять пока подъ свой надзоръ, но относиться къ нему со всевозможнымъ вниманіемъ.

На другой день Камаралзаманъ, облеченный, по приказанію молодаго царя, въ одежды эмира, былъ призванъ въ собраніе государственнаго совѣта. Онъ вошелъ робкой, не смѣлой поступью и, преклонившись передъ царемъ, въ которомъ ужъ никакъ не могъ признать своей супруги, остановился въ сильномъ смущеніи, не зная, зачѣмъ онъ тутъ и чего отъ него хотятъ. Однакоже, несмотря на свое волненіе, а можетъ быть именно благодаря ему, онъ былъ такъ прекрасенъ въ эту минуту, что всѣ невольно заглядѣлись но него, не скрывая своего восторга.

Царевна Бадура, гордая своимъ возлюбленнымъ и счастливая сознаніемъ, что теперь скоро соединится съ нимъ на вѣки, произнесла блестящую рѣчь о пользѣ и необходимости привлекать на государственную службу людей съ выдающимися дарованіями. Этотъ юноша, добавила она, указывая на царевича, давно мнѣ извѣстенъ, имя ему Камаралзаманъ; я узналъ его во время своихъ путешествій и могу поручиться, что онъ заслужитъ ваше уваженіе своимъ умомъ и превосходными качествами души и съ честью займетъ то мѣсто, которое я назначаю ему среди васъ.

Камаралзаманъ, слушая эту рѣчь, переходилъ отъ удивленія къ удивленію; онъ никакъ не могъ понять, за что хвалитъ, почему знаетъ его и даже называетъ по имени Гебанскій царь. Онъ твердо былъ увѣренъ, что никогда и нигдѣ не встрѣчался съ нимъ до тѣхъ поръ.

Тѣмъ не менѣе, похвалы царя, выраженныя съ такимъ одушевленіемъ и съ очевидной искренностью, нѣсколько ободрили царевича: онъ принялъ ихъ съ обычной скромностью, не лишенною въ то же время

достоинства, и отвѣчалъ:—Государь, я не нахожу словъ для выраженія своей безпредѣльной благодарности за то милостивое вниманіе и за ту высокую честь, какія твоему величеству угодно было оказать мнѣ. Отнынѣ всѣ мои силы будутъ направлены къ тому, чтобы оправдать такое лестное довѣріе и оказаться достойнымъ его.

По выходѣ изъ совѣта, Камаралзамана проводили въ роскошный дворецъ, приготовленный и убранный для него заранѣе по распоряженію царевны Бадуры; полный штатъ прислуги почтительно встрѣтилъ его тамъ, при чемъ старшій изъ нея поднесъ ему кованый сундукъ, насыпанный до верху золотыми монетами для текущихъ расходовъ. Чѣмъ менѣе царевичъ понималъ причину такой необыкновенной милости къ себѣ царя, тѣмъ болѣе онъ удивлялся и вмѣстѣ радовался своему нежданному счастію, но ни разу не пришло ему на мысль, что всѣ эти блага исходятъ отъ царевны, его супруги.

Между тѣмъ Бадура, поступая такъ, имѣла свой опредѣленный, заранѣе обдуманный планъ: ей хотѣлось, чтобы царевичъ прежде, чѣмъ займетъ ея мѣсто, успѣлъ сблизиться со всѣми сановниками двора, пріобрѣсти ихъ любовь и уваженіе, поэтому, какъ только освободилось мѣсто государственнаго казначея, она тотчасъ же назначила на него своего супруга. И дѣйствительно, въ этой новой должности, Камаралзаманъ проявилъ столько ума, знанія и умѣнія обращаться съ людьми, что уже не одинъ дворъ, но и весь народъ расположился въ его пользу.

Убѣдившись въ такомъ счастливомъ оборотѣ дѣла и въ то же время сгорая нетерпѣніемъ поскорѣе соединиться съ своимъ мужемъ, царевна Бадура рѣшила наконецъ не откладывать объясненія. И вотъ, въ одинъ день, она приказала государственному казначею явиться къ ней вечеромъ, пояснивъ, что желаетъ переговорить съ нимъ наединѣ объ одномъ важномъ дѣлѣ.

Въ назначенный часъ Камаралзаманъ вошелъ во дворецъ и немедленно былъ проведенъ во внутренніе покои царя. Бадура, съ волненіемъ ожидавшая этой минуты, встала ему на встрѣчу и, не давъ даже времени преклониться по обычаю, взяла его за руку и повела въ смежный покой. Бывшій тутъ начальникъ евнуховъ хотѣлъ было слѣдовать за ними, но она знакомъ велѣла ему остаться и затворила за собою дверь.

Наконецъ, ничто уже не мѣшало объясненію; но мнимый царь не приступилъ къ нему прямо, а вынулъ изъ-за пояса талисманъ и, подавая его Камаралзаману, сказалъ:—Я знаю, ты очень свѣдущій человѣкъ, такъ не объяснишь ли мнѣ силу и значеніе вотъ этого таинственнаго камня?

Камаралзаманъ взялъ талисманъ изъ руки царя и отошелъ къ свѣтильнику, чтобы лучше разсмотрѣть, но лишь только взглянулъ на него,

какъ вскрикнулъ отъ изумленія и весь измѣнился въ лицѣ.—Государь, проговорилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, ты спрашиваешь, какая сила въ этомъ талисманѣ? Ужасная, вотъ все, что я могу сказать. Онъ причинилъ и причиняетъ мнѣ столько горя, столько невыносимой тоски, что, мнѣ кажется, я умру отъ отчаянія, если не явится та, съ которой онъ меня разлучилъ. Твое величество пойметъ все, что я долженъ испытывать, если только соблаговолишь выслушать мой разсказъ.

— Хорошо, хорошо, отвѣчала Бадура, довольная произведеннымъ дѣйствіемъ, ты разскажешь когда нибудь въ другой разъ, къ тому же мнѣ отчасти извѣстна твоя исторія; а теперь пока подожди меня здѣсь, я сейчасъ возвращусь.

Съ этими словами она вышла въ другую комнату, гдѣ поспѣшно переодѣлась въ женское платье и обвила свой станъ тѣмъ самымъ поясомъ, который былъ на ней въ минуту разлуки. Въ такомъ видѣ Бадура снова появилась передъ царевичемъ.

Разумѣется, Камаралзаманъ съ перваго же взгляда узналъ свою возлюбленную; онъ бросился къ ней и, страстно обнимая ее, говорилъ прерывающимся голосомъ:—Ты ли это? откуда, какими судьбами?... О, какъ безконечно я благодаренъ царю за эту нежданную радость!...— Царю? Нѣтъ, ты ужь больше никогда не увидишь царя, отвѣтила Бадура съ лукавой и нѣжной улыбкой, вѣдь онъ и я одно и то же лицо.... Погоди, не удивляйся, я сейчасъ объясню тебѣ эту загадку.

Они сѣли вмѣстѣ на софу, и царевна подробно разсказала обо всемъ, что случилось съ нею со дня ихъ разлуки. — Теперь ты видишь, добавила она, я не могла поступить иначе, но мой обманъ погубилъ бы меня, если бы не великодушная преданность царевны Гай-Аталнэфу. О твоемъ пребываніи въ языческомъ городѣ я узнала по талисману, найденному въ оливкахъ, и тотчасъ же послала за тобой капитана. Остальное ты знаешь.... Ну, а ты какъ? разскажи, зачѣмъ покинулъ меня, какимъ образомъ разлучилъ насъ этотъ несчастный талисманъ?

Царевичъ повѣдалъ, ей въ свою очередь, о своемъ необыкновенномъ приключеніи и потомъ нѣжно упрекнулъ ее за то, что она такъ долго заставляла его томиться, когда онъ уже былъ на Гебанскомъ Островѣ.— Да развѣ ты не видишь, что прежде надо было все подготовить къ твоему воцаренію отвѣчала Бадура, за то теперь уже ничто не разлучитъ насъ.

На слѣдующее утро царевна встала на разсвѣтѣ, одѣлась въ свое прежнее женское платье и послала начальника евнуховъ къ царю Арманосу, чтобы просить его пожаловать къ ней по очень важному дѣлу.

Царь Арманосъ не замедлилъ исполнить желаніе своего мнимаго зятя, но, войдя въ его покой, онъ очень удивился, когда, вмѣсто молодого царя, увидалъ тамъ какую то женщину, а съ нею государственнаго казначея. Послѣднее обстоятельство показалось ему особенно непонятнымъ, такъ какъ по обычаю никто, даже изъ самыхъ высшихъ сановниковъ, не имѣлъ права проникать во внутренніе покои царя. Недоумѣвая, что̀ все это значитъ, онъ спросилъ строгимъ, недовольнымъ тономъ:—Да гдѣ же самъ царь?

— Государь, отвѣчала Бадура, до настоящаго времени, помимо своей воли, *мнѣ* приходилось быть царемъ Гебанскаго Острова, теперь же я только супруга царевича Камаралзамана, дѣйствительнаго сына царя Шахзамана. Умоляю выслушать меня терпѣливо, и тогда, можетъ быть, твое величество не осудитъ, а оправдаетъ мой невольный обманъ.— Затѣмъ, разсказавъ по порядку обо всѣхъ необычайныхъ событіяхъ своей жизни, она добавила въ заключеніе:—Государь, хотя обычай многоженства не одобряется въ нашей странѣ, и хотя нѣтъ такой женщины, которая бы охотно, по доброй волѣ, подчинилась ему, но ради любви и признательности къ царевнѣ Гай-Аталнэфу, и ради того, чтобы загладить свою вину передъ нею, я готова отказаться отъ своихъ правъ на царевича Камаралзамана, и если твоему величеству угодно будетъ выдать за него свою дочь, я безъ ревности и сожалѣнія предоставлю ей первенство, какъ его главной супругѣ.

Царь Арманосъ слушалъ ея разсказъ, не вѣря своимъ ушамъ, и, когда она кончила, промолвилъ въ раздумьѣ:

— Да, странно, очень странно... А впрочемъ, что же, вдругъ воскликнулъ онъ весело, обращаясь къ царевичу Камаралзаману, если китайская царевна Бадура даетъ свое согласіе, то мнѣ остается только узнать, желаешь ли ты взять мою дочь и возложить на себя ту корону, которую съ честью и достоинствомъ носила твоя супруга.—Государь, отвѣчалъ царевичъ, какъ ни влечетъ меня къ себѣ моя родина, какъ ни сильно мое желаніе возвратиться къ царю Шахзаману моему отцу, но я не могу отказаться отъ великодушнаго предложенія твоего величества.

Въ тотъ же день совершилась брачная церемонія, и царевичъ Камаралзаманъ былъ провозглашенъ царемъ Гебанскаго острова.

Затѣмъ все пошло своимъ порядкомъ и чередомъ; народъ былъ вполнѣ доволенъ правленіемъ новаго государя, а обѣ царицы, равно любимыя и счастливыя, продолжали жить вмѣстѣ въ добромъ согласіи.

Къ концу этого перваго года Камаралзаманъ былъ обрадованъ почти одновременнымъ появленіемъ на свѣтъ двоихъ сыновей отъ обѣихъ царицъ и отпраздновалъ это счастливое событіе съ необыкновенной пышностью. Одного сына, рожденнаго отъ Бадуры, онъ назвалъ Амджіадомъ *), другого, отъ Гай-Аталнэфу, Ассадомъ **).

Оба царевича воспитывались вмѣстѣ, у нихъ были одни и тѣ же учителя по всѣмъ наукамъ, одни и тѣ же руководители во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Оба они были одинаково прекрасны, умны, прилежны и оба подавали блестящія надежды; а необыкновенно нѣжная дружба между ними, возникшая съ первыхъ же дней сознанія, росла вмѣстѣ съ ними и крѣпла съ каждымъ годомъ.

Достигнувъ совершеннолѣтія, того возраста, когда, по обычаю страны, каждый юноша отдѣлялся отъ всей своей семьи и начиналъ самостоятельную жизнь, Амджіадъ и Ассадъ не могли разстаться другъ съ другомъ и стали умолять отца, чтобы онъ дозволилъ имъ жить вмѣстѣ, въ одномъ дворцѣ. Царь, радуясь такой неразрывной дружбѣ, охотно исполнилъ желаніе своихъ сыновей, а потомъ, все болѣе и болѣе убѣждаясь въ ихъ способностяхъ, честности и стремленіи къ добру, сталъ поручать имъ иногда предсѣдательство въ государственномъ совѣтѣ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда самому ему приходилось куда нибудь отлучаться. Царевичи обыкновенно исполняли эту важную обязанность поочередно.

Между тѣмъ обѣ царицы, счастливыя такими дѣтьми, ласкали ихъ, любовались ими и относились къ нимъ съ неизмѣнной нѣжностью, хотя въ этой нѣжности была одна непонятная странность: съ первыхъ же дней каждая изъ нихъ любила больше чужаго ребенка, чѣмъ своего.

Это необъяснимое влеченіе продолжалось и тогда, когда мальчики мало по малу обратились уже въ блестящихъ юношей, ослѣпляющихъ своей красотой. По привычкѣ, и не видя въ томъ ничего дурного, царицы продолжали обращаться съ ними по прежнему: ласкали ихъ, цѣловали, и вдругъ, неожиданно для самихъ себя, съ ужасомъ стали замѣчать, что къ ихъ чистому, материнскому чувству примѣшивается другое чувство, испугавшее ихъ своею преступностью. Еслибы юноши могли удалиться куда нибудь, еслибы царицы имѣли настолько мужества, чтобы

*) Славнѣйшій.
**) Счастливѣйшій.

не видаться съ ними, можетъ быть, все прошло бы и все забылось, но, къ несчастію, царевичи, привыкшіе къ ласкамъ матерей, не подозрѣвали объ этой преступной страсти, а царицы не имѣли уже силъ отрѣшиться отъ нея.

Такъ продолжалось долго; связанныя все такой же крѣпкой дружбой, Бадура и Гай-Аталнэфу не скрывали своихъ чувствъ другъ отъ друга; сперва онѣ обѣ искренно хотѣли противустоять этому увлеченію и бороться съ нимъ, но, убѣдившись въ безполезности всѣхъ усилій, начали вмѣстѣ придумывать средства для достиженія своихъ цѣлей. Однакожъ, у нихъ не хватало смѣлости объясниться лично съ царевичами, стыдъ и совѣсть невольно сковывали имъ уста, и онѣ рѣшили наконецъ прибѣгнуть къ письму.

И вотъ однажды, когда царь Камаралзаманъ отправился на нѣсколько дней на охоту, царица Гай-Аталнэфу, воспользовавшись его отсутствіемъ, отважилась первая на рѣшительный шагъ; она написала Амджіаду и поручила одному изъ своихъ евнуховъ передать письмо въ ту минуту, какъ царевичъ будетъ выходить изъ государственнаго совѣта, гдѣ онъ отправлялъ въ тотъ день свою очередь. Евнухъ исполнилъ въ точности приказаніе царицы, но лишь только Амджіадъ пробѣжалъ нѣсколько строкъ, какъ вся кровь прихлынула ему къ лицу, глаза засверкали гнѣвомъ, и, не владѣя собою, онъ крикнулъ на евнуха: — А, негодяй! Такъ вотъ какъ ты служишь своему царю и властелину! и, выхвативъ саблю, однимъ ударомъ отрубилъ ему голову.

Затѣмъ, гнѣвный, взволнованный, онъ вошелъ къ своей матери и показалъ ей письмо Гай-Аталнэфу. Однакожъ, къ его изумленію, Бадура не только не проявила ни малѣйшаго негодованія къ поступку своей подруги, но даже стала упрекать сына, говоря, что онъ не смѣетъ такъ позорить супругу царя отца своего, что все это ложь, выдумка, клевета, что царица Гай-Аталнэфу честнѣйшая и благороднѣйшая изъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ. Слова эти окончательно взбѣсили царевича:—Да вы всѣ, должно быть, похожи одна на другую, воскликнулъ онъ въ гнѣвѣ, и, еслибы не уваженіе къ отцу, клянусь, этотъ день былъ бы послѣднимъ для царицы Гай-Аталнэфу! Сказавъ это, онъ хлопнулъ дверью и ушелъ.

Казалось бы, поведеніе сына должно было образумить Бадуру и предохранить ее отъ повторенія неразумнаго и безславнаго поступка ея подруги, но, видно, страсть до такой степени ослѣпляетъ человѣка, что онъ уже не замѣчаетъ самой очевидности и не вѣдаетъ, что̀ творитъ Бадура повторила ошибку Гай-Аталнэфу, и, само собою разумѣется, ея постыдное признаніе было принято съ неменьшимъ презрѣніемъ. Ассадъ точно также, въ порывѣ бѣшенства, изрубилъ старуху, осмѣлившуюся подать ему письмо, и потомъ гнѣвный, негодующій, явился къ своей матери. Но Гай-Аталнэфу не дала даже выговорить ни слова и сама

первая запальчиво обратилась къ сыну: — Я знаю, зачѣмъ пришелъ, крикнула она, ты такой же дерзкій, какъ и твой братъ Амджіадъ.... Прочь отсюда и не смѣй никогда показываться мнѣ на глаза! Страшная злоба закипѣла въ душѣ Ассада при этихъ возмутительныхъ словахъ, которыя ясно доказывали, что и мать его не менѣе преступна, чѣмъ ея подруга, но, не желая отвѣчать ей грубостью и опасаясь унизить себя какой нибудь недостойной вспышкой, онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Встрѣтивъ брата и вполнѣ увѣренный, что съ нимъ было то же самое, онъ дружески упрекнулъ его за скрытность, и они повѣдали другъ другу и раздѣлили свое горе.

Между тѣмъ, обѣ царицы, униженныя презрѣніемъ юношей, долго находились подъ впечатлѣніемъ горькаго чувства стыда и позора; но вмѣсто того, чтобы образумиться и сознать свою преступность, онѣ замыслили погибель своимъ дѣтямъ, забывъ и долгъ матерей, и священный законъ природы. Ихъ преступная любовь, отвергнутая съ такимъ отвращеніемъ, мгновенно обратилась въ смертельную ненависть. Прежде всего онѣ увѣрили своихъ прислужницъ, что царевичи посягали на ихъ честь и намѣревались овладѣть ими силой, для бо́льшаго же вѣроятія онѣ съ криками, слезами и проклятіями удалились въ отдѣльный покой и легли обѣ на одной постели, какъ бы желая тѣмъ предупредить дальнѣйшія покушенія.

На другой день Камаралзаманъ возвратился съ охоты и былъ очень удивленъ, увидавъ своихъ царицъ въ слезахъ и въ такомъ состояніи, какъ будто съ ними случилось какое-нибудь несчастіе.

— Что́ съ вами? спросилъ онъ тревожно.

Хитрыя женщины, вмѣсто отвѣта, только зарыдали еще сильнѣе, и долго царю пришлось успокоивать и упрашивать ихъ. Наконецъ Бадура первая заговорила сквозь слезы:—Государь, лучше не дознавайся, не огорчай себя и не увеличивай нашего отчаянія: оно и безъ того убиваетъ насъ. О, зачѣмъ мы не умерли, зачѣмъ судьба дозволила намъ пережить то безславіе, то неслыханное оскорбленіе, какое дерзнули нанести намъ царевичи, твои сыновья!... Государь въ твое отсутствіе мы едва не сдѣлались жертвами гнуснаго насилія со стороны Амджіада и Ассада. Они... нѣтъ, не могу я, не въ силахъ говорить... Пусть твое величество избавитъ насъ отъ подробностей.

Камаралзаманъ ни на одну минуту не усомнился въ правдивости этого навѣта; взбѣшенный чудовищнымъ поступкомъ своихъ сыновей, онъ велѣлъ немедленно привести ихъ къ себѣ и навѣрное убилъ бы тутъ же обоихъ изъ своихъ собственныхъ рукъ, еслибы старый царь Арманосъ не удержалъ его и не остановилъ уже занесенной сабли.— Опомнись, несчастный, крикнулъ онъ, что ты дѣлаешь! Дѣтоубійцѣ вѣдь нѣтъ прощенія ни на землѣ, ни въ небесахъ.

Отецъ невольно опустилъ руку и, не возразивъ ни словомъ, приказалъ заключить въ тюрьму обоихъ царевичей; когда же совсѣмъ стемнѣло, призвалъ къ себѣ одного изъ своихъ эмировъ, по имени Джіондара, и сказалъ ему, чтобы онъ тотчасъ же, не медля ни минуты, отвезъ преступниковъ за̀ городъ и тамъ умертвилъ. — Ты можешь совершить казнь, гдѣ хочешь, добавилъ царь, но непремѣнно долженъ привезти мнѣ одѣянія убитыхъ, чтобы я могъ увѣриться въ исполненіи моей воли.

Джіондаръ повиновался безпрекословно; забравъ обоихъ братьевъ, онъ ѣхалъ съ ними цѣлую ночь, не останавливаясь, когда же стало свѣтать, объявилъ имъ со слезами на глазахъ о царскомъ велѣніи.— Повѣрьте, говорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, я глубоко страдаю, и Богъ знаетъ, чего бы не далъ, только бы избавиться отъ своей тяжкой обязанности.—Исполняй, что тебѣ приказано, отвѣчали царевичи, мы знаемъ, не ты повиненъ въ нашей смерти и потому прощаемъ тебя отъ чистаго сердца.

Послѣ того братья обнялись и долго не могли оторваться другъ отъ друга. Это послѣднее прощаніе двухъ юныхъ, полныхъ жизни, прекрасныхъ созданій было такъ поразительно, что Джіондаръ, глядя на нихъ, плакалъ навзрыдъ. Наконецъ Ассадъ первый освободился изъ объятій и сказалъ, обращаясь къ Джіондару: — Начни съ меня, чтобы я не видѣлъ смерти моего брата. Но царевичъ Амджіадъ заявилъ такое же требованіе, и этотъ великодушный споръ еще болѣе умилилъ эмира Джіондара.

Наконецъ оба обратились къ нему съ просьбой связать ихъ вмѣстѣ и лишить жизни однимъ ударомъ.

— Не откажи намъ въ этомъ печальномъ утѣшеніи, — говорили они, мы родились одновременно, пусть и умремъ точно также. Вѣдь въ жизни у насъ все было общее, даже наша невиновность въ томъ гнусномъ преступленіи, за которое мы обречены на смерть.

Джіондаръ согласился и, какъ ни тяжело у него было на душѣ, связалъ осужденныхъ такъ, чтобы однимъ ударомъ отрубить имъ головы. Затѣмъ онъ спросилъ, нѣтъ ли у нихъ какого-нибудь предсмертнаго желанія, которое онъ могъ бы исполнить.

— Объ одномъ умоляемъ тебя, разомъ отвѣтили оба: когда вернешься къ царю-отцу, скажи ему, что наша кровь пролита неповинно, что мы не погрѣшили передъ нимъ ни дѣломъ, ни даже помысломъ, но, зная, что онъ невольно введенъ въ заблужденіе, не винимъ его въ своей смерти и умираемъ съ прежней любовью къ нему. — Джіондаръ поклялся передать эти слова со всею точностью и, въ своемъ волненіи, такъ порывисто выхватилъ саблю изъ ноженъ, что его конь, испуганный этимъ внезапнымъ движеніемъ и сверканіемъ клинка, рванулся и,

оборвавъ узду, которой былъ привязанъ къ дереву, во всю прыть понесся по лугу.

То былъ очень цѣнный арабскій конь, и вся сбруя на немъ была дорогая, роскошная, украшенная золотомъ и самоцвѣтными камнями. Испуганный въ свою очередь возможностью такой потери, Джіондаръ выронилъ саблю и стремительно бросился въ погоню за конемъ, забывая о царевичахъ.

А ретивый конь все продолжалъ скакать передъ нимъ, повертывая то въ ту, то въ другую сторону, и наконецъ, добѣжавъ до лѣса, скрылся въ его чащѣ. Джіондаръ послѣдовалъ за нимъ, но, пробираясь впередъ черезъ густую заросль, вдругъ остановился въ ужасѣ: прямо передъ нимъ на недальней полянѣ появился громадный левъ. Этотъ грозный царь лѣсовъ, пробужденный отъ сна и потревоженный конскимъ ржаніемъ, вышелъ изъ своего логовища и увидалъ одновременно коня и человѣка, выбралъ себѣ въ жертву послѣдняго.

Онъ яростно бросился по направленію къ Джіондару, а тотъ, не помня себя отъ испуга, почти безсознательно повернулъ въ чашу и пустился бѣжать изо всѣхъ силъ, цѣпляясь за древесныя вѣтви, спотыкаясь

о пни. Не оглядываясь, онъ чувствовалъ близость лютаго звѣря, и при этомъ въ умѣ его возникали отчаянныя мысли: Боже мой, спаси, не погуби!... Неужели это возмездіе за то, что я хотѣлъ пролить кровь неповинныхъ... И такъ скоро... О, Господи! а я даже и сабли не захватилъ, чтобы защитить себя...

А царевичи между тѣмъ продолжали стоять все на томъ же мѣстѣ, мучимые томительнымъ ожиданіемъ рокового конца, и несмотря на всю покорность своей судьбѣ, они не могли не испытывать невыразимаго ужаса передъ страшнымъ обликомъ смерти. Холодный потъ давно струился по ихъ помертвѣлымъ лицамъ, губы ссыхались, нестерпимая, жгучая жажда одолѣвала обоихъ. [Напиться бы... проговорилъ Амджіадъ полушепотомъ, тутъ недалеко источникъ, пойдемъ!... Братъ мой, отвѣтилъ Ассадъ, стоитъ ли изъ за нѣсколькихъ минутъ утолять свою жажду! Потерпимъ немного, скоро намъ уже ничего не будетъ нужно.

Но Амджіадъ настоялъ на своемъ и, торопливо развязавъ на себѣ веревки, они бѣгомъ направились къ источнику, гдѣ съ жадностью припали къ холодной ключевой водѣ. Въ эту минуту изъ лѣса, съ того мѣста, куда скрылись конь и Джіондаръ, вдругъ послышалось сперва грозное рыканіе льва, а вслѣдъ за тѣмъ отчаянные крики эмира. Скорѣе, братъ мой, поспѣшимъ на помощь, воскликнулъ Амджіадъ, безсознательно захватившій съ собою оставленную саблю, можетъ быть мы успѣемъ еще спасти несчастнаго Джіондара.

И оба царевича стремительно бросились по направленію криковъ; они прибѣжали въ ту минуту, когда левъ уже свалилъ Джіондара и готовился растерзать его; завидя новыхъ враговъ, свирѣпое животное мгновенно оставило свою жертву и яростно кинулось прямо къ Амджіаду, который встрѣтилъ его такимъ ловкимъ и сильнымъ ударомъ сабли, что сразу убилъ наповалъ. Когда опасность такимъ образомъ миновала, Джіондаръ всталъ и со слезами, горячо благодарилъ царевичей за ихъ самоотверженную услугу.

— Послѣ того, какъ вы спасли мнѣ жизнь, говорилъ онъ, могу ли я поднять на васъ свою руку? Нѣтъ, мнѣ не свойственна такая черная неблагодарность.

— Однако ты долженъ исполнить волю государя, возразилъ одинъ изъ царевичей; но прежде позволь намъ помочь тебѣ изловить коня, а совершить надъ нами казнь уже будетъ не долго. Конь, успѣвшій достаточно утомиться за это время, почти безъ труда далъ овладѣть собою, и тогда все трое возвратились на прежнее мѣсто.

Оба царевича снова потребовали отъ Джіондара, чтобы онъ исполнилъ надъ ними приговоръ царя, но тотъ не хотѣлъ даже слушать ихъ и рѣшительно заявилъ, что скорѣе самъ умретъ, чѣмъ согласится нанести имъ смертельный ударъ. Объ одномъ только прошу васъ, сказалъ

онъ въ заключеніе, снимите свои одежды и удовольствуйтесь тѣмъ, что я могу вамъ удѣлить изъ своихъ.

Царевичи принуждены были уступить, а Джіондаръ, простившись съ ними, отдалъ имъ на дорогу всѣ свои деньги, потомъ заѣхалъ въ лѣсъ, гдѣ обагрилъ ихъ одѣянія въ крови убитаго льва и поскакалъ въ обратный путь. При его возвращеніи царь спросилъ, все ли исполнено такъ, какъ было приказано. Вотъ доказательство, государь, отвѣтилъ Эмиръ, подавая ему окровавленное платье его сыновей.

— Но скажи мнѣ, продолжалъ царь, какъ они приняли заслуженную кару? Государь, отвѣчалъ Джіондаръ, я сильно сомнѣваюсь, чтобы эта кара была дѣйствительно заслуженной, тѣмъ не менѣе царевичи подчинились ей безропотно; ни единой жалобы, ни единаго упрека тебѣ я не слыхалъ отъ нихъ; покорные судьбѣ и твоей волѣ, они приняли смерть, какъ истые мусульмане, и объ одномъ только просили—еще разъ увѣрить твое величество, что они умираютъ неповинными.

Разсказъ этотъ глубоко тронулъ царя Камаралзамана, и сомнѣніе въ виновности дѣтей впервые закралось въ его душу; въ своемъ горестномъ раздумьѣ, онъ перебиралъ въ рукахъ окровавленное одѣяніе, переданное ему эмиромъ, и случайно ощупалъ въ карманѣ Амджіада сложенную бумагу; онъ вынулъ ее, надѣясь найти какое нибудь разъясненіе этому темному дѣлу, но едва успѣлъ прочитать нѣсколько строкъ, какъ вся кровь бросилась ему въ лицо. Съ лихорадочной поспѣшностью онъ сталъ обыскивать платье Ассада и вскорѣ нашелъ тамъ другое письмо отъ царицы Бадуры тоже съ такимъ содержаніемъ, какъ и первое. Боже мой, что же это такое! успѣлъ онъ только проговорить и безъ чувствъ упалъ на софу.

Никогда еще горе не проявлялось съ такою силой и съ такимъ глубокимъ отчаяніемъ, какъ у царя Камаралзамана, когда наконецъ онъ очнулся. О, что же я надѣлалъ, что надѣлалъ!... восклицалъ онъ, ударяя себя въ грудь и въ голову, разрывая свои одежды. Убить своихъ дѣтей, убить неповинныхъ, что можетъ быть ужаснѣе этого?!... Лютый звѣрь и тотъ не дошелъ бы до такого яростнаго безумія... Извергъ, злодѣй, неужели ихъ кротость, благонравіе, честность, неизмѣнная покорность твоей волѣ не могли подсказать тебѣ, что они неспособны на такое гнусное преступленіе?... О, эти презрѣнныя твари—царицы, мои супруги... какъ ненавистны вы мнѣ теперь!... Убить обѣихъ... нѣтъ, онѣ не стоютъ даже и этого... Возьмите ихъ отъ меня, продолжалъ онъ, обращаясь къ своей стражѣ, скройте куда нибудь, чтобы я никогда, никогда не видалъ ихъ болѣе!... Не даромъ же я чувствовалъ природное отвращеніе ко всѣмъ женщинамъ, не даромъ избѣгалъ ихъ и клялся никогда не сближаться ни съ одной... Однако не устоялъ, соблазнился, и вотъ самъ Богъ караетъ меня за эту слабость. Терпи, страдай, мучься теперь цѣ-

лый вѣкъ, и не будетъ тебѣ, безумецъ, ни отрады, ни утѣшенія до конца твоей жалкой жизни!...

Царь на этотъ разъ свято исполнилъ свою клятву: въ тотъ же день обѣ царицы были заключены въ тюрьму, откуда онѣ уже не выходили во всю жизнь.

А братья царевичи бродили въ это время по безконечной пустынѣ, питаясь травами да изрѣдка попадавшимися дикими плодами; они постоянно держались въ сторонѣ отъ населенныхъ мѣстъ и тщательно избѣгали всякой встрѣчи.

По истеченіи мѣсяца, они подошли наконецъ къ подножію какой то громадной горы, которая вся состояла изъ чернаго камня и казалась совершенно неприступной. Правда, они замѣтили одну тропинку, но она была такъ узка и крута, что взбираться по ней не рѣшились и стали обходить гору въ надеждѣ отыскать гдѣ нибудь болѣе удобный доступъ; однакожъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней истомленные путники всюду встрѣчали однѣ только отвѣсныя скалы и, не видя иного исхода, принуждены были снова вернуться къ той же тропинкѣ.

Послѣ долгихъ колебаній и раздумья, они отваживались наконецъ вступить на этотъ опасный путь. Цѣпляясь за неровности, держась другъ за друга и поддерживая одинъ другого, царевичи съ трудомъ подвигались впередъ, а тропинка, чѣмъ дальше, тѣмъ становилась все круче и круче. Достаточно было малѣйшей неловкости, одного невѣрнаго шага, чтобы поскользнуться и скатиться внизъ. Нѣсколько разъ братья останавливались съ намѣреніемъ вернуться назадъ, но уже было поздно, спускъ съ этой крутизны представлялся еще болѣе опаснымъ, чѣмъ самое восхожденіе. Тогда съ замираніемъ сердца, обливаясь потомъ и кровью, они собирали послѣднія силы и ползли вверхъ.

Наступалъ вечеръ, солнце уже скрылось за противоположной стороной горы, а до вершины все еще оставалось далеко. Вдругъ Ассадъ, шедшій позади, остановился и сказалъ задыхающимся голосомъ:—Нѣтъ, иди, братъ мой, одинъ, а я не могу.... чувствую, что смерть подступаетъ ко мнѣ....—Амджіадъ обернулся къ нему съ лицомъ искаженнымъ отъ ужаса. — Господи, что же мнѣ дѣлать! воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ, но вѣдь это невозможно, ободрись, дорогой братъ мой, отдохни, я буду тебя поддерживать и ждать, сколько хочешь.... Взошла луна и снова освѣтила тропинку, терявшуюся въ вышинѣ. Послѣ получасоваго отдыха, Ассадъ сдѣлалъ надъ собой неимовѣрное усиліе, и на этотъ разъ они достигли наконецъ вершины горы, гдѣ отъ изнеможенія оба упали безъ чувствъ.

Амджіадъ очнулся первый и, увидавъ не вдалекѣ развѣсистое дерево, поспѣшно направился къ нему. Оно оказалось гранатовымъ и сплошь покрытымъ спѣлыми плодами, внизу же, у самаго подножія,

протекалъ чистый, прозрачный ручеекъ. Обрадованный такимъ нежданнымъ открытіемъ, Амджіадъ немедленно вернулся къ брату и привелъ его подъ дерево, гдѣ они тотчасъ же утолили жажду, освѣжились плодами и заснули крѣпкимъ сномъ.

Здѣсь братья оставались три дня, пока Ассадъ совершенно не оправился отъ своего изнуренія, на четвертый же они двинулись дальше. Къ счастью, спускъ оказался очень удобнымъ, гора съ этой стороны понижалась уступами, образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ бы громадныя террассы съ восхитительнымъ видомъ въ даль. Спустившись въ долину, царевичи продолжали свой невѣдомый путь и вдругъ, на разсвѣтѣ одного утра, увидали передъ собою какой то огромный городъ.

— Братъ мой, сказалъ тогда Амджіадъ, мы не знаемъ, какой это городъ и кѣмъ населенъ, поэтому, изъ предосторожности, намъ не слѣдуетъ входить въ него обоимъ вмѣстѣ; останься же здѣсь, а я пойду и разузнаю все. Если мнѣ повстрѣчается какая нибудь опасность, то по крайней мѣрѣ ты не подвергнешься ей....

— Все это превосходно, перебилъ его Ассадъ, твой совѣтъ благоразуменъ и полонъ предусмотрительности, только позволь ужь идти мнѣ, а ты оставайся и подожди меня здѣсь; вѣдь я все равно не перенесу твоей гибели, такъ лучше же отпусти меня.— Послѣ долгихъ препирательствъ, Амджіадъ принужденъ былъ уступить, и Ассанъ, взявъ немного денегъ на покупку провизіи, одинъ отправился въ городъ.

Только что вошелъ онъ въ первую улицу, какъ увидалъ какого то почтеннаго старца, подвигавшагося ему на встрѣчу съ посохомъ въ рукѣ. Судя по его преклоннымъ лѣтамъ, благообразной наружности и богатой одеждѣ, Ассадъ не сомнѣвался, что видитъ передъ собой какого нибудь добропорядочнаго гражданина, къ которому можно обратиться съ полнымъ довѣріемъ. — Почтенный господинъ, сказалъ онъ ему, остановившись, не можешь ли ты указать мнѣ, какъ пройти на рынокъ?

Старикъ внимательно оглянулъ его, потомъ отвѣтилъ съ улыбкой:— Ты, вѣроятно, не здѣшній, если обращаешься ко мнѣ съ такимъ вопросомъ? — Да, господинъ, я чужеземецъ: — Вижу, вижу, продолжалъ старикъ, и радуюсь за свою страну, что ее посѣтилъ такой прекрасный юноша, какъ ты. Но что же тебѣ нужно на рынкѣ?—Видишь ли, я пришелъ сюда не одинъ. Вотъ уже мѣсяца два, какъ мы съ братомъ принуждены были покинуть свою далекую родину и идти куда глаза глядятъ. Только сегодня мы прибыли въ эту страну, но братъ мой такъ изнемогъ, что не въ силахъ былъ слѣдовать за мною въ городъ и остановился тамъ, у подножія горы, поэтому я хотѣлъ бы запастись провизіей и вернуться къ нему.

— Сынъ мой, съ живостью воскликнулъ старикъ, правду говорятъ, что все дѣлается къ лучшему; я отъ души радъ нашей случайной встрѣчѣ,

которая даетъ мнѣ возможность оказать услугу вамъ обоимъ. Вчера я давалъ пиръ своимъ избраннымъ друзьямъ, и отъ него осталось столько всякихъ яствъ, что и дѣвать ихъ некуда. Мнѣ пріятно будетъ подѣлиться съ тобой излишкомъ, а деньги твои еще не разъ пригодятся тебѣ въ пути, такъ лучше не тратить ихъ безъ нужды. Пойдемъ же въ мой домъ, отобѣдаемъ вмѣстѣ, а тѣмъ временемъ я сообщу тебѣ обо всѣхъ особенностяхъ нашего города и, надѣюсь, сдѣлаю это лучше, чѣмъ всякій другой. Мнѣ, занимавшему на своемъ вѣку самыя высшія должности въ государствѣ, хорошо должна быть извѣстна всѣ страна. И такъ, сынъ мой, благодари судьбу, что обратился именно ко мнѣ, а не къ другому кому нибудь; вѣдь у насъ, къ слову сказать, въ городѣ много всякаго народа, есть, конечно, и добрые люди, но есть и злые, а больше такихъ, что только съ виду кажутся добрыми, они то опаснѣе всѣхъ. Впослѣдствіи ты увидишь это самъ и вспомнишь мои слова.

— Безконечно благодаренъ за твое участіе, съ чувствомъ отвѣтилъ Ассадъ, и готовъ слѣдовать за тобою всюду, куда бы ты ни повелъ меня.

Старикъ пошелъ съ нимъ рядомъ, втихомолку посмѣиваясь надъ его довѣрчивостью, но чтобы не возбуждать подозрѣнія, не переставалъ вести разговоръ все въ томъ же дружелюбномъ, ласковомъ тонѣ. — Да, сынъ мой, на свѣтѣ всегда было, есть и будетъ гораздо болѣе зла, чѣмъ добра, и, повторяю, счастье твое, что ты обратился ко мнѣ.

Такъ они дошли наконецъ до жилища старика, и онъ ввелъ своего спутника въ громадное помѣщеніе, гдѣ человѣкъ сорокъ, такихъ же старичковъ, сидѣло вокругъ разведеннаго огня и поклонялось ему.

При этомъ зрѣлищѣ Ассадъ похолодѣлъ отъ ужаса; онъ сразу догадался, что попалъ во власть огнепоклонниковъ и, разумѣется, не ожидалъ для себя ничего хорошаго.

И въ самомъ дѣлѣ, не успѣлъ онъ войти, какъ старикъ, заманившій его, воскликнулъ съ нескрываемою радостью:

— Благочестивые отцы, возблагодарите наше божество! Оно посылаетъ намъ сегодня особое счастье. Но гдѣ Газбанъ? позовите его сюда.

При этихъ громко произнесенныхъ словахъ, одна изъ дверей пріотворилась, и оттуда показалась черная голова невольника. Это и былъ Газбанъ; окинувъ своимъ быстрымъ взглядомъ вошедшаго, онъ тотчасъ же смекнулъ, въ чемъ дѣло, и, не говоря ни слова, бросился къ Ассаду, свалилъ его на полъ и въ одну минуту съ необыкновенной ловкостью связалъ по рукамъ и ногамъ. Сдѣлавъ это, невольникъ остановился въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Ну, что же? продолжалъ старикъ-хозяинъ, убери его куда слѣдуетъ, да не забудь сказать моимъ дочерямъ — Бостанѣ и Кавамѣ, чтобы онѣ не нѣжничали съ нимъ, а строго исполняли свою обязанность. Кромѣ хлѣба да воды, по два раза въ день, пусть онѣ ничего не даютъ ему; этого достаточно, чтобы прожить до отплытія къ Синему морю, гдѣ мы принесемъ его въ жертву передъ Огненной горой, во славу нашего божества.

Невольникъ схватилъ Ассада за ноги и, вытащивъ изъ храмины, проволокъ еще черезъ нѣсколько дверей до входа въ темнину, куда велъ спускъ ступеней въ двадцать. Тутъ онъ столкнулъ несчастнаго плѣнника въ подземелье и прикрѣпилъ къ стѣнѣ желѣзной цѣпью, затѣмъ отправился къ дочерямъ своего господина, чтобы передать имъ отцовское приказаніе. Но старикъ уже самъ находился у нихъ. Смотрите же, дочери мои, говорилъ онъ имъ, исполняйте свой долгъ съ обычнымъ усердіемъ, бейте, терзайте проклятаго мусульманина и помните, что это будетъ лучшимъ доказательствомъ вашей преданности божеству.

Бостана и Кавама, воспитанныя въ непримиримой ненависти къ мусульманамъ, съ полной готовностью повиновались отцовской волѣ; онѣ тотчасъ же спустились въ темницу Ассада, раздѣли его до нага и съ какимъ-то звѣрскимъ наслажденіемъ стали наносить ему удары палками; кровь давно уже выступала изъ ранъ, а онѣ все били, не переставая до тѣхъ поръ, пока несчастный не потерялъ сознанія. Послѣ того онѣ положили передъ нимъ небольшой хлѣбъ, поставили кувшинъ съ водой и удалились.

Когда Ассадъ пришелъ въ себя, онъ почувствовалъ такую нестерпимую боль во всемъ тѣлѣ, что съ радостью бы готовъ былъ умереть

одно только еще утѣшало страдальца,—это надежда, что братъ его находится въ безопасности.

Тѣмъ временемъ царевичъ Амджіадъ съ невыразимой тревогой ожидалъ его возвращенія у подножія черной горы. Давно уже смерклось, кругомъ ничего стало не видно, а онъ все стоялъ, напряженно прислушиваясь, не раздадутся ли наконецъ желанные шаги. Но когда прошло два, три часа ночи въ напрасномъ ожиданіи, имъ овладѣло такое безпокойство, что онъ не зналъ, какъ дождаться разсвѣта, и лишь только забрежжило на небѣ, бѣгомъ направился къ городу.

Прошелъ онъ одну, другую, третью улицу, внимательно приглядываясь ко всѣмъ прохожимъ, и ни разу еще не повстрѣчалось ему ни одного человѣка въ мусульманской одеждѣ. Удивленный этимъ, Амджіадъ продолжалъ идти далѣе и наконецъ, узнавъ по виду одного изъ своихъ единовѣрцевъ, поровнялся съ нимъ и спросилъ, какъ называется этотъ городъ? Это городъ Маговъ, и называется такъ потому, что онъ почти весь населенъ поклонниками огня. А далеко ли отсюда до Гебанскаго острова, продолжалъ спрашивать Амджіадъ. Если моремъ, то мѣсяца четыре плаванія, а сухимъ путемъ, такъ пройдешь цѣлый годъ, скороговоркой отвѣтилъ мусульманинъ и удалился, очевидно спѣша куда то по своимъ дѣламъ.

Эти немногія слова привели царевича въ большое недоумѣніе. Какъ же это такъ, размышлялъ онъ, почему же мы совершили этотъ дальній путь въ какія-нибудь шесть-семь недѣль? Если тутъ нѣтъ волшебства, то переходъ черезъ гору, по которой мы взбирались, по своей недоступности навѣрное не извѣстенъ жителямъ, а потому они даже не подозрѣваютъ о существованіи кратчайшаго пути. Раздумывая такимъ образомъ, онъ продолжалъ переходить изъ одной улицы въ другую и наконецъ остановился противъ лавки портного, въ которомъ, судя по одеждѣ, сразу призналъ мусульманина. Довѣрчиво подойдя къ нему и поздоровавшись, Амджіадъ тутъ же сообщилъ о причинѣ своей тревоги.

Выслушавъ его со вниманіемъ, портной отвѣчалъ:

— Жаль, очень жаль, но твой братъ очевидно попалъ въ руки маговъ, стало быть погибъ безвозвратно; я совѣтовалъ бы тебѣ примириться съ этимъ несчастіемъ и позаботиться о своей личной безопасности. Ты еще не знаешь, какъ злы и коварны эти люди, какъ зорко слѣдуетъ остерегаться, чтобы не попасть въ такую же бѣду. Останься пока у меня, я разскажу тебѣ про всѣ ихъ козни.

Какой-то внутренній, тайный голосъ говорилъ Амджіаду, что братъ его не погибъ, и потому, не теряя надежды свидѣться съ нимъ въ этомъ городѣ, онъ принялъ великодушное предложеніе портного, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовалъ и его совѣту не подвергать себя опасности. Напу-

ганный разсказами о злобной хитрости язычниковъ, онъ цѣлый мѣсяцъ не выходилъ изъ дому иначе, какъ въ сопровожденіи своего хозяина.

Но какъ-то разъ ему вздумалось идти въ баню, когда портного не было дома, и онъ отправился одинъ. На возвратномъ пути, проходя по какой-то безлюдной улицѣ, онъ увидалъ нарядную, стройную женщину, шедшую ему на встрѣчу.

Когда Амджіадъ поравнялся съ нею, она вдругъ остановилась, откинула свою чадру и, глядя ему прямо въ глаза, спросила съ вызывающей улыбкой: ты куда идешь? Царевичъ невольно залюбовался ея красотой и отвѣчалъ шутливо:—Я иду моя красавица, къ себѣ или къ тебѣ, выбирай сама.—Мнѣ нечего выбирать, сказала она, все также лукаво улыбась, развѣ ты не знаешь, что женщины, подобныя мнѣ, не водятъ къ себѣ мужчинъ, а сами приходятъ къ нимъ.

Этотъ смѣлый отвѣтъ не мало смутилъ царевича; онъ сознавалъ что ввести ее въ чужой домъ значило бы оскорбить хозяина, но съ другой стороны соблазнъ былъ такъ великъ, что юноша не могъ противостоять ему и рѣшилъ отдаться на волю случая. Иди же за мной, проговорилъ онъ и пошелъ впередъ наудачу, самъ не зная куда. Красавица слѣдовала за нимъ по пятамъ, и долго они переходили изъ улицы въ улицу, изъ одного переулка въ другой, пока наконецъ, усталые, не вышли на край города и не остановились передъ какимъ то красивымъ домомъ, гдѣ въ углубленіяхъ, по обѣимъ сторонамъ воротъ, стояли двѣ скамейки. Амджіадъ бросился на одну изъ нихъ, а его спутница заняла другую.

— Такъ это твой домъ? сказала она. Разумѣется, отвѣтилъ Амджіадъ. Въ такомъ случаѣ, что же мы сидимъ здѣсь, отчего не войдемъ? Да видишь ли, моя красавица, у меня нѣтъ ключа... то есть ключъ то есть, но я отдалъ его слугѣ, котораго послалъ по одному важному дѣлу. Это очень далеко отсюда, къ тому же я велѣлъ ему закупить кое-что для ужина... Думаю, что онъ долго не вернется, такъ не лучше ли намъ отложить до другаго раза...

— Ну вотъ еще вздоръ какой! воскликнула красавица. Развѣ мы не можемъ войти безъ ключа? Однакоже, какой у тебя дерзкій рабъ, какъ смѣетъ онъ не являться такъ долго! Ты непремѣнно накажи его, а если не захочешь самъ, такъ предоставь это мнѣ. Ну, а все таки сидѣть тутъ на улицѣ съ чужимъ мужчиной не совсѣмъ прилично... Сказавъ это, она подняла камень съ мостовой и начала разбивать имъ замокъ.

— Что ты хочешь дѣлать? съ испугомъ воскликнулъ Амджіадъ. Ради Бога оставь, подожди терпѣливо.—Да чего-жъ ты такъ испугался? со смѣхомъ отвѣчала она. Вѣдь, домъ то твой, что же за важность, если мы испортимъ замокъ? его ничего не стоитъ поправить, или даже купить совсѣмъ новый. Глупости! И она продолжала колотить по замку,

который вскорѣ уступилъ ея усиліямъ. Лишь только ворота отворились, незнакомка вошла въ нихъ.

При видѣ такого насильственнаго вторженія въ чужой домъ, Амджіадъ даже поблѣднѣлъ отъ страха. Боже мой, подумалъ, за кого же насъ могутъ принять? Не лучше ли мнѣ бѣжать отсюда, пока еще не поздно... Но только что онъ хотѣлъ привести эту мысль въ исполненіе красасица обернулась къ нему и, замѣтивъ его колебаніе, сказала:—Что же ты стоишь, или не узнаешь своего дома? Да я такъ... хотѣлъ было посмотрѣть, не идетъ ли слуга... въ смущеніи пробормоталъ Амджіадъ, можетъ быть онъ скоро вернется... Право, подождать бы... А то вѣдь у меня ничего тамъ не приготовлено.—Ну, это не большая важность, замѣтила она, иди же, иди! Во всякомъ случаѣ въ домѣ намъ будетъ удобнѣе ждать, чѣмъ на улицѣ.

Не видя никакого исхода, царевичъ постарался преодолѣть свое волненіе и довольно бодро вступилъ на обширный дворъ, вымощенный каменными плитами, а оттуда, все слѣдуя за красавицей, поднялся по лѣстницѣ и, пройдя сѣнями, вошелъ въ просторную, свѣтлую, роскошно убранную комнату. Посрединѣ ея стоялъ накрытый столъ, весь уставленный превосходными кушаньями, рядомъ съ нимъ другой съ разнообразными плодами, а немного поодаль еще третій съ бутылками всевозможныхъ винъ.

Когда царевичъ увидалъ все это, онъ уже не сомнѣвался въ своей гибели. До тѣхъ поръ у него еще оставалась надежда, что домъ можетъ быть не обитаемъ и что все какъ нибудь сойдетъ благополучно; но теперь онъ ждалъ только появленія хозяина, а вслѣдъ за тѣмъ и неизбѣжной расправы. Не долго же мнѣ пришлось пережить своего несчастнаго брата, если его уже нѣтъ на свѣтѣ, подумалъ онъ, погибъ я теперь и погибъ ни за что...

Между тѣмъ красавица думала совершенно иначе: видъ обильно уставленныхъ столовъ привелъ ее въ полное восхищеніе. А, вотъ это хорошо! воскликнула она весело, какъ же ты говорилъ, что у тебя ничего не приготовлено?... Нѣтъ, рабъ твой оказывается еще не такъ неисправенъ, какъ я думала, а все таки наказать его надо построже. Но что же ты все такой смущенный? Или это не для меня? Ты можетъ быть ждалъ другую? Такъ успокойся, я не изъ ревнивыхъ. Даю тебѣ слово, что не стану мѣшать вамъ и, если хочешь буду даже услуживать какъ ей, такъ и тебѣ.

Несмотря на всю свою тревогу, Амджіадъ невольно улыбался, слушая эту веселую болтовню.—Увѣряю тебя, сказалъ онъ, я никого не жду, а это угощеніе обычное... у меня такъ ужъ заведено.—Прекрасное заведеніе! перебила красавица, только садись же, что даромъ терять золотое время! И, притянувъ за руку, она усадила его подлѣ себя.

Какъ ни позорно казалось Амджіаду садиться за чужой столъ, очевидно не для него приготовленный, по онъ все-таки принужденъ былъ уступить и сѣлъ. Послѣ перваго блюда, красавица взяла кубокъ, налила его виномъ и выпила за здоровье Амджіада, затѣмъ снова наполнила и подала ему, чтобы онъ также выпилъ за ея здоровье.

Это взаимное угощеніе повторялось такъ часто и продолжалось такъ долго, что глаза красавицы заискрились и заблистали, а царевичъ сталъ забывать о своемъ опасномъ положеніи и думать только о предстоявшемъ счастіи. Но когда онъ снова поднялъ наполненный кубокъ и хотѣлъ было затянуть веселую пѣсню, изъ полуотворенной двери вдругъ просунулась чья то голова.

Это и былъ хозяинъ дома, занимавшій при дворѣ царя маговъ должность великаго конюшаго. Онъ владѣлъ двумя домами, изъ которыхъ въ одномъ жилъ съ семьей постоянно, а въ другомъ, гдѣ теперь находился царевичъ съ своей красавицей, имѣлъ обыкновеніе давать пиры своимъ избраннымъ друзьямъ, чтобы повеселиться на свободѣ. Слуги въ такихъ случаяхъ заранѣе приготовляли все разомъ и уходили. Такъ было и теперь. Амджіадъ явился именно въ то время, когда невольники только что удалились, а хозяинъ и гости еще не приходили. Багадэръ (такъ звали великаго конюшаго) сначала очень встревожился, найдя за-

мокъ отбитымъ и ворота отворенными; онъ тихонько прокрался въ свой домъ и заглянулъ въ столовую, откуда раздавались шумные звуки смѣха и говора. Но увидавъ тамъ юношу и молодую женщину, беззаботно пирующимъ за его столомъ, онъ совершенно успокоился и въ свою очередь захотѣлъ позабавиться этимъ случаемъ.

Красавица, сидѣвшая спиною къ двери, не могла увидать конюшаго, тогда какъ Амджіадъ, не спуская съ него своихъ испуганныхъ глазъ, словно окаменѣлъ въ одномъ положеніи, съ поднятымъ кубкомъ въ рукѣ. Багадэръ, сдѣлавъ ему знакъ молчанія, поманилъ его къ себѣ.

Весь блѣдный, царевичъ поднялся, осушилъ залпомъ свой кубокъ, проговорилъ едва внятно, что сейчасъ вернется, и поспѣшно вышелъ изъ комнаты, притворивъ за собою дверь. Багадэръ безмолвно взялъ его за руку и вышелъ на средину двора.

— Ну вотъ, началъ онъ тогда, здѣсь мы можемъ свободно разговаривать; скажи же мнѣ, по какому случаю ты находишься въ моемъ домѣ, и что заставило тебя взломать замокъ?

— Почтенный господинъ, отвѣчалъ Амджіадъ, не обвиняй меня прежде, чѣмъ выслушаешь; право, я заслуживаю нѣкотораго извиненія. Затѣмъ, онъ подробно разсказалъ о своемъ приключеніи съ красавицей, а чтобы еще болѣе убѣдить хозяина въ своей невиновности и даже неспособности на какой либо недостойный поступокъ, открылъ ему свое высокое происхожденіе.

Багадэръ, всегда благоволившій къ иностранцамъ, отнесся къ Амджіаду, какъ царевичу, съ особеннымъ уваженіемъ и обѣщалъ принять его подъ свое покровительство.--Но прежде вотъ что, сказалъ онъ, докончимъ начатую шутку. Ты, кажется, увѣрилъ свою красавицу, что ждешь слугу, котораго, разумѣется, у тебя нѣтъ, такъ я готовъ исполнить эту роль. Не отговаривайся и не смущайся, мнѣ просто хочется позабавиться. Для большаго вѣроятія, ты можешь бранить меня, сколько угодно, и даже ударить, будь увѣренъ, я не обижусь и стану прислуживать вамъ обоимъ, какъ настоящій рабъ. Ступай же, садись за столъ и продолжай свой пиръ. Нынче ты ночуешь у меня а завтра я постараюсь оказать тебѣ болѣе важныя услуги.

Въ эту минуту начали было собираться приглашенные гости, но Багадэръ извинился передъ ними, говоря, что онъ теперь сильно занятъ и проситъ ихъ пожаловать въ другое время. Выпроводивъ такимъ образомъ всѣхъ до одного, царскій конюшій поспѣшно облачился въ полное одѣяніе невольника.

Между тѣмъ царевичъ Амджіадъ вернулся къ своей красавицѣ съ облегченнымъ сердцемъ; теперь онъ не только пересталъ тревожиться, но и радовался, что случай привелъ его къ такому доброму человѣку. Тысячу разъ прошу извинить меня за мое невольное невѣжество, ска-

залъ онъ ожидавшей его гостьѣ, ты не можешь представить себѣ, какъ я золъ на своего слугу, который до сихъ поръ еще не возвращался. Погоди же онъ, негодяй, узнаетъ, какъ пропадать, неизвѣстно гдѣ!...

— Ну, стоитъ ли тревожиться изъ за этого,—возразила красавица. Если онъ не приходитъ, тѣмъ хуже для него, но его отсутствіе нисколько не должно мѣшать нашему веселью...

При этихъ словахъ въ комнату вошелъ Багадэръ съ видомъ провинившагося слуги, который сознаетъ свою вину передъ господиномъ и желаетъ какъ нибудь загладить ее. Прежде всего онъ бросился къ ногамъ Амджіада, умоляя его о пощадѣ, причемъ, въ знакъ покорности, нѣсколько разъ приложился губами къ полу. Затѣмъ, поднявшись, скрестилъ руки, опустилъ глаза и сталъ, въ смиренномъ ожиданіи своей участи.

— Ты гдѣ пропадалъ? грозно крикнулъ на него Амджіадъ. Гдѣ говори, негодяй!

— Милостивый господинъ, отвѣчалъ Багадэръ дрожащимъ голосомъ, я ходилъ по твоимъ порученіямъ и никакъ не думалъ, чтобы ты изволилъ возвратиться такъ скоро...

— А, не думалъ! Такъ я же научу тебя думать впередъ и не забывать своихъ обязанностей, проговорилъ царевичъ съ притворной яро-

стью и, взявъ палку, осторожно ударилъ ею нѣсколько разъ по спинѣ Багадэра, а затѣмъ, какъ бы успокоившись, снова сѣлъ на свое мѣсто.

Красавицѣ однакожъ показалось недостаточнымъ такое легкое наказаніе; она съ проворствомъ кошки выскочила изъ за стола, схватила брошеную палку и стала бить ею мнимаго невольника съ такимъ ожесточеніемъ, что у него навернулись даже слезы. Амджіадъ въ первую минуту растерялся отъ неожиданности, но потомъ, возмущенный такимъ неслыханнымъ нахальствомъ своей гостьи, бросился къ ней и насильно вырвалъ у нея палку.—Оставь меня, кричала между тѣмъ разсвирѣпѣвшая женщина, я хочу выместить свою досаду и научить этого презрѣннаго раба, чтобы онъ впередъ не заставлялъ меня дожидаться на улицѣ. Но такъ какъ палки у нея уже больше не было, то она ограничилась одними ругательствами.

Багадэръ отеръ слезы и, какъ истый рабъ, помѣстился за спиной пирующихъ и сталъ наливать имъ кубки, а когда пиръ окончился, онъ убралъ со стола, вымелъ полъ, приготовилъ постель на софѣ и скромно удалился въ другую комнату, гдѣ вскорѣ заснулъ, утомленный такимъ непривычнымъ трудомъ. Нужно замѣтить, что во все время, пока онъ стоялъ за столомъ, входилъ или уходилъ, красавица не переставала осыпать его бранью, угрозами, оскорбленіями, такъ что Амджіадъ, чувствуя всю неловкость своего положенія передъ хозяиномъ, едва могъ воздержаться, чтобы не открыть истины.

По уходѣ Багадэра, гости разговаривали еще около часа; наконецъ передъ тѣмъ, какъ лечь на покой, красавица вышла изъ столовой и услыхавъ громкій храпъ мнимаго слуги, снова воспылала къ нему неукротимой злобой. — Поди сюда, крикнула она Амджіаду, если ты меня любишь, возьми саблю и отруби голову своему противному рабу, иначе я сдѣлаю это сама.

Амджіадъ, полагая, что она находится въ состояніи опьянѣнія, старался успокоить ее, хотѣлъ доказать, что невольникъ не заслужилъ такой жестокой кары, и что вообще не стоитъ изъ за него такъ много волноваться.

- Такъ ты не хочешь!? проговорила она съ бѣшенствомъ. Хорошо, я справлюсь сама... И, схвативъ саблю, которую заранѣе примѣтила въ углу, побѣжала въ комнату, гдѣ спалъ Багадэръ. Царевичъ въ ужасѣ бросился за нею и успѣлъ удержать ее за руку. — Постой, постой! закричалъ онъ, я исполню твое желаніе, но только, кромѣ меня, никто не властенъ убивать моего раба. Потомъ, взявъ у нея саблю, добавилъ: -- Иди за мной, да тише, не разбуди его... Когда они вошли въ смежную комнату, Амджіадъ внезапно взмахнулъ саблей и вмѣсто того, чтобы нанести ударъ Багадэру, нанесъ его жестокой красавицѣ, голова которой тяжело упала на спавшаго. Въ ту же минуту

онъ открылъ глаза и, увидавъ около себя царевича съ окровавленной саблей въ рукѣ, а на полу обезглавленный трупъ, спросилъ съ испугомъ: что это значитъ? Амджіадъ разсказалъ ему все, какъ было, и добавилъ, что онъ не видалъ иного способа избавиться отъ этой злой и безумной женщины, какъ только убить ее самое.

— Своимъ поступкомъ и благороднымъ негодованіемъ противъ такого низкаго замысла ты вполнѣ оправдываешь свое царственное происхожденіе, сказалъ ему Багадэръ. Я безконечно благодаренъ тебѣ за твою услугу и всѣми силами постараюсь отплатить за нее. Но прежде всего надо убрать этотъ трупъ, вѣдь до разсвѣта уже не далеко.

Амджіадъ сказалъ, что такъ какъ это дѣло его, то онъ же долженъ позаботиться и о скрытіи слѣдовъ; но Багадэръ воспротивился этому.—Ты такъ еще недавно здѣсь, возразилъ онъ ему, что навѣрно не знаешь куда и какъ пройти, оставайся лучше и подожди меня до разсвѣта, а если не вернусь, то это будетъ значить, что я попалъ въ руки правосудія. На всякій случай надо написать тебѣ дарственную какъ на этотъ домъ, такъ и на все, что при немъ находится.

Дѣйствительно онъ тотчасъ же составилъ завѣщаніе и, подписавъ его, передалъ царевичу; затѣмъ, уложилъ трупъ и отрубленную голову въ одинъ мѣшокъ, взвалилъ его себѣ на плечи и вышелъ.

Благополучно пройдя по многимъ улицамъ и переулкамъ, онъ былъ уже недалеко отъ моря, куда намѣревался бросить свою ношу, какъ вдругъ его окружила со всѣхъ сторонъ ночная стража. Солдаты бросились къ нему, вскрыли мѣшокъ и вытащили оттуда голову убитой женщины. Въ эту минуту подъѣхалъ самъ начальникъ полиціи и, взглянувъ на Багадэра при свѣтѣ фонаря, сразу узналъ въ немъ царскаго конюшаго; хотя улика была на лицо, онъ все же не рѣшился казнить своею властью такого важнаго сановника и на утро представилъ его царю.

Выслушавъ обвиненіе со всѣми обстоятельствами дѣла, царь гнѣвно воскликнулъ:—А, такъ вотъ что у насъ творится! Мои же сановники убиваютъ и грабятъ мой народъ!... Повѣсить его!

Несмотря на полную невиновность, Багадэръ спокойно принялъ этотъ приговоръ и не сказалъ ни одного слова въ свое оправданіе. Начальникъ полиціи отвелъ его въ тюрьму и, приказавъ готовить висѣлицу, разослалъ глашатаевъ во всѣ концы города, чтобы возвѣстить народу о предстоящей казни.

Царевичъ Амджіадъ сидѣлъ въ то время у окна, съ тревогой поджидая своего хозяина. Вдругъ раздалось на улицѣ громкое выкрикиваніе глашатая, которое и привлекло его вниманіе; напряженно прислушиваясь, онъ вскорѣ разобралъ, что возвѣщалось о казни великаго конюшаго, уличеннаго въ убійствѣ.

— Нѣтъ, этого не должно быть, сказалъ себѣ Амджіадъ и, не ко-

леблясь ни минуты, отправился на городскую площадь, гдѣ прямо подошелъ къ начальнику полиціи и разсказалъ ему обо всемъ. — Если убить змѣю преступленіе, добавилъ онъ, то виновенъ въ немъ я, а не Багадэръ.

Объ этомъ признаніи начальникъ тотчасъ же доложилъ царю, и тотъ пожелалъ лично выслушать Амджіада. Царевичъ повторилъ свой разсказъ въ присутствіи государя и, воспользовавшись случаемъ, сообщилъ ему въ то же время о своей печальной судьбѣ и объ исчезновеніи брата.

Царь выслушалъ его съ большимъ сочувствіемъ и, когда онъ кончилъ, сказалъ: — Я радъ, что это дѣло доставило мнѣ случай узнать о твоемъ несчастіи и облегчить его насколько возможно. Отнынѣ я назначаю тебя своимъ великимъ визиремъ, а съ помощью даруемой тебѣ власти ты самъ можешь приступить къ розысканію своего брата.

Амджіадъ тѣмъ горячѣе благодарилъ царя, что не ожидалъ такой милости; онъ поспѣшилъ воспользоваться своимъ новымъ высокимъ званіемъ и дѣятельно принялся разыскивать Ассада. Гонцы и глашатаи ѣздили по всему городу, обѣщая богатую награду тому, кто доставитъ какія либо свѣдѣнія о пропавшемъ, но никто не являлся и никто ничего не могъ сообщить о немъ.

А несчастный Ассадъ продолжалъ сидѣть въ своей темницѣ, ежедневно подвергаясь жестокому истязанію отъ дочерей старика изувѣра. Приближался торжественный праздникъ огнепоклонниковъ; они снарядили корабль, который по обыкновенію ежегодно отправлялся къ Огненной горѣ, нагрузили его разными товарами и, когда все было готово къ отплытію, капитанъ, по имени Бейрамъ, ревностный поклонникъ огня, приказалъ принести Ассада въ нарочно изготовленномъ ящикѣ со множествомъ отверстій для дыханія.

Въ ту минуту, какъ корабль совсѣмъ уже готовился сняться съ якоря, на него неожиданно явился великій визирь Амджіадъ во главѣ вооруженной стражи. Зная объ обычаѣ маговъ каждый годъ въ это время приносить въ жертву на Огненной горѣ какого нибудь плѣннаго мусульманина, царевичъ не безъ основанія надѣялся найти у нихъ своего брата. Прежде всего, вызвавъ на палубу всѣхъ матросовъ и пассажировъ, онъ приказалъ своимъ солдатамъ тщательно обыскать корабль; но хитрый Бейрамъ предвидѣлъ этотъ обыскъ и такъ хорошо упряталъ Ассада, что, несмотря на всѣ старанія, Амджіадъ принужденъ былъ удалиться ни съ чѣмъ.

Послѣ того корабль немедленно вышелъ изъ гавани и на всѣхъ парусахъ направился къ Огненной горѣ. Выйдя въ открытое море, Бейрамъ приказалъ вынуть Ассада изъ ящика и привязать къ средней мачтѣ. Послѣднее распоряженіе онъ сдѣлалъ потому, что боялся, какъ бы плѣн-

никъ, знавшій о своей ужасной участи, не бросился съ отчаянія въ море. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней плаваніе совершалось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, но потомъ подулъ вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе, а къ вечеру перешелъ въ бурю. Цѣлую ночь корабль несся по волѣ волнъ, такъ что ни капитанъ, ни его кормчій не знали, гдѣ они находятся и куда идутъ. Вдругъ, въ самый разгаръ свирѣпой бури, невдалекѣ показался берегъ. Всѣ обрадовались, но капитанъ, долго и пристально смотрѣвшій на него, въ смущеніи поникъ головой.

Онъ узналъ открывшуюся мѣстность; то были владѣнія царицы Маргіаны, заклятой ненавистницы всѣхъ огнепоклонниковъ, а чужеземцевъ въ особенности, и это то открытіе было причиной его тревоги.

Однако, уже не во власти Бейрама было удалиться отъ берега; ему приходилось выбирать одно изъ двухъ: или войти въ гавань и отдаться на произволъ своего непримиримаго врага, или погубить корабль, который неминуемо долженъ былъ разбиться о страшныя береговыя скалы. Въ такомъ затрудненіи онъ призвалъ всѣхъ матросовъ и кормчаго и сталъ держать съ ними совѣтъ.—Дѣти мои, сказалъ онъ имъ, я не хочу скрывать отъ васъ опасности: гибель наша, кажется, неотвратима, но что вы предпочтете: погибнуть въ волнахъ, или отдаться во власть царицы Маргіаны, безпощадной гонительницы нашей религіи? Въ первомъ случаѣ для насъ нѣтъ надежды, во второмъ можетъ быть еще удастся выйти изъ бѣды. Для этого, по моему мнѣнію, прежде всего слѣдуетъ освободить нашего плѣнника; я выдамъ себя за торговца невольниками, и когда царица призоветъ меня, а она сдѣлаетъ это непремѣнно, объявлю ей, что въ настоящее время товаръ мой весь распроданъ, за исклю-

ченіемъ одного раба изъ мусульманъ, котораго я держу на кораблѣ въ качествѣ писца. Плѣнникъ будетъ со мною и подтвердитъ мои слова, тогда царица, можетъ быть, повѣритъ и всѣхъ насъ отпуститъ съ миромъ. Вотъ каковъ мой совѣтъ, но если кто предложитъ лучшее, я первый охотно соглашусь съ нимъ. Никто, конечно, лучшаго не придумалъ, и Бейрамъ ввелъ въ гавань свой корабль.

Роскошный дворецъ Маргіаны былъ расположенъ недалеко отъ пристани, на морскомъ берегу, такъ что садъ, разбитый передъ дворцомъ, спускался почти до самой воды. Когда огнепоклонники остановились на якорѣ, царица сидѣла у окна и, увидавъ чужеземный корабль, приказала немедленно привести къ себѣ капитана, а чтобы поскорѣе узнать изъ какой онъ страны, сама вышла въ садъ на встрѣчу своимъ посланнымъ.

Бейрамъ, предполагавшій заранѣе, что его навѣрное позовутъ во дворецъ, тотчасъ же сошелъ на берегъ и отправился въ сопровожденіи Ассада, одѣтаго теперь въ новое, красивое платье невольника. Увидавъ царицу, Бейрамъ преклонился передъ нею до земли и просилъ дозволить ему пріютиться въ гавани, пока не минуетъ буря.—Я торговецъ невольниками, добавилъ онъ, не дожидаясь вопроса, но въ настоящее время у меня остается только одинъ, котораго я удержалъ при себѣ за его грамотность.

Ассадъ понравился царицѣ; она тутъ же рѣшила купить его во что бы ни стало и, остановивъ на немъ благосклонный взглядъ, спросила какъ его зовутъ?—Всемилостивѣйшая государыня, отвѣчалъ Ассадъ, какое изъ моихъ именъ угодно узнать твоему величеству, прежнее, или настоящее?—Да развѣ у тебя два имени? съ удивленіемъ переспросила Маргіана. — Да, государыня, къ несчастію два: когда то меня звали Ассадомъ, то есть *счастливѣйшимъ*, теперь же я называюсь Мотаромъ, *обреченнымъ на жертву*.

Маргіана не поняла дѣйствительнаго смысла его словъ, думая, что онъ говоритъ вообще о своемъ тяжкомъ положеніи раба; тѣмъ не менѣе отвѣтъ Ассада очень понравился ей, и она продолжала:—Ты, кажется, исправляешь на кораблѣ должность писца, хотѣлось бы мнѣ видѣть образчикъ твоего почерка.

Ассадъ, снабженный по распоряженію Бейрама всѣми принадлежностями письма, досталъ чернильницу, бумагу, тонко очиненную палочку и написалъ слѣдующія изреченія:

„Слѣпецъ обходитъ ту пропасть, куда часто попадаетъ зрячій“. „Невѣжда возвышается, благодаря своимъ пустымъ, но громкимъ рѣчамъ, а скромный ученый остается въ неизвѣстности; правовѣрный бѣдствуетъ, язычникъ торжествуетъ, и нѣтъ надежды, чтобы когда нибудь измѣнился этотъ порядокъ вещей, потому что такъ предназначено Всевышнимъ“.

Царицу изумило содержаніе написаннаго, и съ этой минуты, помимо состраданія къ юному невольнику, въ ея сердце запало еще другое чувство; она тутъ же сказала Бейраму: — Предоставляю, капитанъ, на твое усмотрѣніе: или продай мнѣ этого невольника или подари; думаю, что послѣднее для тебя будетъ разсчетливѣе.

Но Бейрамъ не хотѣлъ отступиться отъ своей жертвы и рѣзко отвѣтилъ:—Что мнѣ выбирать, когда я совсѣмъ не намѣренъ разставаться съ своимъ рабомъ.

При этомъ отвѣтѣ царица вся вспыхнула отъ гнѣва и, обращаясь уже не къ Бейраму, а къ своей свитѣ, велѣла передать ему, что если до наступленія ночи онъ не покинетъ гавани, всѣ товары у него будутъ отобраны, а самый корабль сожженъ. Затѣмъ она взяла Ассада подъ руку и увела его во дворецъ.

Бейраму ничего больше не оставалось, какъ только готовиться къ отплытію, хотя буря далеко еще не стихла.

При входѣ во дворецъ, Маргіана тотчасъ же приказала подавать ужинъ и, когда столъ былъ накрытъ, предложила Ассаду занять мѣсто подлѣ нея. Тотъ не рѣшался, говоря, что такая высокая честь не подобаетъ рабу.

— Рабу! воскликнула царица, нѣтъ, теперь ты не рабъ, забудь о томъ, что было, и съ этой минуты будь снова свободенъ и счастливъ. Повторяю, садись около меня и разскажи мнѣ всю свою жизнь; судя по твоимъ рѣчамъ и по тому, что̀ ты написалъ, въ ней должно быть много необычайнаго.

— Ты угадала, государыня, печально отвѣтилъ Ассадъ, дѣйствительно я испыталъ столько бѣдствій, страданій и горя, что не знаю, какимъ чудомъ могъ вынести ихъ и пережить.... Но позволь мнѣ разсказать все по порядку.

И онъ началъ съ самаго дѣтства, съ той счастливой поры, когда жилъ вмѣстѣ съ братомъ подъ кровомъ царя своего отца, повѣдалъ о томъ, какъ они любили другъ друга и какъ наконецъ порочныя мачихи оклеветали ихъ и едва не погубили совсѣмъ; потомъ онъ перешелъ къ своему заключенію въ темницѣ старика, къ своимъ страшнымъ ежедневнымъ истязаніямъ и закончилъ намѣреніемъ язычниковъ принести его въ жертву на Огненной горѣ.

Царица то блѣднѣла, то краснѣла, слушая Ассада, и, когда онъ умолкъ, сказала съ гнѣвной дрожью въ голосѣ: — Проклятые изверги! До сихъ поръ я только презирала ихъ и не терпѣла въ своихъ владѣніяхъ, а теперь, послѣ такого варварскаго обращенія съ тобой, ненавижу всѣми силами своей души. О, попадись они мнѣ только!... Тутъ слуги внесли роскошный ужинъ и тѣмъ прервали ея негодующую рѣчь; мало по малу лицо Маргіары прояснилось и она весело стала угощать

царевича, сама подавая ему разнообразныя яства, наполняя его кубокъ виномъ.

— Кушай вдоволь, повторяла она, ты долженъ вознаградить себя за такое долгое голоданіе и поскорѣе возстановить свои силы.

Пиръ затянулся до самаго заката солнца, и царевичъ всталъ изъ за стола съ отягченнымъ желудкомъ, съ круженіемъ и шумомъ въ головѣ отъ излишне выпитаго вина. Желая освѣжиться, онъ вышелъ наружу и увидавъ открытыя ворота въ садъ, направился туда. Нѣкоторое время онъ бродилъ по аллеямъ и между цвѣточными клумбами, наконецъ подошелъ къ прекрасному фонтану съ полнымъ бассейномъ хрустальной воды. Ассадъ напился, омылъ лицо и руки, потомъ прилегъ на мягкой, душистой травѣ, окаймлявшей водоемъ, и тутъ же, уступая неодолимой дремотѣ, вскорѣ заснулъ, какъ убитый.

Въ то же время Бейрамъ, опасаясь, какъ бы царица Маргіана ни привела свою угрозу въ исполненіе, спѣшилъ выйти изъ гавани, ему уже оставалось только сдѣлать послѣднее распоряженіе о запасѣ прѣсной воды; съ этой цѣлью онъ призвалъ своихъ матросовъ, выдалъ имъ боченки и велѣлъ поскорѣе съѣздить на берегъ за водой, но, незнакомые съ мѣстностью, они затруднялись, какъ и гдѣ исполнить это порученіе; тогда Бейрамъ, вспомнивъ о бассейнѣ, который онъ замѣтилъ въ царскомъ саду во время разговора съ Маргіаной, послалъ ихъ туда.— Стѣна кругомъ сада не высока, не выше уровня локтя, добавилъ капитанъ, и вы легко можете перебраться черезъ нее.

Матросы причалили въ указанномъ мѣстѣ и дѣйствительно безъ всякаго затрудненія перелѣзли черезъ стѣну; по звуку падающей воды, они прямо направились къ бассейну съ боченками въ рукахъ и, подойдя стали уже наполнять ихъ, какъ вдругъ замѣтили въ полусвѣтѣ сумерокъ какого то человѣка, лежавшаго на травѣ. Въ первую минуту всѣ испугались такъ, что чуть было не бросились бѣжать обратно, но затѣмъ, вглядѣвшись, они узнали своего недавняго плѣнника, и мгновенно испугъ ихъ смѣнился радостнымъ удивленіемъ. Шопотомъ перемолвившись между собою, одни поспѣшно принялись черпать воду, а другіе бросились къ Ассаду, схватили его, завязали ему ротъ прежде чѣмъ онъ успѣлъ проснуться, и бѣгомъ направились съ нимъ къ своей шлюпкѣ.

Капитанъ въ это время стоялъ на кормѣ, съ нетерпѣніемъ поджидая матросовъ; и вотъ, наконецъ, они появились: гребутъ изо всѣхъ силъ, кричатъ ему что то издали; сначала онъ испугался: ужъ не убѣгаютъ ли они отъ погони, не грозитъ ли опасность всему кораблю? Но какова же была его радость, когда шлюпка подплыла, и онъ увидалъ въ ней среди боченковъ свою обреченную жертву. Ни о чемъ даже не спрашивая, Бейрамъ немедленно велѣлъ привязать Ассада къ мачтѣ и, выйдя изъ гавани, на всѣхъ парусахъ направился къ Огненной горѣ.

Буря начинала стихать, а сильный попутный вѣтеръ только быстрѣе подгонялъ корабль.

Между тѣмъ долгое отсутствіе Ассада возбудило, наконецъ, безпокойство въ царицѣ Маргіанѣ, и она послала своихъ прислужницъ узнать, куда онъ ушелъ. Обойдя весь дворецъ и весь садъ, онѣ вернулись и объявили, что гостя нѣтъ нигдѣ. Съ наступленіемъ ночи, тревога царицы еще увеличилась, и наконецъ весь придворный штатъ былъ поднятъ на ноги, стали искать съ факелами, но также безуспѣшно.

Тогда, полная опасеній и предчувствія чего то недобраго, Маргіана сама вышла на поиски. Замѣтивъ, что ворота въ садъ полуотворены, она направилась туда въ сопровожденіи всѣхъ своихъ многочисленныхъ слугъ и, проходя мимо фонтана, при свѣтѣ факеловъ увидала на лужайкѣ мужскую папушу, въ которой тотчасъ же всѣ признали одну изъ тѣхъ, что̀ были на ногахъ Ассада, а слѣды разлитой воды вокругъ бассейна, ясно показывали, что здѣсь еще недавно находились люди; вскорѣ явились и свидѣтели, которые видѣли, какъ матросы перебирались черезъ садовую стѣну съ боченками въ рукахъ. Теперь уже не оставалось никакого сомнѣнія, что огнепоклонники снова захватили своего плѣн-

ника, и Маргіана немедленно послала узнать, ушелъ ли корабль изъ гавани, а когда ей доложили, что онъ отплылъ уже нѣсколько часовъ тому назадъ, она отдала приказъ начальнику своего флота приготовиться къ погонѣ.

На утро десять военныхъ кораблей ожидало царицу. Она взошла на передовой и, обращаясь къ начальнику, сказала:—Я желаю нагнать тотъ корабль, что̀ вчера вечеромъ вышелъ изъ нашей гавани. Если овладѣешь имъ, я отдамъ тебѣ его со всѣмъ грузомъ, въ противномъ же случаѣ ты поплатишься жизнью.

Въ теченіе двухъ дней на морѣ ничего не было видно, но на разсвѣтѣ третьяго утра вдали показался корабль Бейрама, а къ полудню эскадра Маргіаны уже настигла его и окружила со всѣхъ сторонъ.

Бейрамъ давно видѣлъ погоню и угадывалъ ея причину, а потому, когда не оставалось уже надежды ускользнуть, онъ велѣлъ отвязать Ассада и привести къ себѣ.

— Это по твоей милости мы подверглись преслѣдованію, сказалъ онъ, такъ пропадай же, собака!

И съ этими словами схватилъ его и выбросилъ за бортъ.

Какъ приморскій житель, царевичъ Ассадъ былъ превосходнымъ пловцомъ; вопреки ожиданію Бейрама, онъ не пошелъ ко дну, а легко и свободно направился къ недальнему берегу. Достигнувъ твердой земли, онъ горячо возблагодарилъ Бога за свое избавленіе какъ отъ рукъ огнепоклонниковъ, такъ и отъ пучины морской; потомъ снялъ съ себя платье, выжалъ его и развѣсилъ на прибрежной скалѣ, раскаленной лучами жгучаго солнца. Когда платье просохло, и царевичъ снова одѣлся, вдругъ сердце у него сжалось отъ мысли, что идти ему некуда, и что участь его попрежнему остается безъисходной. Уныло побрелъ онъ вдоль берега, стараясь не отдаляться отъ моря, и къ вечеру вышелъ на бывшую здѣсь дорогу. Цѣлыхъ десять дней онъ все шелъ по ней, не измѣняя направленія, питаясь лишь кореньями да дикими плодами, наконецъ, въ исходѣ послѣдняго дня, къ его несказанной радости, вдали показался какой то городъ.

Въ надеждѣ найти безопасное пристанище, Ассадъ превозмогъ свою усталость и ускорилъ шаги, но чѣмъ ближе подходилъ онъ, тѣмъ все болѣе убѣждался, что передъ нимъ тотъ самый городъ Маговъ, гдѣ ему пришлось перенести столько мукъ. Однако это открытіе не остановило его; теперь, наученный горькимъ опытомъ, онъ зналъ, что уже не попадется больше ни въ какую ловушку, и безбоязненно продолжалъ свой путь. Но такъ какъ становилось уже темно, царевичъ разсудилъ переночевать гдѣ нибудь, не доходя до города, и направился къ кладбищу; тамъ, выбравъ одну изъ усыпальницъ, онъ въ изнеможеніи бросился на полъ и въ ту же минуту крѣпко заснулъ.

Между тѣмъ Бейрамъ, убѣдившись, что нѣтъ возможности ни уйти, ни сопротивляться нагонявшей его эскадрѣ, счелъ за лучшее отдаться на волю Маргіаны и въ знакъ покорности спустилъ паруса. Царица, во главѣ своихъ вооруженныхъ воиновъ, тотчасъ взошла къ нему на корабль и потребовала выдачи Ассада.—Государыня, отвѣтилъ капитанъ, клянусь твоему величеству, что у меня нѣтъ его. Прикажи обыскать весь корабль сверху до низу, и ты сама убѣдишься въ правдивости моихъ словъ.

Произвели самый тщательный осмотръ отъ палубы до трюма, вскрыли всѣ ящики, но Ассада нигдѣ не оказалось, въ порывѣ гнѣва, вызваннаго обманутымъ ожиданіемъ, царица готова была убить Бейрама изъ собственныхъ рукъ, однакожъ неувѣренность въ его виновности удержала ее, и она ограничилась только тѣмъ, что велѣла забрать корабль со всѣмъ его грузомъ, а капитана съ его матросами высадить въ шлюпку и предоставить на произволъ судьбы.

Къ счастію для Бейрама и всей его команды, тихая погода на морѣ помогла имъ благополучно добраться до пристани около города Маговъ, гдѣ они вышли на берегъ именно въ тотъ вечеръ, когда царевичъ пріютится въ усыпальницѣ. Городскія ворота были уже заперты, и огнепоклонникамъ пришлось искать ночлега на томъ же кладбищѣ.

По странной случайности Бейрамъ вошелъ въ ту самую усыпальницу, гдѣ безмятежно спалъ Ассадъ, укрывшись съ головой своей верхней одеждой. Звуки шаговъ по каменнымъ плитамъ разбудили его, онъ поднялъ голову и спросилъ—кто тутъ?

Разумѣется Бейрамъ узналъ его сразу по голосу.

— А, проклятый, воскликнулъ онъ, теперь то ужъ не уйдешь отъ меня! По твоей милости я сдѣлался нищимъ, но за то и тебѣ не миновать своей судьбы. Тутъ онъ бросился на Ассада и съ помощью матросовъ скрутилъ ему руки веревкой, а ротъ завязалъ платкомъ.

На разсвѣтѣ ворота отворились; Бермамъ безъ труда провелъ своего плѣнника по глухимъ улицамъ еще спавшаго города и заключилъ въ ту же темницу, гдѣ онъ находился прежде. Старикъ огнепоклонникъ радостно встрѣтилъ обреченную жертву и повторилъ свое внушеніе дочерямъ продолжать ежедневно обычныя истязанія. При видѣ знакомыхъ стѣнъ своей темницы, несчастный плѣнникъ живо представилъ себѣ тѣ невыносимыя пытки, какія снова предстояли ему въ теченіе цѣлаго года, и затѣмъ ужасную, мучительную смерть. Горе, отчаяніе и гнетущая тоска сжимали ему сердце; онъ плакалъ, рыдалъ, какъ ребенокъ.

Въ эту минуту вошла Бостана все съ тою же увѣсистой палкой, съ небольшимъ хлѣбомъ и кувшиномъ воды. Молча помѣстивъ на полу передъ царевичемъ его ѣду и питье, она обнажила ему плечи и спину и повидимому спокойно, съ разстановкой стала наносить положенныя

удары. Но на этотъ разъ страдальческіе вопли и слезы Ассада заставили ее прекратить это безчеловѣчное истязаніе еще задолго до конца; палка невольно выпала у нея изъ рукъ, и она сама истерически зарыдала; минутъ, наклонившись надъ царевичемъ, стала прикрывать одеждой его избитыя плечи и при этомъ говорила сквозь слезы:—Прости меня, прости ради того Бога, которому ты поклоняешься... Я всегда неохотно подчинялась требованію моего отца, теперь же ненавижу, проклинаю это варварство и клянусь искупить передъ тобою свое невольное преступленіе. А чтобы ты не сомнѣвался въ искренности моего раскаянія, объявляю тебѣ, что съ этой минуты я болѣе не огнепоклонница, и готова принять мусульманскую вѣру. Мнѣ уже извѣстны главныя основанія вашей религіи; надѣюсь, ты не откажешься научить меня и укрѣпить въ остальномъ.—Самъ Богъ наставитъ и укрѣпитъ тебя въ твоемъ благомъ намѣреніи, воскликнулъ царевичъ, съ благоговѣйной радостью поднимая къ небу свои заплаканные глаза, Онъ Всемогущій совершилъ это чудо, Онъ и продолжитъ его, я же съ восторгомъ буду орудіемъ его святой воли. Потомъ они долго бесѣдовали о важнѣйшихъ догматахъ мусульманской религіи, и наконецъ по просьбѣ умиленной слушательницы, Ассадъ разсказалъ ей обо всѣхъ событіяхъ своей многострадательной жизни. Ну, по крайней мѣрѣ теперь всѣ мученія твои кончились, горячо сказала Бостана, и я сдѣлаю все возможное, чтобы возвратить тебѣ свободу.—Но твоя сестра, она вѣдь по прежнему будетъ обращаться со мной, замѣтилъ царевичъ.—О, нѣтъ, нѣтъ, успокойся, я съумѣю устроить такъ, что она никогда и не заглянетъ сюда.

Съ этой минуты жизнь Ассада измѣнилась совершенно: вмѣсто побоевъ и скуднаго питанія, онъ пользовался постояннымъ вниманіемъ, нѣжной заботливостью и самымъ лучшимъ столомъ, который Бостана, при помощи своихъ двухъ невольницъ мусульманокъ, всегда имѣла возможность доставлять ему.

Какъ то разъ, недѣли черезъ двѣ послѣ своего обращенія къ правой вѣрѣ, Бостана стояла у воротъ отцовскаго дома, когда въ концѣ улицы показалась группа всадниковъ; глашатай, ѣхавшій впереди, выкрикивалъ что то громкимъ голосомъ, но словъ за дальностью разстоянія еще нельзя было разобрать. Дѣвушка поспѣшно спряталась за ворота и стала прислушиваться. Наконецъ до нея отчетливо донеслось такое воззваніе:

„Граждане! Вотъ что объявляетъ вамъ великій визирь Амджіадъ, (да хранитъ его Богъ на многія лѣта): кто найдетъ или укажетъ мѣстопребываніе его брата Ассада, пропавшаго безъ вѣсти, тотъ получитъ большую награду; кто же намѣренно скроетъ его и будетъ въ томъ уличенъ, тотъ не только самъ, но и весь его родъ съ женами и дѣтьми подвергнутся неминуемой казни, а дома ихъ будутъ срыты до основанія“.

Лишь только услыхала Бостана это воззваніе, не раздумывая и не медля минуты, она бросилась въ темницу Ассада, схватила его за руки и, проговоривъ прерывающимся голосомъ:—Пойдемъ, пойдемъ... Насталъ конецъ твоимъ бѣдствіямъ... почти насильно вывела его за ворота и закричала, что̀ было силы: Вотъ онъ! вотъ онъ!!...

На этотъ крикъ Амджіадъ, не успѣвшій еще далеко отъѣхать, тотчасъ же обернулся: Ассадъ узналъ его и въ одну минуту очутился въ объятіяхъ брата. Послѣ первыхъ порывовъ взаимной радости, великій визирь посадилъ его на коня одного изъ своихъ спутниковъ и отправился вмѣстѣ съ нимъ къ повелителю маговъ. Бостана, опасаясь мщенія своихъ бывшихъ единовѣрцевъ, не отставала отъ царевичей и послѣдовала за ними во дворецъ, гдѣ съ дозволенія царицы укрылась во внутреннихъ покояхъ, отецъ же ея, Бейрамъ и оругіе огнепоклонники немедленно были захвачены и приведены на судъ. Прежде всего царь повелѣлъ уничтожить ихъ дома, а потомъ отрубить головы всѣмъ виновнымъ въ истязаніи царевича Ассада, если только они не примутъ мусульманской религіи. Передъ страхомъ смерти всѣ отреклись безъ колебанія отъ своихъ прежнихъ заблужденій, а Бейрамъ, сдѣлавшись ревностнымъ мусульманиномъ, вскорѣ пріобрѣлъ особое расположеніе великаго визиря Амджіада.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, движимый чувствомъ признательности, Бейрамъ, какъ опытный морякъ, предложилъ царевичамъ отвести ихъ на родину. Я увѣренъ, говорилъ онъ имъ, что царь отецъ уже давно убѣдился въ вашей невиновности и приметъ васъ обоихъ съ распростертыми объятіями, а еслибы и не такъ, вы можете объясниться съ нимъ, не сходя на берегъ, и въ случаѣ опасности вернуться опять въ эту страну.

Братья радостно приняли его предложеніе и, съ согласія царя, начали готовиться къ отъѣзду. Благодаря усердію и опытности Бейрама, корабль былъ снаряженъ въ нѣсколько дней, и наступалъ уже часъ его отплытія, котда во дворецъ прискакалъ начальникъ пограничной стражи и со страхомъ объявилъ, что какая то неизвѣстная армія приближается къ столицѣ. Царь, застигнутый врасплохъ, не зналъ, что̀ предпринять и на что рѣшиться. Тогда Амджіадъ, подойдя къ нему, сказалъ:—Государь, хотя, по всемилостивѣйшему соизволенію твоего величества, я уже сложилъ съ себя званіе великаго визиря, но, если тебѣ будетъ угодно, стану исполнять свой долгъ, пока не минуетъ опасность; позволь же мнѣ ѣхать и узнать, какая это армія, и съ какою цѣлью она подходитъ къ городу. Царь со слезами благодарности изъявилъ на это свое согласіе, и Амджіадъ поскакалъ. Не успѣлъ онъ въѣхать въ передовую цѣпь, какъ его тотчасъ же окружили и почтительно провели къ повелительницѣ арміи царицѣ Маргіанѣ. Царевичъ преклонился

передъ нею и спросилъ: съ какимъ намѣреніемъ она приближается къ городу, съ дружественнымъ или враждебнымъ? Я не имѣю ни малѣйшаго повода къ враждѣ съ твоимъ государемъ, отвѣчала царица; владѣнія наши такъ удалены одни отъ другихъ, что у насъ не можетъ быть столкновенія. Но я съ тѣмъ предприняла этотъ походъ, чтобы просить повелителя маговъ выдать мнѣ невольника, по имени Ассада, котораго дерзко похитили у меня ваши огнепоклонники.

— Могущественная государыня; отвѣтилъ Амджіадъ, снова преклонившись, ты видишь передъ собою родного брата того невольника, котораго твоему величеству угодно розыскивать: вступи же въ нашъ городъ, и я буду имѣть счастіе представить тебѣ Ассада и сообщить обо всемъ, что произошло съ нимъ. Государь мой будетъ радъ прибытію такой высокой посѣтительницы.

Маргіана приказала своей арміи остановиться лагеремъ, а сама, въ сопровожденіи Амджіада, отправилась въ городъ. Но только что успѣла она предстать передъ царемъ и принять его почтительныя привѣтствія, какъ явился новый гонецъ и сообщилъ, что другая армія, еще болѣе многочисленная, показалась съ другой стороны города. Царь безпомощно взглянулъ на Амджіада и воскликнулъ:—Что же намъ дѣлать теперь?

Амджіадъ понялъ желаніе своего государя; не сказавъ ни слова, онъ сѣлъ на коня и помчался навстрѣчу новой арміи, которая, судя по облакамъ пыли, поднятой ею, показалась ему громадной. Подъѣхавъ къ передовому отряду, царевичъ попросилъ провести его къ главному полководцу и черезъ нѣсколько минутъ уже находился передъ благообразнымъ старикомъ съ царской короной на головѣ. Амджіадъ, признавъ въ немъ царя, распростерся ницъ и, поднявшись, почтительно спросилъ, чего онъ требуетъ отъ его государя.

— Я китайскій царь Гаіуръ, отвѣчалъ старикъ, и ничего не требую отъ повелителя маговъ, а только желаю узнать, не находится ли въ его владѣніяхъ моя дочь, царевна Бадура, или не можетъ ли онъ дать мнѣ о ней какое нибудь извѣстіе? Уже много лѣтъ тому назадъ я выдалъ ее замужъ за царевича Камаралзамана, сына царя Шахзамана, и отпустилъ новобрачныхъ для свиданія съ отцомъ, но съ той поры не видалъ ихъ болѣе. При такихъ словахъ Амджіадъ весь вспыхнулъ и приблизившись къ старику, почтительно поцѣловалъ его руку:—Прости мнѣ эту смѣлость, государь, но я позволилъ ее себѣ, какъ родной внукъ твоего величества, сынъ царя Камаралзамана и царицы Бадуры, которыхъ ты разыскиваешь.

Затѣмъ, когда онъ разсказалъ все, что было съ нимъ и съ его братомъ, китайскій царь воскликнулъ:

Утѣшься, сынъ мой, я не допущу долѣе такой вопіющей неспра-

ведливости и примирю васъ обоихъ съ отцомъ. Поѣзжай и передай это своему брату.

Вернувшись въ городъ, Амджіадъ сообщилъ царю, кто прибылъ въ его владѣнія и съ какою цѣлью. Царь, услыхавъ объ имени такого могущественнаго собрата, приказалъ немедленно готовить все во дворцѣ для торжественнаго пріема и самъ лично собрался на встрѣчу высокому гостю.

Но въ это время ему доложили, что вдали, по дорогѣ къ столицѣ, показалась еще третья армія; царь остался и снова просилъ Амджіада узнать о причинѣ ея появленія.

Царевичъ на этотъ разъ поѣхалъ въ сопровожденіи своего брата Ассада, а когда ихъ привели къ царской стоянкѣ, оба они вскрикнули отъ неожиданной радости и остановились, не вѣря своимъ глазамъ.

Передъ ними былъ царь Камаралзаманъ, который, узнавъ отъ эмира, что они живы, рѣшился во что бы то ни стало отыскать ихъ и загладить свою невольную вину, такъ долго терзавшую его горькимъ раскаяніемъ.

Какъ радостна была эта встрѣча для всѣхъ троихъ, невозможно передать никакими словами: счастливый отецъ и плакалъ, и смѣялся, прижималъ поочередно къ сердцу то того, то другого, горячо благодарилъ Бога за ниспосланную ему милость. Успокоившись послѣ перваго волненія, царевичи разсказали отцу обо всѣхъ своихъ приключеніяхъ и наконецъ сообщили, что къ городу прибылъ китайскій царь Гаіуръ. Камаралзаманъ изъявилъ желаніе повидаться съ своимъ тестемъ и уже готовъ былъ сѣсть на коня, но въ эту самую минуту вдали опять поднялись густыя облака пыли, надвигаясь все ближе и ближе, и вскорѣ за ними стала различаться еще новая, многочисленная армія, стройными рядами направлявшаяся къ городу. Амджіадъ, какъ и прежде, отправился на встрѣчу, чтобы узнать откуда она, и какая у нея цѣль.

Здѣсь точно также онъ былъ представленъ царю, такому же древнему, какъ и дѣдъ его Гаіуръ. Почтительно преклонившись, царевичъ освѣдомился, какимъ намѣреніемъ руководствуется его величество, подступая такъ близко къ столицѣ повелителя маговъ. Ему отвѣтилъ великій визирь, находившійся при особѣ царя:

— Передъ тобою царь Острова Сыновъ Каледана, имя его Шахзаманъ. Его величество ищетъ своего сына царевича Камаралзамана, который много лѣтъ тому назадъ, покинувъ отца и отечество, пропалъ безъ вѣсти. Если ты знаешь гдѣ онъ находится, государь мой съ великой радостью выслушаетъ твое сообщеніе.

Амджіадъ отвѣтилъ съ видимымъ волненіемъ, что теперь онъ ничего не можетъ сказать, но не далѣе, какъ черезъ нѣсколько минутъ надѣется привезти благопріятное извѣстіе,—и во весь опоръ поскакалъ

обратно, чтобы поскорѣе сообщить своему отцу о прибытіи царя Шахзамана.

Смѣшанное чувство радости, изумленія, раскаянія, овладѣвшее Камаралзаманомъ при этомъ извѣстіи, было такъ сильно, что онъ не выдержалъ и лишился сознанія, но лишь только пришелъ въ себя, какъ первымъ его движеніемъ было броситься къ ногамъ своего отца.

Никто изъ свидѣтелей этого свиданія не могъ удержаться отъ слезъ. до такой степени оно было трогательно: удрученный горемъ и лѣтами, старикъ отецъ съ любовью глядѣлъ на сына, прижимая его къ своей груди, и какъ то особенно грустно и ласково выговаривалъ ему, что онъ такъ долго и такъ жестоко заставлялъ его страдать; сынъ же не находилъ ни одного слова въ свое оправданіе и только глазами, полными слезъ, молилъ о прощеніи.

Всѣ три монарха и царица Маргіана болѣе недѣли прогостили у повелителя маговъ, который чествовалъ ихъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ, въ эти же дни было отпраздновано двѣ свадьбы: царевича Амджіада съ Бостаной и Ассада съ царицей Маргіаной. Наконецъ, послѣ роскошныхъ пиршествъ, всѣ царственные гости отправились въ свои владѣнія, только Амджіадъ остался у царя маговъ, который полюбилъ его такъ, что вскорѣ отдалъ ему свою корону.

Новый царь приложилъ всѣ старанія къ искорененію идолопоклонства въ своемъ государствѣ и водворенію религіи Магомета.

Сказка о Нурэддинѣ и невольницѣ-персіянкѣ.

Городъ Балсора былъ столицей государства, долго находившагося въ зависимости отъ багдадскихъ калифовъ и платившаго имъ дань. Во времена Гарунъ-аль-Рашида тамъ царствовалъ двоюродный братъ его по имени Зинбей, который, для удобства управленія дѣлами избралъ вмѣсто одного, двухъ великихъ визирей: Кайхана и Сауія.

Кайханъ былъ кротокъ, милостивъ, щедръ и настолько человѣколюбивъ, что, какъ во власти своей, такъ и въ своемъ огромномъ богатствѣ, видѣлъ только средства для непрестанныхъ добрыхъ дѣлъ. Его строгое правосудіе было извѣстно всему государству, за то не было ни одного человѣка не только въ Балсорѣ, но и во всѣхъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ, который не относился бы къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и не превозносилъ его рѣдкихъ достоинствъ.

Другой же визирь, Сауй, представлялъ совершенную противоположность первому: это былъ желчный, угрюмый, раздражительный человѣкъ и скупой до такой степени, что не только другимъ, но даже и себѣ отказывалъ въ самомъ необходимомъ. Его боялись всѣ, но въ то же

время ненавидѣли, и никто еще никогда не обмолвился о немъ ни единымъ добрымъ словомъ; одною же изъ главныхъ причинъ всеобщей ненависти была его зависть къ Кайхану, проявлявшаяся въ непрерывныхъ, хотя и неудачныхъ попыткахъ повредить ему во мнѣніи царя.

Однажды, послѣ какого то утомительнаго засѣданія совѣта, царь отдыхалъ, бесѣдуя съ своими визирями и другими высшими сановниками двора. Рѣчь зашла о тѣхъ покупныхъ рабыняхъ, которыя содержатся на положеніи законныхъ женъ и нерѣдко пользуются равнымъ съ ними значеніемъ. Одни говорили, что отъ этихъ одалисокъ ничего больше не требуется, кромѣ красоты, которую не всегда можно найти въ законныхъ супругахъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ ихъ приходится брать не по своей волѣ, а по какимъ нибудь постороннимъ соображеніямъ.

Напротивъ другіе, и въ томъ числѣ Кайханъ, утверждали, что внѣшняя красота безъ внутренней не можетъ удовлетворить разумнаго человѣка. Послѣ серьезныхъ занятій и цѣлаго дня труда, говорили они, намъ пріятно встрѣтить подругу, которая понимала бы насъ, входила въ наши интересы, а для этого она должна быть и умна, и добра, и хорошо образованна; иначе всѣ супружескія отношенія сведутся къ простому удовлетворенію животной страсти, что умаляетъ достоинство человѣка, низводя его на степень неразумныхъ тварей.

Царь былъ на сторонѣ послѣдняго мнѣнія и до того проникся доводами Кайхана, что тутъ же поручилъ ему пріискать и купить для него такую рабыню, которая вполнѣ отвѣчала бы всѣмъ выраженнымъ требованіямъ, то есть, чтобы вмѣстѣ съ совершенствомъ тѣлесной красоты, она обладала высшими качествами ума и сердца.

Сауй, задѣтый за живое этимъ новымъ предпочтеніемъ, оказаннымъ его сопернику, замѣтилъ съ дурно скрываемой злобой: Не думаю, государь, чтобы когда нибудь нашлось такое совершенство, а если сверхъ чаянія и найдется, то оно будетъ стоить твоему величеству никакъ не менѣе десяти тысячъ цехиновъ.

— Такъ что же? съ улыбкой возразилъ царь, для тебя эта сумма, можетъ быть, и велика, а для меня она ничего не значитъ.

И, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, онъ тутъ же велѣлъ своему казначею отсчитать Кайхану десять тысячъ золотыхъ монетъ.

Первымъ же дѣломъ, по возвращеніи домой, великій визирь приказалъ созвать къ себѣ всѣхъ маклеровъ при торгѣ невольницами и, объявивъ имъ о желаніи царя, подробно изложилъ его требованія. Если найдется именно такая женщина, сказалъ онъ, ведите ее ко мнѣ немедленно, а за цѣной я не постою, какъ бы высока она ни была. Съ той поры не проходило дня, чтобы къ нему не являлось по нѣскольку невольницъ различныхъ націй, съ самыми разнообразными оттѣнками кра-

соты, но ни одна изъ нихъ не совмѣщала въ себѣ всѣхъ требуемыхъ качествъ.

Наконецъ, въ одно утро, когда Кайханъ уже сѣлъ на коня, чтобы отправиться во дворецъ, къ нему поспѣшно подошелъ маклеръ и доложилъ, что наканунѣ прибылъ одинъ персидскій торговецъ, у котораго есть для продажи невольница такой дивной красоты, какой никогда еще ни видано въ этой странѣ. А на счетъ ума и образованія, добавилъ онъ, купецъ увѣряетъ, что она не уступитъ первѣйшимъ ученымъ въ мірѣ.

Великій визирь, обрадованный этимъ извѣстіемъ, дававшимъ ему надежду угодить своему государю, велѣлъ привести невольницу, какъ только онъ вернется изъ дворца.

Въ назначенный часъ маклеръ уже дожидался въ его пріемной съ высокой, стройной женщиной, окутанной покрываломъ. При первомъ же взглядѣ на нее Кайханъ убѣдился, что бо́льшей красоты не возможно и представить себѣ, а поговоривъ съ нею о разныхъ серьезныхъ предметахъ, былъ пораженъ еще болѣе ея основательными, многосторонними знаніями. Тогда, обратившись къ маклеру, онъ спросилъ, какую цѣну назначаетъ персидскій торговецъ за свою невольницу?

— Десять тысячъ цехиновъ, отвѣчалъ маклеръ, и я не думаю, чтобы тутъ можно было ожидать уступки; этотъ человѣкъ очень крѣпокъ на своемъ словѣ, къ тому же онъ поклялся мнѣ, что не беретъ ничего лишняго, а только желаетъ вернуть тѣ деньги, какія самъ потратилъ на воспитаніе и обученіе. Съ самаго дѣтства этой невольницы онъ прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы сдѣлать ее достойной какого нибудь государя, и, нужно отдать ему справедливость, труды его не пропали даромъ: она играетъ на всѣхъ инструментахъ, поетъ и танцуетъ, прекрасно пишетъ, слагаетъ стихи, и нѣтъ такой науки, съ которой бы не была знакома.

Разумѣется, все это говорилось только со словъ продавца, а на нихъ бываетъ опасно полагаться, но визирь, какъ человѣкъ умный и въ высшей степени образованный, могъ самъ опредѣлить всѣ достоинства красавицы и, дѣйствительно, послѣ долгой бесѣды съ нею, вполнѣ убѣдился, что тутъ не было преувеличенія. Восхищенный такимъ замѣчательнымъ умомъ и несравненной красотой, онъ назвалъ ее персидской жемчужиной и тотчасъ же послалъ за купцомъ одного изъ своихъ слугъ, а когда тотъ явился, визирь сказалъ ему:—Я покупаю твою невольницу не для себя, а для своего государя, поэтому ты долженъ сбавить сколько нибудь изъ назначенной цѣны.

— Милостивый господинъ, отвѣчалъ торговецъ, я не только бы уступилъ, но съ величайшей радостью принесъ бы въ даръ его величеству эту рабыню, еслибы мои ограниченныя средства дозволяли мнѣ такую значительную жертву; теперь же я могу лишь увѣрить тебя по

чистой совѣсти, что, не смотря на высокую цѣну, его величество не будетъ раскаяваться въ своемъ пріобрѣтеніи.

Визирь Кайханъ счелъ излишнимъ торговаться долѣе и велѣлъ отсчитать всю сумму сполна. Получивъ деньги, купецъ сказалъ на прощанье:—Дозволь мнѣ, господинъ мой, предложить тебѣ одинъ совѣтъ: ты купилъ рабыню для своего государя и, конечно, желаешь, чтобы онъ остался доволенъ, такъ погоди же отводить ее во дворецъ; дай ей вре-

мя оправиться отъ утомительнаго пути, подержи ее недѣли двѣ въ холѣ да въ нѣгѣ, одѣнь, какъ слѣдуетъ, и, клянусь тебѣ честью, ты самъ не узнаешь ее потомъ. Она еще во сто разъ будетъ краше.

Кайханъ не могъ не послѣдовать такому благоразумному совѣту. Онъ отвелъ невольницѣ особое, удобное помѣщеніе и строго наказалъ своей женѣ заботиться о ней постоянно, какъ о будущей супругѣ царя, не жалѣя денегъ ни на какіе наряды, лишь бы только они могли возвысить ея красоту. Потомъ, обращаясь къ самой красавицѣ, онъ добавилъ:—Тебя ожидаетъ величайшее счастіе, какое когда либо выпадало на долю женщины; ты предназначена въ супруги самому царю, такъ старайся же быть вполнѣ достойной такой высокой чести. Надѣюсь, ты оправдаешь мои ожиданія и заслужишь мнѣ благодарность государя; но и считаю долгомъ предупредить тебя объ одной опасности: у меня есть сынъ, очень неглупый и красивый юноша, только легкомысленный и смѣлый до дерзости. Берегись его пуще огня и не допускай до себя ни подъ какимъ видомъ. Красавица поблагодарила визиря и обѣщала въ точности слѣдовать его наставленіямъ.

Нурэддинъ, такъ звали сына Кайхана, дѣйствительно, могъ быть опасенъ для всякой женщины: живой, красивый, веселый, остроумный, онъ сразу производилъ неотразимое обаяніе и обладалъ замѣчательной способностью убѣждать каждаго во всемъ, въ чемъ только желалъ убѣдить; самъ же онъ собственно не имѣлъ никакихъ убѣжденій и не признавалъ никакихъ нравственныхъ правилъ. Удовольствія, пиры, забавы, вотъ все, что наполняло его жизнь. Съ красавицей, персіянкой онъ встрѣтился за столомъ своей матери, гдѣ обѣдалъ ежедневно, и, разумѣется, влюбился съ перваго же взгляда, да и красавица съ своей стороны не осталась къ нему равнодушной. Она съ удовольствіемъ предпочла бы его царю, еслибы только послѣдовало на то согласіе великаго визиря.

Нурэддинъ, всегда имѣвшій свободный доступъ къ своей матери, сталъ пользоваться теперь этимъ правомъ съ особеннымъ усердіемъ; онъ не отводилъ глазъ отъ прекрасной невольницы, говорилъ съ нею, смѣялся, шутилъ и, казалось, былъ бы радъ никогда не разставаться, еслибы мать, зорко слѣдившая за влюбленными, не выгоняла его почти насильно.

Однако все это, можетъ быть, обошлось бы благополучно и кончилось бы ничѣмъ, не случись одного непредвидѣннаго событія, которое повлекло за собой немалую бѣду. Супруга визиря, стараясь всѣми силами угодить своему мужу, накупила красавицѣ роскошныхъ нарядовъ, но прежде, чѣмъ примѣрять ихъ, она велѣла приготовить баню и послала туда персіянку съ своими прислужницами, приказавъ имъ вымыть и выхолить ее, какъ только возможно лучше. Распоряженіе было въ точности исполнено, а когда красавица вышла изъ бани, ее нарядили

въ самыя лучшія, дорогія одежды, и этотъ новый уборъ до такой степени возвысилъ ея красоту, что она стала неузнаваема.

Какъ увидала ее супруга визиря, такъ и вскрикнула отъ изумленія.—Госпожа моя, сказала персіянка, граціозно опустившись передъ нею на колѣни, твои прислужницы увѣряютъ, будто я очень похорошѣла по выходѣ изъ бани; можетъ быть, онѣ льстятъ мнѣ, а если нѣтъ, то тебѣ одной я обязана этой перемѣной.

— Милая моя, съ восторгомъ воскликнула старуха, да ты просто неузнаваема! Нѣтъ, мои прислужницы не льстятъ, и я сама не могу наглядѣться на тебя. Право, даже становится завидно, не послѣдовать ли ужъ и мнѣ твоему примѣру? продолжала она съ улыбкой; хотя въ мои года и трудно разсчитывать на такое счастливое превращеніе, а все таки, если баня не остыла, я съ удовольствіемъ пошла бы.—О, тамъ еще очень жарко, отвѣчала красавица, только не надо терять времени, если думаешь пойти.

Супруга визиря въ своихъ преклонныхъ лѣтахъ особенно любила баню, и на этотъ разъ ей не хотѣлось упустить удобнаго случая. Она тотчасъ же собралась и ушла, но предварительно приказала двумъ дѣвочкамъ рабынямъ не отходить отъ двери персіянки и ни подъ какимъ видомъ не допускать туда Нурэддина, если онъ придетъ въ ея отсутствіе.

Распоряженіе госпожи оказалось предусмотрительнымъ, потому что черезъ нѣсколько минутъ Нурэддинъ дѣйствительно явился; онъ спросилъ у невольницъ гдѣ его мать?—Въ банѣ, отвѣтили дѣвочки.—И персіянка съ нею? продолжалъ Нурэддинъ.—Нѣтъ, она тутъ, въ своей ком-

натѣ, но госпожа не велѣла пускать къ ней твою милость.—Помѣщеніе красавицы отдѣлялось отъ передней только однимъ занавѣсомъ; Нурэддинъ, ничего не отвѣтивъ, двинулся впередъ, но дѣвочки загородили ему дорогу; тогда онъ взялъ ихъ обѣихъ за руки, вывелъ изъ комнаты и заперъ дверь на ключъ. Онѣ съ крикомъ и плачемъ побѣжали къ своей госпожѣ, а юноша, откинувъ занавѣсъ, вошелъ къ персіянкѣ.

Старуха такъ всполошилась, узнавъ о дерзости сына, что даже не докончила своего омовенія и, наскоро одѣвшись, бросилась изъ бани со всей быстротой, на какую только были способны ея ноги; но Нурэддинъ тѣмъ временемъ успѣлъ уже скрыться.

— Что съ тобой, дорогая госпожа моя? тревожно спросила красавица, когда хозяйка вбѣжала къ ней въ комнату, едва переводя духъ отъ волненія и усталости,—отчего ты такъ скоро оставила баню, ужъ не случилось ли какого несчастія?—Какъ, и ты еще спрашиваешь! Да развѣ сынъ мой не былъ у тебя?

— Былъ, отвѣтила та, вся зардѣвшись.

— Ну, такъ чего-жъ еще хуже?! И какъ могла ты допустить? Не запретилъ ли тебѣ мой мужъ сближаться съ нимъ, не говорилъ ли сто разъ, что не для него онъ покупалъ тебя и не для него готовилъ?... Боже мой, что только будетъ теперь со всѣми нами!...

— Да что же такое, объясни ради Бога, съ волненіемъ заговорила персіянка, я все-таки не понимаю, въ чемъ тутъ бѣда? Мнѣ очень хорошо памятны всѣ наставленія великаго визиря, но развѣ онъ не могъ измѣнить своего намѣренія? По крайней мѣрѣ, Нурэддинъ сейчасъ увѣрялъ, что его отецъ подарилъ меня ему, а царю отдавать раздумалъ.—Ты знаешь, госпожа моя, что я, какъ рабыня, привыкшая съ дѣтства безпрекословно повиноваться волѣ своихъ господъ, не могла противиться Нурэддину и, не скрою, подчинилась ему тѣмъ охотнѣе, что, любя его всѣмъ сердцемъ, видѣла въ этомъ счастіе и для себя.

— Хорошо, еслибы это было такъ, въ раздумьѣ промолвила старуха, еслибы мужъ мой дѣйствительно измѣнилъ свое намѣреніе... Но нѣтъ, этого быть не можетъ, Нурэддинъ обманулъ тебя навѣрное!... О, Господи, и зачѣмъ только пошла я въ баню!... Тутъ она залилась слезами, заплакала и персіянка, глядя на горе своей госпожи, а за ней уже зарыдали разомъ всѣ прислужницы.

Въ эту минуту вошелъ великій визирь.—Что такое случилось? спросилъ онъ съ тревожнымъ недоумѣніемъ. Но, вмѣсто отвѣта, слезы и рыданія еще усилились, такъ что Кайханъ началъ терять терпѣніе и настоятельно потребовалъ отъ жены, чтобы она сказала наконецъ, въ чемъ дѣло.—Господинъ мой, отвѣчала жена, не переставая всхлипывать, прости ты меня, не гнѣвайся за мою невольную провинность. Видишь ли, сегодня я вздумала пойти въ баню съ своими прислужницами, а

тѣмъ временемъ сюда вошелъ Нурэддинъ и увѣрилъ нашу персіянку, что ты подарилъ ее ему, а для царя купишь другую. Тутъ и случилось то несчастіе, которое можетъ погубить насъ всѣхъ. Я не смѣю просить тебя за сына, не смѣю оправдывать его дерзкаго поступка, но это то и приводитъ меня въ такое отчаянье....

— А, такъ вотъ что! вскрикнулъ визирь Кайханъ, задыхаясь отъ гнѣва. Презрѣнный негодяй! онъ погубилъ насъ... онъ не задумался столкнуть меня въ пропасть съ самыхъ высшихъ ступеней! О, лучше бы ему не родиться на свѣтъ, чѣмъ доводить отца до дѣтоубійства.... А я убью его, убью! продолжалъ онъ кричать, ударяя себя въ грудь.

— Успокойся ради Бога, говорила жена, подумай, вѣдь бѣда еще не такъ велика, если ее можно поправить деньгами. Продай мои драгоцѣнности, ты выручишь на нихъ эти десять тысячъ цехиновъ и тогда купишь невольницу еще лучшую, еще болѣе достойную царя.

— Эхъ, да какъ же ты не понимаешь, возразилъ визирь, что дѣло тутъ не въ деньгахъ, а въ чести. Я съ радостью пожертвовалъ бы всѣмъ своимъ достояніемъ, только бы не причинять государю той обиды, которой онъ никогда не проститъ мнѣ.

— Да какая же тутъ обида, если ты купишь другую невольницу не хуже, а можетъ быть еще краше этой,—не все ли ему равно?

— Что ты говоришь!... Развѣ ты забыла, что Сауй смертельный врагъ мой и не упуститъ этого случая оклеветать меня. „Вотъ, скажетъ онъ, твоему величеству угодно было выдать вѣрному слугѣ Кайхану десять тысячъ цехиновъ для покупки рабыни, и онъ оправдалъ твое довѣріе, нашелъ такую красавицу, какой еще не видано; но, вѣроятно, она показалась ему слишкомъ хороша для твоего величества, и онъ предпочелъ подарить ее своему сыну“... Ну, что я отвѣчу тогда? Какое оправданіе я могу принести? Нѣтъ, ни говори мнѣ ничего: мы погибли, погибли безвозвратно...

— Но почему же Сауй непремѣнно долженъ знать объ этомъ событіи? продолжала жена; наши домашнія дѣла никому неизвѣстны,— мало ли что могло случиться: Ну, тебѣ не нравится невольница, ты ошибся въ ней; наконецъ, тебя просто самого обманули продали женщину вмѣсто дѣвушки. Можетъ быть, врагъ твой и будетъ подозрѣвать истину, но пока у него нѣтъ положительныхъ уликъ, онъ не рѣшится клеветать на тебя.

Эти простые доводы успокоили визиря.—Пожалуй, ты и права, сказалъ онъ, попробуемъ, можетъ быть и удастся еще и выйти изъ бѣды. Но сыну я во всякомъ случаѣ никогда не прощу этой дерзости, и лучше пусть онъ не показывается мнѣ на глаза.

Нурэддинъ и не показывался; онъ зналъ, какъ отнесется визирь къ его поступку, и потому не рѣшился даже скрыться у своихъ това-

рищей, а ушелъ въ загородный садъ и остался тамъ до тѣхъ поръ, пока, по его разсчету, отецъ долженъ былъ заснуть. Тогда онъ вернулся домой и постучался въ помѣщеніе матери, куда прислужницы осторожно впустили его. На другой день онъ снова ушелъ прежде, чѣмъ визирь проснулся, и такъ продолжалось въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Мать, конечно, знала о ночныхъ посѣщеніяхъ, и придумывала, какъ бы примирить его съ отцомъ; однако-жъ, видя, что визирь все также гнѣвается на Нурэддина, она долго не рѣшалась заговаривать объ этомъ, наконецъ не выдержала и, улучивъ удобную минуту, начала такъ: Господинъ мой, я знаю, тебѣ тяжело всякое напоминаніе о нашемъ сынѣ, да я никогда и не осмѣлилась бы завести о немъ рѣчь, если бы меня не побуждала къ тому твоя же личная польза. Нурэддинъ, какъ тебѣ извѣстно, скрывается вотъ уже болѣе мѣсяца; такъ продолжать нельзя, вѣдь каждому покажется страннымъ, что онъ постоянно убѣгаетъ изъ дому; будутъ доискиваться причины и легко могутъ узнать именно то, что ты болѣе всего желаешь скрыть.

— Да, все это, можетъ быть, и такъ, отвѣтилъ визирь, но я не могу простить его; къ тому же, кто мнѣ поручится, что онъ снова не натворитъ чего-нибудь такого, что погубитъ всѣхъ насъ?—Въ такомъ случаѣ, возразила жена, я придумала вѣрное средство, какъ исправить его, это женить на персіянкѣ. Мнѣ извѣстно, что онъ любитъ ее, о ней же и говорить нечего, она предана ему всѣмъ сердцемъ, такъ не будемъ откладывать этого полезнаго дѣла. Только сперва, я согласна, надо задать Нурэддину хорошую острастку. Видишь ли, онъ каждую ночь возвращается домой, когда ты засыпаешь, и уходитъ прежде, чѣмъ встаешь; подкарауль же его сегодня, для бо̀льшаго внушенія сдѣлай даже видъ, что хочешь убить, а я приду и стану молить тебя о пощадѣ; тогда, какъ бы ради меня, ты простишь ему и предложишь жениться на персіянкѣ.

Визирь и на этотъ разъ согласился съ доводами жены; дождавшись ночи, въ тотъ часъ, когда Нурэддинъ по обыкновенію возвращался, онъ сталъ за дверью, а лишь только тотъ вошелъ, схватилъ его за шиворотъ и, пригнувъ къ землѣ, занесъ надъ нимъ кинжалъ.

Въ ту же минуту вбѣжала мать и, бросившись на колѣни передъ мужемъ, какъ бы насильно вырвала у него оружіе. Господинъ мой, молила она, убей лучше меня, но не обагряй своихъ рукъ въ крови роднаго сына... Нурэддинъ воспользовался этимъ и, обнимая ноги отца, цѣлуя ихъ въ знакъ своей покорности, со слезами просилъ пощадить имъ же дарованную молодую жизнь.

— Ну, слушай же, Нурэддинъ, сказалъ визирь, ради слезъ твоей матери я прощаю тебя, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты взялъ себѣ

персіянку не какъ рабу или наложницу, а въ качествѣ своей законной жены, которую ты не можешь не только продать, но и покинуть. Я требую этого и желаю, потому что она лучше, честнѣе, нравственнѣе тебя, и можетъ предохранить твою молодость отъ безумныхъ увлеченій, которыя, рано или поздно, всегда доводятъ до погибели.

Нурэддинъ, уже никакъ не ожидавшій такой милости, благодарилъ отца и клятвенно обѣщалъ во всю жизнь не нарушать его воли.

Прошло послѣ того болѣе года; царь уже давно пересталъ думать о покупкѣ рабыни, и постепенно эта исторія забылась сама собой. Сауй хотя и помнилъ, и подозрѣвалъ кое-что, но не осмѣливался нападать на своего противника, который постоянно пользовался особой милостью царя.

Такимъ образомъ уже ничто болѣе не омрачало счастливой жизни Кайхана, и, казалось, счастью этому не будетъ конца. Но, вотъ однажды онъ отправился въ баню, а тамъ вдругъ вспомнилъ о какомъ то важномъ государственномъ дѣлѣ и поспѣшилъ выйти, не давъ времени остыть какъ слѣдуетъ своему тѣлу; погода стояла сырая, холодная, вслѣдствіе чего съ нимъ сначала сдѣлалась лихорадка, а потомъ болѣзнь стала быстро усложняться, усиливаться, и вскорѣ уже не оставалось ни малѣйшей надежды на выздоровленіе. Чувствуя приближеніе смерти, визирь сказалъ Нурэддину, который безотлучно находился около него во все время болѣзни:—Сынъ мой, не знаю, насколько удалось мнѣ исполнить свой долгъ, и такъ ли слѣдовало распоряжаться богатствами, ввѣренными мнѣ Богомъ, во всякомъ случаѣ я стремился къ добру, старался приносить пользу по мѣрѣ своихъ силъ, дѣлай и ты то же самое, а главное, не забывай своего обѣщанія никогда не покидать жены, поклянись мнѣ въ этомъ еще разъ, чтобы я могъ умереть спокойно... То были послѣднія слова Кайхана, черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ.

Нурэддинъ искренно и глубоко былъ огорченъ потерей отца; онъ оплакивалъ его въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и во все это время не только не выходилъ никуда, но и никого не принималъ у себя. Наконецъ, по настоятельной просьбѣ одного изъ своихъ друзей, онъ согласился повидаться съ нимъ. Этотъ другъ, послѣ обычныхъ соболѣзнованій, сталъ доказывать Нурэддину, что нельзя же вѣчно грустить и печалиться, что пора ему прекратить свое уединеніе и пользоваться жизнью.—Мы погрѣшили бы противъ природы и противъ законовъ человѣческихъ, говорилъ онъ, еслибы стали равнодушно относиться къ смерти своихъ кровныхъ и не оплакивали ихъ утраты, но на все есть время, на все есть мѣра: какъ только долгъ исполненъ, приличія соблюдены, мы должны возвратиться къ прежнему образу жизни и не избѣгать общества.

Нурэддинъ безъ труда сдался на эти убѣжденія; онъ долго бесѣдовалъ съ своимъ другомъ, угостилъ его и просилъ привести съ собой на другой день еще трехъ или четырехъ молодыхъ людей изъ ихъ общихъ знакомыхъ. Во всемъ этомъ собственно ничего не было предосудительнаго, и еслибы Нурэддинъ умѣренно пользовался своей свободой, онъ прожилъ бы такъ, какъ живутъ тысячи богатыхъ людей; но благоразуміе было не въ его характерѣ. Вскорѣ онъ составилъ кружокъ человѣкъ изъ пятнадцати сверстниковъ и сталъ проводить съ ними въ пирахъ и весельѣ цѣлые дни, а иногда ночи.

Тщеславный, расточительный, онъ разбрасывалъ деньги направо и налѣво безъ цѣли, безъ всякой необходимости, желая только блеснуть своими богатствами и щедростью; а друзья пользовались этой слабостью, льстили ему, восхваляли его необыкновенныя качества и обирали безъ стыда и стѣсненія. Одинъ говорилъ, напримѣръ:—Вчера я проѣзжалъ мимо твоей загородной дачи, ну, что за прелесть... какія чудныя постройки, какіе чудные сады!... Это просто рай земной.

— А, тебѣ нравится, отвѣчалъ Нурэддинъ, такъ дайте же мнѣ все, что нужно для письма. И онъ немедленно выдавалъ дарственную запись ловкому льстецу. Другой хвалилъ домъ, третій дорогую вещь, и каждый непремѣнно получалъ что нибудь.

Часто среди пира, чтобы похвастаться красавицей-женой, Нурэддинъ призывалъ персіянку. Та не отказывалась, приходила, была весела и привѣтлива, но, оставаясь съ мужемъ наединѣ, всегда умоляла его измѣнить образъ жизни.—Невозможно, мой милый, продолжать такъ, гововила она, вѣдь никакихъ богатствъ не хватитъ на такія растраты. Ну, что, если ты дойдешь до полной нищеты? Нурэддинъ обыкновенно слушалъ ее съ насмѣшливой улыбкой и отвѣчалъ также со смѣхомъ: —Оставимъ это, моя красавица, для старухъ, которымъ больше нечего дѣлать, какъ только читать наставленія. Нужно жить, пока молоды; я

достаточно натерпѣлся всякаго стѣсненія подъ властью отца и теперь хочу, какъ слѣдуетъ, воспользоваться своей свободой.

Хуже всего было то, что онъ никогда не повѣрялъ своихъ расходовъ и питалъ неодолимое отвращеніе ко всякимъ счетамъ; стоило только показаться дворецкому съ книжкой въ рукахъ, какъ молодой хозяинъ уже гналъ его и кричалъ, чтобы онъ никогда не смѣлъ являться къ нему съ этими глупостями.

— Я тебѣ вѣрю, говорилъ онъ, и требую одного, чтобы всегда было всего вволю.

— Какъ угодно, господинъ мой, рѣшался иногда отвѣтить дворецкій, но все-таки дозволь напомнить твоей милости, что кто разбрасываетъ деньги безъ счета, тому, рано или поздно, нечего будетъ считать. Ты вѣдь не довольствуешься одними расходами на пиры, а еще раздаешь кому ни попало. Для этого не хватитъ никакихъ богатствъ, будь они хоть съ гору...—Убирайся, говорятъ тебѣ! кричалъ на это Нурэддинъ, я не нуждаюсь въ твоихъ совѣтахъ. Заботься объ одномъ, чтобы все было хорошо, а до остальнаго тебѣ нѣтъ никакого дѣла.

Словомъ, Нурэддинъ цѣлый годъ только и дѣлалъ, что ѣлъ, пилъ и угощалъ своихъ друзей, праздновалъ и веселился, расточая огромныя богатства, собранныя трудами и бережливостью предковъ. Но вотъ однажды, во время обычнаго пира, кто-то постучался въ дверь; она всегда запиралась въ этихъ случаяхъ, а слуги высылались изъ комнаты, чтобы не стѣснять своимъ присутствіемъ веселья господъ.

Одинъ изъ гостей уже всталъ было, чтобы отворить, но Нурэддинъ предупредилъ его и вышелъ самъ. Увидавъ своего дворецкаго, онъ быстро захлопнулъ дверь и спросилъ недовольнымъ тономъ:—Что еще нужно?

— Господинъ мой, отвѣчалъ дворецкій, тысячу разъ прошу извинить меня, что осмѣливаюсь нарушить твой веселый пиръ, но я не могъ откладывать долѣе; случилось наконецъ именно то, чего и слѣдовало ожидать: денегъ нѣтъ, доходовъ ни откуда не предвидится; дома, лавки, земельныя владѣнія, все это или давно уже продано тобою, или же подарено, такъ что куда я ни обращался отъ твоего имени, всюду получалъ насмѣшливый отказъ. Такъ продолжать нельзя: ты или выдай мнѣ новыя суммы на расходъ, или ужъ уволь совсѣмъ; кажется, дѣлать больше здѣсь нечего. Нурэддинъ опустилъ голову и, не сказавъ ни одного слова, вернулся къ своимъ гостямъ.

Но въ то время, какъ онъ находился въ отсутствіи, одинъ изъ друзей ловко прокрался вслѣдъ за нимъ и, притаившись между дверью и занавѣсомъ, подслушалъ докладъ дворецкаго. Узнавъ, что Нурэддинъ разоренъ, преданный другъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ всей остальной компаніи и съ какимъ-то злорадствомъ добавилъ:—Не знаю, какъ

вы, а я такъ здѣсь въ послѣдній разъ.—Еще бы! заговорили другіе, если правда, что онъ нищій, кому же охота съ нимъ знаться.

Въ эту минуту вошелъ хозяинъ. Не смотря на все стараніе казаться веселымъ, онъ не могъ не проявить своей внутренней тревоги, такъ что гости сразу убѣдились въ справедливости сообщеннаго имъ извѣстія, и не успѣлъ еще Нурэддинъ занять своего мѣста, какъ одинъ изъ пировавшихъ всталъ и началъ прощаться.—Куда же ты? воскликнулъ хозяинъ, что заставляетъ тебя такъ рано покидать насъ?—Извини, любезный другъ, отвѣчалъ тотъ, не могу пробыть ни минуты долѣе, сегодня жена моя родила, а ты знаешь, какъ необходимо въ такихъ случаяхъ присутствіе мужа.

Вслѣдъ за этимъ поднялся другой гость, за нимъ третій, четвертый, и вскорѣ, подъ разными предлогами, разошлись всѣ пятнадцать.

Нурэддинъ не могъ подозрѣвать настоящей причины удаленія своихъ друзей; весь поглощенный тревожными думами, онъ поспѣшилъ къ женѣ, чтобы подѣлиться съ нею своимъ горемъ. Она выслушала его довольно спокойно и потомъ сказала: Что же, рано или поздно это должно было случиться: такая расточительность ни къ чему другому привести не можетъ, я давно говорила тебѣ объ этомъ, предупреждала, но ты не хотѣлъ меня слушать. Теперь остается только покориться своей судьбѣ и придумать какія нибудь иныя средства къ жизни.

— Да, все это такъ, проговорилъ Нурэддинъ со слезами искренняго раскаянія, я одинъ виноватъ въ своемъ несчастіи и горько жалѣю, что не хотѣлъ принять твоихъ разумныхъ совѣтовъ, но прошлаго, видно, не воротишь, хорошо еще, что до своего разоренія я успѣлъ пріобрѣсти себѣ вѣрныхъ и преданныхъ друзей, а это большое утѣшеніе. Всѣ они такъ много и часто были облагодѣтельствованы мною, что, конечно, не откажутся помочь мнѣ въ трудную минуту. Завтра я отправлюсь къ нимъ и, навѣрное, соберу достаточную сумму, чтобы начать новую жизнь.

— Ахъ, другъ мой, возразила персіянка, если у тебя нѣтъ другой надежды, помимо этой, то положеніе твое печально. Повѣрь мнѣ, что всѣ эти преданные друзья завтра же отрекутся отъ тебя. Впрочемъ, попытайся, по крайней мѣрѣ самъ узнаешь, какова эта дружба.

Нурэддинъ былъ инаго мнѣнія относительно людской благодарности; онъ не смутился словами персіянки и на другой же день отправился къ своимъ друзьямъ. Всѣ они жили не въ дальнемъ разстояніи, но онъ началъ съ ближайшаго, на котораго къ тому же особенно разсчитывалъ, и смѣло постучался въ его дверь: черезъ минуту вышла служанка. Хозяинъ дома, спросилъ Нурэддинъ.

— Дома, отвѣтила та, но какъ о тебѣ доложить?

— Скажи, что его желаетъ видѣть Нурэддинъ, сынъ покойнаго,

визиря Кайхана. Служанка провела его прямо въ пріемную и пошла съ докладомъ къ своему господину. Какой тамъ еще Нурэддинъ! послышался сердитый голосъ хозяина.—Скажи, что меня дома нѣтъ, и всегда говори тоже, когда бы онъ ни пришелъ. Сложное чувство обиды, униженія, злобы поднялось въ душѣ Нурэддина, когда онъ услыхалъ этотъ грубый отвѣтъ, очевидно съ намѣреніемъ произнесенный громко. Трудно было ему побороть свое справедливое негодованіе, однако же онъ осилилъ его и вышелъ, молча, ободряя себя мыслью, что такая возмутительная неблагодарность должна быть исключеніемъ и не повторится въ другихъ. Но ни у кого изъ всѣхъ остальныхъ своихъ друзей Нурэддинъ не только не нашелъ помощи, а даже не былъ и принятъ.

Грустный, оскорбленный до глубины души, мучимый безсильнымъ гнѣвомъ, онъ вернулся домой и разсказалъ персіянкѣ о своемъ униженіи, о черной неблагодарности своихъ недавнихъ друзей.

— Къ сожалѣнію, я опять оказалась права, печально промолвила красавица; ну, убѣдился ли ты наконецъ, какъ ненадежна людская дружба? Да, я вижу теперь, что богатый человѣкъ подобенъ дереву, отягченному плодами. Чѣмъ обильнѣе на немъ пожива, тѣмъ больше льнетъ къ нему людей, но какъ только отрясутъ и оберутъ его дочиста, всѣ отходятъ прочь.

Эхъ, горько, это тяжело, такъ тяжело, что я боюсь дойти до отчаянія и, не владѣя собою, совершить какой нибудь недостойный поступокъ. Поддержи меня, милая, помоги своими разумными совѣтами.

— По моему мнѣнію, отвѣчала персіянка, тебѣ ничего не остается, какъ продать всѣхъ слугъ, всю домашнюю утварь, и жить на вырученныя деньги насколько возможно умѣреннѣе, пока не представится чего нибудь лучшаго.

Тяжело было Нурэддину послѣдовать этому совѣту; ему приходилось не только измѣнить свой прежній образъ жизни, но и отказаться отъ всего, къ чему онъ привыкъ съ самаго дѣтства, однако, дѣлать было нечего, сначала онъ продалъ рабовъ, какъ лишнюю обузу, которая требовала еще расходовъ на содержаніе, а когда деньги были прожиты, сталъ продавать и утварь, всю домашнюю обстановку, собранную нѣсколькими поколѣніями его предковъ и стоившую въ свое время огромныхъ денегъ, теперь же, разумѣется, при спѣшной вынужденной продажѣ, все это пошло за безцѣнокъ. Наконецъ, когда послѣдній источникъ изсякъ, и продавать уже было нечего, Нурэддинъ снова пришелъ въ отчаяніе; онъ ходилъ взадъ и впередъ по опустѣлымъ комнатамъ, печальный, унылый, разражаясь порою горькими жалобами на свое безъисходное положеніе.—Что же ты все молчишь? воскликнулъ онъ вдругъ, остановившись передъ персіянкой, или уже и сама не знаешь, что дѣлать?

Этотъ вопросъ внезапно вывелъ красавицу изъ ея горестнаго раздумья, она подняла свою склоненную голову, съ любовью взглянула на Нурэддина и тихо, но твердо проговорила:—Нѣтъ, знаю, придумала. Потомъ продолжала съ спокойной рѣшимостью:—Продай меня, это единственное средство; тебѣ извѣстно, что покойный визирь, отецъ твой, заплатилъ за меня десять тысячъ цехиновъ, теперь, разумѣется, я понизилась въ цѣнѣ, но все же навѣрное стóю еще дорого, а если тебѣ удастся выручить хотя половину первоначальной суммы, ты можешь тогда завести торговлю въ какой нибудь чужой странѣ, гдѣ тебя не знаютъ, и жить если не съ прежней роскошью, то по крайней мѣрѣ безъ особыхъ лишеній.

Нурэддинъ могъ ожидать всего, только не такого отвѣта своей красавицы, и потому удивленію его не было границъ. — Что ты, Господь съ тобой! сказалъ онъ почти съ испугомъ, можно ли даже допустить такую мысль?... Развѣ ты не знаешь, что я далъ клятву отцу никогда не разлучаться съ тобой? я уже не говорю о своей любви къ тебѣ, которая, видно, сильнѣе и глубже твоей, иначе ты не могла бы такъ спокойно предложить мнѣ разлуку.

— Спокойно!... съ горькой улыбкой повторила персіянка, о, дорогой другъ и господинъ мой, Богу одному извѣстно, какъ я люблю тебя и сколько выстрадала прежде, чѣмъ рѣшилась разстаться съ тобой. Но подумай, вѣдь въ этомъ твое единственное спасеніе отъ нищеты.... Въ любовь твою я вѣрю, и если она не пройдетъ, если дѣла современемъ поправятся, ты выкупишь меня, и мы снова соединимся уже неразрывно.

Нурэддинъ не нашелъ никакихъ возраженій противъ этихъ доводовъ; какъ ни грустно, какъ ни тяжело было у него на сердцѣ, онъ рѣшился послѣдовать совѣту и въ тотъ же день повелъ свою красавицу на рынокъ невольницъ.

Тамъ, не успѣлъ онъ заявить о продажѣ, какъ подошелъ знакомый маклеръ Хаджи Гассанъ и предложилъ найти покупателя, если товаръ окажется хорошаго качества.—А сначала, какъ водится, мнѣ надо взглянуть самому, добавилъ онъ и, съ согласія Нурэддина, провелъ его вмѣстѣ съ невольницей въ закрытое помѣщеніе, гдѣ она тотчасъ же откинула свою чадру. — Боже мой, воскликнулъ маклеръ, да вѣдь это та самая красавица, которую годъ тому назадъ купилъ покойный отецъ твой за десять тысячъ цехиновъ?! О, я хорошо ее помню и могу поручиться, что тебѣ дадутъ за нее не малую сумму. Подожди же меня здѣсь, пока я не пріищу покупателей. Онъ подошелъ къ группѣ купцовъ и, дождавшись окончанія какой то сдѣлки, заговорилъ съ ними, сопровождая свою рѣчь веселой улыбкой и разными прибаутками. — Почтенные господа, сказалъ онъ, вы вѣдь знаете, не все чтó кругло, то орѣхъ, не все то золото, что блеститъ, а я хочу показать вамъ настоящее золото самой

высшей пробы. Вы конечно видали и покупали на своемъ вѣку много разныхъ красавицъ, но такой, какая у меня есть на примѣтѣ, навѣрное не встрѣчали во всю свою жизнь. Не угодно ли взглянуть? Пожалуйте. Это настоящая жемчужина, и я хочу, чтобы вы сами назначили цѣну, съ какой мы начнемъ торгъ

Купцы послѣдовали за нимъ, а увидавъ невольницу, такъ и остолбенѣли отъ восхищенія; всѣ тутъ же единогласно рѣшили, что менѣе четырехъ тысячъ нельзя назначить за нее съ перваго слова. Когда они вышли, Хаджи Гассанъ затворилъ за ними дверь и, ставъ на возвышеніе, прокричалъ громкимъ голосомъ:—Невольница персіянка, четыре тысячи цехиновъ, кто больше?

Такая высокая оцѣнка обратила вниманіе находившагося на рынкѣ визиря Сауія и заставила его предположить, что невольница должна быть необычайно красива. Онъ направилъ своего коня къ столпившимся купцамъ и крикнулъ Хаджи Гассану:— А ну ка, покажи свой товаръ!

Хотя вмѣшиваться въ торгъ, начатый другими, считалось неблаговиднымъ и было не въ обычаяхъ торговаго міра, но ни у кого изъ купцовъ не хватило смѣлости отстаивать свои права, всѣ они знали жестокій нравъ великаго визиря и всѣ боялись его, какъ огня. Хаджи Гассанъ безпрекословно отворилъ дверь, вывелъ красавицу и приподнялъ надъ ней покрывало такъ, чтобы Сауй могъ видѣть ея лицо. Тотъ сразу плѣнился красотой персіянки и, бросивъ суровый взглядъ на купцовъ, проговорилъ: — Невольница останется за мной, я даю четыре тысячи

цехиновъ. Купцы поняли этотъ взглядъ, который равнялся приказанію, и потому никто не посмѣлъ надбавлять цѣны.

Хаджи Гассанъ, увидавъ, что дѣло принимаетъ невыгодный оборотъ, подошелъ къ Нурэддину и шепнулъ ему на ухо: — Я совѣтовалъ бы тебѣ не продавать сегодня своей невольницы; этотъ проклятый визирь зажалъ ротъ всѣмъ купцамъ, и теперь они уже не дерзнутъ надбавить ни одного цехина; а уступить ему за четыре тысячи было бы безразсудно, къ тому же вѣдь Сауй такой человѣкъ, что и изъ этой суммы съумѣетъ оттягать что нибудь.—Да я никогда и не подумаю продавать ему, сказалъ Нурэддинъ, сохрани меня Богъ! Лучше умру съ голоду, чѣмъ соглашусь уступить свою красавицу этому отъявленному врагу нашего семейства. Нѣтъ, я попрошу тебя только объ одномъ: ты человѣкъ опытный, научи же меня, какъ прекратить этотъ торгъ, никого не обижая.

— О, это очень легко, отвѣтилъ Хаджи Гассанъ; скажи при всѣхъ, что ты разсердился на свою рабыню и хотѣлъ только постращать ее продажей, но вовсе не думалъ исполнять своей угрозы. Это вполнѣ удовлетворитъ всѣхъ, и никто не будетъ въ правѣ обижаться.

— Благодарю, сказалъ Нурэддинъ, я непремѣнно воспользуюсь твоимъ совѣтомъ. Дѣйствительно, когда Хаджи Гассанъ вернулся къ визирю и сталъ было передавать ему персіянку, хозяинъ поспѣшно подошелъ къ ней и, схвативъ ее за руку, грубо притянулъ къ себѣ.—Ну, довольно съ тебя, сказалъ онъ громко, на этотъ разъ прощаю, но только смотри впередъ не выводи меня изъ терпѣнія, иначе продамъ и въ самомъ дѣлѣ. Иди же теперь домой, ты еще нужна мнѣ, да я и не въ такой крайности, чтобы продавать тебя всякому...

— А что же у тебя осталось, безпутный мотъ! проговорилъ визирь Сауй, весь вспыхнувъ отъ гнѣва, и направился прямо на Нурэд-

дина, чтобы силой отнять у него невольницу. Возмущенный такой дерзостью, Нурэддинъ схватилъ его лошадь подъ уздцы и круто осадилъ назадъ. — Бородатый чортъ! воскликнулъ онъ въ ярости, я сейчасъ же выпустилъ бы изъ тебя духъ, еслибы меня не удерживало присутствіе этихъ почтенныхъ господъ.

Но онъ напрасно опасался чьего либо вмѣшательства; Сауй настолько былъ нелюбимъ, даже ненавидимъ во всѣхъ слояхъ населенія, что въ многочисленной толпѣ, собравшейся на шумъ, не нашлось ни одного человѣка, который бы втайнѣ не радовался его униженію; нѣкоторые же прямо поощряли Нурэддина, показывая ему выразительными знаками, какъ слѣдуетъ расправиться съ обидчикомъ.

Между тѣмъ Сауй, желая освободиться отъ противника, пришпорилъ свою лошадь, она было рванулась, но Нурэддинъ, ловкій и сильный отъ природы, въ одну минуту стащилъ его съ сѣдла и повалилъ прямо въ грязь; потомъ, ободряемый дружнымъ хохотомъ толпы, сталъ наносить ему ударъ за ударомъ, не щадя и бородатаго лица. Десять невольниковъ, сопровождавшихъ визиря, обнажили было сабли, чтобы защитить своего господина, но ближайшіе зрители удержали ихъ.

— Ну, куда вы суетесь, говорили они, развѣ не знаете, что если вашъ господинъ, визирь, за то другой,—сынъ визиря, они равны между собою, такъ пусть и сводятъ свои счеты, какъ сами знаютъ; имъ не долго и помириться послѣ драки, а если вы убьете Нурэддина, то жестоко отвѣтите передъ царемъ, ни одному тогда не сносить головы. Тѣмъ временемъ Нурэддинъ уже и самъ утомился своей расправой съ великимъ визиремъ, онъ оставилъ его среди лужи и, взявъ подъ руку персіянку, пошелъ съ нею домой, сопровождаемый одобрительными возгласами толпы.

Избитый и униженный до послѣдней степени, Сауй съ трудомъ поднялся изъ грязи при помощи своихъ слугъ и, опираясь на нихъ, отправился прямо во дворецъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ былъ.—Что это значитъ? спросилъ царь, съ изумленіемъ оглянувъ его съ головы до ногъ.—Государь, отвѣчилъ визирь, за то, что я имѣю счастіе пользоваться милостями твоего величества и служить представителемъ твоей священной особы, со мной вотъ и осмѣливаются поступать такимъ недостойнымъ образомъ...—Къ дѣлу, къ дѣлу, перебилъ его царь. Говори прямо, кто тебя такъ изукрасилъ?

Какъ опытный придворный, Сауй, разумѣется постарался представить все это происшествіе въ самомъ выгодномъ для себя свѣтѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ затронуть самолюбіе царя.—Государь, началъ онъ, сегодня я отправился на рынокъ, чтобы купить себѣ хорошую повариху. Вдругъ при самомъ въѣздѣ, слышу какой то маклеръ выкрикиваетъ невольницу за четыре тысячи цехиновъ; мнѣ захотѣлось узнать, почему она такъ

дорого стоитъ и кому принадлежитъ; навелъ я справки, и что же оказалось, государь! Эта рабыня была та самая, которую покойный визирь Кайханъ купилъ было для твоего величества, на твои же деньги, но вмѣсто того, чтобы представить по назначенію, онъ подарилъ ее своему сыну, вѣроятно, не считая тебя достойнымъ обладать такою красавицей. Теперь этотъ сынъ, промотавшись до чиста, вывелъ ее на рынокъ. Я давно зналъ эту исторію и молчалъ только изъ опасенія потревожить твое величество, а тутъ мнѣ вдругъ пришла мысль купить красавицу и вручить ее тебѣ, какъ твою собственность. Съ этой цѣлью подъѣзжаю я къ Нурэддину и говорю ему самымъ спокойнымъ образомъ:—Мнѣ извѣстно, что купцы назначили за твою невольницу четыре тысячи цехиновъ; безъ сомнѣнія они возвысили бы цѣну при дальнѣйшемъ торгѣ; но ты, надѣюсь, согласишься уступить мнѣ безъ надбавки,

потому что я покупаю не для себя, а для его величества и, если хочешь, принесу ему этотъ даръ отъ твоего имени, тогда, конечно, ты не останешься въ накладѣ. Казалось бы, что могло быть обиднаго въ такомъ предложеніи, однакожъ Нурэддинъ, вмѣсто того, чтобы отвѣтить на него какъ слѣдовало, вдругъ взбѣленился и сталъ всячески поносить и меня, и твое величество.—Бородатый чортъ! кричалъ онъ въ неистовствѣ, я лучше отдамъ свою невольницу первому встрѣчному жиду, чѣмъ тебѣ съ твоимъ государемъ. Какъ ни грубы и ни оскорбительны были эти слова, я все таки сдержалъ себя и отвѣтилъ, даже не возвышая голосъ:—Нерэддинъ, вѣдь ты оскорбляешь не меня, а самого царя,—наше-

го властелина, вспомни, что покойный отецъ твой былъ взысканъ милостями его величества не менѣе, чѣмъ я. Но это, повидимому, только еще болѣе ожесточило Нурэддина; онъ ринулся, какъ дикій звѣрь, стащилъ меня съ коня и принялся колотить изо всей мочи. Государь, закончилъ визирь, я не говорю уже о себѣ, но поруганная честь твоего величества требуетъ отмщенія.

При этихъ словахъ онъ опустилъ голову и отвернулся, какъ бы затѣмъ, чтобы отереть слезы.

Коварныя рѣчи визиря произвели свое дѣйствіе: царь пришелъ въ страшную ярость. Призвавъ начальника стражи, онъ приказалъ ему взять сорокъ человѣкъ солдатъ, разрушить съ ними до основанія жилище Нурэддина, а самого его вмѣстѣ съ невольницей представить во дворецъ.

Несчастному грозила не минуемая гибель, еслибы его не спасъ дворцовый служитель Санджіаръ, бывшій когда то невольникомъ визиря Кайхана и обязанный ему своимъ возвышеніемъ. Услыхавъ о грозномъ приказѣ царя, онъ опрометью бросился къ Нурэддину и во время успѣлъ предупредить его объ опасности.—Бѣги, бѣги скорѣй, сказалъ онъ ему, царь такъ разгнѣванъ доносомъ визиря Сауія, что не приметъ отъ тебя никакихъ оправданій, и ты непремѣнно будешь казненъ, если не скроешься... Бѣги же! Вотъ тебѣ сорокъ цехиновъ на дорогу, я далъ бы, конечно, больше, еслибы имѣлъ время вернуться домой, но это невозможно, солдаты уже идутъ сюда.

Нурэддинъ въ нѣсколькихъ словахъ сообщилъ персіянкѣ о грозившей опасности, и въ ту же минуту они оба поспѣшно вышли изъ дому,

не успѣвъ даже ничего захватить съ собою. Имъ удалось не только благополучно выбраться изъ города, но и достигнуть устья рѣки Эвфрата, гдѣ какой то корабль готовился къ отплытію. Когда они подходили къ берегу, капитанъ, стоя на палубѣ, уже отдавалъ послѣднія приказанія, но замѣтивъ новыхъ пассажировъ, онъ тотчасъ же выслалъ за ними шлюпку.

Укрывшись отъ преслѣдованія, бѣглецы вздохнули съ облегченіемъ, а потомъ и совсѣмъ успокоились, когда узнали, что они направляются къ Багдаду, гдѣ царствовалъ въ то время покровитель всѣхъ несчастныхъ, знаменитый калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ. Капитанъ отдалъ приказаніе сняться съ якоря, поднять паруса, и корабль, подгоняемый попутнымъ вѣтромъ, сталъ быстро удаляться отъ Балсоры.

Въ это время начальникъ стражи, въ сопровожденіи сорока солдатъ, явился въ домъ Нурэддина и, не заставъ хозяина, искалъ его всюду; онъ разспрашивалъ сосѣдей, освѣдомлялся у всѣхъ прохожихъ, но ничего не могъ узнать. Нурэддина всѣ любили за его простоту и честность, а потому, еслибы кто и видѣлъ, куда онъ направился, не рѣшился бы донести на него. Когда, послѣ поисковъ, начальникъ стражи вернулся во дворецъ, ограничившись только разрушеніемъ дома, царь, еще болѣе разгнѣванный такой неудачей, приказалъ искать по всему городу и во всѣхъ окрестностяхъ, обѣщая богатую награду тому, кто захватитъ Нурэддина съ его невольницей, или укажетъ, гдѣ они укрылись. Но все было напрасно.

Нурэддинъ и персіянка благополучно продолжали свое плаваніе, а черезъ нѣсколько дней корабль уже подходилъ къ Багдаду. Въ виду громаднаго города, капитанъ, довольный счастливымъ окончаніемъ пути, воскликнулъ, обращаясь къ собравшимся вокругъ него пассажирамъ:—Дѣти мои, вотъ городъ лучше и богаче котораго нѣтъ во всемъ мірѣ! Жители его не знаютъ ни холода, ни томительной лѣтней жары; здѣсь царствуетъ

вѣчная весна, совмѣщая свои душистые цвѣты и свѣжую зелень съ роскошными плодами осени.

Корабль остановился недалеко отъ берега, и пассажиры, при посредствѣ лодокъ, стали высаживаться и расходиться въ развыя стороны каждый по своимъ дѣламъ. Само собою разумѣется, что у Нурэддина съ персіянкой не было здѣсь ни дѣла, ни опредѣленной цѣли; не зная даже, куда направиться, они пошли наобумъ вдоль роскошныхъ садовъ, окаймлявшихъ берега Тигра, и вскорѣ остановились у высокихъ, красивыхъ воротъ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ, въ углубленіяхъ, стояли роскошныя софы, обитыя золотистымъ сафьяномъ.

— Ахъ, какъ хорошо здѣсь! воскликнулъ Нурэддинъ, давай отдохнемъ и переночуемъ на этомъ мѣстѣ, а завтра будемъ искать уже настоящаго пристанища.

— Какъ хочешь, отвѣтила персіянка, я всегда согласна съ тобой.

Такъ какъ они уже успѣли поужинать на кораблѣ, то теперь, освѣжившись у фонтана, тотчасъ же легли вмѣстѣ на одну софу и, поговоривъ немного, незамѣтно заснули.

Садъ, у воротъ котораго расположились молодые путники, принадлежалъ самому калифу; тамъ, на значительномъ возвышеніи, окруженный цвѣтущими кустами и деревьями, красовался громадный, великолѣпный кіоскъ, носившій названіе Храма Живописи, такъ какъ главнымъ его украшеніемъ были разнообразныя картины, лучшихъ персидскихъ мастеровъ. Обширный залъ этого кіоска освѣщался восьмидесятью окнами съ висячими люстрами въ каждомъ окнѣ и съ большими серебряными канделябрами во всѣхъ простѣнкахъ. Когда калифъ проводилъ здѣсь вечеръ, и погода стояла тихая, кіоскъ, весь залитый блескомъ огней, былъ видѣнъ далеко изъ окрестностей и представлялъ очаровательное зрѣлище.

Все это вмѣстѣ съ обширнымъ садомъ находилось подъ присмотромъ одного только сторожа, по имени Шейха-Ибрагима, стараго, заслуженнаго солдата, получившаго это назначеніе отъ самого калифа, въ награду за долголѣтнюю службу; на немъ лежала обязанность строго наблюдать, чтобы въ садъ не проникали посторонніе люди, и чтобы никто не смѣлъ садиться на софы, стоявшія снаружи въ углубленіяхъ воротъ.

Въ тотъ вечеръ Шейхъ-Ибрагимъ еще засвѣтло совершалъ свой обычный обходъ вокругъ сада и, увидавъ какихъ-то людей, лежавшихъ на софѣ, возмутился такой небывалой дерзостью.—Ахъ, канальи! подумалъ онъ, смотри пожалуйста, расположились словно у себя дома. Хорошо же, вотъ я сейчасъ научу васъ повиноваться волѣ нашего государя... Сторожъ крѣпко сжалъ въ рукѣ свою толстую бамбуковую трость, тихонько пріотворилъ ворота и сталъ подходить къ спящимъ, засучивая

по дорогѣ рукава. Онъ уже совсѣмъ готовъ былъ начать расправу, какъ вдругъ одумался и опустилъ поднятую палку.

— Погоди, Шейхъ-Ибрагимъ, сказалъ онъ себѣ, надо сперва разузнать все толкомъ; можетъ быть, это иностранцы, люди, которые не знаютъ нашихъ порядковъ и отъ роду не слыхали о распоряженіяхъ калифа, тогда за что же ихъ наказывать? Побуждаемый этой великодушной мыслью, онъ тихонько потрогалъ Нурэддина за ногу.

Тотъ мгновенно проснулся и, увидавъ передъ собой благообразнаго старца съ длинной, сѣдой бородой, поспѣшно всталъ, опустился передъ нимъ на колѣни, взялъ его руку и, приложившись къ ней губами, проговорилъ:—Да сохранитъ тебя Богъ, почтенный отецъ, чего ты желаешь отъ меня? Такая изысканная скромность окончательно обезоружила ста-

рика, и онъ отвѣтилъ мягко:—Сынъ мой, я желалъ бы узнать, кто вы и откуда? — Мы изъ далекой страны, сказалъ Нурэддинъ; только сегодня вечеромъ прибыли на кораблѣ въ этотъ городъ и вотъ, не зная гдѣ пріютиться, рѣшились переночевать здѣсь.—Вамъ тутъ неудобно, возразилъ Шейхъ-Ибрагимъ, идите лучше за мной, я устрою для васъ болѣе спокойный ночлегъ; кстати вы полюбуетесь этимъ садомъ.—А это твой садъ? спросилъ Нурэддинъ.—Разумѣется, съ улыбкой отвѣтилъ старикъ, онъ достался мнѣ по наслѣдству отъ отца. Но, идите же, вамъ тутъ есть на что поглядѣть.

Гости не заставили повторять приглашенія и отправились вслѣдъ за старикомъ, который притворилъ за ними ворота и повелъ ихъ на искусственный холмъ, откуда красота обширнаго сада открывалась во всемъ своемъ великолѣпіи.

Нурэддинъ видалъ въ Балсорѣ не мало чудесныхъ садовъ, но подобнаго этому никогда еще не встрѣчалъ.—Ахъ, какой ты счастливецъ! невольно воскликнулъ онъ, да сохранитъ тебя Господь въ этомъ раю на многія лѣта. А какъ твое имя, почтенный отецъ?—Меня зовутъ Шейхъ-Ибрагимъ, съ достоинствомъ отвѣтилъ старикъ.—Такъ вотъ что, Шейхъ-Ибрагимъ, продолжалъ Нурэддинъ, я такъ благодаренъ за твое радушное гостепріимство, что хотѣлъ бы хоть чѣмъ нибудь выразить это на дѣлѣ. Вотъ тебѣ двѣ золотыя монеты, не потрудишься ли купить на нихъ угощеній, и мы попировали бы вмѣстѣ.

Золото и вообще деньги составляли главную слабость Шейха-Ибрагима; получивъ монеты, онъ тотчасъ же сообразилъ, что тутъ и половины будетъ достаточно для покупки угощенія, слѣдовательно, другая половина останется ему за труды, и послѣ такого заключенія съ удовольствіемъ согласился исполнить желаніе своихъ гостей.

Когда онъ ушелъ, Нурэддинъ и персіянка, продолжая бродить по цвѣтущимъ лужайкамъ и тѣнистымъ аллеямъ, незамѣтно приблизились къ кіоску. Видъ этого громаднаго, величаваго зданія такъ поразилъ ихъ своей внѣшней красотой, что имъ страстно захотѣлось проникнуть во внутрь, и съ этой цѣлью они поднялись было по мраморнымъ ступенямъ крыльца, но, увидавъ, что входная дверь заперта, вернулись назадъ.

Въ эту минуту показался Шейхъ-Ибрагимъ, нагруженный провизіей. Нурэддинъ тотчасъ же подошелъ къ нему и спросилъ самымъ невиннымъ образомъ: Ты, кажется, говорилъ, что этотъ садъ принадлежитъ тебѣ?

— Ну такъ чтожъ, говорилъ и опять повторяю...

— Значитъ, и кіоскъ твой? Старикъ на минуту смутился отъ такого неожиданнаго вопроса.

— Вотъ присталъ! думалъ онъ, что же ему сказать. Если объявить, что кіоскъ не принадлежитъ мнѣ, они опять начнутъ распраши-

вать, какъ же это—садъ твой, а кіоскъ не твой... Э, да ну ихъ совсѣмъ! Коли такъ, буду владѣльцемъ всего.—Чей садъ, того и кіоскъ, это ужъ само собой разумѣется, отвѣтилъ онъ вслухъ. Въ такомъ случаѣ, продолжалъ неугомонный гость, что же намъ мѣшаетъ устроить свой пиръ въ этомъ кіоскѣ? Право, онъ такъ великолѣпенъ снаружи, что любопытно было бы посмотрѣть его внутри.

— Что мѣшаетъ... думалъ Шейхъ-Ибрагимъ, конечно, мѣшаетъ... А впрочемъ, калифъ навѣрное не придетъ сегодня, иначе онъ давно бы предупредилъ меня по обыкновенію... Къ тому же, назвавшись хозяиномъ, не могу же я отказать своимъ гостямъ. Чтожъ, пожалуй, устроимся здѣсь, если вамъ такъ нравится, сказалъ онъ Нурэддину и, сложивъ свои покупки на первой ступени крыльца, побѣжалъ въ свое помѣщеніе за ключомъ.

Когда дверь была отперта, и Нурэддинъ вмѣстѣ съ персіянкой вошли въ великолѣпный чертогъ, они долго не могли придти въ себя отъ удивленія; такого богатства, такой изящной роскоши никогда не представлялось имъ даже и въ мечтахъ.

Между тѣмъ Шейхъ-Ибрагимъ проворно придвинулъ столъ къ возвышенію софы, разложилъ угощенія и пригласилъ гостей приступить къ нимъ.

Всѣ трое сѣли вокругъ стола, но болѣе чѣмъ умѣренный пиръ продолжается не долго, по окончаніи же его Нурэддинъ отошелъ въ сторону и сѣлъ у окна, онъ вспомнилъ про свою безвозвратно минувшую веселую жизнь, и ему стало какъ то особенно грустно. Подойди ко мнѣ, сказалъ онъ персіянкѣ, взгляни—что̀ за прелесть кругомъ, и какъ хорошъ этотъ садъ при лунномъ свѣтѣ. Они долго, молча, любовались этой чудной картиной, пока старикъ убиралъ со стола.

— Шейхъ-Ибрагимъ, обратился къ нему Нурэддинъ, а у меня еще къ тебѣ просьба: не можешь ли ты угостить насъ какимъ нибудь напиткомъ? Какимъ же, сынъ мой? развѣ шербетомъ... у меня есть превосходный, только послѣ ужина его, кажется, не пьютъ.

— Это я знаю, продолжалъ гость, и разумѣю совсѣмъ другой напитокъ.—Ужъ не вино ли?! воскликнулъ Шейхъ-Ибрагимъ.—Вотъ именно. Еслибы ты досталъ намъ бутылочки двѣ, мы очень и очень были бы тебѣ благодарны.

— О, нѣтъ, другъ мой, сохрани меня Создатель держать у себя вино! Я четыре раза путешествовалъ въ Мекку на поклоненіе и далъ зарокъ никогда даже не прикасаться къ хмѣльному.

— А жаль, ты могъ бы доставить намъ большое удовольствіе, продолжалъ Нурэддинъ, и какъ бы весело мы закончили этотъ благодатный вечеръ! Подумай, право—нельзя ли какъ нибудь исполнить наше желаніе, не нарушая своей клятвы? Да вотъ какъ—отличная мысль!

Когда мы проходили сюда, я замѣтилъ у рѣшетки привязаннаго осла; вѣроятно, онъ тоже твой, такъ захвати же съ собой корзину, сядь на него и поѣзжай къ ближайшему погребку, тамъ ты вызовешь торговца велишь ему налить два кувшина вина и поставить въ корзину; самому же тебѣ останется только заплатить деньги, а здѣсь уже я встрѣчу тебя и приму вино. Вотъ, возьми еще двѣ золотыя монеты и поѣзжай съ Богомъ.

Видъ золота снова произвелъ свое обычное дѣйствіе на старика. О, да какой же ты догадливый, сынъ мой! воскликнулъ онъ, вычисляя уже въ умѣ, сколько ему останется за труды, а мнѣ и въ голову не могла бы придти такая мысль. Ну, давай, давай, такъ и быть, сдѣлаю для васъ удовольствіе. Не прошло и часа, какъ Нурэддинъ уже вынималъ изъ корзины полные кувшины вина, которое старикъ поторопился привезти.

— Ну, теперь еще послѣднее одолженіе, весело проговорилъ Нурэддинъ, вино пьютъ изъ кубковъ и закусываютъ плодами, такъ не будетъ ли твоей милости угодно доставить намъ то и другое?—Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ старикъ, и тотчасъ же отправился въ кладовую, откуда принесъ нѣсколько золотыхъ кубковъ и отборныхъ плодовъ на блюдѣ изъ того же металла. Поставивъ все это на столъ, онъ удалился, не смотря на усердную просьбу гостей почтить ихъ своимъ присутствіемъ.

Оставшись наединѣ, Нурэддинъ и персіянка подвинулись къ столу и, не спѣша, съ наслажденіемъ стали пить ароматное вино, сопровождая это занятіе веселымъ разговоромъ.—Все случай, говорилъ Нурэддинъ, ну, можно ли было ожидать такого пріятнаго вечера! Положительно судьба благоволитъ къ намъ. Для меня по крайней мѣрѣ нѣтъ высшаго наслажденія, какъ въ одной рукѣ держать полный кубокъ, а другою обнимать тебя.

Мало по малу они до того развеселились, что начали пѣть, а такъ какъ голоса у обоихъ были очень хорошіе, то пѣніе ихъ скоро привлекло вниманіе Шейха Ибрагима, который сталъ слушать, пріотворивъ дверь. Нурэддинъ замѣтилъ это и весело крикнулъ старику.

— Шейхъ-Ибрагимъ, какой же ты хорошій и милый человѣкъ! Я такъ благодаренъ тебѣ, что не знаю, право, чѣмъ и выразить это. Подойди же къ намъ, мы не осмѣливаемся просить тебя выпить, но по крайней мѣрѣ посиди съ нами, поддержи нашу бесѣду.—Нѣтъ ужъ, лучше пейте и веселитесь одни, а я послушаю васъ, отвѣтилъ старикъ и снова скрылся.

Но прекрасная персіянка видѣла, что онъ не отходилъ отъ двери, и обратила на это вниманіе своего мужа.—Знаешь ли что, сказала она вполголоса, хотя нашъ хозяинъ и увѣряетъ, что терпѣть не можетъ вина,

но, мнѣ кажется, онъ выпилъ бы съ удовольствіемъ, еслибы только не стѣснялся. Сдѣлай, мой милый, такъ, какъ я тебѣ сейчасъ скажу, и тогда мнѣ навѣрное удастся напоить его. — Не можетъ быть! весело воскликнулъ Нурэддинъ.—А вотъ увидишь. Ты только зазови его сюда, потомъ притворись охмѣлѣвшимъ и сдѣлай видъ, что заснулъ. Остальное ужъ мое дѣло.

Нурэддинъ, понявшій намѣреніе персіянки, тотчасъ же сталъ приводить его въ исполненіе.—Шейхъ Ибрагимъ! крикнулъ онъ, какъ только увидалъ, что дверь пріотворилась снова. Подойди же къ намъ, не лишай насъ удовольствія видѣть тебя и бесѣдовать съ тобою. Повторяю, мы не будемъ настаивать, чтобы ты пилъ, что же дѣлать, если не можешь, но удостой насъ хоть своимъ присутствіемъ.

Эти слова наконецъ подѣйствовали на Шейха Ибрагима; онъ приблизился и сѣлъ на кончикѣ софы.

— Да не сюда! продолжалъ Нурэддинъ, садись вотъ тутъ, рядомъ съ моей женой. Старикъ, улыбаясь во весь ротъ отъ удовольствія, помѣстился на указанномъ мѣстѣ.

По просьбѣ мужа красавица-персіянка спѣла въ честь гостепріимнаго хозяина тутъ же сложенную ею пѣсню, и старикъ совсѣмъ разчувствовался.—Эхъ, выпьемъ, что ли, сказалъ Нурэддинъ, подавая ему кубокъ.—Что ты, что ты, сынъ мой! воскликнулъ Шейхъ Ибрагимъ и даже отскочилъ назадъ, словно испугавшись; вѣдь я же говорилъ тебѣ, что навсегда отрекся отъ вина. — Ну, если такъ, прости, больше не буду, но позволь по крайней мѣрѣ выпить мнѣ за твое здоровье. Онъ осушилъ свой кубокъ до дна, потомъ, какъ бы постепенно хмѣлѣя, склонилъ голову на подушку и притворился спящимъ.

Тогда персіянка пододвинулась къ старику и вкрадчиво заговорила съ нимъ:—Вотъ онъ всегда такъ, выпьетъ немного и сейчасъ же заснетъ. Скучно.... А какъ бы хотѣлось повеселиться теперь.... Шейхъ Ибрагимъ, продолжала она, ласково заглядывая ему въ глаза, выпей со мной! Право, ну что тебѣ стоитъ? хоть нѣсколько глотковъ за мое здоровье!... Старикъ долго еще отказывался, но наконецъ уступилъ и принялъ кубокъ изъ руки персіянки. Черезъ минуту онъ выпилъ другой съ меньшими отговорками, третій взялъ уже безъ всякихъ отговорокъ, а когда допивалъ четвертый, Нурэддинъ открылъ глаза. — Э, э, Шейхъ Ибрагимъ! сказалъ онъ со смѣхомъ, такъ вотъ каковъ твой зарокъ; а вѣдь я было думалъ, что ты ужъ совсѣмъ святой.

— Да я и не хотѣлъ, это вѣдь твоя супруга настояла, отвѣчалъ старикъ, смущенно улыбаясь, а развѣ возможно отказать такой красавицѣ? Пусть же она приметъ на себя хоть половину грѣха.

Въ дѣйствительности старикъ любилъ выпить, и тотъ погребокъ, куда онъ ѣздилъ по порученію Нурэддина, частенько таки посѣщался

имъ, только всегда въ величайшей тайнѣ и не иначе, какъ вечеромъ, такъ что и самъ калифъ, и всѣ придворные считали его непьющимъ. Вотъ почему неожиданное пробужденіе Нурэддина такъ смутило въ первую минуту охмѣлѣвшаго старика.

Но красавица поспѣшила ободрить его.—Не обращай на него вниманія, Шейхъ Ибрагимъ, сказала она, будемъ пить и веселиться, пока весело, не правда ли?

— Истинная правда! подтвердилъ Нурэддинъ и снова наполнилъ кубки.—Какъ, и тебѣ тоже? воскликнулъ онъ съ притворнымъ удивленіемъ, когда старикъ протянулъ руку, не дожидаясь приглашенія. — А то какъ же? отвѣчалъ тотъ обидчиво, неужели ты думаешь, я настолько слабъ, что уже не могу больше выпить? Нѣтъ, ошибаешься, вино еще никогда не сваливало меня съ ногъ.

Это окончательно развеселило собесѣдниковъ, и шутки ихъ, остроты полились безъ перерыва, сопровождаемыя дружнымъ смѣхомъ. Вдругъ, въ самомъ разгарѣ пира, красавицѣ показалось, что столъ освѣщается слишкомъ слабо. — Шейхъ Ибрагимъ, воскликнула она, какъ тебѣ не стыдно, столько у тебя свѣтильниковъ, а ты держишь насъ чуть не въ потемкахъ. Зажги хоть канделябры, вѣдь ты знаешь, чѣмъ въ домѣ свѣтлѣй, тѣмъ на душѣ веселѣй.

Старикъ, занятый въ это время какимъ то забавнымъ разговоромъ съ Нурэддиномъ, отвѣтилъ мимоходомъ: — Да зажигай сама, если это тебѣ нравится, только не болѣе друхъ или трехъ. Но красавицѣ понравилось зажечь ихъ всѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда Шейхъ Ибрагимъ разговорился уже съ нею, Нурэддинъ въ свою очередь попросилъ его зажечь для пробы висячія люстры. — Ты, должно быть, лѣнивъ, мой сынъ, отвѣтилъ ему старикъ, или у тебя не хватаетъ ловкости. Вотъ свѣча, вонъ люстры: бери и зажигай, сколько хочешь. Нурэддинъ не полѣнился зажечь всѣ восемьдесятъ, при чемъ растворялъ настежъ каждое окно.

Случилось такъ, что калифъ въ это время еще не удалялся въ опочивальню, а прохаживался по одному изъ своихъ чертоговъ, выходившему окнами въ садъ. Великій визирь Джіафаръ стоялъ у дверей, терпѣливо дожидаясь, когда государю угодно будетъ отпустить его. Вдругъ калифъ, остановившись у окна, приподнялъ занавѣсъ. Яркій свѣтъ, подобный зареву пожара, поразилъ его зрѣніе, и въ первую минуту онъ подумалъ, ужъ не горитъ ли городъ, но потомъ, убѣдившись, что свѣтъ выходитъ изъ кіоска, гнѣвно воскликнулъ: — Джіафаръ, что у тебя за порядки! Кто осмѣливается распоряжаться въ моемъ кіоскѣ и зажигать огни, когда меня тамъ нѣтъ?

Джіафаръ въ смущеніи приблизился къ окну и, увидавъ, что калифъ не ошибается, задрожалъ отъ страха, зная, какой бѣдой грозитъ ему это дерзкое нарушеніе монаршаго запрета, если онъ сейчасъ же не придумаетъ благовиднаго объясненія.

— Повелитель правовѣрныхъ, сказалъ онъ, запинаясь на каждомъ словѣ, я могу предположить только одно: вѣроятно, это освѣщеніе устроилъ Шейхъ Ибрагимъ, который приходилъ ко мнѣ на дняхъ и заявлялъ желаніе собрать у себя служителей мечетей, чтобы помолиться о здравіи и благоденствіи твоего величества. Разумѣется, я не могъ не одобрить его намѣренія и сказалъ только, чтобы онъ повременилъ немного, пока не послѣдуетъ высочайшаго разрѣшенія. Но, прости, государь, я совершенно забылъ доложить тебѣ объ этомъ, а Шейхъ Ибрагимъ, разсчитывая, должно быть, что дозволеніе уже получено, сегодня, какъ видно, угощаетъ духовныхъ отцовъ въ твоемъ кіоскѣ и, для большей торжественности, зажегъ огни.

— Все это доказываетъ только то, отвѣчалъ калифъ, что ты очень недогадливъ. Шейхъ Ибрагимъ не такая важная особа, чтобы назначать сборища въ моихъ дворцахъ; ему просто хотѣлось выманить у тебя сколько нибудь денегъ для мнимыхъ расходовъ; ты не далъ, и вотъ онъ въ отместку устроилъ полное освѣщеніе, которое, разумѣется, обойдется намъ несравненно дороже.

Великій визирь, обрадованный уже тѣмъ, что ему удалось отклонить болѣе важное обвиненіе, охотно призналъ себя виновнымъ въ недогадливости.—Ну, а такъ какъ никакая вина не должна оставаться безнаказанной, продолжалъ калифъ со смѣхомъ, то и ты понесешь наказаніе, хотя и не особенно тяжкое: въ эту ночь ты не пойдешь домой,

а будешь сопровождать меня на пиръ къ достопочтеннымъ отцамъ, которыхъ я непремѣнно желаю видѣть. Итакъ, пока я буду переодѣваться, сходи за Месруромъ, и мы отправимся втроемъ. Легко представить себѣ то смущеніе, какое испытывалъ великій визирь, выслушавъ этотъ приказъ своего повелителя; но дѣлать было нечего, онъ зналъ, что рѣшенія калифа неизмѣнны, и ему ничего болѣе не оставалось, какъ положиться на волю судьбы и повиноваться безъ возраженій.

Черезъ нѣсколько минутъ калифъ, визирь и Месруръ осторожно вышли изъ дворца и направились къ ярко освѣщенному кіоску; когда они приблизились къ нему, повелитель предложилъ было взобраться на одно изъ деревьевъ, откуда можно было видѣть все, что происходитъ внутри, но Джіафаръ обратилъ его вниманіе на входную дверь, которая по разсѣяннвсти Шейха Ибрагима оставалась полуоткрытой.

Когда калифъ тихонько поднялся по ступенямъ крыльца, онъ помѣстился такъ, чтобы, оставаясь невидимымъ, разглядѣть и разслышать все, что дѣлалось и говорилось во внутреннемъ чертогѣ. И каково же было его удивленіе, когда, вмѣсто святыхъ отцовъ, онъ увидалъ красивую женщину, молодаго человѣка, а съ ними самого Шейха Ибрагима, который сидѣлъ съ золотымъ кубкомъ въ рукѣ и съ жаромъ говорилъ своей собесѣдницѣ:

— Нѣтъ, ты пойми только, что пѣніе—это душа настоящаго веселья!... Позволь же, моя красотка, я спою для тебя одну изъ самыхъ хорошихъ старинныхъ пѣсенъ.

И онъ запѣлъ нетвердымъ голосомъ, что окончательно и поразило калифа, такъ какъ онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что старикъ не только не пьетъ вина, но и не позволяетъ себѣ никакихъ удовольствій. — Подойди ка сюда, сказалъ онъ Джіафару, осторожно отходя отъ двери посмотри, тѣ ли это служители мечетей, которыхъ, по твоимъ словамъ пригласилъ Шейхъ Ибрагимъ.

По одному уже тону, какимъ были произнесены эти слова, великій визирь сразу почуялъ бѣду неминучую; дрожа отъ страха, онъ поднялся на остальныя ступени крыльца, заглянулъ въ дверь и, увидавъ охмѣлѣвшаго Шейха Ибрагима съ какимъ то неизвѣстными людьми, такъ былъ пораженъ всѣмъ этимъ, что не могъ ни заговорить, ни двинуться съ мѣста. А между тѣмъ, калифъ, смотрѣвшій черезъ его плечо, продолжалъ все также тихо:—Однако, по правдѣ сказать, я еще никогда не видывалъ такой красавицы, да и молодецъ хорошъ, подъ пару. Надо непремѣнно разузнать, кто они и какимъ образомъ попали сюда. Въ это время Шейхъ Ибрагимъ дотянулъ свою пѣсню и, наклоняясь къ персіянкѣ, сказалъ:—Не желаешь ли еще чего-нибудь дорогая гостья, чтобы закончить этотъ вечеръ въ полномъ удовольствіи? Приказывай, я на все готовъ для тебя.—Если такъ, отвѣчала она, то достань какой нибудь

музыкальный инструментъ, мнѣ хотѣлось бы теперь сыграть свою любимую мелодію.—Изволь, изволь, моя волшебница, сказалъ старикъ, какой же тебѣ угодно? На лютнѣ играешь?—А вотъ принеси, тогда самъ услышишь, съ улыбкой промолвила красавица.

Шейхъ Ибрагимъ привсталъ, вынулъ лютню изъ стоявшаго тутъ же шкафа и подалъ ей.—Джіафаръ, сказалъ калифъ своему визирю, дотрогиваясь до его руки,—если красавица сыграетъ хорошо, я прощу и ей, и тому молодому человѣку ихъ дерзкое вторженіе въ мой дворецъ, тебя же, будь покоенъ, во всякомъ случаѣ повѣшу. — О, повелитель, воскликнулъ визирь съ притворнымъ испугомъ,—если такъ, то я желаю, чтобы она сыграла дурно.—Это почему же? спросилъ калифъ.—Да потому, что въ веселой компаніи и умирать веселѣе. Гарунъ аль Рашидъ, вообще любившій остроты, разсмѣялся при этомъ отвѣтѣ и, снова приложившись къ двери, сталъ внимательно слушать игру персіянки.

Взявъ нѣсколько отрывистыхъ аккордовъ, она исполнила прелюдію такъ отчетливо и выразительно, съ такимъ удивительнымъ сочетаніемъ силы и нѣжности въ звукахъ, что калифъ былъ изумленъ ея небыкновеннымъ искусствомъ; но восторгъ его еще увеличился, когда она запѣла, вторя своей музыкальной мелодіи своимъ гибкимъ и страстнымъ, въ душу проникающимъ голосомъ.

Лишь только смолкло это чарующее пѣніе, повелитель, махнувъ рукой Джіафару, чтобы тотъ слѣдовалъ за нимъ, спустился по лѣстницѣ въ садъ.—Удивительный голосъ, удивительная игра! воскликнулъ онъ въ восхищеніи. Знаешь ли, во всю жизнь мнѣ еще не доводилось слышать ничего подобнаго, даже самъ Исаакъ *) не можетъ сравниться съ этой красавицей, а я до сихъ поръ былъ убѣжденъ, что лучшаго музыканта не найдется во всемъ мірѣ. Надо непремѣнно войти туда, чтобы послушать вблизи, но только-какъ бы это сдѣлать безъ переполоха?—Да, государь, замѣтилъ визирь, переполохъ навѣрно выйдетъ большой при твоемъ появленіи, а Шейхъ Ибрагимъ, пожалуй, еще умретъ отъ испуга.—Вотъ этого то я и боюсь, сказалъ калифъ, мнѣ было бы жаль уморить своего стараго слугу, не смотря на его провинность.... А, вотъ хорошая мысль! воскликнулъ онъ вдругъ послѣ минутнаго раздумья. Отойди съ Месруромъ подъ эти деревья и жди меня тамъ, я сейчасъ возвращусь.

Въ саду былъ устроенъ обширный водоемъ, сообщавшійся съ Тигромъ посредствомъ подземныхъ каналовъ, и въ него вмѣстѣ съ водою собиралась самая лучшая рѣчная рыба; это хорошо знали всѣ окрестные рыбаки и, разумѣется, были бы не прочь закинуть туда свои сѣти, еслибы не строжайшее запрещеніе калифа, зорко соблюдаемое Шейхомъ Ибрагимомъ. Однако, въ эту ночь, какъ извѣстно, старикъ оплошалъ;

*) Знаменитый виртуозъ на лютнѣ, жившій въ царствованіе Гаруна-аль-Рашида.

онъ забылъ запереть садовыя ворота, которыя такъ и остались отворенными, и этой оплошностью воспользовался одинъ рыболовъ, случайно проходившій мимо и не устоявшій противъ искушенія попытать счастья въ царскомъ водоемѣ.

Въ ту самую минуту, какъ онъ уже собирался вытягивать на берегъ закинутыя сѣти, къ нему подошелъ калифъ, предвидѣвшій заранѣе, что свободный доступъ непремѣнно заманитъ сюда какого нибудь рыбака; на этомъ то предположеніи и былъ основанъ его замыселъ. Луна свѣтила ярко, и рыбакъ, обернувшись на звукъ шаговъ, сразу узналъ повелителя по его царственной одеждѣ. Объятый страхомъ, онъ бросился къ его ногамъ и дрожащимъ голосомъ сталъ молить о пощадѣ, приводя въ извиненіе свою безъисходную бѣдность.

— Не бойся, встань, промолвилъ калифъ безъ малѣйшаго признака гнѣва; на первый разъ я прощаю тебѣ, но только впередъ чтобы этого не было. Теперь вытаскивай свои сѣти и покажи мнѣ, какая въ нихъ рыба.

Ободренный этими словами, бѣднякъ живо оправился отъ своего страха и поспѣшилъ исполнить монаршее приказаніе. Въ сѣтяхъ оказалось съ полдюжины большихъ рыбъ очень дорогаго сорта, изъ которыхъ калифъ выбралъ двѣ самыя крупныя и велѣлъ рыбаку связать ихъ вмѣстѣ, голова съ головой; потомъ сказалъ ему:—Ну, теперь вотъ что, давай ка обмѣняемся съ тобой одѣяніемъ: ты нарядишься въ мое, а я въ твое. Не дерзнувъ даже выразить удивленія, рыбакъ въ одну минуту поснималъ съ себя все, отъ чалмы до обуви, а тѣмъ временемъ и калифъ,

[illegible] когда же оба переодѣлись, онъ [illegible] съ Богомъ иди себѣ домой.

[illegible] бѣднякъ преклонился до земли. [illegible] вмѣстѣ съ остальною добычей и [illegible] захвативъ одною рукой обѣ [illegible] въ ту аллею, гдѣ ждали его Джіа- [illegible] онъ молча остановился.—Тебѣ что [illegible] крикнулъ на него великій визирь. [illegible] былъ признанъ.—Прости, повели- [illegible] я вѣдь принялъ твое величе- [illegible] можно ручиться, что и Шейхъ Ибра- [illegible] же оба здѣсь, пока я буду разъиг- [illegible] на мраморную лѣст- [illegible] дверь.

[illegible] только Нурэддинъ услыхалъ [illegible] на него вниманіе хозяина, и [illegible] съ мѣста: — Кто тамъ? Чего [illegible] выступивъ на одинъ шагъ, отвѣ- [illegible] къ Шейху Ибрагиму:—Не угодно [illegible] рыбы? Совсѣмъ свѣжая, только [illegible] шелъ здѣсь мимо и вдругъ [illegible] должно быть Шейхъ Ибрагимъ уго- [illegible] моя рыба? Вотъ и осмѣлился [illegible]

[illegible] воскликнула персіянка. Пожалуйста, [illegible] пусть онъ покажетъ намъ свою ры- [illegible] сообразить, откуда и какъ могъ [illegible] но, еще движимый желаніемъ угодить [illegible] повернулъ голову къ двери и проговорилъ [illegible] ты таковъ, иди ка сюда, покажись!...

[illegible] подражая въ совершествѣ всѣмъ пріемамъ [illegible] обѣихъ рыбъ, ловко перевернулъ ихъ [illegible] — Какія славныя, крупныя, хвалила красавица; [illegible] хорошенько приправить!—Истинная правда, [illegible] развѣ сырую рыбу можно есть? [illegible] какъ надо, въ моей кухнѣ все [illegible]

[illegible] визирю.—Ну, Джіафаръ, объявилъ [illegible] лучше, только мнѣ велѣно сварить [illegible] величеству, я сварю въ одну минуту, [illegible] выполнить свою роль до конца, ска- [illegible] удачно, теперь попробую

розыграть еще повара; въ молодости мнѣ случалось не разъ упражняться въ поваренномъ искусствѣ, и ничего, выходило не дурно, можно было ѣсть. И онъ весело направился къ помѣщенію смотрителя, а Джіафаръ и Месруръ послѣдовали за нимъ.

Всѣ трое усердно принялись за дѣло, и такъ какъ въ кухнѣ Шейха Ибрагима нашлось все необходимое, то рыбы вскорѣ были сварены, приправлены и приготовлены, какъ слѣдуетъ. Калифъ отнесъ ихъ на фарфоровомъ блюдѣ въ садовый кіоскъ, поставилъ передъ гостями и каж-

дому еще положилъ лимону для приправы, на случай, если потребуется. Всѣ ѣли съ большимъ удовольствіемъ, особенно Нурэддинъ и персіянка, а калифъ во все время почтительно стоялъ поодаль.

Когда всѣ угостились до сыта, Нурэддинъ обратился къ нему:— Ну, спасибо тебѣ, рыбакъ; ты накормилъ насъ такой превосходной рыбой, какой, думаю, и самъ царь никогда не ѣдалъ. — При этомъ онъ опустилъ руку въ карманъ и вытащилъ оттуда свой кошелекъ съ тридцатью цехинами, остаткомъ отъ тѣхъ сорока, что далъ ему на дорогу Санджіаръ, дворцовый служитель Балсорскаго государя.—На вотъ, бери все, что у меня есть, охотно далъ бы и больше, да говорятъ на нѣтъ и суда нѣтъ. Эхъ, жаль, что мы съ тобой не встрѣтились пораньше, прежде, чѣмъ мое наслѣдство пошло на вѣтеръ, тогда я сразу вытащилъ бы тебя изъ бѣдности. Но потеряннаго не воротишь, прими же мой даръ, какъ я его предлагаю, отъ чистаго сердца.

Калифъ принялъ кошелекъ съ большимъ удивленіемъ, ощущая по вѣсу, что онъ наполненъ золотомъ.

— Отъ всего сердца благодаренъ тебѣ, великодушный господинъ, сказалъ онъ, глубоко кланяясь Нурэддину; хорошо бы всегда имѣть дѣло съ такими людьми, какъ ты, только, къ несчастью, ихъ немного на свѣтѣ. Но будь ужъ милостивъ до конца, не откажи мнѣ въ моей смиренной просьбѣ: вотъ эта лютня наводитъ меня на мысль, что, кто нибудь изъ васъ умѣетъ играть, а я до страсти люблю эту музыку. Дайте мнѣ прослушать хоть одну какую нибудь пѣсню и я уйду довольный выше всякой мѣры.

— Сыграй и спой намъ, моя красавица, тотчасъ же сказалъ Нурэддинъ, обращаясь къ персіянкѣ, я знаю, ты постараешься для меня. Она взяла лютню, настроила нѣсколькими аккордами и спѣла подъ ея звуки очаровательную пѣсню; потомъ продолжала играть безъ пѣнія и съ такою силой, съ такимъ выразительнымъ искусствомъ, что восклицаніе калифа перешло уже всякія границы, и онъ чуть было не забылъ своей роли.

— О, воскликнулъ онъ, когда замерли послѣдніе звуки музыки, что за дивный голосъ, и какая мастерская, изумительная игра! Не слыхивалъ я ничего подобнаго во всю свою жизнь!... Да и гдѣ же мнѣ было слышать, бѣдному рыбаку! добавилъ онъ спохватившись.

По своей вкоренившейся привычкѣ отдавать все, что кто ни похвалитъ и къ тому же сильно возбужденный виномъ, Нурэддинъ отвѣтилъ рыбаку:—Однако ты, какъ видно, знатокъ. Ну, ужъ нечего дѣлать, если тебѣ такъ понравилась моя жена, бери ее себѣ, я уступаю охотно. Въ ту же минуту онъ всталъ, надѣлъ снятое во время пирушки свое верхнее платье и хотѣлъ уже уйти, даже не простившись съ персіянкой, безпечно оставляя ее во владѣніе калифу, котораго принималъ за простаго рыбака.

Глубоко огорченная, пораженная поступкомъ Нурэддина, красавица быстро поднялась и удержала его за руку.—О, господинъ мой, воскликнула она со слезами на глазахъ, неужели ты хочешь уйти одинъ, покинуть меня?! Сядь, ради Бога, и выслушай, по крайней мѣрѣ, мою прощальную пѣсню. Онъ какъ-то невольно повиновался, и тогда, не спуская съ него своего взгляда, полнаго любви и печали, красавица снова взяла лютню и, вторя звукамъ словъ, которыя слагались тутъ же сами собою, словно выливаясь изъ сердца, она выразила въ музыкальной мелодіи всю глубину своего горя, хотя оно прорывалось только въ укорахъ милому за отвергнутую имъ и такъ жестоко поруганную любовь.. Наконецъ, голосъ ея оборвался, она отбросила лютню и, закрывъ глаза руками, разразилась неудержимымъ рыданіемъ.

Нурэддинъ не промолвилъ ни слова, не проявилъ ни малѣйшаго волненія, и это спокойное молчаніе ясно доказывало, что онъ даже нисколько не раскаивается въ своемъ поступкѣ. Но калифъ, удивленный

до крайности всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, сказалъ ему: — такъ эта женщина, эта дивная, невиданная красавица не госпожа, а твоя невольница? Кто же бы могъ подумать! А между тѣмъ это вѣрно, отвѣтилъ Нурэддинъ, и ты удивился бы, Керимъ, еще болѣе, еслибы тебѣ разсказать, въ какую бѣду я попалъ изъ-за нея. — Такъ ужъ будь милостивъ, сказалъ калифъ, все не выходя изъ роли рыбака, повѣдай мнѣ, какъ и что было, я до смерти люблю все необычайное.

Исполненіе этой просьбы, конечно, ничего не стоило Нурэддину послѣ всего, что уже было имъ сдѣлано для мнимаго рыбака, и онъ охотно разсказалъ безъ малѣйшей утайки всю свою исторію, начиная съ того времени, когда визирь, отецъ его, купилъ красавицу персіянку для балсорскаго государя; не умолчалъ ни о своемъ тогдашнемъ поступкѣ съ нею, ни о томъ, что случилось далѣе до ихъ бѣгства изъ Балсоры и до самой послѣдней минуты по прибытіи въ Багдадъ.

— Ну, а теперь что же ты думаешь дѣлать, куда пойдешь? спросилъ калифъ, когда Нурэддинъ окончилъ свой разсказъ. Куда? Да я и самъ не знаю, куда Богъ поведетъ.—Такъ послушайся моего совѣта, продолжалъ калифъ, чѣмъ скитаться по свѣту безъ пути и цѣли, лучше возвратись на свою родину, въ Балсору; бояться же тебѣ нечего я напишу нѣсколько словъ тамошнему государю, а ты только передай мое письмо, тогда увидишь, что онъ приметъ тебя, какъ нельзя лучше, и никто не посмѣетъ сдѣлать тебѣ никакого вреда.

— Ты говоришь что-то очень странное, другъ мой Керимъ, замѣтилъ Нурэддинъ. Слыханное ли дѣло, чтобы простой рыбакъ могъ имѣть вліяніе на царя!—Однакожъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, отвѣчалъ калифъ. Видишь ли, мы съ нимъ вмѣстѣ учились въ дѣтствѣ, у однихъ и тѣхъ же учителей, и съ тѣхъ поръ стали друзьями. Правда, судьба не уравняла насъ впослѣдствіи, Зинбея она сдѣлала царемъ, меня же рыбакомъ, но это неравенство нисколько не уменьшило нашей дружбы. Онъ уже не разъ уговаривалъ меня покинуть свой убогій промыселъ, хотѣлъ возвысить, обогатить, но я отказался и довольствуюсь только тѣмъ, что онъ всегда исполняетъ все, о чемъ бы я ни попросилъ его для своихъ друзей. Вотъ самъ увидишь, если положишься на меня.

Нурэддинъ согласился, а такъ какъ въ той же самой комнатѣ находилось все нужное для письма, то калифъ присѣлъ на софу и, положивъ себѣ бумагу на колѣно, написалъ свое посланіе балсорскому царю. Въ заголовкѣ листа, почти у самаго края, была имъ начертана мелкими буквами такая надпись: „*Во имя Всемогущаго Бога*“. Этимъ выражалось требованіе безусловнаго повиновенія монаршей волѣ.

Письмо калифа Гарунъ-аль-Рашида царю Балсоры.

„Гарунъ-аль-Рашидъ, сынъ Махди, шлетъ эти строки Магомету Зинбею, своему двоюродному брату. Какъ только Нурэддинъ, сынъ визиря Кайхана, вручитъ тебѣ мое письмо, а ты его прочитаешь, сними съ себя немедленно царское одѣяніе, облачи въ него Нурэдина и возведи на престолъ, который я повелѣваю тебѣ покинуть. Прощай".

Калифъ сложилъ и запечаталъ свое посланіе, ничего не сообщивъ Нурэддину объ его содержаніи, а только сказалъ:—Вотъ возьми и сейчасъ же отправляйся на пристань, откуда ежедневно отплываетъ при восходѣ солнца какой нибудь корабль, а выспаться еще успѣешь, когда будешь на пути въ Балсору. Нурэддинъ спряталъ письмо за пазуху и беззаботно отправился съ той ничтожной суммой денегъ, какая была у него въ карманѣ прежде, чѣмъ дворцовый служитель Санджіаръ отдалъ ему свой кошелекъ. Лишь только онъ скрылся за дверью, красавица персіянка, глубоко огорченная этой нежданной разлукой, молча отошла въ самый дальній уголъ и, склонивъ голову на подушку софы, горько, неутѣшно заплакала.

По уходѣ Нурэддина, Шейхъ-Ибрагимъ, погруженный до тѣхъ поръ въ тупое молчаніе и, повидимому, совершенно безучастный ко всему, что происходило вокругъ него, вдругъ поднялъ свою отяжелѣвшую голову и, глядя въ упоръ на мнимаго рыбака, сказалъ ему уже твердо и внятно: — Слушай, Керимъ, ты принесъ намъ сюда какія-то двѣ рыбы, которымъ красная цѣна двадцать мѣдныхъ монетъ, а тебѣ за нихъ дали туго набитый кошелекъ, да еще невольницу въ придачу; но не думай забрать все одному себѣ, этого я не допущу и прежде всего требую, чтобы красавица принадлежала намъ пополамъ, а на счетъ денегъ... это смотря потому, какія онѣ: если серебряныя, можешь взять себѣ изъ нихъ одну монету, а если золотыя, такъ ужъ не прогнѣвайся, я возьму всѣ, а тебѣ отдамъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ изъ своего собственнаго кошелька. Давай же сюда, показывай.

Для поясненія твоему величеству того, что послѣдуетъ, сказала Шехеразада султану Шахріару, я должна вернуться немного назадъ. Когда рыбное блюдо было готово, калифъ прежде, чѣмъ отнести его гостямъ, велѣлъ своему визирю Джіафару тотчасъ же идти во дворецъ, взять тамъ полное царское одѣяніе и въ сопровожденіи четырехъ слугъ возвратиться къ садовому кіоску.—Станьте всѣ со стороны входа, сказалъ повелитель, и ждите, пока я не подойду къ одному изъ оконъ и не ударю въ ладони. Исполнивъ это приказаніе, Джіафаръ съ Месруромъ и четырьмя дворцовыми слугами стали на указанномъ мѣстѣ въ ожиданіи сигнала.

Теперь возвращаюсь къ прерванному разсказу, продолжала султанша: калифъ, все еще не выходя изъ роли рыбака, смѣло отвѣтилъ Шейху-Ибрагиму: — Однако, старикъ, ты, какъ видно, себѣ не врагъ, только съ моей то стороны будутъ совсѣмъ другія условія: что тамъ въ кошелькѣ, серебро или золото, этого я еще пока не знаю, но какъ то, такъ и другое готовъ раздѣлить съ тобой поровну, а невольницу ужъ предоставь мнѣ одному. Не согласишься на это, такъ и вовсе ничего не получишь.

Шейхъ Ибрагимъ не могъ стерпѣть отъ простолюдина такой неслыханной дерзости; въ пылу своего гнѣва, еще усиленнаго винными парами, онъ схватилъ фарфоровую вазу со стола и запустилъ ею въ калифа, но тотъ легко уклонился отъ удара, направленнаго нетвердой рукою, и ваза, ударившись о полъ, разбилась вдребезги. Еще взбѣшенный этимъ промахомъ, Шейхъ Ибрагимъ грозно крикнулъ и хотѣлъ было вскочить съ своего мѣста, но отяжелѣвшее тѣло не поддалось порыву, и старику пришлось прибѣгнуть къ помощи обѣихъ рукъ, чтобы подняться на ноги.—Погоди же ты негодяй, я тебя проучу, бормоталъ онъ и, взявъ со стола горящій свѣтильникъ, пошатываясь, вышелъ въ боковую дверь съ намѣреніемъ добыть хорошую палку.

Лишь только онъ скрылся, калифъ поспѣшно подошелъ къ окну и трижды ударилъ въ ладони. Въ ту же минуту дверь растворилась настежъ, и въ нее вошли толпою великій визирь Джіафаръ, Месруръ и четверо слугъ. По мановенію повелителя, послѣдніе быстро сняли съ него одежду рыбака и замѣнили царской, затѣмъ онъ сѣлъ на свое тронное возвышеніе среди зала; двое изъ слугъ, преклонивъ колѣна, смѣняли на немъ обувь, третій доканчивалъ убранство головы, когда изъ боковой двери снова появился Шейхъ Ибрагимъ съ увѣсистой палкой въ рукѣ и съ неостывшимъ желаніемъ проучить, какъ слѣдуетъ, мнимаго рыбака. Вдругъ онъ остолбенѣлъ отъ удивленія, палка выпала у него изъ руки, хмѣль разомъ прошелъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно стоялъ Керимъ, теперь оставалась только его рыбачья одежда, на возвышеніи же трона сидѣлъ самъ грозный калифъ и около него, по обыкновенію, справа стоялъ великій визирь Джіафаръ, а слѣва Месруръ.—Не во снѣ ли это? думалъ старикъ и не могъ повѣрить своимъ глазамъ, пока не раздался знакомый хохотъ калифа, сопровождаемый такимъ вопросомъ. Ну, что же ты сталъ, Шейхъ Ибрагимъ, чего или кого тебѣ нужно?

Какъ громомъ пораженный, старикъ палъ ницъ у подножія трона, при чемъ сѣдобородое лицо его прислонилось къ полу. — О, повелитель правовѣрныхъ, восклицалъ онъ дрожащимъ голосомъ, прости, пощади своего глупаго, нерадиваго раба!... Калифъ отвѣтилъ небрежно:— Встань, такъ и быть, прощаю, и сошелъ съ возвышенія эстрады.

Красавица персіянка давно уже стояла, съ изумленіемъ глядя на все происходившее; теперь ей было ясно, что не Шейху Ибрагиму принадлежатъ этотъ садъ и этотъ роскошный кіоскъ и что передъ нею самъ ихъ царственный владѣлецъ, котораго она принимала до тѣхъ поръ за простаго рыбака. Онъ подошелъ къ ней и, взявъ ее за руку, милостиво сказалъ:—Не сокрушайся, моя красавица, и слѣдуй за мною безъ страха. Теперь ты знаешь кто я, и, конечно, уже не можешь считать меня способнымъ воспользоваться неслыханной щедростью Нурэддина. Я послалъ его въ Балсору для того, чтобы онъ царствовалъ тамъ, и немедленно отправлю туда гонца со всѣми необходимыми указами для замѣны прежняго царя новымъ, а какъ только онъ воцарится и будетъ признанъ страной, ты соединишься съ нимъ въ качествѣ царицы, его супруги; теперь же останься пока у меня во дворцѣ, гдѣ къ тебѣ будутъ относиться со всѣмъ уваженіемъ, подобающимъ твоимъ высокимъ достоинствамъ.

— Да благословитъ тебя Богъ, великодушный государь, могла только вымолвить персіянка и снова заплакала, но уже не горькими, а радостными слезами. Могла ли она ожидать такого счастія? Нурэддинъ, ея возлюбленный, не только не испытаетъ грозившей ему нищеты, а будетъ царемъ и властителемъ обширной, богатой страны!... Калифъ, какъ и всегда, исполнилъ свое слово: онъ даже поручилъ персіянку особому вниманію своей главной супруги Зобейды, сообщивъ ей при этомъ и о происшествіи въ садовомъ кіоскѣ, и о своемъ рѣшеніи возвести и Нурэддина на балсорскій престолъ.

А между тѣмъ корабль, отплывшій въ то утро изъ Багдада, совершалъ свое плаваніе при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и прибылъ въ Балсору нѣсколькими днями ранѣе, чѣмъ это было нужно для счастія Нурэддина. Выйдя на берегъ и желая поскорѣе убѣдиться, правду ли сказалъ ему рыбакъ, онъ даже не зашелъ ни къ кому изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, а прямо направился къ царскому дворцу, гдѣ въ этотъ часъ происходилъ обычный пріемъ просителей. Высоко поднявъ руку надъ головою и потрясая сложенной бумагой, Нурэддинъ протѣснился сквозь густую толпу, невольно разступавшуюся передъ нимъ, и вскорѣ добрался до царскаго трона. Царь принялъ письмо, развернулъ, но, пробѣжавъ глазами, вдругъ сталъ бѣлѣе полотна. Тѣмъ не менѣе онъ трижды поцѣловалъ его и, скрѣпя сердце, готовъ уже былъ исполнить повелѣніе калифа, какъ ему пришла мысль прежде показать его посланіе своему визирю Сауію, непримиримому врагу Нурэддина.

Сауй, сразу узнавшій своего обидчика, тревожно задавалъ себѣ вопросъ, съ какою бы цѣлью могъ онъ явиться, а найдя такой поразительный отвѣтъ въ письмѣ калифа, изумился и смутился въ первую минуту не менѣе самого Зинбея, но, хитрый и находчивый по природѣ,

онъ тутъ же изобрѣлъ возможную уловку. Сдѣлавъ видъ, что не разбираетъ писанія, онъ отошелъ въ сторону, какъ бы затѣмъ, чтобы прочесть его при большемъ свѣтѣ, а тутъ ни для кого не видимо и такъ ловко, что нельзя было и замѣтить иначе, какъ только развѣ при самомъ внимательномъ осмотрѣ, оторвалъ сверху листа и быстро проглотилъ ту условную надпись, которой выражалось требованіе неуклоннаго повиновенія монаршей волѣ.

Послѣ своей коварной продѣлки, Сауй приблизился къ царю и, возвращая ему письмо, спросилъ вполголоса:—Каково же будетъ намѣреніе твоего величества?—Больше ничего не остается, какъ повиноваться калифу, такъ же тихо отвѣтилъ Зинбей.

— Отъ этого еще есть возможность уклониться, государь, продолжалъ визирь, посланіе несомнѣнно написано рукою калифа, но условной формулы на немъ нѣтъ.

Хотя царь и замѣтилъ надпись съ перваго же взгляда, но теперь, не видя ея болѣе, подумалъ въ своемъ смущеніи, что это ему такъ показалось.

— Государь, шепталъ Сауй, мнѣ кажется очень вѣроятнымъ, что Нурэддинъ докучалъ калифу разными жалобами на твое величество и на меня, и онъ далъ ему письмо, чтобы только избавиться отъ него, а можетъ быть просто хотѣлъ пошутить надъ нимъ, но, конечно, не имѣлъ въ виду исполненія того, что тамъ сказано, это, по моему мнѣнію, достаточно подтверждается отсутствіемъ формулы; къ тому же, развѣ онъ не прислалъ бы гонца съ удостовѣрительной грамотой, еслибы серьезно желалъ совершить переворотъ въ государствѣ? Отрѣшеніе отъ престола такого царя, какъ твое величество, дѣло не настолько простое, чтобы тутъ можно было ограничиться одной короткой запиской; ничего подобнаго никогда не бывало, да и быть не можетъ, иначе что же помѣшало бы являться такимъ образомъ и съ подложными письмами? Нѣтъ, государь, повѣрь моему слову и положись на него смѣло, я готовъ принять на себя всю отвѣтственность за послѣдствія.

Царь Зинбей охотно сдался на эти доводы и предоставилъ Нурэддина полной власти визиря Сауія, который тотчасъ же отвелъ своего плѣнника подъ крѣпкимъ конвоемъ къ себѣ въ домъ и тамъ, первымъ же дѣломъ, велѣлъ бить его палками, пока онъ не лишится чувствъ; затѣмъ, избитый до полусмерти, онъ былъ перенесенъ въ тюрьму и заключенъ въ ея темномъ подземномъ отдѣленіи, гдѣ обыкновенно помѣщались самые важные преступники: при этомъ тюремщикъ получилъ строжайшій приказъ не давать ему ничего, кромѣ хлѣба да воды и время отъ времени повторять надъ нимъ палочное истязаніе.

Когда, очнувшись, Нурэддинъ увидалъ себя въ темницѣ, почувствовалъ невыносимую боль во всемъ тѣлѣ, слезы неудержимо хлынули изъ

его глазъ, и онъ разразился горькими жалобоми на судьбу и на рыбака Керима. — За что онъ обманулъ меня такъ жестоко, когда я сдѣлалъ для него все, что только могъ?... Неужели, думалось ему въ болѣе спокойныя минуты, человѣкъ способенъ быть до такой степени неблагодаренъ и золъ?... Нѣтъ, не хочу этому вѣрить, такъ легче будетъ переносить свои страданія....

Цѣлыхъ десять дней продолжались для Нурэддина все тѣ же мученія, а неукротимая ненависть визиря Сауія далеко еще не удовлетворилась ими, онъ замыслилъ предать своего врага позорной смерти и совершилъ бы это давно, еслибы не боялся отвѣтственности передъ ка-

лифомъ; надо было сложить ее съ себя, и визирь, наконецъ, придумалъ какъ это сдѣлать. Онъ нагрузилъ богатыми дарами троихъ изъ своихъ невольниковъ и самъ во главѣ ихъ отправился къ Зинбею.— Государь, сказалъ ему Сауй съ коварнымъ простодушіемъ, преклонившись, по обычаю до земли, въ виду своего восшествія на престолъ, будущій царь умоляетъ твое величество принять отъ него эти дары.

Зинбей понялъ безъ объясненія тайный умыселъ своего визиря, но сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ его словамъ. — Какъ! воскликнулъ онъ съ притворнымъ удивленіемъ, да развѣ этотъ разбойникъ все еще живъ. Я думалъ, что ты давно уже отправилъ его на тотъ свѣтъ.—Государь, смиренно возразилъ Сауй, не мнѣ, а только твоему величеству принадлежитъ это право.—Такъ отрубить же ему голову немедленно, и чтобы я больше никогда не слыхалъ о немъ. — Своимъ велѣніемъ, государь, ты оказываешь и мнѣ правосудіе, за что я глубоко благодаренъ твоему

величеству, но осмѣливаюсь просить еще объ одной милости: кровное оскорбленіе, нанесенное мнѣ Нурэддиномъ, было, какъ тебѣ извѣстно, совершено публично, дозволь же мнѣ, чтобы и казнь обидчика совершилась точно также, на дворцовой площади, и прикажи глашатаямъ оповѣстить о ней народъ по всему городу. Пусть всѣ узнаютъ, что великаго визиря государева нельзя позорить безнаказанно. Царь согласился, и роковая вѣсть, распространившись по Балсорѣ, взволновала и опечалила всѣхъ ея жителей. Въ народныхъ сердцахъ жива еще была благодарная память о покойномъ визирѣ Кайханѣ, предстоявшая казнь его сына, по проискамъ злобнаго Сауія, возбудила всеобщее негодованіе.

Сопровожаемый двадцатью невольниками покорными орудіями своей жестокости, визирь Сауй самъ явился въ тюрьму; по его праказанію, Нурэддинъ тотчасъ же былъ выведенъ изъ подземной темницы и посаженъ на неосѣдланную клячу для позорнаго слѣдованія къ мѣсту казни. Но, несмотря на полную безпомощность, онъ не упалъ духомъ и, полагаясь въ душѣ на волю Божію, смѣло сказалъ своему палачу:—Не радуйся, не торжествуй, что совершаешь зло, а вспомни лучше слова писанія: „Какою мѣрой мѣрите, такою же отмѣрится и вамъ.“

Но визирь Сауй, дѣйствительно упоенный своимъ торжествомъ, отвѣтилъ надменно:—Теперь говори, что хочешь, не пройдетъ и часа, какъ ты поплатишься мнѣ головой за всѣ свои дерзости разомъ, на виду всей Балсоры, а потомъ пусть будетъ, что будетъ, я на все готовъ. Вѣдь тебѣ также должно быть извѣстно и другое изреченіе: „За смерть врага не жаль заплатить и собственной жизнью“.

Затѣмъ Сауй велѣлъ раздѣлиться на два отряда своимъ вооруженнымъ рабамъ, изъ которыхъ одни, окруживъ Нурэддина, повели его впереди на дворцовую площадь, другіе слѣдовали сзади, служа охраной своему господину. И эти тѣлохранители оказывались далеко не лишними, такъ какъ возмущенный народъ каждую секунду готовъ былъ ринуться на ненавистнаго визиря и закидалъ бы его каменьями, еслибы хоть кто нибудь отважился подать примѣръ. Когда осужденнаго привели на мѣсто казни, Сауй оставилъ его въ рукахъ палача, а самъ поспѣшилъ во дворецъ, гдѣ царь Зинбей уже сидѣлъ у окна, готовясь насладиться кровавымъ зрѣлищемъ.

Дворцовая стража и невольники великаго визиря сплотились непроницаемой оградой вокругъ Нурэддина, но имъ все же не безъ труда удавалось сдерживать порывы толпы, пытавшейся прорваться къ осужденному и спасти его отъ казни; а во время этой неравной борьбы безоружныхъ съ вооруженными палачъ говорилъ ему:—Прости мнѣ свою смерть ради милосердаго Бога, вѣдь я только слѣпое орудіе въ могучихъ рукахъ, безсловесный рабъ, вынужденный помимо воли исполнять свою обязанность... Если желаешь чего нибудь въ послѣдній разъ, объяви во

всеуслышаніе, если же нѣтъ, ложись на плаху безъ сопротивленія и жди смертельнаго удара по первому же знаку царя.

Нурэддинъ обвелъ печальнымъ взглядомъ угомонившуюся толпу и съ усиліемъ, громко проговорилъ:—Добрые люди, не сжалится ли надо мною кто нибудь изъ васъ, не принесетъ ли воды, чтобы утолить мою жажду? Въ толпѣ произошло движеніе, и вскорѣ кто то добылъ сосудъ съ водою, который, передаваясь изъ рукъ въ руки, достигъ наконецъ до осужденнаго. А между тѣмъ Сауй, стоявшій у окна подлѣ государя, замѣтивъ, что произошла какая то задержка, повелительно крикнулъ палачу: —Чего же ты ждешь? Руби! При этихъ жестокихъ словахъ толпа содро-

гнулась отъ негодованія, изъ нея раздались угрожающіе возгласы, а царь, недовольный самовластной выходкой своего визиря, тотчасъ же отмѣнилъ его приказъ, крикнувъ еще громче: — Подождать!—Къ тому, впрочемъ была другая причина: на большой улицѣ, примыкавшей къ площади по прямому направленію отъ дворца, онъ увидалъ въ эту минуту, уже не въ дальнемъ разстояніи, многочисленную группу всадниковъ, скакавшихъ во весь опоръ.—Смотри ка визирь, воскликнулъ царь, предчувствуя недоброе, не калифъ ли это шлетъ мнѣ гонцовъ?—Скорѣй же государь, скорѣй, проговорилъ оторопѣвшій Сауй, палачъ давно ожидаетъ твоего сигнала...—Нѣтъ, теперь не до казни, возразилъ Зинбей, надо сперва узнать, кто и откуда эти всадники. И вскорѣ узнали, что то былъ великій визирь Джіафаръ съ своей почетной свитой, прибывшій изъ Багдада по высочайшему повелѣнію.

— Здѣсь я должна объяснить твоему величеству, сказала Шехерезада, почему, вмѣсто простаго гонца съ удостовѣрительной грамотой, былъ посланъ въ Балсору главнѣйшій сановникъ багдадскаго двора. Важныя государственныя дѣла и заботы совсѣмъ вытѣснили Нурэддина изъ памяти калифа, и онъ, въ теченіе многихъ дней послѣ отправленія письма къ балсорскому государю, даже ни разу не вспомнилъ о своемъ обѣщаніи красавицѣ персіянкѣ. Но вотъ однажды случилось ему проходить мимо того дворцоваго отдѣленія, въ которомъ помѣщались женщины, и вдругъ до него донесся какъ будто уже знакомый, чарующій голосъ, звучащій такою глубокою грустью, что калифъ невольно остановился и внимательно сталъ прислушиваться къ словамъ этой пѣсни, выражавшимъ и кроткую жалобу, и горячую мольбу:

Въ тоскѣ одинокой страдать не по силамъ
Для пылкаго сердца, для страстной души,
О, Боже, даруй мнѣ свиданіе съ милымъ,
И слезы разлуки скорѣй осуши!

Когда замеръ послѣдній звукъ, и пѣніе смокло, взволнованный Калифъ спросилъ сопровождавшаго его начальника евнуховъ:—Не знаешь ли, Месруръ, чей это голосъ? — Знаю, государь, да и твое величество слышитъ его уже не въ первый разъ. Это поетъ жена или невольница того щедраго юноши, котораго ты изволилъ отправить въ Балсору на смѣну Магомету Зинбею.

— А! воскликнулъ Калифъ, ударяя себя по лбу, бѣдный Нурэддинъ, вѣдь я совсѣмъ и забылъ про него... Скорѣй, позвать ко мнѣ Джіафара! Великій визирь не замедлилъ явиться на зовъ.

— Что же ты не напомнилъ мнѣ объ удостовѣрительной грамотѣ? сказалъ ему повелитель, слегка нахмуривъ брови. Если отъ этой забывчивости произойдетъ несчастіе для Нурэддина, ты подвергнешься строгому наказанію; такъ и знай заранѣе. Но пока вотъ что: Снаряди сейчасъ же всю свою свиту и скачи въ Балсору безъ промедленія. Повѣсь прежде всего визиря Сауія, если Нурэддинъ убитъ, а если онъ живъ, привези его ко мнѣ вмѣстѣ съ самимъ Зинбеемъ и визиремъ.

Джіафаръ стремглавъ бросился домой, а какъ только, по его приказанію, осѣдлали коней, поспѣшно отправился въ путь со всей своей свитой и къ счастію прибылъ въ Балсору еще во время, чтобы остановить совершеніе несправедливой казни. Народъ привѣтствовалъ радостными кликами потомка знаменитыхъ Бармесидовъ и почтительно разступался на его пути, но Джіафаръ, не останавливаясь, не обращая даже вниманія на то, что происходило на площади, промчался прямо къ дворцу и, быстро соскочивъ съ коня, вбѣжалъ безъ доклада во внутренніе покои, гдѣ его встрѣтилъ испуганный Зинбей въ сопровожденіи

визиря Сауія, совсѣмъ помертвѣвшаго отъ страха.—Живъ ли Нурэддинъ? воскликнулъ посолъ, едва переводя духъ и забывая въ своей поспѣшности объ установленномъ обычаѣ преклоненія передъ особой царя. Магометъ Зинбей отвѣтилъ утвердительно и тотчасъ же велѣлъ привести осужденнаго. Когда стража ввела его, связаннаго веревками, облеченнаго въ бѣлое одѣяніе преступниковъ передъ казнью,

Джіафаръ, какъ уполномоченный Калифа, отдалъ приказъ освободить Нурэддина, а визиря Сауія связать тѣми же веревками и заключить въ тюрьму, что было исполнено немедленно, несмотря на присутствіе безмолвнаго царя.

Великій визирь Джіафаръ только переночевалъ въ Балсорѣ, а на другое утро отправился обратно, забравъ съ собою по волѣ Калифа и царя Зинбея съ его коварнымъ визиремъ, и спасеннаго Нурэддина, а по прибытіи въ Багдадъ немедленно представилъ всѣхъ троихъ своему повелителю. Выслушавъ подробнее донесеніе о жестокихъ истязаніяхъ, какимъ подвергалъ Сауй несчастнаго юношу и о грозившей ему позорной

казни, разгнѣванный Калифъ, вручая мечъ Нурэддину, представилъ ему собственноручно отсѣчь голову своему врагу.—Нѣтъ, государь, отвѣтилъ сынъ Кайхана, я не способенъ на такую безчеловѣчную месть, и хотя этотъ злобный врагъ моего отца причинилъ мнѣ не мало страданій, но моя рука никогда не обагрится въ его крови. Эта великодушная рѣчь вызвала одобреніе калифа, однако онъ не помиловалъ Сауія и тутъ же велѣлъ палачу отрубить ему голову; потомъ снова возвратился къ своему намѣренію возвести Нурэддина на балсорскій престолъ.

— Избавь меня, государь, отъ этой высокой чести, взмолился Нурэддинъ, я не чувствую ни призванія, ни способности къ сложнымъ и труднымъ обязанностямъ правителя; да и самый городъ Балсора сталъ мнѣ ненавистенъ по одному воспоминанію о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія пришлось тамъ испытать. Дозволь же мнѣ сдержать свою клятву никогда не возвращаться туда и, оставаясь въ Багдадѣ, посвятить всю жизнь на служеніе твоему величеству. Калифъ, довольный такимъ искреннимъ выраженіемъ преданности, ввѣрилъ Нурэддину одну изъ высшихъ должностей при своемъ дворѣ, возвратилъ ему красавицу персіянку, и, осыпаемые непрестанными благодѣяніями великодушнаго монарха, они прожили неразлучно до конца своихъ дней въ полномъ довольствѣ и счастіи.

Миновала бѣда и царя Магомета-Зинбея; покорно выслушавъ монаршее внушеніе не избирать впередъ недостойныхъ визирей, онъ возвратился на балсорскій престолъ и уже ничѣмъ съ той поры, въ продолженіи своего долголѣтняго царствованія, не вызывалъ недовольства могучаго повелителя правовѣрныхъ.

Сказка о персидскомъ царевичѣ Бедэрѣ и о морской царевнѣ Джіогарѣ.

Персія такая обширная, богатая, могущественная страна, что недаромъ ея древніе властители назывались „царями царей". Помимо множества завоеванныхъ государствъ, входившихъ въ ея составъ, тамъ было столько же верховныхъ правителей, сколько отдѣльныхъ провинцій, но всѣ эти второстепенные государи, уплачивая большую дань главному монарху, въ то же время находились въ такой же зависимости отъ него, какъ и простые намѣстники.

Одинъ изъ такихъ могущественныхъ владыкъ, въ началѣ ознаменовавшій свое правленіе великими и громкими завоеваніями, мирно царствовалъ потомъ при полномъ спокойствіи страны; ничто повидимому не омрачало его безоблачнаго счастія, а между тѣмъ царь порою грустилъ и глубоко задумывался: онъ горевалъ о томъ, что годы все уходили одинъ за другимъ, и старость была уже не за горами, а ни одна изъ его многочисленныхъ женъ не приносила ему сына, желаннаго наслѣдника престола. Часто привозили ему красивыхъ невольницъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, онъ платилъ за нихъ, не торгуясь, огромныя цѣны, щедро одарялъ продавцовъ, осыпалъ ихъ почестями, чтобы такимъ способомъ привлекать къ себѣ другихъ; но и жены, и невольницы, которыхъ набралось у него болѣе сотни, оставались все также безплодны. Тогда, желая умилостивить небо, онъ обращался къ священнослужителямъ, одѣлялъ ихъ богатыми дарами, строилъ храмы, монастыри, раздавалъ милостыни бѣднякамъ; но все было напрасно: ничьи мольбы не доходили до Бога.

Одинъ разъ, когда по заведенному обычаю царь бесѣдовалъ въ кругу ученыхъ, высшихъ сановниковъ и знатныхъ иностранцевъ, имѣвшихъ доступъ ко двору, къ нему приблизился евнухъ и доложилъ, что какой то купецъ, прибывшій изъ отдаленной страны, привезъ молодую невольницу и желаетъ представить его величеству. Царь отвѣтилъ, что приметъ купца по окончаніи бесѣды, а пока приказалъ, по обыкновенію, провести его въ смежный покой, откуда было видно и слышно все, что происходило въ залѣ собранія; онъ всегда распоряжался такъ относительно всѣхъ чужеземцевъ, имѣвшихъ счастіе представляться ему, и дѣлалъ это съ цѣлію ободрить ихъ заранѣе милостивой простотою своего обращенія, чтобы потомъ они уже не смущались и не робѣли передъ его царственнымъ величіемъ. Даже иностранныхъ пословъ царь сначала приглашалъ запросто къ своему столу, велъ съ ними непринужденный разговоръ, разспрашивалъ о дальнемъ путешествіи, о нра-

вахъ и обычаяхъ ихъ родины, и только послѣ этого назначалъ имъ торжественный пріемъ.

Когда собраніе окончилось и всѣ присутствовавшіе на немъ стали расходиться по домамъ, царь приказалъ ввести купца. Тотъ по обычаю повергся ницъ у подножія трона и, поднявшись, выразилъ свое почтительное привѣтствіе пожеланіемъ долгой жизни и всевозможныхъ благъ его величеству.—Благодарю, съ улыбкой молвилъ царь; ты, какъ я слышалъ, самъ желаешь мнѣ доставить одно изъ лучшихъ благъ въ видѣ молодой и навѣрное прекрасной женщины? Если это такъ, то благодарю еще разъ.

— О, государь, отвѣтилъ купецъ, преклонившись вторично, я не осмѣлился бы представить ее твоему величеству, еслибы не былъ увѣренъ, что она вполнѣ удовлетворитъ самымъ строгимъ требованіямъ. Мнѣ извѣстно, что гаремъ твой полонъ разноплеменныхъ красавицъ, собранныхъ по всему свѣту, но такой, какую я привезъ, тебѣ навѣрное не приходилось еще видѣть.—Ну такъ дай же мнѣ взглянуть на это чудо, воскликнулъ царь съ видимымъ оживленіемъ.—Твоему величеству стоитъ только приказать, и красавица немедленно будетъ здѣсь; я оставилъ ее при входѣ во дворецъ, подъ охраной одного изъ евнуховъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ невольница вошла въ сопровожденіи чернаго евнуха и сразу, еще не открывая лица, произвела сильное впечатлѣніе на царя необычайной стройностью стана и полной граціи, величавой [illegible] тогда же она предстала передъ нимъ во

всемъ блескѣ своей красоты, безъ чадры и покрывала, его восторженному изумленію уже не было границъ.—Сколько ты желаешь получить за нее? спросилъ онъ въ волненіи.

— Государь, отвѣчалъ купецъ, я заплатилъ за красавицу тысячу цехиновъ, да переѣздъ и содержаніе стоили мнѣ столько же, если не больше, но, несмотря на все это, предпочитаю принести ее въ даръ твоему величеству.—Нѣтъ, возразилъ царь, не въ моихъ правилахъ причинять кому бы то ни было убытки, а тѣмъ болѣе людямъ, которые ради моего удовольствія переносятъ столько трудностей, являясь ко мнѣ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Я дамъ тебѣ десять тысячъ золотыхъ монетъ. Довольно ли этого?

— Не смѣю противиться волѣ твоего величества, сказалъ купецъ, снова преклоняясь до земли, хотя ты осчастливилъ бы меня несравненно болѣе, удостоивъ принять мой даръ. Во всякомъ случаѣ, государь, я никогда не забуду твоего великодушія и не перестану прославлять его всюду, куда бы ни занесла меня судьба. Помимо денегъ, купецъ былъ награжденъ драгоцѣнными одеждами и пользовался большимъ почетомъ во все время своего пребыванія при дворѣ.

Между тѣмъ для прекрасной невольницы отвели самое лучшее помѣщеніе въ одномъ изъ роскошныхъ дворцовъ, множество рабынь молодыхъ и старыхъ ежеминутно готовы были къ ея услугамъ; богатые наряды, жемчугъ, драгоцѣнные каменья, все это царь приказалъ достать изъ своихъ хранилищъ, чтобъ красавица сама выбирала, что найдетъ себѣ по вкусу.

Старыя, опытныя рабыни, сгорая желаніемъ угодить властелину, просили его умѣрить свое нетерпѣніе и хотя на трое сутокъ предоставить новую одалиску ихъ особому уходу, обѣщая такъ выхолить ее за это время, что она станетъ еще краше во сто разъ. Царь съ трудомъ согласился на отсрочку, увѣренный заранѣе, что никакое искусство не можетъ улучшить совершенства природы.

Наконецъ, черезъ три дня, онъ получилъ разрѣшеніе войти къ своей возлюбленной и дѣйствительно былъ изумленъ ея преображенной красотой: нѣжнѣе и бѣлѣе лиліи стало это юное лицо, залитое на ланитахъ свѣжимъ румянцемъ, словно отблескомъ зари; еще ярче сіяли глубокіе и загадочные, какъ бездна морская, глаза опушенные темными рѣсницами, а волнистые роскошные волосы, чернѣе агата, умащенные ароматами, ниспадали до самаго пола. Она сидѣла одна, облокотившись на подоконникъ, устремивъ свой задумчивый взглядъ на безпредѣльное море, подступавшее волнами къ подножію дворца.

При входѣ царя, красавица быстро обернулась, но, увидя его, приняла прежнее положеніе, не обращая ни малѣйшаго вниманія на своего властителя, даже не вставъ, чтобы поклониться ему; словно во-

шелъ не государь, а ничтожный слуга, до котораго ей не было никакого дѣла.

Царь остановился въ нерѣшимости, нѣсколько озадаченный страннымъ поведеніемъ красавицы; но, подумавъ съ минуту, онъ объяснилъ это недостаткомъ воспитанія и внутренно даже пожалѣлъ, что такой драгоцѣнный алмазъ остался не отшлифованнымъ. А между тѣмъ чарующая сила красоты привлекала его неотразимо; забывая свое царственное величіе, онъ самъ подошелъ къ невольницѣ и, склонившись надъ нею, страстно цѣлуя ее и лаская, говорилъ ей съ невыразимой нѣжностью: „Дорогая моя, повѣдай мнѣ, какого ты племени, изъ какой страны, кто твои родители, которымъ выпало счастіе произвести на свѣтъ такое чудо красоты?... Но что же ты все молчишь, отчего не хочешь отвѣтить ни взглядомъ, ни движеніемъ на мою пламенную любовь? Голубка моя, промолви хоть слово, дай заглянуть въ твои лучезарныя очи. Зачѣмъ эта холодность, этотъ печальный, даже суровый взглядъ? Можетъ быть ты тоскуешь по далекой родинѣ, по отцѣ и матери?... О, неужели властитель Персіи не въ силахъ замѣнить тебѣ всѣхъ и всего? Взгляни на меня только и ты поймешь, какъ глубоко, какъ безпредѣльно я полюбилъ тебя...“

И долго еще очарованный царь изливалъ свои чувства, стараясь всѣми силами развлечь красавицу и разомкнуть ея уста; но, не противясь его ласкамъ, она не отвѣчала на нихъ и попрежнему оставалась безмолвной, съ глазами, опущенными внизъ, и съ такимъ строгимъ, равнодушнымъ выраженіемъ лица, что трудно было угадать, слышитъ ли она даже и понимаетъ ли его рѣчи.

Это сильно смущало царя; но, надѣясь, что горячая любовь, тѣ неисчислимыя блага, какими онъ можетъ окружить свою избранницу, впослѣдствіи преодолѣютъ ея холодность, не сталъ болѣе настаивать на этотъ разъ и, позвавъ прислужницъ, велѣлъ имъ подавать ужинъ. Когда все было готово, онъ сказалъ ей такъ же ласково:—Садись со мною рядомъ, и раздѣлимъ трапезу. Красавица встала и, видимо повинуясь противъ воли, заняла приготовленное ей мѣсто.

Во время ужина персидскій царь то и дѣло заговаривалъ съ нею, онъ самъ предлагалъ ей каждое новое блюдо, спрашивалъ, по вкусу ли оно ей; она ни отъ чего не отказывалась, но не отвѣчала ни словомъ и не поднимала глазъ. Предположивъ, что его излишнее вниманіе смущаетъ красавицу, онъ перемѣнилъ разговоръ и спросилъ уже серьезно какъ ее зовутъ, довольна ли она своими нарядами, помѣщеніемъ, услугами рабынь и вообще своей новой обстановкой. Но и на эти простые вопросы не послѣдовало никакого отвѣта; тогда вдругъ страшная мысль поразила царя: Боже мой, подумалъ онъ, неужели она нѣмая! Да нѣтъ, не можетъ быть; невозможно, чтобы Творецъ, создавъ такое изу-

мительное совершенство, лишилъ его дара слова. Но, продолжалъ онъ мысленно, еслибы это было и такъ, я все же никогда не перестану любить ее.

По окончаніи трапезы, царь отошелъ въ сторону для омовенія рукъ и, воспользовавшись этимъ, вполголоса спросилъ у прислужницы, подававшей ему воду: говоритъ ли что нибудь красавица?—Нѣтъ, государь, отвѣчала рабыня также тихо,—во все это время мы не слыхали отъ нея ни единаго слова. Когда одѣвали ее, мыли, расчесывали ей волосы, она все молчала, ничѣмъ даже не выразила, угождаемъ ли мы ей какъ слѣдуетъ. Видно, что нибудь ее заботитъ, или ужъ такая уродилась отъ природы, только она поразила насъ своимъ равнодушіемъ и какою-то безучастностью ко всему, что бы ни дѣлалось вокругъ. Намъ кажется даже, что она нѣма и не въ полномъ разсудкѣ.

Не хотѣлось вѣрить царю послѣднему предположенію рабынь; онъ все еще надѣялся какими нибудь средствами разсѣять и развеселить свою возлюбленную. Съ этой цѣлью, созвавъ всѣхъ женщинъ гарема, онъ устроилъ роскошный пиръ. Начались игры, пляски, пѣніе, музыка на различныхъ инструментахъ. Всѣмъ было весело, всѣ лица сіяли оживленіемъ, даже самъ царь раздѣлялъ общее веселье, одна только его избранница оставалась такою же грустной, холодной и безучастной ко всему. При наступленіи ночи всѣ жены и одалиски разошлись по своимъ помѣщеніямъ, а царь остался наединѣ со своей возлюбленной.

На слѣдующее утро онъ уже ясно сознавалъ, что для него не существуютъ другія женщины, что весь міръ заключается въ одной этой

красавицѣ; съ нею одной онъ хотѣлъ провести остатокъ своей жизни и потому первымъ его распоряженіемъ было отпустить всѣхъ женъ и наложницъ своего гарема, предоставивъ имъ достаточное содержаніе и полную свободу выходить замужъ за кого вздумается. Во дворцѣ же остались однѣ только пожилыя рабыни, необходимыя для услугъ. А между тѣмъ красавица, ради которой онъ, казалось, готовъ былъ отказаться отъ самаго царства, по прежнему была грустна, задумчива, молчалива, какъ сфинксъ.

Такъ прошелъ цѣлый годъ, и вотъ однажды, когда царь, сидя у ногъ безмолвной красавицы, увѣрялъ ее по обыкновенію въ своей страстной неизмѣнной любви, онъ какъ-то неожиданно для себя перешелъ въ грустный тонъ.—Ненаглядная моя, все, все на свѣтѣ готовъ я сдѣлать для тебя, и повѣрь, это не одни слова; въ теченіе года ты могла убѣдиться, какъ мало значатъ для меня всѣ другія женщины и всѣ блага въ мірѣ; съ тѣхъ поръ, какъ ты моя, я знаю одно только счастіе: быть возлѣ тебя, любоваться тобою, и лишь одно тяжелое бремя лежитъ у меня на сердцѣ—сознаніе, что я никогда не услышу ни слова въ отвѣтъ на всѣ свои мольбы, на всѣ горячія выраженія любви... О, какъ бы я желалъ услыхать, или хоть увидать на твоемъ миломъ лицѣ, что ты сочувствуешь мнѣ и раздѣляешь мою безграничную страсть... Но, нѣтъ, видно не суждено этому сбыться! А между тѣмъ почему-то думается, что ты не нѣмая и только умышленно хранишь это ледяное молчаніе. Заклинаю же тебя именемъ Бога, если можешь, открой свои уста, скажи одно слово, а потомъ хоть умереть...

При послѣднихъ словахъ на лицѣ красавицы вдругъ промелькнула какая-то загадочная улыбка; какъ ни мимолетна была она, царь ее замѣтилъ, и это поразило его, какъ явленіе еще небывалое до тѣхъ поръ. Въ мучительномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ за этимъ первымъ проблескомъ послѣдуетъ полное возвращеніе къ сознательной жизни, онъ всталъ и съ замираніемъ сердца устремилъ на нее удивленный, вопросительный взглядъ.

И вдругъ дѣйствительно мечта его осуществилась, онъ услыхалъ давно желанную рѣчь: — Государь, заговорила красавица, рѣшившись прервать свое долгое молчаніе, я уже не знаю теперь, съ чего и начать. Прежде всего позволь отъ чистаго сердца благодарить тебя за всю твою доброту ко мнѣ, за всѣ неизчислимыя милости. Да продлитъ Господь твое царствованіе и сохранитъ твою жизнь на многія лѣта; желаю этого вдвойнѣ, какъ любящая жена и какъ мать твоего ребенка, котораго я уже ношу подъ сердцемъ. Вижу, какъ радостна для тебя эта вѣсть, будемъ же вмѣстѣ надѣяться, что Богъ пошлетъ тебѣ наконецъ сына и наслѣдника престола. Прости, государь, но я должна признаться, что только эта надежда и возникшее материнское чувство удержали меня здѣсь, заставили полюбить тебя, какъ мужа, и нарушить свое молчаніе.

Пораженный этой двойной, неожиданной радостью, царь нѣкоторое время не могъ произнести ни слова, наконецъ онъ нѣжно обнялъ красавицу и сказалъ ей прерывающимся голосомъ:—Дорогая, милая, ты знаешь, когда душа переполнена, языкъ нѣмѣетъ, такъ и у меня нѣтъ словъ для выраженія тебѣ своихъ чувствъ, своей безконечной благодарности... Но я хочу, чтобы всѣ узнали о моемъ счастіи и радовались ему... Подожди меня здѣсь... Съ этими словами онъ вышелъ и, призвавъ великаго визиря, велѣлъ оповѣстить по всей Персіи о неожиданной милости, ниспосланной ему небомъ, и взять изъ царской казны сто тысячъ золотыхъ монетъ для раздачи бѣднымъ и духовенству, для народныхъ празднествъ какъ въ престольной столицѣ, такъ и въ другихъ городахъ.

Затѣмъ, вернувшись къ своей возлюбленной, онъ ласково заговорилъ съ нею:—Прости, голубка моя, что я позамѣшкался немного, причиной тому была все та же радость... Но теперь не до пустыхъ разговоровъ, слишкомъ много накопилось невыясненнаго, о чемъ хотѣлось бы распросить тебя. Прежде всего скажи мнѣ, какъ могла ты такъ долго хранить молчаніе, не отвѣтить ни разу въ продолженіе цѣлаго года нашего сожительства ни словомъ, ни взглядомъ, ни движеніемъ на всѣ мои ласки и мольбы. Какая тайная причина вызывала это непостижимое отрѣшеніе отъ жизни?

— Государь, отвѣчала красавица, изъ свободной, независимой женщины сдѣлаться вдругъ рабыней, быть оторванной отъ отца, отъ матери, отъ родныхъ, безъ надежды и возможности вернуться на родину, мнѣ кажется, это слишкомъ достаточная причина, чтобы замкнуться въ своемъ горѣ, въ холодномъ безучастіи ко всему, чѣмъ радостна жизнь на свободѣ. Тѣло, конечно, можетъ поработить всякій, на чьей сторонѣ сила и законъ, но воля человѣка, эта искра божества, вѣчно останется свободной, ея не покоришь никакою властью, не купишь никакими сокровищами міра. Такъ не тому нужно удивляться, что я грустила и оставалась равнодушной къ твоимъ милостямъ, а тому, что не послѣдовала примѣру тѣхъ благородныхъ рабовъ и рабынь, которыхъ тоска по волѣ доводитъ до самоубійства.

— Ненаглядная моя,—прервалъ ее царь, я чувствую, что ты говоришь правду, но это примѣнимо лишь къ рабамъ, участь которыхъ дѣйствительно бываетъ порою невыносима, а не къ тебѣ, моей царицѣ, моему божеству!

— Государь, отвѣчала невольница, осмѣлюсь снова напомнить твоему величеству, что свобода, то есть душа человѣческая не продается ни за какія блага; я не говорю о той угнетенной средѣ, гдѣ къ рабству привыкаютъ съ дѣтства, гдѣ на всякое насиліе смотрятъ, какъ на законное, естественное право, тамъ даже малѣйшее облегченіе, а тѣмъ болѣе привольная и богатая обстановка дѣйствительно считается уже за ве-

ликое счастіе. Но кто не зналъ неволи, кто самъ привыкъ повелѣвать, для того еще не большая честь попасть въ рабство хотя бы и къ самому царю. Горе, униженіе, позоръ, вотъ что должна чувствовать такая рабыня, особенно если въ жилахъ ея течетъ не менѣе благородная кровь, чѣмъ и въ тебѣ, государь.

Рѣчь эта изумила царя.—Что́ ты хочешь сказать? воскликнулъ онъ неужели ты дѣйствительно царскаго происхожденія? Ненаглядная моя, ради Бога открой мнѣ скорѣе кто твой отецъ, и прежде всего, какъ зовутъ тебя?

— Имя мое Гюльнара *), отвѣчала красавица, я дочь знаменитаго морскаго царя, но онъ уже умеръ давно, оставивъ свой престолъ моему брату Салеху **) и моей матери, происходящей также отъ царскаго рода. Мы жили въ полномъ спокойствіи и мирѣ, какъ вдругъ одинъ изъ сосѣднихъ царей позавидовалъ этому счастію и, собравъ многочисленную армію, неожиданно овладѣлъ нашей столицей. Только бѣгствомъ удалось намъ спастись отъ ярости враговъ и съ помощью преданныхъ слугъ укрыться въ надежномъ мѣстѣ.

Въ своемъ убѣжищѣ братъ мой не переставалъ обдумывать средства къ низверженію врага и возстановленію своихъ правъ на родительскій престолъ, но исполненіе этого замысла было сопряжено съ большими опасностями, которымъ онъ не хотѣлъ подвергать меня, и вотъ однажды, оставшись наединѣ со мною, повелъ такую рѣчь:—Дорогая сестра, сказалъ онъ мнѣ, военное счастіе слишкомъ измѣнчиво, очень можетъ быть, что мнѣ скоро суждено погибнуть, но не своя, а твоя участь пугаетъ меня. Что станется съ тобою, когда меня не будетъ? я не могу подумать объ этомъ безъ ужаса; вотъ почему мнѣ хотѣлось бы поскорѣе выдать тебя замужъ, только уже не за морскаго царевича, такъ какъ при нашемъ печальномъ положеніи на это надѣяться трудно, а за какого нибудь земнаго царя. Ты можешь прельстить любаго своей красотой, невиданной на землѣ, да и я съ своей стороны употребилъ бы на то всѣ старанія. Нѣтъ, братъ мой, воскликнула я, возмущенная этими словами, никакія невзгоды не заставятъ меня рѣшиться на такой унизительный союзъ, и легче мнѣ погибнуть вмѣстѣ съ тобою, чѣмъ послѣдовать твоему совѣту. Братъ настаивалъ, а я не выдержала и, разгорячившись, наговорила ему много обиднаго, на что и онъ съ своей стороны отвѣчалъ съ такимъ же раздраженіемъ. Кончилось это тѣмъ, что мы разстались одинаково недовольные другъ другомъ. Въ гнѣвѣ и досадѣ я взвилась на морскую поверхность и, подплывъ къ одному изъ лунныхъ острововъ, вышла на берегъ.

---

*) Гюльнара—по персидски: *роза* или *цвѣтъ гранаты*.

**) Салехъ по арабски: *добрый*.

Тамъ, ожидая преслѣдованія, я скрылась въ чащѣ густолиственныхъ деревьевъ, но видно отъ своей судьбы никуда не уйдешь. Вскорѣ какой то земной человѣкъ, повидимому очень знатный, случайно забрелъ въ мое убѣжище съ своимъ слугой и взялъ меня въ плѣнъ. На всѣ его ласки и мольбы, на всѣ увѣренія въ пылкой любви отвѣтомъ ему было презрительное равнодушіе, когда же онъ попробовалъ прибѣгнуть къ силѣ, то встрѣтилъ такой отпоръ съ моей стороны, что тутъ же раскаялся въ своей дерзости и поспѣшилъ продать меня тому купцу, отъ котораго я перешла во владѣніе твоего величества.

Точно также могла бы я освободиться и отъ тебя, государь, и это было бы тѣмъ удобнѣе, что море, моя родная стихія, подходитъ къ самому подножію твоего дворца, но меня удержала та глубокая, искренняя любовь, какую ты проявилъ съ перваго же дня нашей встрѣчи, а твоя рѣшимость удалить ради меня одной всѣхъ женщинъ своего гарема подѣйствовала еще сильнѣе. Тѣмъ не менѣе, прости, государь, мою откровенность то была лишь отсрочка, рано или поздно я все же оставила бы тебя, потому что тоска по родинѣ и близкимъ, дорогимъ людямъ не давала мнѣ покоя; къ счастію я вскорѣ почувствовала себя беременной, а это уже окончательно связываетъ насъ неразрывными узами, и теперь, кто бы ни родился, сынъ или дочь, я никогда не покину тебя. Къ тому же, послѣ всего сказаннаго, надѣюсь, твое величество не сочтетъ для себя унизительнымъ вступить со мною въ законный союзъ.

— Дорогая моя, возлюбленная, воскликнулъ царь, внѣ себя отъ восторга, я не думалъ, чтобы возможно было любить еще сильнѣе, а между тѣмъ, послѣ своего чудеснаго разсказа, ты стала мнѣ во сто разъ милѣй и дороже. Съ этой минуты ты уже не рабыня, не одалиска, а всевластная царица Персіи, какъ я ея царь. Завтра же вся столица и весь народъ мой узнаютъ объ этомъ счастливомъ событіи и назовутъ тебя своей повелительницей. Если я не поступилъ такъ сразу, то ты сама была тому виною, не открывъ мнѣ ранѣе своего высокаго происхожденія. Но завтра все будетъ заглажено, теперь же, умоляю тебя, разскажи о своей родинѣ, о тѣхъ невѣдомыхъ народахъ, что́ населяютъ морскія глубины. Правда, я слыхалъ объ этомъ и прежде, но до сихъ поръ не вѣрилъ, считая всѣ эти чудеса порожденіемъ фантазіи, пока не увидалъ въ тебѣ живаго подтвержденія ихъ дѣйствительности. Одно мнѣ только непонятно: какимъ образомъ люди, съ виду такіе же, какъ и мы, могутъ жить подъ водою, ясно видѣть, свободно двигаться, дышать?

— Изволь, отвѣчала Гюльнара, я съ удовольствіемъ готова удовлетворить любопытству твоего величества и прежде всего скажу тебѣ, что вода не только не задушаетъ насъ, какъ земныхъ существъ, но даже способствуетъ нашей жизни, замѣняя намъ воздухъ, мы свободно дви-

жемся въ ней, дышемъ и такъ же хорошо видимъ, какъ здѣсь. Зрѣніе, впрочемъ, развито у насъ въ совершенствѣ: не только при солнечномъ свѣтѣ, но и при лунѣ, и при звѣздахъ, мы отчетливо различаемъ предметы въ неизмѣримой глубинѣ. Но замѣчательнѣе всего то, что вода не смачиваетъ нашихъ одеждъ, и мы выходимъ изъ нея всегда сухими.

Я уже упоминала о подводныхъ царствахъ; ихъ не менѣе, чѣмъ на землѣ, при такомъ же разнообразіи племенъ и нарѣчій, хотя преобладающій языкъ у насъ тотъ, на которомъ сдѣлана надпись на печати великаго пророка Соломона, сына Давидова. Такъ какъ воды обширнѣе суши, то и государства наши значительнѣе земныхъ; всѣ они точно также раздѣляются на провинціи, управляются своими законами и обычаями.

Постройки у насъ вообще изящнѣе и красивѣе вашихъ, но царскіе дворцы представляютъ уже верхъ совершенства. Они строятся обыкновенно изъ горнаго хрусталя, перламутра, коралла и другихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, которыми изобилуетъ море. Золото, серебро, самоцвѣтные камни находятся у насъ въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ на землѣ; не говорю уже о жемчугѣ: самыя крупныя жемчужины у насъ не рѣдкость и служатъ украшеніемъ развѣ только однѣмъ простолюдинкамъ.

Помимо многихъ особенныхъ свойствъ, мы обладаемъ еще способностью неимовѣрно быстраго и легкаго передвиженія, о которомъ земные жители не могутъ даже составить себя понятія. Въ одну минуту, не чувствуя ни малѣйшаго утомленія, мы пробѣгаемъ громадныя пространства, и потому намъ нѣтъ нужды ни въ лошадяхъ, ни въ колесницахъ, ни въ верблюдахъ, хотя каждый изъ царей считаетъ своей обязанностью содержать большія конюшни и имѣетъ множество морскихъ коней, употребляемыхъ только во время парадовъ. Царскія колесницы, похожія формою на громадныя раковины, всегда выдѣланы изъ перламутра и украшены драгоцѣнными каменьями; на срединѣ возвышается тронъ, и, возсѣдая на немъ, самъ управляя рьяными конями, монархъ является передъ своимъ народомъ. Много еще разныхъ особенностей существуетъ въ нашемъ подводномъ мірѣ, продолжала Гюльнара, и разсказы о нихъ, я увѣрена, доставятъ большое удовольствіе твоему величеству, но мы отложимъ ихъ до другаго раза, а теперь поговоримъ о болѣе важномъ дѣлѣ. Я должна сказать тебѣ, государь, что роды морскихъ женщинъ совершаются тоже особенно, и потому въ моемъ положеніи опасно было бы довѣриться здѣшнимъ бабкамъ, онѣ не съумѣютъ помочь; дозволь же мнѣ призвать на это время свою мать, своихъ сестеръ, а также и брата Салеха, съ которымъ я желала бы теперь примириться. О, какъ обрадуются они всѣ, когда узнаютъ, что я не погибла, а стала супругой славнѣйшаго изъ земныхъ царей.

— Возлюбленная моя, воскликнулъ царь, развѣ ты не свободна, развѣ не въ твоей волѣ поступать, какъ желаешь? Опредѣли мнѣ только время, когда прибудутъ сюда твои родные, чтобы я могъ приготовить все къ достойному пріему дорогихъ гостей и самъ выѣхать имъ на встрѣчу.

— Государь, съ улыбкой отвѣтила Гюльнара, если ты позволишь, мои родные могутъ прибыть черезъ нѣсколько минутъ, и тебѣ не нужно безпокоиться о ихъ пріемѣ: а чтобы видѣть, какъ это совершится, твоему величеству стоитъ только перейти въ смежный покой и наблюдать оконную рѣшетку.

Когда царь удалился, Гюльнара немедленно приказала подать себѣ жаровню съ горящими угольями и бросила туда кусокъ дерева алоэ, хранившійся у нея въ особомъ ящикѣ; какъ только показался дымъ, она произнесла нѣсколько словъ, непонятныхъ для царя, который съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми ея дѣйствіями.

При послѣднихъ словахъ Гюльнары морская вода вдругъ всколыхнулась, и онъ ясно увидалъ изъ окна, какъ въ недалекомъ разстояніи отъ дворца разверзлось море, и изъ глубины его сперва поднялся прекрасный, статный юноша, потомъ пожилая, но все еще красивая, величественная женщина, а вслѣдъ за нею еще пять женщинъ, молодыхъ и такихъ же очаровательныхъ, какъ царица Гюльнара, которая въ ту же минуту стремительно бросилась къ окну.

Къ этой царственной группѣ, скользившей по водѣ, она узнала своего брата, свою мать и своихъ сестеръ; тѣ также узнали ее и стали приближаться къ дворцу съ изумительной быстротою, причемъ ноги ихъ

оставались неподвижны. Достигнувъ берега, они всѣ разомъ поднялись на воздухъ и влетѣли вереницей въ то окно, у котораго стояла царица Гюльнара.

Она приняла своихъ желанныхъ гостей съ изъявленіемъ величайшей радости, и когда, послѣ многихъ взаимныхъ привѣтствій, сопровождаемыхъ слезами, объятіями и поцѣлуями, всѣ усѣлись на софу, мать заговорила первая: — Дорогое дитя мое, сказала она, обращаясь къ Гюльнарѣ, ты не можешь представить себѣ, какъ радостно намъ это нежданное свиданіе съ тобою; мы вѣдь считали тебя погибшей безвозвратно и не переставали оплакивать. Съ самаго твоего непонятнаго исчезновенія не проходило дня, когда бы мы не вспоминали о тебѣ съ тоскою и глубокой печалью въ сердцѣ; открой же намъ, отчего ты удалилась? Неужели пустая размолвка съ братомъ заставила тебя такъ безжалостно покинуть насъ всѣхъ? Но вѣдь его совѣтъ былъ вызванъ желаніемъ тебѣ же добра, и тогдашнее наше положеніе не представляло иного исхода; ты, конечно, была вольна не соглашаться и потому твой опрометчивый поступокъ не имѣетъ никакого основанія. Впрочемъ, что говорить о прошломъ, лучше скажи намъ, какъ ты живешь теперь, довольна ли, счастлива ли?—Государыня моя, матушка, воскликнула Гюльнара, склоняясь передъ ней на колѣни и осыпая ея руки поцѣлуями, прости мнѣ все горе причиненное тебѣ, я сама признаю себя виноватой и убѣдилась теперь, какъ напрасны всѣ старанія противиться своей судьбѣ; тѣми или другими способами она всегда приводитъ насъ именно къ тому, чего мы хотѣли избѣжать. Затѣмъ Гюльнара подробно разсказала обо всемъ, что ей пришлось испытать съ того времени, какъ она вышла на островъ и до своего пребыванія у персидскаго царя въ качествѣ одалиски.—Но, дорогая сестра моя, возразилъ Салехъ, не ты ли сама виновата въ томъ униженіи, какому подверглась? У тебя вѣдь всегда было средство избавиться отъ него. По крайней мѣрѣ въ настоящую минуту ничто не мѣшаетъ тебѣ возвратиться вмѣстѣ съ нами къ своей прежней свободной жизни въ нашемъ родномъ государствѣ, которое мнѣ удалось отбить у своего врага.

При этихъ словахъ персидскій царь, слышавшій весь разговоръ сначала до конца, затрепеталъ отъ страха.—Боже мой, думалъ онъ, что если она послѣдуетъ совѣту и согласится покинуть меня!... Что тогда будетъ со мной? Вѣдь это равносильно смертельному удару, такъ какъ я знаю, что не въ силахъ буду жить безъ нея...

Однако отвѣтъ Гюльнары вполнѣ успокоилъ его.—Дорогой братъ мой, сказала она Салеху, твои слова доказываютъ все ту же искреннюю любовь и неизмѣнную отеческую заботливость обо мнѣ; тогда я не оцѣнила тебя по достоинству и своей безразсудной вспыльчивостью причинила не мало горя и себѣ, и всѣмъ близкимъ. Но, продолжала она,

сама судьба заставила меня послѣдовать твоему благоразумному совѣту; я уже не рабыня, не наложница персидскаго царя, а его законная супруга, счастливая любовью своего мужа и тѣмъ почетомъ и уваженіемъ, какими окружаютъ меня здѣсь. Могущественный властитель Персіи вмѣстѣ съ тѣмъ мудрый, безгранично добрый и религіозный человѣкъ; изъ любви ко мнѣ онъ съ перваго же дня отказался отъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ и всю свою жизнь посвятилъ мнѣ одной. Этого уже было бы достаточно, чтобы заставить меня никогда не разлучаться съ нимъ; но между нами существуетъ уже другая связь, болѣе прочная и сильная, чѣмъ всѣ брачные договоры: я ношу подъ сердцемъ ребенка, и если Богъ даруетъ намъ сына, онъ будетъ единственнымъ наслѣдникомъ персидскаго престола. И такъ, братъ мой, ты видишь, что и на этотъ разъ я не могу принять твоего совѣта, хотя и по другимъ причинамъ. Надѣюсь, вы всѣ одобрите мое рѣшеніе и не будете осуждать меня за то, что вступивъ въ этотъ почетный союзъ, я не хочу нарушить его, а ваше одобреніе во много разъ увеличитъ мое счастіе и возвыситъ настоящую радость свиданія.

— Сестра моя, отвѣчалъ царь Салехъ, я предложилъ тебѣ возвратиться съ нами въ томъ убѣжденіи, что ты все еще находишься въ унизительномъ состояніи рабыни, которое возмущало меня до глубины души, но теперь я первый осудилъ бы тебя, еслибы ты рѣшилась покинуть своего великодушнаго супруга. Царица, наша мать и наши сестры навѣрное того же мнѣнія.

Дѣйствительно, мать вполнѣ была согласна съ словами сына и сказала, обращаясь къ Гюльнарѣ:—Тебѣ извѣстно, дочь моя, что я всегда была и буду счастлива твоимъ счастіемъ. Если ты довольна и не желаешь перемѣны своей судьбы, то намъ всѣмъ остается только благодарить Бога и твоего державнаго супруга, который такъ безгранично любитъ тебя и такъ много заботится о твоемъ благополучіи.

Насколько испугался персидскій царь при первомъ предложеніи Салеха, настолько же обрадовался теперь, вполнѣ убѣдившись, что его обожаемая Гюльнара никогда не разстанется съ нимъ. Мысленно онъ уже не разъ благословлялъ ее и давалъ клятву боготворить неизмѣнно до конца своей жизни.

Между тѣмъ дворцовые слуги, явившіеся на зовъ Гюльнары, проворно накрыли столъ, убрали его цвѣтами и подали роскошное угощеніе на золотыхъ и серебряныхъ блюдахъ. Усадивъ вокругъ своихъ дорогихъ гостей, она съ веселымъ радушіемъ принялась угощать ихъ то тѣмъ, то другимъ, и вначалѣ они ни отчего не отказывались, но вдругъ одна и та же мысль одновременно осѣнила всѣхъ семерыхъ: имъ стало неловко и показалось верхомъ неприличія, что они сидятъ за столомъ безъ вѣдома и приглашенія самого хозяина. Яркая краска стыда раз-

лилась по ихъ лицамъ, изъ устъ и ноздрей показалось пламя, глаза же вспыхнули огнемъ.

При этомъ зрѣлищѣ персидскій царь пришелъ въ неописанный ужасъ; онъ никакъ не могъ объяснить себѣ такого страшнаго, невиданнаго явленія, тогда какъ Гюльнара, нисколько не смутившись, сразу отгадала, что̀ происходитъ въ душѣ ея родныхъ. Она поспѣшно встала

и, сказавъ, что сейчасъ вернется, прошла въ смежный покой, гдѣ находился ея супругъ.—Государь, сказала она ему съ нѣжной лаской въ голосѣ и во взглядѣ, ты слышалъ нашъ разговоръ и, надѣюсь, остался доволенъ? Да, какъ не заманчиво было предложеніе моего брата, я никогда не рѣшусь разстаться съ тобою.—О, моя возлюбленная,—воскликнулъ царь, какъ мнѣ благодарить тебя за твою доброту! ты жизнь моя, радость, счастіе,—безъ тебя я не зналъ бы цѣли своего существованія. Дорогая, до сихъ поръ я не думалъ, чтобы ты хоть немного любила меня, теперь же вѣрю тебѣ, и счастливъ такъ, какъ ни одинъ человѣкъ во всемъ мірѣ.—Государь мой, отвѣчала Гюльнара, могла ли бы я чувствовать и поступить иначе послѣ столькихъ доказательствъ любви, уваженія и почета со стороны твоего величества; но довольно объ этомъ, пойдемъ лучше къ моимъ роднымъ; своими разсказами я уже успѣла расположить ихъ въ твою пользу, и они сгораютъ нетерпѣніемъ поскорѣе увидаться съ тобой.

— Милая, нерѣшительно отвѣтилъ царь, ты знаешь съ какимъ удо-

вольствіемъ я познакомился бы съ такими близкими тебѣ людьми, но это пламя, эти глаза, сверкающіе огнемъ... признаюсь, они сильно смущаютъ меня, даже внушаютъ невольный страхъ. — О, не бойся, государь, съ улыбкой возразила Гюльнара, тутъ нѣтъ ни малѣйшей опасности, иначе я сама первая предупредила бы тебя. Это не болѣе, какъ наше прирожденное свойство, и всѣ особенно сильныя ощущенія обыкновенно сопровождаются у насъ подобными явленіями, а въ настоящемъ случаѣ я угадываю ихъ причину: благодаря твоему отсутствію, государь, мои родные чувствуютъ себя въ неловкомъ положеніи и навѣрное испытываютъ сильное смущеніе отъ того, что сѣли за столъ безъ вѣдома и приглашенія твоего величества. Видишь, какъ это просто.

Успокоенный этимъ объясненіемъ, персидскій царь немедленно всталъ и уже безъ колебанія пошелъ вмѣстѣ съ своей супругой къ ожидавшимъ его гостямъ. Послѣ обычныхъ почтительныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, царь Салехъ обратился къ нему съ такою рѣчью:— Государь, прежде всего позволь выразить тебѣ нашу сердечную благодарность за всѣ заботы, любовь и почтеніе, какими угодно было твоему величеству окружить нашу возлюбленную Гюльнару. Я твердо вѣрю, что само Небо предназначило ее для тебя. Еще въ то время, когда она не достигла совершенныхъ лѣтъ, многіе изъ морскихъ царей и царевичей предлагали ей руку, но мы постоянно отклоняли эти предложенія, находя ихъ или преждевременными, или недостаточно почетными; Провидѣніе готовило ей иную судьбу и путемъ различныхъ бѣдствій, помимо нашей воли, сдѣлало ее супругой достойнѣйшаго изъ монарховъ. Возблагодаримъ же Бога за его великія милости, и да продлитъ Онъ твою жизнь, государь, на многія лѣта.

Персидскій царь былъ сильно тронутъ этой задушевной рѣчью и отвѣчалъ со слезами на глазахъ:—Не вамъ подобаетъ благодарить меня, а мнѣ васъ за высокую честь этого союза. Дѣйствительно само Небо даровало мнѣ такую безцѣнную супругу; безъ нея я не зналъ настоящей любви, а слѣдовательно на зналъ и настоящаго счастія; она наполнила мою жизнь, внесла въ нее столько свѣта и радости, что я никогда не перестану благословлять ту минуту, когда впервые увидалъ ее.

Затѣмъ, по его приглашенію, гости снова сѣли за столъ вмѣстѣ съ нимъ и Гюльнарой, и оживленная бесѣда, начавшаяся во время пира, не прерывалась до глубокой ночи, когда наконецъ всѣ разошлись по приготовленнымъ для нихъ роскошнымъ помѣщеніямъ..

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль персидскій царь не переставалъ чествовать своихъ высокихъ гостей непрерывными празднествами и пирами, стараясь всѣми средствами незамѣтно удержать ихъ до времени разрѣшенія своей супруги. Наконецъ роковая минута настала, и Гюльнара, къ величайшей радости царя и всего государства, произвела на

свѣтъ давно желаннаго наслѣдника. Ребенокъ оказался крѣпкимъ, здоровымъ и уже отмѣченнымъ такою чудесной, неземной красотой, что при первомъ же взглядѣ на него царь-отецъ нарекъ ему имя Бедэръ *). Въ благодарность Небу за свое великое счастіе онъ пожертвовалъ громадныя суммы на храмы, религіозныя общины и другія богоугодныя заведенія; освободилъ рабовъ и рабынь, выпустилъ на волю заключенныхъ узниковъ, осыпалъ своими щедротами всѣхъ приближенныхъ и сановниковъ двора, а народныя празднества по всему государству не прекращались цѣлый мѣсяцъ.

По прошествіи девяти дней, когда царица Гюльнара, уже совершенно оправившись, бесѣдовала съ мужемъ и родными, собравшимися около нея, въ комнату вошла кормилица съ царевичемъ Бедэромъ на рукахъ. Салехъ тотчасъ же взялъ у нея младенца и, цѣлуя его, лаская съ горячей нѣжностью, сталъ бѣгать съ нимъ, кружиться, подбрасывая его вверхъ, потомъ вдругъ, въ порывѣ какого то дикаго восторга, прыгнулъ въ открытое окно и погрузился въ море вмѣстѣ съ царевичемъ.

Легко представить себѣ какой ужасъ овладѣлъ персидскимъ царемъ при этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ; отчаянный крикъ вырвался у него изъ груди, и навѣрное онъ тутъ же бросился бы вслѣдъ за своимъ пер-

*) По арабски: *полная луна*.

венцемъ, если бы его не удержала убѣдительная рѣчь царицы Гюльнары:—Не тревожься, государь, сказала она, увѣряю тебя, что никакая опасность не угрожаетъ нашему сыну, иначе могла ли бы я оставаться спокойной? Вотъ увидишь, черезъ нѣсколько минутъ Салехъ вернется и возвратитъ намъ царевича живымъ и невредимымъ. Вмѣстѣ съ твоею кровью, государь, въ жилахъ младенца течетъ и наша, морская, которая даетъ ему возможность съ одинаковымъ удобствомъ жить какъ подъ водою, такъ и на землѣ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ море всколыхнулось, и на поверхности его появился царь Салехъ, держа одною рукой Бедэра, а другою небольшой ларецъ, окованный золотомъ; онъ также быстро влетѣлъ въ окно и сказалъ, обращаясь къ персидскому царю:—Вѣроятно, я напугалъ твое величество своимъ неожиданнымъ поступкомъ?—Да, признаюсь, отвѣтилъ царь, я едва не умеръ отъ страха и теперь еще не могу придти въ себя. Вѣдь это было бы такое ужасное несчастіе!—Мнѣ слѣдовало предвидѣть твой испугъ, продолжалъ Салехъ, но прости, государь, я вполнѣ былъ увѣренъ въ безопасности моего племянника и потому не боялся погрузиться съ нимъ въ море. Происходя отъ нашего морскаго племени, онъ обладаетъ тѣми же преимуществами надъ земными существами, какъ и всѣ мы; кромѣ того, прежде чѣмъ броситься въ воду, я произнесъ тѣ таинственныя слова, начертанныя на печати пророка Соломона, которыя мы произносимъ надъ каждымъ младенцемъ, рожденнымъ въ морскихъ глубинахъ. Итакъ знай, государь, что съ нынѣшняго дня сынъ твой смѣло можетъ погружаться въ пучины морей, жить тамъ и легко проходить громадныя пространства.

Сказавъ это, Салехъ отдалъ младенца кормилицѣ, а самъ открылъ ларецъ, который успѣлъ захватить въ своемъ дворцѣ во время недолгаго пребыванія подъ водою, и онъ оказался полонъ различныхъ драгоцѣнностей; въ немъ было до трехсотъ бриллiантовъ, величиною съ голубиное яйцо, такое же количество крупныхъ рубиновъ, изумрудовъ, да тридцать безцѣнныхъ ожерелій, каждое въ десять нитей.—Поспѣшивъ явиться на зовъ моей сестры, сказалъ морской царь, мы не знали, у кого она находится и въ какомъ положеніи, поэтому ничего и не захватили съ собою; дозволь же намъ, государь, исправить свою первую оплошность и благоволи принять отъ насъ этотъ незначительный даръ.—Какъ братъ мой, съ изумленіемъ воскликнулъ властитель Персіи, такія несмѣтныя сокровища ты называешь незначительными! Да во всемъ моемъ царствѣ не найдется ничего подобнаго. Къ тому же, повторяю еще разъ, вамъ не за что благодарить меня, моя же признательность не можетъ быть выражена никакими словами, она также безпредѣльна и неизмѣрима, какъ мое счастіе. Научи меня, дорогая, обратился онъ къ Гюльнарѣ, я право не знаю, что дѣлать: съ одной стороны мнѣ не хотѣлось бы при-

нимать такого дорогого и незаслуженнаго дара, а съ другой—боюсь обидѣть царя, твоего брата, который такъ великодушно предлагаетъ его.

— Государь, прервалъ его Салехъ, я не удивляюсь, что твое величество смущается предполагаемой цѣнностью этихъ каменьевъ, судя о нихъ по земному и не зная, что у насъ они даже не рѣдкость. Да, морское дно изобилуетъ такими сокровищами, о какихъ жители земли не могутъ составить себѣ никакого понятія. Вотъ почему я снова увѣряю, что мой даръ незначителенъ, и прошу принять его, какъ залогъ нашей дружбы, любви и уваженія, которыя всѣ мы одинаково питаемъ къ твоему величеству. Персидскій царь принужденъ былъ уступить такой настоятельной просьбѣ и принялъ драгоцѣнный даръ съ изъявленіемъ величайшей благодарности.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Салехъ выразилъ намѣреніе возвратиться въ свое подводное царство. — Повѣрь, государь, отвѣчалъ онъ на неотступныя просьбы персидскаго царя погостить у него долѣе, какъ самъ я, такъ и моя мать, и сестры, всѣ мы были бы рады остаться съ вами хоть на всю жизнь, но государственныя дѣла призываютъ меня къ исполненію моей обязанности; вѣдь цари не свободны въ своихъ желаніяхъ, и благо народа должно стоять для нихъ выше всѣхъ личныхъ благъ. На это возразить уже было нечего, и персидскій царь не сталъ удерживать гостей, а только выразилъ искреннее сожалѣніе, что вслѣдствіе несовершенства своей природы лишенъ возможности посѣтить ихъ въ свою очередь.—Но, добавилъ онъ, такъ какъ для васъ не существуетъ никакихъ препятствій ни въ разстояніяхъ, ни въ стихіяхъ, то я надѣюсь еще не разъ имѣть счастіе видѣться съ вами.

Много слезъ было пролито при этой разлукѣ; Салехъ вышелъ первый, но царица мать и царевны сестры едва могли вырваться изъ объятій Гюльнары, которая ни за что не хотѣла отпускать ихъ. Наконецъ, когда они скрылись изъ виду, погрузившись въ морскую глубину, персидскій царь сказалъ своей супругѣ:—Удивительно, непостижимо! Если бы прежде мнѣ кто нибудь сталъ разсказывать о такихъ чудесахъ, я счелъ бы того лжецомъ и обманщикомъ, теперь же, конечно, не могу не вѣрить своимъ глазамъ. Да будетъ благословенна судьба, пославшая тебя изъ этого волшебнаго міра именно мнѣ, а не другому.

Уже въ первые годы младенчества царевичъ Бедэръ доставлялъ несказанное утѣшеніе своимъ родителямъ, но когда онъ сталъ подростать, когда вмѣстѣ съ изумительной красотою начали быстро развиваться его душевныя качества, восторгу царя и царицы не было границъ.

Дѣйствительно ребенокъ проявлялъ необычайныя способности; веселый, живой, остроумный, онъ легко усвоивалъ всѣ науки, которыми старались обогатить его умъ, въ тѣлесныхъ же упражненіяхъ скоро

превзошелъ самихъ учителей, поражая всѣхъ своей удивительной граціей, ловкостью и силой.

Къ шестнадцатилѣтнему возрасту онъ уже закончилъ свое образованіе, и царь отецъ, убѣдившись въ его умѣ, твердости и честныхъ, возвышенныхъ чувствахъ, рѣшился еще при жизни исполнить свое задушевное желаніе: передать ему престолъ персидскаго государства; къ этому побуждала его и старческая немощь, съ каждымъ днемъ дававшая себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе.

Собравъ эмировъ, визирей и всѣхъ сановниковъ двора, царь сообщилъ имъ о своемъ намѣреніи и легко убѣдилъ ихъ въ пользѣ и необходимости задуманнаго; народъ же принялъ это извѣстіе съ живѣйшей радостью. Царевичъ Бедэръ часто показывался въ толпѣ и давно уже былъ предметомъ ея искренняго обожанія; съ нимъ она привыкла соединять свои мечты, свои надежды на лучшее будущее, и эти ожиданія имѣли глубокое основаніе. Всегда доступный, ласковый, привѣтливый, царевичъ умѣлъ войти въ положеніе человѣка, вникнуть въ его нужды и помочь его дѣйствительному бѣдствію. Болѣе же всего подкупала народъ необыкновенная простота его обращенія, представлявшая такую отрадную противоположность недоступности и надмѣнному высокомѣрію царственныхъ особъ вообще. Вотъ почему это восшествіе на престолъ весь народъ привѣтствовалъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

Назначенъ былъ день для торжественной церемоніи. Царь отецъ, при громадномъ собраніи всего государственнаго синклита, сошелъ съ возвышенія трона, снялъ съ головы корону и, возложивъ на сына, возвелъ его на свое мѣсто, самъ же, приложившись къ рукѣ преемника, помѣстился въ ряду эмировъ и визирей. Этимъ онъ показалъ, что вмѣстѣ съ властью передаетъ сыну и всѣ почести, принадлежащія царскому достоинству. Потомъ весь государственный совѣтъ и всѣ сановники разомъ преклонились передъ новымъ властителемъ и стали одинъ за другимъ приносить ему присягу, каждый сообразно съ своимъ званіемъ и занимаемой должностью. По окончаніи этого обряда, великій визирь предложилъ на монаршее разсмотрѣніе нѣсколько важныхъ дѣлъ, не терпѣвшихъ отлагательства, и юный царь, къ удивленію всего собранія, рѣшилъ ихъ такъ скоро, обстоятельно и разумно, словно уже много лѣтъ стоялъ во главѣ правленія. Въ тотъ же день онъ отставилъ отъ должности трехъ областныхъ правителей, уличенныхъ въ лихоимствѣ и назначилъ на ихъ мѣста другихъ, завѣдомо способныхъ и честныхъ.

Велика была радость царицы матери, когда, въ сопровожденіи отца, Бедэръ вошелъ къ ней въ своемъ роскошномъ царскомъ одѣяніи, съ короной на головѣ. Она бросилась къ нему, забывая все на свѣтѣ, и, горячо обнявъ его, заплакала отъ избытка счастія.

Въ первый годъ своего царствованія юный монархъ посвящалъ все

емя на то, чтобы какъ можно лучше вникнуть въ сложное управленіе лами государства, узнать особенности страны, положеніе народа, и змъ съ большимъ успѣхомъ достигнуть цѣли своихъ благихъ стремлеій. На слѣдующій годъ, не довольствуясь однимъ заочнымъ знакомгвомъ съ народной жизнью и желая лично убѣдиться, насколько выполняются его предначертанія, царь отправился путешествовать по всему осударству и объѣхалъ его изъ конца въ конецъ, останавливаясь не олько въ городахъ, но и въ самыхъ глухихъ, незначительныхъ мѣстечахъ. Всюду онъ искоренялъ злоупотребленія, возстановлялъ порядокъ а справедливость, собиралъ войска на границахъ, дѣлалъ имъ смотръ, и это давало ему случай показать сосѣдямъ, что онъ всегда готовъ отразить всякое ихъ воинственное покушеніе на спокойствіе его страны.

Цѣлый годъ прошелъ въ этихъ плодотворныхъ трудахъ, и затѣмъ юный царь возвратился въ свою столицу съ отраднымъ сознаніемъ, что онъ выполнилъ долгъ, возложенный на него самимъ Провидѣніемъ; но дома его ожидало тяжелое испытаніе. Царь отецъ, давно и постепенно приближавшійся къ смерти, наконецъ слегъ, чтобы уже болѣе не вставать. Онъ самъ это чувствовалъ, но спокойно и мужественно готовился къ роковому концу, какъ подобаетъ правовѣрному. Въ послѣднія минуты, благословивъ своего сына, онъ проговорилъ уже едва внятнымъ голосомъ, обращаясь къ сановникамъ, собравшимся вокругъ смертнаго одра:

„Обѣщайте еще разъ, что будете служить молодому царю вѣрой и правдой“. Затѣмъ, успокоенный ихъ торжественной клятвой, онъ тихо скончался.

Въ продолженіе семи дней не прерывались торжественно печальные похоронные обряды при громадномъ стеченіи облеченнаго въ трауръ народа; тѣло усопшаго было погребено со всевозможными почестями въ великолѣпной усыпальницѣ, и долго еще послѣ того царица Гюльнара и царь Бедэръ не переставали оплакивать свою незамѣнимую утрату. Согласно персидскимъ обычаямъ осиротѣвшій сынъ цѣлый мѣсяцъ не выходилъ изъ дворца и никого не принималъ къ себѣ, но долѣе монархъ не воленъ отдаваться личнымъ чувствамъ, если они мѣшаютъ исполненію его государственныхъ обязанностей, о которыхъ онъ не въ правѣ забывать ни при какихъ обстоятельствахъ.

По этому, по прошествіи мѣсяца, великій визирь и другіе сановники, явившись къ Бедэру, просили его закончить трауръ, показаться народу и вновь посвятить себя на служеніе своему высокому призванію. Сначала юный царь на отрѣзъ отказался послѣдовать ихъ совѣту, находя его недостойнымъ памяти возлюбленнаго отца; тогда великій визирь принужденъ былъ обратиться къ нему съ такою рѣчью:—Государь, было бы излишнимъ напоминать твоему величеству, что слезы, это проявленіе душевной слабости, приличны только женщинамъ; мужчина же ни въ горѣ, ни въ радости не долженъ забывать своихъ обязанностей. Притомъ, сколько бы мы ни оплакивали твоего незабвеннаго родителя, наши слезы не воскресятъ его; онъ подчинился общей участи, которая рано или поздно постигнетъ всѣхъ насъ; но если твоему величеству угодно, чтобы память о немъ вѣчно жила въ народѣ, слѣдуй неуклонно по его стопамъ и продолжай его благія начинанія.

Эти слова сильно подѣйствовали на впечатлительное сердце молодого царя; онъ въ ту же минуту замѣнилъ свой трауръ обыкновеннымъ царскимъ одѣяніемъ и съ той поры, по прежнему отдавшись всецѣло государственнымъ занятіямъ, уже не прерывалъ ихъ въ теченіе цѣлаго года.

Къ этому времени его посѣтилъ морской царь Салехъ и былъ принятъ съ распростертыми объятіями какъ сестрой, такъ и племянникомъ. Въ одинъ вечеръ, послѣ роскошнаго обѣда, когда слуги, убравъ со стола, удалились, царственная семья, оставшись наединѣ, повела между собой бесѣду о положеніи дѣлъ въ персидскомъ государствѣ, при чемъ Салехъ не могъ не отдать справедливости молодому монарху и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ сталъ восхвалять его мудрость, которая давно уже была извѣстна въ самыхъ отдаленныхъ странахъ и создавала ему всемірную славу. Эти хвалебныя рѣчи сильно смущали царя Бедэра, остановить же своего дядю онъ не рѣшался, боясь его обидѣть, и потому счелъ за лучшее притвориться спящимъ.

Между тѣмъ Салехъ, все болѣе увлекаясь достоинствами племянника, заговорилъ о его дивной красотѣ, не имѣвшей себѣ равной ни на землѣ, ни въ глубинахъ морей.—И такого то красавца ты до сихъ поръ не женила! воскликнулъ онъ, обращаясь къ сестрѣ, право, это удивительно. Впрочемъ, можетъ быть не нашла подходящей невѣсты? Такъ я охотно возьму на себя это дѣло, у насъ въ подводныхъ государствахъ есть много царевенъ, достойныхъ его.

— Ахъ, братъ мой, отвѣчала царица Гюльнара, твоя рѣчь застаетъ меня врасплохъ; я дѣйствительно еще ни разу не подумала о женитьбѣ своего сына. Да и какъ могло мнѣ придти это въ голову, когда самъ онъ до сихъ поръ не обращалъ никакого вниманія на женщинъ. Но я совершенно согласна съ тобою, что пора ему избрать себѣ подругу жизни и не здѣсь, а въ нашихъ подводныхъ царствахъ, гдѣ женская красота отличается отъ здѣшней, какъ небо отъ земли. Только и тамъ для него надо выбрать лучшую изъ всѣхъ царскихъ дочерей.

— О, объ этомъ не безпокойся, перебилъ Салехъ, у меня есть на примѣтѣ такая, какой еще не видано въ подлунныхъ мірахъ; но прежде, чѣмъ говорить о ней, продолжалъ онъ, понижая голосъ, посмотри, дѣйствительно ли спитъ нашъ женихъ; я знаю случаи, когда по однимъ разсказамъ, по одному описанію красоты влюблялись до безумія, а это пока очень опасно для Бедэра, потому что наше намѣреніе легко можетъ не осуществиться..

Гюльнара наклонилась къ сыну и пытливо взглянула ему въ лицо, но, прислушиваясь къ каждому слову разговора, онъ въ то же время

продолжалъ такъ искусно притворяться спящимъ, что не возбудилъ въ ней ни малѣйшаго подозрѣнія.

— Спитъ глубочайшимъ сномъ, промолвила она, можешь смѣло говорить.

— Ты, вѣроятно, слыхала, началъ Салехъ, о Джіогарѣ *), дочери самандалскаго царя? — О Джіогарѣ? воскликнула царица, да развѣ она еще не замужемъ? О, я хорошо помню всѣ разсказы о ней; въ то время, незадолго до моего бѣгства отъ васъ, она была двухлѣтнимъ ребенкомъ, но и тогда уже возбуждала всеобщее удивленіе. Что-же это должно быть за чудо теперь, если красота ея возрастала съ годами! Правда, она немного старше моего сына, но это не можетъ служить препятствіемъ къ браку.

— Разумѣется, подтвердилъ Салехъ, этотъ союзъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ бы самымъ подходящимъ для Бедэра, но я боюсь одного что самандалскій царь не дастъ своего согласія; я думаю, ты слыхала, какой это гордый, надменный и тяжелый человѣкъ; онъ уже столько разъ отказывалъ въ рукѣ своей дочери разнымъ царямъ и царевичамъ, и притомъ такъ грубо, оскорбительно, что я сильно опасаюсь, не постигла бы и насъ та же участь. Во всякомъ случаѣ попробую, если не удастся,—буду искать другую невѣсту, достойную моего племянника.

И долго еще говорили они, обдумывая и развивая свои планы, а Бедэръ попрежнему жадно прислушивался къ каждому ихъ слову; наконецъ убѣдившись, что больше ничего не узнаетъ новаго, онъ потянулся и открылъ глаза, будто пробуждаясь отъ самаго крѣпкаго сна.

Опасенія царя Салеха оправдались: дѣйствительно его рѣчи о необычайной красотѣ Джіогары произвели глубокое впечатлѣніе на Бедэра; юная фантазія съ избыткомъ пополняла недосказанное и развивалась такъ сильно, съ такой быстротой, что во всю ночь не дала заснуть ни на одну минуту. Ему казалось, что онъ не вынесетъ мучительной неизвѣстности въ ожиданіи отвѣта отъ самандалскаго царя, и тутъ же явилась мысль послѣдовать за дядей въ его подводное царство. Но когда, на другой день, Салехъ сталъ собираться домой съ цѣлью немедленно приступить къ переговорамъ о задуманномъ союзѣ, у Бедэра не достало духа открыть ему свои тайныя чувства; онъ сталъ уговаривать его остаться до вечера, чтобы принять участіе въ предположенной охотѣ, и просилъ такъ горячо, настойчиво, что Салехъ не рѣшился отказаться, и вскорѣ они вмѣстѣ отправились за городъ въ сопровожденіи небольшой свиты. Молодой царь надѣялся, что въ теченіе дня ему представится удобный случай для откровеннаго объясненія съ дядей, но всякій

---

*) По арабски: *драгоцѣнный камень.*

разъ, какъ только они оставались наединѣ, имъ овладѣвало такое смущеніе, что слова не сходили съ устъ. Въ сильномъ волненіи, въ досадѣ на самого себя за свою непонятную робость, онъ незамѣтно отдалился отъ остальныхъ охотниковъ, выбралъ самое уединенное мѣсто на берегу какого то ручья, окаймленнаго деревьями, и тутъ, сойдя съ коня, бросился на траву и залился слезами.

Черезъ нѣсколько времени царь Салехъ замѣтилъ отсутствіе своего племянника и сталъ освѣдомляться о немъ у всѣхъ охотниковъ, но никто изъ нихъ не могъ отвѣтить опредѣленно на его тревожные вопросы: тогда, отдѣлившись отъ свиты, онъ одинъ отправился на поиски и вскорѣ увидалъ Бедэра, сидѣвшаго подъ деревомъ въ глубокомъ унынiи. Еще наканунѣ Салехъ не разъ замѣчалъ, что съ юношей творится что то неладное, но тогда онъ не обратилъ на это особеннаго вниманія; теперь же, когда снова увидалъ его грустнымъ, задумчивымъ, съ поникшей головой, у него вдругъ явилось предположеніе, что Бедэръ слышалъ его вчерашній разговоръ съ царицей Гюльнарой и только прикидывался спящимъ. Желая убѣдиться въ своей догадкѣ, онъ осторожно сошелъ съ коня, привязалъ его къ дереву и сдѣлалъ большой обходъ, чтобы незамѣтно подкрасться къ юношѣ съ другой стороны.

Когда онъ подошелъ уже близко, ему сначала послышался глубокій вздохъ, и затѣмъ Бедэръ сталъ выражать свои думы словами, произнося ихъ вслухъ:—Не судьба ли во всемъ, не ею ли суждено мнѣ было услышать объ этой дивной красавицѣ, чтобы полюбить ее сразу всѣми силами души?... О, какъ ясно представляется она теперь моему воображенію, настолько же лучше и краше всѣхъ женщинъ въ мірѣ, насколько солнце свѣтлѣе и ярче всѣхъ другихъ звѣздъ, взятыхъ вмѣстѣ...

Этихъ словъ было слишкомъ достаточно для Салеха, чтобы понять все. Онъ быстро приблизился къ молодому царю и сказалъ ему: — Дорогой племянникъ, какъ видно, ты знаешь, о чемъ мы говорили вчера съ царицей, твоей матерью; обманутый твоимъ притворнымъ сномъ, я сдѣлалъ большую неосторожность, но клянусь употребить всѣ силы и все свое вліяніе, чтобы загладить невольно причиненный тебѣ вредъ и доставить обладаніе тою, которую ты уже любишь заочно.

— Государь, отвѣчалъ Бедэръ, я дѣйствительно не спалъ вчера и слышалъ вашъ разговоръ отъ слова до слова, потому то и старался такъ удержать тебя на нынѣшній день, въ надеждѣ, что осмѣлюсь, наконецъ, открыть тебѣ свое сердце; но до этой минуты невольная робость сковывала мнѣ уста, почему то стыдно было признаться въ своей слабости, хотя едва ли можетъ назваться слабостью непобѣдимая любовь къ такому совершенству красоты. О, дорогой дядя, не отвергай моей мольбы, дозволь мнѣ слѣдовать за тобою въ твое подводное цар-

ство! Если ты откажешь мнѣ, если не дашь возможности хоть одинъ разъ взглянуть на божественную Джіогару, я умру съ тоски и горя.

— А твоя мать, возразилъ Салехъ, что она подумаетъ о насъ обоихъ, если я уведу тебя безъ ея вѣдома? Бедэръ зналъ, что царица Гюльнара ни за что на свѣтѣ не согласится отпустить его, и потому принялъ отвѣтъ Салеха за косвенный отказъ. — Мало же ты любишь меня, сказалъ онъ ему съ горечью, если отказываешь въ томъ, отъ чего, повторяю, зависитъ моя жизнь.

Этотъ незаслуженный упрекъ принудилъ морскаго царя согласиться на желаніе племянника; онъ снялъ съ руки своей перстень и, подавая его Бедэру, сказалъ:—Вотъ возьми и надѣнь на указательный палецъ; затѣмъ слѣди за всѣми моими движеніями и соразмѣряй съ ними свои; этотъ перстень, въ силу таинственныхъ словъ, начертанныхъ на немъ, сообщитъ тебѣ ту же способность, какою обладаютъ наши морскія племена. Сказавъ это, онъ обнялъ его одною рукой, и, легко поднявшись на воздухъ, они пронеслись мгновенно черезъ небольшое пространство, отдѣлявшее ихъ отъ моря, погрузились въ подводную глубину и также быстро очутились въ хрустальномъ дворцѣ Салеха, гдѣ радостно были встрѣчены его матерью—царицей Фараской и царевнами—сестрами. Послѣ горячихъ взаимныхъ привѣтствій и безчисленныхъ распросовъ о царицѣ Гюльнарѣ, на которые Бедэръ едва успѣвалъ отвѣчать, Салехъ оставилъ его на попеченіе тетокъ, а мать свою отозвалъ въ отдѣльный покой и тамъ повѣдалъ ей обо всемъ, что произошло въ послѣдніе дни. Внимательно выслушавъ сына, царица Фараска укоризненно покачала головой и выразила недовольство его неосторожностью:— Меня удивляетъ одно, сказала она, какъ могъ ты восхвалять царевну Джіогару въ присутствіи моего внука? Вѣдь въ такомъ юномъ сердцѣ легко возбуждается страсть и становится пагубной, если предметъ ея недостижимъ, а развѣ ты не слыхалъ о необузданномъ нравѣ самандалскаго царя? Каково же тебѣ будетъ получить тотъ грубый, презрительный отказъ, какимъ онъ отвѣчалъ всѣмъ другимъ искателямъ руки своей прекрасной дочери?

— Матушка, возразилъ Салехъ, я уже говорилъ тебѣ, что Бедэръ узналъ объ этомъ намѣреніи неожиданно, помимо нашей воли, а теперь, ты сама согласишься, мнѣ уже ничего не остается болѣе, какъ только всѣми силами стараться загладить свою оплошность и во что бы то ни стало устроить этотъ бракъ, иначе Бедэръ можетъ умереть отъ отчаянія. Я думаю немедленно отправиться къ самандалскому царю и почти увѣренъ, что онъ не отвергнетъ моего предложенія. Вѣдь союзъ съ властителемъ Персіи, самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ земныхъ владыкъ, не можетъ оскорбить его гордости, какъ бы велика она ни была.

— Конечно, лучше было бы совсѣмъ не начинать этого дѣла, отвѣчала царица, но теперь, правда, отступать уже не время. Только при этомъ свиданіи тебѣ придется забыть и о своемъ царскомъ достоинствѣ, и о личномъ самолюбіи. Гордый, крутой нравъ самандалскаго повелителя не терпитъ себѣ равныхъ. Помни же это и постарайся оказывать ему всевозможное почтеніе.

Послѣ того царица мать сама занялась приготовленіемъ богатыхъ даровъ, состоявшихъ изъ чистѣйшаго золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ. На другой день Салехъ отправился въ путь въ сопровожденіи немногочисленной, но отборной свиты, и вскорѣ прибылъ въ столицу Самандалскаго государства. Узнавъ объ этомъ, гордый царь сверхъ ожиданія вышелъ ему на встрѣчу и принялъ его такъ радушно, что когда Салехъ, согласно наставленіямъ матери, преклонился передъ нимъ ницъ, онъ поднялъ его самъ и усадилъ рядомъ съ собою на возвышеніи трона, сказавъ при этомъ, что радъ видѣть у себя такого высокаго гостя и готовъ оказать ему всякую услугу.

— Прежде всего, государь, отвѣчалъ Салехъ, меня привлекло сюда желаніе видѣть славнѣйшаго изъ всѣхъ монарховъ вселенной и засвидѣтельствовать ему свое глубокое почтеніе. Словами трудно выразить, какою преданностью къ твоему величеству пылаетъ мое сердце, но я желалъ бы хоть чѣмъ нибудь доказать это на дѣлѣ. Тутъ онъ взялъ изящный ларецъ у одного изъ своихъ вельможъ и, съ глубокимъ поклономъ подавая самандалскому царю, просилъ принять его смиренный даръ.

— Боюсь, что не смогу достойно отдарить твое величество, сказалъ самандалскій царь, принимая ларецъ. Чѣмъ цѣннѣе даръ, тѣмъ значительнѣе должна быть и отплата. Впрочемъ, въ доказательство искренняго расположенія къ тебѣ, я заранѣе обѣщаю сдѣлать все, что только будетъ въ моей власти.

— Дѣйствительно, государь, отвѣтилъ Салехъ, я чаю отъ тебя великой милости. — Говори же, какой? воскликнулъ самандалскій царь, я уже выразилъ тебѣ, что почту за счастіе исполнить всякое твое желаніе, если оно будетъ зависѣть отъ моей воли.—Само собою разумѣется, государь, что исполненіе моей просьбы вполнѣ зависитъ отъ твоего величества и ни отъ кого болѣе; скажу прямо: удостой насъ высокой чести союза съ твоимъ родомъ и закрѣпи рукою твоей дочери, прекрасной Джіогары, давнишнюю дружбу, соединяющую наши государства.

При этихъ словахъ самандалскій царь откинулся навзничъ и захохоталъ самымъ оскорбительнымъ образомъ.—Не ожидалъ я отъ тебя такой нелѣпой выходки, проговорилъ онъ наконецъ, и въ его голосѣ уже звучали суровыя ноты, а брови слегка нахмурились;—гдѣ же твое

благоразуміе, если ты могъ забыть, какое громадное разстояніе отдѣляетъ тебя отъ величайшаго изъ царей? Скорѣе ты достанешь съ неба луну, чѣмъ удостоишься руки моей дочери. — Государь, воскликнулъ Салехъ, едва сдерживая овладѣвшій имъ гнѣвъ, въ своемъ ослѣпленіи ты не хотѣлъ даже выслушать меня до конца и не далъ объяснить, что я прошу руки твоей дочери не для себя, а для своего племянника, могущественнаго властителя Персіи. Да еслибы и такъ, еслибы я желалъ этого союза лично для себя, то что же ты нашелъ обиднаго или смѣшного въ моемъ предложеніи? Кажется, я такой же морской царь, какъ и твое величество. мои предки происходили отъ не менѣе древней династіи и нисколько не уступали ни славой, ни могуществомъ первѣйшимъ изъ морскихъ владыкъ. То же самое можно сказать и о моемъ племянникѣ—царѣ Бедэрѣ, который не только достоинъ твоей дочери, но можетъ быть еще превышаетъ ее какъ душевными, такъ и тѣлесными качествами.

Самандалскій царь только потому не прервалъ этой рѣчи, что, весь переполненный негодованіемъ, не въ состояніи былъ вымолвить ни слова; наконецъ. когда Салехъ уже смолкъ, онъ воскликнулъ, багровѣя отъ гнѣва:—Собака ты. а не царь. и смѣешь еще приравнивать ко мнѣ

какого-то уродца, этого щенка сестры твоей Гюльнары!... Нѣтъ, я не допущу, чтобы такая неслыханная дерзость осталась безнаказанной. — крикнулъ онъ, взять этого нахала и сейчасъ же отрубить ему
ву.

Нѣсколько человѣкъ бросилось было къ Салеху съ обнаженными саблями, но тотъ, сильный и ловкій отъ природы, къ тому же возбужденный сознаніемъ опасности, однимъ прыжкомъ отскочилъ въ сторону, опрокинувъ стражу, преграждавшую ему дорогу въ дверяхъ, быстро выбѣжалъ изъ дворца и тутъ, къ великой радости, встрѣтилъ вмѣстѣ съ своей немногочисленной свитой тысячный вооруженный отрядъ, высланный ему на помощь царицей-матерью. Основываясь на распространенныхъ слухахъ о вѣроломствѣ и грубости самандалскаго царя, она, какъ уже извѣстно, не раздѣляла надежды своего сына и заранѣе предвидѣла опасность, а потому, узнавъ, что Салехъ отправился только съ незначительной свитой, поспѣшила на всякій случай послать ему въ подкрѣпленіе тысячу отборныхъ солдатъ. Салехъ въ одну минуту сообразилъ всѣ выгоды своего положенія и, ни мало не медля, снова проникъ во дворецъ, на этотъ разъ уже не одинъ, а во главѣ вооруженныхъ воиновъ. При его появленіи небольшая дворцовая стража вся разбѣжалась, и побѣдитель, безъ сопротивленія овладѣвъ надменнымъ самандалскимъ царемъ, оставилъ его подъ карауломъ своихъ солдатъ, а самъ отправился разыскивать царевну Джіогару, чтобы увести ее съ собой.

Но, къ сожалѣнію, онъ уже опоздалъ: царевна, узнавъ о грозившей опасности, быстро поднялась на поверхность моря, въ сопровожденіи своихъ рабынь, и скрылась на какомъ-то уединенномъ островѣ.

Пока все это происходило во дворцѣ самандалскаго царя, одинъ изъ свиты Салеха, не разобравъ съ перепуга въ чемъ дѣло, бросился бѣжать при первой же тревогѣ и, возвратившись къ царицѣ-матери, объявилъ ей, что сынъ ея убитъ и что только ему одному удалось избѣгнуть общаго бѣдствія. Вѣсть эта привела въ смятеніе не только весь дворъ, но и весь городъ, она мигомъ достигла до Бедэра, и тотъ, справедливо сознавая себя главнымъ виновникомъ такого страшнаго несчастія, не рѣшаясь показаться на глаза своей бабкѣ, счелъ за лучшее удалиться. Онъ точно также поднялся на поверхность и вышелъ на ближайшій островъ, который случайно оказался тѣмъ самымъ, гдѣ укрылась царевна Джіогара.

Разстроенный до глубины души всѣмъ случившимся, Бедэръ склонился на землю въ тѣни одного изъ прибрежныхъ деревьевъ и погрузился въ мрачное раздумье. Вдругъ, въ недальнемъ разстояніи ему послышались звуки женскаго говора: онъ привсталъ и началъ прислушиваться; но такъ какъ слова долетали до него смутно, заглушаемыя зеленой чащей листвы, и никого изъ за нея не было видно, то юный царь сталъ крадучись подвигаться по направленію голосовъ, осторожно пробираясь сквозь густую заросль. Вскорѣ онъ увидалъ на лужайкѣ живописную группу молодыхъ, нарядныхъ женщинъ, среди которыхъ одна

выдѣлялась своей ослѣпительной красотой, словно брилліантъ среди простыхъ булыжниковъ. Ужь не сама ли это божественная Джіогара? думалъ очарованный юноша, не сводя съ нея глазъ. Но все равно, кто бы она ни была, отчего мнѣ не полюбить ее всѣмъ сердцемъ, какъ лучшее созданіе во всемъ божьемъ мірѣ... Затѣмъ, не раздумывая болѣе, онъ прямо подошелъ къ ней и сказалъ съ почтительнымъ поклономъ:—Прекрасная госпожа моя, мнѣ почему то думается, что ты не по своей волѣ находишься на этомъ пустынномъ островѣ и, можетъ быть, нуждаешься въ помощи. Позволь же мнѣ предложить тебѣ свои услуги и къ великому счастію видѣть тебя, прибавь еще большее—быть тебѣ полезнымъ.

— Ты не ошибся, отвѣтила красавица, я дѣйствительно нуждаюсь въ помощи, потому что меня постигло большое несчастіе: самандалскій царь, отецъ мой, неожиданно подвергся нападенію царя Салеха, который овладѣлъ его дворцомъ и самого взялъ подъ стражу; я не знаю причины этого нашествія, но опасность была такъ велика, что мнѣ поневолѣ пришлось бѣжать, чтобы не попасть въ руки побѣдителя.

Этотъ разсказъ въ первую минуту нѣсколько смутилъ царя Бедэра, онъ пожалѣлъ, что такъ поспѣшно покинулъ свою бабку, не дождавшись разъясненія дѣла; однако мысль, что теперь самандалскій царь ради возвращенія своей свободы, ужь навѣрное согласится отдать за

него свою дочь, возбуждало въ немъ радостное чувство.—Прекрасная царевна, отвѣчалъ онъ Джіогарѣ, я вполнѣ понимаю твое горе и глубоко сочувствую ему, но въ то же время счастливъ сознаніемъ, что первый могу утѣшить тебя, увѣрить честнымъ словомъ въ благополучномъ и скоромъ окончаніи всѣхъ твоихъ тревогъ. Я—персидскій царь Бедэръ, Салехъ—родной мой дядя; онъ отправился къ твоему отцу съ единственною цѣлью умолять его о согласіи на мое желаніе вступить съ тобою въ брачный союзъ, и я увѣренъ, если самандалскій царь удостоитъ меня этой чести, онъ немедленно будетъ освобожденъ, такъ какъ царь Салехъ никогда не имѣлъ намѣренія овладѣвать его государствомъ. Остается только благодарить судьбу, что она даетъ мнѣ случай повергнуть къ твоимъ стопамъ мою безпредѣльную любовь, сказать, что сердце мое всецѣло принадлежитъ одной тебѣ и будетъ принадлежать вѣчно.

Къ несчастію, слова Бедэра произвели на царевну Джіогару совсѣмъ не то дѣйствіе, какого онъ ожидалъ. Въ первую минуту она дѣйствительно почувствовала къ нему нѣкоторое влеченіе, но когда поняла, что онъ былъ главной причиной униженія ея отца, что ею хотятъ овладѣть путемъ насилія,—вся врожденная гордость поднялась въ ея душѣ и, вмѣсто любви, возбудила сразу непримиримую ненависть къ непрошенному жениху. Однако Джіогара ничѣмъ не выдала своихъ тайныхъ чувствъ и даже сдѣлала видъ, что принимаетъ его любовь. — Государь, отвѣтила она ему съ коварной лаской въ голосѣ и во взглядѣ, я рада нашей нежданной встрѣчѣ, потому что царственный сынъ знаменитой Гюльнары не можетъ быть не достоинъ моей любви. Напрасно отецъ мой противится такому почетному союзу, но теперь, я надѣюсь, онъ оставитъ свое предубѣжденіе. И, сказавъ это, она протянула ему руку.

Бедэръ считалъ себя уже на седьмомъ небѣ; въ порывѣ неудержимой радости, онъ бросился къ протянутой рукѣ, чтобы покрыть ее поцѣлуями, и вдругъ неожиданный, грубый толчокъ остановилъ его и обдалъ словно ледяной водой.—Прочь отъ меня! раздался гнѣвный возгласъ Джіогары. За свою дерзость отнынѣ будь ты бѣлой птицей съ красными ногами и клювомъ! И при этомъ, за неимѣніемъ воды, необходимой для дѣйствія чаръ, она плюнула ему въ лицо.

Лишь только прозвучали волшебныя слова, какъ Бедэръ, объятый ужасомъ, дѣйствительно почувствовалъ, что теряетъ человѣческій образъ и превращается въ какую-то птицу. — Возьми ее, сказала царевна одной изъ своихъ прислужницъ, и отнеси на островъ *Сухой*.

Это распоряженіе было равносильно смертному приговору, такъ какъ названный островъ весь состоялъ изъ громадныхъ скалъ, безъ малѣйшаго признака воды и растительности. То было извѣстно рабынѣ, и ей стало жаль несчастнаго юноши, обрекаемаго на вѣрную гибель.

„Нѣтъ, подумала она, пусть онъ умретъ, если ужь такъ суждено ему, но только не по моей винѣ, не съ моимъ содѣйствіемъ. Къ тому же и сама царевна, всегда такая добрая и кроткая, навѣрное раскаится потомъ въ своей минутной жестокости". Такъ рѣшила она мысленно и, бережно взявъ птицу обѣими руками, отнесла ее на другой, населенный островъ, обильно орошаемый многочисленными источниками.

Теперь мы возвратимся къ царю Салеху. Послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ, онъ убѣдился наконецъ, что царевны Джіогары нѣтъ во дворцѣ, тогда, усиливъ стражу надъ самандалскимъ царемъ и сдѣлавъ необходимыя распоряженія относительно временнаго управленія государствомъ, онъ поспѣшилъ домой, гдѣ подробно разсказалъ своей матери обо всемъ, что произошло. — А гдѣ же Бедэръ? спросилъ онъ потомъ, замѣтивъ отсутствіе племянника.

— Ахъ, не спрашивай лучше! отвѣчала царица Фараска, Бедэръ причиняетъ мнѣ большое безпокойство: услыхавъ объ опасности, угрожавшей тебѣ во дворцѣ самандалскаго царя, онъ скрылся въ ту же минуту неизвѣстно куда, съ тѣхъ поръ я не видала его и не знаю, чѣмъ объяснить такое внезапное бѣгство.

Сильно смутила царя Салеха эта тревожная вѣсть, и радостное сознаніе побѣды надъ гордымъ самандалскимъ царемъ мгновенно смѣнилось въ немъ чувствами досады и сожалѣнія, что онъ такъ опрометчиво уступилъ желанію пылкаго юноши безъ вѣдома и согласія его матери. Однако были употреблены всѣ мѣры къ отысканію Бедэра, и только убѣдившись въ ихъ безполезности, Салехъ рѣшилъ вернуться въ самандалское государство, гдѣ его присутствіе было необходимо.

Тѣмъ временемъ царица Гюльнара переживала страшную тревогу. Вначалѣ она еще крѣпилась и не выказывала особаго безпокойства, такъ какъ и прежде случалось не разъ, что Бедэръ, увлекшись охотой не возвращался къ назначенному сроку; но когда прошелъ и другой день, и третій, а ни одинъ изъ многочисленныхъ гонцовъ, разосланныхъ во всѣ стороны, не доставлялъ ей ни малѣйшаго извѣстія о пропавшемъ сынѣ, ея материнское сердце исполнилось мучительнымъ предчувствіемъ бѣды. Одно только еще давало ей слабую надежду, это то, что Бедэръ пропалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ Салехомъ, который легко могъ увести его въ свое подводное царство. Желая поскорѣй убѣдиться въ этомъ, Гюльнара удалила подъ какимъ-то предлогомъ всѣхъ своихъ придворныхъ и, бросившись изъ окна, погрузилась въ морскую глубину.

Во всякое другое время ея посѣщеніе доставило бы невыразимую радость царицѣ-матери, но теперь она встрѣтила дочь какъ-то растерянно и сказала ей съ нескрываемой грустью:—Я угадываю, дитя мое, что̀ привлекло тебя сюда; не повидаться со мной ты желала, а узнать о своемъ сынѣ. Да, Бедэръ былъ здѣсь нѣсколько дней тому назадъ.

и какъ же я обрадовалась ему, думая, что онъ явился ко мнѣ по твоему желанію, а вышло не такъ: у него была иная цѣль, которая и причинила всѣмъ намъ настоящее огорченіе. Затѣмъ царица Фараска подробно разсказала и о сватовствѣ Салеха со всѣми его послѣдствіями, и о внезапномъ исчезновеніи Бедэра.—Но ты не сокрушайся такъ, моя дорогая, добавила она, видя слезы въ глазахъ Гюльнары, можетъ быть сынъ твой возвратится къ намъ нежданно, поэтому на тебѣ лежитъ обязанность сохранить порядокъ и спокойствіе въ его государствѣ. Будь же мужественна, вооружись терпѣніемъ и твердостью для управленія страной, пока Бедэръ не явится самъ.

Слова эти, разумѣется, не могли утѣшить царицу Гюльнару, тѣмъ не менѣе совѣтъ матери былъ настолько благоразуменъ, что она рѣшилась послѣдовать ему безъ возраженій. Вернувшись въ свой дворецъ такъ же тайно отъ всѣхъ, какъ и вышла изъ него, она тотчасъ же извѣстила народъ черезъ особыхъ глашатаевъ о томъ, что сынъ ея Бедэръ отлучился не надолго и поручилъ ей временное управленіе государствомъ. Въ то же время, для большаго вѣроятія, она приказала вернуть всѣхъ гонцовъ, разосланныхъ на поиски, и объявить имъ, что теперь ей уже извѣстно, гдѣ находится царь и когда онъ возвратится.

А между тѣмъ Бедэръ все еще не могъ опомниться отъ своего страшнаго несчастія. Неужели это не сонъ, думалъ онъ въ отчаяніи, неужели я дѣйствительно навѣки утратилъ человѣческій образъ? О, лучше бы мнѣ не родиться, или умереть совсѣмъ, чѣмъ жить и сознавать весь ужасъ своего положенія. Къ довершенію горя ему даже незвѣстно было, гдѣ онъ находится и какъ далеко отъ своего государства. А впрочемъ, еслибы онъ и зналъ это, еслибы могъ перелетѣть черезъ моря и сушу на свою далекую родину, что ожидало бы его тамъ? Не тоже ли безпощадное отчаяніе, не та же ли тоска по утраченному образу Божію? Вѣдь въ немъ не только не признали бы царя, но даже и просто человѣка. Итакъ, оставалось одно—примѣняться по возможности къ своему новому положенію.

Случилось такъ, что одинъ изъ охотниковъ, промышлявшій издавна ловлею птицъ, забрелъ въ тѣ мѣста, гдѣ находился заколдованный царь, и, увидѣвъ на деревѣ необычайно красивую птицу совсѣмъ неизвѣстной ему породы, тутъ же рѣшилъ изловить ее во что бы ни стало. Онъ употребилъ всю свою многолѣтнюю опытность и такъ искусно разставилъ силки, что птица попалась въ ту же ночь. Въ восторгѣ отъ своей добычи, охотникъ посадилъ ее въ клѣтку и тотчасъ же отправился съ ней въ городъ, заранѣе высчитывая барыши.

На утро, когда онъ подходилъ къ рынку, съ нимъ повстрѣчался какой то прохожій и спросилъ—что стоитъ его птица?—А тебѣ для чего она нужна?—Какъ для чего? Вотъ глупый вопросъ, разумѣется,

для того, чтобы зажарить ее и съѣсть.—Ну, въ такомъ случаѣ мой товаръ не по тебѣ, и торговаться мнѣ съ тобой нечего, потому что дорого ты не дашь, а дешево я не возьму. Вѣдь эта птица диковинная, не виданная въ нашей странѣ, а кто знаетъ въ этомъ толкъ, тотъ за цѣной не постоитъ.... Да вотъ, лучше всего—отнесу ее во дворецъ, тамъ ужь навѣрное оцѣнятъ по достоинству. И, не останавливаясь болѣе, онъ прямо направился къ роскошному зданію дворца.

Царь въ это время сидѣлъ у окна, разсѣянно наблюдая за всѣмъ, что происходило на торговой площади. Увидѣвъ подошедшаго старика съ какой то необыкновенной птицей, онъ тотчасъ же выслалъ къ нему одного изъ своихъ евнуховъ съ приказаніемъ купить эту диковину и принести къ нему. Евнухъ спросилъ о цѣнѣ, на что старикъ охотникъ отвѣчалъ ему:—Если ты покупаешь для царя, то мнѣ не нужно никакой платы, лишь бы только его величество удостоилъ принять отъ меня этотъ даръ. Птица была доставлена царю и такъ ему понравилась, что онъ приказалъ посадить ее въ самую драгоцѣнную клѣтку, а птицелову отсчитать десять золотыхъ монетъ.

Вечеромъ, вернувшись съ охоты, царь снова вспомнилъ о своей покупкѣ и велѣлъ принести ее: а замѣтивъ, что кормъ, насыпанный въ клѣткѣ, не тронутъ, спросилъ у хожалаго, видѣлъ ли онъ, чѣмъ питалась птица? Ничѣмъ, государь, отвѣчалъ тотъ, я насыпалъ ей всевозможныхъ сортовъ зерна, но ни къ одному изъ нихъ она не притронулась. Царь, думая, что плѣнница скучаетъ въ неволѣ, приказалъ выпустить ее изъ клѣтки, а кормъ разсыпать по окнамъ и по полу. Въ

это время готовили ужинъ, и многія кушанья уже были разставлены на столѣ; птица, ощутивъ свободу, вмѣсто того, чтобы направиться къ зернамъ, быстро взлетѣла на столъ и съ жадностью стала глотать то хлѣбъ, то куски мяса; это такъ удивило царя, что онъ послалъ за своей главной супругой, желая позабавить ее необычайнымъ явленіемъ. Царица пришла, но не успѣла она переступить порога, какъ въ то же мгновеніе подалась назадъ и поспѣшно накинула чадру на лицо.—Что съ тобою? съ изумленіемъ спросилъ ее царь. Къ чему такая предосторожность? Кажется, кромѣ меня да евнуховъ, здѣсь нѣтъ ни одного мужчины.

— Государь, отвѣчала царица, ты не найдешь ничего удивительнаго въ моемъ поступкѣ, когда узнаешь, что передъ тобою не птица, а человѣкъ.—Человѣкъ!? воскликнулъ царь недовѣрчиво. Какъ могла тебѣ придти въ голову такая нелѣпость, или это просто шутка.—Нѣтъ, государь, возразила царица, я не шучу и, какъ извѣстно твоему величеству, никогда не говорю ни единаго слова неправды. Повторяю, это не птица, а персидскій царь Бедэръ, сынъ знаменитой морской красавицы Гюльнары; совершила же надъ нимъ это превращеніе царевна Джіогара, дочь Самандалскаго царя. Тутъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, она подробно разсказала всю исторію неудачнаго сватовства и

тѣмъ окончательно разсѣяла недовѣріе своего супруга, къ тому же онъ зналъ и ранѣе о ея громадныхъ свѣдѣніяхъ по части магіи и самъ не разъ прибѣгалъ къ ихъ помощи, когда ему угрожала какая либо опасность.—Однако это ужасно! воскликнулъ онъ съ негодованіемъ. Какъ

можетъ быть столько жестокости, столько безчеловѣчія въ такомъ юномъ существѣ!... Но если это въ твоей власти, продолжалъ онъ, обращаясь къ супругѣ, я умоляю тебя разрушить злобныя чары.

Царица согласилась безпрекословно, а когда по ея приказанію былъ принесенъ сосудъ, наполненный водою, она произнесла надъ ней нѣсколько волшебныхъ словъ, обрызгала птицу и громко проговорила:

„Во имя всемогущаго Бога и силою моихъ чаръ, повелѣваю тебѣ покинуть этотъ чуждый образъ и принять свой естественный видъ".

Въ то же мгновеніе птицы не стало, а вмѣсто нея явился красавецъ юноша; первымъ движеніемъ онъ преклонился ницъ передъ царемъ, выражая ему горячую благодарность за свое избавленіе; царь же, самъ не менѣе обрадованный, поднялъ и обнялъ его, словно давнишняго друга. Тѣмъ временемъ царица поспѣшила уйти, и Бедэръ, къ своему огорченію, былъ лишенъ возможности благодарить ее.—Ничего, не безпокойся объ этомъ, ласково молвилъ царь, вѣдь всякое доброе дѣло само въ себѣ заключаетъ достаточное воздаяніе; а вотъ лучше скажи-ка мнѣ, не могу ли я сдѣлать для тебя еще что нибудь?

— О, государь, въ волненіи воскликнулъ Бедэръ, если ужь благодѣянія твои такъ несчерпаемы, то помоги мнѣ возвратиться на родину.

Царь съ полной готовностью согласился на эту просьбу, и немедленно по его повелѣнію цѣлая флотилія была снаряжена къ услугамъ Бедэра. Плаваніе началось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; въ продолженіе десяти дней попутный вѣтеръ не измѣнялся, и легкія суда неслись на всѣхъ парусахъ по направленію къ Персидскому государству; но на одиннадцатый день вѣтеръ внезапно подулъ съ другой стороны и, съ каждой минутой все усиливаясь, перешелъ наконецъ въ такую свирѣпую бурю, что всѣ корабли были мгновенно разрознены, сбиты съ пути и стали игралищемъ бѣшеныхъ волнъ, а тотъ изъ нихъ, на которомъ находился Бедэръ, со сломанными мачтами, съ изорванными парусами, ничѣмъ уже не управляемый, сразу ударился о подводную скалу и разбился въ дребезги. Многіе изъ бывшихъ на немъ утонули тутъ же, другіе пробовали спастись: кто напрягалъ всѣ силы въ борьбѣ съ волнами, кто хватался за обломки и отдавалъ себя на волю судьбы. Въ числѣ послѣднихъ находился и Бедэръ, который во время своихъ превращеній уже лишился той чудодѣйственной силы, что давала ему возможность свободно дышать подъ водой. Къ счастію, волны скоро выбросили его на отмель; тогда, ощутивъ подъ ногами твердую почву, онъ, хотя и съ трудомъ, но добрался до берега, гдѣ отчетливо обрисовывался вдали какой-то большой, красивый городъ. Но въ ту минуту, какъ онъ уже готовъ былъ ступить на землю, его поразило новое, неожиданное зрѣлище: къ берегу со всѣхъ сторонъ начали сбѣгаться ослы, мулы, волы, быки, коровы и другія животныя; они становились въ рядъ, ста-

раясь повидимому преградить ему путь. Только послѣ неимовѣрныхъ усилій и различныхъ изворотовъ Бедэру удалось наконецъ скрыться за выступомъ скалы, гдѣ онъ могъ отдохнуть немного и осушить промокшую одежду; но потомъ, когда, выйдя изъ своего убѣжища, онъ хотѣлъ было направиться къ городу, животныя снова окружили его и всѣми доступными имъ средствами не давали подвигаться впередъ. Все это тѣмъ болѣе удивляло Персидскаго царя, что они очевидно не питали къ нему вражды, напротивъ, какъ бы хотѣли предохранить его отъ какой то опасности, но, не видя вокругъ ничего угрожающаго, онъ настойчиво продолжалъ бороться съ препятствіемъ, такъ что послѣ многихъ безполезныхъ усилій животныя наконецъ удалились.

Войдя въ городъ, Бедэръ сталъ бродить наобумъ по его широкимъ, красивымъ улицамъ, но нигдѣ не встрѣтилъ ни одного прохожаго, не услыхалъ ни единаго звука, словно жизнь тамъ отсутствовала, или все живое было объято сномъ. Невольное чувство страха закралось къ нему въ душу, и онъ уже началъ жалѣть, что пренебрегъ безмолвнымъ предостереженіемъ животныхъ, когда вдругъ увидалъ нѣсколько открытыхъ лавокъ и, приблизившись къ одной изъ нихъ, замѣтилъ внутри на прилавкѣ разложенные сухіе плоды, а въ самой глубинѣ благообразнаго старика, занятаго какой то работой. Заслышавъ шаги, старикъ поднялъ голову и съ удивленіемъ взглянулъ на юношу.—Кто ты и какими путями пришелъ сюда? спросилъ онъ. Бедэръ въ немногихъ словахъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ и въ свою очередь спросилъ, почему такой обширный, прекрасный городъ такъ пустыненъ и мертвъ?—А развѣ тебѣ никто не встрѣчался на улицахъ?—Ни единой души, ты первый, кого я здѣсь вижу.—Въ такомъ случаѣ войди поскорѣе въ лавку и закрой за собою дверь. Послѣ я объясню тебѣ, почему это нужно.

Бедэръ такъ и сдѣлалъ, а старикъ, сообразивъ, что онъ долженъ быть голоденъ, прежде всего накормилъ его, а потомъ повелъ такую рѣчь:—Благодари Создателя, что онъ избавилъ тебя отъ неминучей бѣды; я вижу чудо уже и въ томъ, что ты могъ дойти ко мнѣ никѣмъ не замѣченнымъ.—А развѣ такъ опасно появляться у васъ на улицахъ? спросилъ Бедэръ.—О, такъ опасно, продолжалъ старикъ, что ни одинъ еще изъ подобныхъ тебѣ юношей не выходилъ отсюда невредимо. Самъ по себѣ нашъ городъ очень тихъ и миренъ, но правитъ имъ злая, коварная волшебница, которая не пропуститъ ни одного молодого чужестранца безъ того, чтобы волей или неволей не привести въ свой дворецъ, гдѣ сначала она угощаетъ, ласкаетъ его, увѣряетъ въ своей любви, доставляетъ ему всевозможныя удовольствія; но не долго продолжаются ея ласки: пресытившись позорной любовью, она ровно черезъ сорокъ дней обращаетъ несчастнаго въ какое нибудь животное. Вѣдь всѣ

эти ослы, лошади, мулы, волы, которыхъ ты видѣлъ, еще недавно были разумными людьми. Вотъ почему они такъ старались не допустить тебя въ этотъ пагубный городъ.

Сильно подѣйствовала на Бедэра рѣчь старика. — О, горе мнѣ, горе! воскликнулъ онъ, ударяя себя въ грудь. Давно ли я избавился отъ тяготѣвшаго надо мною проклятія, а вотъ уже собирается новая, еще большая бѣда...

Тутъ онъ подробно разсказалъ какъ о своей любви къ морской царевнѣ Джіогарѣ, такъ и о ея жестокомъ, вѣроломномъ поступкѣ съ нимъ.

— Бѣдный юноша! проговорилъ старикъ съ искреннимъ чувствомъ, какъ много ты уже успѣлъ выстрадать въ такіе молодые годы! Но теперь, по крайней мѣрѣ, насколько это будетъ въ моихъ силахъ, я не допущу тебя до новаго бѣдствія. Успокойся же, ты въ полной безопасности, пока находишься подъ моимъ покровительствомъ. Я не безъизвѣстенъ въ городѣ и, могу сказать безъ похвальбы, пользуюсь здѣсь всеобщимъ уваженіемъ; даже сама царица знаетъ меня настолько, что не посмѣетъ причинить тебѣ никакого вреда. Хорошо, что судьба привела тебя именно ко мнѣ.

Старикъ говорилъ съ такимъ жаромъ, съ такою увѣренностью въ своихъ словахъ, что Бедэръ совершенно успокоился и, не помышляя больше объ опасности, сѣлъ у открытой двери, на порогѣ лавки.

Его чарующая красота и въ особенности отпечатокъ прирожденнаго величія вскорѣ привлекли къ нему вниманіе прохожихъ; многіе изъ нихъ останавливались и поздравляли хозяина съ пріобрѣтеніемъ такого невиданнаго раба.

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ имъ старикъ: я не настолько богатъ и знатенъ, чтобы покупать себѣ такихъ рабовъ. Это мой родной племянникъ, сынъ умершаго брата.

Друзьямъ же, заходившимъ взглянуть на красавца, когда слухи о немъ распространились по городу, старикъ пояснялъ:

— Самому мнѣ Богъ не далъ дѣтей, такъ вотъ я и вызвалъ къ себѣ Бедэра, какъ своего единственнаго наслѣдника. На это нѣкоторые говорили, покачивая головой:—А подумалъ ли ты о той опасности, какая угрожаетъ ему? Что, если наша царица отниметъ у тебя твоего племянника и поступитъ съ нимъ такъ же, какъ поступила на нашихъ глазахъ уже со многими другими?—Э, Богъ милостивъ! возражалъ онъ имъ, къ тому же я пользуюсь особымъ благоволеніемъ царицы, а ради меня она пощадитъ навѣрное и моего близкаго родного.

Старикъ дѣйствительно не сомнѣвался въ безопасности своего гостя, и похвалы, расточавшіяся Бедэру со всѣхъ сторонъ, доставляли ему тѣмъ большее удовольствіе, что онъ успѣлъ уже привязаться къ

юношѣ и полюбить его какъ родного сына; съ теченіемъ времени эта привязанность не только не ослабѣвала, но еще увеличивалась по мѣрѣ того, какъ Абдаллахъ (такъ звали старика) открывалъ все новыя и новая достоинства въ Персидскомъ царѣ. Прошло уже около мѣсяца, когда Бедэръ, сидя по обыкновенію у входа въ лавку, замѣтилъ вдали приближавшихся всадниковъ.

— Взгляни-ка, сказалъ онъ, обращаясь къ своему хозяину, ужь не царская ли это свита?—Да, ты угадалъ, отвѣтилъ Абдаллахъ, и тутъ же, навѣрное, ѣдетъ на вороном конѣ сама царица Лаба; но не тревожься и оставайся на своемъ мѣстѣ.

Вскорѣ отрядъ вооруженныхъ воиновъ, въ одинаковыхъ блестящихъ одеждахъ, съ саблями на-голо, прослѣдовалъ на арабскихъ коняхъ мимо лавки старика, при чемъ каждый изъ солдатъ и даже офицеровъ отдавалъ ему честь. То былъ передовой конвой царицы Лабы, а за нимъ выступалъ другой, весь состоявшій изъ черныхъ евнуховъ, одѣтыхъ еще болѣе роскошно; они также всѣ поголовно кланялись старику. За ними, въ небольшомъ разстояніи, мѣрно подвигалась пѣшая толпа молодыхъ, красивыхъ женщинъ, изукрашенныхъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями, а среди нихъ гарцовала царица Лаба на кровномъ вороном конѣ, убранномъ, какъ и сама державная всадница, съ ослѣпительнымъ ве-

ликолѣпіемъ. Замѣтивъ старика, она привѣтливо кивнула ему головой, но взоръ ея тотчасъ же остановился на Бедэрѣ, а вслѣдъ затѣмъ, по ея мановенію, остановилось и все шествіе.—Абдаллахъ, сказала она, давно ли ты пріобрѣлъ такого красавца раба?

— Государыня, отвѣчалъ старикъ, поднявшись послѣ обычнаго преклоненія, это не рабъ мой, а родной племянникъ и единственный близкій мнѣ человѣкъ во всемъ мірѣ.

Царица задумалась на минуту послѣ такого отвѣта, потомъ продолжала:—Слушай, дѣдъ, я знаю, что ты мнѣ преданъ, да и сама, если припомнишь, не разъ проявляла свое благоволеніе къ тебѣ; такъ вотъ, ради этихъ взаимныхъ отношеній, я не повелѣваю, а прошу: уступи мнѣ своего племянника, и да не смущаетъ тебя при этомъ никакое опасеніе; клянусь всѣмъ на свѣтѣ, что я сдѣлаю его счастливѣйшимъ изъ смертнымъ, и, добавила она съ особеннымъ выраженіемъ, еслибы мнѣ пришла охота погубить весь міръ, его одного я оставила бы невредимымъ. Надѣюсь, ты вѣришь мнѣ и не откажешь въ моей просьбѣ?

— Велики твои милости, государыня, отвѣчалъ старикъ, не менѣе велика и моя благодарность; но я считаю своего племянника недостойнымъ даже приблизиться къ тебѣ и умоляю твое величество отклонить отъ него эту высокую честь.

Царица вся вспыхнула и проговорила, понижая голосъ:—Не хитри со мной, Абдаллахъ; я знаю, на что ты намекаешь и чего боишься, но снова клятвенно увѣряю тебя своимъ царскимъ словомъ, что не причиню твоему племяннику ни малѣйшаго вреда. Итакъ, повѣрь же мнѣ и помни, что царица Лаба съумѣетъ наградить за услугу, какъ съумѣетъ и отомстить за оскорбленіе. Въ этихъ повидимому спокойныхъ словахъ сквозила угроза, и старикъ ее понялъ; онъ зналъ, что въ случаѣ отказа съ его стороны—ихъ обоихъ съ Бедэромъ ожидаетъ страшная, непримиримая ненависть безпощадной женщины. Поэтому онъ рѣшился уступить и, затаивъ свое внутреннее безпокойство, отвѣтилъ подобострастно:—Государыня, я не хочу, чтобы ты сомнѣвалась въ моей преданности и съ радостью готовъ исполнить всякое желаніе твоего величества. Осмѣливаюсь просить только объ одномъ: дозволь моему племяннику остаться у меня еще нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ до того дня, когда тебѣ угодно будетъ снова проѣхать по нашей улицѣ.

— О, въ такомъ случаѣ, воскликнула царица съ невольной улыбкой, онъ не долго заживется у тебя. Затѣмъ, привѣтливо кивнувъ старику, она направилась къ своему дворцу.

Когда шествіе скрылось изъ виду, Абдаллахъ сказалъ, обращаясь къ Бедэру:—Ты повѣришь мнѣ, что я не могъ поступить иначе, эта коварная чародѣйка жестоко отомстила бы намъ обоимъ, еслибы я не согласился на ея просьбу. Теперь же, мнѣ думается, она не захочетъ

нарушить своей клятвы, а главное—не посмѣетъ оскорбить меня, такъ какъ ты самъ видѣлъ, съ какимъ уваженіемъ относятся ко мнѣ горожане.

— Все это такъ, печально замѣтилъ Бедэръ, но если ваша царица дѣйствительно такова, какою ты описывалъ ее мнѣ, то развѣ для нея есть что нибудь святое, развѣ она остановится передъ нарушеніемъ какихъ бы то ни было клятвъ? Вѣдь она не просто злая, хитрая женщина, съ этимъ еще можно бы помириться, но и волшебница, вотъ что страшно, что заставляетъ меня содрогаться отъ одного представленія близости къ ней. О, не дай Богъ, чтобы надо мной снова повторилось когда нибудь то бѣдствіе, какое я уже испыталъ! закончилъ онъ со слезами на глазахъ.

— Дитя мое, заговорилъ старикъ растроганнымъ голосомъ, не сокрушайся такъ; опасность велика, этого не хочу отъ тебя скрывать, но узнай же наконецъ, что я надѣюсь не на расположеніе ко мнѣ царицы, не на клятвы ея, которымъ разумѣется трудно вѣрить, а на свои собственныя познанія въ той таинственной наукѣ, что даетъ мнѣ силу противостоять ея кознямъ. Царица знаетъ объ этомъ, вотъ почему она такъ ласкова со мной и, думаю, никогда не осмѣлится идти мнѣ наперекоръ, иначе я отомстилъ бы ей жестоко.

На другой день царица Лаба не замедлила явиться въ сопровожденіи той же блестящей свиты.—Здравствуй, дѣдъ! весело сказала она старику, какъ видишь, я не заставила себя ждать, а это одно уже можетъ служить тебѣ доказательствомъ, какъ дорогъ мнѣ твой племянникъ. Надѣюсь, и ты не измѣнилъ обѣщанію, остался вѣренъ своему слову, какъ всегда?

Абдаллахъ, преклонившись ницъ передъ царицей, всталъ по окончаніи ея рѣчи и отвѣтилъ съ глубокимъ почтеніемъ:—Государыня, могу ли я противиться счастію своего племянника. Бери его, онъ весь къ твоимъ услугамъ. Затѣмъ, приблизившись къ головѣ ея коня, старикъ продолжалъ такъ, чтобы другіе не могли его слышать:—Но помни, государыня, ты поклялась мнѣ не примѣнять своихъ ужасныхъ чаръ къ этому юношѣ и...—Полно, Абдаллахъ, перебила его царица, вѣдь я же говорила тебѣ, что кромѣ счастья ничто не можетъ ожидать твоего племянника. Да ты, должно быть, плохо знаешь свою государыню, если предполагаешь въ ней одно только дурное... Ну посмотри, похожа ли я на чудовище? При этомъ она сбросила чадру и открыла свое прекрасное молодое лицо, полное ума и неотразимой прелести.

Старикъ ничего не сказалъ болѣе, а Бедэръ, смотрѣвшій на нее съ восхищеніемъ, подумалъ про себя:—Хороша, какъ райская гурія... Возможно ли допустить, чтобы въ такомъ очаровательномъ тѣлѣ была такая отвратительная душа?..

Тѣмъ временемъ ему подвели роскошно убраннаго коня; онъ подошелъ безъ колебанія и занесъ уже ногу въ стремя, готовясь вскочить на сѣдло, когда царица Лаба вдругъ спросила, обращаясь къ Абдаллаху:—А кстати, какъ же его зовутъ?—Бедэръ, отвѣчалъ старикъ.—Бедэръ, повторила царица, хорошее имя, но вѣрнѣе было бы назвать его *Шемзонъ* *), вѣдь онъ такъ блестяще красивъ!

Когда вся кавалькада тронулась по направленію къ дворцу, Персидскій царь, все еще боявшійся своей покровительницы, хотѣлъ было удалиться отъ нея въ задніе ряды всадниковъ, но царица Лаба, удержавъ его за руку, принудила ѣхать рядомъ.

По дорогѣ, несмотря на свое смущеніе, Бедэръ не могъ не замѣтить, съ какимъ озлобленіемъ относился къ ней весь народъ; не видно было довольства на лицахъ, не слышно тѣхъ восторженныхъ возгласовъ, какими обыкновенно сопровождается появленіе монарховъ, всюду встрѣчали царицу или угрюмое молчаніе, или сдержанный ропотъ толпы. У многихъ даже вырывались и такія восклицанія:—Ну, подцѣпила себѣ новую жертву, проклятая колдунья, теперь натѣшится вдоволь!.. Бѣдный юноша, онъ можетъ быть даже доволенъ своимъ возвышеніемъ и не подозрѣваетъ, что паденіе будетъ тѣмъ больнѣе, чѣмъ выше онъ поднимется... И неужели небо никогда не избавитъ насъ отъ этой ядовитой змѣи!.. Вотъ что слышалъ Бедэръ и что заставляло его содрогаться отъ ужаса.

По прибытіи во дворецъ, царица Лаба сама провела его по всѣмъ чертогамъ, убраннымъ и разукрашеннымъ съ неподражаемой роскошью. Бедэръ хотя и привыкъ съ самаго дѣтства къ великолѣпію царскихъ палатъ, тѣмъ не менѣе считалъ необходимымъ расточать похвалы и удивляться всему; къ тому же онъ боялся чѣмъ бы то ни было обнаружить свое высокое происхожденіе.

Когда они вышли въ садъ, освѣжаемый безчисленными водометами, Бедэръ уже дѣйствительно не могъ налюбоваться необычайной красотой и пышностью его растительности. Онъ съ любопытствомъ останавливался надъ каждымъ цвѣткомъ, передъ каждымъ деревомъ или кустомъ, невиданными на его родинѣ, а гармоничное щебетаніе птицъ и тихій, ровный шумъ водопадовъ дополняли очарованіе. Но вскорѣ явившійся евнухъ доложилъ, что поданъ ужинъ, и тогда царица, опираясь на руку Бедэра, направилась къ столовой, гдѣ посрединѣ стоялъ большой, массивный столъ, литый изъ чистаго золота, обильно обставленный отборными яствами; блюда, кубки и вся остальная утварь были изъ того же драгоцѣннаго металла.

Царица сѣла, помѣстивъ Бедэра рядомъ съ собою; она усердно

*) Шемзъ по арабски—*солнце*.

стала угощать его то тѣмъ, то другимъ, выбирала самые лучшіе куски и вообще во все время выказывала къ нему необыкновенное вниманіе; по окончаніи трапезы, когда чертогъ освѣтился безчисленными огнями, наполнился ароматомъ куреній и были поданы плоды и напитки, она приказала кравчему налить ея кубокъ тончайшимъ виномъ и, выпивъ до дна за здоровье дорогого гостя, уже сама налила вторично и подала Бедэру. Тотъ принялъ его и почтительнымъ наклоненіемъ головы выразилъ, что пьетъ за здоровье царицы.

Вслѣдъ затѣмъ, по ея знаку, вошла цѣлая толпа молодыхъ, красивыхъ, нарядныхъ женщинъ съ музыкальными инструментами въ рукахъ; мало по малу ихъ игра и пѣніе оживили пиръ, который затянулся далеко за полночь, такъ что Персидскій царь, разгоряченный виномъ, забылъ наконецъ о коварствѣ волшебницы и видѣлъ въ ней только очаровательную женщину, пробуждавшую въ немъ подобіе любви.

На другой день, на третій и во всѣ послѣдующіе повторялось то же самое: пиры, забавы, увеселительныя прогулки, страстная нѣжность и постоянное заботливое вниманіе царицы Лабы—окончательно вскружили голову бѣдному юношѣ; онъ съ полнымъ увлеченіемъ отдался своему блаженству и ни разу даже не вспомнилъ о старикѣ Абдаллахѣ. Но вотъ наступила и сороковая ночь. Давно уже лежа въ постели съ закрытыми глазами, но еще не засыпая, Бедэръ вдругъ почувствовалъ, какъ царица тихонько поднялась и осторожно, затаивъ дыханіе, соскользнула на устланный коврами полъ.

Вся прежняя подозрительность мгновенно пробудилась въ немъ, и онъ, притворяясь крѣпко спящимъ, съ удвоеннымъ вниманіемъ сталъ наблюдать за хитрой чародѣйкой. Все также тихо, не производя даже ни малѣйшаго шороха, она подошла къ стѣнному шкафу, открыла въ немъ ящикъ, достала оттуда какой то порошокъ и, выйдя на средину опочивальни, разсыпала его по полу длинной и узкой дорожкой, причемъ губы ея шевелились, беззвучно произнося таинственныя слова.

Въ ту же минуту, къ великому удивленію Бедэра, на мѣстѣ разсыпаннаго порошка, образовался извилистый ручеекъ прозрачной, чистѣйшей воды. Царица Лаба взяла сосудъ съ небольшимъ количествомъ муки, развела ее этой водой и замѣсила пирогъ; потомъ, выйдя въ смежную комнату, гдѣ уже заранѣе были приготовлены горящіе уголья, положила его на сковородку и поставила на огонь. По прошествіи нѣкотораго времени, когда пирогъ достаточно пропекся и зарумянился, она сняла его, завернула въ чистое полотенце и, вымывъ руки, также осторожно улеглась на постель подлѣ Бедэра.

Во всю остальную ночь Персидскій царь не могъ заснуть ни на одно мгновеніе; онъ чувствовалъ, что волшебница злоумышляетъ что то, но въ чемъ заключается опасность и какъ предотвратить ее—этого не

зналъ. На утро, собравъ всѣ силы, чтобы не проявить своей внутренней тревоги, онъ сказалъ, безъ малѣйшаго волненія въ голосѣ:—Государыня, я хотѣлъ было попросить тебя одной милости, позволь мнѣ сегодня навѣстить своего дядю.—Какъ, мой милый, возразила царица, неужели ты уже соскучился со мной?—О, какъ могла ты это подумать, моя властительница! горячо воскликнулъ Бедэръ; напротивъ, твои ни съ

чѣмъ несравнимыя ласки заставили меня забыть обо всемъ на свѣтѣ. Мой дядя теперь въ правѣ упрекнуть меня въ неблагодарности, да я и не вижу причины, почему бы не сдѣлать удовольствія старику, замѣнившему мнѣ отца?—Хорошо, хорошо, проговорила царица съ принужденной улыбкой, только смотри не засиживайся тамъ; я буду ждать тебя къ обѣду и знай, что каждая минута промедленія покажется мнѣ часомъ. Бедэръ въ благодарность поцѣловалъ ея руку и, вскочивъ на приготовленнаго ему коня, отправился къ старику.

Абдаллахъ чуть не прослезился отъ радости, увидавъ своего любимца послѣ такой долгой разлуки, и обнялъ его, какъ родного сына, забывая, что передъ нимъ Персидскій царь; да и тотъ со своей стороны отвѣчалъ ему такою же нѣжностью. Прежде всего, какъ водится, старикъ угостилъ Бедэра всѣмъ, что только было у него въ домѣ самаго лучшаго, а потомъ уже сталъ распрашивать.

— Скажи же мнѣ, дитя мое, началъ онъ, какъ тебя Богъ миловалъ во все это время, какъ уживался ты съ проклятой волшебницей?—До сихъ поръ, слава Богу, все шло какъ нельзя лучше, отвѣчалъ Бедэръ.

Царица окружала меня такою любовью, такимъ заботливымъ вниманіемъ, что, къ стыду своему, я совсѣмъ забылъ о твоихъ предостереженіяхъ и даже о тебѣ самомъ. Только въ послѣднюю ночь мнѣ стало ясно, что все это было притворствомъ и ложью; да, она замышляетъ погубить меня точно такъ же, какъ и всѣхъ своихъ прежнихъ любовниковъ. Затѣмъ онъ подробно разсказалъ о зловѣщихъ приготовленіяхъ царицы Лабы, видѣнныхъ имъ въ сороковую ночь, и о своемъ смертельномъ страхѣ передъ грозившей ему бѣдой.

— Я долженъ былъ это предвидѣть и предвидѣлъ отчасти, съ волненіемъ сказалъ старикъ; для такихъ изверговъ, какъ наша царица, не существуетъ преградъ, они творятъ зло изъ любви къ самому злу; но пора наконецъ избавить міръ отъ этого ненасытнаго чудовища; пусть же то страшное бѣдствіе, какое она готовила для тебя, падетъ на ея собственную голову. Слушай внимательно, сынъ мой, и поступай такъ какъ я научу. Вотъ тебѣ два пирожка, еще съ вечера изготовленные мной на всякій случай; когда ты вернешься во дворецъ, волшебница не преминетъ угостить тебя своимъ пирогомъ; возьми, не отказываясь, но вмѣсто него съѣшь одинъ изъ тѣхъ, что я даю тебѣ, а тотъ постарайся незамѣтно спрятать куда нибудь или бросить. Если удастся ее обмануть, она тотчасъ же брызнетъ на тебя водой и произнесетъ свои заклинанія, но они, конечно, не подѣйствуютъ; это смутитъ ее, и она постарается обратить все въ шутку, а ты прикинься, что вѣришь, и тутъ же какъ нибудь кстати предложи ей попробовать твоего пирога. Чтобъ окончательно изгладить въ тебѣ дурное впечатлѣніе, она навѣрное не откажется, а какъ только проглотитъ хоть одинъ кусокъ, ты зачерпни скорѣй воды, брызни ей въ лицо и скажи: „Покинь свой человѣческій образъ и превратись въ то или другое животное“, какое самъ назначишь. Потомъ приведи ее ко мнѣ, и я научу тебя, какъ поступать съ ней дальше.

Бедэръ поблагодарилъ старика и съ замираніемъ сердца вернулся во дворецъ. Тамъ ему сказали, что царица уже давно съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала его въ саду; когда же онъ приблизился къ ней, она порывисто встала, обняла его и проговорила съ притворной нѣжностью:—Дорогой мой, ненаглядный! Ты не можешь себѣ представить, какъ я рада твоему возвращенію; не даромъ говорятъ, что мы тогда только узнаемъ настоящую цѣну своему счастію, когда теряемъ его. Еслибы ты замѣшкался еще хотя одну минуту, я сама отправилась бы за тобой, такъ невыносимо долго тянулось это время.

— Возлюбленная государыня, отвѣчалъ Бедэръ, я также стремился къ тебѣ всѣмъ сердцемъ, но нельзя же было, не обижая старика, ограничить свое посѣщеніе нѣсколькими минутами. Кстати, онъ такъ обрадовался мнѣ, что не зналъ ужь чѣмъ и угостить; предлагалъ даже

съ собой разныхъ сластей, но я взялъ только вотъ этотъ пирожокъ; попробуй его, можетъ быть онъ и понравится тебѣ.—Съ большимъ удовольствіемъ, сказала царица; но какое совпаденіе, я также собираюсь угостить тебя пирогомъ, который сама приготовила во время твоего отсутствія; надѣюсь, ты сдѣлаешь честь моему искусству.—О, моя повелительница, воскликнулъ Бедэръ, можно ли отказаться отъ того, что выходитъ изъ такихъ прекрасныхъ рукъ! конечно, я буду ѣсть съ величайшимъ наслажденіемъ.—Сказавъ это, онъ взялъ пирожокъ и ловко подмѣнилъ его своимъ, спрятаннымъ въ рукавѣ, затѣмъ принялся ѣсть, расточая въ то же время похвалы искусству царицы. Волшебница, довольная успѣхомъ своего злого умысла, поспѣшно встала, зачерпнула воды изъ ближайшаго фонтана и, брызнувъ ею въ лицо Бедэру, проговорила:—Силою моихъ чаръ, да исчезнетъ твой человѣческій образъ, да будешь ты отнынѣ кривой и хромоногой клячей!

Можно представить себѣ, какъ смутилась царица Лаба, увидавъ, что слова ея не произвели на этотъ разъ желаннаго дѣйствія. Она вся вспыхнула отъ досады, но тутъ же спохватилась и, превозмогая себя, сказала съ улыбкой:—Успокойся, милый, я хотѣла только пошутить съ тобою, а кстати испытать, настолько ли ты знаешь и любишь меня, чтобы не считать способной на такое злодѣйство, несмотря на всѣ нелѣпые слухи, распространенные по городу. Скажи, вѣдь ты не повѣрилъ ни на одну секунду?—О, разумѣется, нѣтъ, спокойно отвѣчалъ Бедэръ, при той беззавѣтной любви, какая насъ соединяетъ, было бы странно недовѣрять другъ другу; не побоишься же ты, напримѣръ, отвѣдать моего пирога?—Ахъ, я совсѣмъ и забыла про него, весело сказала царица и, желая поскорѣе возобновить довѣріе къ себѣ, она отломила кусокъ и съѣла. Въ ту же минуту Бедэръ плеснулъ на нее водой и крикнулъ съ негодованіемъ:—Отнынѣ да будешь ты кобылицей, проклятая чародѣйка!

Превращеніе совершилось такъ быстро, что онъ даже и самъ удивился дѣйствію своихъ словъ: вмѣсто царицы передъ нимъ вдругъ очутилась лошадь, съ нѣмымъ изумленіемъ и ужасомъ глядѣвшая на него. Нѣсколько секундъ она оставалась неподвижной, словно вкопанная, затѣмъ слезы брызнули у нея изъ глазъ, колѣни подогнулись, и она покорно склонила голову къ ногамъ своего мстителя, какъ бы моля его о пощадѣ. Но уже не во власти Бедэра было измѣнить совершившееся, и потому, желая прекратить поскорѣе тяжелую сцену, онъ позвалъ конюха и велѣлъ ему принести узду, но, къ сожалѣнію, во всей царской конюшнѣ не оказалось ни одной, которая пришлась бы въ пору этой лошади. Тогда, по распоряженію Бедэра, были осѣдланы два коня, и на одномъ изъ нихъ онъ поѣхалъ самъ, а на другомъ приказалъ конюху слѣдовать за собою, ведя кобылицу за гриву.

Сидя на порогѣ своей лавки, Абдаллахъ еще издали узналъ молодого царя и поспѣшилъ ему на встрѣчу, не сомнѣваясь въ успѣшномъ осуществленіи замысла и радуясь отъ всей души, что удалось наконецъ отомстить ненавистной царицѣ за ея безчисленныя злодѣянія. Бедэръ сообщилъ по порядку, какъ все произошло, и въ заключеніе сказалъ, что нигдѣ не могъ добыть подходящей узды для кобылицы.

— Ну, это еще не бѣда, отвѣчалъ старикъ, узда у меня найдется; главное—наблюдай получше за своей лошадкой да не давай ей воли, а когда вздумаешь продать или подарить ее кому-нибудь, то ни подъ какимъ видомъ не отдавай вмѣстѣ съ уздой. Помни это. А теперь, мнѣ кажется, тебѣ больше нечего дѣлать въ нашемъ городѣ; садись на свою кобылицу и съ Богомъ отправляйся на родину.

Бедэръ и самъ не желалъ ничего лучшаго: онъ весело распрощался съ Абдаллахомъ, сказавъ, что никогда не забудетъ его благодѣяній, и въ тотъ же день отправился въ путь. Черезъ трое сутокъ вдали показались высокія зданія какого то большаго города. Обрадованный этимъ зрѣлищемъ, Бедэръ пустилъ свою кобылицу вскачь, стегнувъ ее хлыстомъ, и вскорѣ въѣхалъ въ предмѣстье, гдѣ на первыхъ же шагахъ съ нимъ повстрѣчался почтенный съ виду, благообразный старикъ въ одеждѣ богатаго горожанина, внимательно оглядѣлъ его и, привѣтливо поклонившись, спросилъ, изъ какой онъ страны. Бедэръ отвѣтилъ и на поклонъ и на вопросъ, затѣмъ слово за слово между ними завязался разговоръ, какъ вдругъ откуда то подошла ста-

руха убого одѣтая, невзрачная, худая; она остановилась около кобылицы, пристально посмотрѣла на нее и разразилась горькими слезами. Персидскій царь съ изумленіемъ обернулся къ ней и спросилъ, о чемъ она плачетъ.

— О, господинъ мой, жалобно отвѣчала старуха, кто не извѣдалъ любви къ родному дѣтищу, тому не понять этихъ слезъ; но хотя бы ты даже и посмѣялся надо мной, а я все таки не утаю, отчего мнѣ стало такъ горько при видѣ твоей лошади: какъ взглянула я на нее, такъ и вспомнила своего умершаго сына; у него была точь въ точь такая же кобылица, и я готова была бы прозакладывать все на свѣтѣ, что это она и есть, еслибы сама не видѣла ее мертвой уже много лѣтъ назадъ. Подумай, великодушный юноша, какъ дорого для осиротѣлой матери такое напоминаніе и уступи мнѣ свою лошадь.

— Но какъ же, бабушка, возразилъ Бедэръ, ты видишь, я въ дорогѣ и не могу остаться безъ лошади.—Э, голубчикъ, на деньги все можно купить, продолжала старуха, мало ли у насъ въ городѣ хорошихъ лошадей. Вѣдь если мнѣ нужна именно твоя, такъ ты уже знаешь, по какой причинѣ. — Да что объ этомъ толковать, проговорилъ Бедэръ, желая какъ-нибудь отвязаться отъ старухи, моя кобылица для тебя дорога, не по карману.—Ну, а какъ, примѣрно, можетъ быть мы и сойдемся? послѣдовалъ вопросъ. Бедэръ еще разъ посмотрѣлъ на убогую одежду покупательницы и отвѣчалъ со смѣхомъ: — Что-жь бабушка, давай тысячу цехиновъ, и лошадь твоя. — Дорогонько, голубчикъ, замѣтила старуха, а впрочемъ, нечего дѣлать, память о сынѣ для меня еще дороже. Изволь, получи деньги... Бедэръ, уже никакъ не ожидавшій, чтобъ у нея могла оказаться такая крупная сумма, сильно изумился въ первую минуту, а потомъ сказалъ съ улыбкой:—Эхъ, бабушка, да развѣ ты не понимаешь, что я просто хотѣлъ пошутить съ тобой. Повторяю, лошадь моя не продажна.

— Нѣтъ, господинъ, этого нельзя, вступился тогда старикъ, бывшій свидѣтелемъ торга. Ты, конечно, воленъ былъ не продавать своей кобылицы, но теперь, когда уговоръ состоялся, уже не въ правѣ отказаться, иначе по законамъ нашей страны тебя ожидаетъ смертная казнь. Прими это къ свѣдѣнію и лучше уступи добромъ.

Персидскій царь, смущенный и раздосадованный на свою опрометчивость, сошелъ на землю и какъ то растерянно сталъ озираться кругомъ; въ эту минуту старуха быстро сдернула узду, еще быстрѣе зачерпнула воды изъ дождевой лужи и, плеснувъ ею на кобылицу, проговорила:—Дочь моя, покинь несвойственный тебѣ образъ и будь, какою была отъ рожденія.

Только что успѣла старуха произнести эти слова, какъ передъ Бедэромъ снова явилась царица Лаба и устремила на него въ упоръ

свой злобный, угрожающій взглядъ. Пораженный ужасомъ, Персидскій царь въ ту же минуту упалъ безъ чувствъ.

Тогда совершилось еще новое чудо: старуха-волшебница (родная мать царицы Лабы) пронзительно свистнула, трижды ударивъ о земь ногой, и на этотъ магическій призывъ изъ подъ земли поднялся громадный, чудовище-безобразный геній; по знаку своей властительницы, онъ одною рукой охватилъ ее вмѣстѣ съ дочерью, другою—Персидскаго царя, все еще лишеннаго сознанія, и въ нѣсколько мгновеній перенесъ всѣхъ троихъ на островъ *Чаръ*, въ тотъ самый городъ, который Бедэру только что удалось было избавить отъ ненавистной чародѣйки.

Возвратившись къ прежней безграничной власти, царица Лаба первымъ же дѣломъ выместила на Бедэрѣ свою накипѣвшую злобу. Ставъ передъ нимъ, она проговорила съ насмѣшливой улыбкой:—Ну, что же, милый, ты, кажется, не особенно доволенъ возвращеніемъ мнѣ человѣческаго образа? А я думала, это доставитъ тебѣ большую радость.. Что дѣлать, видно не долго вамъ съ дядюшкой пришлось потѣшиться надо мной, насталъ теперь и мой чередъ. Сказавъ это, она плеснула на него водою и крикнула, уже не сдерживая своего гнѣва:—Проклятый! Будь же ты отнынѣ безобразнымъ филиномъ!

На этотъ разъ слова ея произвели желаемое дѣйствіе, а когда превращеніе совершилось, она подозвала одну изъ своихъ прислужницъ и сказала ей:—Возьми эту птицу, запри въ желѣзную клѣтку и не давай ей ни ѣсть, ни пить.

Но рабыня, давно знавшая Абдаллаха и преданная ему всей ду-

шой, исполнила только отчасти приказаніе своей повелительницы и затѣмъ тотчасъ же тайно увѣдомила старика обо всемъ, что произошло съ его племянникомъ. Получивъ это извѣстіе, старикъ рѣшилъ дѣйствовать уже иначе и окончательно погубить злую волшебницу во что бы то ни стало, какъ для спасенія Бедэра, такъ и ради своей личной безопасности. Съ этою цѣлью, вызвавъ изъ нѣдръ земли подвластнаго генія, онъ приказалъ ему летѣть немедленно въ Персидское государство и сообщить царицѣ Гюльнарѣ о томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ находится ея сынъ. Но чтобы геній не напугалъ царицы своимъ безобразнымъ видомъ, ему велѣно было взять съ собою ту женщину, что принесла вѣсть о несчастіи Бедэра, и онъ съ быстротою молніи перенесъ ее въ столицу Персіи, а тамъ спустилъ на плоскую кровлю дворца, откуда она свободно прошла въ покои Гюльнары.

Послѣ обычнаго преклоненія передъ царицей, рабыня повѣдала ей въ немногихъ словахъ, какое страшное бѣдствіе постигло Бедэра и какъ нужна ему немедленная помощь. Глубоко поразила Гюльнару эта горестная вѣсть, однакожь она не растерялась, ни на минуту не утратила своего врожденнаго мужества, а выразивъ благодарность посланницѣ, поспѣшно вышла и приказала своимъ военачальникамъ готовиться въ походъ; въ то же время были посланы глашатаи объявить народу, что царь Бедэръ скоро возвратится и что царица-мать сама отправляется къ нему на встрѣчу.

Между тѣмъ царица Фараска, гостившая у дочери, успѣла уже вызвать Салеха, и онъ явился во главѣ многочисленной подводной арміи. Кромѣ того, для большаго обезпеченія успѣха, вызвали еще нѣсколько геніевъ съ подвластными имъ духами, и когда все было готово, когда сухопутныя, морскія и подземныя силы соединились въ одну грозную рать, она поднялась на воздухъ и черезъ нѣсколько минутъ заполонила весь городъ *Чаръ*.

Царица Лаба, ея мать и всѣ, кто осмѣлились защищать ихъ, подверглись немедленному истребленію; Гюльнара же, не принимавшая прямого участія въ этой кровавой расправѣ, озаботилась тѣмъ временемъ возвратить Бедэру утраченный имъ человѣческій образъ. Когда ея старанія увѣнчались успѣхомъ и она съ горячей нѣжностью обнимала своего возрожденнаго сына, къ ней присоединились царица Фараска, Салехъ и его сестры, которыя также участвовали въ нашествіи; всѣ они поочередно обнимали Персидскаго царя и радостно поздравляли его съ окончаніемъ бѣдствій.

Въ своемъ безмѣрномъ счастіи царица Гюльнара не забыла о главномъ его виновникѣ Абдаллахѣ; она призвала его къ себѣ и, выразивъ ему сердечную благодарность за все, что онъ сдѣлалъ для ея сына, сказала въ заключеніе:—Такія заслуги не вознаграждаются одними сло-

вами; проси же у мени чего хочешь, и будь увѣренъ, я съ радостью исполню всякое твое желаніе.

— Великая государыня, отвѣчалъ Абдаллахъ, ничего я такъ не желаю, какъ тихой семейной жизни, а потому, еслибы та женщина, которая принесла тебѣ вѣсть о царѣ Бедэрѣ, согласилась быть моей женой, это доставило бы мнѣ полное счастіе.

Царица Гюльнара улыбнулась и спросила тутъ же стоявшую рабыню, согласна ли она на предложеніе Абдаллаха? Вмѣсто отвѣта молодая женщина стыдливо потупила глаза и тѣмъ краснорѣчиво выразила свое согласіе.—Будьте же счастливы, сказала тогда Гюльнара, соединяя ихъ руки, а я во всю жизнь не перестану заботиться о васъ.

— Теперь, дорогая матушка, съ улыбкой сказалъ Бедэръ, не возьмешься ли ты съ легкой руки устроить еще одинъ бракъ?

Сперва царица не поняла, къ чему клонятся слова ея сына, но потомъ, догадавшись, быстро проговорила:—Что же дитя мое, за этимъ дѣло не станетъ: если хочешь—мы сейчасъ же разошлемъ пословъ по всѣмъ извѣстнымъ дворамъ и выберемъ тебѣ невѣсту на славу.

— Нѣтъ, матушка, я не могу измѣнить уже избранной сердцемъ и никогда ни на комъ не женюсь, кромѣ царевны Джіогары.

— Если во всемъ мірѣ только она одна можетъ составить твое счастіе, отвѣчала царица, то я съ своей стороны всѣми силами буду содѣйствовать этому браку. Попроси своего дядю Салеха, пусть онъ еще разъ попробуетъ посватать тебя; теперь Самандалскій царь навѣрное сталъ сговорчивѣе.

И вскорѣ это предположеніе оправдалось. Вызванный въ городъ *Чаръ* посредствомъ волшебныхъ фиміамовъ, надменный морской царь уже благосклонно выслушалъ рѣчь своего побѣдителя Салеха, а когда самъ Бедэръ, припавъ къ его ногамъ, выразилъ всю силу своей любви къ царевнѣ Джіогарѣ, говоря, что безъ нея и самая жизнь ему будетъ не въ радость, онъ поднялъ его и сказалъ съ отеческой нѣжностью:—Такъ зачѣмъ же мнѣ губить такого молодого, прекраснаго царя? Если дѣйствительно все счастіе твоего величества зависитъ отъ руки моей дочери, то я охотно отдаю ее тебѣ, въ полной увѣренности, что и сама Джіогара не воспротивится моему желанію, такъ какъ едва ли оно будетъ ей не по душѣ.

Затѣмъ онъ приказалъ своей свитѣ отправиться немедленно за царевной, которая все еще скрывалась на томъ островѣ, гдѣ было совершено ею первое превращеніе надъ Персидскимъ царемъ. Черезъ нѣсколько минутъ она явилась, вся окутанная чадрой, и, покорно склонивъ голову, стала передъ отцомъ въ ожиданіи его приказаній.—Дочь моя, заговорилъ Самандалскій царь, я избралъ тебѣ въ супруги Персидскаго царя Бедэра, прекраснѣйшаго изъ всѣхъ юношей, какіе когда-

либо существовали въ подлунныхъ мірахъ. Скажи, согласна ли ты быть его женою?—Государь мой и отецъ, отвѣчала Джіогара, тебѣ хорошо извѣстно, что я никогда не выходила изъ твоей воли, теперь же исполненіе ея было бы великимъ счастіемъ и честью для меня, если только Персидскій царь въ состояніи простить и забыть то зло, какое я причинила ему подъ вліяніемъ минутнаго гнѣва.

Страстное чувство, переполнявшее сердце Бедэра, давно уже вытѣснило и самое воспоминаніе о жестокомъ поступкѣ Джіогары, теперь же, въ порывѣ своей неизмѣримой радости, онъ постарался даже оправдать его.—Справедливое мщеніе за отца не можетъ назваться преступленіемъ, отвѣтилъ онъ царевнѣ, и съ той минуты между ними водворились навѣки ненарушимые миръ и любовь. Вскорѣ была отпразднована свадьба со всѣмъ подобающимъ великолѣпіемъ и тѣмъ съ большимъ оживленіемъ, что на ней, помимо всѣхъ придворныхъ сановниковъ, всѣхъ именитыхъ гражданъ, присутствовали и тѣ благодарные юноши, которые изъ различныхъ животныхъ теперь снова обратились въ людей при посредствѣ царицы Гюльнары.

Послѣ бракосочетанія, совершеннаго въ городѣ *Чаръ*, счастливый Бедэръ возвратился въ свою престольную столицу вмѣстѣ съ молодой супругой и царицей матерью, всѣ же остальные члены царственной семьи снова погрузились въ морскую глубину.

Сказка о купеческомъ сынѣ Ганэмѣ „Рабѣ Любви".

Въ городѣ Дамаскѣ, начала Шехерезада, жилъ одинъ умный, образованный купецъ, по имени Абу-Айбу; трудомъ и знаніемъ дѣла онъ составилъ себѣ громадное богатство, дѣтей же у него было всего только двое: сынъ, нареченный при рожденіи Ганэмомъ, а впослѣдствіи прозванный *Рабомъ Любви*, и дочь Алколуба *), такая красавица, что дѣйствительно невозможно было, увидавъ ее, не полюбить.

Послѣ смерти Абу-Айбу, помимо другихъ несмѣтныхъ богатствъ, въ его товарныхъ складахъ оказалось болѣе сотни тюковъ съ драгоцѣнной парчей, разноцвѣтнымъ бархатомъ, узорчатымъ шелкомъ, и на каждомъ изъ нихъ было написано крупными буквами: „*Багдадъ*".

Ганэмъ замѣтилъ эту надпись и какъ то разъ, бесѣдуя съ матерью о торговыхъ дѣлахъ, спросилъ, не знаетъ ли она, куда предназначались упакованные товары?—Это должно указать тебѣ начертанное на нихъ названіе города, отвѣтила мать; покойный отецъ твой, ведя обширную торговлю со всѣми странами свѣта, всегда имѣлъ обыкновеніе намѣчать

*) По арабски: *покорительница сердецъ*.

на товарахъ, куда предстоялъ ему путь. Въ послѣднее время онъ собирался въ Багдадъ, даже назначенъ былъ день отъѣзда, но Богъ судилъ ему иную дорогу.... Тутъ голосъ ея прервался, и неудержимыя слезы хлынули изъ глазъ: такъ еще свѣжо и горестно было воспоминаніе о понесенной утратѣ.

Это печальное настроеніе сообщилось и сыну, онъ тоже умолкъ, поникнувъ головой, и долго ни единымъ словомъ не нарушалось тяжелое молчаніе; наконецъ, замѣтивъ, что мать нѣсколько успокоилась, Ганэмъ заговорилъ первый:—Ты сказала, родная, что покойный отецъ хотѣлъ отвезти свои товары въ Багдадъ? Въ такомъ случаѣ я, какъ его сынъ и наслѣдникъ, обязанъ выполнить это намѣреніе, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, иначе дорогія ткани могутъ залежаться и утратить свою цѣнность.

— Ты забываешь, сынъ мой, возразила мать, что у тебя еще нѣтъ ни торговой опытности, ни привычки къ трудностямъ такого дальняго пути; поэтому не лучше ли продать все здѣсь, своимъ дамасскимъ купцамъ, и удовольствоваться небольшою выгодой, чѣмъ подвергать себя опасности? Да наконецъ пожалѣй и меня хоть немного.... Ты видишь, я не успѣла еще оправиться отъ перваго удара, такъ неужели захочешь нанести мнѣ другой?!...

Однако все было напрасно: желаніе увидѣть свѣтъ и обогатить себя новыми свѣдѣніями такъ сильно разгорѣлось въ юношѣ, что ни мольбы, ни убѣжденія, ни даже слезы матери не могли поколебать его намѣренія. Онъ пріобрѣлъ достаточное количество сильныхъ и ловкихъ невольниковъ, накупилъ до ста верблюдовъ и, заготовивъ все необходимое, вскорѣ отправился въ путь. Къ нему еще присоединилось человѣкъ пять или шесть дамасскихъ купцовъ, тоже отправлявшихся въ Багдадъ съ навьюченными верблюдами и многочисленными рабами, такъ что въ общемъ составился очень значительный караванъ, которому нечего было опасаться бедуиновъ, нападающихъ обыкновенно только на беззащитныхъ путниковъ.

Итакъ, Ганэму во всю дорогу не пришлось испытать ничего непріятнаго, кромѣ развѣ трудности самаго пути по знойнымъ степямъ, да и это забылось, когда передъ нимъ показался Багдадъ во всей своей величавой красотѣ.

Караванъ остановился въ одномъ изъ лучшихъ кагановъ, находившемся въ самомъ центрѣ города; но тамъ Ганэмъ сложилъ только свои товары, для себя же нанялъ по близости отдѣльный домъ, роскошно обставленный, съ огромнымъ садомъ, фонтанами и цвѣтниками.

Дня черезъ три, уже совершенно оправившись отъ усталости, онъ тщательно одѣлся и, приказавъ одному изъ своихъ невольниковъ захватить нѣсколько свертковъ различныхъ матерій, отправился съ нимъ въ

безестанъ, гдѣ обыкновенно собирались всѣ болѣе или менѣе крупные торговцы—какъ мѣстные, такъ и чужеземные.

Ганэма приняли съ особеннымъ вниманіемъ и, почти не торгуясь, тутъ же раскупили у него на чистыя деньги все, что было принесено невольникомъ; на другой и въ послѣдующіе дни продолжалась та же удача, товары быстро убывали изъ склада, и немного уже оставалось до ихъ окончательной распродажи съ громаднымъ барышомъ. Но вотъ однажды, придя на базаръ съ тремя невольниками, нагруженными послѣдними остатками товаровъ, Ганэмъ, къ своему удивленію, не нашелъ ни одного торговца, и всѣ лавки оказались запертыми. Онъ освѣдомился у какого то прохожаго о причинѣ запустѣнія въ безестанѣ, и тотъ отвѣтилъ ему:—Вчера скончался одинъ изъ самыхъ именитыхъ багдадскихъ купцовъ, а сегодня всѣ его собратья присутствуютъ на погребеніи, оттого и закрыты ихъ лавки.—А въ какой же части города происходитъ отпѣваніе? спросилъ Ганэмъ и, получивъ подробный отвѣтъ, отпустилъ домой своихъ невольниковъ, а самъ отправился на мѣсто печальнаго сборища.

Когда онъ вошелъ въ указанную мечеть, богослуженіе еще не окончилось, и ему легко было незамѣтно вмѣшаться въ ряды молящихся. Послѣ отпѣванія гробъ вынесли, и вся процессія тронулась вслѣдъ за нимъ по направленію къ кладбищу, находившемуся въ довольно далекомъ разстояніи отъ города. Тамъ уже давно была воздвигнута роскошная семейная усыпальница, съ позолоченнымъ куполомъ, съ лѣпными украшеніями снаружи и внутри, а теперь вокругъ нея были разбиты шатры для того, чтобы провожатые покойника не оставались подъ

открытымъ небомъ. Поднялась и снова опустилась тяжелая могильная плита, скрывъ подъ собою навѣки бездыханное тѣло; послѣ чего уже начался послѣдній обрядъ: въ самомъ просторномъ изъ шатровъ имамъ и другіе служители мечети сѣли полукругомъ на разостланномъ коврѣ и долго—то пѣли заупокойные стихи, то читали мѣста изъ Алкорана, относящіяся къ погребенію усопшихъ.

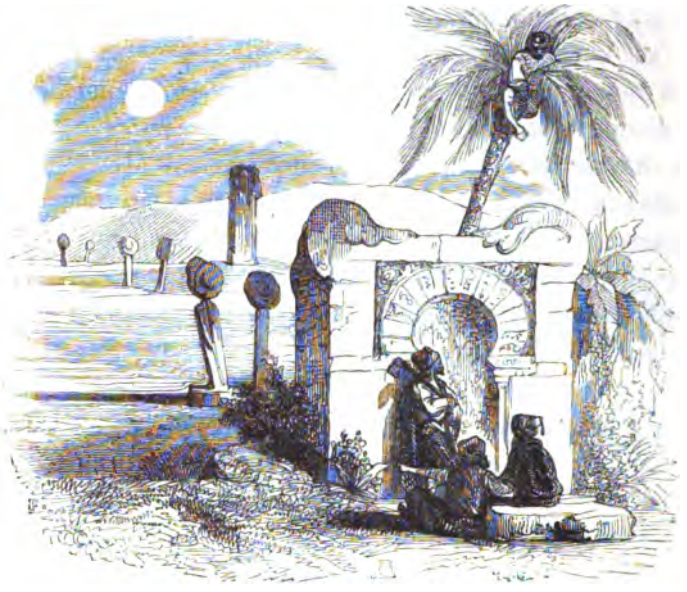
Вся эта церемонія тянулась такъ долго, что Ганэмъ не чаялъ дождаться ея конца; онъ сильно тревожился мыслью, что въ домѣ безъ него можетъ случиться какое нибудь несчастіе.—Меня всѣ считаютъ здѣсь за человѣка богатаго, думалось ему, что жь мѣшаетъ разбойникамъ забраться въ мой домъ и обобрать все до чиста? Невольники—народъ ненадежный, они пожалуй рады будутъ случаю, чтобы со своей стороны поживиться чѣмъ нибудь и бѣжать. Гдѣ мнѣ тогда розыскивать ихъ въ чужомъ городѣ?...

Между тѣмъ начинало уже смеркаться, а никто, казалось, и не помышлялъ о возвращеніи; въ шатрахъ устанавливались столы, и всѣ готовились приступить къ заупокойной трапезѣ, которая, по обычаю страны, могла продолжаться вплоть до разсвѣта. Подъ вліяніемъ своихъ тревожныхъ опасеній, Ганэмъ едва прикасался къ предлагаемымъ яствамъ и, воспользовавшись первою удобной минутой, незамѣтно покинулъ собраніе.

Выйдя изъ ограды, онъ поспѣшно направился къ городу, ускоряя шаги, но тутъ на немъ оправдалась справедливость поговорки: „Чѣмъ больше поспѣшишь, тѣмъ больше запоздаешь“. Второпяхъ онъ принялъ одну дорогу за другую, вернулся назадъ, снова сбился и пришелъ къ городскимъ воротамъ уже далеко за полночь, когда они давно были заперты.

Усталый и раздосадованный этой неудачей, Ганэмъ чуть не заплакалъ со злости, однакожь приходилось покориться необходимости и волей неволей искать какого нибудь пристанища до утра. Замѣтивъ невдалекѣ огороженное кладбище, онъ направился туда и сталъ бродить между надгробными памятниками; вскорѣ его вниманіе остановила одна усыпальница, очень богатая, съ желѣзной рѣшеткой вокругъ, осѣненная высокой, развѣсистой пальмой. Большая фигурная калитка по какой то случайности оказалась открытой.—Вотъ удобное мѣсто для ночлега, подумалъ Ганэмъ, не разсуждая болѣе, вошелъ въ калитку, бросился на траву подъ деревомъ и закрылъ глаза, всѣми силами стараясь поскорѣе заснуть, но внутреннее волненіе превозмогало усталость и отгоняло сонъ; убѣдившись наконецъ въ безполезности своей попытки, онъ всталъ и нѣсколько разъ прошолся взадъ и впередъ вдоль ограды. Вдругъ какая то свѣтящаяся точка показалась вдали; она подвигалась въ прямомъ направленіи къ нему все ближе и ближе, а вскорѣ Ганэмъ уже ясно

различилъ, что то былъ огонекъ. Не зная, какъ объяснить это странное явленіе и движимый безотчетнымъ страхомъ, онъ въ одну минуту взобрался на самую вершину пальмы и сталъ наблюдать.



Почти одновременно въ ограду вступили трое неизвѣстныхъ, въ одеждѣ невольниковъ, изъ которыхъ одинъ шелъ впереди, держа въ рукѣ зажженный фонарь, а двое другихъ несли на плечахъ какой то ящикъ въ пять или шесть футовъ длины. Когда они опустили свою ношу на земь, первый сказалъ:—Подумайте-ка, братья, не лучше ли намъ это оставить и вернуться въ городъ?—А если провѣдаетъ повелительница? возразилъ другой. Ты развѣ не знаешь, что намъ тогда будетъ? Нѣтъ, надо ужь въ точности выполнить приказаніе. Товарищи согласились и, взявъ принесенные съ собой заступы, молча принялись выкапывать песчаную землю; когда же образовалась достаточно глубокая яма, они спустили въ нее ящикъ, засыпали его и также угрюмо, не обмѣнявшись болѣе ни однимъ словомъ, вышли изъ за рѣшетки и направились обратно.

Выждавъ ихъ удаленіе, Ганэмъ спустился съ дерева и сталъ обдумывать, какъ поступить. Судя по той таинственности, съ какой невольники скрыли свою ношу, въ ней должно было заключаться какое нибудь сокровище, и, побуждаемый этимъ предположеніемъ, а еще болѣе любопытствомъ, онъ съ лихорадочной поспѣшностью началъ разрывать свѣжую насыпь, орудуя при этомъ то руками, то ногами, и съ такимъ напряженнымъ усердіемъ, что черезъ нѣсколько минутъ крышка ящика обнаружилась, но тутъ же оказалось, что онъ крѣпко запертъ большимъ висячимъ замкомъ. Встрѣтивъ это неожиданное препятствіе, Ганэмъ на минуту остановилси въ нерѣшимости, но потомъ проворно выскочилъ изъ ямы и при свѣтѣ занимавшейся утренней зари отыскалъ подходящій камень, которымъ безъ труда, въ нѣсколько ударовъ отбилъ замокъ.

Наконецъ таинственный ящикъ былъ вскрытъ, но при видѣ того, что въ немъ заключалось, Ганэмъ оцѣпенѣлъ отъ изумленія: вмѣсто ожидаемаго сокровища, тамъ лежала молодая женщина, только не мертвая; яркій румянецъ на щекахъ и тихое, ровное дыханіе ясно говорили о полной, здоровой жизни.—Что же это? подумалъ юноша: если сонъ, то отчего онъ такъ непробуденъ? Какъ могла она не проснуться, когда я разбивалъ замокъ?... И онъ снова сталъ пристально всматриваться. Передъ нимъ было очаровательное созданіе съ нѣжными, правильными, невыразимо прекрасными чертами лица; а роскошная одежда, серьги изъ крупныхъ бриллiантовъ, драгоцѣнныя запястья и весь остальной уборъ—несомнѣнно доказывали, что эта спящая красавица принадлежитъ не къ простому сословію.

Какое то новое, еще неизвѣстное чувство шевельнулось въ сердцѣ Ганэма; онъ съ нѣжной заботливостью матери поднялъ молодую женщину изъ ящика и осторожно, поддерживая обѣими руками, посадилъ на земляную насыпь, образовавшуюся вокругъ ямы, при чемъ изо рта и ноздрей красавицы вдругъ вылилась какая то свѣтлая жидкость. Затѣмъ, подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха и перемѣны положенія, она вскорѣ очнулась и, не раскрывая глазъ, только слегка повернувъ голову, произнесла одно за другимъ нѣсколько женскихъ именъ, очевидно своихъ рабынь-прислужницъ.—Загоръ-Бостàна [1])! воскликнула она звучнымъ, гармоничнымъ голосомъ и, помедливъ съ минуту, продолжала звать уже съ нетерпѣніемъ и безъ перерыва:—Скачромъ-Марглàна [2])! Кассобъ-Зукàра [3])! Нуронигàра [4])! Нагмàта-Сóги [5])! Нузгетъ-Замàна [6])!...

---

[1]) *Садовый цвѣтокъ.*
[2]) *Коралловая вѣтвь.*
[3]) *Сахарный тростникъ.*
[4]) *Дневной свѣтъ.*
[5]) *Утренняя звѣзда.*
[6]) *Радость жизни.*

Да идите же, куда вы всѣ дѣвались?!... Видимо удивленная, что никто не откликается на ея зовъ, красавица наконецъ открыла глаза, и когда увидала—гдѣ и въ какомъ положеніи находится, смертельный ужасъ мгновенно отразился на ея прекрасномъ лицѣ, и румянецъ угасъ на ланитахъ.—О, Боже мой! воскликнула она, неужели наступилъ день Твоего послѣдняго суда?... Но когда же, когда это произошло? Вѣдь только недавно, за нѣсколько часовъ, я была весела, здорова....

Ганэмъ не могъ долѣе выносить ея напрасныхъ страданій, и приблизившись къ ней, проговорилъ съ почтительной нѣжностью:—Успокойся, госпожа моя, Провидѣнію угодно было сохранить твою драгоцѣнную жизнь и Оно избрало меня орудіемъ спасенія, пославъ сюда именно въ тотъ часъ, когда моя помощь была тебѣ необходима. Скажи, что́ могу я сдѣлать еще для твоего блага?—А чтобы предупредить всякое недовѣріе съ ея стороны, Ганэмъ тутъ же сообщилъ ей, кто онъ, по какому случаю попалъ на кладбище и какъ ему пришлось быть свидѣтелемъ ея погребенія заживо.—О, благодарю тебя отъ всего сердца, избавитель мой! воскликнула красавица со слезами на глазахъ, и умоляю именемъ Бога, доверши свое доброе дѣло, выведи меня изъ этого страшнаго мѣста. Я вѣрю тебѣ безусловно и смѣло пошла бы за тобой хоть на край свѣта, но эта одежда, эти драгоцѣнные уборы сразу обратятъ на меня вниманіе каждаго, а надо, чтобы никто даже не подозрѣвалъ о моемъ существованіи. Послѣ ты все узнаешь, я разскажу тебѣ, почему это необходимо, теперь же всякое промедленіе можетъ быть опасно.... Иди скорѣе въ городъ, найми тамъ какого нибудь погонщика съ муломъ и въ томъ же ящикѣ отвези меня къ себѣ домой.

Генэмъ безъ возраженій исполнилъ приказаніе красавицы, но никогда въ жизни—ни послѣ, ни прежде, ему не доводилось испытывать такого волненія, такой мучительной тревоги, какъ за все время переѣзда отъ кладбища до своего дома. Каждую минуту онъ съ трепетомъ

ждалъ, что городская стража остановитъ погонщика, начнетъ допрашивать, боялся всякаго встрѣчнаго, малѣйшей неровности по пути, каждаго камня, лежавшаго на дорогѣ, о который могъ споткнуться мулъ и уронить драгоцѣнную ношу. За то съ какою радостью, остановившись наконецъ у воротъ своего дома, онъ увидалъ, какъ слуги, выбѣжавшіе на встрѣчу, подняли ящикъ и отнесли его во внутренніе покои. Ганэмъ, какъ было уже сказано, любилъ впервые; до тѣхъ поръ, весь поглощенный торговыми дѣлами, онъ не видѣлъ женщинъ или не обращалъ на нихъ никакого вниманія, теперь же разомъ открылся передъ нимъ новый, еще невѣдомый міръ съ своими радостями, мечтами, тревогами и наслажденіемъ.

Отпустивъ погонщика, онъ первымъ дѣломъ заперъ наружную дверь и поспѣшилъ освободить красавицу изъ ея тѣсной тюрьмы.—Тебѣ душно, не хорошо тутъ было, проговорилъ онъ, помогая ей встать.—Да, но много ли значитъ это временное неудобство? отвѣчала она. Теперь я спокойна и безконечно благодарна тебѣ за все, что ты для меня сдѣлалъ. При этомъ, какъ бы желая доказать, что считаетъ его уже не чужимъ, а близкимъ ей человѣкомъ, она довѣрчиво откинула покрывало съ своего прекраснаго лица.

Тогда, переполненный неизмѣримымъ счастіемъ, Ганэмъ почувствовалъ, что вся душа его принадлежитъ этой женщинѣ, что ради нея онъ не остановится ни передъ какою опасностью, даже не пожалѣетъ жизни. И эти тайныя чувства такъ ясно выразились въ его взглядѣ, что красавица угадала ихъ сразу, но они не смутили ее и не встревожили, такъ какъ Ганэмъ во все время ни словомъ, ни движеніемъ не нарушилъ того глубокаго почтенія, какое оказывалъ ей съ первой минуты.

Единственной его мыслью и единственнымъ желаніемъ было угодить своей неизвѣстной гостьѣ и доставить ей какъ можно больше удобствъ. Предполагая, что она должна быть голодна и что послѣ всего испытаннаго ей необходимо подкрѣпить свои силы, онъ тотчасъ же отправился на рынокъ, заказалъ самый лучшій, изысканный обѣдъ, накупилъ плодовъ, сластей, тончайшихъ винъ и, нагруженный всѣмъ этимъ, вернулся домой.

Здѣсь, частью изъ предосторожности, частью изъ ревниваго желанія одному служить своей возлюбленной, онъ самъ накрылъ столъ, самъ уставилъ на немъ принесенныя яства и, скромно отойдя въ сторону, остановился въ смиренной позѣ раба. Только послѣ долгихъ, настойчивыхъ просьбъ, красавицѣ наконецъ удалось заставить его сѣсть и раздѣлить съ нею трапезу.

Смущенный, взволнованный, Ганэмъ не находилъ словъ для начала бесѣды, и вдругъ его вниманіе привлекло лежавшее на софѣ роскошное покрывало, вышитое по краямъ крупными золотыми буквами.—Дозволь

мнѣ разсмотрѣть поближе эту вышивку, робко сказалъ онъ красавицѣ.— А ты развѣ умѣешь читать? спросила она съ улыбкой, передавая ему свою легкую, златотканую чадру.—Какъ же, умѣю, отвѣчалъ Ганэмъ, что же я былъ бы за купецъ, и какія дѣла могъ бы вести, еслибы остался безграмотнымъ?—Такъ разбери же эти слова, молвила красавица, они кстати послужатъ мнѣ поводомъ разсказать тебѣ свою жизнь.

„О, лучезарная звѣзда красоты, ты зажжена самимъ Богомъ, чтобы озарять многотрудный путь потомка и преемника Магомета“, прочиталъ Ганэмъ, и голосъ его дрогнулъ на послѣднихъ словахъ, они говорили ясно, что этотъ преемникъ пророка всевластный калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ и что красавица принадлежитъ ему, какъ его супруга или одалиска. Разомъ угасла надежда въ сердцѣ юноши и слезы выступили на глаза.—О, я несчастный! воскликнулъ онъ въ неудержимомъ порывѣ, если бы ты только знала, въ какое отчаяніе повергаютъ меня эти слова... Все теперь кончено для меня, все... нѣтъ больше радости, нѣтъ надежды въ будущемъ, и самая жизнь утратила смыслъ... Прости, не гнѣвайся на мои рѣчи, вѣдь мы не вольны въ своихъ чувствахъ, не виноватъ и я, что, не зная еще, кто ты, полюбилъ тебя съ перваго взгляда всѣми силами души...

Эта страстная, порывистая рѣчь произвела глубокое впечатлѣніе на любимицу калифа, но видя и понимая страданіе Ганэма, она не жалѣла его, а радовалась помимо воли, радовалась потому, что въ глубинѣ своего сердца уже находила откликъ на это горячее признаніе. Однакожь чувство долга оказалось въ ней сильнѣе рождающейся любви.

и съ притворной холодностью она постаралась отвѣтить такъ, чтобы отнять у пылкаго юноши всякую надежду на взаимность.—Мнѣ глубоко жаль, сказала она, что роковое значеніе моего имени должно оправдаться на томъ, кому я обязана спасеніемъ своей жизни, но человѣкъ всегда безсиленъ передъ судьбою, и ему остается только покоряться ея велѣніямъ. Выслушай мой разсказъ, и ты поймешь тогда, какая непроходимая бездна лежитъ между нами: Я Фатнаба *), первая любимица калифа, моего и твоего повелители. Какъ дочь придворнато сановника, я росла и воспитывалась во дворцѣ на глазахъ его величества, а лишь только вступила въ пору юности, онъ очевидно сталъ отличать меня отъ всѣхъ моихъ подругъ, осыпая такими щедрыми дарами, что въ одинъ годъ я навѣрное получила ихъ болѣе, чѣмъ другія женщины во всю свою жизнь. Но, къ несчастію, это вниманіе возбудило тайную ненависть Зобейды, супруги калифа, которая видѣла во мнѣ уже не временную соперницу, а опаснаго врага, способнаго поколебать ея вліяніе на мужа. Разумѣется, пока я была подъ охраной калифа, ея злоба оставалась безвредной, но на бѣду мою между вассальными государями составился заговоръ, они возмутились противъ своего повелителя, а чтобы наказать ихъ, Гарунъ-аль-Рашидъ собралъ армію и самъ во главѣ ея отправился въ походъ. Вотъ этимъ то Зобейда и воспользовалась для своего коварнаго замысла. Вѣроятно, она подкупила одну изъ моихъ прислужницъ и дала мнѣ какого нибудь усыпительнаго зелья, иначе невозможно, чтобы я, всегда такая чуткая во время сна, не слыхала, какъ меня укладывали въ ящикъ, какъ отнесли на кладбище и какъ наконецъ ты разбивалъ замокъ моего гроба. Нѣтъ сомнѣнія, что меня хотѣли похоронить живую, и ты поймешь теперь, насколько важно, чтобы до возвращенія калифа Зобейда не подозрѣвала о моемъ существованіи, иначе, уже изъ одной боязни обнаружить свое преступленіе, она не остановится ни передъ какимъ средствомъ погубить меня, да и тебя вмѣстѣ со мною. Итакъ, докончи же свое доброе дѣло, постарайся скрыть ото всѣхъ мое пребываніе здѣсь и помни, что если не я, то самъ калифъ вознаградитъ тебя за такую услугу.

— Напрасно ты говоришь о наградѣ, грустно отвѣтилъ Ганэмъ; чувство, внушенное тобою, вѣрнѣе и надежнѣе всѣхъ сокровищъ міра заставитъ меня позаботиться о твоей безопасности. Да, пока ты здѣсь, подъ моимъ кровомъ, тебѣ нечего бояться; я, конечно, не выдамъ твоей тайны, а слуги не знаютъ, кто ты, и не могутъ подозрѣвать тутъ ничего особеннаго: всѣ молодые люди обыкновенно стараются обзавестись красивыми невольницами, это такъ естественно, что никому и въ голову не придетъ предположить тутъ что-либо иное, съ своей же сторо-

*) По я

ны я не измѣню того почтенія, какое мы обязаны оказывать любимицѣ калифа, и никогда не забуду, что рабъ не долженъ посягать на достояніе своего господина. Я полюбилъ тебя въ невѣденіи, помимо воли, а теперь ужь не въ моей власти вырвать изъ сердца то, что глубоко вкоренилось въ него, вошло въ мою плоть и кровь. О, какъ ни великъ, какъ ни могучъ твой властитель, но любовь его ничто въ сравненіи съ моей... Когда ты вернешься къ нему, когда снова будешь утопать въ царственной роскоши, вспомни, что есть на свѣтѣ маленькій, ничтожный человѣкъ, для котораго осталось одно только счастіе—умереть отъ любви къ тебѣ...

— Довольно, прервала его Фатнаба взволнованнымъ голосомъ, чувствуя, что не въ силахъ болѣе владѣть собою и готова ежеминутно разрыдаться.—Не будемъ говорить о невозможномъ, но знай, что горячая благодарность никогда не остынетъ въ моемъ сердцѣ... О, какъ подумаю только, что вотъ я снова живу, могу глядѣть на солнце, наслаждаться его тепломъ и свѣтомъ, такъ радостно, такъ хорошо становится на душѣ; а безъ тебя, безъ твоей помощи, лежать бы мнѣ теперь въ своей тѣсной темницѣ, засыпанной землей...

Неизвѣстно, къ чему привели бы эти изліянія, еслибы они не были прерваны во время легкимъ стукомъ въ дверь. Стучался одинъ изъ невольниковъ, предлагая свои услуги, но Ганэмъ не впустилъ его; онъ самъ собралъ со стола и только передалъ ему посуду, затѣмъ, обращаясь къ Фатнабѣ, сказалъ:—Должно быть ты сильно нуждаешься въ отдыхѣ послѣ всего испытаннаго въ эту ночь; усни же здѣсь спокойно, а я удалюсь пока, когда же потребуются мои услуги, тебѣ стоитъ только кликнуть меня. Съ этими словами онъ вышелъ и прямо отправился на рынокъ, гдѣ купилъ двухъ рабынь, тончайшаго бѣлья и все необходимое для женщины, привыкшей къ роскоши.

Такая заботливая предупредительность въ высшей степени тронула одалиску.—Ты съ каждой минутой все увеличиваешь мой долгъ, сказала она, и я право не знаю, до какихъ размѣровъ онъ можетъ дойти. Во всякомъ случаѣ я не умру неоплатной должницей... Вѣрь мнѣ, господинъ мой, и прими пока мою глубокую признательность за все, за все, что ты сдѣлалъ для меня.

Ганэмъ ничего не отвѣтилъ на это, но когда обѣ прислужницы удалились въ отведенное для нихъ помѣщеніе, онъ присѣлъ на софу поодаль отъ красавицы, чѣмъ хотѣлъ показать ей, что не забываетъ своего обѣщанія оставаться въ должныхъ границахъ. Однако, мало помалу ихъ разговоръ затронулъ снова сердечныя струны, въ немъ стали невольно прорываться горкія жалобы на судьбу.—У меня все отнято, говорилъ Ганэмъ, я не только не смѣю надѣяться на взаимность, а еще долженъ скрывать свою любовь, какъ преступленіе.—Господинъ мой...

начала было Фатнаба, но онъ съ живостью прервалъ ее:—Опять это слово! Ты уже во второй разъ величаешь меня своимъ господиномъ, тогда какъ для тебя я на весь вѣкъ желалъ бы остаться рабомъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! горячо возразила Фатнаба, ни за что на свѣтѣ я не позволю себѣ обращаться съ тобою иначе, какъ съ человѣкомъ, достойнымъ безграничнаго уваженія и моей вѣчной признательности; вѣдь одно только это чувство я и могу тебѣ выразить, не переступая преграды, положенной судьбой, а то, что таится въ сердцѣ, пусть будетъ вѣдомо одному Богу.

При этихъ словахъ Ганэмъ словно ожилъ, и какое то неземное блаженство охватило все его существо.—О, я знаю, проговорилъ онъ, задыхаясь отъ радости, ты не свободна, недоступна для меня, да я ничего и не требую, не дерзаю даже мысленно посягать на права своего властелина... Но одного сознанія, что чувство мое не отвергнуто, что оно находитъ откликъ въ твоемъ сердцѣ, одной этой мысли уже достаточно для безконечнаго счастія...

Передъ вечеромъ, когда по обычаю, принятому въ Багдадѣ, подаются фрукты, прохладительные напитки и сласти, Ганэмъ собралъ все, что было приготовлено для угощенія, и разставилъ на накрытомъ столѣ, попрежнему продолжая обходиться безъ помощи прислугъ. На этотъ разъ онъ уже не колеблясь помѣстился рядомъ съ Фатнабой, и между ними завязалась та тихая бесѣда вдвоемъ, что всегда бываетъ веселѣе самыхъ шумныхъ и многолюдныхъ пировъ; они выбирали другъ для друга лучшіе плоды, запивали ихъ тонкимъ, ароматнымъ виномъ, но старались при этомъ вести разговоръ о постороннихъ предметахъ, тщательно избѣгая всякаго намека на то, что наполняло ихъ сердца и безъ словъ было понятно обоимъ. Однако, послѣ нѣсколькихъ кубковъ, бесѣда замѣтно оживилась, въ ней стало проявляться болѣе свободы, и наконецъ Ганэмъ почувствовалъ неодолимое желаніе выразить въ звукахъ пѣсни то, что порывалось вылиться изъ души; подъ вліяніемъ минуты слова сложились тутъ же, сами собою, и онъ запѣлъ:

Страсти безнадежной роковая сила
Жизнь мнѣ омрачила горемъ и тоской,
Въ раннемъ цвѣтѣ юность мощную сгубила,
Отняла на вѣки счастье и покой.
И ничья на свѣтѣ воля не могла бы
Погасить тотъ пламень, что горитъ въ крови,
Суждено мнѣ Богомъ быть рабомъ Фатнабы
И своей всевластной, роковой любви!..

Возбужденная его примѣромъ, Фатнаба спѣла ему въ отвѣтъ другую пѣсню:

Черезъ три мѣсяца, послѣ блестящихъ побѣдъ надъ мятежниками, калифъ наконецъ вернулся въ Багдадъ, сгорая страстнымъ желаніемъ поскорѣе увидѣть любимую одалиску и подѣлиться съ нею своимъ торжествомъ. Но когда всѣ вышли ему на встрѣчу въ глубомъ траурѣ, отъ мелкихъ служителей до высшихъ сановниковъ двора, его сердце сжалось предчувствіемъ несчастія, и онъ поспѣшилъ къ Зобейдѣ, чтобъ узнать отъ нея причину такого распоряженія.

— Государь, отвѣчала Зобейда на его тревожный вопросъ, твою возлюбленную Фатнабу внезапно похитила смерть; прости, если я, сердечно раздѣляя постигшее тебя горе, сама облеклась въ трауръ и наложила его на всѣхъ твоихъ подданныхъ. Думаю, что ты и самъ распорядился бы не иначе. Точно также, въ угоду твоему величеству, погребеніе было совершено какъ нельзя болѣе великолѣпно и торжественно.... Но калифъ уже не слушалъ ея: при первомъ извѣстіи о смерти любимой одалиски съ нимъ сдѣлалось дурно; онъ пошатнулся и безъ чувствъ упалъ на руки своего неизмѣннаго спутника—великаго визиря Джіафара.

Очнувшись отъ обморока и снова сознавъ всю горечь своей незамѣнимой утраты, калифъ прежде всего спросилъ, гдѣ похоронили Фатнабу.

— Государь, отвѣчала Зобейда, по моему приказанію, для нея воздвигнута отдѣльная усыпальница и поставленъ гранитный мавзолей надъ могилой; если угодно, я могу проводить твое величество.—Не нужно, печальнымъ и слабымъ голосомъ промолвилъ калифъ, зачѣмъ тебѣ утруждать себя, пусть меня проводитъ Месруръ.

Войдя въ усыпальницу, Гарунъ-аль-Рашидъ былъ пораженъ торжественной красотой ея обстановки; вокругъ изящнаго надгробнаго памятника горѣли восковыя свѣчи въ высокихъ золотыхъ подсвѣчникахъ, а изъ дорогихъ курильницъ, разставленныхъ по всѣмъ угламъ, поднимался легкій ароматный дымокъ, наполнявшій все зданіе прозрачнымъ туманомъ.—Какая заботливость и какое вниманіе къ усопшей! подумалъ калифъ. Неужели все это искренно, неужели Зобейда дѣйствительно любила свою соперницу и огорчена ея смертью?... Да нѣтъ, это невозможно.... ужъ не морочатъ ли меня? Не хотятъ ли подъ этимъ наружнымъ великолѣпіемъ скрыть какой нибудь коварный обманъ? Можетъ быть, Фатнаба совсѣмъ не умирала, въ мое отсутствіе ее просто могли спровадить куда нибудь изъ дворца, а чтобы легче избѣжать отвѣтственности, Зобейда устроила эти торжественные похороны со всей обстановкой.... Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, онъ тотчасъ же приказалъ сдвинуть гранитный мавзолей и снять крышку съ гроба; но когда его велѣніе было исполнено, и онъ увидѣлъ очертанія человѣческой фигуры, окутанной саваномъ, суевѣрный страхъ заставилъ его отказаться отъ даль-

огорчена этой смертью, но, изъ уваженія къ памяти любимицы его величества, желаешь, чтобъ и всѣ горожане облеклись въ глубокій трауръ. Очень можетъ быть, что калифъ, какъ человѣкъ подозрительный, пожелаетъ лично убѣдиться въ смерти своей возлюбленной и прикажетъ открыть ея гробъ; но когда онъ увидитъ человѣческую фигуру, облеченную въ саванъ, религіозный страхъ навѣрное воздержитъ его отъ дальнѣйшаго осмотра, и всѣ сомнѣнія исчезнутъ сами собой. Тогда, вмѣсто наказанія, ты можешь еще получить одобреніе своего супруга; онъ будетъ благодаренъ тебѣ и за твои заботы, и за то сочувствіе, какое ты выкажешь къ его горю.

Замыселъ старухи вполнѣ удовлетворилъ Зобейду; она немедленно приступила къ его осуществленію и повела дѣло такъ искусно, что кромѣ двухъ женщинъ, уже заранѣе посвященныхъ въ ея тайну, никто не усомнился въ естественной смерти Фатнабы; даже самъ Месруръ, начальникъ евнуховъ, ничего не подозрѣвая, дѣятельно помогалъ Зобейдѣ въ ея хлопотахъ по устройству памятника, усыпальницы и во всѣхъ другихъ приготовленіяхъ къ торжественнымъ похоронамъ.

Слухи о внезапной смерти Фатнабы распространились по всему городу, но Ганэмъ, почти не выходившій изъ своего дома, долго ничего не слыхалъ. За то, когда эта вѣсть случайно дошла и до него, имъ овладѣло въ первую минуту невыразимое волненіе; онъ бросился къ своей возлюбленной и, припавъ къ ея ногамъ, радостно воскликнулъ:—Дорогая моя, всѣ въ городѣ считаютъ тебя умершей, даже сама Зобейда, и ты не можешь себѣ представить, какое счастіе наполняетъ мою душу, когда я подумаю, что судьба именно меня избрала орудіемъ твоего спасенія... Праведное небо! неужели ты хочешь осуществить мои завѣтныя мечты!... А вѣдь теперь это возможно,—ничто уже не мѣшаетъ тебѣ соединить свою жизнь съ моею и всевластно царствовать надъ моимъ сердцемъ... Но что я, нѣтъ, это безумныя грезы!... Рабъ не долженъ забывать, что для него самимъ Богомъ наложенъ запретъ на всѣ блага, дарованныя господину. Ты принадлежишь калифу, и онъ единственный человѣкъ во всемъ мірѣ, достойный обладать тобою... Скажи, вѣдь нѣтъ для меня и не можетъ быть надежды на счастіе?...

Какъ ни довольна была Фатнаба этой пламенной рѣчью, однако она сочла за лучшее уклониться отъ прямого отвѣта и заговорила о томъ, какую опасную игру затѣяла Зобейда и какъ жестоко она можетъ поплатиться, несмотря на всю свою злобную хитрость.—Вѣдь такъ или иначе, а намъ удастся же извѣстить калифа, что я жива и здорова, и разсказать ему обо всемъ случившемся; значитъ все дѣло въ томъ, чтобы до его возвращенія никто не провѣдалъ о моемъ пребываніи у тебя, а тогда пусть моя соперница не жалуется на судьбу и понесетъ заслуженное наказаніе.

— Какіе тамъ слухи, когда у меня есть письмо отъ самой Фатнабы, и я жду только пробужденія его величества, чтобы сообщить ему радостную вѣсть. Забывшись, она произнесла эти слова такъ громко, что калифъ проснулся.—Что такое? воскликнулъ онъ сердито, кто осмѣлился потревожить мой сонъ?—Прости, государь, отвѣчала Нуронигара, я ужь не помню себя отъ радости съ той минуты, какъ узнала, что Фатнаба, возлюбленная госпожа моя, жива и здорова. Гарунъ-аль-Рашидъ порывисто поднялся.—Ты бредишь, промолвилъ онъ, задыхаясь отъ волненія, гдѣ жъ она, если такъ, и на чьей же могилѣ молился я каждый день?—Не знаю, государь, но что твоя любимица жива, это вѣрно. Сегодня какой то неизвѣстный человѣкъ доставилъ мнѣ письмо, написанное рукою Фатнабы, но я не осмѣлилась передать его тутъ же, видя, какъ твоему величеству необходимо отдохнуть....

— Давай, давай скорѣй! нетерпѣливо прервалъ ее калифъ, тебѣ не подъ какимъ предлогомъ не слѣдовало откладывать такого сообщенія....

Затѣмъ, взявъ письмо, онъ развернулъ его дрожащими руками и началъ читать. Оно заключало подробный разсказъ Фатнабы о ея погребеніи заживо и спасеніи отъ смерти, при чемъ она особенно много говорила о великодушіи и внимательной заботливости своего избавителя. Послѣднее обстоятельство разомъ охладило калифа и вмѣсто восторга пробудило въ немъ неодолимое чувство ревности. Калифъ забылъ о преступленіи Зобейды, до такой степени удручала его предполагаемая измѣна; полный негодованія, онъ вышелъ въ тронную залу, гдѣ обыкновенно принималъ своихъ сановниковъ, и велѣлъ позвать къ себѣ великаго визиря Джіафара. Когда тотъ явился и, преклонившись передъ трономъ, всталъ, чтобы выслушать приказаніе своего повелителя. Гарунъ-аль-Рашидъ сказалъ ему голосомъ, недопускавшимъ возраженій:— Я требую, чтобы ты сейчасъ же взялъ четыреста человѣкъ изъ моей дворцовой стражи и отправился съ ними въ помѣщеніе молодаго дамасскаго купца, по имени Ганэма, сына Абу-Айбу; самого его приведи ко мнѣ вмѣстѣ съ моей невольницей Фатнабой, а домъ, гдѣ она жила съ нимъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, разрушь и срой до основанія.

Великій визирь низко поклонился калифу и вышелъ, положивъ руку на голову, въ знакъ того, что скорѣе рѣшится потерять эту голову, чѣмъ нарушить данное ему приказаніе. Прежде всего онъ послалъ къ старшинѣ иностранныхъ торговцевъ тонкими полотнами и дорогими матеріями, чтобъ узнать отъ него о мѣстожительствѣ Ганэма, но старшина отвѣтилъ, что молодой купецъ давно уже не показывается въ безестанѣ, и хотя навѣрное неизвѣстно—совсѣмъ ли онъ прекратилъ свою торговлю, или по другимъ какимъ причинамъ не выходитъ изъ дому, но скорѣе можно полагать, что онъ еще не уѣзжалъ на родину и

проживаетъ въ Багдадѣ, въ домѣ одной купеческой вдовы, имя которой тутъ же было сообщено, а также и названіе улицы.

Получивъ эти свѣдѣнія, Джіафаръ приказалъ солдатамъ вооружиться ломами, кирками и другими орудіями разрушенія и отправился на указанное мѣсто. Домъ, занимаемый Ганэмомъ, стоялъ особнякомъ, въ концѣ города, такъ что великому визирю не трудно было окружить его со всѣхъ сторонъ.

Въ это время влюбленные, ничего не подозрѣвая, доканчивали свой обѣдъ; Фатнаба первая заслышала какой то шумъ, доносившійся извнѣ, и, выглянувъ въ окно, съ ужасомъ отшатнулась назадъ.—Мы погибли, воскликнула она; должно быть калифъ заподозрилъ меня въ измѣнѣ и вотъ прислалъ сюда чуть ли не цѣлую армію, чтобы захватить насъ. При этихъ словахъ Ганэмъ вскочилъ и остановился неподвижно, словно пораженный громомъ. — Вотъ что, дорогой мой, продолжала Фатнаба, ты долженъ бѣжать и скрыться куда нибудь, это единственное средство миновать бѣды... Домъ теперь навѣрное окруженъ со всѣхъ сторонъ вооруженными людьми, и выйти изъ него обыкновеннымъ способомъ невозможно... такъ нѣтъ ли у тебя наготовѣ полнаго одѣянія невольника?... Нарядись въ него, намажь себѣ сажей лицо и руки, захвати съ собой посуду и смѣло иди навстрѣчу стражѣ; я увѣрена, что тебя примутъ за трактирнаго слугу и пропустятъ безпрепятственно.—Но ты-то какъ же? Что будетъ съ тобою? тоскливо возразилъ Ганэмъ.—Обо мнѣ не безпокойся; я знаю нравъ калифа, знаю, какъ онъ любитъ меня, и увѣрена, что достаточно мнѣ встрѣтиться съ нимъ, чтобы все обошлось благополучно. Но тебя, какъ своего соперника, онъ не пощадитъ, особенно въ первую минуту, когда гнѣвъ его бываетъ необузданъ... Скорѣй же, другъ мой, бѣги, не теряя времени, а имущество оставь на мое попеченіе; впослѣдствіи я надѣюсь возвратить его въ цѣлости.

Скрѣпя сердце, Ганэмъ повиновался; онъ быстро очернилъ себѣ лицо, переодѣлся въ платье невольника и вышелъ изъ дому съ большой корзиной на головѣ, нагруженной посудой и разными остатками обѣда. Дѣйствительно никому, даже самому Джіафару, не пришло на мысль заподозрить въ этомъ черномъ негрѣ соперника его величества, и онъ былъ пропущенъ безъ задержки.

Пока Ганэмъ, обманувъ стражу, пробирался за черту города, великій визирь вошелъ въ домъ и направился въ ту комнату, гдѣ была Фатнаба. При его появленіи она встала съ софы и, низко склонивъ голову, проговорила смиренно:—Господинъ мой, навѣрное ты пришелъ сюда объявить мнѣ волю его величества калифа; говори же скорѣе, я готова подчиниться всякому приговору и безропотно приму хотя бы самую смерть.

— Прекрасная Фатнаба, воскликнулъ Джіафаръ, отвѣчая ей та-

кимъ же низкимъ поклономъ, кто же осмѣлился бы поднять на тебя руку! Я дѣйствительно посланъ калифомъ, но только затѣмъ, чтобы почтительно просить его любимицу пожаловать во дворецъ. Вмѣстѣ съ тобою мнѣ приказано привести и того молодаго купца, у котораго ты проживала до сихъ поръ.—Съ радостью повинуюсь велѣнію его величества и готова немедленно слѣдовать за твоею милостью; что же касается купца Ганэма, спасшаго мнѣ жизнь, то его теперь нѣтъ дома; онъ уже съ мѣсяцъ тому назадъ уѣхалъ въ Дамаскъ по какимъ то дѣламъ, а имущество свое оставилъ мнѣ на храненіе. Вотъ его сундуки и другія вещи, я просила бы тебя захватить все это во дворецъ, чтобы мнѣ можно было добросовѣстно выполнить порученіе. Джіафаръ ничего не имѣлъ противъ этого и, приказавъ солдатамъ взять все, что найдется въ домѣ, направился къ выходу, сопровождаемый Фатнабой. По дорогѣ онъ остановился на минуту передъ начальникомъ полиціи, находившимся также въ его отрядѣ, и сказалъ ему тихо:—Мнѣ думается, что молодой купецъ никуда не уѣзжалъ, а просто гдѣ нибудь спрятался; постарайся же какъ можно внимательнѣе обыскать весь домъ и потомъ предай его разрушенію.

Не успѣлъ великій визирь дойти до дворца, какъ получилъ уже извѣстіе, что домъ разрушенъ до основанія и въ немъ не осталось камня на камнѣ, но Ганэмъ нигдѣ не найденъ, несмотря на самый тщательный обыскъ. Это сильно встревожило Джіафара; зная вспыльчивость калифа, онъ не безъ основанія опасался за судьбу Фатнабы, а также и за свою собственную.

Дѣйствительно, когда Гарунъ-аль-Рашидъ узналъ, что молодой купецъ ускользнулъ изъ его рукъ, онъ пришелъ въ такую ярость, что не только не повѣрилъ никакимъ оправданіямъ, но даже не захотѣлъ ихъ и выслушать, а прямо велѣлъ Месруру, начальнику евнуховъ, заключить Фатнабу въ темную башню, построенную въ оградѣ дворца и служившую тюрьмой для преступниковъ, уличенныхъ въ оскорбленіи величества.

Месруръ, всегда покорный монаршей волѣ, и на этотъ разъ повиновался безпрекословно, хотя въ душѣ не могъ не жалѣть о горькой участи такой молодой и прекрасной женщины. А гнѣвъ калифа все еще не остывалъ, подъ его вліяніемъ онъ прогналъ отъ себя великаго визиря и, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, написалъ собственноручно такое посланіе Сирійскому царю:

Письмо калифа Гарунъ-аль-Рашида Магомету Зинбею властителю Сиріи.

„Государь и братъ! Увѣдомляю тебя, что одинъ молодой дамасскій купецъ по имени Ганэмъ, сынъ Абу-Айбу, имѣлъ дерзость соблазнить

мою одалиску. Такое преступленіе не должно оставаться безнаказаннымъ, и я требую, чтобы въ силу данной тебѣ власти ты употребилъ всѣ старанія отыскать означеннаго купца и подвергъ его слѣдующему наказанію: По заключеніи въ кандалы, прикажи отпускать ему втеченіи трехъ дней по пятидесяти ударовъ ременной плетью и въ то же время водить его по всему городу съ глашатаями впереди, пусть вѣдаетъ народъ, какое позорное наказаніе ожидаетъ того, кто осмѣлится посягнуть на честь монарха. Все имущество его отдай на разграбленіе, домъ вели разрушить и мусоръ вывезти въ поле. Когда сдѣлаешь все, какъ сказано, пришли преступника въ Багдадъ для окончательной расправы. Кромѣ того, я хочу, чтобы и близкіе его родные потерпѣли болѣе или менѣе тяжкое наказаніе, если у него есть отецъ, мать, братья или сестры, лиши ихъ всего достоянія, выгони изъ домовъ; пусть ихъ также съ позоромъ водятъ по всему городу три дня подрядъ и никто подъ страхомъ смерти не даетъ имъ ни пристанища, ни пищи, ни питья. Надѣюсь, ты исполнишь мою волю. Прощай".

„Гарунъ-аль-Рашидъ".

Окончивъ письмо, калифъ призвалъ гонца и велѣлъ ему немедленно отправиться въ Дамаскъ, чтобы лично передать посланіе Магомету Зинбею, сирійскому царю. Онъ приказалъ также захватить съ собой нѣсколько голубей и съ ихъ помощью поскорѣе увѣдомить, такъ ли будетъ выполнено его распоряженіе.

Багдадскіе голуби отличаются замѣчательнымъ свойствомъ: какъ бы далеко ихъ ни завезли, они всегда вернутся назадъ, особенно если дома у нихъ остаются птенцы. Поэтому, при передачѣ спѣшнаго извѣстія на далекомъ разстояніи, ими пользуются, какъ самыми быстрыми почтарями въ мірѣ.

Гонецъ исполнилъ въ точности повелѣніе своего государя, нѣсколько дней и ночей онъ скакалъ, почти не останавливаясь, а по прибытіи въ Дамаскъ прямо отправился во дворецъ, гдѣ о немъ тотчасъ же доложили царю. Зинбей принялъ его въ торжественной аудіенціи, возсѣдая на тронѣ; но лишь только взялъ въ руки посланіе калифа, какъ въ ту же минуту всталъ, благоговѣйно поцѣловалъ его и возложилъ себѣ на голову, въ знакъ того, что всякое слово повелителя правовѣрныхъ для него свято, какъ Алкоранъ. Затѣмъ, съ такимъ же благоговѣніемъ, онъ вскрылъ конвертъ и, узнавъ содержаніе, приказалъ своему великому визирю немедленно приготовить коня для царскаго выѣзда, собрать отрядъ дворцовой стражи и вызвать начальника полиціи со всѣми подчиненными ему людьми. Когда все было готово, Зинбей самъ во главѣ отряда отправился къ дому Ганэма, сына Абу-Айбу.

А тамъ, въ этомъ домѣ, и безъ того уже давно водворилось горе; съ самаго отъѣзда Ганэма не получая о немъ никакого извѣстія, мать

считала его умершимъ и неутѣшно оплакивала день и ночь. Она устроила во дворѣ небольшое зданіе вродѣ усыпальницы со склепомъ, помѣстила туда деревянное изображеніе своего сына и почти все время проводила тамъ вмѣстѣ съ дочерью, Алколубой, въ горькихъ слезахъ и стенаніяхъ о безвозвратной утратѣ. Этотъ непрерывный плачъ, эта скорбь, отвергавшая всякую возможность утѣшенія, возбуждали состраданіе въ сосѣдяхъ, и не было человѣка, который не относился бы къ этимъ женщинамъ съ глубокимъ сочувствіемъ.

Въ тотъ день, когда Зинбей явился исполнить волю калифа, мать и дочь по обыкновенію сидѣли у гробницы, погруженныя въ свою печаль. На стукъ вышла служанка и только что успѣла отпереть дверь, какъ царь ворвался въ домъ во главѣ вооруженной свиты.

Невольница, до тѣхъ поръ никогда не видала царя, а теперь, судя по его величавому виду и роскошной одеждѣ, заключила, что это долженъ быть одинъ изъ высшихъ сановниковъ государства, и не безъ робости освѣдомилась, что угодно его милости.

— Гдѣ Ганэмъ? строго спросилъ ее Зинбей.—Ахъ, господинъ мой, отвѣчала рабыня, нашего молодого хозяина уже нѣтъ на свѣтѣ, онъ давно скончался, и съ той поры его бѣдная мать и сестра непрерывно оплакиваютъ свою тяжкую утрату. Если угодно, я проведу тебя къ нимъ. Царь не повѣрилъ словамъ служанки и, обратившись къ начальнику полиціи, приказалъ ему обыскать весь домъ, а самъ отправился въ усыпальницу.

При его появленіи обѣ женщины поспѣшно набросили покрывала на лица и встали, вдова же Абу-Айбу, узнавъ своего государя, бросилась къ его ногамъ, обливаясь горькими слезами. Зинбей, человѣколюбивый и добрый по природѣ, былъ сильно растроганъ этой сценой; онъ самъ приподнялъ старуху и милостиво сказалъ ей:—Встань, о чемъ ты плачешь преждевременно? Лучше скажи, гдѣ сынъ твой Ганэмъ? — О, нѣтъ у меня больше сына! отчаянно воскликнула мать, всплеснувъ руками,—онъ умеръ... и умеръ на чужбинѣ, такъ что я даже была лишена послѣдняго утѣшенія—самой закрыть ему глаза... Она хотѣла продолжать, но горькія рыданія не давали ей выговорить больше ни слова.

Въ эту минуту подошелъ начальникъ полиціи и тихо сообщилъ государю, что по всему дому произведенъ самый тщательный обыскъ, но Ганэма нигдѣ не нашли. Это окончательно убѣдило Зинбея въ его смерти, и онъ съ грустью подумалъ: — Бѣдныя женщины, вы и не подозрѣваете, что я пришелъ довершить ваше несчастіе. Жестокій калифъ! Зачѣмъ онъ противъ моей воли дѣлаетъ меня орудіемъ несправедливости... Если Ганэмъ и дѣйствительно провинился передъ нимъ, за что же карать неповинныхъ?... Однакожь, несмотря на всѣ эти размышленія, ему даже и въ голову не пришло уклониться отъ исполненія высочай-

шей воли; онъ ограничился только тѣмъ, что снялъ свой широкій царскій плащъ и прикрылъ имъ беззащитныхъ женщинъ, чтобы этимъ способомъ предохранить ихъ отъ оскорбленій черни. Затѣмъ онъ молча подалъ знакъ, и тотчасъ же вся толпа, собравшаяся на улицѣ, ринулась въ домъ и начала разграбленіе. Дорогіе персидскіе ковры, золотая и серебряная посуда, запасныя деньги, одежда,—все, что представляло хоть какую-нибудь цѣнность, было расхищено въ одну минуту, и вслѣдъ за тѣмъ приступили къ разрушенію самого дома. Мать и дочь въ безмолвномъ ужасѣ глядѣли на этотъ разгромъ, который поражалъ ихъ тѣмъ болѣе, что онѣ не могли понять причины такого варварства. Когда все было кончено и отъ дома не осталось камня на камнѣ, царь Зинбей приказалъ обѣимъ женщинамъ слѣдовать за нимъ во дворецъ.

— Не удивляйтесь моему поступку, сказалъ онъ имъ дорогой,—я только исполняю въ точности повелѣніе калифа и, какъ ни тяжело мнѣ это, долженъ исполнить его до конца; вамъ предстоитъ еще позорное шествіе по всему городу... При этомъ въ голосѣ его звучало искреннее состраданіе къ несчастнымъ женщинамъ, и очевидно было, что онъ дѣйствуетъ помимо воли, подъ вліяніемъ боязни навлечь на себя немилость грознаго владыки и потерять свой тронъ.

Какъ бы то ни было, но на слѣдующій день, по распоряженію Зинбея, обѣихъ женщинъ облекли въ грубыя волосяныя хламиды и въ такомъ видѣ повели по многолюднымъ дамасскимъ улицамъ. Впереди этого позорнаго шествія ѣхали верхомъ, на коняхъ, два глашатая и время отъ времени громко выкрикивали: „Смотрите, граждане, какое наказаніе ожидаетъ того, кто осмѣлится прогнѣвить повелителя правовѣрныхъ“! Но всеобщее уваженіе ограждало этихъ несчастныхъ отъ глумленій толпы; въ ней поднимался ропотъ негодованія, и не было человѣка, который бы въ глубинѣ души не осудилъ жестокости калифа. Особенно сильное сочувствіе вызывала красавица Алколуба: юная, стройная, полная граціи и чарующей прелести, съ распущенными волнистыми волосами, ниспадавшими до пятъ, она казалась олицетвореніемъ кроткой невинности. Женщины, смотрѣвшія на нее изъ-за оконныхъ занавѣсокъ, не могли воздержаться отъ слезъ и громкихъ негодующихъ возгласовъ противъ безчеловѣчія верховной власти.

Къ вечеру обѣихъ женщинъ снова привели во дворецъ, гдѣ отъ чрезмѣрной усталости, а главное отъ нравственной пытки, вынесенной ими въ теченіе дня, онѣ лишились чувствъ. Узнавъ объ этомъ, супруга царя Зинбея, движимая состраданіемъ, не побоялась нарушить запрещеніе калифа; она послала на помощь несчастнымъ двухъ своихъ прислужницъ и поручила имъ употребить всѣ старанія къ облегченію ихъ участи. Когда, послѣ заботливаго ухода, и мать и дочь очнулись отъ обморока, невольницы разсказали имъ о сердечномъ участіи царицы,

подкрѣпили ихъ ослабѣвшія силы пищей и виномъ, а потомъ разъяснили причину незаслуженной кары, которой онѣ подверглись по волѣ Гарунъ-аль-Рашида:—Говорятъ, что сынъ твой Ганэмъ, передавала одна изъ рабынь, соблазнилъ Фатнабу, любимую одалиску калифа, и тѣмъ возбудилъ его гнѣвъ, а такъ какъ главнаго виновника не удалось захватить, то вотъ и приходится вамъ нести наказаніе.—Такъ сынъ мой живъ? радостно воскликнула мать. О, Боже милостивый, благодарю Тебя за Твою великую милость и отъ всего сердца прощаю своимъ обидчикамъ. Изъ любви къ дорогому Ганэму я готова на все и безропотно перенесу еще большія страданія. Надѣюсь и ты, дочь моя, проявишь такую же твердость.—Матушка, съ живостью отвѣчала Алколуба, развѣ я думала когда-нибудь отдѣлять свою судьбу отъ твоей? Все у насъ должно быть общее—и радости и горе...—Такъ, такъ, моя милая, иного я и не ждала отъ твоего любящаго сердца. Теперь у меня стало легче на душѣ, не все для насъ потеряно, если только живъ мой Ганэмъ, а что онъ не можетъ быть виновенъ, въ этомъ не разубѣдятъ меня никакіе навѣты. Не сама ли я его воспитала, не сама ли внушила ему правила нравственности и уваженіе къ особѣ повелителя правовѣрныхъ... Богъ разсудитъ насъ когда нибудь и оправдаетъ невинныхъ, а пока—пусть творится Его святая воля! И она умолкла, поникнувъ головой, благоговѣйно сложивъ руки, какъ бы для молитвы; Алколуба съ любовью взглянула на мать и тоже мысленно стала молиться, не нарушая молчанія, а невольницы почтительно отошли въ сторону.

На другой и на третій день несчастныхъ снова водили по городу въ тѣхъ же одеждахъ, но жители Дамаска отнеслись къ этому уже совершенно иначе: не только вокругъ нихъ не собиралось праздной толпы, не только никто не хотѣлъ слѣдовать за ними, но даже случайные прохожіе сворачивали въ сторону или прятались въ домахъ. Женщины, заслышавъ глашатаевъ, спѣшили опустить занавѣски и уходили во внутренніе покои. Вскорѣ на дамасскихъ улицахъ не осталось ни одной души, городъ казался словно вымершимъ, и это умышленное невниманіе къ совершаемому позору служило нѣмымъ, но выразительнымъ протестомъ противъ жестокой несправедливости калифа.

Между тѣмъ царь Зинбей, не рѣшаясь отступать отъ точнаго исполненія высочайшей воли, объявилъ черезъ особыхъ глашатаевъ по всему Дамаску и по всѣмъ его окрестностямъ, что кто осмѣлится дать осужденнымъ женщинамъ убѣжище, или пищу, или даже хоть каплю воды, тотъ, въ силу указа повелителя правовѣрныхъ, немедленно подвергнется смертной казни.

Эта угроза сильно подѣйствовала на городскихъ жителей и до того напугала ихъ, что когда мать и дочь, отпущенныя на свободу, появились на улицѣ, всѣ стали сторониться отъ нихъ, какъ отъ зачумлен-

ныхъ; даже друзья и знакомые, при встрѣчѣ съ ними, или отворачивались, или переходили на другую сторону улицы.—Что же это такое, съ грустью восклицала мать Ганэма, неужели мы дѣйствительно такъ опозорены, что всѣ стыдятся даже узнавать насъ? Пойдемъ отсюда, дочь моя, лучше умереть въ пустынѣ, чѣмъ выносить это обидное, ничѣмъ незаслуженное презрѣніе... Она говорила такъ, потому что не знала объ указѣ калифа, запрещавшемъ подъ страхомъ смерти оказывать какое либо сочувствіе осужденнымъ. Онѣ вышли изъ города и пріютились въ одной заброшенной, полуразвалившейся хижинѣ, гдѣ рѣшили провести ночь. Когда совсѣмъ стемнѣло, какіе то благочестивые люди тайно принесли имъ хлѣба и вина, но въ ту же минуту поспѣшили скрыться, очевидно боясь, чтобы кто нибудь не увидалъ ихъ и не донесъ начальнику полиціи.

На другой день царь Зинбей, посредствомъ выпущеннаго голубя, извѣстилъ калифа обо всемъ, что было сдѣлано по его приказанію, и просилъ дальнѣйшихъ распоряженій. На это донесеніе послѣдовалъ такой отвѣтъ: „Выгнать изъ Дамаска вдову и дочь Абу-Айбу, оставить ихъ безъ всякой помощи и не допускать ни малѣйшаго снисхожденія“.

Вѣрный своему долгу, Зинбей исполнилъ и это приказаніе; онъ велѣлъ своимъ людямъ отвести осужденныхъ женщинъ на тридцать лигъ отъ города и оставить ихъ среди пустыни. Однакожъ слуги, выполнявшіе этотъ жестокій приговоръ, оказались человѣчнѣе своихъ повелителей: они снабдили несчастныхъ небольшимъ запасомъ хлѣба и дали имъ нѣсколько мелкихъ монетъ, чтобы хотя на первое время избавить ихъ отъ голодной смерти.

Оставшись однѣ, мать и дочь побрели наудачу, держась прямаго направленія, и послѣ долгаго перехода—измученныя, удрученныя горемъ, пришли наконецъ къ какой-то деревнѣ, гдѣ ихъ тотчасъ же окружила толпа любопытныхъ. Своимъ жалкимъ, несчастнымъ видомъ обѣ путницы возбудили всеобщее состраданіе, и, несмотря на ихъ грубую одежду, многіе сразу догадались, что онѣ принадлежатъ не къ простому сословію. Вдова Абу-Айбу не отрицала этихъ предположеній, хотя говорить она почти не могла и на всѣ распросы отвѣчала только горькими слезами. Нѣкоторыя изъ деревенскихъ женщинъ, особенно сильно тронутыя ихъ несчастіемъ, поспѣшили предложить пристанище; онѣ покормили голодныхъ странницъ, дали имъ простое, но удобное платье взамѣнъ волосяныхъ хламидъ, и повязали ихъ не покрытыя головы.

На утро слѣдующаго дня, горячо поблагодаривъ гостепріимныхъ женщинъ, изгнанницы оставили деревню и пошли по направленію къ городу Алепо; дорогой онѣ часто останавливались, заходили въ общественныя столовыя, гдѣ даромъ получали хлѣбъ и вареный рисъ, раздаваемые всѣмъ странникамъ, не имѣющимъ возможности кормиться на

свой счетъ. Къ вечеру онѣ обыкновенно старались приблизиться къ какой нибудь мечети и располагались на ночлегъ или около, или внутри ея, ложась на циновки, если онѣ тамъ были, а если нѣтъ, засыпали на голомъ полу.

Такъ, мало помалу, онѣ добрались наконецъ до Алепо, но остановились въ немъ только на самый короткій отдыхъ и пошли далѣе черезъ Евфратъ въ Месапотамію, а оттуда въ Муссулъ. Цѣлью ихъ путешествія былъ Багдадъ, куда онѣ стремились какъ то безотчетно, побуждаемыя тайной надеждой встрѣтить тамъ Ганэма. Почему имъ такъ думалось, онѣ и сами не знали; можно ли было предположить, чтобы опальный юноша оставался въ городѣ, гдѣ ему каждую минуту грозила смертная казнь? И тѣмъ не менѣе—только эта надежда, доходившая до увѣренности, давала имъ силу и мужество бороться съ трудностями пути и терпѣливо переносить свое несчастіе.

Но мы оставимъ ихъ на время и возвратимся къ Фатнабѣ, которая со дня разлуки съ Ганэмомъ все продолжала томиться въ мрачномъ заключеніи. Можетъ быть, она съ бо́льшимъ спокойствіемъ относилась бы къ своему положенію, еслибы терпѣла она одна и за какой нибудь дѣйствительный проступокъ; но мысль, что она страдаетъ безвинно и въ то же время навлекаетъ несчастіе на другого, любимаго ею человѣка,—приводила ее въ отчаяніе. Непрестанно вспоминая о своей счастливой жизни у Ганэма, о его сдержанной любви и нѣжной заботливости, она чувствовала такую невыносимую тяжесть на сердцѣ, что, не находя ей исхода и не владѣя собою, громко выражала свои жалобы на несправедливость судьбы.

Въ одну изъ такихъ минутъ, при наступленіи ночи, Гарунъ-аль-Рашидъ вышелъ изъ дворца, чтобы пройтись по городу. Извѣстно, что этотъ монархъ любилъ ночныя прогулки, которыя часто давали ему возможность узнавать изъ жизни народа то, что никогда не дошло бы до его свѣдѣнія иными путями. Такъ случилось и теперь: проходя мимо темной башни, онъ заслышалъ знакомый женскій голосъ и остановился подъ вліяніемъ какого-то безотчетнаго чувства. Въ это время Фатнаба говорила:

— И за что же, Боже мой, за что посылаешь ты намъ такую кару!... Неужели спасти жизнь человѣку—преступно, неужели нельзя ни помочь несчастному, ни укрыть его отъ бѣды, безъ того, чтобы самому не пострадать за это?... Гдѣ же тутъ справедливость?... Бѣдный мой, великодушный Ганэмъ, сколько горя и мученія принесли тебѣ твоя честность, твоя покорность долгу!... Не ты ли говорилъ мнѣ: „Рабъ не долженъ касаться достоянія своего властелина“,—и вотъ тебѣ награда за вѣрность, за уваженіе къ верховной власти. Ты опозоренъ, изгнанъ, раззоренъ, у тебя нѣтъ минуты, когда бы ты не дрожалъ за свое жалкое

существованіе... О, подскажетъ ли калифу его сердце и совѣсть, что не затѣмъ дано ему могущество, чтобы губить неповинныхъ, вспомнитъ ли онъ наконецъ, что есть праведный Богъ, который разсудитъ его дѣла, что сами ангелы небесные будутъ свидѣтельствовать противъ него передъ престоломъ Всевышняго...

Тутъ слова несчастной узницы прервались рыданіями, но и того, что разслышалъ калифъ, было вполнѣ достаточно, чтобы заставить его задуматься. Честный и добрый по природѣ, онъ всегда возмущался несправедливостью, гдѣ бы она ни проявилась, искренно ненавидѣлъ всякую неправду, поэтому внезапная мысль, что имъ осуждены неповинные, поразила его отрезвленный умъ и глубоко запала ему въ душу. Поспѣшно вернувшись во дворецъ, онъ велѣлъ начальнику евнуховъ тотчасъ же освободить и привести Фатнабу.

Прекрасная и кроткая одалиска возбуждала къ себѣ сочувствіе всѣхъ придворныхъ, а старикъ Месруръ питалъ къ ней особенное расположеніе; увѣренный, что теперь въ ея судьбѣ произойдетъ перемѣна къ лучшему, онъ, не медля ни минуты, отправился къ заключенной и радостно объявилъ:—Госпожа моя, калифъ желаетъ тебя видѣть, а это значитъ, что высочайшій гнѣвъ смѣнился милостію. Надѣюсь, ты не возвратишься болѣе въ свою мрачную темницу, и радуюсь отъ души. Фатнаба поблагодарила его за доброе участіе и не безъ волненія послѣдовала за нимъ во дворецъ. Когда они вошли, Гарунъ-аль-Рашидъ сидѣлъ на софѣ въ своей опочивальнѣ; лицо его было серьезно, задумчиво, но не гнѣвно. Приблизившись на нѣсколько шаговъ, одалиска остановилась, подавленная смушеніемъ, потомъ подъ вліяніемъ какого то безсознательнаго порыва бросилась къ ногамъ повелителя и, молча преклонившись ницъ, залилась слезами.—Встань, Фатнаба, спокойно сказалъ калифъ; ты, кажется обвиняешь меня въ несправедливости, такъ укажи мнѣ, гдѣ и въ чемъ она проявилась. Какъ и всякій другой человѣкъ, я, конечно, могу ошибаться, но никогда еще во всю жизнь не допускалъ умышленной, сознательной неправды.

— Государь, воскликнула Фатнаба, понявъ, что рѣчи ея въ башнѣ были услышаны, прости, если въ минуту отчаянія у меня вырвалось что нибудь обидное для твоего величества. Въ своемъ одиночествѣ я думала вслухъ и говорила о Ганэмѣ, о томъ самомъ дамасскомъ купцѣ, который спасъ мнѣ жизнь и далъ убѣжище отъ гоненій враговъ... Тогда мнѣ казалось, что этотъ великодушный поступокъ не можетъ быть не одобренъ твоимъ величествомъ, однакожь я ошиблась: ты почему-то прогнѣвался на насъ обоихъ и, не разобравъ дѣла, осудилъ Ганэма, какъ преступника, а между тѣмъ стоило только выслушать меня, чтобъ убѣдиться въ его полной невиновности... Не хочу скрывать отъ тебя, государь, что въ первую минуту, когда ему не было еще извѣстно, кто

я, онъ горячо увлекся мною и, можетъ быть, втайнѣ надѣялся на взаимность, но какъ только узналъ, что я принадлежу твоему величеству, сразу отдалился и съ тѣхъ поръ ни единымъ словомъ не нарушилъ должнаго почтенія къ избранницѣ своего властелина.

— Но кто же мнѣ поручится, что ты говоришь правду? возразилъ калифъ. — Государь, отвѣчала одалиска, каждый, кто знаетъ Фатнабу, можетъ свидѣтельствовать, что ложь не сродна ей, и непривычна; дозволь же мнѣ быть искренней до конца и открыть передъ твоимъ величествомъ даже свои мимолетные, тайные помыслы.—Говори, говори смѣло, дочь моя, промолвилъ калифъ съ видимымъ волненіемъ, — каковы бы они ни были, твоя искренность все искупитъ и все оправдаетъ передо мной.—Я вѣрю въ твое великодушіе, государь, какъ въ милосердіе Божіе, продолжала Фатнаба, и сознаюсь безъ страха, что затаенная любовь моего избавителя, проявлявшаяся въ такой нѣжной заботливости обо мнѣ, въ такой почтительной преданности, не могла остаться безотвѣтной. Помимо своей воли, даже сама того не сознавая, я полюбила его глубоко, и не разъ въ минуты душевной слабости это чувство прорывалось наружу, но, вѣрный своему долгу, Ганэмъ какъ будто не замѣчалъ его; непоколебимое уваженіе къ твоему величеству превозмогало въ немъ даже могучую силу любви.

Всякому другому такое откровенное признаніе могло бы показаться обиднымъ, но калифъ любилъ, когда ему говорили правду, и не сердился, если она затрогивала его самолюбіе. Онъ милостиво протянулъ руку Фатнабѣ и, посадивъ ее рядомъ съ собой на софу, сказалъ ей съ ободряющей лаской:—Я вижу теперь, что ты хорошая, правдивая женщина, не способная на обманъ; такъ повѣдай же мнѣ по порядку все, что было съ тобою во время моего отсутствія. Фатнаба исполнила это умно и съ большимъ тактомъ: она вскользь упомянула о жестокомъ поступкѣ Зобейды, но за то подробно распространилась о честности и великодушіи Ганэма, особенно стараясь поставить на видъ его искреннее, глубокое уваженіе къ особѣ повелителя. Подконецъ, когда пришлось разсказать безъ утайки и о бѣгствѣ молодого купца, она ловко добавила:—Много труда мнѣ стоило заставить его бѣжать; онъ отвергалъ упорно это единственное средство спасенія, не хотѣлъ уклоняться даже отъ гнѣва твоего величества, хотя не заслужилъ его ничѣмъ.— Все это хорошо, замѣтилъ калифъ, я вѣрю тебѣ, но объясни, почему ты такъ долго не давала о себѣ вѣсти?—Я уже имѣла честь докладывать твоему величеству, отвѣчала Фатнаба, что Ганэмъ за послѣднее время почти не выходилъ изъ дому, вотъ почему слухъ о твоемъ возвращеніи дошелъ до насъ не скоро, а потомъ нужно было найти удобный случай передать письмо; вѣдь доступъ во дворецъ далеко не такъ легокъ и простъ, какъ это, можетъ быть, представляется тебѣ, государь.

— Да, пожалуй, ты права, задумчиво проговорилъ калифъ; теперь я сознаю свою ошибку и очень, очень желалъ бы ее загладить. Скажи мнѣ, что я долженъ сдѣлать для Ганэма?

При этихъ словахъ Фатнаба, въ порывѣ горячей благодарности, снова упала къ его ногамъ и промолвила сквозь слезы, прерывающимся голосомъ:—О, государь, твое великодушіе превышаетъ всѣ мои ожиданія... даруй же Ганэту полное прощеніе, вотъ все, о чемъ я осмѣливаюсь молить твое величество.

— Это уже сдѣлано, сказалъ повелитель, но мнѣ надо еще вознаградить его за спасеніе твоей жизни, а главное — за тѣ бѣдствія и страданія, какія ему пришлось безвинно потерпѣть со всѣмъ своимъ семействомъ... Какъ думаешь, сочтетъ ли онъ себя удовлетвореннымъ, если ты будешь его женой?—Но Фатнаба уже не въ силахъ была произнести ни слова и только покрывала поцѣлуями ноги калифа. Затѣмъ она встала по его приказанію и удалилась въ тѣ покои, что занимала до начала своего бѣдствія. Тамъ вся роскошная обстановка оставалась въ прежнемъ видѣ, ни одна вещь, казалось, не была тронута съ мѣста за время отсутствія одалиски; но ея радостное удивленіе еще увеличилось, когда, отворивъ одну изъ запертыхъ дверей, она увидала въ сохранности все драгоцѣнное имущество своего возлюбленнаго, которое Месруръ позаботился перенести къ ней и бережно размѣстилъ въ отдѣльной комнатѣ.

На другой же день калифъ приказалъ объявить по всей странѣ, что онъ прощаетъ Ганэма, сына Абу-Айбу, и требуетъ его къ себѣ во дворецъ. Однако прошло еще много времени прежде, чѣмъ Ганэмъ узналъ объ этомъ объявленіи, а между тѣмъ Фатнаба, истомленная тоской ожиданія, не разъ уже рѣшала въ душѣ своей, что онъ умеръ, и то впадала въ отчаяніе, то снова оживлялась подъ вліяніемъ надежды, этой благодатной искры, никогда не угасающей въ юныхъ сердцахъ; ея воображеніе часто представляло его живымъ, неизмѣнно-любящимъ и нѣжнымъ, только еще болѣе несчастнымъ, чѣмъ прежде. Терзаемая этими разнородными ощущеніями, она рѣшилась наконецъ обратиться къ калифу съ просьбой дозволить ей самой принять участіе въ розыскахъ Ганэма, а получивъ позволеніе, тотчасъ же снарядилась въ путь, захватила съ собой тысячу золотыхъ монетъ и выѣхала изъ дворца на богато убранномъ мулѣ, въ сопровожденіи двухъ черныхъ евнуховъ, охранявшихъ ее съ обѣихъ сторонъ.

Разумѣется, она не могла разсчитывать на свои слабыя силы, а надѣялась только на помощь свыше, да на какую нибудь счастливую случайность, и съ этой надеждой объѣхала всѣ мечети, всюду раздавая щедрыя милостыни нищимъ, осыпая дарами священнослужителей, чтобъ

они усерднѣе молили Бога о соединеніи двухъ несчастныхъ, разлученныхъ судьбой.

На другой день она снова запаслась такимъ же количествомъ цехиновъ и отправилась къ купеческому старшинѣ, который славился своей благотворительностью; въ особенности онъ любилъ покровительствовать бѣднымъ иностранцамъ, потерпѣвшимъ какое либо несчастіе, и употреблялъ для этой цѣли пятую часть всѣхъ своихъ доходовъ. Остановившись около его лавки и не сходя съ мула, Фатнаба послала одного изъ своихъ евнуховъ доложить о ея прибытіи, когда же старшина къ ней вышелъ, она подала ему кошелекъ съ цехинами и сказала: „Не откажи, почтенный отецъ, принять отъ меня этотъ незначительный даръ, чтобы и я могла участвовать въ твоихъ добрыхъ дѣлахъ, особенно въ помощи иностранцамъ, въ облегченіи ихъ участи на чужой сторонѣ.

— Милостивая госпожа, отвѣчалъ старикъ, сразу догадавшись, что передъ нимъ одна изъ высокопоставленныхъ особъ, я съ благодарностью принимаю твое щедрое приношеніе и постараюсь употребить его съ пользой; но если ты желаешь непосредственно принять участіе въ добромъ дѣлѣ, то не угодно ли тебѣ взглянуть на двухъ чужестранокъ, еще только вчера прибывшихъ въ Багдадъ. Я случайно повстрѣчалъ ихъ на улицѣ, и, признаюсь, онѣ поразили меня своимъ особенно жалкимъ, какимъ то убитымъ видомъ. Здѣсь, очевидно, не простая нищета, съ которой мнѣ такъ часто приходилось имѣть дѣло, а горе, и глубокое, всепроникающее горе. Я не успѣлъ еще узнать, кто онѣ и откуда, такъ какъ разспросы неумѣстны, когда люди болѣе всего нуждаются въ отдыхѣ; но, несмотря на ихъ рубища, на ихъ истомленныя, загорѣлыя лица, можно ручаться, что эти женщины принадлежатъ не къ простому сословію. Если угодно, я проведу тебя къ нимъ; онѣ находятся въ настоящее время на попеченіи моей жены.

Фатнаба поспѣшно приняла предложеніе, но, не желая утруждать старика, отправилась въ сопровожденіи его невольника. Какое-то странное, никогда еще не испытанное чувство овладѣло всѣмъ ея существомъ, когда она переходила черезъ внутренній дворъ въ женское отдѣленіе дома. Ей страстно хотѣлось поскорѣе увидѣть этихъ странницъ, но почему, и что вызвало это внезапное желаніе,—она и сама не могла бы объяснить себѣ. Супруга старшины, предупрежденная о ея посѣщеніи, вышла къ ней навстрѣчу и преклонилась до земли, что сильно смутило Фатнабу, и она проговорила взволнованнымъ голосомъ:—Зачѣмъ это... Встань, ради Бога... Я пришла сюда не ради почестей, а чтобы поучиться у васъ творить добро своимъ ближнимъ... Лучше позволь мнѣ взглянуть на тѣхъ женщинъ, которымъ ты дала пріютъ.

Хозяйка скромно опустила глаза и указала на двѣ небольшія, но удобныя софы, стоявшія рядомъ. На одной изъ нихъ лежала исхудалая

пожилая женщина, на другой—прекрасная, юная, хотя не менѣе изнуренная нуждой и горемъ. Теперь уже не трудно догадаться, что то были вдова Абу-Айбу и ея дочь Алколуба.

Фатнаба приблизилась къ первой, поклонилась и, пристально всматриваясь въ нее, проговорила вполголоса:—Прости, если я обезпокоила тебя своимъ посѣщеніемъ, но меня привлекло сюда сердечное, искреннее желаніе облегчить вашу участь. Въ Багдадѣ я не безъизвѣстна, пользуюсь даже нѣкоторымъ вліяніемъ при дворѣ и готова сдѣлать для васъ все, что только будетъ въ моихъ силахъ.—Дорогая госпожа моя, отвѣчала мать Ганэма, да вознаградитъ тебя милосердый Богъ за твое состраданіе къ несчастнымъ, за твои великодушныя слова. Видно, не совсѣмъ еще покинулъ Онъ насъ, если посылаетъ утѣшеніе въ бѣдствіи... При этомъ она такъ горько заплакала, что ни одна изъ присутствовавшихъ женщинъ не могла удержаться отъ слезъ.

— Но въ чемъ же твое несчастіе? спросила наконецъ Фатнаба, превозмогая волненіе, что такъ сокрушаетъ тебя? Разскажи мнѣ, повѣдай все безъ утайки,—можетъ быть, я и въ состояніи помочь.—Едва ли, печально промолвила старуха, вѣдь надъ нами тяготѣетъ монаршій гнѣвъ, а онъ неумолимъ и непреклоненъ... Разсказать свою исторію я могла бы всенародно, не боясь порицаній, потому что за нами нѣтъ и не было никакой вины; причиною же всѣхъ нашихъ несчастій послужила Фатнаба, любимица калифа. Можетъ быть, ты слыхала о ней?—Фатнаба!.. испуганно вскрикнула одалиска, вся вспыхнувъ отъ смущенія.—О, да, я хорошо ее знаю, но, заклинаю тебя, говори,

какъ это случилось? — Прежде всего, продолжала старуха, нужно тебѣ сказать, что мы родомъ изъ Дамаска; я вдова тамошняго богатаго купца Абу-Айбу, а эта дѣвушка — дочь моя Алколуба. Единственный, любимый сынъ мой, по имени Ганэмъ, еще вначалѣ прошлаго года отправился въ Багдадъ по своимъ торговымъ дѣламъ и съ тѣхъ поръ не возвращался, не давалъ даже никакой вѣсти о себѣ. Долго ждала я его, не теряя надежды, наконецъ отчаялась и, считая умершимъ, стала оплакивать день и ночь, какъ вдругъ еще новое, неожиданное бѣдствіе разразилось надъ нами. Въ одно утро ко мнѣ явился сирійскій царь Зинбей съ отрядомъ вооруженной стражи и, не объясняя причины, повелѣлъ разграбить все наше имущество, разрушить домъ до основанія, а насъ самихъ съ позоромъ водить по городу въ теченіе трехъ дней и затѣмъ навсегда изгнать изъ предѣловъ государства. Уже впослѣдствіи оказалось, что онъ дѣйствовалъ такъ по именному указу самого повелителя правовѣрныхъ, который почему то заподозрилъ моего сына въ похищеніи своей любимой одалиски Фатнабы и осудилъ на смертную казнь; но такъ какъ Ганэмъ успѣлъ во время скрыться, то калифъ задумалъ выместить свой гнѣвъ на всѣхъ его близкихъ родныхъ, и вотъ насъ постигла незаслуженная кара. Однакожь вѣсть о томъ, что сынъ мой живъ, что я ошибочно считала его погибшимъ, наполнила мою душу невыразимой радостью даже въ минуты самыхъ тяжкихъ страданій... Теперь я все готова забыть и со всѣмъ примириться, только бы найти мнѣ своего возлюбленнаго сына и хоть разъ одинъ взглянуть на его дорогое лицо. Я вѣрю въ милосердіе Божіе и знаю, что рано или поздно настанетъ конецъ испытаніямъ, а также твердо вѣрю въ невиновность моего сына. — О, да, да! съ живостью воскликнула одалиска, онъ ни въ чемъ не повиненъ, и я могу быть порукой въ этомъ. Передъ тобой та самая Фатнаба, которая невольно, въ силу какого то роковаго предопредѣленія, причинила вамъ столько вреда. Но утѣшьтесь, ваши бѣдствія миновали: калифъ уже убѣдился въ невиновности Ганэма, — онъ вызываетъ его къ себѣ, чтобы загладить передъ нимъ свою несправедливость и сторицею возмѣститъ причиненный вамъ ущербъ, въ награду же за спасеніе моей жизни предназначаетъ мнѣ быть его женой. Итакъ, вы видите теперь, что я вамъ не чужая, — примите же меня въ свою семью, какъ дочь и сестру, какъ будущую жену возлюбленнаго Ганэма.

Съ этими словами она порывисто обняла старуху и долго, долго не выпускала ея изъ своихъ объятій; потомъ, обратившись къ Алколубѣ, прильнула и къ ней съ такой же горячей любовью.

Въ эти первыя минуты душевнаго волненія ни одна изъ трехъ женщинъ не могла вымолвить ни слова, наконецъ оно углелось, и болѣе спокойная, но вся еще проникнутая радостнымъ чувствомъ, Фат-

наба продолжала:—Теперь наша судьба зависитъ отъ возвращенія Ганэма, а мое чуткое сердце вѣщаетъ мнѣ, что онъ скоро возвратится и для насъ настанетъ новая жизнь, полная безмятежнаго, свѣтлаго счастія... Будемъ же молиться и ждать...

На этомъ рѣчь ея прервалась; въ комнату поспѣшно вошелъ старшина, очевидно чѣмъ-то сильно озабоченный, и сказалъ своей женѣ:— Богъ послалъ на твое попеченіе еще новаго страдальца: сейчасъ по улицѣ мимо нашего дома везли какого то человѣка, еще очень молодаго, но до того изнуреннаго и слабаго, что онъ не могъ держаться на верблюдѣ и былъ привязанъ къ нему веревками. Его направляли въ одну изъ городскихъ больницъ, а такъ какъ всѣмъ извѣстно, что это за больницы и какіе тамъ врачи, то мнѣ стало жаль обрекать бѣднягу на вѣрную смерть, и я предложилъ провожатымъ оставить его въ моемъ домѣ. Есть что-то знакомое въ лицѣ этого юноши, словно я встрѣчалъ его прежде, но гдѣ и когда — никакъ не могу припомнить... Во всякомъ случаѣ, употребимъ всѣ старанія, чтобы возвратить его къ жизни, а потомъ загадка, можетъ быть, разъяснится сама собой.

Во всемъ этомъ печальномъ разсказѣ, казалось, не было никакого отношенія къ Фатнабѣ, и тѣмъ не менѣе сердце ея сжалось; полная непонятной тревоги, она порывисто поднялась съ своего мѣста и проговорила задыхаясь отъ волненія:—О, почтенный отецъ, ради Бога, проведи меня сейчасъ же къ этому человѣку... я хочу, непремѣнно хочу его видѣть!...

Старшина повиновался безъ возраженій и ввелъ ее въ отдѣльный покой, гдѣ на простой, но опрятной постели, въ чистомъ бѣльѣ, лежалъ юноша съ полузакрытыми глазами, съ блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ. — Ганэмъ! вскрикнула одалиска и вдругъ остановилась въ нерѣшимости. — Нѣтъ, нѣтъ, я ошиблась, мысленно повторяла она, это случайное сходство, не болѣе... Мое воображеніе уже давно такъ настроено, что мнѣ всюду мерещутся дорогія черты... Однако... Она приблизилась еще на нѣсколько шаговъ и стала пристально всматриваться въ лицо больнаго. — Боже мой! едва не вырвался у нея крикъ, неужели страданія могли такъ измѣнить его? Но, если я не ошибаюсь, онъ долженъ узнать меня, лишь бы только открылъ глаза... Ганэмъ! произнесла она громко, ты ли это? Отвѣта не послѣдовало; больной не шевельнулся. — Ахъ, нѣтъ, не онъ, такъ же громко продолжала одалиска, нѣтъ, моему милому Ганэму и сама смерть не помѣшала бы узнать свою Фатнабу!...

При послѣднихъ словахъ больной внезапно очнулся и остановилъ свой удивленный взглядъ на взволнованномъ лицѣ красавицы.—Фатнаба!... Боже мой... неужели... могъ онъ только вымолвить и тутъ же снова впалъ въ безсознательное состояніе. Купеческій старшина, бывшій сви-

дѣтелемъ этой сцены, поспѣшно подошелъ къ одалискѣ и попросилъ ее уйти, находя, что такія бурныя чувства не подъ силу больному и могутъ окончательно погубить его. Фатнаба покорно выслушала это разумное предостереженіе и молча удалилась.

Долго послѣ того Ганэмъ находился между жизнью и смертью, и только неусыпная заботливость хозяевъ могла побороть его недугъ. Когда же наконецъ сознаніе возвратилось и онъ открылъ глаза, словно пробудившись отъ тяжкаго сна, его первыми словами были: Что это— видѣніе, или...—Нѣтъ, не видѣніе, прервалъ старшина, а дѣйствительно образъ Фатнабы; она была здѣсь и удалилась, потому что не хотѣла убивать тебя. При твоемъ настоящемъ состояніи всякое волненіе смертельно, такъ забудь же на время обо всемъ и успокойся. Теперь я припоминаю, что ты тотъ самый Ганэмъ, котораго калифъ недавно осудилъ на смертную казнь, но чтобъ эта мысль тебя болѣе не тревожила, выслушай радостную вѣсть: повелитель правовѣрныхъ отмѣнилъ свой приговоръ и всенародно объявилъ прощеніе. Вотъ все, что я знаю, но этого, кажется, вполнѣ достаточно для твоего спокойствія; когда оправишься, Фатнаба сама сообщитъ тебѣ подробности.

Съ этими словами онъ оставилъ Ганэма и перешелъ на женскую половину, гдѣ въ то время происходило почти то же самое. Мать Ганэма, узнавъ, что больной, доставленный на верблюдѣ, ея сынъ, пришла въ какое то изступленное состояніе. Смѣшанныя чувства радости,

страха, надежды, желаніе скорѣе увидѣть свое возлюбленное дѣтище— такъ глубоко потрясли ее, что она тутъ же упала въ обморокъ и долго лежала неподвижно, словно мертвая, не поддаваясь никакимъ усиліямъ возвратить ей сознаніе. Когда вошелъ хозяинъ, она только что открыла глаза, но при одномъ взглядѣ на него мгновенно оживилась, съ неестественной энергіей вырвалась изъ объятій дочери и, упавъ къ его ногамъ, воскликнула съ горячей мольбою:—О, не мучь меня долѣе, дай мнѣ хоть разъ одинъ взглянуть на моего несчастнаго дорогого сына!...— Но это невозможно, возразилъ старшина, бережно поднимая ее и усаживая на софу, больной еще такъ слабъ, что можетъ не вынести сильныхъ ощущеній; надо подготовить его къ этой встрѣчѣ, дать ему время оправиться отъ того страшнаго изнуренія, до котораго очевидно довели его голодъ и страданія. Мать безъ труда поняла все благоразуміе этого довода и покорно отрѣшилась отъ своего намѣренія, такъ какъ жизнь и здоровье сына были для нея дороже собственныхъ чувствъ.

Тогда къ ней подошла Фатнаба и сказала своимъ нѣжнымъ, въ душу проникающимъ голосомъ:—Вотъ видишь ли, дорогая матушка, мое вѣщее сердце не обмануло меня; счастіе близко, оно уже наступило, возблагодаримъ же Создателя за Его великую милость; но пора мнѣ возвратиться во дворецъ и предупредить обо всемъ повелителя; завтра же утромъ, надѣюсь, мы свидимся снова.

Лишь только доложили калифу о прибытіи Фатнабы, онъ велѣлъ провести ее въ свой отдѣльный покой и тамъ, оставшись съ нею наединѣ, спросилъ послѣ обычныхъ привѣтствій:—Ну что, отыскала ли ты Ганэма? — Государь, отвѣчала бывшая одалиска, самъ Богъ видимо покровительствуетъ намъ; я не только нашла своего нареченнаго мужа, но также и мать его, и сестру.—Какъ, въ такое короткое время и столько успѣха! воскликнулъ калифъ. А ну, разскажи, разскажи, какъ это случилось. Тутъ дѣйствительно есть что нибудь особенное.

Фатнаба подробно передала ему о своей нежданной встрѣчѣ въ одномъ и томъ же домѣ сначала съ матерью и сестрой Ганэма, потомъ съ нимъ самимъ, причемъ съ особенною живостью изобразила яркими красками всѣ бѣдствія, всѣ страданія, вынесенныя этой несчастной семьей. Калифъ слушалъ ее, понуривъ голову, и лицо его въ эти минуты выражало искреннее сожалѣніе. Извѣстно, что подъ вліяніемъ неукротимой горячности этотъ великодушный монархъ являлся порою жестокимъ, но когда гнѣвъ его остывалъ, а вмѣстѣ съ этимъ возвращалась способность хладнокровно обсудить свой поступокъ, имъ тутъ же овладѣвало мучительное раскаяніе, до тѣхъ поръ не дававшее ему покоя, пока онъ не пріискивалъ средства исправить ошибку и уничтожить причиненное зло. Въ настоящемъ случаѣ, убѣдившись въ своей несправедливости, онъ уже давно придумалъ, какъ и чѣмъ вознаградить Ганэма,

но тутъ были двѣ другія жертвы, ни въ чемъ неповинныя, даже совсѣмъ не причастныя къ дѣлу, а между тѣмъ еще болѣе пострадавшія,— о нихъ то калифъ и задумался.

— Вотъ что, сказалъ онъ наконецъ послѣ долгаго молчанія, слово мое неизмѣнно: ты свободна и будешь женою этого молодого купца; иди же къ нему, а когда онъ выздоровѣетъ, приведи его ко мнѣ вмѣстѣ съ матерью и сестрой. Можетъ быть, къ тому времени я найду средство загладить передъ нимъ свою несправедливость. Ступай! Фатнаба снова бросилась къ ногамъ повелителя и въ горячихъ словахъ выразила ему свою благодарность.

На другое утро, лишь только разсвѣло, она отправилась въ домъ купеческаго старшины; хозяинъ встрѣтилъ ее еще у дверей и сообщилъ, что больному гораздо лучше и что есть надежда на полное выздоровленіе. Дѣйствительно, главная причина болѣзни Ганэма, происходившей отъ чрезмѣрнаго истощенія, была устранена заботливымъ уходомъ и хорошимъ питаніемъ, а душевное успокоеніе, какъ нельзя болѣе, содѣйствовало возстановленію силъ. Теперь, уже не видя никакой опасности въ свиданіи съ Фатнабой, старшина провелъ ее прямо въ комнату больного, и какое благодатное, чудотворное дѣйствіе произвело ея появленіе! Словно какая то обновляющая жизненная струя мгновенно разлилась по его жиламъ, блѣдное лицо зардѣлось румянцемъ, озарилось восторженной улыбкой, и онъ бодро привсталъ на своей постели.—Ты ли это, милая! воскликнулъ Ганэмъ, протягивая къ ней руки, а мнѣ еще такъ недавно казалось, что я видѣлъ тебя во снѣ... Дай же услышать твой голосъ, скажи, правда ли, что калифъ убѣдился въ моей невиновности, и грозный гнѣвъ его уже не тяготѣетъ надъ нами?

— Да, мой возлюбленный, отвѣчала она, всѣ наши бѣдствія миновали, твоя Фатнаба снова передъ тобою и никогда уже не покинетъ тебя...— Возможно ли это?... проговорилъ Ганэмъ, и голосъ его оборвался отъ волненія, а калифъ?... Развѣ ты не съ нимъ, не во дворцѣ?...— Повторяю, милый, продолжала Фатнаба, для насъ наступаетъ новая, свѣтлая жизнь, а всѣ прошедшія невзгоды должны быть забыты. По волѣ великодушнаго государя я свободна и предназначена тебѣ въ награду за тѣ напрасныя гоненія, какія ты претерпѣлъ. Желаешь ли признать меня своей законной женой?

Въ первую минуту Ганэмъ не могъ вымолвить ни слова отъ избытка радости, потомъ, овладѣвъ собою, горячо воскликнулъ:—О, дорогая матушка, еслибы ты только знала, какое великое счастіе посылаетъ Господь твоему сыну!...

— А можетъ быть она и знаетъ, отвѣчала Фатнаба съ нѣжной улыбкой и тутъ же разсказала ему подробно обо всемъ, что произошло съ его матерью и сестрой до самаго того дня, когда судьба свела ее съ

ними. Несмотря на полноту своего личнаго счастія, Ганэмъ глубоко опечалился, слушая этотъ разсказъ; но вдругъ дверь отворилась, и въ комнату вошли его мать и сестра. Послѣдовали радостныя слезы, поцѣлуи, объятія,—всѣ проявленія тѣхъ невыразимыхъ чувствъ, которыхъ не передашь словами, за то, испытавъ хоть разъ, уже не забудешь во всю жизнь.

Послѣ, когда всѣ немного успокоились, Ганэмъ, уступая общему желанію, разсказалъ о своихъ приключеніяхъ со дня разлуки съ Фатнабой. Эти приключенія были несложны и тѣмъ не менѣе легко могли бы привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, еслибы не благодѣтельное вмѣшательство старшины. Удачно ускользнувъ отъ стражи калифа и выбравшись за черту города, Ганэмъ нашелъ пристанище въ одной глухой деревнѣ, гдѣ вскорѣ захворалъ такъ сильно, что слегъ въ постель. Бѣдные поселяне заботились о немъ, какъ могли, но увидавъ, что больному съ каждымъ днемъ становится все хуже, и хуже они рѣшились наконецъ отправить его въ городскую больницу. Во время этого то переѣзда ихъ встрѣтилъ старшина и принялъ больного на свое попеченіе.

— Намъ остается только удивляться и благоговѣть передъ премудрымъ промысломъ Божіимъ, начала Фатнаба, выслушавъ этотъ короткій разсказъ, всѣ мы находились на краю гибели, безъ малѣйшей надежды на спасеніе, а вотъ теперь счастливы снова, и счастливы такъ, какъ никогда еще не бывали до сихъ поръ. Затѣмъ она разсказала о своемъ томительномъ заключеніи въ мрачной башнѣ, о своихъ страданіяхъ, думахъ, тоскѣ безъисходной и наконецъ о томъ, какъ, благодаря счастливой случайности, калифъ услышалъ ея жалобы и пожелалъ объясниться съ нею. Въ заключеніе она передала о непремѣнномъ желаніи государя видѣть ихъ всѣхъ вмѣстѣ во дворцѣ, но тутъ же вспомнивъ, что вдовѣ Абу-Айбу и Алколубѣ невозможно явиться къ монарху въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились, она попросила супругу старшины заказать для нихъ приличныя одежды и выдала ей на покупки тысячу золотыхъ монетъ.

Черезъ три дня платье было готово, и Ганэмъ уже чувствовалъ себя настолько хорошо, что рѣшился было въ тотъ же день отправиться во дворецъ; но пока происходили сборы, къ дому старшины подъѣхалъ великій визирь Джіафаръ въ сопровожденніи многочисленной, блестящей свиты. Онъ сошелъ съ своего великолѣпнаго коня и прямо направился въ комнату Ганэма.—Я очень радъ, сказалъ онъ, обращаясь къ молодому купцу, что на этотъ разъ порученіе моего государя совсѣмъ не похоже на то, какое я имѣлъ еще недавно и о которомъ мнѣ не хотѣлось бы даже упоминать. Его величество калифъ милостиво приглашаетъ тебя во дворецъ вмѣстѣ съ твоею матерью и сестрой. Ганэмъ низко

поклонился и отвѣчалъ, что готовъ исполнить волю своего повелителя, хотя сознаетъ себя недостойнымъ такой высокой чести.

Ганэмъ отправился въ свитѣ Джіфара, верхомъ на конѣ, вдова же Абу-Айбу и Алколуба поѣхали вмѣстѣ съ Фатнабой на присланныхъ за ними богато убранныхъ мулахъ.

Калифъ принялъ прибывшихъ въ своей роскошной тронной залѣ, окруженный министрами, первѣйшими сановниками и всѣми представителями подвластныхъ ему народовъ, по двое отъ каждой страны.

Преклонившись по обычаю передъ трономъ, молодой купецъ всталъ и произнесъ свое привѣтствіе въ сложившихся у него тутъ же риѳмованныхъ стихахъ.

Какъ меркнутъ свѣтила ночныя
Предъ утренней яркой зарей,
Такъ всюду владыки земные
Теряютъ свой блескъ предъ тобой.
Великій потомокъ пророка,
Хранитель искусствъ и наукъ,
Летитъ твоя слава съ востока
На сѣверъ, на западъ и югъ...

Эта рѣчь произвела впечатлѣніе на всѣхъ и въ особенности на калифа; онъ благосклонно выслушалъ ее, потомъ приказалъ Ганэму повторить со всѣми подробностями исторію спасенія Фатнабы. Юноша исполнилъ это такъ просто и съ такой очевидной искренностью, что разсѣялъ послѣднія сомнѣнія относительно своей невинности.—Я вижу, ты хорошій, честный человѣкъ, сказалъ ему калифъ, а такіе люди мнѣ нужны; повѣдай же откровенно, чего желаешь болѣе: возвратиться на родину, или навсегда остаться при моемъ дворѣ? — Государь, отвѣчалъ Ганэмъ, воля повелителя—законъ для вѣрноподданнаго, и ей одной должны подчиняться всѣ его желанія. — Такъ оставайся же, молвилъ калифъ съ благосклонной улыбкой, я сдѣлаю все для твоего счастія. Затѣмъ, обращаясь къ стоявшимъ поодаль его матери и сестрѣ, велѣлъ имъ приблизиться къ трону и снять свои покрывала.

Необычайная красота Алколубы такъ сильно поразила его съ перваго взгляда, что онъ долго оставался безмолвнымъ, не отводя отъ нея глазъ, потомъ сказалъ съ особеннымъ выраженіемъ въ голосѣ: — Не зналъ я и не думалъ, что подвергаю поруганію такое прекрасное созданіе... Теперь единственное средство искупить твой позоръ — это возвыситъ тебя до положенія моей супруги, и ты займешь отнынѣ мѣсто Забейды; она была главной причиной твоего униженія, пусть она же и послужитъ тебѣ ступенью къ трону.

На это Ганэмъ почтительно возразилъ, что и званіе одалиски его величества было бы достаточной наградой и честью для его сестры. Но

Гарунъ-аль-Рашидъ, никогда не дѣлавшій ничего вполовину, остался при своемъ первоначальномъ рѣшеніи; немедленно по его приказанію явился кади и составилъ два брачные договора—одинъ для калифа съ Алколубой, другой—для Ганэма и Фатнабы.

Начинало уже свѣтать, когда Шехеразада окончила свой разсказъ и, замѣтивъ, что онъ понравился Индійскому султану, предложила ему прослушать другой, еще болѣе увлекательный. — Мы отложимъ его до слѣдующей ночи, — отвѣтилъ Шахріаръ и, вставъ, удалился на свою обычную утреннюю молитву.

Сказка о царѣ Зэинѣ-Аласнамѣ *) и о могучемъ властителѣ геніевъ.

Въ Балсорѣ до сихъ поръ еще сохранилось воспоминаніе объ одномъ добромъ, великодушномъ царѣ, который могъ бы назваться счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, еслибы судьба не лишала его почти до самой старости главнаго утѣшенія монарховъ—счастія видѣть продолженіе своего рода въ сынѣ-наслѣдникѣ. Только послѣ многихъ лѣтъ неотступныя мольбы его дошли наконецъ до Неба, и Оно даровало ему желаннаго сына, который былъ нареченъ при рожденіи Зэиномъ-Аласнамомъ.

Обрадованный отецъ тотчасъ же созвалъ ученыхъ астрологовъ и приказалъ имъ составить гороскопъ новорожденнаго. Эти почтенные мужи, умудренные знаніемъ и опытомъ, послѣ различныхъ вычисленій объявили царю, что младенецъ долговѣченъ, будетъ мужественъ, храбръ, терпѣливъ, но что всѣ эти драгоцѣнныя качества послужатъ ему въ жизни для перенесенія многихъ тяжкихъ испытаній. Царь не огорчился послѣднимъ предсказаніемъ: — Мужество и твердость, сказалъ онъ, должны быть присущи всякому монарху, призванному управлять судьбами народа, а несчастія укрѣпляютъ человѣка въ добродѣтели и дѣлаютъ его отзывчивѣе на страданія другихъ. И съ той поры разумное воспитаніе сына стало его постоянной, всепоглощающей заботой. Съ самаго ранняго возраста, окруженный лучшими наставниками и учителями государства, царевичъ легко усвоивалъ преподаваемые предметы, быстро совершенствовался и умомъ, и душою, и тѣломъ, съ каждымъ годомъ осуществляя все болѣе гордыя надежды своего отца.

Но, давно уже удручаемый недугами старости, царь не долго наслаждался плодами своихъ заботъ: онъ занемогъ серьезно, и вскорѣ бо-

---

*) По арабски: *украшеніе кумировъ.*

лѣзнь такъ усилилась, что всѣ придворные врачи потеряли надежду на его излѣченіе. Чувствуя близость роковаго конца, больной призвалъ къ себѣ Зэина и сказалъ ему:—Сынъ мой, скоро совершится воля Божія, и ты взойдешъ на балсорскій престолъ; постарайся же оправдать свое высокое призваніе, никогда, ни на одну минуту не забывай своихъ обязанностей по отношенію къ ввѣренному тебѣ народу, помни, что любовь его должна быть цѣлью и лучшею наградой всѣхъ дѣяній монарха; поэтому не будь поспѣшенъ ни въ наградахъ, ни въ наказаніяхъ: незаслуженныя почести оскорбляютъ народъ, а наказаніе невинныхъ возмущаетъ его совѣсть.

Но забылъ царевичъ эти мудрыя наставленія и, взойдя на престолъ послѣ смерти отца, далеко не оправдалъ его надеждъ. Отуманенный почестями, лестью и низкопоклонствомъ придворныхъ, онъ слишкомъ быстро увлекся своей неограниченной властью и сталъ проявлять ее безъ мѣры и разумѣнія. Онъ помнилъ только о томъ, какъ должны относиться къ нему подданные, о своихъ же личныхъ обязанностяхъ, о благѣ и счастіи своего народа—никогда не задумывался. Не только всякое противорѣчіе, но даже и безмолвное неодобреніе своихъ поступковъ онъ считалъ за оскорбленіе царскаго достоинства и вымещалъ жестокими наказаніями, тогда какъ льстецы и разные проходимцы, умѣвшіе потакать его страстямъ, пользовались щедрыми милостями и быстро возвышались.

Все это повело къ полнѣйшему разстройству государственныхъ дѣлъ: пока юный царь, окруженный своими льстецами, предавался разгулу да всевозможнымъ разорительнымъ забавамъ,—казна пустѣла, подати увеличивались, безправіе, лихоимство, продажность распространялись всюду, народъ, доведенный до отчаянія, роптал во всеуслышаніе, и общее недовольство уже грозило перейти въ открытый бунтъ. Тѣмъ и завершилось бы кратковременное царствованіе Зэина-Аласнама, еслибы онъ не поддался наконецъ спасительному вліянію матери.

Эта умная, разсудительная женщина уже не разъ пыталась доказать своему сыну, къ какимъ печальнымъ послѣдстіямъ можетъ повести его безпорядочный образъ жизни; но тщеславіе молодаго царя, упоеннаго къ тому же лестью и самовластіемъ, не дозволяло ему слѣдовать благимъ совѣтамъ, и только теперь, оставшись безъ денегъ, въ виду страшной опасности, угрожавшей ему потерей трона, а можетъ быть и самой жизни, онъ уступилъ настояніямъ матери и передалъ управленіе государствомъ въ руки опытныхъ и заслуженныхъ царедворцевъ.

Мѣра эта временно успокоила народъ, но не удовлетворила самого царя, который тяготился своимъ стѣсненнымъ положеніемъ и вскорѣ изъ одной крайности перешелъ въ другую. Послѣ непрерывныхъ празднествъ и веселья, онъ вдался въ тоску, проклиналъ свою разгульную

жизнь, жалѣлъ о безумно растраченныхъ деньгахъ и считалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Какъ то разъ, удрученный своими тяжкими думами, онъ прилегъ на софу и заснулъ. Вдругъ, словно на яву, подходитъ къ нему благообразный старецъ, съ бѣлой, какъ снѣгъ, бородой, съ ясной улыбкой на лицѣ, и говоритъ отчетливо, внятно:—Зэинъ, полно тебѣ печалиться; бываетъ на свѣтѣ и бо̀льшее горе да смѣняется радостью, и нѣтъ такого несчастія, котораго не залѣчило бы время. Встань, иди въ Египетъ, въ его славный городъ Каиръ, — тамъ тебя ожидаетъ великое благополучіе.

Тутъ Зэинъ очнулся, но видѣніе такъ живо и ясно запечатлѣлось въ его памяти, что онъ не могъ опредѣлить, во снѣ ли то было или въ дѣйствительности, и пошелъ къ царицѣ матери, чтобы повѣдать ей свое недоумѣніе. Та ничего не истолковала, а только засмѣялась надъ его взволнованнымъ состояніемъ и шутливо спросила:—Ты ужь не думаешь ли на самомъ дѣлѣ отправиться въ Каиръ? Слова эти оскорбили самолюбіе юноши, онъ вспыхнулъ весь и отвѣтилъ рѣзко:—Да, матушка, не только думаю, но и сдѣлаю такъ.

На другое утро, лишь только начало свѣтать, онъ тайно покинулъ дворецъ и одинъ—безъ провожатыхъ, даже не взявъ съ собою ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ, пошелъ пѣшкомъ по направленію въ Египетъ. Во время долгаго пути ему не разъ приходилось терпѣть и голодъ, и жажду, изнемогать отъ усталости, но онъ не падалъ духомъ и, преодолѣвая всѣ трудности, добрался наконецъ до Каира. Ожиданіе

обѣщанныхъ благъ ободряло его душевно, тѣлесныя же силы истощились, и онъ вошелъ въ первую открытую мечеть, чтобы отдохнуть и подкрѣпиться сномъ. Но едва сомкнулись его глаза, какъ тотъ же старецъ снова явился ему и сказалъ: — Я доволенъ тобою, сынъ мой, ты мужественно вынесъ свое первое испытаніе; иди же теперь домой и тамъ ожидай обѣщаннаго благополучія.

Какъ и въ первый разъ, этотъ сонъ отчетливо напечатлѣлся въ памяти Зэина, но онъ уже не придалъ ему никакого значенія.—Все это вздоръ, было его первой мыслью при пробужденіи:, нигдѣ и ничто благое меня не ожидаетъ; я слишкомъ много думаю о своемъ несчастіи, потому и брежу на яву. Однако, не малая глупость съ моей стороны повѣрить обману своего разстроеннагó воображенія... Хорошо еще, что, кромѣ матери, никто не знаетъ о моемъ путешествіи, иначе мнѣ пришлось бы подвергнуться вполнѣ заслуженнымъ насмѣшкамъ.

Печальный и разочарованный, онъ не хотѣлъ болѣе оставаться въ Каирѣ и къ вечеру того же дня отправился въ обратный путь. Сильно обрадовалась царица мать, узнавъ о его возвращеніи, и съ облегченнымъ сердцемъ поспѣшила на встрѣчу. Измученная ежеминутной тревогой за время своего долгаго одиночества, она уже не смѣялась теперь надъ бреднями сына и отнеслась къ нему съ истинно-материнскимъ сочувствіемъ.

Мало помалу Зэинъ успокоился и сталъ забывать объ этомъ непріятномъ приключеніи, какъ вдругъ въ одну ночь онъ снова увидѣлъ сонъ: тотъ же старикъ и съ такою же ясной, ласковой улыбкой говорилъ ему:—Зэинъ, я вѣренъ въ своихъ обѣщаніяхъ, и время благополучія для тебя наступило: завтра, какъ только встанешь, возьми кирку и подними половицы въ комнатѣ своего покойнаго отца; тамъ ты найдешь такія сокровища, какими не владѣетъ ни одинъ изъ монарховъ въ мірѣ.

Едва дождавшись разсвѣта, Зэинъ поспѣшилъ въ опочивальню матери, чтобы сообщить о своемъ новомъ снѣ.—Однако, старикъ твой, какъ видно, не унимается, сказала царица, онъ уже два раза морочилъ тебя и хочетъ обмануть еще въ третій, но теперь, надѣюсь, ты не придашь значенія своему бреду. — Нѣтъ, матушка, отвѣтилъ Зэинъ, я пересталъ вѣрить снамъ, а все-таки хочу осмóтрѣть всю обстановку въ комнатѣ покойнаго родителя, хотя бы ради воспоминанія о немъ. —Такъ я и знала, со смѣхомъ воскликнула царица, что же, иди, если хочешь; это по крайней мѣрѣ не такъ трудно, какъ путешествіе въ Египетъ.

— Да нѣтъ же, матушка, продолжалъ Зэинъ, краснѣя отъ смущенія, совсѣмъ не то... повторяю, я уже не вѣрю больше своимъ видѣніямъ, хотя, если разсудить здраво, въ нихъ до сихъ поръ еще не было обмана... Ты припомни только: въ первый разъ старикъ велѣлъ мнѣ идти въ Каиръ, съ цѣлью испытыть мое мужество, когда же я пришелъ туда, преодолѣвъ всѣ трудности, онъ въ ту же минуту выразилъ свое

одобреніе и сказалъ, что счастіе ожидаетъ меня дома. Теперь онъ говоритъ, что это счастіе близко, и мнѣ остается только протянуть къ нему руку. Право, матушка, я предпочту обмануться еще одинъ разъ, чѣмъ вѣчно разскаиваться, что не воспользовался благопріятнымъ случаемъ.

Мать только улыбнулась на эти слова, а юный царь, запасшись необходимыми орудіями, одинъ отправился въ комнату своего покойнаго отца.

Тамъ, плотно притворивъ за собою дверь, онъ дѣятельно принялся за работу. Полъ уже на половуну былъ поднятъ, а все еще не обнаруживалось ни малѣйшаго признака чего либо особеннаго.

— Плохо мое дѣло, подумалъ Зэинъ, останавливаясь на минуту, чтобы перевести духъ, пожалуй матушка не даромъ смѣялась надо мной...

Тѣмъ не менѣе, передохнувъ немного, онъ съ прежней энергіей сталъ продолжать работу, какъ вдругъ подъ одной изъ поднятыхъ плитъ замѣтилъ небольшую дверку, запертую тяжелымъ висячимъ замкомъ. Быстро, съ лихорадочной посмѣшностью отбилъ онъ замокъ и приподнялъ творило; за нимъ открылась бѣломраморная лѣстница, очевидно

углублявшаяся въ какое-то подземелье. Зэинъ зажегъ свѣтильникъ и сталъ спускаться внизъ; вскорѣ ступени закончились площадкой,—и онъ вошелъ въ громадный, высокій залъ, гдѣ всѣ четыре стѣны были изъ горнаго хрусталя, вверху и внизу украшеннаго гранью, а полъ изъ китайскаго фарфора, разрисованнаго пестрымъ узоромъ. По угламъ симетрично возвышались четыре эстрады, и на каждой изъ нихъ стояло по десяти порфировыхъ урнъ. Въ первую минуту очарованный юноша почему то вообразилъ, что онѣ наполнены виномъ, и не безъ удовольствія намѣревался подкрѣпить себя этой живительной влагой, которая по его соображенію должна была отличаться тѣмъ лучшими качествами, чѣмъ долѣе она оставалась въ подземельѣ. Зэинъ приподнялъ одну изъ крышекъ и тутъ, къ своей невыразимой радости, увидѣлъ груду золотыхъ монетъ, до краевъ наполнявшихъ урну; тогда онъ открылъ другую, третью,— и всѣ онѣ точно также оказались полны блестящихъ цехинозъ. Не помня себя отъ восторга, онъ захватилъ ихъ цѣлую горсть и побѣжалъ къ матери.

Царица, еще недавно смѣявшаяся надъ бреднями своего сына, едва могла повѣрить его словамъ; но такъ какъ спорить противъ очевидности было невозможно, то она серьезно и съ нѣкоторымъ волненіемъ въ голосѣ сказала ему:—Сынъ мой, Богъ во второй разъ даруетъ тебѣ большое богатство, поклянись же мнѣ, что ты не повторишь своей роковой ошибки и будешь стараться употребить его на пользу себѣ и другимъ.— Матушка, отвѣтилъ Зэинъ, я такъ много пострадалъ за свое легкомысліе, столько вынесъ мученій, что уже безъ всякой клятвы не рѣшусь вернуться къ прежнему.

Этотъ искренній отвѣтъ вполнѣ успокоилъ любящую мать, и она изъявила желаніе увидѣть собственными глазами чудесное подземелье. Зэинъ провелъ ее по той же лѣстницѣ, и когда они вошли въ роскошный чертогъ, царица остановилась въ изумленіи, пораженная и очарованная невиданнымъ великолѣпіемъ; потомъ, прійдя въ себя, съ ненасытнымъ любопытствомъ стала разсматривать отдѣльно каждый предметъ. Между прочимъ ея вниманіе остановилось на маленькой урнѣ, до тѣхъ поръ не замѣченной Зэиномъ и нечего не вмѣщавшей, кромѣ одного массивнаго золотого ключа; она подозвала къ себѣ сына и сказала ему:— Возьми этотъ ключъ и давай поищемъ его назначенія; мнѣ кажется, что здѣсь мы найдемъ еще много диковиннаго.

И дѣйствительно, при внимательномъ осмотрѣ, они вскорѣ замѣтили въ стѣнѣ потайную дверь, запертую нутреннымъ замкомъ; Зэинъ попробовалъ вложить найденный ключъ, повернулъ его—дверь отворилась, и глазамъ ихъ представился еще болѣе роскошный покой, весь освѣщенный какимъ то необыкновеннымъ фантастическимъ свѣтомъ; онъ исходилъ отъ восьми громадныхъ брилліантовыхъ статуй, сверкавшихъ чудными переливами всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ.

Глядя на это, не только никогда невиданное, но даже невообразимое зрѣлище, юный царь остолбенѣлъ отъ изумленія.—Боже мой, подумалъ онъ, да гдѣ же отецъ могъ пріобрѣсти такія сокровища?! Затѣмъ, переводя свой восхищенный взглядъ съ одной статуи на другую, вскорѣ замѣтилъ, что всѣ онѣ стояли на золотыхъ подножіяхъ, и только одно изъ нихъ—девятое—оставалось незанятымъ; но на немъ лежалъ кусокъ бѣлаго атласа, сложенный въ видѣ письма. Зэинъ его взялъ и прочиталъ слѣдующее:

"Возлюбленный сынъ мой! Пріобрѣтеніе этихъ восьми чудесныхъ статуй стоило мнѣ труда цѣлой жизни; нѣтъ сомнѣнія, что онѣ прекрасны и представляютъ несмѣтную цѣнность, но есть на свѣтѣ еще одна—девятая, которая въ тысячу разъ лучше и цѣннѣе всѣхъ остальныхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Если хочешь пріобрѣсти ее, отправляйся въ Египетъ, въ городъ Каиръ, и разыщи тамъ купца, по имени Могарэка,—это мой бывшій невольникъ; онъ навѣрное приметъ тебя съ большою радостью, когда узнаетъ, что ты мой сынъ, и охотно поможетъ въ твоемъ предпріятіи".

Прочитавъ это письмо и передавая его матери, Зэинъ горячо воскликнулъ:—О, я готовъ идти на всякую опасность, преодолѣть всѣ препятствія, пожертвовать самой жизнью, лишь бы только взглянуть на то чудо, о которомъ говоритъ мой отецъ... Надѣюсь, дорогая матушка, на этотъ разъ ты не станешь меня удерживать, не назовешь неразумной моей твердой рѣшимости отыскать чудесную статую, или погибнуть.—Поѣзжай, поѣзжай, сынъ мой, съ живостью отвѣтила царица-мать; теперь я вѣрю, что самъ Богъ тебѣ покровительствуетъ, и отъ души благословляю твое предпріятіе.

Юный царь тотчасъ же сталъ готовиться въ путь, а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня выѣхалъ изъ Балсоры въ сопровожденіи отборной свиты и многочисленныхъ слугъ.

По прибытіи въ Каиръ, Зэинъ спросилъ у перваго встрѣчнаго, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ купецъ Могарэкъ.—Какъ не знать, отвѣчалъ прохожій, это у насъ извѣстнѣйшій богачъ, и домъ его всегда полонъ иностранцевъ; а живетъ на самомъ краю города. Да вотъ, я сейчасъ разскажу тебѣ. И онъ далъ такія подробныя указанія, что путники уже безъ всякаго затрудненія подъѣхали прямо къ роскошному дому Могарэка. На стукъ царя Зэина вышелъ черный невольникъ, въ богатой, яркой одеждѣ, и вѣжливо освѣдомился, кто онъ, и что ему угодно.—Я чужестранецъ, сказалъ Зэинъ, пріѣхалъ сюда по своему дѣлу, но, наслышавшись много хорошаго о твоемъ господинѣ, желалъ бы лично засвидѣтельствовать ему глубокое почтеніе. Слуга удалился, но черезъ минуту снова вернулся и попросилъ Зэина слѣдовать за нимъ.

Они прошли черезъ обширный внутренній дворъ, вымощенный пли-

тами изъ разноцвѣтнаго мрамора, и вступили въ великолѣпно убранную пріемную, гдѣ хозяинъ встрѣтилъ гостя еще на порогѣ. Послѣ первыхъ привѣтствій, Зэинъ объявилъ, что онъ сынъ Балсорскаго царя и прибылъ въ Каиръ по очень важному дѣлу.—Балсорскій царь былъ когда то моимъ властелиномъ, проговорилъ Могарэкъ, пристально вглядываясь въ лицо посѣтителя, но, насколько помнится, у него не было дѣтей. Позволь мнѣ узнать, сколько тебѣ лѣтъ?—Двадцать, отвѣтилъ Зэинъ и спросилъ въ свою очередь:—А давно ты покинулъ дворъ моего отца?—Да тоже около этого времени, сказалъ Могарекъ, все не спуская глазъ съ молодаго царя, потому то мнѣ и не вѣрится... Хотѣлось бы имѣть какія нибудь болѣе вѣскія доказательства, что ты дѣйствительно сынъ моего бывшаго повелителя.—О, на этотъ счетъ я надѣюсь удовлетворить тебя вполнѣ, спокойно и съ достоинствомъ возразилъ юноша, затѣмъ, разсказавъ подробно всю исторію своей жизни, добавилъ въ заключеніе:—Тебѣ, вѣроятно, извѣстно о существованіи тайнаго подземелья во дворцѣ моего родителя?—Да, я зналъ о немъ, отвѣтилъ Могарэкъ, и потому осмѣливаюсь спросить, что же ты открылъ въ этомъ подземельѣ? Я нашелъ тамъ, продолжалъ Зэинъ, сорокъ порфировыхъ урнъ, наполненныхъ золотомъ.—Такъ, а еще что?—Еще, въ другомъ отдѣленіи подземелья,—восемь драгоцѣнныхъ статуй на золотыхъ подножіяхъ, но всего болѣе обрадовало меня вотъ это письмо, найденное на девятомъ, незанятомъ подножіи. И онъ показалъ кусокъ бѣлаго атласа, на которомъ было написано завѣщаніе отца.

Лишь только Могарэкъ пробѣжалъ первыя строки, какъ упалъ на колѣни передъ юнымъ царемъ и, покрывая его руки поцѣлуями, радостно воскликнулъ:—Благодарю Создателя, что онъ даровалъ мнѣ счастіе видѣть у себя сына моего благодѣтеля. Разумѣется, я сдѣлаю для тебя все, что только могу; но ты навѣрное сильно утомился, и прежде тебѣ нужно отдохнуть нѣсколько дней послѣ дальняго и труднаго путешествія. Кстати, у меня сегодня пиръ; я созвалъ всѣхъ каирскихъ вельможъ и сидѣлъ съ ними за столомъ въ то время, какъ мнѣ доложили о твоемъ прибытіи; надѣюсь, ты не откажешься раздѣлить съ нами трапезу.—О, конечно, отвѣчалъ Зэинъ, и они отправились въ столовую, гдѣ за огромнымъ столомъ, уставленнымъ самыми отборными яствами, сидѣли почти всѣ высшіе представители каирской власти. Могарэкъ посадилъ гостя на почетное мѣсто и самъ съ колѣнопреклоненіемъ подалъ ему первое блюдо. Всѣ присутствовавшіе удивленно глядѣли то на гостя, то на хозяина.—Да кто же это такой? спрашивали они другъ друга полушепотомъ, почему Могарэкъ оказываетъ ему такія почести?

Послѣ обѣда, когда были поданы плоды и напитки, Могарэкъ обратился къ вельможамъ и сказалъ имъ:—Господа, васъ, кажется удивляетъ, что я принимаю съ такимъ почетомъ этого молодого иностранца;

такъ узнайте, что онъ сынъ Балсорскаго царя, моего бывшаго властелина; много видѣлъ я благодѣяній отъ его покойнаго отца, но, умирая, онъ позабылъ возвратить мнѣ свободу, слѣдовательно я, какъ и всякая другая собственность, перехожу по наслѣдству къ сыну; теперь онъ мой всевластный повелитель и по закону имѣетъ полное право располагать не только мною самимъ, но и всѣмъ моимъ достояніемъ.—Постой, перебилъ его Зэинъ, если ты говоришь правду, въ чемъ нельзя сомнѣваться, то я объявляю въ присутствіи всѣхъ этихъ высокоуважаемыхъ господъ, что отнынѣ ты свободенъ, и все, что имѣешь, составляетъ твою полную, неотъемлемую собственность. При этихъ словахъ Могарэкъ преклонился ницъ и троекратно поцѣловалъ полъ около ногъ молодого царя. Пиръ послѣ того продолжался съ новымъ оживленіемъ, и было уже далеко за полночь, когда гости наконецъ разошлись по домамъ.

На другой день Зэинъ, чувствуя себя совершенно бодрымъ и сгорая нетерпѣніемъ поскорѣй осуществить свою завѣтную мечту, сказалъ Могарэку:—Другъ мой, ты знаешь, что я прибылъ сюда не ради пировъ и удовольствій, а чтобы достигнуть желанной цѣли; такъ исполни же, не медля долѣе, послѣднюю волю моего покойнаго отца, помоги мнѣ отыскать девятую статую—это невиданное чудо, о которомъ я не могу даже составить понятія.—Вчера я уже далъ тебѣ слово, отвѣтилъ Могарэкъ, что буду содѣйствовать твоему предпріятію всѣми зависящими отъ меня средствами, и нынче подтверждаю то же самое; а если совѣтовалъ сначала отдохнуть нѣсколько дней, то это потому, что знаю, какъ много труда и опасности предстоитъ тебѣ впереди.—Что говорить о трудѣ и опасностяхъ! перебилъ его Зэинъ; развѣ такое сверхъестественное счастіе можетъ достаться легко?... Нѣтъ, я на все готовъ; жизни не пожалѣю, только бы достигнуть своего желанія, не остановлюсь ни передъ чѣмъ, и ничто на свѣтѣ не устрашитъ меня...

Такая страстная, непоколебимая рѣшимость молодого царя пробудила и въ старикѣ Могарэкѣ его былое мужество и отвагу.—Пусть будетъ такъ, отвѣтилъ онъ весело, воля твоего величества для меня законъ. Затѣмъ онъ приказалъ своимъ слугамъ готовить все необходимое для дальняго пути.

На другой день, еще до восхода солнца, совершивъ обычную молитву, извѣстную подъ названіемъ *Фарзъ* *), они выѣхали изъ Каира въ сопровожденіи цѣлой толпы невольниковъ. Тѣ мѣстности, по которымъ имъ приходилось проѣзжать, представляли столько особенностей, изобиловали такими невиданными рѣдкостями, что Зэинъ и всѣ другіе

---

*) Это названіе относится собственно не къ одной молитвѣ, но и ко многимъ другимъ религіознымъ обязанностямъ, предписаннымъ Магометомъ, какъ наприм. постъ, милостыня и проч.

его спутники, увлеченные этимъ разнообразіемъ природы, почти не замѣчали трудности пути. Со дня на день, съ перехода на переходъ, они бодро и весело подвигались все дальше и дальше, пока наконецъ не открылась передъ ними очаровательная долина, орошаемая свѣтлыми ручьями и вся испещренная группами тѣнистыхъ деревьевъ. Здѣсь Могарэкъ остановилъ свой караванъ, и когда всѣ сошли съ коней, онъ сказалъ, обращаясь къ Зэину:—Далѣе, государь, мы должны слѣдовать уже одни, безъ провожатыхъ, потому что не далеко то мѣсто, гдѣ находится предметъ твоихъ желаній; но теперь то и начинаются опасности. Надѣюсь, что твое доблестное мужество не покинетъ тебя до конца. Зэинъ отвѣтилъ однимъ наклоненіемъ головы и, полный отважной рѣшимости, пошелъ вслѣдъ за Могарэкомъ.

Вскорѣ передъ ними обозначилось обширное озеро съ пустынными, дикими берегами; ни лодки, ни жилья, ни малѣйшаго признака человѣческой жизни и дѣятельности не виднѣлось вокругъ, на сколько могъ окинуть глазъ.—Намъ нужно переправиться на другую сторону, сказалъ Могарэкъ.—А какъ же мы это сдѣлаемъ, развѣ вплавь? съ недоумѣніемъ возразилъ Зэинъ.—Объ этомъ ужь не безпокойся, только запомни

хорошенько, что я скажу тебѣ: сейчасъ за нами явится лодка; гребецъ ея будетъ ужасенъ, но ни страха, ни удивленія ты не долженъ выражать. Оставайся нѣмъ, какъ рыба, иначе при первомъ же словѣ лодка мгновенно пойдетъ ко дну.

Не успѣлъ онъ вымолвить это, какъ дѣйствительно на срединѣ озера показалась изящная лодка, вся изъ драгоцѣннаго дерева сандала, съ порфировой мачтой и съ красивымъ флагомъ изъ голубого атласа; ею правилъ единственный, страшный гребецъ; ноги его и туловище напоминали тигра, а голова, снабженная клыками и хоботомъ, походила на голову слона. Онъ безшумно причалилъ къ берегу, захватилъ своимъ гигантскимъ хоботомъ сперва царя, а потомъ его спутника, и также тихо, беззвучно лодка скользнула по водяной поверхности и въ нѣсколько минутъ очутилась на противоположной сторонѣ. Чудовище тѣмъ же способомъ высадило обоихъ на берегъ и мгновенно исчезло вмѣстѣ съ лодкой.

— Теперь намъ снова можно говорить, началъ Могарэкъ. Прежде всего обрати вниманіе на мѣсто, гдѣ мы находимся. Это островъ; онъ принадлежитъ властителю всѣхъ геніевъ вселенной и по своему богатству, разнообразію и красотѣ можетъ служить подобіемъ того рая, что ожидаетъ правовѣрныхъ на небесахъ. Взгляни на эти благоуханные цвѣты и травы, роскошныя деревья, склоняющіяся подъ тяжестью плодовъ, прислушайся къ этому нѣжному, ровному дыханію вѣтерка, шелесту листвы, гармоничному щебетанію птицъ,—не правда ли, что никакая фантазія не въ силахъ создать ничего подобнаго? Зэинъ и слушалъ и не слышалъ своего собесѣдника; онъ уже давно былъ поглощенъ всецѣло созерцаніемъ этой волшебной красоты, и чѣмъ дальше они подвигались, чѣмъ больше расширялся кругозоръ, тѣмъ все становилось краше, заманчивѣе, очаровательнѣе; холмы, долины, цвѣты, деревья—все это утопало въ ясномъ, душистомъ воздухѣ, переходило изъ тона въ тонъ и терялось гдѣ то въ безконечной дали.—Да что же это, какъ не рай, обѣщанный намъ пророкомъ! воскликнулъ Зэинъ въ порывѣ невыразимаго восторга.

Наконецъ, въ одной долинѣ, среди моря зелени и цвѣтовъ, передъ ними словно выросъ роскошный дворецъ, построенный весь изъ изумруда. Онъ былъ окруженъ широкимъ рвомъ, по краямъ котораго росли такія громадныя деревья, что тѣнь отъ нихъ падала на куполъ дворца; черезъ ровъ былъ перекинутъ причудливый мостъ изъ цѣльной, золотистой рыбьей чешуи, а за мостомъ, передъ дворцовыми воротами, литыми изъ чистаго золота, стояла группа великановъ-геніевъ съ громадными палицами изъ дамасской стали.

— Мы не должны подходить ближе, сказалъ Могарэкъ, иначе эти великаны убьютъ насъ; а чтобы защититься отъ нихъ и не дать

имъ возможности перейти мостъ, намъ надо прибѣгнуть къ чарамъ. Сказавъ это, онъ вынулъ изъ дорожней сумки четыре ленты, сотканныя изъ желтой шерсти: одною изъ нихъ опоясался, другую привѣсилъ себѣ на спину, а двѣ остальныя передалъ Зэину и велѣлъ ему сдѣлать то же самое.

Затѣмъ, изъ той же сумки, онъ досталъ два небольшіе коврика, разстелилъ ихъ на травѣ, осыпалъ по краямъ кусочками мускуса и амбры въ перемежку съ мелкими драгоцѣнными камушками и, сѣвъ на одинъ изъ нихъ, на другой указалъ Зэину.

— Теперь слушай, государь, заговорилъ онъ торжественно, я приступаю къ заклинаніямъ, чтобы вызвать сюда самого властителя геніевъ, который обитаетъ въ этомъ дворцѣ. Все наше счастіе, весь успѣхъ нашего предпріятія, даже самая жизнѣ—будутъ зависѣть отъ того, понравится ли ему твое посѣщеніе, или нѣтъ. Если да, то онъ явится намъ въ образѣ красиваго человѣка, а если нѣтъ, то приметъ видъ ужаснаго, отвратительнаго чудовища. Старайся всѣми силами умилостивить его въ своемъ привѣтствіи и, выразивъ самое высокое почтеніе. объясни цѣль своего прибытія, напомни о его добрыхъ отношеніяхъ къ твоему отцу, которыя собственно и даютъ тебѣ смѣлость обратиться къ нему съ настоящей просьбой. Да, главное: во время своихъ объясненій ни подъ какимъ видомъ не сходи съ этого ковра, иначе ты погибъ.

Зэинъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ своего наставителя, стараясь не проронить ни единаго слова, такъ какъ онъ зналъ, насколько важны всѣ эти подробности, когда въ дѣло замѣшиваются сверхъестественныя силы. Окончивъ свои поученія, Могарэкъ произнесъ нѣсколько магическихъ словъ,—и вдругъ яркая молнія сверкнула въ воздухѣ, а вслѣдъ за нею раздался оглушительный рокотъ грома; земля поколебалась отъ сотрясенія, и весь островъ мгновенно погрузился въ непроглядную тьму. Зэинъ вздрогнулъ при этомъ неожиданномъ явленіи и счелъ его за дурное предзнаменованіе; но Могарэкъ поспѣшилъ объяснить, что такое вступленіе напротивъ даетъ надежду на счастливый исходъ.

Дѣйствительно, почти въ то же мгновеніе передъ ними явился властитель геніевъ въ образѣ обыкновеннаго человѣка, хотя прекрасное лицо его дышало какой то дикой, неукротимой силой. Зэинъ тотчасъ же всталъ и, преклонившись передъ нимъ до земли, проговорилъ съ очевиднымъ волненіемъ:—Могучій владыка! Сынъ твоего ревностнаго почитателя, царя Балсоры, бьетъ тебѣ челомъ и умоляетъ не оставлять его своими милостями, какъ ты не оставлялъ покойнаго отца.—Какихъ же милостей отъ меня желаешь? спросилъ властитель съ благосклонной улыбкой.

— О, вѣнценосный геній! отвѣчалъ Зэинъ,—просьба моя такъ

велика, что только надежда на твое неисчерпаемое великодушіе даетъ мнѣ смѣлость ее выразить: Ты подарилъ моему отцу восемь безцѣнныхъ статуй, я же молю тебя подарить мнѣ девятую...

— Да, я хорошо помню твоего родителя, перебилъ геній, и очень любилъ его. Всякій разъ, какъ онъ являлся ко мнѣ для отданія чести, я дарилъ ему по драгоцѣнной статуѣ и тебя также не лишу своего покровительства, потому что уже давно питаю къ тебѣ особое расположеніе. Помнишь свои сны? Вѣдь это я являлся въ образѣ старца и указалъ, гдѣ хранятся сокровища, собранныя твоимъ отцомъ; по моему же внушенію было написано то завѣщаніе, что ты нашелъ на не занятомъ подножіи. Итакъ, я ожидалъ твоего посѣщенія и готовъ отдать тебѣ девятую статую, но только съ небольшимъ условіемъ: Предварительно ты долженъ привести мнѣ дѣвицу не старше пятнадцати лѣтъ и красоты совершенной; главное же мое требованіе заключается въ томъ, чтобы душа ея была чиста, какъ горный хрусталь, не запятнана ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ, ни единымъ грѣховнымъ помысломъ. Иди же, исполни мою волю, и тогда получишь желаемое; но предупреждаю заранѣе: если ты найдешь такое совершенство и при

этомъ хотя помыслишь воспользоваться имъ самъ,—гибель твоя не избѣжна, ничто въ мірѣ не спасетъ тебя отъ моего гнѣва.

— Властитель, смиренно отвѣтилъ Зэинъ,—я могу только ручаться за свое искреннее желаніе исполнить волю твоего величества, но удача не отъ меня зависитъ. Относительно внѣшней красоты безошибочный выборъ еще возможенъ, хотя и труденъ, но совсѣмъ иное дѣло нравственныя качества. Какъ могу я проникнуть въ душу избранницы и рѣшить, что она никогда не омрачалась даже грѣховнымъ помысломъ?—Твое возраженіе, сынъ мой, вполнѣ справедливо, замѣтилъ геній все съ той же благосклонной улыбкой, я знаю, что для простого смертнаго чужая душа темна и непроницаема, поэтому, возлагая на тебя такое трудное порученіе, даю въ то же время и средство избѣжать ошибки. Возьми это волшебное зеркало и всякій разъ, какъ захочешь убѣдиться въ чистотѣ сокровенныхъ думъ отроковицы, поднеси его къ ея лицу; если при отраженіи стекло останется яснымъ, бери ее смѣло, а если потускнѣетъ,—ищи другую. Теперь, прощай.

Съ этими словами геній исчезъ, а царь Зэинъ и Могарэкъ пошли обратно къ озеру, гдѣ тотъ же чудовищный гребецъ перевезъ ихъ на другую сторону. Оставленный ими караванъ оказался въ цѣлости, и они благополучно возвратились въ Каиръ.

Послѣ нѣсколькихъ дней, посвященныхъ отдыху, Зэинъ сказалъ своему хозяину:—Пора приступить къ исполненію воли властителя геніевъ, и я думаю, не отправиться ли намъ въ Багдадъ?—Зачѣмъ же? возразилъ Могарэкъ, въ Каирѣ развѣ мало красавицъ? Сперва поищемъ здѣсь; кстати у меня есть одна знакомая старуха, которая охотно займется этимъ дѣломъ и навѣрное выполнитъ его какъ нельзя лучше.

Дѣйствительно, эта ловкая женщина вполнѣ оправдала довѣріе Могарэка: въ короткое время она доставила Зэину возможность видѣть столько юныхъ красавицъ, что во всемъ городѣ не осталось ни одной, которая не подвергалась бы испытанію передъ волшебнымъ зеркаломъ, этимъ пробнымъ камнемъ женской добродѣтели; но, къ сожалѣнію, ни одна изъ нихъ не оказалась вполнѣ безупречной; зеркало тускнѣло и покрывалось пятнами при отраженіи каждаго дѣвственнаго лица.

— Нѣтъ, другъ мой, печально молвилъ Зэинъ, видно не такъ то легко найти истинное цѣломудріе; попробуемъ теперь поискать въ Багдадѣ.

Могарэкъ не возражалъ болѣе; черезъ нѣсколько дней они прибыли въ Багдадъ, гдѣ наняли роскошный домъ въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ, многолюдныхъ кварталовъ и открыли широкое гостепріимство.

Въ томъ же самомъ кварталѣ проживалъ одинъ иманъ, по имени Бубекиръ, человѣкъ суровый, нелюдимый и повидимому самый строгой, непреклонной нравственности, но въ сущности злой и завистливый ли-

цемѣръ, который потому только презиралъ богатство, что самъ не имѣлъ его. Каждодневные пиры Зэина, его блескъ и роскошь бѣсили имана, какъ личное оскорбленіе, и возбуждали въ немъ алчную зависть. Мало помалу непріязнь его къ молодому царю дошла до того, что однажды, во время вечерней молитвы, онъ обратился къ прихожанамъ съ такою рѣчью:

— Братья, вамъ извѣстно, что въ нашемъ кварталѣ поселился какой то чужестранецъ, который ведетъ широкую, разгульную жизнь и бросаетъ деньги направо и налѣво. Никто изъ насъ не знаетъ, кто онъ и откуда беретъ такія средства, но, вообще богатства, нажитыя честнымъ трудомъ, не расточаются безъ счета и мѣры. Легко можетъ быть, что на совѣсти его тяготѣетъ не одно преступленіе, и я боюсь, не пришлось бы намъ отвѣчать передъ калифомъ за то, что, зная о пребываніи здѣсь подозрительнаго человѣка, мы во время не донесли на него.

Толпа всюду одинаково легковѣрна и дѣйствуетъ подъ первымъ впечатлѣніемъ, не отличая правды отъ лжи, не обсуждая послѣдствій. Возбужденная словами имана, она зашумѣла, заволновалась и тутъ же изъ нея раздались голоса:

— Ты нашъ пастырь, дѣлай какъ знаешь, какъ найдешь лучшимъ, а мы пойдемъ за тобой.—Иманъ ничего не сказалъ болѣе и вышелъ изъ мечети, но въ тотъ же вечеръ занялся составленіемъ ябеды на Зэина.

Къ счастію, Могарэкъ тоже присутствовалъ на этой вечерней молитвѣ и потому слышалъ все, что произошло. Зная, къ какимъ непріятностямъ можетъ повести ложный доносъ Бубекира, онъ счелъ за лучшее

предупредить его и съ этой цѣлью, захвативъ съ собою пятьсотъ цехиновъ да нѣсколько кусковъ шелковой матеріи, отправился на домъ къ иману. При входѣ, тотъ встрѣтилъ его своимъ обычнымъ суровымъ взглядомъ и спросилъ отрывисто: что нужно? Но, вмѣсто отвѣта, Могарэкъ сначала выложилъ на столъ принесенныя деньги и дорогія ткани, потомъ уже сказалъ:—Не гнѣвайся, отецъ мой, я пришелъ къ тебѣ по порученію балсорскаго царя Зэина Аласнама, который живетъ съ тобой по сосѣдству, въ одномъ кварталѣ. Онъ такъ много наслышался о твоихъ добродѣтеляхъ, о твоей строгой, подвижнической жизни, что сгораетъ желаніемъ увидѣть тебя въ своемъ домѣ; въ ожиданіи же твоего посѣщенія, посылаетъ тебѣ эти ничтожные дары, въ надеждѣ, что ты не захочешь оскорбить его отказомъ. Бубекиръ окинулъ быстрымъ взглядомъ все принесенное, и въ то же мгновеніе лицо его просіяло.—Почтенный господинъ, началъ онъ дружелюбнымъ, вкрадчивымъ тономъ, передай своему государю мое искреннее сожалѣніе, что до сихъ поръ мнѣ не выпадало случая представиться его величеству; но я постараюсь загладить свою невольную вину и завтра же буду имѣть честь засвидѣтельствовать ему глубочайшее почитаніе.

Между тѣмъ на слѣдующій день за утренней молитвой иманъ сказалъ народу:—Братья, къ прискорбію, существуетъ почти общее правило, что чѣмъ знатнѣе человѣкъ и богаче, чѣмъ выше его положеніе, тѣмъ больше у него враговъ и завистниковъ. Я веду свою рѣчь къ тому, что въ нашей средѣ нашлись злонамѣренные люди, которые безсовѣстно оклеветали молодого иностранца и заставили меня вчера сказать противъ него нѣсколько несправедливыхъ словъ. Оказывается, что этотъ юноша царскаго рода, преисполненъ добродѣтелями и ведетъ жизнь сообразно съ своимъ высокимъ саномъ, а потому скорѣе заслуживаетъ похвалы, чѣмъ порицанія.

Уничтоживъ такимъ образомъ враждебное настроеніе толпы, возбужденное имъ же самимъ, онъ вечеромъ отправился къ Зэину и послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій спросилъ молодого царя, долго ли онъ намѣренъ оставаться въ Багдадѣ.—Это не совсѣмъ отъ меня зависитъ,—отвѣчалъ Зэинъ, я пробуду здѣсь до тѣхъ поръ, пока не найду дѣвицы пятнадцатилѣтняго возраста, которая вполнѣ удовлетворяла бы моимъ требованіямъ. — А какія же твои требованія, государь? освѣдомился Бубекиръ. — Она должна быть прекрасна и чиста, какъ непорочный ангелъ.—Ну, въ такомъ случаѣ долго бы пришлось твоему величеству искать напрасно, еслибы судьба не привела меня къ тебѣ: я знаю именно такое совершенство, какого ты желаешь; она дочь престарѣлаго визиря, который давно оставилъ службу и живетъ теперь на покоѣ съ своей многочисленной семьей. Какъ ни дорожитъ онъ красавицей-дочерью, какъ ни обожаетъ ее, но, разумѣется, охотно разстанется съ нею ради

высокой чести породниться съ властителемъ Балсоры. Если угодно, я переговорю сегодня же.

— О, нѣтъ, отецъ мой! возразилъ Зэинъ, зачѣмъ такая поспѣшность... Хотя я вполнѣ довѣряю твоему сужденію, но въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ бракъ, слѣдуетъ руководствоваться личнымъ выборомъ. Поэтому прошу тебя только объ одномъ: доставь мнѣ случай увидѣть красавицу.—Но развѣ по одному взгляду возможно опредѣлить ея нравственныя качества?—Да; для меня совершенно достаточно лишь одинъ разъ взглянуть на ея лицо.—Остается только дивиться такой проницательности, замѣтилъ иманъ съ недовѣрчивой улыбкой; но я готовъ содѣйствовать исполненію твоего желанія и заранѣе увѣренъ въ согласіи визиря отца.

Велика была радость Зэина Аласнама, когда, послѣ произведеннаго имъ испытанія, волшебное зеркало впервые осталось яснымъ и чистымъ, отразивъ очаровательно-прекрасное юное лицо. Въ своемъ восторгѣ онъ въ ту же минуту сдѣлалъ предложеніе великому визирю и, какъ слѣдовало ожидать, не получилъ отказа. Немедленно явился кади, составилъ брачный договоръ, а черезъ нѣсколько дней рѣшено было отпраздновать свадьбу.

Зэину удалось настоять на томъ, чтобы торжественные обряды совершились въ его домѣ, и это дало ему возможность уклониться отъ всякаго сближенія съ новобрачной, тѣмъ не менѣе чувство, возбужденное въ немъ красавицей, было такъ сильно, что онъ съ радостью отказался бы и отъ драгоцѣнной статуи, и ото всего на свѣтѣ, ради обладанія этимъ живымъ сокровищемъ. Могарэкъ, замѣтивъ, что происходитъ въ его душѣ, сказалъ ему на другой же день брака:—Государь, намъ уже нѣтъ основанія оставаться здѣсь долѣе, когда цѣль достигнута; поспѣши же исполнить свое обязательство передъ властителемъ геніевъ.—Зэинъ глубоко вздохнулъ, но, не находя возраженій, послѣдовалъ совѣту своего друга, и на другое же утро они отправились въ путь. Юная красавица слѣдовала за ними въ роскошномъ паланкинѣ, полная нетерпѣнія увидѣть скорѣе столицу своего державнаго супруга и начать съ нимъ новую, счастливую жизнь.

Наконецъ, когда они были уже недалеко отъ изумруднаго дворца, Могарэкъ рѣшился вывести ее изъ заблужденія и объявилъ, что царь Балсоры, исполняя принятое обязательство, женился на ней для того только, чтобы взять ее изъ-подъ родительскаго крова и передать властителю геніевъ, къ которому они и направляются въ настоящее время. Глубоко было огорченіе красавицы, когда она узнала свою судьбу. Горькія слезы полились изъ ея глазъ, и она съ упрекомъ сказала Могарэку:—О, за что же хотите вы загубить мою молодую жизнь, зачѣмъ навлекаете на себя Божію кару своимъ вѣроломнымъ обманомъ?...

Зэинъ слышалъ эти справедливыя жалобы, но хотя сердце его готово было разорваться на части, онъ не дерзнулъ нарушить данной клятвы и честно доставилъ красавицу властителю геніевъ. Тотъ вполнѣ остался доволенъ выборомъ Балсорскаго царя и сказалъ ему:—Сынъ мой, ты оправдалъ мое довѣріе, и получишь за это обѣщанную награду. Возвращайся теперь въ свой дворецъ и тамъ, въ извѣстномъ тебѣ подземельѣ, найдешь девятую статую.—Зэинъ и Могарэкъ преклонились ницъ передъ могучимъ геніемъ и отправились въ обратный путь.

Въ Каирѣ на этотъ разъ они оставались не долго, такъ какъ юный царь нетерпѣливо желалъ увидѣть девятую статую, стоившую ему столько труда и главное—столькихъ душевныхъ мукъ. Однако, даже теперь, въ виду близкаго достиженія своей цѣли, онъ далеко не ощущалъ той радости, какой ожидалъ при началѣ предпріятія, когда былъ еще свободенъ и отъ укоровъ совѣсти, и отъ жгучихъ страданій безнадежной любви.

При въѣздѣ царскаго каравана въ Балсору, весь народъ—отъ мала до велика—встрѣтилъ своего повелителя восторженными кликами и съ торжествомъ проводилъ до дворцовыхъ воротъ. Зэинъ прежде всего поспѣшилъ въ покои своей матери и повѣдалъ ей подробно обо всемъ,

что произошло за время ихъ разлуки; когда же, въ заключеніе, упомянулъ о послѣднемъ обѣщаніи властителя геніевъ, царица радостно воскликнула:—Такъ знаменитая статуя уже здѣсь!... Пойдемъ же, сынъ мой, пойдемъ скорѣй взглянуть на это чудо!...

Они пошли, спустились въ подземелье и, отворивъ потайную дверь, съ изумленіемъ увидали на девятомъ золотомъ подножіи очаровательно прекрасное живое созданіе, затмевавшее блескомъ своей юной красоты даже лучезарный блескъ всѣхъ бриллiантовыхъ статуй. Зэинъ едва не лишился чувствъ отъ нежданной радости, такъ какъ съ перваго же взгляда узналъ въ этой дивной красавицѣ свою молодую супругу.—Государь, промолвила она робкимъ, нѣжнымъ голосомъ, застѣнчиво опуская глаза, не меня навѣрное ожидалъ ты найти здѣсь, а какое-нибудь безцѣнное сокровище... и, можетъ быть, жалѣешь, что потратилъ даромъ столько трудовъ и стараній... — О, нѣтъ, моя ненаглядная, горячо возразилъ Зэинъ, Богъ свидѣтель, какъ тяжело мнѣ было разстаться съ тобою, и какъ велико мое счастіе въ настоящую минуту... Вѣдь ты для меня дороже всѣхъ сокровищъ въ мірѣ...

Вдругъ страшный громовой ударъ прервалъ эту рѣчь; всѣ вздрогнули отъ испуга, но въ то же мгновеніе, при ослѣпительномъ блескѣ

молніи, появился властитель геніевъ и сказалъ, обращаясь къ царицѣ матери:—Узнай, государыня, чего не знала прежде: еще съ самаго рожденія твоего сына я принялъ его подъ свое покровительство и опредѣлилъ ему счастливую судьбу; но сначала, слѣдя за нимъ невидимо, предоставлялъ убѣдиться горькимъ опытомъ, что никакое высокое положеніе не спасаетъ человѣка отъ гибели, если онъ руководится въ жизни страстями вмѣсто разума. Потомъ, когда его безумныя увлеченія смѣнились искреннимъ раскаяніемъ, я открылъ ему эти несмѣтныя богатства и помогъ найти лучшее изъ всѣхъ земныхъ сокровищъ—прекрасную, кроткую, непорочную жену. При этомъ онъ былъ подвергнутъ испытанію и выдержалъ его мужественно, честно, хотя и не совсѣмъ точно, добавилъ геній съ улыбкой,—потому что требовалось не только не прикасаться къ избранницѣ, а даже и не ощущать къ ней ни малѣйшаго влеченія. Послѣдняго условія онъ не выполнилъ, но вѣдь я слишкомъ хорошо знаю человѣческую природу, чтобы карать за такую вину. Итакъ, продолжалъ онъ, уже обращаясь къ Зэину, вотъ та драгоцѣнность, которую я обѣщалъ тебѣ; она дѣйствительно выше всякой стоимости; береги же ее, люби одну неизмѣнно и будьте счастливы.

Геній исчезъ, а Зэинъ съ безмолвнымъ восторгомъ обнялъ свою молодую супругу и на другой же день провозгласилъ ее царицей Балсоры. Затѣмъ вся долгая жизнь ихъ шла такъ же мирно и счастливо, какъ эти первыя блаженныя минуты любви.

Такъ закончила Шехеразада свою повѣсть и, получивъ одобреніе повелителя, предложила ему прослушать другую; онъ согласился охотно, но въ это время приближеніе утра уже возвѣщалось алой зарей на востокѣ, и разсказъ былъ отложенъ до слѣдующей ночи.

Сказка о царевичѣ Кодададѣ и его братьяхъ.

Древніе лѣтописцы Діарбекирскаго государства повѣствуютъ, что въ его престольномъ городѣ Харранѣ царствовалъ когда то мудрый, доблестный монархъ, который своимъ великодушіемъ и непрестаннымъ радѣніемъ о благѣ подданныхъ оставилъ по себѣ безсмертную память въ народѣ. Щедро надѣлило его небо всѣми благами жизни, могуществомъ, славой, одного только не даровало на радость и утѣшеніе — желаннаго сына, наслѣдника. Долго оставались тщетными и горячія мольбы, и милостыни, и богатыя приношенія; наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ напраснаго ожиданія, явился ему во снѣ благолѣпный старецъ и сказалъ:

— Возрадуйся, государь: милосердный Богъ даруетъ тебѣ желаемое. На разсвѣтѣ, какъ только проснешься, совершишь омовеніе и молитву,

иди въ свои сады, сорви тамъ самый спѣлый плодъ съ гранатоваго дерева и съѣшь столько зеренъ, сколько желаешь имѣть дѣтей.

Такъ живо и ясно запечатлѣлось въ памяти царя это сновидѣніе, что, пробудившись, онъ съ полною вѣрой принялъ его за откровеніе свыше, а лишь только наступило утро, благоговѣйно совершилъ обычную молитву, вышелъ въ садъ и, выбравъ тамъ самую зрѣлую гранату, съѣлъ изъ нея до пятидесяти зеренъ. Съ того же дня, къ великой радости царя и народа, всѣ его сорокъ девять женъ одновременно понесли во чревѣ, и только одна пятидесятая, по имени Пирузэ, не проявляла никакихъ признаковъ беременности. Это такъ сильно огорчило и даже раздражило царя, что онъ сразу возненавидѣлъ свою недавнюю любимицу. — Видимо, она недостойна благодати Божіей, говорилъ онъ, а кто противенъ Создателю, того не слѣдуетъ оставлять въ живыхъ. Придя къ такому безчеловѣчному выводу, онъ навѣрное казнилъ бы несчастную, еслибы за нее не вступился великій визирь и не доказалъ своему государю всей неосновательности его заключенія.—Мы не въ правѣ и не въ силахъ судить, кто угоденъ или не угоденъ Богу, говорилъ этотъ разумный совѣтникъ; даже самое безплодіе твоей супруги еще подвержено сомнѣнію; подожди,—не всѣ женщины одновременно проявляютъ признаки зачатія: однѣ раньше, другія позже.—Ну, пусть себѣ живетъ, согласился царь, только я положительно не могу видѣть ея въ своемъ дворцѣ. — Въ такомъ случаѣ, государь, замѣтилъ визирь, не лучше ли пока отправить ее къ царю Самеру, двоюродному брату твоего величества? Царь одобрилъ этотъ совѣтъ и тотчасъ же продиктовалъ письмо, въ которомъ просилъ державнаго родственника принять Пирузэ подъ свое покровительство, оказывать ей должное почтеніе, а въ случаѣ рожденія отъ нея ребенка, немедленно послать объ этомъ извѣстіе въ городъ Харранъ.

Вскорѣ послѣ прибытія ко двору Самарійскаго царя, Пирузэ дѣйствительно обнаружила явные признаки беременности, а въ опредѣленный срокъ произвела на свѣтъ прекраснаго младенца, который былъ нареченъ при рожденіи Кодададомъ *). Властитель Самаріи немедленно извѣстилъ объ этомъ радостномъ событіи Діарбекирскаго царя и получилъ отъ него въ отвѣтъ такое посланіе:

„Государь и братъ! Не могу выразить тебѣ всей своей глубокой признательности за добрую вѣсть и за твои попеченія о матери моего ребенка. Услышалъ наконецъ Господь мои молитвы и обильно пролилъ на меня свою благодать. Всѣ мои сорокъ-девять женъ, не считая Пирузэ, одновременно принесли мнѣ по сыну, такъ что женское отдѣленіе моего дворца теперь переполнено дѣтьми, и я просилъ бы твое велич-

*) Богоданный.

ство оставить при своемъ дворѣ новорожденнаго Кодадада, пока я не потребую его къ себѣ".

Самарійскій царь, въ угоду своему могущественному родственнику, приложилъ всѣ старанія къ воспитанію его сына; чуть ли не съ младенческихъ лѣтъ ребенокъ былъ окруженъ первѣйшими учителями по всѣмъ отраслямъ знанія, лучшими руководителями въ военномъ дѣлѣ и своими быстрыми, блестящими успѣхами вполнѣ вознаграждалъ ихъ труды. Щедро одаренный высшими качествами души и тѣла,—воспріимчивымъ умомъ, красотою, отвагой,—онъ еще въ ранней юности преодолѣлъ всю книжную мудрость, научился владѣть всякаго рода оружіемъ, считался лучшимъ наѣздникомъ, а въ упражненіяхъ, требующихъ силы и ловкости, не имѣлъ себѣ равнаго.

Но по мѣрѣ того, какъ возросталъ и мужалъ царевичъ, скучная, однообразная жизнь при Самарійскомъ дворѣ начинала тяготить его все болѣе и болѣе; онъ жаждалъ дѣятельности, военныхъ подвиговъ, прирожденный геройскій духъ его стремился туда, гдѣ витаютъ опасность и слава, гдѣ его молодыя, кипучія силы могли бы развернуться на просторѣ, а между тѣмъ съ нимъ продолжали обращаться какъ съ ребенкомъ, берегли, лелѣяли, и это наконецъ вывело его изъ терпѣнія. — Государыня, сказалъ онъ однажды своей матери, я слышалъ, что отецъ мой, Харранскій царь, со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами, отчего же онъ не призываетъ меня на защиту, зачѣмъ оставляетъ томиться въ безполезной праздности? Всѣ мои братья давно уже сражаются въ его полкахъ, одинъ только я почему то забытъ и обреченъ на бездѣйствіе. Неужели же у меня не хватитъ силы и мужества защищать свое отечество?

— О, возлюбленный сынъ мой! отвѣчала мать, я горжусь твоей великодушной отвагой и, повѣрь, не стала бы тебѣ препятствовать въ достиженіи славы, но ты не можешь явиться къ отцу, не дождавшись его приказанія... — Все ждать и ждать, горячо возразилъ Кодададъ, но когда же будетъ этому конецъ?... Нѣтъ, дорогая матушка, не вынести мнѣ долѣе такой пытки, лучше отпусти меня. Если хочешь, я явлюсь къ отцу подъ видомъ неизвѣстнаго и только тогда открою ему свое имя, когда дѣла мои заслужатъ его любовь. Мать одобрила и благословила сына, а чтобы не встрѣтилось препятствія со стороны дяди, посовѣтовала ему не объявлять о своемъ намѣреніи.

Царевичъ такъ и сдѣлалъ: онъ отпросился на нѣсколько дней, подъ предлогомъ охоты, и выѣхалъ изъ города на бѣломъ арабскомъ конѣ, убранномъ съ ослѣпительной роскошью: наборная уздечка, усыпанная драгоцѣнными каменьями, сѣдло, отдѣланное золотомъ, золотыя стремена, чепракъ, расшитый разноцвѣтными шелками, унизанный жемчугомъ,—все это блестѣло и сверкало, какъ утренняя роса подъ лучами

солнца. Юный всадникъ былъ въ полномъ бранномъ вооруженіи: за плечами лукъ и колчанъ со стрѣлами, сбоку длинная сабля съ рукояткой изъ цѣльнаго алмаза. Благополучно совершилъ онъ свой долгій и трудный путь отъ Самаріи до Діарбекира, а по прибытіи въ городъ Харранъ немедленно представился отцу, даже не давъ себѣ времени отдохнуть.

Восхищенный красотою и статностью этого блестящаго молодого воина, царь спросилъ его кто онъ и откуда.—Я сынъ Каирскаго эмира, отвѣтилъ Кодададъ,—и покинулъ свою родину съ единственною цѣлью увидѣть свѣтъ, ознакомиться съ чужими краями; но, проѣзжая по владѣніямъ твоего величества, узналъ, что ты ведешь упорную войну съ сосѣдними государями, и тутъ же рѣшился обратиться къ тебѣ съ просьбой: прими меня въ свою армію и дозволь мнѣ сражаться подъ ея славнымъ знаменемъ. Царь не безъ удовольстія согласился на предложеніе пылкаго юноши и тотчасъ же далъ ему одно изъ почетныхъ назначеній въ своихъ войскахъ.

Кодададъ не замедлилъ проявить тѣ блестящія военныя качества, которыя развивались въ немъ съ самаго дѣтства: горячій и храбрый до самозабвенія, онъ увлекалъ за собою солдатъ и заставлялъ удивляться военачальниковъ; его отвага, искусство и находчивость въ рѣшительныя минуты не разъ уже давали перевѣсъ діарбекирскимъ войскамъ. Царь видѣлъ это, награждалъ его доблести и съ каждымъ днемъ привязывался къ нему все сильнѣе; а за царемъ всѣ придворные наперерывъ старались оказать свое вниманіе и дѣйствительное расположеніе къ этому баловню судьбы, такъ что въ концѣ концовъ царевичи, и прежде не особенно любимые въ народѣ, совсѣмъ остались въ тѣни. Это общее видимое предпочтеніе сильно раздражало честолюбивыхъ юношей и впервые пробудило въ ихъ сердцахъ непріязненное чувство къ Кодададу, когда же царь отецъ, все болѣе убѣждаясь въ его нравственномъ превосходствѣ, поручилъ ему быть ихъ руководителемъ, они возмутились окончательно, и затаенное недоброжелательство перешло въ такую же тайную, но смертельную ненависть.

— Что же это такое, втихомолку говорили они между собой:— какой то молокососъ, безъименный выскочка еще будетъ командовать нами!... Мало того, что царь отецъ во всемъ оказываетъ ему предпочтеніе передъ родными дѣтьми, мы еще должны теперь спрашиваться его во всякой мелочи, не можемъ шагу ступить безъ его позволенія. Нѣтъ, это ужь черезчуръ, надо, во что бы ни стало, отдѣлаться отъ него.— Такъ за чѣмъ же дѣло? сказалъ одинъ, развѣ мы не справимся съ нимъ общими силами?—О, нѣтъ, нѣтъ, возразилъ другой,—насиліе тутъ опасно, а тѣмъ болѣе убійство. Отецъ такъ привязался къ этому чужестранцу, что навѣрное жестоко покараетъ за его смерть: [illegible] можетъ

даже лишить насъ престола, или совсѣмъ изгнать изъ государства. Лучше прибѣгнемъ къ хитрости. Съ своей стороны я предлагаю вотъ что: завтра отпросимся на охоту только на одинъ день, а потомъ скроемся гдѣ нибудь въ глухомъ мѣстѣ и не вернемся до тѣхъ поръ, пока царь встревоженный нашимъ отсутствіемъ, не расправится съ этимъ непрошеннымъ руководителемъ. Я увѣренъ, что онъ не проститъ ему такой небрежности, и если не повелитъ казнить, то во всякомъ случаѣ изгонитъ его изъ своихъ владѣній.

Всѣ братья одобрили эту коварную выдумку и на другой же день упросили Кодада отпустить ихъ на охоту въ ближайшій лѣсъ, давъ ему слово возвратиться до солнечнаго заката. Не видя никакой опасности въ этой обычной забавѣ и чуждый всякаго подозрѣнія, Кодададъ согласился, даже не испросивъ разрѣшенія отца. Но прошелъ день, другой, третій, а царевичи не являлись, и всѣ предпринятые поиски оставались тщетными; наконецъ и самъ царь замѣтилъ ихъ отсутствіе.— Отчего я такъ долго не вижу своихъ сыновей? спросилъ онъ у Кодада.—Государь, отвѣтилъ юноша съ видимымъ смущеніемъ,—они отпросились у меня на охоту по близости отъ города, всего только на нѣсколько часовъ, а вотъ уже прошло три дня, и я ничѣмъ не могу объяснить такого замедленія. Царь промолчалъ, но когда царевичи не вернулись и на слѣдующій день, онъ снова призвалъ къ себѣ Кодада и сказалъ ему:—Такъ вотъ какъ ты оправдываешь мое довѣріе! Поѣзжай сейчасъ же на поиски и помни: если не найдешь царевичей, тебѣ не сносить своей головы.

Тяжело было услышать Кодаду эти грозныя слова; смущенный и печальный вышелъ онъ отъ отца, велѣлъ осѣдлать себѣ коня, поспѣшно вооружился и отправился въ невѣдомый путь. Ему приходилось ѣхать наобумъ, такъ какъ окрестности города съ ихъ селеніями и лѣсами были уже обысканы во всѣхъ направленіяхъ, но нигдѣ не получилось ни малѣйшаго свѣдѣнія о пропавшихъ царевичахъ. Нѣсколько дней подрядъ онъ ѣхалъ все далѣе, почти не сходя съ коня, а самъ уныло раздумывалъ:—Куда же могли они скрыться?... Врагъ ли ихъ подстерегъ гдѣ нибудь, или сами, увлекшись охотой, заѣхали въ непріятельскія владѣнія и попали въ плѣнъ?... О, несчастная моя судьба! не радость и не пользу принесъ я своему дорогому отцу, а горькую, смертельную отраву...

На разсвѣтѣ девятаго дня передъ нимъ открылась обширная равнина, а посреди ея онъ увидѣлъ громадный дворецъ, весь изъ чернаго мрамора; но лишь только сталъ къ нему приближаться, какъ раздался чей то голосъ, кричавшій изо всѣхъ силъ:—Остановись, кто бы ты ни былъ, не дѣлай болѣе ни шагу впередъ! Здѣсь ожидаетъ тебя гибель... Бѣги же, бѣги скорѣе, пока есть еще время, пока не вернулся чудовищный обитатель этого замка—черный великанъ, людоѣдъ...

Пораженный этими словами, Кодададъ поднялъ голову и увидалъ въ одномъ изъ рѣшетчатыхъ оконъ дворца молодую, прекрасную женщину. Одежда ея была изорвана, роскошные черные волосы въ безпорядкѣ разсыпались по обнаженнымъ плечамъ, а блѣдное лицо, орошенное слезами, выражало безъисходное отчаяніе.

— Не заботься обо мнѣ, прекрасная госпожа моя, отвѣтилъ ей Кодададъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ состраданія;—я вижу, надъ тобою уже тяготѣетъ то бѣдствіе, отъ котораго ты желаешь меня предостеречь; повѣдай же, кто ты и какими судьбами находишься здѣсь.

— Я дочь каирскаго вельможи и самая несчастная женщина въ мірѣ, сказала она,—но мнѣ уже нѣтъ спасенія, а ты еще можешь спастись; бѣги же, умоляю тебя, уйди скорѣе отъ этихъ пагубныхъ мѣстъ. Черный великанъ только что выѣхалъ на добычу, онъ рыщетъ здѣсь, какъ кровожадный звѣрь, и убиваетъ каждаго путника, или забираетъ въ плѣнъ, чтобы потомъ пожрать... меня же онъ оставилъ еще для худшей доли, но я готова скорѣй умереть, чѣмъ подчиниться его любви...

Едва успѣла она вымолвить послѣднее слово, какъ вдали показался какой то колоссъ на такомъ же гигантскомъ конѣ; онъ подскакалъ къ изумленному Кодададу и крикнулъ ему громовымъ голосомъ:— А, несчастный, сама судьба отдаетъ тебя въ мои руки! Брось свое ненужное оружіе и сдавайся безпрекословно. Вмѣсто отвѣта царевичъ обнажилъ свою саблю и спокойно сталъ ждать нападенія. Взбѣшенный такой неожиданной дерзостью, черный великанъ пришпорилъ коня, громадный мечъ его зловѣще просвисталъ въ воздухѣ, но царевичъ не даромъ учился боевому искусству: ловкимъ и быстрымъ поворотомъ онъ уклонился отъ страшнаго удара, а пока противникъ собирался нанести другой, такъ сильно ударилъ его саблей по рукѣ, что отсѣченная рука упала вмѣстѣ съ скрѣпко-сжатымъ мечомъ. Дико вскрикнулъ великанъ, заревѣлъ отъ боли и рухнулъ на землю, истекая кровью. Тогда царевичъ проворно соскочилъ съ коня и покончилъ съ чудовищемъ, однимъ ударомъ отрубивъ ему голову.

— О, праведное Небо! радостно воскликнула красавица, во все время съ невыразимой тревогой слѣдившая изъ окна за ходомъ этой битвы,—не Ты ли посылаешь мнѣ свыше своего ангела-избавителя?: Не знаю, какъ назвать тебя, доблестный юноша, духомъ благимъ, или царевичемъ? продолжала она, обращаясь къ Кодададу; если ты смертный, то долженъ быть царскаго рода,—это доказываетъ несомнѣнно твой геройскій подвигъ; но, кто бы ты ни былъ, заклинаю тебя именемъ Бога, освободи меня скорѣе изъ этой страшной тюрьмы. Обыщи карманы великана,—тамъ найдешь навѣрное всѣ ключи отъ дворца.

Кодададъ склонился надъ мертвымъ врагомъ, распростертымъ въ

пыли у его ногъ, вынулъ ключи и, выбравъ самый большой, отперъ входную дверь. Лишь только вступилъ онъ въ обширный внутренній дворъ, красавица выбѣжала ему на встрѣчу и въ порывѣ своей горячей благодарности хотѣла было броситься къ его ногамъ, но царевичъ быстро удержалъ ее и тутъ же остановился, пораженный изумленіемъ и восторгомъ при видѣ этой дивной красоты, оказавшейся вблизи еще въ тысячу разъ очаровательнѣе, чѣмъ издали. Трепетъ блаженства мгновенно охватилъ обоихъ, и, не отрывая глазъ другъ отъ друга, они заговорили безсвязно, отрывочно, одному только сердцу понятнымъ языкомъ, но этого было вполнѣ достаточно, чтобы заставить ихъ позабыть все на свѣтѣ, кромѣ своей внезапной, всесильной любви.

Вдругъ какой то глухой, протяжный стонъ, словно исходившій изъ сотни страдальческихъ грудей, поразилъ слухъ Кодадада.—Что это? спросилъ онъ съ изумленіемъ.—О, прости меня, отвѣчала ему красавица,—я и забыла, что этотъ замокъ полонъ несчастныхъ жертвъ, обреченныхъ на закланіе; онѣ еще не знаютъ, какъ близко спасеніе,—поспѣши же освободить ихъ.—Да, надо скорѣе избавить этихъ несчастныхъ отъ всякой лишней минуты страданія, проговорилъ Кодададъ, но пойдемъ вмѣстѣ; я хочу, чтобы ты присутствовала при возвращеніи имъ свободы и была главной причиной ихъ радости.

Они пошли темными корридорами и, спустившись на нѣсколько ступеней, остановились передъ дверью, окованной желѣзомъ. Царевичъ

поспѣшно сталъ вкладывать ключи одинъ за однимъ и, какъ это всегда бываетъ второпяхъ, долго не могъ подыскать настоящаго. Между тѣмъ узники, заслышавъ зловѣщій звукъ, всполошились, ихъ стоны перешли въ какой то дикій, неистовый ревъ. Ясно было, что они ждали появленія гиганта, который всегда въ это время приносилъ имъ пищу и выбиралъ одного изъ нихъ себѣ на обѣдъ.

Наконецъ ключъ былъ подобранъ, дверь со скрипомъ отворилась, и сцена, полная ужаса, представилась глазамъ Кодададa. Большая, но темная, зловонная комната была полна людей, скованныхъ попарно и крѣпко привязанныхъ за руки къ желѣзнымъ кольцамъ, вбитымъ въ стѣны. Вся эта измученная толпа, съ лицами, искаженными страхомъ, тревожно заволновалась и устремила свои испуганные глаза на вошедшихъ.—Друзья мои, началъ Кодададъ, желая поскорѣе ихъ успокоить,—Небу угодно было даровать мнѣ побѣду надъ вашимъ врагомъ; я убилъ великана и пришелъ освободить васъ.—Радостные крики, слезы, истерическій хохотъ были ему отвѣтомъ. Царевичъ при помощи сопровождавшей его красавицы началъ развязывать узниковъ; освобожденные въ свою очередь снимали оковы съ другихъ, и такимъ образомъ черезъ нѣсколько минутъ всѣ могли покинуть эту отвратительную темницу и выйти на широкій дворъ. Только здѣсь, при дневномъ свѣтѣ, царевичъ впервые увидѣлъ между недавними плѣнниками своихъ братьевъ, которыхъ такъ долго напрасно разыскивалъ, и радость его при этомъ была такъ велика, что онъ едва не открылъ при ея первомъ порывѣ своего настоящаго имени.—Дорогіе мои царевичи, воскликнулъ онъ,—васъ ли я вижу! Какая злая судьба забросила васъ въ это ужасное мѣсто? Но всѣ ли вы на лицо, всѣ ли невредимы? Откликнитесь ради Бога... Тутъ всѣ сорокъ девять братьевъ вышли изъ толпы и стали поочередно благодарить своего избавителя.

Лишь только успокоилось немного общее волненіе, освобожденные вмѣстѣ съ Кодададомъ послѣдовали за красавицей во дворецъ и стали осматривать его многочисленные покои, гдѣ всюду лежали безпорядочными грудами или висѣли на стѣнахъ самыя разнообразныя вещи, поразившія ихъ своимъ богатствомъ и обиліемъ; здѣсь были и золотыя парчи, и превосходныя китайскія шелковыя ткани, и роскошные персидскіе ковры, сѣдла, узды, золотые, серебряные сосуды и множество другихъ предметовъ, награбленныхъ великаномъ у проѣзжихъ каравановъ. Нѣкоторые изъ освобожденныхъ узнавали свое добро, и Кодададъ тотчасъ возвращалъ его по принадлежности; остальное же, чему не нашлось хозяевъ, было раздѣлено по ровну между всѣми. Но когда разобрали эти драгоцѣнности и распредѣлили по порядку, явился вопросъ: какимъ способомъ увезти ихъ. Ни муловъ, ни верблюдовъ, ни лошадей ни у кого не было, нести же на себѣ такую тяжесть не представлялось

возможнымъ; къ счастію, кто то припомнилъ, что чудовищный людоѣдъ, разграбляя караваны, всегда забиралъ съ собой и вьючныхъ животныхъ, изъ чего всѣ заключили, что они находятся гдѣ нибудь тутъ же въ пристройкахъ дворца. Начался осмотръ дворцовыхъ зданій, и дѣйствительно вскорѣ были найдены громадныя конюшни, гдѣ къ всеобщей радости оказались въ цѣлости не только мулы и верблюды, но и лошади всѣхъ сорока девяти царевичей. Тутъ повторились изліянія горячей признательности Кодададу, и, распростившись съ нимъ, каждый отправился своей дорогой, благословляя судьбу.

Послѣ ихъ отъѣзда Кодададъ сказалъ, обращаясь къ красавицѣ:— Въ какую же сторону желаешь ты отправиться, дорогая госпожа моя? Куда ты держала свой путь, когда была застигнута злымъ великаномъ? Скажи, и я готовъ сопутствовать тебѣ хотя бы на край свѣта. Надѣюсь, и всѣ царевичи не откажутся слѣдовать за нами.—О да, да! подтвердили тѣ въ одинъ голосъ.

Но красавица, остановивъ свой обворожительный взглядъ на лицѣ Кодададa, съ грустью проговорила:—Тысячу разъ благодарю за твое великодушное участіе, только мнѣ некуда ѣхать... Родина моя далеко, и помимо того, что я не согласилась бы подвергать васъ трудностямъ такого дальняго пути, меня никто тамъ не встрѣтитъ и никто не будетъ радъ моему возвращенію... Да, сначала, когда гибель представлялась мнѣ неизбѣжной, я не хотѣла открывать своего настоящаго имени, теперь же скажу тебѣ, мой избавитель, что я царская дочь и бѣжала изъ своего отечества отъ преслѣдованія злодѣя, который убилъ моего отца и завладѣлъ его государствомъ. У меня не было никакой опредѣленной цѣли, когда черный великанъ разбилъ нашъ караванъ и взялъ

меня въ плѣнъ.—Она умолкла, печально поникнувъ головою; но Кодададъ, растроганный до глубины души, такъ горячо умолялъ ее разсказать подробно о своихъ несчастіяхъ, что царевна согласилась и, обращаясь къ Кодададу, начала такъ:

Разсказъ Дэріабарской царевны.

На одномъ островѣ есть большой, богатый городъ, называемый Дэріабаръ, гдѣ еще недавно царствовалъ государь мудрый, справедливый, лучшій изъ всѣхъ монарховъ въ мірѣ. Подданные любили его до обожанія, да и самъ онъ готовъ былъ положить душу свою за благо, ввѣреннаго ему, народа. Но, какъ бы въ подтвержденіе той истины, что полнаго счастія не существуетъ на свѣтѣ, и этотъ доблестный царь, счастливый въ настоящемъ, глубоко задумывался надъ будущностью своего государства, которое, за неимѣніемъ кровныхъ наслѣдниковъ, могло перейти въ чужія, недостойныя руки. Наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ, неотступныя мольбы его были услышаны, но только вполовину: небо даровало ему не сына, а дочь.

Я и была этой несчастной дочерью; говорю—несчастной, потому что самое появленіе мое на свѣтъ скорѣе огорчило, чѣмъ обрадовало царя. Тѣмъ не менѣе, всегда покорный волѣ Божіей, онъ безропотно примирился съ своей участью и, видя во мнѣ единственную преемницу престола, тщательно занимался моимъ воспитаніемъ, посвящалъ меня съ самой ранней юности во всѣ тайны государственнаго правленія. Однако, надеждамъ его не суждено было осуществиться, и вотъ начало того, что разрушило ихъ впослѣдствіи:

Однажды, во время охоты, царь, отецъ мой, завидѣлъ издали дикаго осла и такъ увлекся его преслѣдованіемъ, что, незамѣтно отдалился отъ своей свиты и заѣхалъ въ мѣста совершенно ему незнакомыя. Между тѣмъ оселъ добѣжалъ до громаднаго лѣса и скрылся въ его чащѣ. Царь остался на опушкѣ и, утомленный продолжительной быстрой ѣздой, сошелъ съ коня, чтобы осмотрѣться и отдохнуть. Наступали сумерки, послѣдніе лучи солнца уже догорали на горизонтѣ, и не прошло часа; какъ вся окрестность погрузилась въ глубокій мракъ.

Положеніе царя въ этой дикой, невѣдомой мѣстности становилось все болѣе и болѣе опаснымъ; онъ съ безпокойствомъ сталъ озираться кругомъ, и вдругъ яркій огонекъ блеснулъ гдѣ то недалеко между вѣтвями. Принявъ это явленіе за признакъ близкаго человѣческаго жилья, царь обрадовался и, забывая усталость, пошелъ по направленію огонька. Вскорѣ деревья стали рѣдѣть, открылась обширная лѣсная поляна, а на ней какая то постройка, вродѣ хижины, но только очень большихъ размѣровъ; осторожно подкравшись, царь заглянулъ въ ея освѣщенное

окно, и тутъ глазамъ его представилось странное зрѣлище: на скамьѣ, у пылающаго очага, сидѣлъ чудовищный черный великанъ и жарилъ на раскаленныхъ угольяхъ только что убитаго быка; время отъ времени онъ отрѣзывалъ дымящіеся куски мяса и разомъ проглатывалъ ихъ, запивая виномъ изъ громаднаго жбана. Поодаль, прислоненная спиною къ стѣнѣ, недвижимо полулежала молодая, красивая женщина, связанная по рукамъ и ногамъ, а около нея на голомъ полу копошился ребенокъ лѣтъ двухъ или трехъ и, словно сознавая несчастіе матери, вторилъ своими жалобными воплями ея горькому плачу.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ этой ужасающей сцены, отецъ мой уже бросился къ двери, чтобы войти и сразиться съ великаномъ; но, сообразивъ, что открытый бой съ такимъ громаднымъ чудовищемъ былъ бы слишкомъ неравенъ, онъ рѣшилъ поразить его въ расплохъ, не вступая въ рукопашную схватку. Между тѣмъ, наѣвшись досыта, черный гигантъ обратился къ своей плѣнницѣ съ такими словами: — Слушай, красавица, что тебѣ за охота накликать на себя гибель своимъ неразумнымъ упрямствомъ? Одумайся лучше, склонись на мою любовь, дай мнѣ обѣтъ въ неизмѣнной вѣрности, и увидишь тогда, какимъ заботливымъ вниманіемъ, какимъ довольствомъ я окружу тебя.—О, проклятый извергъ! отвѣчала она:—знай, что ни время, ни угрозы твои, ни страхъ передъ лютой смертью не превозмогутъ моего отвращенія къ тебѣ; ни-

чѣмъ на свѣтѣ не достигнешь ты своей гнусной цѣли и вѣчно останешься въ моихъ глазахъ все тѣмъ же ненавистнымъ чудовищемъ...

Тутъ страшный возгласъ великана прервалъ ея рѣчь. — Молчи! крикнулъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства и порывисто вскочилъ съ своего мѣста;—ни одного слова болѣе! И такъ ужь я слишкомъ долго выносилъ твое высокомѣрное презрѣніе, и накипѣвшая злоба въ моемъ сердцѣ пересиливаетъ любовь... Да, пора положить конецъ твоимъ дерзкимъ ругательствамъ... Если ты не хочешь быть моею, будь же ничьей!...

Съ этими словами, онъ лѣвой рукой схватилъ ее за волосы, приподнялъ на воздухъ, а правой, обнаживъ свой мечъ, уже занесъ его надъ головою несчастной; но въ это мгновеніе стрѣла, пущенная моимъ отцомъ черезъ открытое окно, пронзила ему сердце, и великанъ, какъ подрубленный стволъ, безъ крика и движенія рухнулъ на землю.

Вслѣдъ затѣмъ отецъ мой вошелъ въ хижину и, освободивъ красавицу, съ участіемъ сталъ ее распрашивать, кто она, откуда родомъ и какъ попала въ такую бѣду. Но изумленіе, радость, слезы благодарности долго мѣшали ей говорить; наконецъ она промолвила: — Кто бы ты ни былъ, мой избавитель, да благословитъ тебя Богъ! Потомъ продолжала:—Я жена одного изъ сарацинскихъ вождей, что̀ кочуютъ здѣсь съ своими племенами недалеко отъ морского берега. Этотъ великанъ не разъ встрѣчался намъ на пути и на бѣду мою, какъ оказалось впослѣдствіи, воспылалъ ко̀ мнѣ бѣшеной страстью; но тогда я ничего не подозрѣвала и вотъ, какъ то разъ, играя съ своимъ маленькимъ сыномъ, случайно забрела далеко отъ нашего стана; а гигантъ, давно уже слѣдившій за мною, воспользовался моей безпомощностью,—онъ захватилъ меня вмѣстѣ съ ребенкомъ и увелъ въ этотъ дремучій лѣсъ, гдѣ считалъ себя безопаснымъ отъ преслѣдованія моего мужа. Мы уже нѣсколько дней находимся здѣсь, и не знаю, какое чудо могло спасти меня отъ неукротимой страсти великана, такъ какъ онъ не овладѣлъ мною силой?... Этого я боялась больше всего на свѣтѣ, больше самой смерти, и ты слышалъ, къ какому средству прибѣгала, чтобы возбудить его ярость и натолкнуть на убійство, потому что смерть казалась мнѣ единственнымъ спасеніемъ отъ его отвратительныхъ ласкъ. Теперь ты знаешь, въ какомъ отчаянномъ положеніи я находилась и, надѣюсь, не пожалѣешь о своемъ великодушномъ поступкѣ.

— Не только не жалѣю, отвѣчалъ царь,—но благословляю судьбу, что она дала мнѣ случай и возможность оказать тебѣ эту помощь. Твое печальное приключеніе такъ глубоко поразило меня, что я готовъ стараться всѣми силами возвратить тебѣ прежнее счастіе. Завтра, съ наступленіемъ дня, мы легко найдемъ дорогу въ мою столицу, гдѣ ты навѣрное не откажешься поселиться на время во дворцѣ, пока мужъ твой не явится или не пришлетъ за тобою.

Красавица со слезами благодарности приняла это предложеніе, а на разсвѣтѣ слѣдующаго утра отецъ мой благополучно вывелъ ее на опушку лѣса, гдѣ тотчасъ же ихъ встрѣтила царская свита, всю ночь блуждавшая въ окрестностяхъ, отыскивая своего государя. Увидѣвъ его невредимымъ, всѣ бросились къ нему съ непритворной радостью, но присутствіе незвѣстной женщины и ребенка привело ихъ въ недоумѣніе. Царь поспѣшилъ разсказать о своемъ ночномъ приключеніи и при этомъ не скрылъ, какой опасности подвергался, еслибы великанъ замѣтилъ его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ пустить въ него стрѣлу.

Затѣмъ, было рѣшено немедленно возвратиться въ столицу. Одинъ изъ придворныхъ взялъ къ себѣ на сѣдло красавицу, другой — ея ребенка, а по прибытіи во дворецъ, вѣрный своему обѣщанію, царь отвелъ для спасенной роскошное помѣщеніе и окружилъ ее всевозможными удобствами, какихъ она никогда еще не знавала при своей прежней кочевой жизни. Тѣмъ не менѣе, на первыхъ порахъ красавица съ нетерпѣніемъ ждала своего мужа, тосковала по немъ и плакала, но потомъ постоянное вниманіе и нѣжная заботливость моего отца вмѣстѣ съ благодарностью пробудили въ ея сердцѣ иное, болѣе сильное чувство, и она не только перестала сожалѣть о прошломъ, но втайнѣ даже благословляла судьбу за эту счастливую перемѣну.

Между тѣмъ ея ребенокъ подросталъ; это былъ живой, бойкій, остроумный мальчикъ и такой привлекательный, что царь полюбилъ его, какъ родного сына, а всѣ придворные, видя эту привязанность, заключили, что современемъ онъ женитъ на мнѣ своего любимца и сдѣлаетъ наслѣдникомъ престола. Такія предположенія высказывались даже въ его присутствіи и рано возбудили въ немъ честолюбивыя мечты; съ лѣтами же, подъ вліяніемъ всеобщаго поклоненія, лести, похвалъ, надежда мало по малу перешла въ увѣренность, и онъ рѣшился, не дожидаясь предложенія, просить у царя моей руки.

Всякій другой на мѣстѣ моего отца, конечно, оскорбился бы такою дерзостью и прогнѣвался, но царь такъ сильно любилъ своего питомца, что ограничился однимъ уклончивымъ отказомъ.—„Я имѣю иные виды на свою дочь“, отвѣтилъ онъ спокойно, но тѣмъ не менѣе этотъ гордый, высокомѣрный юноша счелъ себя глубоко обиженнымъ и поклялся отомстить моему отцу. Онъ безъ труда набралъ цѣлую шайку негодяевъ, имѣвшихъ не мало поводовъ къ недовольству правосудіемъ, въ расплохъ напалъ съ ними на дворецъ среди ночи и убилъ моего отца. Затѣмъ, съ помощью тѣхъ же сообщниковъ, онъ заставилъ провозгласить себя царемъ Дэріабарскаго государства, а по восшествіи на престолъ первой его мыслью было — или овладѣть мною насильно, или умертвить меня.

Но Богъ не попустилъ этого новаго злодѣянія: великій визирь,

много лѣтъ служившій моему отцу, остался вѣренъ ему и по смерти; онъ вовремя успѣлъ укрыть меня въ домѣ одного изъ своихъ друзей, а потомъ, тайно снарядивъ корабль, увезъ въ открытое море. Людей съ нами было немного: нѣсколько матросовъ, моя старая няня да четверо преданныхъ слухъ, до конца не измѣнившихъ своему законному царю. Итакъ, отдавъ себя на волю Божію, мы рѣшились объѣхать всѣ сосѣднія государства съ цѣлью умолить ихъ властителей вступиться за мои права.

Можетъ быть намъ и удалось бы найти защиту, но видно мѣра моихъ испытаній еще не переполнилась. На третій день плаванія стали собираться грозныя тучи, вѣтеръ внезапно перемѣнилъ направленіе и, усиливаясь съ каждою минутой, перешелъ въ свирѣпую бурю. Все, что давало силу нашему кораблю, было мгновенно сломано, изорвано, унесено; ничѣмъ уже не управляемый, кромѣ бѣшеныхъ волнъ, онъ налетѣлъ на подводныя скалы и разбился въ дребезги. Не могу припомнить ни одной изъ ужасныхъ подробностей этого крушенія, потому что я вскорѣ лишилась чувствъ и очнулась уже на морскомъ берегу. Волною ли выбросило меня туда, или какой нибудь обломокъ корабля послужилъ мнѣ спасеніемъ,—какъ бы то ни было, но только съ возвращеніемъ сознанія я не обрадовалась жизни. Говорятъ, несчастіе ожесточаетъ сердце, и это мнѣ пришлось испытать на себѣ: оставшись одинокой, безъ крова, безъ пристанища, безъ надежды найти исходъ изъ этого пустыннаго мѣста, я предалась отчаянію и вмѣсто того, чтобы съ благодарностью обратиться къ Богу, возроптала на судьбу, искренно завидуя участи своихъ погибшихъ спутниковъ. Въ одну изъ такихъ минутъ я даже готова была снова броситься въ море и непремѣнно исполнила бы свое грѣховное намѣреніе, еслибы случайно меня не замѣтили всадники, скакавшіе въ мою сторону. Вѣроятно удивленные присутствіемъ женщины въ такомъ безлюдномъ мѣстѣ, они разомъ остановились и стали совѣщаться между собой.

Наконецъ одинъ изъ нихъ, въ блестящемъ вооруженіи, съ царской короной, сіявшей на его головѣ, выслалъ нѣсколько человѣкъ, чтобы распросить меня. Но волненіе и слезы долго не давали мнѣ возможности отвѣчать, да кажется и безъ словъ было понятно, какъ я попала сюда,—обломки корабля, прибитые къ берегу, ясно говорили, какая участь постигла меня и моихъ спутниковъ.

Между тѣмъ царь, очевидно соскучившись долгимъ ожиданіемъ своихъ посланныхъ, самъ приблизился ко мнѣ; увидавъ, что я дрожу, какъ въ лихорадкѣ, и не въ силахъ вымолвить ни слова, онъ запретилъ докучать мнѣ распросами, затѣмъ сказалъ съ участіемъ:

— Успокойся, красавица, не убивайся такъ. Никогда не надо отчаяваться въ благости Божіей; будь же мужественна и вѣрь, что нѣтъ

такого несчастія, которое бы не проходило со временемъ. Я еще не знаю, кто ты, но сердце мое уже стремится къ тебѣ, и смѣю надѣяться, что въ моихъ владѣніяхъ ты найдешь тотъ покой, въ которомъ такъ нуждаешься. Царица-мать моя приметъ тебя подъ свое покровительство и съумѣетъ облегчить твое горе.

Все это онъ говорилъ съ такой горячностью, съ такой задушевной искренностью, что я невольно заслушалась, не спуская съ него своихъ очарованныхъ глазъ. Передо мною былъ юноша, лѣтъ двадцати, статный, величавый, прекрасный, какъ Божій день.... Разумѣется, я съ благодарностью приняла его великодушное предложеніе, а чтобы поскорѣе выразить ему полное довѣріе, тутъ же открыла свое настоящее званіе и разсказала обо всемъ, что случилось со мной за послѣднее время. Мой простой, безъискусственный разсказъ видимо произвелъ глубокое впечатлѣніе на молодого царя; молча дослушавъ его до конца, онъ сошелъ съ коня, бережно помѣстилъ меня къ себѣ на сѣдло, и мы отправились въ путь къ его далекой столицѣ. Дѣйствительно, царица-мать съ первой же минуты моего вступленія во дворецъ отнеслась ко мнѣ съ горячимъ участіемъ, а впослѣдствіи полюбила меня, какъ родную дочь, и съ радостью дала свое согласіе, когда царь предложилъ мнѣ руку вмѣстѣ съ короной.

Начались приготовленія къ свадьбѣ, и въ назначенный день она была отпразднована со всевозможнымъ великолѣпіемъ; но во время брачнаго пира, въ глухую полночь, когда не только во дворцѣ, но и во всемъ городѣ всѣ предавались веселью, одинъ изъ сосѣднихъ государей, давнишній врагъ моего супруга, тайно высадился на берегъ съ многочисленнымъ войскомъ и ворвался во дворецъ. Общее смятеніе было такъ велико, что никто даже и не подумалъ о защитѣ: одни сдались, другіе разбѣжались, а мы съ царемъ, покинутые всѣми, съ неимовѣрной опасностью выбрались изъ дворца и спаслись на первой рыбацкой лодкѣ.

Положеніе наше было ужасно; оставалась одна только надежда— встрѣтить какое-нибудь торговое судно, которое согласилось бы насъ принять. И дѣйствительно, на третій день нашего безцѣльнаго плаванія вдали показался какой то корабль, быстро приближавшійся къ намъ на встрѣчу на всѣхъ парусахъ. Легко представить себѣ, но невозможно выразить словами, какія чувства волновали насъ въ эти минуты тревожнаго ожиданія, радостной надежды, мучительнаго страха, что не замѣтятъ и пройдутъ мимо; мы употребляли всѣ средства, чтобы обратить на себя вниманіе, и къ несчастію успѣли въ этомъ: насъ замѣтили, а черезъ нѣсколько минутъ корабль поровнялся съ нашей убогой лодкой, и мы съ ужасомъ увидали, что находимся во власти морскихъ разбойниковъ. Въ одно мгновеніе трое или четверо спрыгнули

въ лодку и, не давъ намъ опомниться, перенесли насъ на палубу корабля, гдѣ мужа моего связали по рукамъ и ногамъ, а съ меня сорвали покрывало; вѣроятно, моя наружность произвела большое впечатлѣніе на всѣхъ, потому что каждый, не дожидаясь жребія, заявилъ намѣреніе присвоить меня себѣ. Завязался споръ, быстро перешедшій въ кровавую схватку. Какъ разъяренные звѣри, разбойники бросались другъ на друга съ ножами въ рукахъ,—рѣзали, кололи, рубили одинъ другого съ такимъ неистовымъ, дикимъ остервенѣніемъ, что не прошло и получаса, какъ изо всѣхъ тридцати разбойниковъ въ живыхъ остался только одинъ.

— Ну, красотка, сказалъ мнѣ этотъ страшный побѣдитель,—теперь ты моя безъ спора. Наконецъ то я могу услужить своему пріятелю, которому давно уже обѣщалъ добыть красивую невольницу. Мы съ тобой отправимся въ Каиръ.... А это кто приходится тебѣ? вдругъ спросилъ онъ, указывая на моего мужа, чѣмъ ты связана съ нимъ, родствомъ или бракомъ?—Это мой супругъ, отвѣчала я, не подозрѣвая, что этими двумя словами произношу смертный приговоръ молодому царю.—А! воскликнулъ разбойникъ съ не доброй усмѣшкой,—въ такомъ случаѣ надо пожалѣть его бѣднягу; вѣдь не радостно же будетъ ему видѣть тебя въ объятіяхъ другого. Съ этими словами онъ схватилъ моего мужа и въ одно мгновеніе выбросилъ за бортъ.

Что сталось тутъ со мною, — не могу даже выразить.... Помню только, что, въ порывѣ безумнаго отчаянія, я хотѣла броситься вслѣдъ за возлюбленнымъ, но разбойникъ удержалъ меня, а чтобы я не могла

повторить своей попытки, крѣпко привязалъ къ корабельной мачтѣ. Такъ мы достигли гавани и высадились въ какомъ то городѣ, гдѣ мой ужасный спутникъ накупилъ рабовъ, верблюдовъ, нагрузилъ ихъ награбленными товарами, бывшими на кораблѣ, и мы уже цѣлымъ караваномъ сухимъ путемъ отправились въ Каиръ. Остальное, царевичъ, тебѣ почти извѣстно, продолжала красавица: — Когда мы проѣзжали этой долиной, чудовищный негръ напалъ на насъ и потребовалъ безусловной сдачи; но разбойникъ, державшій меня въ плѣну, былъ отваженъ и храбръ; онъ не хотѣлъ безъ боя отдавать своей жизни и сталъ защищаться вмѣстѣ съ невольниками, которые, къ чести ихъ, не покинули своего господина во время опасности. Однакожь сопротивленіе оказалось напраснымъ: обладая сверхъестественной силой, гигантъ безъ труда истребилъ всѣхъ поголовно, меня же отвелъ въ свой дворецъ и заперъ въ отдѣльный покой съ рѣшетчатыми окнами. Онъ далъ мнѣ два дня на размышленіе, угрожая насиліемъ и смертью, если я добровольно не склонюсь на его любовь. И вотъ въ это утро моя участь должна была рѣшиться, — положенный срокъ миновалъ, и великанъ уже собирался войти ко мнѣ, но вдругъ завидѣлъ какихъ-то путниковъ на долинѣ и бросился за ними въ погоню. Вѣроятно, жертвы ускользнули отъ него, такъ какъ онъ возвращался одинъ, когда ты сразился съ нимъ ради моего спасенія.

— Царевна, воскликнулъ Кодададъ, выслушавъ этотъ печальный разсказъ,—Богу извѣстно, какъ глубоко запали мнѣ въ сердце твои несчастія; и чего бы я только не далъ, чтобы предохранить тебя отъ нихъ на будуще время! Впрочемъ, дальнѣйшая твоя судьба зависитъ отъ твоей воли. Я знаю, что царь, отецъ этихъ юношей, не откажется предложить тебѣ гостепріимство въ своемъ дворцѣ, тамъ ты найдешь пріютъ и успокоеніе, будешь окружена подобающимъ тебѣ почетомъ.... А если хочешь осчастливить своего избавителя и не отвергнешь его пламенной, беззавѣтной любви, то будь моей женою... Обѣщаю передъ лицомъ Бога и этихъ царственныхъ свидѣтелей, что вся жизнь моя будетъ посвящена тебѣ одной...—Яркій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ красавицы при послѣднихъ словахъ Кодадада; она ничего не сказала въ отвѣтъ, а только застѣнчиво протянула ему руку.

Бракъ совершился въ тотъ же вечеръ; его отпраздновали хотя и не съ царскимъ великолѣпіемъ, но ни въ шумномъ весельѣ, ни въ угощеніяхъ недостатка не было. Въ кладовыхъ великана, питавшагося не однимъ человѣческимъ мясомъ, нашлись огромные запасы всевозможныхъ винъ, плодовъ и разной другой провизіи, такъ что царевичи и новобрачные пропировали цѣлую ночь, а на утро, забравъ съ собою остатки яствъ и напитковъ, отправились въ обратный путь. По дорогѣ они часто останавливались, выбирая для отдыха самыя живописныя

мѣстности, наиболѣе привлекавшія ихъ своими удобствами и красотой, и такъ, не встрѣтя никакихъ несчастныхъ случайностей, они прибыли наконецъ въ предѣлы Харранскаго государства.

Здѣсь, на послѣднемъ привалѣ, въ виду радостнаго свиданія съ отцомъ, подъ вліяніемъ какой то особенной теплоты сердечной, Кодададъ сказалъ своимъ братьямъ:—Дорогіе царевичи, не хочу болѣе скрываться отъ васъ, пора мнѣ объявить вамъ свое настоящее имя: не чужестранецъ я, какъ говорилъ до сихъ поръ, не сынъ Каирскаго эмира, а кровный братъ вашъ Кодададъ, рожденный, какъ и вы, отъ Харранскаго царя; мать же моя—одна изъ его законныхъ супругъ, по имени Пирузэ. Простите, что я такъ долго утаивалъ истину. И ты, моя возлюбленная, продолжалъ онъ, обращаясь къ новобрачной, — не гнѣвайся, что я женился на тебѣ подъ чужимъ именемъ и, можетъ быть, заставилъ печалиться неравенствомъ нашего брака. — О, не говори такъ! перебила его царевна,—я всё равно полюбила бы тебя съ перваго раза, какого бы званія ты ни былъ.

Совсѣмъ иное дѣйствіе произвело это открытіе на царевичей. Наружно они также поспѣшили выразить свою радость и даже облобызали брата, но внутри ихъ прежняя ненависть къ нему проснулась съ новой силой. Едва дождавшись первой удобной минуты, они всѣ, словно по взаимному соглашенію, вышли изъ палатки и отправились въ уединенное мѣсто для тайнаго совѣщанія. Тамъ одинъ изъ нихъ началъ такую рѣчь:—Братья, мнѣ нечего говорить вамъ, что ожидаетъ насъ впереди: если прежде мы могли еще надѣяться, что отецъ нашъ, несмотря на свою любовь къ чужеземцу, все таки не рѣшится отдать ему предпочтеніе передъ родными дѣтьми, то теперь этой надежды болѣе не существуетъ. Царь узнаетъ о его происхожденіи, о новыхъ подвигахъ — о побѣдѣ надъ великаномъ, у котораго мы всѣ находились въ плѣну, и тогда, разумѣется, этотъ доблестный, прославленный, всѣми любимый Кодададъ будетъ объявленъ единственнымъ наслѣдникомъ отцовскаго престола, намъ же останется только кланяться ему да униженно ожидать его милостей.

Долго говорилъ онъ въ томъ же родѣ, пока братья, доведенные до самаго крайняго возбужденія, не крикнули въ одинъ голосъ: — Смерть ему, смерть и ничего болѣе!—Затѣмъ, они всѣ вмѣстѣ отправились въ палатку Кодададa, напали на него соннаго, какъ низкіе убійцы, и нанесли ему сотни ударовъ кинжалами, не обращая никакого вниманія на отчаянные вопли молодой супруги.

Совершивъ это гнусное злодѣйство, они поспѣшили сняться съ лагеря и къ утру прибыли въ Харранъ, гдѣ царь отецъ, ничего не подозрѣвая, встрѣтилъ ихъ съ распростертыми объятіями, счастливый и радостный, что видитъ живыми своихъ оплаканныхъ дѣтей. Они же, ра-

зумѣется, ни однимъ словомъ ни обмолвились ни о Кодададѣ, ни о плѣнѣ у великана, а сказали только, что увлеклись путешествіемъ по чужимъ краямъ и хотѣли осмотрѣть все замѣчательное, прежде, чѣмъ возвратиться домой.

А между тѣмъ братъ ихъ лежалъ въ своей палаткѣ, истекая кровью, надъ нимъ же, склонившись, громко рыдала молодая царевна. Порою, въ своемъ безумномъ отчаяніи, она ломала руки, рвала на себѣ волосы и восклицала, задыхаясь отъ слезъ: — О, небо, какъ ты безжалостно, какъ равнодушно смотришь на людскія преступленія!... Злодѣи, изверги, и вы рѣшились поднять руку на родного брата, на своего избавителя!... Да нѣтъ, развѣ это братья, развѣ люди наконецъ?... Это какіе то кровожадные звѣри, даже хуже,—и лютый звѣрь безъ причины не нападаетъ на себѣ подобныхъ... Но, Боже мой! Ужь не во мнѣ ли кроется причина всѣхъ несчастій? Не моя ли проклятая судьба губитъ каждаго, кого сближаетъ со мной?... Вотъ уже второй человѣкъ умираетъ на моихъ глазахъ, какъ только я начинаю къ нему привязываться...

Однакожь Кодададъ не умеръ; слабые вздохи, порой вырывавшіеся изъ его груди, ясно говорили, что жизнь еще теплится въ немъ. Царевна наконецъ замѣтила это, и надежда, словно молнія, вдругъ озарила ея душу; она стремительно выбѣжала изъ палатки и направилась къ какой то деревнѣ, виднѣвшейся вдали. Тамъ ей вскорѣ посчастливилось отыскать мѣстнаго врача, который охотно согласился идти къ больному; но каково же было ея отчаяніе, когда, вернувшись въ палатку, она уже не нашла Кодададa. Смертельный ужасъ исказилъ ея прекрасное

лицо, она дико вскрикнула и навѣрное упала бы на землю, еслибы врачъ не поддержалъ ея вовремя.

Трудно было объяснить это странное исчезновеніе полуживого человѣка; одно только казалось вѣроятнымъ, что какой нибудь дикій звѣрь, привлеченный запахомъ крови, забрался въ палатку и унесъ несчастнаго. Считая всякіе поиски безполезными и движимый чувствомъ состраданія къ безпомощной женщинѣ, врачъ предложилъ ей пріютъ въ своемъ домѣ и тихо повелъ ее обратно въ деревню.

Прошло нѣсколько недѣль, а глубокое горе царевны оставалось все такъ же безутѣшнымъ, какъ и въ первый день убійства Кодадада. Добродушный врачъ употреблялъ всѣ средства, чтобы какъ нибудь хоть немного развлечь ее и успокоить, но ничто не дѣйствовало; наконецъ онъ сказалъ ей однажды:—Я вижу, печаль твоя неизцѣлима, но, говорятъ, нѣтъ такого страданія, которое не облегчилось бы живымъ, сердечнымъ сочувствіемъ. Будь же со мной вполнѣ откровенна, и ты найдешь во мнѣ преданнаго друга, готоваго помочь тебѣ всѣми силами. Ты такъ еще молода, такъ прекрасна, — неужели же для тебя все погибло, не осталось и тѣни надежды на лучшее будущее?

Онъ говорилъ съ такой горячей искренностью, что царевна была тронута его участіемъ и подробно разсказала всю свою жизнь.—Вотъ видишь ли, государыня, замѣтилъ врачъ, выслушавъ до конца ея печальную повѣсть,—ты плачешь и убиваешься объ утратѣ любимаго супруга, а не подумаешь о томъ, что кровь убитаго вопіетъ о мщеніи; вѣдь на тебѣ лежитъ священная обязанность отомстить убійцамъ, не допускать, чтобы такое неслыханное звѣрство оставалось безнаказаннымъ. По моему мнѣнію, ты должна немедленно отправиться въ Харранъ и объявить царю о чудовищномъ преступленіи его сыновей.

Царевна не могла не согласиться съ такими доводами и только удивлялась, какъ ей самой до тѣхъ поръ не приходило этого на мысль. Она отвѣтила своему покровителю, что готова хоть сейчасъ послѣдовать его совѣту, если онъ не откажется сопровождать ее. Врачъ въ тотъ же день приготовилъ двухъ верблюдовъ и отправился вмѣстѣ съ царевной послѣ солнечнаго заката, а на разсвѣтѣ они уже достигли одного изъ предмѣстій Харрана, гдѣ и остановились въ каравансараѣ, не въѣзжая въ самый городъ. Такую предосторожность имъ внушило опасеніе, что царевичи могутъ провѣдать о прибытіи своей невѣстки и тогда не только не допустятъ къ царю, но и не задумаются пожалуй совсѣмъ отъ нея отдѣлаться.

На этомъ основаніи, врачъ совѣтовалъ царевнѣ никуда не выходить и никому не показываться, пока не представится возможность безопасно провести ее во дворецъ. Прежде всего онъ сталъ распрашивать содержателя каравансарая, какъ живутъ при дворѣ, и все ли

тамъ благополучно.—О, нѣтъ, далеко не все, отвѣчалъ хозяинъ:—царь недавно лишился своего любимаго сына Кодададa; онъ пропалъ безъ вѣсти, и теперь весь дворъ въ глубокомъ траурѣ. Хотя у нашего государя осталось еще сорокъ девять сыновей, но это все слабые и ограниченные люди, которымъ опасно передать престолъ; тогда какъ тотъ, что погибъ, уже успѣлъ ознаменовать себя блестящими подвигами и заслужилъ всеобщую любовь народа. Я говорю—погибъ, потому что послѣ тѣхъ поисковъ, какіе предпринимала царица Пирузэ, его мать, нельзя и подумать ничего другого.

Изъ этого разговора врачъ вывелъ заключеніе, что для царевны лучше всего обратиться къ Пирузэ, но главное затрудненіе состояло въ томъ, какъ проникнуть во дворецъ. Доступъ туда вообще былъ не легокъ, а въ данномъ случаѣ даже не безопасенъ; и вотъ, послѣ долгихъ размышленій, надумавъ сначала развѣдать пути, врачъ съ этой цѣлью одинъ направился къ дворцу и сталъ бродить поблизости, какъ бы любуясь царскимъ жилищемъ.

Вдругъ изъ главныхъ воротъ показалась торжественная процессія: впереди, на богато-убранномъ мулѣ, ѣхала величавая, стройная женщина, закрытая златотканной чадрой, а за нею слѣдовали почетная стража на арабскихъ коняхъ и пѣшая толпа черныхъ невольниковъ. Народъ при ея появленіи становился рядами по обѣ стороны улицы и кланялся до земли. Преклонился также и врачъ, потомъ спросилъ у стоявшаго съ нимъ рядомъ календера:—Кто это?—Какъ, развѣ не знаешь? отвѣтилъ календеръ:—это Пирузэ, любимая супруга харранскаго царя и мать доблестнаго Кодададa, къ несчастію погибшаго...

Но врачъ уже не слушалъ далѣе; онъ поспѣшно послѣдовалъ за царицей въ главную городскую мечеть, гдѣ она каждое утро, въ опредѣленный часъ, раздавала щедрую милостыню и затѣмъ присутствовала на особомъ молебствіи о здравіи и благополучномъ возвращеніи Кодададa, ежедневно совершаемомъ по повелѣнію царя. Въ это время обширная мечеть всегда переполнялась народомъ, и теперь, когда врачъ вошелъ въ нее, ему стоило не малаго труда протѣсниться до свиты, окружавшей царицу Пирузэ. По окончаніи молитвы, онъ остановилъ одного изъ невольниковъ, уже направлявшагося къ выходу, и шепнулъ ему на ухо:—Сдѣлай милость, доложи обо мнѣ царицѣ; я имѣю передать ей очень важную тайну.—Напрасно было бы тревожить государыню, отвѣтилъ невольникъ,—она ни въ чемъ не принимаетъ участія и никого не допускаетъ къ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ потеряла своего единственнаго сына. Вотъ еслибы ты принесъ какое нибудь извѣстіе о о Кодададѣ, тогда другое дѣло...—Именно о немъ то я и хочу сообщить ей, перебилъ врачъ.—Ну, въ такомъ случаѣ иди смѣло, ты будешь принятъ навѣрное, проговорилъ слуга и тутъ же доложилъ цари-

цѣ, что какой то неизвѣстный человѣкъ желаетъ говорить съ нею о царевичѣ Кодададѣ.

Лишь только произнесъ онъ эти магическія слова, какъ царица взволновалась и торопливо отдала приказаніе тотчасъ же доставить вѣстника во дворецъ и провести въ ея отдѣльные покои. Тамъ она удалила всю свою обычную свиту, оставивъ только двухъ довѣренныхъ женщинъ, и, обращаясь къ ожидавшему ея врачу, быстро промолвила:— Ну, говори, ради Бога говори скорѣе, что ты знаешь о моемъ возлюбленномъ сынѣ?—Къ сожалѣнію, государыня, я знаю о немъ слишкомъ много; призови же на помощь все свое мужество и выслушай меня.— Затѣмъ онъ началъ съ послѣднихъ приключеній Кодададa, подробно разсказалъ о побѣдѣ надъ великаномъ, объ освобожденіи плѣнниковъ, и царица, слушая его съ напряженнымъ вниманіемъ, то трепетала, то радовалась; но когда врачъ дошелъ въ своемъ разсказѣ до вѣроломнаго убійства царевича его братьями, Пирузэ неистово вскрикнула и замертво упала на софу, словно кинжалы, поразившіе сына, пронзили сердце и матери. Женщины и врачъ въ испугѣ бросились къ ней на помощь, но только послѣ долгихъ усилій могли привести ее въ чувство. Наконецъ, открывъ глаза, она, все еще блѣдная и слабая, попросила врача продолжать свой разсказъ, а когда онъ кончилъ, долго сдерживаемыя слезы обильно заструились по ея щекамъ.

— О, мой дорогой, ненаглядный сынъ! воскликнула она,—неужели ты отнятъ у меня безвозвратно!... Зачѣмъ я отпустила тебя, зачѣмъ не умолила не покидать гостепріимнаго крова?... Не пришлось бы мнѣ тогда оплакивать твою юную жизнь такими горькими слезами... Правда, ты жаждалъ подвиговъ, славы, любви народной... и нашелъ все это, но вмѣстѣ нашелъ и лютую смерть... О, я несчастная! Не дала мнѣ судьба и послѣдняго утѣшенія—самой на вѣки закрыть твои свѣтлыя очи!...

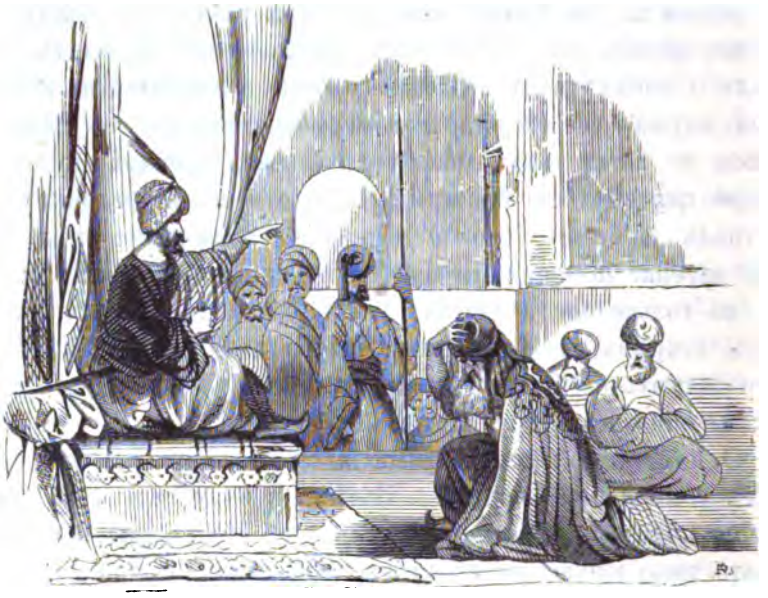
И слова эти вырывались изъ ея груди такими отчаянными воплями, что обѣ женщины, бывшія при ней, плакали навзрыдъ.

Въ эту минуту вошелъ царь и тревожно освѣдомился у своей супруги: что случилось? Ужь не получено ли какое нибудь печальное извѣстіе о Кодададѣ? — Да, государь, сквозь слезы отвѣтила Пирузэ, нашего возлюбленнаго сына болѣе нѣтъ на свѣтѣ. Онъ погибъ... и, что всего прискорбнѣе, погибъ не на бранномъ полѣ, не въ честномъ бою, а отъ руки вѣроломныхъ убійцъ, своихъ родныхъ братьевъ.

И въ немногихъ словахъ, прерываемыхъ рыданіями, она повторила разсказъ врача.

Въ первую минуту царь былъ ошеломленъ этимъ нежданнымъ ударомъ, потомъ неукротимый гнѣвъ закинѣлъ въ его душѣ. Онъ угрюмо вышелъ изъ покоя царицы, проговоривъ какимъ то глухимъ, зловѣщимъ голосомъ:—Я отомщу убійцамъ... отомщу жестоко!... — и прямо напра-

вился въ пріемный залъ, гдѣ всѣ придворные сановники были уже въ полномъ сборѣ. Съ дрожащими губами, съ гнѣвнымъ, сверкающимъ взглядомъ, царь молча взошелъ на тронъ; всѣ присутствовавшіе невольно содрогнулись при видѣ своего повелителя, и каждый со страхомъ подумалъ, ужь не на меня ли собирается гроза. Между тѣмъ царь движеніемъ руки подозвалъ къ себѣ великаго визиря и отрывисто молвилъ ему:—Возьми тысячу человѣкъ изъ моей стражи, захвати всѣхъ царевичей—моихъ дѣтей и заключи ихъ въ ту башню, гдѣ содержатся убійцы. Иди.



Въ залѣ стояла мертвая тишина; всѣ были поражены этимъ страннымъ приговоромъ, однако никто не проронилъ ни единаго слова. Великій визирь, возложивъ себѣ на голову обѣ руки, въ знакъ того, что онъ покорно готовъ исполнить волю повелителя, поспѣшно вышелъ изъ пріемной, а царь тутъ же объявилъ собранію, что въ теченіе мѣсяца онъ не будетъ ни заниматься дѣлами государства, ни принимать какихъ бы то ни было просьбъ.

Сказавъ это, онъ всталъ и направился къ выходу, но не успѣлъ еще дойти до дверей, какъ великій визирь, вернувшись, доложилъ ему, что приказаніе исполнено въ точности.—Хорошо, отвѣтилъ царь,—но ты еще понадобишься мнѣ, слѣдуй за мною, и при этомъ онъ возвратился въ покой царицы Пирузэ. Тамъ, сообщивъ ей объ арестѣ царевичей и о томъ, что убійцы скоро понесутъ должное наказаніе, онъ добавилъ:—Однако, необходимо объявить о насильственной смерти царевича, иначе народъ пожалуй заподозритъ меня въ безпричинной жестокости... Да еще вотъ что: хотя трупъ Кодадада не найденъ, но мы должны отдать ему по-

добающія почести. Приготовь же все необходимое для торжественнаго погребенія, продолжалъ онъ, уже обращаясь къ великому визирю,— а прежде съѣзди въ каравансарай за Дэріабарской царевной и привези ее во дворецъ со всѣмъ почетомъ, какого достойна наша возлюбленная невѣстка.

Какъ всегда, покорный и вѣрный, великій визирь исполнилъ и это порученіе съ неуклонной точностью. Онъ отправился въ каравансарай во главѣ многочисленной, блестящей свиты и, преклонившись ницъ передъ царевной, доложилъ ей о желаніи государя видѣть ее во дворцѣ. Радостно выразила она свое согласіе, поспѣшно снарядилась и, сѣвъ на приведеннаго ей визиремъ бѣлаго мула въ роскошной сбруѣ, украшенной золотомъ и драгоцѣнными каменьями, выѣхала на улицу. Тамъ уже собралась громадная толпа народа, привлеченная слухомъ, что во дворецъ прослѣдуетъ супруга царевича Кодадада, и привѣтствовала ее восторженными кликами. Но еслибы всей этой многолюдной толпѣ было извѣстно, что ея любимца нѣтъ на свѣтѣ, что онъ убитъ своими вѣроломными братьями, тогда единодушные радостные возгласы навѣрное превратились бы въ плачъ и стенанія.

Когда процессія вступила во дворцовыя ворота, царь вышелъ на встрѣчу своей невѣсткѣ, самъ снялъ ее съ мула и, взявъ за руку, провелъ въ покои Пирузэ. Трогательно было первое свиданіе этихъ двухъ женщинъ еще чуждыхъ другъ другу, но уже крѣпко соединенныхъ одной и той же скорбью, однимъ и тѣмъ же несчастіемъ. Онѣ молча обнялись и зарыдали; даже царь на минуту измѣнилъ своему обычному мужеству и, отвернувшись, тихо плакалъ.

Наконецъ Дэріабарская церевна, преодолѣвъ себя, заговорила первая и, увлекаясь мало помалу горестными воспоминаніями, со всѣми подробностями разсказала о жестокомъ убійствѣ, совершенномъ царевичами. Слушая этотъ разсказъ, царь безпрестанно прерывалъ его гнѣвными возгласами и, весь дрожа отъ негодованія, еще разъ поклялся отомстить убійцамъ безъ милосердія и пощады.

Между тѣмъ великій визирь дѣятельно распоряжался приготовленіями къ погребальному торжеству; его стараніями, среди цвѣтущей долины, въ нѣсколько дней словно по волшебству возникла великолѣпная усыпальница изъ бѣлаго мрамора, съ такой же гробницей внутри и художественнымъ изваяніемъ царевича Кодадада. Когда зданіе было готово, царь повелѣлъ совершить заупокойное молебствіе и на другой же день приступить къ обряду погребенія.

Народъ, оповѣщенный заранѣе, еще до разсвѣта густыми толпами покрылъ всю равнину, съ нетерпѣніемъ ожидая печальнаго зрѣлища. Наконецъ появился царь въ сопровожденіи великаго визиря и первѣйшихъ сановниковъ двора; онъ прослѣдовалъ прямо въ усыпальницу и

сталъ передъ гробницей на бѣломъ атласномъ коврѣ съ золотою вышивкой, а позади размѣстилась полукругомъ его блестящая свита. Затѣмъ начались обряды.

Сперва выступилъ стройный отрядъ молодыхъ воиновъ, въ полномъ вооруженіи, на арабскихъ вороныхъ коняхъ; всѣ облеченные въ трауръ. съ саблями на голо̀, съ поникшими головами, они въ глубокомъ молчаніи два раза объѣхали вокругъ усыпальницы, а при третьемъ остановились у входа и каждый поочередно произнесъ такую рѣчь:

„О, царевичъ! Еслибы наша отвага и остріе нашихъ мечей могли возвратить тебя къ жизни, ты былъ бы между нами, но Царь царей судилъ иначе, и ангелъ смерти исполнилъ его волю.“

Произнеся это, юные всадники удалились, а на смѣну имъ тихо и торжественно приблизилась сотня старцевъ съ длинными сѣдыми бородами и строгимъ, сумрачнымъ выраженіемъ лицъ. То были отшельники, подвизавшіеся въ горахъ, вдали отъ людской суеты, и присутствіе ихъ въ городѣ считалось событіемъ, такъ какъ обыкновенно они появлялись только въ исключительныхъ случаяхъ,—при погребеніи царей или другихъ членовъ монаршей семьи. Каждый изъ этихъ старцевъ держалъ на головѣ священную книгу, и точно также—среди мертвой тишины—обойдя три раза вокругъ усыпальницы, они остановились у входа. Тогда одинъ изъ нихъ, поднявъ руку, произнесъ громкимъ, торжественнымъ голосомъ:

„Царевичъ! Еслибы сила молитвы могла воскресить тебя изъ мертвыхъ, мы надорвали бы грудь, взывая къ Предвѣчному, истерли бы о землю свои сѣдыя бороды въ непрерывныхъ поклонахъ, но человѣкъ безсиленъ передъ велѣніемъ Творца“.

По удаленіи старцевъ, приблизились на бѣлыхъ мулахъ пятьдесятъ юныхъ дѣвъ; прекрасныя лица ихъ были открыты, а на головахъ онѣ держали золотыя корзины съ драгоцѣнными каменьями. Точно также объѣхавъ три раза вокругъ усыпальницы, онѣ стали въ рядъ передъ входомъ, и одна изъ нихъ произнесла:

„О, царевичъ, когда то прекрасный, какъ Божій день! Еслибы могли воскресить тебя къ жизни наша юность и красота, мы повергли бы ихъ къ твоимъ стопамъ съ готовностью рабынь. Но не нужны тебѣ наши чары, и ничто уже, ничто на свѣтѣ не пробудитъ тебя отъ вѣчнаго сна!“

Когда дѣвы удалились, колѣнопреклоненный царь поднялся и, сопровождаемый своею свитой, три раза обошелъ вокругъ изображенія Кодадада; крупныя слезы струились у него изъ глазъ, онъ тяжко вздыхалъ и, снова повергшись ницъ передъ гробницей, съ глубокой скорбью произнесъ:—О, сынъ мой возлюбленный, гдѣ ты теперь и видишь ли своего удрученнаго отца?... Все кончено, совершилась непостижимая тайна судебъ!... Прости навѣки...

Тутъ горькое рыданіе прервало его рѣчь; онъ съ трудомъ всталъ на ноги и вышелъ изъ усыпальницы, приказавъ запереть ее наглухо. Церемонія окончилась, и зрители въ глубокомъ молчаніи стали расходиться по домамъ. Послѣ того во всѣхъ городскихъ мечетяхъ и по всему государству въ теченіе восьми дней были совершаемы заупокойныя молебствія, а на девятый—царь повелѣлъ привести въ исполненіе смертный приговоръ надъ царевичами.

Уже все было готово къ ужасной казни; на дворцовой площади воздвиглись зловѣщія висѣлицы, и народъ, возмущенный звѣрскимъ убійствомъ, нетерпѣливо ожидалъ возмездія, какъ вдругъ одно непредвидѣнное событіе измѣнило общее настроеніе и отдалило роковую развязку. Съ границы прискакалъ гонецъ съ тревожной вѣстью, что сосѣдніе государи, давно враждовавшіе съ Харранскимъ царемъ, теперь снова соединились и подступаютъ къ столицѣ во главѣ многочисленной рати. Можно представить себѣ, какой страшный переполохъ произвело это во всемъ городѣ; никто уже не помышлялъ о казни царевичей, но за то всѣ съ удвоеннымъ сожалѣніемъ вспоминали о Кодададѣ, въ которомъ страна лишилась своего непобѣдимаго защитника, своей главной опоры.

Къ счастію, въ эту трудную минуту Харранскій царь оказался на высотѣ своего призванія. Среди общаго смятенія и страха онъ не утратилъ врожденнаго мужества,—съ спокойной твердостью отдалъ прика-

заніе собрать свои полки и, не дожидаясь вторженія врага, самъ выступилъ ему навстрѣчу.

Враждебныя арміи встрѣтились на равнинѣ, гдѣ союзники, предувѣдомленные о движеніи противника, поджидали его въ укрѣпленномъ лагерѣ. Харранскій царь подалъ сигналъ къ нападенію, войска его дружно ринулись на враговъ, и битва загорѣлась съ невыразимымъ ожесточеніемъ. Обѣ стороны дрались съ какой то отчаянной храбростью, ни на шагъ не уступая другъ другу, и долго, почти до самаго вечера, невозможно было опредѣлить, за кѣмъ останется побѣда; только подконецъ харранская армія, подавляемая численностью, замѣтно стала ослабѣвать, и уже для всѣхъ уяснилось, что ей не выдержать неравнаго боя, какъ вдругъ, среди облака пыли, вдали показался многочисленный конный отрядъ, во весь опоръ скакавшій по направленію къ полю сраженія. Ни та, ни другая сторона не знали еще навѣрное, за кого онъ станетъ, и потому равно смутились его неожиданнымъ появленіемъ; однакожь недоумѣніе вскорѣ разсѣялось: сдѣлавъ полукругъ, отрядъ заѣхалъ въ тылъ союзной арміи, и словно вихрь понесся по ея рядамъ. Не прошло и часа, какъ она вся—разстроенная, сбитая, охваченная страхомъ—побросала оружіе и обратилась въ безпорядочное бѣгство.

Царь, во все время съ тревожнымъ вниманіемъ слѣдившій за хо-

домъ битвы, былъ изумленъ этимъ дружнымъ, блестящимъ натискомъ неустрашимыхъ всадниковъ; особенно же его восхищали необычайная

ловкость и отвага ихъ молодого вождя, который, какъ ангелъ-истребитель, носился по полю, являясь всюду, гдѣ угрожала опасность.

По окончаніи битвы, царь пожелалъ лично выразить благодарность своему нежданному избавителю,—единственному виновнику одержанной побѣды. Но каковы же были его радость и изумленіе, когда онъ узналъ въ приближавшемся къ нему юномъ вождѣ своего возлюбленнаго Кодадада.—Сынъ мой! воскликнулъ онъ, не помня себя отъ восторга,—вѣрить ли мнѣ своимъ глазамъ? Тебя ли я вижу?...

— Да, государь отецъ, это я, отвѣтилъ Кодададъ, бросаясь въ его объятія,—судьба сохранила мнѣ жизнь, чтобы я могъ еще разъ послужить твоему величеству.—Но какое же чудо спасло тебя отъ смерти? продолжалъ царь:—вѣдь мнѣ все извѣстно, я знаю, какимъ чернымъ злодѣяніемъ отплатили тебѣ твои вѣроломные братья.—Ты изумляешь меня, государь, промолвилъ Кодададъ вмѣсто отвѣта,—кто же изъ царевичей открылъ эту ужасную тайну? Или, можетъ быть, они всѣ, движимые раскаяніемъ, чистосердечно повинились передъ тобою?—О, нѣтъ, сынъ мой, къ несчастію, ни у одного изъ нихъ не оказалось настолько мужества и совѣсти, чтобы сознаться въ своемъ преступленіи; я узналъ обо всемъ отъ Дэріабарской царевны, которая находится у меня во дворцѣ. Но поспѣшимъ же къ ней и къ твоей матери, обрадуемъ ихъ скорѣе,—пусть онѣ осушатъ наконецъ свои слезы.

Отецъ и сынъ вступили въ городъ во главѣ побѣдоносной арміи, при восторженныхъ кликахъ народа, сопровождавшихъ ихъ до самаго дворца. Затѣмъ послѣдовала невыразимо трогательная встрѣча Кодададa съ матерью и супругой; радостнымъ восклицаніямъ, объятіямъ, поцѣлуямъ не предвидѣлось конца, и много прошло времени прежде, чѣмъ всѣ успокоились, и царевичъ могъ разсказать о своемъ счастливомъ избавленіи отъ смерти. Дѣло было такъ: когда Дэріабарская царевна отправилась въ деревню за помощью, какой то крестьянинъ, проѣзжавшій мимо палатки, остановился, увидавъ умирающаго; онъ сжалился надъ безпомощнымъ страдальцемъ, бережно помѣстилъ его къ себѣ на осла и привезъ въ свой домъ. Посредствомъ бальзама изъ цѣлебныхъ травъ да заботливаго ухода ему быстро удалось залѣчить всѣ раны царевича и настолько возстановить его силы, что недѣли черезъ двѣ онъ былъ уже въ состояніи возвратиться въ Харранъ. Но такъ какъ слухи о непріятельскомъ нашествіи дошли до него еще при самомъ началѣ пути, то прежде, чѣмъ продолжать его, онъ поспѣшно объѣхалъ всѣ окрестныя селенія и всюду кликнулъ кличъ, объявивъ при этомъ свое настоящее имя.

— И вотъ, какъ видишь, государь, добавилъ Кодададъ въ заключеніе своего разсказа, — охотниковъ послужить твоему величеству нашлось не мало; я обучилъ ихъ, насколько могъ, и, къ счастію, подоспѣлъ съ ними во время.

— Во всемъ этомъ я вижу особый промыслъ Божій, сохранившій тебя на радость и пользу нашего дорогаго отечества, сказалъ царь.— Отнынѣ же ты будешь признанъ всенародно единственнымъ наслѣдникомъ престола, а недостойные братоубійцы погибнутъ отъ руки палача.

— О, государь и отецъ мой! взмолился Кодададъ,—не бери на душу такого тяжкаго грѣха, не проливай своей собственной крови. Пусть живутъ царевичи, вѣдь они все же дѣти твои и мои родные братья. Съ своей стороны я не питаю къ нимъ ни малѣйшей вражды и прощаю отъ чистаго сердца.

Глубоко тронутый такимъ великодушіемъ, царь еще горячѣе обнялъ сына и въ тотъ же день провозгласилъ его наслѣдникомъ престола. Весь народъ отъ мала до велика, отъ перваго сановника до послѣдняго бѣдняка, радостно привѣтствовалъ своего любимца; а когда привели царевичей и Кодададъ самъ своими руками освободилъ ихъ отъ оковъ, восторженнымъ кликамъ народа уже не было конца. Каждый видѣлъ въ этомъ поступкѣ проявленіе того кроткаго милосердія, которое сулило будущему монарху несравненно большую славу, чѣмъ всѣ его блестящіе военные подвиги.

Такъ закончила Шехеразада и умолкла, ожидая обычнаго одобренія.—Хороша и эта сказка, замѣтилъ индійскій султанъ,—но все же не сравнится съ тѣми, въ которыхъ являлся Гарунъ-аль-Рашидъ; я особенно люблю слушать о дѣяніяхъ этого славнаго монарха; только въ предыдущей повѣсти о Ганэмѣ и Фатнабѣ было слишкомъ много печальнаго. Не можешь ли, для разнообразія, разсказать что нибудь повеселѣе?— Могу государь, и если будетъ угодно твоему величеству продлить мою жизнь, я разскажу объ одномъ забавномъ событіи изъ временъ того же царствованія, — о томъ, какъ одинъ простой багдадскій гражданинъ возмнилъ себя калифомъ.

Но въ это время начинало уже свѣтать, и новая сказка была отложена до слѣдующей ночи.

Stanford University Libraries
3 6105 002 233 976

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

Литературная
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. КЛОЧКОВА